

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVIJA JEZIČNIH I KNJIŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2010

IX.
NEMZETKÖZI
SZLAVISZTIKAI NAPOK

STUDIA
SLAVICA 1-2
SAVARIENSIA

Poštovani svečani auditoriju, dragi prijatelji!

Pozdravljam Vas u ime Sveučilišnog središta Savaria čiji Institut za slavensku filologiju danas deveti put organizira Međunarodne slavističke dane.

Veliko mi je zadovoljstvo što sam bio u mogućnosti organizirati prethodnih osam konferencija na kojima sam sudjelovao i kao izlagač. Inicijativa je pokrenuta 1980. godine kada je organiziran i prvi skup. S veseljem Vam mogu reći da je do sada na skupovima sudjelovalo više od tisuću slavista. Najviše ih je bilo na V. Međunarodnim slavističkim danima kada se u rad uključilo 258 slavista iz dvanaest država, što je brojka dostatna za organizaciju jednoga kongresa.

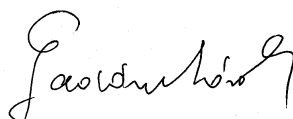
Posebno mi je zadovoljstvo što je nakon svakog skupa uslijedilo i objavljivanje radova u posebnim zbornicima. Tijekom godina sklopili smo velik broj stručnih poznanstava koja su prerasla u prijateljstva, a njeguju se do današnjega dana.

Svojim sudjelovanjem program Slavističkih dana izlaganjima redovito obogaćuje akademik prof. dr. István Nyomárkay kojega pozdravljam u ime svih nas, te mu ovom prilikom čestitam na primitku povelje i medalje s likom Vatroslava Jagića. Ovo visoko hrvatsko priznanje inozemnim slavistima dodijeljeno mu je na nedavno održanom V. slavističkom kongresu u Rijeci. Svojim prisustvom našu konferenciju uveličala je i dr. Zinka Zorko, akademkinja iz Maribora koja je na svih dosadašnjih devet konferencija sudjelovala i u ulozi organizatora.

Zahvaljujem se organizatorima na zahtjevnim pripremnim radovima, posebno dr. Mariji Jankovics, ravnateljici Instituta i prof. dr. Viktoru Moisejenku koji su doprinijeli skladnom odvijanju ove konferencije.

Kao domaćin ne mogu poželjeti ništa drugo već da i ova konferencija bude plodnosna u razmjeni znanstvenih spoznaja i uspostavljanju novih znanstvenih i prijateljskih kontakata.

Osjećajte se i provedite ugodno u Sambotelu na Institutu slavenske filologije Filozofskoga fakulteta Sveučilišnog središta Savaria.

prof. dr. Károly Gadányi
rektor-predsjednik Sveučilišnog središta Savaria

NASTAJANJE PREKMURSKEGA STROKOVNEGA JEZIKA

Abstract: This paper analyses the formation and development of the different professional terminologies in the Mura area, whose beginnings can be traced back to the 17. century, to one of the oldest contracts written in the Mura area dialect of the Slovene language. The Hungarian vineyard statutes, which were translated into Slovene and used in this area as well, played an important role in the development of the legal terminology. The other main focus of this paper is the linguistic terminology developed by Jožef Košič, and updated by Imre Agustič and Janoš Kardoš. Kardoš was also a very productive translator of the Hungarian literary works and textbooks. His terminological solutions show a strong Hungarian influence, and he has developed many professional terms relating to education and visual education.

Keywords: literary language of the Mura area, professional terminology, legal terminology, linguistic terminology, education terminology, vineyard statutes

Prekmursko narečje se je v 18. stoletju na temeljih bogatega ustnega izročila in obrednega jezika razvilo v knjižni jezik, in sicer najprej s slovstveno dejavnostjo protestantov, kasneje tudi katoličanov (OROŽEN 1996: 87). Največji dosežek v prekmurskem knjižnem jeziku je bil Küzmičev prevod Novega zakona, visoko stopnjo kultiviranega knjižnega jezika pa je dosegel v delih katolikov konec 18. in na začetku 19. stoletja (JESENŠEK 2005: 32). Do sredine 19. stoletja se je zvrstno polno razvil (OROŽEN 1996: 369), dokazal se je v vseh funkcijskih zvrsteh prekmurskega knjižnega jezika, v publicistiki, leposlovju in tudi v strokovnem jeziku.

1 Oblikovanje pravnega jezika

Prekmurski slovenski jezik se je zgodaj uveljavil tudi kot strokovni jezik. O tem pričajo ohranjene pogodbe, zapisi, artikuluši iz 17. in 18. stoletja. Vaške skupnosti pa so vse do prvih pisanih dokumentov delovale po običajnem pravu, ki pa se ni zapisovalo. Najstarejše besedilo zapisano v prekmurskem jeziku je *Martjanska pogodba* iz leta 1643, s katero se je končala pravda med protestantskimi ključarji v Martjancih in sinovi umrlega Jurka Ferenczeka. (FORRÁSOK 2008: 140 - 141). Kopijo pogodbe je v Martjancih našel Anton Trstenjak, ki so jo obravnavali številni razsikovalci prekmurskega slovstva in jezika, med njimi Vilko Novak, Štefan Barbarič, Mirko Rupel, Franc Zadravec (ŠKAFAR 1972: 39–49). V njej najdemo osnovno pravno terminologijo, ki je bila potrebna za sestavo pogodbe med sprtimi stranmi.

„A mi Czehmestri szteliszmo te vinograd drügomi dati, kibi od nyega vekse gorno dával. Gda bibilo zaszlissal Férenczek Miklos, pride knám zleipimi lüdmí, ter sze zache molíti, naibi te Czirkveni ürok ne jemali procs od nyega, arbi on gotov bil od toga Vinograda gorno Pobolsati, a mi Czéhlestri steri Vedra gornoga Pochessno od nyega prosziti, á te Ferenczek Miklos szvoje dobre vole obecha vszako leto tri vedra goren, pred szvetoga Martina dném ziednim tiednom Martyanszkomu Pradicatoru Pripelati, natoszmo engedüvali te Vinograd tomu Ferénczek Miklosu, kopati, gnojiti, grobati, poveksavati, ino vszega zaszaditi, vsivati vsze d oteh dob doklam bode hotel Martyanszki Pradicator szam te Vinograd kopati. I te Ferenczek Miklos szeje nám vszem Czehmestrom i vszoi Pochtene Gmaine i Pradicatoru z Vörom i zpriszegeom obechal i zalosil da gda godi bode hotell Martyanszki Pradicator te Czirkveni Vinograd delati, daga hoche z dobre Vole szvoimi Bratmi, prez vszake pravde, prez vszake czeringe i Pláche nazaj vroke dati, engeduvati, zevszim Czimprom kaje gode na Czirkvenoj zemli poczimpral, arszmo mi nyemu Prez Penez te Vinograd dáli, tak i on hoche nam Prez penez nazai dati, gda godi bode potrebno ali Czéhlestrom ali Pradicatoru. Biliszto vtom zpravischí nassi leipi Szoszidje i pochteni Gmainarje, z Martyanecz Lachen Miklos, [...] i osztali gmainarje z nassim Düsanim Paszterom Domianyi Mihály Pradicatorom navkupe. To Szpravlanje szmo med szobom z aldomasmi polgi obichanya poterdili, ino znassim podpiszkom i zpechati zapechatili.”

Pravno izrazje v prekmurskem jeziku najdemo tudi v odgovorih podložnikov Dolincev na devet postavljenih vprašanj iz leta 1767, ki so jih podložnikom postavili županijski uradiki pred pripravo enotnega urbarija, ki ga je leta 1766 odredila Marija Terezija. Arhiv Železne županije hrani odgovore na vseh devet vprašanj za 105 slovenskih vasi iz petih slovenskih gospostev. V desetih vaseh, med njimi tudi v Dolincih, so vprašanja in odgovore zapisovali v slovenskem jeziku (FORRÁSOK 2008: 259-260).

„Na Sészto: Goszpocsinu za pokoinoga Groffa po kei dób biliszmo Árendástye szlüsili szmo etakso: Ub pervim Czeila Süpa vu kojoi jeszmo mi Sálóvczi i Domaföldcsanye, davala je vszako Leto 144 plügov. Z telkimi sivincsetmi, keliko ih je steri premogo. Ub drügim szaksi Kmet eden po ednom vszakse Leto davaje ednoga Snyeczsa vu vélikoi sétvi na czeili keden. Ub Trétyim czeila Süpa vszakse Leto 25. Koszczév davalaje. Ub Stertim eden falat Goricz pri Gradi zvün brátve vsze kaje bilo potrebno vu nyih delala, i ktomi ober vsze goszpocsine dvá Goszpocska Mlina vu Sálóvczi czeila Süpa oprávlala je; Poutpa na Goszpocsino vu goszpocsino nei szenam je racsunala, po szmerti pa pokoinoga Groffa zvün Contractusa vsze ednako na vszako potrebno delo gonili szo nasz”.

Najobsežnejši in najdragocenejši pravni spomenik pa so rokopisne gorske bukve *Sztanyovszkoga verha Artikulus* iz leta 1795. Na prekmursko priredbo gorskih bukev je opozoril Josip Gruden (GRUDEN 1916: 63), ki jo je našel v *Kalendarju Najszvetejšega Szrca Jezusovega* iz leta 1912. Ugotovil je, da je bil artikuluš sestavljen za Nedeljski vrh, nastal pa naj bi v 18. stoletju. Metod Dolenc pa je nastanek artikuluša v svojem delu o gorskem pravu postavil v obdobje med 1807 in 1811, do tega sklepa je prišel na podlagi navedb kazenskih sankcij. (DOLENC 1940: 44). Znaná madžarska etnologinja in raziskovalka gorskega prava pa je ugotovila, da „gorski zakon Nedeljskega vrha ni do skrajnosti uničena različica štajerskih gorskih zakonov, ampak polnovredni člen skupine besedil druge regije (konkretno sosednje zahodne Madžarske).“ (ÉGETŐ 1991: 105). *Sztanyovszkoga verha Artikulus* ob artikuluših v madžarskem jeziku hrani arhiv Železne županije. Če primerjamo artikuluše v madžarskem in slovenskem jeziku ugotovimo, da je *Sztanyovszkoga verha Artikulus* prevod madžarskega besedila, ki se v vsebini z njim v celoti ujema, in sodi v skupine besedil, ki so nastala v zahodni Madžarski. Artikuluš ima na koncu letnico 1795, kar pomeni, da je Gruden pravilno ugotovil čas nastanka. Zanimivost dveh artikulošov v madžarskem jeziku *Musznyai szőlő Hegységbéli artikulusok 1816* (Gorske bukve Moščancev) in *Dollinai szőlő Hegységbéli artikulusok 1808* (Gorske bukve Doline pri Lendavi/Völgyifalu) je, da imata na koncu prisego v prekmurski slovenščini.

„4. Csi bi szto kaj vkradno vészi, ino bi tiszto blágo pri Goriczaj meo vklejti, ino sze more pravicsno poszvedocsiti táksi. Goricze zgibi, stere Goricze se morejo odati pouleg vreidnoszti, i one czejne tri tále sze dosztája Zemelszkoga Goszpouda, sterti tao Esküttom osztáne, tiszto vkrádnjeno blágo sze more nazáj dati onomi steroga je bilou, csi bi káksi Decsko vcsino tou, i gazda more zadoszta poszvedocsiti kaje zvün nyegovoga znánja, táksi sze more zSibov ali Szkorbátsom kastigati.

5. Csi sze sto szvádi ali na biteye ide vu vréhi, steri je kriv placsa kastige. 4 fr.

6. Csi sto száblo vön potégne, ali Pükso mrsi proti Hegymesteri Rithari ali prouti Esküttom vu vréhi more sze prijéti ino kHegymestra hisi pelati placsa kastige 6 fr. Ino csi bi sto zdrüga zsenov vklejti pio vnotsi ali vujdné, dveri bi doli záproino bi tam praznúvo snyov. Csi o'zsenyeni plácsa 12 fr. Csi je Junáti 6 fr. Stere placsa sze tri tále dosztája Zemelszkoga Goszpouda, strti tao pa Hegységá.

7. Csi szto Mehov dale potiszne ali oszkoupi placsa 4 fr.“

Na podlagi analize zgoraj navedenih strokovnih besedil je mogoče ugotoviti skupne značilnosti in tudi razlike. Med besedili najbolj izstopa prav *Sztanyovszkoga verha Artikulus*, kot bo to razvidno iz spodaj navedenih primerov.

Vsa besedila so pisana z madžarskim črkopisom in sicer: sz – s, cz – c, ss, s – š, s – ž, ch – č, ty – tj, ny – nj, ö, ü, v pogodbi in odgovorih je zapisan le diftong *ei*, v artikulušu *ej* in *ou*, v prisegi pa *ou*.

Največ prevezetega besedja je v artikulušu, kar je seveda razumljivo, saj gre za zahtevno pravno besedilo in prevod madžarskega artikuluša. V pogodbi in odgovorih najdemo stare prevzeme iz madžarskega jezika: *haszen, orszagh, ürok, engedüvati, aldomas, gazda, árendás, falat*; iz nemščine: *gmainer, czeringa, richtar, czim-per, poczimprati, fertal*; latinščine: *ano domini, pradicator, contractus*.

Strokovno izrazje v pogodbi in odgovorih:

- prekmursko slovensko: *vinograd, pravda, pernya, gorna, gorno davati, zrok pusztiti, pochtene gmaine, vroke dati, szpravlanye, podpiszkom i zpechati zapechatili, czelo Szeliscse, goszpicsino szlüsiti, presna marha, czeila Süpa, davoje ednoga snyecza*
- prevzeto iz madžarščine: *czehmester* 'ključar', (czirkveni) *ürok* 'cerkvena dediščina', z *aldomasmi* 'likof' (*polgi obichanya poterdili*), *falat* 'kos' (*goricz*)
- prevzeto iz nemščine: *rithar, fertal*
- prevzeto iz latinščine: *ano domini, pradicator, contractus*.

Strokovno izrazje v atrikulusu:

- prekmursko slovensko: *gorice, porcia* (nem.) ali *deszetina, csesztniczke, mejássi, rana bratev, vinograd, goszpoud, goszpoczki vladnik, ogledoti, sztara pout, meha, paszika*
- dobessedno prevzeto iz madžarščine: *hegymester* 'gorski mojster', *esküt* 'ljudski prisednik, porotnik', *eskütye* (mn.) 'prisedniki', *hegység* 'gorska skupnost', *hegybíró* 'gorski sodnik', *ürok* 'dediščina', *hegységa gazde* 'lastniki gorske skupnosti'
- prevzeto iz madžarščine in prekmurščini prilagojeno: *nemesnyak* 'plemič', *mentüvati* 'reševati', *rendeliüvati* 'ukazovati'
- prevzeto iz nemščine: *paver* 'kmet', *rihtar* 'sodnik', *kervna zsláihtra* 'krvni sorodnik'
- prevzeto iz latinščine: *artikulus, duplum, instantio, notarius, executio*

Pravno izrazje artikuluša v besednih zvezah:

noter obtouzsi vu Hegység 'ovaditi gorski skupnosti'; *placsa kastige* 'plačati kazen'; *sze dosztaja Hegymestra* 'pripadati gorskemu mojstru'; *sze dosztaja zemelszkoga goszpouda* 'pripada veleposestniku'; *sze more zsibov ali szkorbatson kastigati* 'se mora kaznovati s šibo ali korobačem'; *csi sze sto szvadi* 'če se kdo skrega'; *na biteye ide* 'izzivati pretep'; *steri je kriv pla-*

csa kastige 'kdor je kriv, plača kazen'; *pükso mrsi prouti Hegymestri* 's puško meriti v gorskega mojstra'; *cse szto mehous dale potiszne* 'če kdo prestavi mejo'; *brezi goszpocskoga ino hegységa dopüscsenyá* 'brez dovoljenja gospode in gorske skupnosti'; *more sze goszpoudi zglásziti* 'mora se pri gospodu oglasiti'; *sze more szprávdov mentüivati* 'mora se v pravdi zagovarjati'; *cslovök ki je na tou posztávléni (hegységhajdú)* 'nadrejeni'; *vküper zapovedati czejloga Hegységa gazde* 'sklicati lastnike gorske skupnosti'; *ki ma touzsbo na koga* 'ki koga toži'; *duzsen nyemi je* 'dolžan mu je'; *Goricze da na rouke* 'izročiti gorice'; *csi sto szvojga zslaka dobro ne zagrada* 'kdor po svoji sposobnosti (svoje posesti) ne ogradi dobro'; *csi sto szvojo sztáro pout, mehous ali pasziko dale von dene* 'kdor svojo staro pot, mejo ali živo mejo prestavi'; *tosbou ma* 'toži koga'; *na ogledüivanye morejo idi* 'morajo opraviti ogled'

Besedilo slovenske prisege „Jasz N.N. Preszégam na zszivoga Bouga, ki je Boug Ocsa, Boug Szín i Düh Szvétí, Blázsensu sz. Troisztvu, ka kaikoder bi proti tén articuluson vidu, csüu, ali szpoznao, Hegységi notri uvádím, i ne premislívam niti Szouszidsztvu, Kumosztvu, niti Priatelsztvu, niti moi haszek, niti lütszki kvár: na sztrán nihám szrditoszt, bujaznoszt, nenavidnuszt, prusnyou ali mítu z enou ritsjouv, vszo cslovecsjo prestimanye, nego vszem Dugoványe htsém pravítsnu i isztinszku Hegységi notri uvaditi inu dokuncsávati. Taku meni Boug pomori“ se ujema z vsebino, sporočilom artikuluša in je lep dokaz za to, da je bila prekmurščina primerna za različne funkcijske zvrsti, tudi za izražanje zahtevnih pravnih vsebin.

2 Razvoj prekmurske slovníčne terminologije

Jožef Košič je v svojih delih dokazal, da je prekmurski knjižni jezik primeren za izražanje v vseh funkcijskih zvrsteh. Poznal je strokovni jezik s področja zgodovine, etnologije in jezikoslovja. Leta 1833 je objavil prevod madžarske slovnice Imreta Szalayja z naslovom *Kratki navuk vogrszkoga jezika*. V tem delu je moral sam ustvariti slovensko/prekmursko slovensko slovníčno terminologijo (BAJZEK 1994: 185–193).

Njegove strokovne izraze lahko razdelimo v naslednje skupine:

- dobesedni prevodi iz madžarščine: *koncsna piknya* 'pika' (végpont), *duplinszka piknya* 'dvopičje' (kettőspont), *šiba* 'vejica' (vessző), *pítanye znamenye* 'vprašaj' (kérdőjel), *goriskričanja znamenje* 'klicaj' (felkiáltójel)
- latinsko izrazje (na prvem mestu navaja latinski izraz, v oklepaju pa obvezno poslovenjeno obliko in izraz v madžarščini): *Nomen* (ime, név), *Prono-*

men (zaima, névmás), *Verbum* (rejcs, ige), *Casus* (szpadaj, ejtés), *litera*, *regule*, *silaba*

- terminologija s prekmursko slovensko podlago: *imeniiven*, *rodiven*, *dajaven*, *tozsiven*, *zvaven*, *odnesziven*, *jedinszki*, *vnozsinszki racsun*, *pometanye* 'sklanjanje', *vugibanye* 'spreganje', *glasznicke*

3 Stokovno izrazje za pouk risanja

Janoš Kardoš je prevedel madžarsko navodilo Hugója Masaka *Útmutató az elemi rajztanításban* (1871) z naslovom *Pótikazacs za zacsétno rovatanye*, *Navod za sòlszke vucsitele* (Bp. 1871), ki je bilo namenjeno za pouk likovne vzgoje (risanja). Priročnik je bil sestavljen po naročilu madžarskega kraljevega ministrstva za verska vprašanja in šolstvo.

Janoš Kardoš je bil verziran prevajalec madžarskih stokovnih in umetnostnih besedil. Pri prevajanju madžarskih pesnikov in pisateljev je bil uspešnejši, njegovi prevodi učbenikov, navodil in druge stokovne literature so težko razumljivi in ne le zaradi ozke stokovne terminologije. Za ponazoritev navajam nekaj vrstic iz navodil in uvoda v *Potikazacsu*:

„Ftícsna dalecsína

Csi notriglédas v-kupico odzgora, kaksza sze ti vídi, N...?

Jeli, kâ okrôgla? – Zrovatajte jo doli!

Ka pa csi bi v-sztüdenec glédao notri, kakszi bi sze ti vido, N...? – i té okrôgel, jeli? – ka pa tanyêr? Pa szkleda? Jeli N..! kâ i tá okrôgla?

Zdâ szí preszámnaite edno sztolno tíszko (kisto), etakso, ni (vöpotégnovsi vucs. tíszko szvojega sztola), kaksza de ona, csi te odzgora v-nyô glédali?

(Pocsáka, dokecs je dolizrovatajo, potom jo i szam rovata vucs.)

Zakâ je ona z-dvojnim tégom rovatana? – ár kûsavo deszké z-dvojnim tegom obrázimo, jeli?“

„Naidti sze zná vucsitel, zagvüsnô nê eden, pôleg steroga vidimoszti poszebne prilike, i znameniti mô'zje, vöszkazani szpodobnost osznovleníci odsztopnyo od réda dela etoga za mogôcso dr'zali bodo. Mogôcse, kâ prav májo. Ali jasz szem celô gvüsen, kâ je vu etaksi prígodi, nê odsztopnyo, nego najvise hitrêsi obhod mogôcse naszledüveti vucsiteli z-imenitêsimi osznovleníkmí pôleg vorcana etoga.“

Stokovno izrazje:

rovatanye 'risanje'; *tég* 'črta'; *viszécsi tég* 'navpična črta'; *nagnyen tég* 'poševna črta'; *vodole'zen tég* 'vodoravna črta'; *vorcanka* 'ravnilo'; *párani tégi* 'paralele'; *z-sztênye tabla* 'stenska tabla'; *vorcanivanye nagnyeni tégov* 'risanje poševne črte'; *rust törma* 'ostrešje zvonika'; *krôzs* 'krog'; *skéri*

navuka 'šolski pripomočki'; *csrna tábla z-rdécsimi tégmi* 'črna tabla z rdečimi črtami'; *krozsilo* 'šestilo'; *tegivka/linea* 'ravnilo'; *omrelana glazsena tábla* 'mrežasta steklena tabla'; *brezi glazsojne omrelani zaopasz* 'omreženi okvir brez stekla'; *prepádnyenivi i bücsnativi valék* 'vbočni/konkavni in izbočeni/konveksni valj'; *csetveroküklata prekôl* 'četverokotni kvader'; *gombnik* 'krogla'; *sztrmnik* 'stožec'; *vríhnik* 'piramida'; *z-vlecsnika (drot)* 'zgotovljena kocka' 'kocka iz žice'; *sürjava* 'širina'; *valovka* 'valovita črta'; *flisz preszamnanya* 'vaja domišljije'; *flisz szpômenka* 'vaja spomina'; *flisz mere ôçi* 'vaja občutka za mero'; *glavnik* 'glavna črta'; *vidnik* 'obzorje'; *tenyanye* 'senčenje', *szencanye* 'senčenje'; *fticsna dalecsina* 'ptičja perspektiva'

Njegovi strokovni izrazi so povsem samosvoje rešitve. Za 'risanje' ima *rovatanye*, pri Košiču najdemo *malanye*, tako se uporablja tudi v goričkem narečju, za 'črto' *teg*, pri Košiču in v narečju *linija*, za 'ravnilo' *tegivka/linea*, v narečju *vorcan, prekol* za 'kvader', ki ima v *Slovarju stare prekmurščine* le pomen 'polena', za 'kroglo' uporablja *gombnik* mogoče pod vplivom madžarske besede 'gömb', prav tako sta nenavadna *sztrmnik* za 'stožec' in *vríhnik* za 'piramido'. Za 'žico' ima *vlecsnik* ali *drot*, beseda *vlecsnik* je dobesedni prevod madžarske besede 'huzal'. V besedni zvezi *flisz mere ôçi* 'vaja občutka za mero' je *mera ôçi* prav tako dobesedni prevod madžarske besede 'szemmértek', prav tako je tudi *fticsna dalecsina* 'ptičja perspektiva' dobesedni prevod madžarske zloženke 'madártávlat'. Bolj posrečena sta glagolnika *tenyanye* 'senčenje' iz samostalnika *tenya* 'senca' in *szencanye* 'senčenje' prav tako 'senca'.

4 Zaključek

Zgoraj navedena besedila so dokaz, da se je prekmurski knjižni jezik uveljavil tudi kot strokovni jezik. Najlepši prekmurski slovenski jezik zasledimo v *Martjanski pogodbi* in v odgovorih na vprašanja za potrebe urbarija, kar je tudi razumljivo, saj gre za enostavnejši besedili, ki zapisujeta konkretno pravno razmerje, stanje. V primeru artikuluša gre za prevod madžarskih pravnih določb, kar se seveda odraža tako v skladni kot tudi v pravnem izrazju. Prevajalec za številne izraze ni našel primerne rešitve v prekmurščini oziroma so se le ti po vsej verjetnosti tudi v vsakdanjem pogovoru uporabljali kar v madžarščini. Košič je bil mojster prekmurskega jezika in sicer v vseh funkcijskih zvrsteh, mojstrska je tudi njegova slovnične terminologija, ki sta jo delno prevzela tudi Imre Agustič in Janoš Kardoš, slednji pa je imel tudi v slovnični terminologijo samosvoje rešitve, med njimi zasledimo precej madžarskih kalkov. Razvoj prekmurskega strokovnega jezika je podoben razvoju prekmurskega knjižnega jezika nasploh. Tudi zgoraj navedena besedila

dobro ponazarjajo nastanek, razvoj, vrhunec in počasno ugašanje prekmurskega strokovnega jezika.

Literatura

- Bajzek Lukač, Marija: Krátki návuk vogrszkoga jezika. In: *Košič in njegov čas*. Košičev sklad, Budimpešta, 1994.
- Dolenc, Metod: *Gorske bukve v izvorniku, prevodih in priredbah*. SAZU, Ljubljana, 1940.
- Égető Melinda: Gorske bukve na Madžarskem in v Sloveniji. Identifikacija prekmurskih gorskih bukev. In: *Vzporednice slovenske in hrvaške etnologije 7*. Slovensko etnografsko društvo, Ljubljana, 1991.
- Források a muravidék történetéhez/Viri za zgodovino prekmurja*. Vas Megyei Levéltár és Zala Megyei Levéltár, Szombathely–Zalaegerszeg, 2008.
- Josip Gruden: *Slovenski župani v preteklosti. Donešek ka starejši socialni zgodovini*. Izdala in založila Leonova družba v Ljubljani, 1916.
- Jesenšek, Marko: *Spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor*. Zora, Maribor, 2005.
- Novak, Vilko: *Slovar stare knjižne prekmurščine*. Zadruga katoliških duhnikov, Ljubljana, 2006.
- Orožen, Martina: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, Ljubljana, 1996.
- Škafar, Ivan: Jožef Bagary, Anton Trstenjak in Martjanska pogodba iz leta 1643. *ČZN*, 1972, letnik 20, številka 1.

Иштван Бакони

РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Abstract: Russian Mentality in the Age of Globalization

There has been a growing interest towards learning Russian in Hungary especially at the economic institutions of higher education. Teaching international communication is very important for us. The new curricula which deal with comparative cultural studies help us get acquainted with the partners' mentality. In the article we present some current issues from A. V. Sergeeva's monograph such as collectivism, friendship and love in Russian, the situation of Russian women and the characteristics of the newly rich Russians.

Keywords: Russian language in Hungary, multicultural communication

Несмотря на большие изменения в экономике Центральной и Восточной Европы с 2002 года динамично развиваются экономические и культурные отношения между Россией и Венгрией. Сотрудничество основано на взаимных интересах.

В последние годы в Венгрии изучение иностранных языков, как правило, связывается с личной пользой, иначе говоря, изучается тот иностранный язык, который обещает непосредственную практическую выгоду. С другой стороны, «внешняя торговля, экономическое развитие общества зависит от того, насколько его граждане владеют иностранными языками. Отсюда – зависимость экономического развития страны от её языковой политики» (Бердичевский 2000:29).

В настоящее время увеличивается число изучающих русский язык в школах и вузах Венгрии (**около 6 тысяч**). В Австрии 8000, в Словакии только в школах больше 9000.

Работа русистов признаётся и поддерживается как венгерским правительством, так и российским государственным фондом «**Русский мир**». Благодаря этому при Будапештском университете в начале 2009 года был создан Исследовательский и методический центр русистики и кабинет русского языка. В рамках болонской системы запущена новая специализация «Россия и Восточная Европа» и докторская программа по русистике.

На курсах русского языка в Российском культурном центре в столице в 2009 году обучались почти 1000 человек (школьники, студенты вузов, пенсионеры и т.п.)

В 2009-10 годы в Венгрии в 112 средних школах преподавался русский язык. В столице в 37 школах, и в больших университетских городах, в

областных центрах и в других учебных заведениях (например: г. Вац, Ясберень, Тата, Мако, Озд, Папа, Карцаг, и др.

В **Швейцарии** в 7 университетах и в 30 средних школах преподаётся русский язык в старших классах (10-12). В Ассоциации Русистов работает 120 человек.

В **Италии** около 15 университетов имеет институт русской и славянской филологии, где преподаются нефилологические предметы (международные отношения, менеджмент, туризм и др). В Милане в Католический университет ежегодно поступают 120 первокурсников по русскому языку.

В **Гане** в Университет столицы ежегодно поступают на русскую филологию 100-200 студентов.

Российская Федерация старается сохранить старый и создать новый «имидж». При этом следует учитывать 2 фактора: Россия находится на двух континентах. Ссылаемся на слова директора Фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова. Он подчёркивал:

«Что касается образа России, то, главное средство исправления этого образа в Москве видят в том, чтобы становиться нормальной демократической страной, живущей в мире с собой и с остальным миром, чего мы желаем и другим. А что касается России, то я должен Вам сказать, что она гораздо лучше, чем её имидж» (Никонов 2009:9).

В XXI веке не теряет актуальности проблема соотношения языка и культуры, видов и способов подачи культурного компонента, **обучения межкультурной коммуникации**, умения устранять конфликтные ситуации, и способности практической реализации толерантности.

В последние годы межкультурная коммуникация присутствует в полном образовательном вертикале: кроме системы высшего образования и обучения на предприятиях ей уделяется внимание и в учебном процессе школ. Ныне в **33** венгерских вузах межкультурная коммуникация как учебная дисциплина включена в учебные программы и для филологов и для нефилологов (в основном для специалистов экономического профиля).

Новые учебные материалы соответствуют рекомендациям Совета Европы по овладению современными иноязыками. Значительную часть учебников составляют материалы, представляющие сегодняшнюю русскую действительность. Подробно представлены **темы**: конфликты между представителями разных поколений, выбор профессии, собеседование при поступлении на работу, использование СМИ и интернета в учебном процессе и в личной жизни. Появились интересные привлекательные темы о демонстрации моды, о конкурсе красоты, о сельском туризме, о летнем отдыхе за рубежом (например на берегу моря в Турции, или на Кипре), о распродаже сезонных товаров, русской свадьбе (ЗАГС, «горько»), о тусовке, о секретной истории рецепта кавказского кефира, о здоровом образе жизни, о диете и о том, что сами

деньги не приносят ни здоровья, ни счастья. Это наглядные иллюстрации, которые помогают учащимся сделать первые шаги к знакомству с аутентичными текстами, а также представляют страну и её культуру.

Очень важны исследования, посвященные изучению меняющейся ментальности русского человека, публикуемые как русскими, так и зарубежными авторами.

Проблемы современной России в начале XXI века, культуроведческая информация, касающаяся жизненного уклада и повседневного быта россиян получают отражение и в научных трудах и учебных пособиях, изданных в России и в странах Центральной Европы (прежде всего в Венгрии, Словакии, Австрии).

В начале XXI века в Венгрии были составлены учебные материалы **по сопоставительной культурологии**. В них учитывались принципы опоры на национальную культуру и аутентичность. Из многочисленных учебных материалов последних лет в Венгрии выделим пособия по страноведению профессора Марии Янкович *«Прошлое, настоящее и будущее»* (г. Сомбатхей, 2003-2005 гг.), и пособие международного авторского коллектива по развитию речи на материале межкультурного диалога: *ЭХО, Россия-Венгрия: диалог культур*. Эти книги, вышедшие в г. Сомбатхей, способствуют знакомству с менталитетом потенциальных партнёров, укреплению долговременного сотрудничества (Блюм-Нири-Ростова 2004).

Заслуживает особого внимания новый *«Русский культурный словарь»* Шопрони Андраша, вышедший на свет в 2008 году в Будапеште.

Всем русистам, историкам и литературоведам интересен сборник статей, материалы конференции под редакцией Дьюлы Свака: *Двенадцать столетий венгерско-русских отношений* (Будапешт, 2005.).

Особого внимания не только для студентов-филологов заслуживает учебное пособие по сопоставительному русско-венгерскому страноведению: *«Петербургская Россия»*. История и культура России 18-19 веков, контакты с историей и культурой Венгрии. Автор: В. А. Федосов параллельно с событиями истории России излагает факты, контакты между двумя странами. Например: дипломатические отношения между Пётром Великим и Ракоци Ференцом, подарок Ракоци Петру – токайское вино и Токайская комиссия в Петербурге.

Что касается русского менталитета мы в основном опираемся на книгу для чтения о русском национальном характере (Русский язык... Курсы 2006). Автор не первой такого характера монографии Алла Васильевна СЕРГЕЕВА:

Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов). Рекомендуем анкету:

Русский мир: русский менталитет в условиях глобализации.

В книге рассмотрены главные черты русского характера и склада мышления, стереотипы бытового поведения, пословицы и поговорки.

Книга Аллы Сергеевой является продолжением, изложенной ей уже и раньше темы русской ментальности. Из 100 вопросов выделим **10 тем**:

1. Русские – европейский народ или азиатский?
2. Как изменился русский характер? (россияне коллективисты?)
3. Существует ли загадочная русская душа?
4. Оптимисты ли нынешние россияне?
5. Что значит дружба и любовь «по-русски»?
6. Изменилось ли положение «слабого пола» в России?
7. Почему многие русские женщины выходят замуж за иностранца?
8. Каково мнение россиян о «новых русских» (олигархах)?
9. Как русские люди относятся к мигрантам, переселенцам?
10. Какие изменения следовало бы внести в систему образования в России?

Многие из этих тем являются актуальным и в Венгрии (положение женщин, отношение к мигрантам и т.д.)

Коллективизм, дух братства уходит корнями в историю народа, со временем он трансформировался. Пословица подтверждает: «Дерево держится корнями, а человек – друзьями». А ныне чаще наблюдается «инстинкт индивидуализма», склонность быть самому по себе, стоять на своих ногах. Миф о русском коллективизме – отживший стереотип! Мы должны согласиться, хотя бывает исключение.

Дружба – по-русски – это ощущение братства, уверенность в поддержке в трудную минуту «Не имей сто рублей, а имей сто друзей! «Друга на деньги не купишь!» На друга можно всегда положиться, от него нет секретов.

Дружба одна из самых больших жизненных ценностей для русских. Для русских «друг» - это близкий и родной человек, который порой ближе родственника.

Любовь для русских: это интимность и задушевность. Любовь и интимные отношения не терпят взгляда посторонних. Душевность – это умение сопереживать, это сердечная связь партнеров – независимость расчёта и выгоды! Любовь часто понимается как отказ от собственной свободы. Любовь редко связывается с материальной стороной жизни. «С милым рай и в шалаше». Эта народная мудрость ныне звучит несколько сомнительно! Вряд ли это соответствует действительности наших дней.

Положение женщин в России можно обозначить жестко – **дискриминация!** За одну и ту же работу они получают меньше мужчин! Российские женщины тяжело пережили перемены в обществе за последнее 20 лет: нестабильность, отсутствие социальной защищенности. Их социальный статус в последние годы постепенно растёт. Причина этого – их особые качества: традиционное чувство ответственности за себя и детей, высокий уровень образованности. В малом и среднем бизнесе в России они занимают главное место. Большинство, менеджмента среднего звена (90 %) – представители «слабого пола». Женщины играют активную роль в органах власти. Однако только в определенных должностях например замминистра, помощника. В Думе представлено всего 8 % женщин. Сергеева (2006:191-192). В Венгрии в Парламенте 9 %! А в Германии треть министров женщины.

В России зарождение класса поустаревшему понятию **«новых русских»** отмечено серией язвительных анекдотов о них.

«- Ты что это опять свой мерседес поменял? Неужели последний так быстро сломался?

- Да, нет, там пепельница засорилась!»

Среди богатых русских надо различать две разные группы:

1. **предприниматели**, занятые в финансово-экономической деятельности.

Обычно они активные люди, не старше 45 лет, с высокими интеллектуальными способностями. Они умеют принять верное решение, держать в голове огромный объём оперативной информации, взять на себя риск и ответственность за деньги и судьбы своих работников.

2. Вторая группа – это бывшая номенклатура, которая сумела участвовать в приватизации («прихватизации») государственной собственности в крупных размерах.

В России 8 % наиболее состоятельные держат в руках треть всех доходов страны. Россия вырвалась на первое место в мире по производству миллиардеров. Они скрывают доходы от государства, уклоняясь от налогов. Однако в последние годы они не отказываются поддерживать фундаментальную науку, образование и искусство. Несмотря на это большая часть россиян относится к ним с недоверием и подозрением, считая их иногда преступниками и ворами. Их не любят за потребительское отношение к природе к людям, за то, что Россия для них – только «территория охоты», возможность наживы (Сергеева 2006:247-248).

Вышеупомянутые учебные материалы и монографии способствуют усовершенствованию коммуникативной методики и соответствуют новым перспективам расширения целей обучения в Венгрии. Результаты знакомства с российским менталитетом содействуют профессиональному общению, соз-

дают условия для достижения коммуникативной и межкультурной компетенции.

Литература:

- Бердичевский, А.Л. (2000): Является ли русский язык международным? Мир русского слова № 1.
- Бердичевский, А.Л. (2002): Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе. Русский язык за рубежом № 2.
- Блум, Т., Нири, М., Ростова Е. (2004): ЭХО: Россия-Венгрия: Диалог культур. Сомбатхей.
- Никонов, В. (2009): Мы слишком большие и слишком русские. Русский квартал. Специальный выпуск. Будапешт, ЭЛТЕ.
- Свак, Д. (2005): Двенадцать столетий венгерско-русских отношений. Будапешт.
- Сергеева, А.В. (2004): Русские стереотипы поведения традиции ментальность. Москва, Изд. Финта, Наука.
- Сергеева, А.В. (2006): Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов). Москва, Русский язык. Курсы.
- Соловёв, В.М. (2009): Тайны русской души. Москва. Русский язык. Курсы.
- Федосов, В.А. (2007): Петербургская Россия. (Контакты с историей и культурой Венгрии). Ньиредьхаза.
- Шопрони, А. (2008): Русский культурный словарь. Будапешт.
- Янкович, М. (2003-2005): Прошлое, настоящее и будущее. Сомбатхей.

A MUNKA FOGALMÁNAK NYELVI KÉPE A HORVÁT,
LENGYEL, MAGYAR, OROSZ ÉS UKRÁN NYELVBEN
A KÉRDŐÍVES ANYAG TÜKRÉBEN¹

Abstract: in this paper author present dictionary definitions of the notion work, then they analyse the results of questionnaire materials. The questionnaire contained 16 questions, three of which concerned age, gender and educational level. The rest of the questions were as follows: 1. What does work mean to you? 2. What reaction does the word work trigger? 3. What attributes of the work do you know? 4. The aim of the work. 5. Why must we work? 6. What are the results of the work? 7. What work would you like to do? 8. What is the attitude of the society to work? 9. Why does the society consider work as a value? 10. What is your opinion about unemployment? 11. What is the ideal work? 12. Name the synonyms of the word work. 13. What songs, proverbs, idiomatic expressions. etc. do you know in connection with work? This paper does not contain the results of the last two questions.

Keywords: linguistic image of the concept work/job, metaimage, network, cultural region, multicultural, stimulus, motivation, reaction, cognitive analysis

Jelen cikkünk célja bemutatni, azaz rekonstruálni azon „munka” névvel jelölt kognitív tartománynak a tartalmát, valamint belső elrendezését (taxonómiáját), amely a mai horvát, lengyel, magyar, orosz és ukrán aktuális nyelvhasználók tudatában él. A mai nyelvhasználóknál a szóban forgó fogalomról rögzült kép nagymértékben eltér a szótári definícióktól. Mivel a szótárak soha sem tükrözik az aktuális állapotot, ezért a világ nyelvi képének rekonstruálásához szükség van arra is, hogy a kérdőíves anyagra támaszkodjunk.

A nyelvi anyag előzetes elemzésének alapján elmondhatjuk, hogy a *munka* szó valamennyi vizsgált nyelvben (*posao, praca, munka, работа, робота*) az alapvető szókincs részét képezi. A hozzáférhető nemzeti korpuszok adatai szerint a *munka* lexémát magas gyakoriság jellemzi. A horvát nyelvben ez a szám 101,21/

¹ E tanulmány az ELTE, BTK, Nyelvtudományi Doktori Iskola Szláv Nyelvészeti Programjának keretében 2008. évben tartott „A világ nyelvi képének az elmélete” c. tantárgy foglalkozásain született. Kurzuszvezető: Bañcerowski Janusz. A kérdőíves anyag gyűjtésében és feldolgozásában részt vettek a következő doktorandák: Gyertyános Borbála, Katalinić Kristina, László Nelli, Ryzhukhina Galina. A részletes elemzés a „Концепт *работа* в венгерском, польском, русском, украинском и хорватском языках: сопоставительный анализ по данным анкетирования.” (*Studia Slavica Hung.* 54/2 (2009) 243-271) c. tanulmányunkban megtalálható.

millió szó, a lengyelben 203,74/millió, a magyarban (a vizsgált szövegek csoportjától függően) 75,12-184,85/millió szó között mozog. Az orosz szövegtár százalékosan ismerteti az adatokat, itt a gyakoriság a művészeti szövegekben mért 0,1%-tól a reklámokban előforduló 4,3%-ig terjed.

Vessünk most egy pillantást a vizsgált fogalom származékaira és a szóösszetételekre, amelyekben előfordul. A fentebb említett magas gyakorisága ellenére a szóképzés terén a *munka* lexéma nem túl produktív. Érdekes adat, hogy míg a szláv nyelvek mindegyikében képezhető főnévi igenév a *munkából* "*munkát végezni*" értelemben, addig magyarul az azonos jelentésű *dolgozni* szónak teljesen más eredete van, ugyanakkor a *munkál* ige jelentéstartalma eltérő. Szókapcsolatokból egyértelműen a magyar nyelvben találjuk a legtöbbet, ahol a *munka* mind első, mind második elemként megjelenhet. A többi nyelv esetében a szókapcsolatok döntő többségében első pozícióban szerepel. A *munkaadó* szó valamennyi vizsgált nyelvben megtalálható, és az orosz kivételével a *munkavállaló* kifejezés megléte is közös vonás.

A *munka* szó etimológiáját elemezve a vizsgált nyelvekben megállapíthatjuk, hogy annak ellenére, hogy a horvát és a lengyel nyelvben a *munka* fogalmára aktuálisan használt kifejezések egyedi fejlődés eredményei, ezekkel párhuzamosan mindkét nyelv ismeri a közös indoeurópai töre visszavezethető *pađoma*, *robot* szót is, csak ezek esetleg más, szűkebb jelentéstartalmakkal, vagy emocionális színezettel bírnak. Sőt, még a magyar nyelvben is megtaláljuk a *robot*, *robotolni* szavakat, amelyek egyértelműen negatív töltetűek.

Figyelembe véve a szóban forgó nyelvek szótáraiban megadott jelentéseket megállapíthatjuk, hogy bár a bennük megtalálható profilok nem teljesen azonosak, egyesekben tágabb, másokban szűkebb a *munka* szó kognitív bázisa, azonban bizonyos profilok valamennyi vizsgált nyelvben megvannak. Ezek a következők:

1. a munka mint **tevékenység, cselekvés, alkotás**
2. a munka mint egy adott **tevékenység tárgya**
3. a munka mint egy adott **tevékenység eredménye, következménye, produktuma**

A magyar kivételével az összes többi nyelvben megjelenik továbbá a munka mint **szakma, hivatás, állandó elfoglaltságot biztosító állás**.

A *munka* mai nyelvhasználókban rögzült nyelvi képének meghatározásához egy 16 kérdésből álló kérdőívet állítottunk össze: 1. Életkor, 2. Nem, 3. Végzettség, 4. Mit jelent az Ön számára a munka?, 5. Mi jut eszébe, amikor a „munka” szót hallja?, 6. Milyen lehet a munka?, 7. Mi a munka célja?, 8. Miért dolgoznak az emberek?, 9. Mi a munka eredménye?, 10. Milyen munkát érdemes elvégezni? 11. Mi a munka társadalmi megbecsülése?, 12. Érték-e a munka a társadalomban?, 13. Mit gondol a munkanélküliekről?, 14. Milyen az ideális munka? 15. A munka és a

munkanélküliség szinonimái?, 16. milyen közmondást, dalt, kifejezést stb. ismer a munkával kapcsolatban?.²

Kutatásunk során igyekeztünk a nyelvhasználók minél szélesebb rétegeit elérni, ezért a kérdőívben helyet kaptak a válaszadók nemére, korára, valamint iskolai végzettségére vonatkozó kérdések is. És bár a megkérdezettek összetétele nem teljesen homogén a vizsgált nyelvekben, a kitöltött kérdőívek száma mind az öt esetben meghaladja a százat, ami már értékelhető mintát nyújt. Összességében elmondható, hogy a válaszadók többsége nő (az arány hozzávetőlegesen 60-40%), és 20-29 év közötti (ez a korosztály, amelynek képviselői épp szakmai pályafutásuk elején járnak, munkát keresnek, vagy néhány éve dolgoznak). A legmagasabb iskolai végzettség tekintetében a lengyel, magyar és ukrán válaszadók között a középfokú végzettségűek voltak többségben, míg a horvát és orosz megkérdezettek túlnyomó része felsőfokú tanulmányait is elvégezte már. Ezt mutatják az alábbi táblázatok:

Életkor	0-14	15-19	20-29	30-40	41-
	(%)	(%)	(%)	(%)	(%)
magyar	1	14	46	21	19
lengyel	1	14	67	7	12
orosz	3	7	42	34	14
ukrán	5	35	18	23	20
horvát	1	4	32	27	36

² A kérdőív kérdéseire adott válaszok nagymértékben eltérnek egymástól, ezért a jobb áttekinthetőség érdekében célszerűnek tartottuk azokat a hasonló jelentésű profilok köré csoportosítani. A táblázatok csak a leggyakoribb válaszokat tükrözik. A többnyelvű összevetésben mellőztünk két kérdést: a munka és a munkanélküliség szinonimáira és antonimáira, valamint a munkával kapcsolatos dalokra, kifejezésekre, közmondásokra vonatkozót, amelyek olyannyira nyelv- és kultúraspecifikusak, hogy nem lehet olyan kritériumokat felállítani, amelyek mentén lehetséges volna összehasonlítani őket.

Nem	Férfi (%)	Nő (%)
magyar	37	63
lengyel	41	59
orosz	36	44
ukrán	36	64
horvát	41	59

Végzettség	Középiskola (%)	Főiskola, egyetem (%)
magyar	56	44
lengyel	62	38
orosz	14	86
ukrán	57	43
horvát	42	58

A *Mit jelent az Ön számára a munka?* kérdésre adott válaszokból láthatjuk, hogy az orosz és az ukrán nyelvben első helyen a *pénz* áll, vagyis a válaszadók számára a *munka* itt egy kézzelfogható, materiális eredményként jelenik meg. Ezzel szemben a horvát és a magyar nyelvhasználók egy sokkal elvontabb fogalmat: *megélhetést*, vagyis a *létfenntartást* helyezik a középpontba. A leggyakoribb lengyel válasz ötvözi a két elgondolást, hiszen a munka, mint a *jövedelem forrása* magában foglalja az eszközt és a célt is. A további válaszok között az orosz kivételével valamennyi nyelvben megjelenik a *kötelesség, kötelezettség* szó, ami arra utal, hogy a megkérdezettek elsősorban nem a szabadon választott feladatokat azonosítják a munkával. Helyet kaptak még a leggyakoribb válaszok között a munka eredményének, hatásának tekinthető fizikai és lelki aspektusok is, mint pl. *fáradtság, megelégedettség, tapasztalat, siker*.

Mit jelent az Ön számára a munka?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1	<i>megélhetés</i> (= egzisztencia) 29%	<i>jövedelem forrása</i> (= źródło dochodu) 45%	<i>megélhetés</i> 43%	<i>pénz</i> (= деньги) 31%	<i>pénz</i> (= гроші) 39%
2	<i>kereset forrása</i> (= stjecanje zarade) 12%	<i>kötelesség</i> (= obowiązek) 26%	<i>kötelesség</i> 23%	<i>önmegvalósítás</i> (= самореализация) 17%	<i>kellemes érzés</i> (= приємне відчуття) 33%
3	<i>megelégedettség</i> (= zadowoljstvo) 10%	<i>önmegvalósítás</i> (= samorealizacja) 13%	<i>fáradtság</i> 18%	<i>kommunikáció</i> (= общение) 7%	<i>kötelesség</i> (= обов'язок) 22%
4	<i>kötelezettség</i> (= obveza) 7%	<i>élvezet</i> (= przyjemność) 9%	<i>siker</i> 19%	<i>tapasztalat</i> (= опыт) 6%	<i>ihlet, elhivatottság</i> (= покликання, натхнення) 7%
5	<i>tevékenység</i> (= rad) 8%	<i>időtöltés</i> (= spędzenie czasu) 6%	<i>megelégedettség</i> 15%	<i>siker</i> (= успех) 5%	<i>megélhetés</i> (= засіб для життя) 4%

A következő kérdés, *Mi jut eszébe, amikor a „munka” szót hallja?*, bizonyos tekintetben hasonlít az elsőre, habár nagyobb teret enged a szabad asszociációknak. Érdekes módon itt valamennyi nyelvben megjelent a *pénz* az öt leggyakoribb válasz között, bár nem ugyanabban a pozícióban. Három nyelvben: a lengyelben, oroszban és ukránban az emocionális töltetű, elvont fogalmak, képzetársítások dominálnak, míg horvátul és magyarul a válaszok inkább az első kérdéshez állnak közel, amennyiben konkrétan a munka mibenlétét definiálják.

Mi jut eszébe, amikor a „munka” szót hallja?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	<i>tevékenység</i> (= rad) 14%	<i>pénz</i> (= pieniądze) 33%	<i>tevékenység</i> 18%	<i>befogom a fülemet</i> (= затыкаю уши) 28%	<i>pénz</i> (= гроші) 33%
2.	<i>kötelesség</i> (= obveza) 14%	<i>kötelesség</i> (= obowiązek) 19%	<i>kötelesség</i> 16%	<i>nyugalom</i> (= спокойная) 26%	<i>kötelesség</i> (= обов'язок) 18%
3.	<i>jövedelem</i> (= zarada) 7%	<i>nehézség</i> (= trud) 11%	<i>pénz</i> 16%	<i>kellemes érzés</i> (= приятное чувство) 22%	<i>rosszul lesznek</i> (= стає погано) 17%
4.	<i>pénz</i> (= novac) 6%	<i>fáradtság</i> (= zmęczenie) 10%	<i>konkrét feladatok</i> 16%	<i>kötelesség</i> (= обязанность) 13%	<i>öröm, érdeklődés</i> (= цікавість, радість) 15%
5.	<i>korai kelés</i> (= rano ustajanje) 6%	<i>megelégedettség</i> (= satysfakcja) 7%	<i>a munkavégzés helye</i> 9%	<i>pénz</i> (= деньги) 3%	<i>sokminden</i> (= на багато чого) 9%

A *Milyen lehet a munka?* kérdés segítségével a vizsgált fogalom mellé leggyakrabban rendelt jelzőket kívántuk feltérképezni. A válaszok egészen kis hányada vonatkozott csak a munka objektíven megítélhető jellegére (*fizikai, szellemi*), és a horvát és lengyel nyelvben ezek egyáltalán nem is jelennek meg; a többség szubjektív értékítéleteket tartalmazott (pl. *nehéz, könnyű, érdekes*). Ez utóbbi válaszok közül viszont kettő is utal arra, hogy a *munka* egyik dimenziója a súly, ami feltételezi, hogy a fogalom mintegy tárgyként jelenik meg a nyelvhasználók tudatában. Ezeket a jelzőket a magyar és az ukrán nyelven kívül az összes többiben megtaláljuk az öt leggyakoribb válasz egyikeként.

Milyen lehet a munka?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	<i>érdekes</i> (= zanimljiv) 29 %	<i>nehéz</i> (= trudna) 39 %	<i>unalmas</i> 29 %	<i>nehéz</i> (= тяжёлая) 48 %	<i>szellemi</i> (= розумова) 14 %
2.	<i>unalmas</i> (= dosadan) 26 %	<i>érdekes</i> (= ciekawa) 31 %	<i>fizikai</i> 29 %	<i>könnyű</i> (= лёгкая) 33 %	<i>jó</i> (= хороша) 13 %
3.	<i>nehéz</i> (= težak) 21 %	<i>unalmas</i> (= nudna) 26 %	<i>szellemi</i> 23 %	<i>érdekes</i> (= интересная) 31 %	<i>lenyűgöző, vonzó</i> (= захоплююча) 12 %
4.	<i>fárasztó</i> (= naporan) 17 %	<i>könnyű</i> (= lekka) 24 %	<i>monoton</i> 20 %	<i>szellemi</i> (= умственный труд) 24 %	<i>felelősségteljes</i> (= відповідальна) 12 %
5.	<i>könnyű</i> (= lagan) 17 %	<i>fárasztó</i> (= мęcząca) 20 %	<i>érdekes</i> 6 %	<i>aprólékos</i> (= кропотливая) 11 %	<i>fizikai</i> (= фізична) 11 %

Következő kérdésünk az volt, *Mi a munka célja?*, hogy a válaszokból kiderítsük, vajon a munkát önmagában való tevékenységként értelmezik a nyelvhasználók, vagy csupán eszközként valamely konkrét célok elérésében. Egyetlen korábbi kérdés esetében sem volt még ilyen egységes a különböző nyelvekben első helyen megjelölt válasz. Az elemzés egyértelműen megmutatja, hogy a többség szemében a munka az anyagi javak és a létfenntartás alapjainak előteremtését szolgálja – ez azt is jelenti, hogy az aktuális nyelvhasználók szemében *munkának* elsősorban az a tevékenység minősül, amelyért fizetés, pénz jár, jelentősen leszűkítve ezzel a jelentéstartalmakat. Ugyanakkor sokan tartják a munkát lehetőségnek saját képességeik fejlesztésére, személyiségük, tehetségük kibontakoztatására is.

Mi a munka célja?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	<i>jövedelem</i> (= zarada) 34 %	<i>pénz</i> (= pieniądze) 63 %	<i>pénzkeresés</i> 36 %	<i>pénz</i> (= деньги) 31 %	<i>pénz</i> (= гроши) 46 %
2.	<i>megélhetés</i> (= egzisztencia) 15 %	<i>képességfejlesztés</i> (= rozwijanie umiejętności) 18 %	<i>megélhetés</i> 24 %	<i>fejlődés</i> (= развитие) 17 %	<i>hogyan hasznosítani</i> <i>hozzon</i> (= принести користь суспільству) 14 %
3.	<i>megelégedettség</i> (= zadovoljstvo) 28 %	<i>önmegvalósítás</i> (= samorealizacja) 14 %	<i>feladat elvégzése</i> 9 %	<i>hogyan hasznosítani</i> <i>hozzon</i> (= приносить пользу) 13 %	<i>tapasztalat</i> (= досвід) 14 %
4.	<i>fejlődés</i> (= razvoj) 18 %	<i>ön- és családfenntartás</i> (= utrzymanie siebie i bliskich) 14 %	<i>fejlődés, közösség</i> 9 %	<i>tapasztalat</i> (= опыт) 6 %	<i>családfenntartás</i> (= добробут в сім'ї) 9 %
5.	<i>siker</i> (= uspeh) 18 %	<i>megelégedettség</i> (= satysfakcja) 10 %	<i>hasznos dolgot csinálni</i> 8 %	<i>siker</i> (= успех) 5 %	<i>hogyan ne lustálkodjunk</i> (= не ледарьовати) 9 %

Míg előző kérdésünk a munka és a munkavégzés céljait firtatta, addig a **Miért dolgoznak az emberek?** kérdés az okokat vizsgálja. A válaszok nagy részéből itt is az tűnik ki, hogy a megkérdezettek a munkára konkrét céljaikhoz (elsősorban a **létfenntartás biztosítása**) vezető eszközként tekintenek. Három nyelvben (horvát, orosz, ukrán) a fogalom mint alapvető, a társadalmi normáknak megfelelő életvitel folytatásához szükséges tényező jelenik meg (vesd össze: *normális, civilizált élet*), amiből következik, hogy a **munka fontos társadalmi érték**ként is konceptualizálódik.

Miért dolgoznak az emberek?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	<i>megélhetés</i> (= da bi mogli preživjeli) 27 %	<i>pénz</i> (= pieniądze) 46 %	<i>megélhetés</i> 34 %	<i>pénz, függetlenség</i> (= деньги, независимость) 34 %	<i>megélhetés</i> (= щоб було за що жити) 64 %
2.	<i>jövedelem, pénz</i> (= zarada, novac) 24 %	<i>hogyan tartásuk</i> <i>magukat</i> (= żeby się utrzymać) 30 %	<i>pénz</i> 27 %	<i>karrierben való</i> <i>előrehaladás</i> (= карьерный рост) 17 %	<i>pénz</i> (= гроши) 11 %

3.	<i>egzisztencia</i> (= egzisztencia)	<i>mert muszáj</i> (= bo musza)	<i>hogy ne máról</i> <i>holnapra éljenek</i>	<i>normális élet</i> (= нормально жить)	<i>fejlődés</i> (= розвиток)
	18 %	21 %	9 %	13 %	8 %
4.	<i>megelégedettség</i> (= zadovoljstvo)	<i>időtöltésből</i> (= spędzenie czasu)	<i>létfenntartás</i>	<i>mert szeretik a</i> <i>munkájukat</i> (= любить свою работу)	<i>hogy civilizáltan</i> <i>éljenek</i> (= жити цивілізовано)
	11 %	13 %	9 %	10 %	8 %
5.	<i>hogy normálisan</i> <i>éljenek</i> (= normalno živjeti)	<i>szeretik, amit</i> <i>csinálnak</i> (= lubią to co robią)	<i>éhen halnának</i>	<i>időtöltésből</i> (= провести время)	<i>konkrét eredmé-</i> <i>nyért</i> (= досягнення целей)
	8 %	10 %	7 %	4 %	4 %

Most vessünk egy pillantást a *Mi a munka eredménye?* kérdésre adott válaszokra. A táblázatból kiderül, hogy nagy az átfedés a munka korábban meghatározott céljai és a ténylegesen elért eredmény között - a leggyakoribb konceptualizációk ebben az esetben is az *anyagi javak*, a *létfenntartás*, a *kereset*, illetve a *személyes megelégedettség*. Találunk itt továbbá olyan válaszokat is, melyek a megkérdezettek szubjektív értékítéletéről, a *munka* pozitív vagy negatív érzelmi töltetű megítéléséről tanúskodnak (pl. *öröm*, *jó*, *rossz*, *lelki megkönnyebbülés*).

Mi a munka eredménye?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	<i>pénz</i> (= novac)	<i>pénz, fizetés</i> (= pieniądze, wypłata)	<i>létfenntartás</i>	<i>megelégedettség</i> (= удовлетворение)	<i>jó</i> (= добрий)
	32 %	63 %	21 %	20 %	19 %
2.	<i>megelégedettség</i> (= zadovoljstvo)	<i>megelégedettség</i> (= satysfakcja)	<i>pénz</i>	<i>öröm</i> (= радость)	<i>rossz</i> (= поганий)
	23 %	31 %	18 %	18 %	19 %
3.	<i>a jól végzett</i> <i>munka öröme</i> (= dobro obavljени zadatak)	<i>elért szándék</i> (= osiągnięty zamiar)	<i>kereset</i>	<i>lelki megkönnyeb-</i> <i>bülés</i> (= легко на душе)	<i>pénz</i> (= гроші)
	9 %	13 %	14 %	12 %	19 %
4.	<i>jövedelem</i> (= zarada)	<i>fejlődés, tapasztal-</i> <i>at</i> (= rozwój, doświadczenie)	<i>megelégedettség</i>	<i>véget ér</i> (= конец)	<i>a munkától függ</i> (= залежить від того, яка робота)
	8 %	10 %	13 %	11 %	12 %
5.	<i>kész termék</i> (= gotov produkt)	<i>jól elvégzett</i> <i>feladat</i> (= dobrze wykonane zadanie)	<i>siker</i>	<i>kötelesség teljesí-</i> <i>tése</i> (= выполнить свой долг)	<i>minőség</i> (= якість)
	7 %	9 %	13 %	10 %	11 %

A **Milyen munkát érdemes elvégezni?** kérdéssel kapcsolatos válaszokból azt következik, hogy minden nyelvben a leggyakoribb konceptualizáció a **pénz**, a **jövedelem**, a **társadalmilag/egyenileg hasznosság**, a **személyes megelégedtség**. Ezt a következő táblázat tükrözi:

Milyen munkát érdemes elvégezni?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	megelégedettséget adó (= zadovoljstvo) 34 %	jól fizető (= dobrze płatna) 42 %	van értelme 16 %	konkrét foglalkozást (= конкретная профессия) 31 %	jól fizető (= за яку багато платять) 49 %
2.	jól fizető (= pristojno plaćen) 26 %	amit szeretünk (= jaką się lubi) 29 %	amit szeretünk 15 %	jól fizető (= хорошо оплачивается) 18 %	könnyű (= легка) 18 %
3.	jövedelmet hozó (= donosi zaradu) 19 %	megelégedettséget nyújtó (= satysfakcja) 19 %	társadalmilag/egyenileg hasznos 15 %	konkrét kötelességet (= конкретные обязанности) 15 %	kielégítő (= приносить удовлетворения) 10 %
4.	bármilyen (= svaki) 7 %	kellemes (= przyjemna) 9 %	jól jövedelmez 9 %	irányítói (= управлять) 12 %	hasznot hozó (= приносить користь) 7 %
5.	eredményt adó (= daje rezultate) 6 %	érdekes (= ciekawa) 9 %	bármilyen 7 %	bármilyen (= любимая) 11 %	perspektívát adó (= перспективна) 4 %

A **Mi a munka társadalmi megbecsülése?** kérdésre a megkérdezettek nagyon szerteágazóan nyilatkoztak, amit az alábbi táblázat mutat:

Mi a munka társadalmi megbecsülése?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	nem eléggé értékelik (= nije dovoljno cijjenjen) 19 %	nem tudom (= nie wiem) 29 %	nem tudom 16 %	a munkától függ (= зависит от работы) 31 %	értékelik (= цінують в суспільстві) 41 %
2.	a becsületesen dolgozókat alacsonyán értékelik (= manje je vrijedan onaj koji pošteno radi) 14 %	mások munkájának tisztelete (= poszanowanie pracy innych) 14 %	attól függ, milyen munka 14 %	nem értékeli (= не ценит) 25 %	nem tudom (= незнаю) 21 %

3.	<i>a sokat dolgozókat nem értékelik</i> (= ne cijeni se onaj tko puno radi) 8 %	<i>értékelés</i> (= docenianie) 14 %	<i>megfelelő anyagi juttatás</i> 8 %	<i>pozitív</i> (= положительно) 19 %	<i>embere válogatja</i> (= значить від людини) 9 %
4.	<i>nem a munkát, hanem a hasznát értékelik</i> (= ne cijeni se rad, već profit) 7 %	<i>tisztelet a dolgozó embereknek</i> (= szacunek dla ludzi pracujących) 13 %	<i>nulla, semmi</i> 8 %	<i>mindent a pénz határoz meg</i> (= всё решают деньги) 15 %	<i>meg kell legyen a fizetség</i> (= повинна бути сплачена) 7 %
5.	<i>a társadalmi helyzet</i> (= društveni položaj) 4 %	<i>bármilyen munka jobb mint a semmi</i> (= lepsza jakakolwiek praca niż zadna) 8 %	<i>elismerés</i> 8 %	<i>2-5 pontig</i> (= балл от двух до пяти) 10 %	<i>számomra semmi</i> (= для мене нічого) 7 %

Az „*Érték-e a munka a társadalomban?*” kérdést a megkérdezettek minden nyelvben leggyakrabban *igennel* válaszolták meg (tehát: *érték, alapérték, a legfontosabb érték*), de emellett hangsúlyoztak különböző fenntartásokat is (pl.: *annak kellene lennie, nem mindig, a munkától függ, néha igen, néha nem, amennyiben jól jövedelmező*, stb.). Többen viszont a munkát nem tartottak értéknek.

Érték-e a munka a társadalomban?

	horvát	 lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	<i>igen</i> (= da) 53 %	<i>igen</i> (= tak) 74 %	<i>igen</i> 40 %	<i>igen</i> (= да) 40 %	<i>igen</i> (= да) 73 %
2.	<i>nem</i> (= ne) 23 %	<i>talán igen</i> (= chyba tak) 3 %	<i>nem</i> 12 %	<i>a munkától függ</i> (= зависит от работы) 31 %	<i>nem</i> (= ні) 9 %
3.	<i>annak kell lennie</i> (= trebao bi biti) 7 %	<i>nem mindig</i> (= nie zawsze) 3 %	<i>igen, munkakörtől függ</i> 7 %	<i>nem</i> (= нет) 29 %	<i>a miénkben nem</i> (= в нашому ні) 8 %
4.	<i>néha</i> (= ponekad) 2 %	<i>a munkától függ</i> (= zależy od pracy) 3 %	<i>alapérték</i> 7 %	<i>amennyiben jól jövedelmező</i> (= если приносит хороший доход) 15 %	<i>néha igen, néha nem</i> (= іноді да, а іноді ні) 8 %
5.	<i>ha jól megfizetik</i> (= ako je dobro plaćen) 2 %	<i>nagyon nagy érték</i> (= bardzo duża) 2 %	<i>igen, egzisztenciális kérdés</i> 7 %	<i>siker</i> (= успех) 13 %	<i>nem tudom</i> (= незнаю) 3 %

A munkanélküliekről a megkérdezettekben igen negatív kép alakult ki. A túlnyomó többség olyan embereknek tartja őket, akik *nem akarnak* vagy *nem tudnak dolgozni, lusták*, de amellet sajnálják is őket, illetve együttérzést fejeznek ki irányukban.

Mit gondol a munkanélküliekről?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	<i>nem akarnak dolgozni</i> (= ne žele raditi) 13 %	<i>nem akarnak dolgozni</i> (=nie chcą podjąć pracy) 14 %	<i>sajnálát</i> 19 %	<i>nem tudnak dolgozni</i> (= не могут работать) 24 %	<i>lusták</i> (= ледарі) 25 %
2.	<i>sajnálom őket</i> (= żao mi) 9 %	<i>lusták</i> (= są leniwi) 9 %	<i>nem akarnak dolgozni</i> 13 %	<i>lusták</i> (= лентяи) 21 %	<i>nem akarnak dolgozni</i> (= не хочуть працювати) 18 %
3.	<i>nehéz nekik</i> (= teško im je) 8 %	<i>emberfüggő</i> (= zależy od człowieka) 8 %	<i>nehéz helyzetben vannak</i> 8 %	<i>nem sikerült nekik</i> (= им не повезло) 13 %	<i>nem sikerült nekik</i> (= не пощастило їм) 13 %
4.	<i>kevésbé igyekeznek</i> (= premalo se trude) 6 %	<i>dolgozniük kéne</i> (= powinni pracować) 7 %	<i>szomorú</i> 7 %	<i>nem akarnak dolgozni</i> (= не хотят работать) 9 %	<i>együttérzek</i> (= співчуваю) 9 %
5.	<i>mindig lehet munkát találni</i> (= uvijek se može naći posao) 7 %	<i>az okoktól függ</i> (= zależy od przyczyn) 6 %	<i>aki akar, talál munkát</i> 9 %	<i>sajnálom</i> (= жалею) 8 %	<i>munkát kell adni</i> (= треба забезпечити роботою) 5 %

A megkérdezettek közül többen az ideális munkát konkrét pragmatikai szempontból értékelik, mint olyan *tevékenységet*, amely *jól megfizető, ideálisan megfizetett* stb. A munkát a *személyes motiváció* tükrében is minősítik a válaszadók (pl. *amit az ember szeret csinálni, barátságos kollégák, kihívás, kielégíti az ambíciókat, érdekes, kreatív*), vagy ennek ellenkezőjeként (*mindegyik munka jó*). Az ideális munkára történő pozitív reakcióként a válaszadók a következőket említik: *megelégedettséget, örömet nyújtó, kellemes*. Az ideális munka a *tárggyal* pl.: *könynyű*), a *foglalkozással* (pl.: *a vezérigazgatóé*), illetve az *emberi képességgel* is aszszociálódhat (pl.: *a képességeknek megfelelő*).

Milyen az ideális munka?

	horvát	lengyel	magyar	orosz	ukrán
1.	<i>a jól megfizetett</i> (= dobro plaćen)	<i>jól fizető</i> (= dobrze płatna)	<i>amit az ember szeret csinálni</i>	<i>ideálisan fizetett</i> (= идеальная зарплата)	<i>bármilyen</i> (= улюблена)
	36 %	38 %	40 %	21 %	44 %
2.	<i>amelyet szeretünk</i> (= koji volimo)	<i>megelégedettséget nyújtó</i> (= satysfakcja)	<i>jól jövedelmez</i>	<i>szociális csomag</i> (= социальный пакет)	<i>jól megfizetett</i> (= багато платять)
	15 %	25 %	11 %	14 %	22 %
3.	<i>nem létezik</i> (= nema ga)	<i>kellemes</i> (= przyjemna)	<i>megfizetett</i>	<i>a vezérigazgatóé</i> (= генеральный директор)	<i>nincs ilyen</i> (= немає)
	10 %	18 %	10 %	9 %	15 %
4.	<i>örömet, megelégedettséget nyújtó</i> (= zadovoljstvo, radość)	<i>könnyű</i> (= lekka)	<i>kihívást jelent</i>	<i>a barátságos kollégákkal</i> (= дружные коллеги)	<i>mindegyik munka jó</i> (= всі позитиви)
	7 %	16 %	10 %	9 %	6 %
5.	<i>érdekes</i> (= zanimljiv)	<i>kreatív</i> (= kreatywna)	<i>kielégíti az ambíciókat</i>	<i>bármelyik</i> (= любимая)	<i>képességeknek megfelelő</i> (= по здібності)
	7 %	11 %	9 %	9 %	5 %

Összességül fontosnak tartjuk kiemelni, hogy a kérdőívek ismertetett kérdéseinek válaszaiban gyakori az átfedés a különböző nyelvek között, sok esetben függetlenül a nyelvi, vagy akár a területi rokonságtól, közelségtől is. A **MUNKA** fogalma hasonló kognitív bázissal rendelkezik a vizsgált nyelvekben. A válaszok jelentős mértékben az *utilitárius, pszichofizikai, axiológiai* és *társadalmi kategóriákon* belül konceptualizálják a szóban forgó fogalmát. A szótári definíciókkal való átfedések mellett, és ahhoz képest, a megkérdezettek további profilokkal bővítik a **MUNKA** fogalmát.

A fentiek tükrében láthatjuk, hogy a válaszadók a **MUNKA** definíciójában több olyan tulajdonságot fedeznek fel, amelyek a kulturálisan determinált mindennapi racionalitással függenek össze. A szóban forgó definíciók a *munka* szóval jelölt jelentést az interpretáció olyan kategóriáiban adják meg, amelyekben kifejezésre jut a munka értékére vonatkozó egyéni, szubjektív látásmód. Ez a látásmód kifejezi azt a nyelvben megnyilvánuló alanyi, antropocentrikus magatartást (beállítódást) is, amely meghatározza a világlátás módjainak a megválasztását.

A munkának a kérdőíves anyagban kifejezett konceptualizációjában fontos szerepet játszik egyfelől a válaszadók szempontja, amely befolyásolja az előzetes kategorizációt, másfelől az az interpretációs perspektíva is, amely lehetővé teszi a polikategoriális kognitív felfogást. A feltett kérdésekre adott válaszok tükrözik a megkérdezettek tudását a világról, személyiségének típusát (gondolkodási mód,

képzelő erő), meghatározott axiológiai tudatát, valamint nyelvi képességét is, amely a megnyilatkozások stílusában nyilvánul meg.

A megkérdezettek válaszaiban nagy hangsúlyt kapott a **MUNKA** értékének az instrumentális dimenziója, amely az *utilitárius kategória* keretében az egzisztenciális szükségletek kielégítése érdekében elsősorban a *pénzszerezésre* irányul. A munka célját a válaszadók szintén az *anyagi javak megszerzésében*, valamint az *élet/család fenntartásának* a biztosításában látják. Ezzel együtt kiemelésre kerültek olyan pozitív konceptualizációk is, mint pl.: az *önmegvalósítás*, a *hasznosság*, *kötelezően elvégzendő feladat*, az *alkotó tevékenység* stb.

A társadalmi kategorizáció keretében kiemelkedik a **MUNKA** mint *elfoglaltság, tevékenység, cselekvés, köteletség* konceptualizációja is, amely általában ennek a terminusnak kulturálisan determinált mindennapi értelmezését takarja. A válaszadók a munka eredményét több aspektusban látják, de a leggyakoribb konceptualizáció a *pénz*, a *létfenntartás*, a *kereset* és a *megelégedettség*. Ez a konceptualizáció a „*Miért dolgoznak az emberek?*” kérdésre adott válaszokban is tükröződik. A munka attribútumait a megkérdezettek nagyon széles skálán észlelik. Megnyilvánul benne a pozitív és a negatív értelmezés egyaránt. A leggyakoribb tulajdonság: „*unalmas*”, „*fizikai*”, „*nehéz*”, „*fárasztó*”, „*szellemi*”, „*monoton*”, de előfordul a „*könnyű*”, „*érdekes*”, „*vonzó*”, „*felelősségteljes*” is. A válaszadók elsősorban olyan munkát szeretnének elvégezni, amely elsősorban „*megelégedettséget nyújt*” és „*jól fizető*”, amelynek „*értelme van*”, „*amit szeretünk*”, „*ami társadalmilag/egyéniileg hasznos*”, „*ami jól jövedelmez*”. A munka társadalmi megbecsülésével kapcsolatosan viszont a leggyakoribb a „*nem tudom*” vagy „*attól függ, milyen a munka*”, „*lehet más-más munkánál*”, „*a munka jellegétől függ*”, „*nem értékelik*”, illetve „*nem eléggé értékelik*”, a „*megfelelő anyagi juttatás*”, az „*értékelés*”, „*az elismerés*”, de a „*nulla, semmi*” is volt.

A *pszichofizikai kategória* keretében kifejezésre jut a munka mint *fizikai és/vagy szellemi erőfeszítés* (pl. A munka = *fáradtság* (lengyel), *fárasztó* (lengyel, horvát), *nehéz* (lengyel, orosz)).

Érdeemes észrevenni, hogy a válaszadók számára a munka *igen fontos érték*. Így nyilatkozott a megkérdezettek túlnyomó többsége (horvát: 53%-a, lengyel: 74%-a, magyar 40%-a, orosz: 40%-a, ukrán: 73%-a). A munkanélküliekről viszont a megkérdezettek többsége úgy reagált, hogy „*nem akarnak dolgozni*”, „*nem tudnak dolgozni*”, „*lusták*”, de egyesek sajnálatos jelenségnek tartják: „*sajnálat*”, „*nehéz nekik*”, „*nehéz helyzetben vannak*”, „*szomorú*”, de úgy is nyilatkoztak, hogy „*egy részük sajnos nem is keres munkát, nem is akar dolgozni*”, „*dolgozniuk kéne*”, „*munkát kell adni nekik*”.

Irodalom

- Anić Vladimir*, Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb 2006.
- Anić Vladimir*, Hrvatski enciklopedijski rječnik. Zagreb 2004.
- Арутюнова Н. Д.*, Язык и мир человека. Москва 1999.
- Bańcerowski Janusz*, A világ nyelvi képe. A világkép mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban. Tinta Könyvkiadó. Budapest. 2008.
- Bańcerowski Janusz*, A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései. (szerk.: Nyomárkay István). Eötvös Loránd Tudományegyetem. Szláv és Balti Filológiai Intézet. Budapest 2000.
- Bańkowski Andrzej*, Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa 2000.
- Bárczi Géza* (szerk.), *Országgh László* (szerk.), A magyar nyelv értelmező szótára. Budapest 1984. B
- Bartmiński Jerzy* (szerk.), Językowy obraz świata. Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin 2004.
- Барыгин И. Н.* (szerk.), Основы регионоведения. Москва 2007.
- Benkő Loránd* (szerk.), A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest 1982.
- Бусел В. Т.* (szerk.), Словник української мови. Київ 2002. В тексті [СУМ].
- Бусел В. Т., М. Д. Василега-Дерибас, О. В. Дмитрієв* (szerk.), Великий тлумачний словник сучасної української мови. Київ 2001.
- Цивьян Т. В.*, Лингвистические основы балканской модели мира. Москва 1990.
- Даль В. И.*, Толковый словарь живого великорусского языка. [1863-1866]: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/>.
- Dubisz Stanisław* (szerk.), Uniwersalny słownik języka polskiego. Warszawa 2003.
- Евгеньева А. П.* (szerk.), Словарь русского языка. [1981-1984]. <http://feb-web.ru>.
- Фасмер М.*, Этимологический словарь русского языка. [1964 – 1973]: www.vasmer.narod.ru.
- Ігнатюк І. С., Білоноженко В. М.*, Словник фразеологізмів української мови. Київ 2003.
- Караулов Ю. Н.*, Русский язык и языковая личность. Москва 1987.
- Красных В. В.*, «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва 2003.
- Krzyżanowski Julian* (ed.), Nowa Księga Przysłów Polskich. Warszawa 1970.
- Літери А. Н., Літери О.Я.*, Словник синонімів української мови. Київ 2006.
- Мельничук О. С.*, Етимологічний словник української мови. Київ 1999.
- Национальный корпус русского языка.* www.ruscorpora.ru.
- Nyomárkay István*, Nyelveink múltja és jelene. Opera Slavica Budapestiniensia. Cathedra Philologiae Slavicae. Budapest. 2004.
- O. Nagy Gábor*, Magyar szólások és közmondások. Budapest 1976.
- Otwarty słownik frekwencyjny języka polskiego:* <http://elektronikjk.republika.pl/i27.html>.
- Ожегов С. И., Н. Ю. Шведова* (szerk.), Толковый словарь русского языка. [1949]: www.ozhegov.ru.
- Petar Skok*, Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb 1973.
- Степанов Ю. С.*, Константы: Словарь русской культуры. Москва. 2004.
- Телия В. Н.*, Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва 1996.
- Ушаков Д. Н.* (szerk.), Большой толковый словарь русского языка. [1935.-1940]. <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/>.

Ernest Barić

MAĐARSKE INTERNETSKE STRANICE O HRVATSKOM JEZIKU

Abstract: The author gives the overview of Hungarian web pages dealing with Croatian language.

Regarding the complex nature of the subject matter, the article analysis the topic in the context of Croatian and international Slavistic literature dealing with this topic.

Keywords: Hungarian Internet pages, Slavic languages, language classification, Croatian language, standard language

Zbog brzine kojom se širi uporaba interneta diljem svijeta skoro da je i nemoguće odrediti broj korisnika, međutim posve je razvidno da sadržaji što ih nude internet-ski portali postaju dostupni sve širem krugu ljudi, bez obzira na životnu dob i naobrazbu. Jednako tako za mnoge i jedini izvor što kraćih što dužih, shvatljivim jezikom uobličene informacije o određenoj temi. Stoga je posebno zanimljivo propitkivanje obavijesti što ih nude mađarskim govornicima mađarske internetske stranice o hrvatskom jeziku. Ovoga ćemo puta od većeg broja tekstova objavljenih na netu o hrvatskom jeziku izdvojiti one koji bi trebali „prosječnog mađarskog građanina „ uputiti na pragmatičan način u osnovne podatke o hrvatskom jeziku. Kada su u pitanju internet-ski portali, kao pravilo, na prvom se mjestu, ne samo u Mađarskoj, nameću podaci što ih nudi tzv. slobodna enciklopedija, poznatija pod nazivom Wikipedija, a koju otvara i čita većina znatiželjnika. U njoj pak stoji:

„A **horvát nyelv** (**horvátul** *hrvatski jezik*) az indoeurópai nyelvcsalád szláv ágának dél-szláv nyelvcsoportjához tartozik, ennek is a nyugati alcsoportjához. A szociolingvisztika szempontjából egyrészt a hagyományosan szerbhorvát nyelvnek nevezett, a szerbek, a horvátok, a bosnyákok és a montenegróiak közös abstand-nyelvének egyik változata, másrészt különálló, saját sztenderddel rendelkező ausbau-nyelv. A horvát hivatalos nyelv Horvátországban, Bosznia-Hercegovinában és a szerbiai Vajdaságban. Horvát nemzeti kisebbségek beszélnek Ausztriában (Burgenlandban), a Vajdaságban, Magyarországon és Romániában. Nagyszámú horvátjékú kivándorolt él Nyugat-Európában, Észak-Amerikában és Ausztráliában is. A burgenlandi horvát nyelvet (gradišcei nyelv) oktatják az ausztriai és nyugat-magyarországi horvát nemzetiségi iskolákban, s a horvát állam is szavatolja nyelvi státuszát ennek. A beszélők száma kb. 6 millió fő.”

Valja znati da se jezici uglavnom klasificiraju po rodoslovnom (genetskom) i tipološko-strukturalnom kriteriju. Iako su obje klasifikacije smislene i počesto dobro razrađene, njihova je manjkavost u opisu jezika očita: naime, postoji velik broj jezika koji su slični ili isti po strukturalnom kriteriju, no priznati su u svijesti svojih go-

vornika kao različiti jezici. Stoga su jezikoslovci Heinz Kloss i Joshua Fishman uveli, kao sociolingvističko oružje, sljedeće pojmove: *Abstandsprache*, *Ausbau-sprache* i *Dachsprache*.

a) *Abstandsprache* je pojam koji opisuje jezike što odgovaraju konvencionalnim kriterijima jezika, tj. toliko se razlikuju da su nerazumljivi: npr. ruski i japanski.

b) *Ausbausprache* označuje standardne jezike nastale na temelju slične ili iste dija-
lekatske baze. Primjeri su hrvatski i srpski, urdu i hindi, nizozemski i afrikaans,
malajski i bahasa indonežanski

c) *Dachsprache* je pojam za standardni jezik koji je općenacionalni porabni jezik u
višedijalekatskoj jezičnoj zbilji. Primjeri su standardni talijanski, njemački i arap-
ski. Po mišljenju hrvatskih jezikoslovaca ovamo pripada i hrvatski standardni jezik.

Prema tome, podaci o hrvatskom jeziku na mađarskoj Wikipediji slijede metodo-
logiju po kojoj se na prvo mjesto stavlja geneza, tj. podrijetlo hrvatskoga jezika, a
potom, sukladno spomenutoj sociolingvističkoj teoriji, koju zastupa dio jezikoslo-
vacu u svijetu, hrvatski se jezik tretira s jedne strane kao jedna od varijanata zajed-
ničkoga (*abstandsprache*) jezika, zvanoga srpskohrvatski, s druge pak strane i kao
jezik s vlastitim standardom (*ausbausprache*). Poglavlje mađarske Wikipedije o
hrvatskom jeziku završava s navođenjem broja i rasprostranjenosti govornika
hrvatskoga jezika.

Budući da je prema članku br. 12. Ustava Republike Hrvatske u toj državi u službe-
noj uporabi hrvatski jezik i latiničko pismo, valja pogledati koje podatke smatra re-
levantnim za hrvatski jezik hrvatska Wikipedija. U njoj pak stoji ovo:

„**Hrvatski jezik** spada među južnoslavenske jezike. S njima pripada široj zajednici slaven-
skih jezika, a svi zajedno ulaze u indoeuropsku jezičnu porodicu. **Hrvatski jezik** (ISO 639-
3: hrv) skupni je naziv za standardni jezik Hrvata, i za skup narječja i govora kojima govore
ili su nekada govorili Hrvati. Njime govori oko 5,546.590 ljudi, poglavito Hrvata u Hrvat-
skoj (3,980.000; popis iz 2001.). Nadalje: Austrija, 19.400 (popis iz 2001.); Bosna i Herce-
govina, (469.000; 2004.); Mađarska, 14.300; popis iz 2001.); Italija (3.500; Vincent 1987.);
Crna Gora (6.810; 2006.); Srbija, 114.000; 2006.); Slovačka, 890; popis iz 2001.); Sjedin-
jene Države, 58.400; popis iz 2000.).Hrvatski je službeni jezik Republike Hrvatske i jedan
od tri službena jezika Bosne i Hercegovine, jedan od sedam službenih jezika AP Vojvodine
(Srbija), kao i jedan od službenih jezika Crne Gore. Lokalni idiomi hrvatskoga koriste se
kao službeni jezik u pojedinim općinama u austrijskoj saveznoj zemlji Gradišću (Burgen-
land), odnosno u talijanskoj provinciji Moliseu.”

Konstatacija (politička i znanstvena) o nazivu hrvatskoga (standardnoga) jezika u Hrvatskoj prihvaćena je i od susjednih država koje u osnovici svoga službenoga jezika imaju također novoštokavštinu. Znači i u Srbiji, Bosni i Hercegovini te u Crnoj Gori priznat je hrvatski kao državni jezik u Republici Hrvatskoj, a također i kao jedan od triju službenih jezika u Bosni i Hercegovini. Tu dakle više nema službenih osporavanja i svojatanja naziva. Nije više upitno ni pismo. U Hrvatskoj je u službenoj porabi isključivo latinica.

Ako usporedimo pristup i stavove autora, sastavljača natuknice o hrvatskom jeziku na mađarskoj Wikipediji s onima na hrvatskoj Wikipediji dolazimo do zaključka da se oni slažu u nužnosti i prioritetnom isticanju rodoslovnog kriterija, dakako i u navođenja prostora i broja te rasprostranjenosti govornika hrvatskoga jezika. Uostalom, tih se načela strogo pridržava i hrvatska Wikipedija, pa se ona primjenjuju i u slučaju informacija npr. o mađarskome jeziku.

„**Mađarski jezik** (ISO 639-3: hun), kojim govore Mađari, narod u Srednjoj Europi, je jezik koji pripada ugro-finskoj jezičnoj skupini, uralskoj porodici. Njime govori ukupno 13.611.600 ljudi u svim državama. Kako je mađarski jezik službeni jezik Mađarske, on je istovremeno i jedan od službenih jezika Europske Unije. Mađarski je također jedan od službenih jezika Vojvodine i službeni jezik tri općine u Sloveniji: Hodoš, Dobrovnik i Lendava, zajedno s slovenskim. Mađarski je službeno priznat i kao manjinski ili regionalni jezik u Austriji, Hrvatskoj, Rumunjskoj, Bukovini, Zakarpaciji u Ukrajini i Slovačkoj. U Rumunjskoj i Slovačkoj, službeni je jezik na lokalnom nivou u svim općinama i gradovima gdje je mađarska etnička zajednica veća od 20%.”

Kada je međutim u pitanju hrvatski jezik, za razliku od gore navedenoga sociolingvističkoga gledišta mađarskih autora, službeno stanovište hrvatskih mjerodavnih institucija - a koje je identično sa stajalištem hrvatskih jezikoslovaca - promiče tezu prema kojoj se mora imati na pameti činjenica da „hrvatski jezik čini sustav od tri narječja hrvatskog jezika: štokavskoga, kajkavskoga i čakavskoga, te da „hrvatski standardni jezik nema dijalekatske osnovice, niti je istovjetan s nekim dijalektom posebno, on je samo dosljedna stilizacija novoštokavske jekavštine zapadnoga tipa, uz tronarječnu nadogradnju prema višestoljetnoj hrvatskoj književnoj baštini. Hrvatski standardni jezik nije samo štokavština ili samo čakavština niti je to samo kajkavština, opće hrvatski standardni jezik je suodnos sva tri hrvatska narječja i mogućnost komunikacije među njima što ga čini specifičnim i jedinstvenim.”

Drugim riječima stav je hrvatskih jezikoslovaca prema nazivu i fenomenu „srpsko-hrvatskoga” (sa ili bez sociolingvističkog motrišta) oblikovan u nizu studija što su počele, moglo bi se reći kulturnim djelom Petra Guberine i Krune Krstića: «Razlike između hrvatskoga i srpskoga jezika», 1940., a nastavile su se člancima, tekstovima, knjigama i monografijama Ljudevita Jonkea, Bulcsú Lászlóa, Radoslava Katičića, Dalibora Brozovića, Stjepana Babića, Branka Franolića, Josipa Silića, Ive

Pranjkovića, Marka Samardžije, Branke Tafre, Mire Kačića, Mirka Petija, Nataše Bašić i drugih. Iako među hrvatskim jezikoslovcima često dolazi do žustrih svađa i prepucavanja oko vječne hrvatske teme, pravopisa, što se tiče «srpsko-hrvatskoga» (hrvatskosrpskoga, hrvatskog ili srpskog) mišljenje je jednoglasno: taj jezik nikada nije postojao (stoga nije se ni raspao niti još opstoji u ostacima) osim kao imaginarni politički konstrukt bez stvarnoga sadržaja. S tim je u skladu praksa u kojoj je u hrvatskoj jezičnoj kulturi naziv «srpskohrvatski», kao i drugi dvojni nazivi, potpuno nestao iz uporabe.

Što se tiče naziva «srpskohrvatski», srpski su lingvisti, za razliku od hrvatskih, podijeljeni. Uzroci takovomu stanju višestruki su, od srpskih nacionalnih do jugounitarnih, od jezičnopovijesnih do općeuljudbenih. Naime, u srpskoj je jezičnoj kulturi dominiralo, često prešutno, mišljenje da je srpskohrvatski zapravo srpski jezik koji se proširio izvan jezgrenih srpskih etničkih prostora i kojeg je oblikovao, praktički isključivo na srpskim pučkim govorima, Vuk Karadžić. Tijekom obje Jugoslavije srpski jezik je bio u dominantnome položaju u odnosu na hrvatski, i to ponajviše zbog dva činitelja: srpske demografske prevlasti i teritorijalne proširenosti, kao i centralističkoga uređenja što je pogodovalo širenju idioma glavnoga grada zajedničke države. Bez apostrofiranja drugih unutar-srpskih jezičnih sporova (ćirilica-latinica; ekavica-jekavica; status crnogorskoga), moglo bi se zaključiti sljedeće: većinu su stavova o srpskohrvatskom oblikovali filolozi i lingvisti Mihailo Stevanović, Radosav Bošković, Miloš Moskovljević, Pavle Ivić, Milka Ivić, Aleksandar Mladenović, Ivan Klajn, Branislav Brborić, Slobodan Remetić, Miloš Kovačević, Radmilo Marojević, Milorad Radovanović, Predrag Piper i drugi. Raznorodnost tih stavova očituje se u tom da je i dalje, bar u nekim filološkim izdanjima, u porabi pojam «srpskohrvatski»- iako je službeno naziv jezika srpski jezik. Ovdje napominjemo da su Srbi svoj jezik službeno zvali srpskim jezikom do 1923. godine. No kada smo već spomenuli stavove istaknutih hrvatskih i srpskih jezikoslovaca, odnosno njihove argumente oko valjanosti i utemeljenosti jednočlanog ili dvočlanog naziva jezika Hrvata i Srba, ukažimo i na silnice, odnosno ishodište iste problematike u slavistici.

Korijeni široke recepcije srpsko-hrvatske jezične ideologije mnogobrojni su, no, većina se može svesti na dvije ili tri teze: rana je slavistika (Josef Dobrovsky, Pavel Šafařík, Jan Kollar, Franc Miklošič, Jernej Kopitar, Vuk Karadžić) pogrešno ocrtala odnose među južnoslavenskim jezicima, dijelom politički motivirana kao produžena ruka onodobne habsburške politike, a još više kao dio općega stanja u jezikoznanstvu onoga doba što je miješalo discipline kao što su filologija, povijest, etnografske zabilježbe i sl., dok prava lingvistika još nije ni postojala; velika, ili u više područja života potpuna razumljivost govora koji su označeni kao hrvatski i srpski, a što je dugo vrijedilo (a i sad često važi) kao glavni i jedini kriterij u klasifikaciji jezika svijeta; i, konačno, aktivnost hrvatskih i srpskih jezikoslovaca i pisaca na polju jezične unifikacije tijekom većega dijela 19. pa i početka 20. stoljeća, ti su

autori, motivirani jugoslavenskom ideologijom i onodobnim shvaćanjima jezika sami inzistirali da se radi o jednome jeziku kojega su različito nazivali. Većina je inozemnih slavista djelovala u doba SFRJ. Najpoznatiji slavisti koji su se bavili i bave proučavanjem srpskohrvatskog, hrvatskog ili srpskog, srpskog, hrvatskog jezika: László Hadrovics, István Nyomárkay, Arturo Cronia, Gerhard Neveklowsky, Kenneth Naylor, Roger Auty, Thomas Magner i dr. Poslije raspada SFRJ afirmiraju se studije i knjige Leopolda Auburgera, Ljudmile Vasiljeve, Elisabeth Erdmann-Pandžić i Claudea Hagegea, Sumarno, moglo bi se reći sljedeće:

- u doba SFRJ srpskohrvatski je uživao popularnost koja je bila refleks dvaju izvanjezičnih čimbenika: utjecaja Jugoslavije u međunarodnoj politici kao tamponzone među blokovima i jednoga od osnivača Pokreta nesvrstanosti te privlačnosti jugoslavenskoga samoupravljanja i «trećeg puta» za nemali dio zapadnih ljevičara - većina je stavova o statusu srpskohrvatskoga bila unitaristički ili prosrpski nastrojena

- po nestanku komunizma srpskohrvatski je izgubio dosta od političke važnosti, a broj se slavista koji se njime bave smanjio. Jedan, pretežniji dio slavista starije generacije i dalje ustrajava na tome da srpskohrvatski i dalje postoji. No, mišljenje je većine mlađih da više ne postoji ili da nikada i nije postojao.

Nakon ove, sinkronijski i dijakronijski kombinirano orisane panorame oko naziva jezika kojim govore Hrvati, vratimo se ponovo u naše vrijeme interneta, i nastavimo s analizom naslovom naznačene teme u Mađarskoj, Hrvatskoj susjednoj, neslavenskoj zemlji, ali i državi sa značajnom slavističkom tradicijom i visokim dometaima u slavističkoj znanosti.

Na internetskom portalu Isztrana.hu u slučaju hrvatskoga jezika uz genetsko-lingvistički kriterij očitu prednost uživaju u svojstvu izdvojenih relevantnih informacija i hrvatska narječja koja bi, po svemu sudeći, za mađarske turiste trebala imati i posebnu draž.

„A horvát indoeurópai nyelv, a szláv ágon belül a délszláv nyelvek csoportjába tartozik. Három nyelvjárása ismert, ezeket a mi? mit? kérdőszavak eltérő használatára alapján különböztetik meg. A legelterjedtebb a **štokavski**, az ország nagy részén ezt beszélik. Zágrábban, a Muraközben, Zagorje régióban, illetve az Isztria északi részén a **kajkavski** nyelvjárással találkozunk. A szigeteken, az Isztrián, Split és Zadar környékén az **i-zó változat** használatos.”

Druge putničke agencije, kao npr.: Wikitravel u svojoj turističkoj promidžbi u slučaju poticanja na putovanje u Hrvatsku i ostale zemlje bivše Jugoslavije na prvo mjesto stavljaju mogućnost lakog jezičnog sporazumijevanja među Hrvatima, Srbima, Bošnjacima i Crnogorcima, jer da je njihov jezik „takoreći isti” pa se ta okolnost ističe kao vrlo važna i u slučaju hrvatskoga jezika, uz dakako napomenu da se hrvatski „u svakom pogledu razlikuje od mađarskog jezika”

„A horvát nyelv a szláv nyelvek családjához tartozik. Hivatalos nyelv Horvátországban és Bosznia-Hercegovina egy részében. Majdnem azonos a szerb, a bosnyák és a montenegrói nyelvvel, tehát az utazó kommunikálni tud vele Szerbiában, egész Bosznia-Hercegovinában és Montenegróban is. A horvát nyelv minden tekintetben nagyon különbözik a magyartól.”

Sličnu ćemo formulaciju naći i na Wapediji koja također inzistira na kriteriju razumljivosti, no pomalo spekulativno i iznenađujuće, valjda na nekom tragu Jurja Križanića, tvrdi pozivajući se na „analitičare” (sic!) kako bi se današnji hrvatski standard u znatnijoj mjeri razlikovao i od bošnjačkoga i srpskoga da je nastao mješavinom hrvatskih narječja: štokavskog, kajkavskog i čakavskog. U tom smislu navodi :

„A mostani horvát nyelv még mindig csaknem azonos a bosnyák és a szerb sztenderrel, szemben a két horvát nyelvváltozat továbbra is jól érezhető és nagy eltéréseket mutat ezektől. Elemzők szerint, amennyiben mégis e három dialektusból alakult volna ki a horvát irodalmi nyelv, úgy az jobban különbözne a bosnyák és szerb nyelvtől.”

Ovo prenaplašavanje i isticanje razumljivosti jednoga jezika govornicima drugoga, ne samo u turističke promidžbene svrhe, već često i u/uz slučaju određivanja kriterija genetičke i strukturalne podjele jezika osjeća se, ne samo u slučaju hrvatskoga jezika već i pri klasifikaciji nekih drugih slavenskih jezika na mađarskim internet-skim stranicama. Kao što je i navedeno ovi stavovi imaju svoja čvrsta uporišta i u slavističkoj jezikoslovnoj literaturi Tako na primjer mađarska Wikipedija za slovački jezik kaže da su mu najbliži srodni jezici češki i poljski („a szlovák nyelv legközelebbi rokonai a cseh és a lengyel”) čemu se zapravo i nema što prigovarati, ali ako tu tvrdnju promatramo u opreci s češkim jezikom uočiti ćemo neznatnu, ali u kontekstu tretirane problematike istosti-sličnosti jezika, ipak bitnu razliku. Naime kod češkoga jezika stoji da mu je najrodniji slovački jezik, pa se još dodaje da s njim (dakle, sa slovačkim jezikom) postoji uzajamna razumljivost, pa se još u zagradi doduše, dodaje kao da je riječ o dvama dijalektima istoga jezika („a cseh legközelebbi rokona a szlovák nyelv, amellyel közös érthetőség áll fenn (mintha egyazon nyelv két nyelvjárása lenne”). Na tom tragu valja promatrati i interpretirati i formulacije o suodnosu makedonskog i bugarskog jezika. Naime sintagma „uzajamna razumljivost” odnosno inačice poput „visok stupanj uzajamne razumljivosti”, „uzajamna razumljivost između ova dva jezika je do dana današnjega 99%-na „potvrđuju koliki se značaj u klasifikaciji i procjeni srodnih jezika pridaje eluzivnom pojmu uzajamne razumljivosti. („A macedón és a bolgár nyelv között magas fokú a kölcsönös érthetőség.” „A bolgár és a macedón nyelv között a kölcsönös érthetőség mind a mai napig 99%-os”.)

Sumirajući ovaj kraći prikaz mađarskih internetskih stranica o hrvatskom jeziku iz mađarske vizure, ali i u kontekstu postojeće relevantne kroatističke literature i sta-

vova, može se zaključiti da postoje različita gledišta o hrvatskom jeziku, odnosno njegovu nazivu, ovisno o postavljanim kriterijima raščlambe o njemu.

Pri tome držim kako bi valjalo voditi jednako tako računa i o neprijepornoj i najvidljivijoj činjenici, naime da nema puno smisla inzistirati na raznim kriterijima o postojanju i opstojnosti jezika za koji sami korisnici u njihovoj matičnoj zemlji tvrde da ne postoji. Činjenica jest naime da je u Hrvatskoj u službenoj uporabi hrvatski, u Srbiji srpski, U Bosni i Hercegovini hrvatski, srpski i bosanski, u Crnoj Gori pak crnogorski standardni jezik. To stoji i onda ako smo svjesni da postoje od vrijednosnih sudova znanstveniji kriteriji klasifikacije jezika, no tu bih se složio s Radoslavom Katičićem koji je o tome u svojim „Novim jezikoslovnim ogledima” (1992) napisao i ovo: „Poznato je također da je jezik ljudima uvijek i nosilac nekih vrijednosti, da se prema njemu opredjeljuju: osjećaju ga kao svoj ili tuđ, kao lijep ili ružan, kao njegovan ili zapušten. On im je simbol i uvijek nova potvrda duhovnoga bića i narodnosne pripadnosti, on im je, kako veli Herder, prava domovina. Jezik je dakle taj koji jest ne samo zato što je takav, a ne drukčiji, što je postao tako, a ne drukčije, nego i po tomu što nosi te, a ne druge vrijednosti. To je vrijednosni vid jezičnoga identiteta”.

Izbor iz literature

- Leopold Auburger: Hrvatski jezik i serbokroatizam, 2009, Rijeka.
 Stjepan Babić: Hrvatski jezik u političkom vrtlogu. 1990, Zagreb.
 Artur R. Bagdasarov: Hrvatski književni jezik i njegova norma. 2010, Rijeka
 Nataša Bašić: O postanku hrvatskoga književnog jezika, *Jezik*, 45,4, 1998, Zagreb
 Branislav Brborić: O jezičkom raskolu, Heleta, 2000, Beograd
 Dalibor Brozović: Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti, u «Hrvatska književnost u evropskom kontekstu», Liber, 1978, Zagreb
 Ranko Bugarski: Jezik od mira do rata. 1994, Beograd.
 Mario Grčević: Zašto slavistika 19. stoljeća nije priznavala postojanje hrvatskoga jezika? Uzroci i posljedice, *Jezik*, 45., 1., 1997., str. 3.-28.
 Hadrovics László : Ungarische Elemente im Serbokroatischen. 1985, Budapest.
 Pavle Ivić: O jeziku nekadašnjem i sadašnjem, BIGZ-Jedinstvo, 1990, Beograd
 Miro Kačić: Hrvatski i srpski: zablude i krivotvorine, Zavod za lingvistiku FF, 1995, Zagreb
 Miloš Kovačević: Srpski jezik i srpski jezici, SKZ-BIGZ, 2003, Beograd
 Josip Lisac : Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja. 2003, Zagreb.
 Mijo Lončarić: (urednik) Hrvatski jezik. Uniwersytet Opolski-Institut Filologii Polskiej: Opole, 1998, Opole.
 Muguš Milan : Povijest hrvatskoga književnoga jezika, Zagreb, 1993.

- Nyomárkay, István (2002): Anyanyelvi ébredés és hagyomány nálunk és szomszédainknál. Budimpešta.
- Nyomárkay István: Nyelveink múltja és jelene. 2004, Budapest.
- Nyomárkay István: Rövid horvát és szerb nyelvtörténet, 2008, Budapest.
- Ivo Pranjković: Kronika hrvatskoga jezika. 1993, Zagreb.
- Josip Silić, Ivo Pranjković: Gramatika hrvatskoga jezika. 2009, Zagreb.
- Samardžija Marko: Leksikologija hrvatskoga jezika. 2004, Zagreb.
- Marko Samardžija: Iz triju stoljeća hrvatskoga standardnog jezika, MH, 2004, Zagreb
- Samardžija, Marko – Selak, Ante : Leksikon hrvatskoga jezika i književnosti. 2001, Zagreb.
- Samardžija, Marko (urednik): Norme i normiranje hrvatskoga standardnog jezika. 1999, Zagreb.
- Sesar, Dubravka: Putovima slavenskih književnih jezika, 1996, Zagreb.
- Milan Šipka: Standardnojezička preispitivanja. I. 2008, Novi Sad.
- Živojin Stanojčić, Ljubomir Popović: Gramatika srpskog jezika. 1992, Beograd-Novi Sad.
- Zlatko Vince: Putovima hrvatskog književnog jezika. 2003, Zagreb.

LESIKA V MUKIČEVEM ROMANU GARABONCIJAŠ¹

Abstract: The novel *Garaboncijaš* was published in 2005 in the story collection *Med Rabo In Muro (Between the Raba and Mura Rivers)*, subtitled *Porabska legenda (The Porabje Legend)*, written by France Mukič. At phonological, morphological, syntactical and lexical levels the work is based on the Prekmurje Goričko subdialect. Numerous tropes and figures of speech show that this is a work of art, as it elevates above a dialect and forms the contemporary Prekmurje literary language with a 200-year-long tradition. The lexis is Pannonian Slovene, especially the one in the Goričko, only 47 words are borrowed from Hungarian language, numerous loanwords are taken from German and have remained in the dialect until today.

Key words: Prekmurje Goričko subdialect, first Porabje novel, Pannonian lexis, German and Hungarian loanwords.

1 Prekmurščina v romanu *Garaboncijaš*

Prekmurščino kot eno izmed štirih narečij panonske narečne skupine so natančneje raziskovali številni dialektologi: M. Valjavec, J. Agustich, B. Raić, O. Asbóth, A. Pavel, F. Ramovš, A. Vratuša, T. Logar, V. Novak, J. Rigler, Z. Zorko, M. L. Greenberg in drugi.

Prekmursko narečje se tradicionalno deli na tri podnarečja: goričko, ravensko in dolinsko. Podskupine se glasovno razlikujejo po razmeroma mladih, samo prekmurskih inovacijah: (1) zaokroževanje kratkega in nenaglašenege *a* v goričkem in ravenskem podnarečju; (2) zaokroževanje dolgega naglašenege *a* v dolinskem podnarečju (vpliv prleščine); (3) razvoj končnega *-t* v *-o* (goričko, ravensko) ali v *-u* (dolinsko); sprememba *j > d', g* (goričko, ravensko).

Kot obrobno narečje slovenskega jezikovnega ozemlja ohranja strukturno prvino: kračino kot odraz starega akuta. Zveze z zahodnoslovanskimi jeziki (slovaščina) se kažejo zlasti v glagolski spregatvi tipa *ne'se:š* (slš. *nesieš*).

Kot narečje v stiku z nemščino in madžarščino ima prekmurščina nekatere posebne razvoje, npr. (1) palatalni zaporniški izgovor *j* kot: enofonemski *dj, tj, kj, dž*, odvisno od glasovne sosesčine; (2) sprednja zaokrožena samoglasnika *ü* za *u* in *ö* za *e, u* ob zvočnikih *v* in *r*.

¹ Besedilo je bilo pripravljeno z vnašalnim sistemom ZRCola (<http://ZRCola.zrc-sazu.si>), ki ga je na Znanstvenoraziskovalnem centru SAZU v Ljubljani (<http://www.zrc-sazu.si>) razvil dr. Peter Weiss.

Prekmursko besedje se zaradi dolgotrajne odrezanosti od drugih slovenskih narečij in zaradi nealpskoslovenskega razvoja, pač pa panonskoslovenskega kot nadaljevanje Ciril-Methodove tradicije in zaradi družbenopolitičnih in cerkvenoupravnih razmer loči od osredneslovenskega.

Zunajjezikovno dejstvo je dolgo izročilo pokrajinskega knjižnega jezika, ki se še vedno uporablja v zasebnem sporazumevanju in kot obredni jezik pri evanģeličanih v Prekmurju.

V soglasniškem sistemu se od Logarjevega izhodiščnega sistema razlikujejo naslednji razvoji: (1) nezvočniki (pa tudi zvočnik *v*) so nezveneči pred nezvenečimi zaporniki in pred premorom (v Porabju so zveneči ostali v števanovskem govoru); (2) zahodno ravensko narečje pozna prehod *j* ~ [g] pred sprednjimi samoglasniki na začetku besede, [dž] pred zadnjimi, pa tudi pred *e*, za nezvenečim soglasnikom *dj* izgubi zven in preide v *t'* ali *kj*; (3) končna trdi *t* in palatalni *lj* sta zgodaj sovpadla in se razvila v -□: *s'pa*:□, *k'ra*:□ 'kralj'; (4) -*h* > -*j* ali -∅: *st'ra*:*j/st'ra*:; (5) -*m* > -*n*/*-m* (v Števanovcih).

Dolgi samoglasniki: v goričkem podnarečju: *i*:, *ü*:, *u*:, *e*:□, *o*:□, *e*:, *o*:, *a*:, □: (Gornji Senik); *i*:, *ü*:/*ü*:□, *u*:, *e*:, *o*:, *e*:□, *o*:□, *a*:□, *a*:□, □: (Števanovci); v ravenskem podnarečju: *i*:/*i*:□, *ü*:/*ü*:□, *u*:, *e*:□, *o*:□, *e*:, *o*:, *ö*:, *a*:, □: (Cankova) in v dolinskem podnarečju: *i*:, *ü*:, *u*:, *e*:□, *o*:□, *i*:*e*, *ä*:, *ö*:, □: (Polana) so si po izvoru in po razvoju zelo podobni.

Kratki naglašeni vokali *e*, *o* in *a* se lahko v goričkem podnarečju diftongirajo. Moderna vokalna redukcija je živa le ob zvočnikih.

Prekmurska narečja ne poznajo intonacijskih opozicij, naglas je jačinski, dolg in kratek. Dolgi in kratki naglašeni zlogi so možni v vseh besednih zlogih večzložnih besed. Besedni naglas je podoben, kot je v večini slovenskih narečij in v knjižnem jeziku; po naglasnem umiku sta *e*, *o* še kratka: *sèstra*, *kòsa*, kratki polglasnik ima odraz *e*: *mègla*; v sedanjiški glagolski spregatvi tipa *nesem* in *berem* je ohranjeno končniško naglaševanje: *na'se:n*, *be're:n*; v 1. moški in 1. ženski sklanjati se veliko samostalnikov sklanja po mešanem naglasnem tipu.

2 Roman Garaboncijaš

Roman *Garaboncijaš* Franceka Mukiča s podnaslovom *Porabska legenda* je izšel v knjižni zbirki *Med Rabo in Muro* leto 2005, založila in izdala ga je podjetje za promocijo kulture Franc-Franc, d. o. o., v sodelovanju z Zvezo Slovencev na Madžarskem.

Milan Vincetič je v spremni besedi zapisal: »(...) V rokah imamo prvi roman v porabščini, ki se danes – tako v govorni kot pisni varianti – vse bolj in bolj uporablja kot primarni sporazumevalni jezik – kot nadnarečni knjižni jezik (...) (pa tudi kot) jezik umetniške besede (...). (Roman) spregovori o svinčenih povojnih

časih v tem kar pozabljenem slovenskem kotu, ki je bil (...) v navzkrižju tako madžarsko-sovjetskih kot jugoslovanskih interesov (...). Pisatelj Francek Mukič se je lotil še do danes (ne)pojasnjene življenjske zgodbe o Marciju Lo(n)čarju, vihravem (...), malce naivnem mladeniču, ki na samo kresno noč pade, menda zaradi izdaje, pod streli še do danes neznanih morilcev, najbrž pripadnikov (madžarskih) obmejnih tajnih služb. Strašljiv uboj mladeniča, ki se zgodi blizu njegove rodne domačije – torej v Gornjem Seniku – le streljaj od takrat hermetično zaprte državne meje med Rákossijevo Madžarsko in takratno Titovo Jugoslavijo, je uvodni impulz in hkrati rdeča nit zgodbe, ki pa jo pisatelj hote pušča odprto (...). Francek Mukič nam 'rekonstruira' prihod sovjetske Rdeče armade, vojne razprtije med takratno prosovjetsko madžarsko oblastjo in slovenskimi partizani ter ambicijami takratnega Beograda, da se Porabje priključi k slovenski matici, plastično nam popiše agitacijo za Porabje na shodu v Bogojini in Martinju, pa tudi 'šolanje' in agitiranje Porabcev na partijskih tečajih v Murski Soboti (...). Marci Lončar se je z vsem srcem in mladostjo predal vihri takratnih časov, sodeloval je tudi na mladinski delovni akciji v Bosni in se navzel – kar ga je morda stalo življenja – tudi projugoslovanskih idej (...).«

Marci je literarna oseba, ki je žrtev zgodovinskih razmer pa tudi skrivnostne in usodne ljubezenske zgodbe do nekega avstrijskega dekleta, ki ga je spoznal na sezonskem delu, zato usodni poskus prebega meje, pri katerem so ga ubili, izginilo pa je tudi obdukcijsko poročilo.

V roman je vpletena tudi zgodba Tiborja Mesariča, slovenskega učitelja iz Porabja, ter porabskega arhivarja Miška Kolmaniča, ki se srečujeta v kavarni, šahirata in sestavljata zgodovinsko zgodbo. »Šahovska igra nosi simbolni pomen, podobno kot onadva premikata figure, veliki narodi premikajo male (...).« Domišljijo pa razburka tudi čudni biciklist Garabancijaš, ki privozi mimo pokopališča (...) kot skrivnostni duh – črnošolec, ki prižene nevihto.

Simbolni so etnomotivi (ljudska pesem *Laden vöter piše, piše ...*, opisi ptičev, kresna noč).

Roman je sestavljen iz treh delov v 60 poglavjih, ki so oštevilčena in onaslovljena (na 185 straneh), pisan v porabskem nadnarečnem knjižnem jeziku. Glasovna, oblikoslovna in besedijska ravnina ustrezajo seniškemu porabskemu govoru, ki se v razvoju zlasti kratkih ozkih samoglasnikov *e* in *o* loči od števanovskega govora (*ie*, *uo*), širše pa govor spada v prekmursko goričko podnarečje. Skladenjsko in besedilotvorno pa se roman kot umetniška stvaritev dviga nad vsakdanji pogovorni jezik: zapletene zložene povedi, premi govor, številni okrasni pridevki, metafore in figure barvajo izvirni osebni slog avtorja prvega porabskega romana.

Zgodovinski, geografski in socialni razlogi so upočasnili jezikovni razvoj pri Slovencih med Rabo in Muro, zato je v glasovju, zlasti pa v pregibanju besed in naglasnih vzorcih najti sled nekajstoletnega upočasnjenega razvoja iz skupne jugovzhodne slovenske osnove in današnji slovenski knjižni jezik zlasti v pregibanju ter

besedju črpa iz korenin tudi panonskega razvoja. Brati *Sveto pismo* v svojem jeziku je zahtevalo reformacijsko gibanje, od tod prekmurščina v knjigi že v 18. stoletju.

Književna dela, pisana v porabščini, tako npr. dela Irene Barber ali Karla Holeca pa tudi narečni članki v časopisu *Porabje*, za samoglasnike pišejo enoglasnike *i, u, e, o, a, ü, ö*, dvoglasnika *ej, au*, naglas pa le v določenih besedah: *dà* za 'gda', *v srcèj* (za naglašeni jat v mestniku ednine), *má* 'ima'.

3 Glasoslovne značilnosti v romanu Garaboncijaš

3.1 Samoglasniški sestav

Zapisani samoglasniški sestav v romanu: *i, u, ü, ö, e, ej, au* zastopa naslednje izhodiščne samoglasnike:

- *i* je refleks za dolgi in kratki *i*: *za njim, avstrijske plamine, z vesnicami, Sinčari, odili (so)*;
- *u* je odraz za samoglasniški *l*: *na dugi, sunci, žute (zvezde)*; v prevzetih besedah *cug, kugeo*;
- *ü* je nastal iz dolgega in kratkega *u*, za *v-* pa tudi iz *i*: *drüge, kupüvat, slüžit, se je sükala, vküper, čüdnoga; bi vüdo*;
- *ö* zastopa *e* za *v*, pa tudi *u* za *v*: *vöter, vögleda, tö, človökovoga, vöra*;
- *ej* je nastal iz dolgega jata: *pripovejst, pred mejsecom, v srcej, zrejli pojep, sejdat, vlejko, brejg, na bregej, na srejdik, lejt, nej*;
- *au* zastopa dva samoglasnika: dolgi etimološki *o* in dolgi nosni *on*: *prisaupo je, kraugli, na glavau, gaubec, pauleg, kokaut, stau, kauli, prauti, lepau*;
- *z e* se zapisuje knjižni polglasnik: *vesi, vzeme, zdeno se je*;
- *a* je odraz za dolgi in kratki *a*: *varaš, je stano, se vračit, na strani, grad, Slasko, granice*.

Nenaglašeni samoglasniki upadajo le ob zvočnikih. Nenaglašeni končaji *-al, -el, -il, -əl* se zapisujejo kot *-o*: *prisaupo je, je stano, se je zdeno, se je vlejko, je vüdo, je začno*.

3.2 Značilne prekmurske soglasniške premene so v romanu naslednje:

- mehki *nj* ohrani palatalnost: *v življenji, naslejdnje, zdajšnje, konji, s svoje lüknje*;
- pripornik *h* se izgovarja zveneče, zato onemeva, le v končnici *-ah* je onemeli *h* zamenjan z *j*: *se je zdeno; pijati, so odile, v tistaj cajtaj*;
- zvočnik *j* se večinoma izgovarja kot zapornik *g*, le za *c*, ki je nastal po palatalizaciji, izgubi *g* zvenečnost: *trge gezdeci, lidge, protivnicke*;

- sklop *-šč-* je ohranjen: *Grebenjšček*; redko je *-šk-*: *eške*;
- sklop *-kt* se premenjuje v *-št-*: *šteri*;
- *v* se pojavlja tudi kot proteza: *vövujšo*;
- sklop *-dn-* se zamenjuje z *-gn-*: *gnauk*.

3.3 Oblikospreminjevalne in oblikotvorne značilnosti

V prekmurskem oblikoslovju so ohranjene zgodnje etape v razvoju vseh oblikoslovnih sestavin. Srednji spol, ki v drugih narečjih pogosto izginja, zlasti v množini, in sicer v množici moških in ženskih samostalnikov, je tod dokaj močno ohranjen. Dvojina je trdno zasidrana v sistem, saj ima pridevniška sklanjatev posebno dvojinsko končnico *-va* (domnevno iz 'dva') – *lejpiva pojba*, *lejpivi dekli*. Samostalniške sklanjatve ohranjajo stare slovanske končnice z jatom, ženski orodnik ednine ima posebno končnico *-ov*. Ohranjeni so mešani, premični in končniški naglasni tip.

Samostalniki moškega spola se sklanjajo po nepremičnem, mešanem in končniškem vzorcu. V dajalniku in mestniku ednine nepremičnega naglasnega tipa je končnica *-i*: *klapáči*, *o klapáči*, druge končnice pa so enake knjižnim. Mešani naglasni tip ima v dajalniku in mestniku ednine naglašeno končnico *ej* iz starega jata: *svetej*. Podaljševanje osnove z *-ov* je pogosto: *mostauge*, *psauge*. V mestniku množine pa je *-áj* za stari *-áh*. V ženskih sklanjatvah je v orodniku ednine končnica *-ov*, če je naglašena, pa *-áuv*. Mešani naglasni tip je dobro ohranjen. Tudi ohranjeni samostalniki srednjega spola se lahko sklanjajo po vseh naglasnih tipih. Pridevniška sklanjatev je za moški spol trda: *nauvoga*, *nauvomi*, za ženski spol pa v dajalniku in mestniku prevladuje končnica *-oj*: *nauvoj*.

Glagolski nedoločnik se končuje na *-ti* ali *-čti*, namenilnik pa na *-t*, *-čt*. V spregatvi je ohranjeno naglaševanje osebila: *nes□n*, v 1. osebi dvojine se ohranja končaj *-va*: *nes□va*.

Pri nepregibnih besedah je izjemno bogata stara tvorba prislovov.

Za ponazoritev oblikoslovnega pregibanja navajava nekaj primerov, izpisanih s strani 11 obravnavanega romana.

Samostalniki moškega spola: *na bregej*, *lidgé*, *v tistaj cajtah*, *po varaši*, *na lanci*.

Samostalniki ženskega spola: *z lopatov*, *na glavau*, *vesi*; *črne očale* (feminizacija samostalnika srednjega spola v množini).

Samostalniki srednjega spola: *prauti sunci*, *v srcej*.

Pridevniške oblike: *na pravoj rami*, *na bajdvom tali*, *v najvejšom meri*, *svetoga Števana*, *grobijanskoga črnoga psa*.

Pregibanje zaimkov: *pod sebov*, *kakši*.

Glagolske oblike: *je prisaupo*, *je stano*, *se je zdeno*, *so odili*, *veter vlečé*, *je nej vlejko*; namenilnik: *so odili kipivat*, *slūžit*, *se vračit*, *na cug sejdat*.

Med prislovi je ohranjenih veliko arhaizmov: *vrkaj, dà 'ko', na dugi 'na dolgo', kak, na srejdik, ranč, vküper, trnok lepau, kaulivrat.*

Med vezniki so opazni *ka za 'da', ino, liki.*

Pogosti so razpoloženski medmeti: *gé pri vrági!, Baug daj!, Baug plati!, vala baugi!, njegovoga vraga!, vrazgé prepitani!, Ti svinja!, sakrabort namolt!*

4 Slog v romanu Garaboncijaš

Jezikovna analiza romana se samo dotika umetniških izraznih sredstev – tropov in figur (navedeni so primeri s strani 11 in 12 v romanu).

Okrasni pridevki: *kukaucino dajce, viherni cajt, sunčavin cajt, sinička s črnauv glavauv, pa z zamazano bejlím trbüjom; je kvoko črni žunec z redečím flekom na glavèj; črna zemlja, žmetna tihoča, svetešnjo nasé djani 'praznično oblečen'; zlatožuta farba; redeče zdruknlive litere na črnoj cimki; grobijanski divdji bik; kmečne – bejle – krvave oči; bikeča krv; zavržena pa odnemogla mrcina.*

Primeri ali komparacija: *Mrzlo je začnilo pijati, kak če bi na štajerskaj plaminaj vrag vövujšo s svoje lüknje. V sebi se je hrzo kak vrag, dà je angela zno-ro. (...) je žeden biu kak vrag; je letejla k meši kak en angeu, samo perauti nej mej-la; bi biu neviden (...) kak kakša düša al skazanca, dà preminé, (...) kak če bi se en velki djastrík 'jastreb' püščavo doj po zraki (...); kak kača se je sükala duga koritasta gorénjesinčarska dolina; zrankoma je pamet bole čista, ranč tak, kak vnoči düšna vejst; gvüšna kak smrt; kak štekeu dugi pojbiček 'šviglja'; je prišo s krčmé naceceni kak tele; Grebenšček (...) kak kakši kraugli grad; pokošeni travnik, kak če bi vüdo eno velko pošven šak tablo; trge apokaliptični gezdeci, kakši pridejo na konci sveta, s kósami (...); kak kakša velka črna komanca s štirimi listi 'detelja'; glava kak škaf; človekovo srce kak škrinja na odprejtom grobi; zvonauvge so naglo kak infarktuš opravili svoje delo; pobožen moški se je napau na mili, napau foliško smedjal kak kakši bejli mejsec; oči so se obračale kak krugle, dà loto vlečejo; ka so vidli, kak se poposki pomočnik ziba nut pa vö na dvera, kak kakša zapüščena sronjekina vrata brezi riglina v vötrovnóm vrejmeni; kak snejg bejla kobila.*

Stalne besedne zveze: *dati poštenjé; gnauk svejta, se ma je nej najbolje vid-la 'ugajala'; so potegnili rit s krčmé; mujs morem titi poslüšat 'nujno'; žitka svejta 'svoj živi dan'; s trebüjom za krüjom.*

Slog Franceka Mukiča se odlikuje tudi po rabi številnih ekspresivnih glagolov: *se je primlato 'pritepel'; želaudec je začno brüli 'kruliti'; gmanca je drü-go paut zmrnjavila 'zagodrnjala'; lecati 'sopsti'; lipati 'hlipati'; tackati pri grobi 'stopicati, drobiti'; ga je začno mraz lüčati; je telkokrat škrilila smrt v oči.*

5 Narečno slovensko panonsko besedje

V romanu prevladuje slovensko knjižno besedje. Panonizmi, to so narečne prekmurske besede, so najpogostejši pri samostalnikih in prislovih. V romanu so od 11. do 100. strani izpisani naslednji narečni samostalniki: *bojna* 'vojna', *čemer* 'strup, jeza', *črvau* 'črevo, trebuh', *dvera* 'vrata', *granica* 'meja', *gutanje* 'goltanec', *istina* 'resnica', *iža* 'hiša', *klepač/klapač* 'kladivo, klepec', *klonckanje* 'trkanje', *kokaut* 'petelin', *komanca* 'detelja', *krapla* 'kaplja', *kvoka* 'koklja', *krv* 'kri', *mlajši* 'otroci', *osmice* 'trepalnice', *pavličina* 'pajčevina', *pitanje* 'vprašanje', *polonje* 'polovica', *posanca* 'kozarec', *posvejt* 'luč', *spreved* 'pogreb', *sprtoletje* 'pomlad', *sto* 'miza', *stopaj* 'korak', *stvarina* 'divja žival', *svetek* 'praznik', *škonik* 'učitelj', *škrinja* 'krsta', *vauže* 'vrvi', *vrag* 'hudič', *vrejmen* 'čas, vreme', *vesnica* 'ves', *zavec* 'zajec', *žittek* 'življenje', *žunec* 'žolnec'.

Na istih devetdesetih straneh se pojavljajo:

- narečni pridevniki: *bikeči* 'bikovski', *čeden* 'pameten', *krmičen* 'temen', *kusti* 'debel', *ovaški* 'drugačen', *svetešnji* 'prazničen', *vrlj* 'priden, ubogljiv';
 - narečni zaimki: *nekak* 'nekdo', *nika* 'nič', *ništarni* 'nekateri', *vsakši* 'vsak';
 - narečni glagoli: *broditi* 'misliti', *gučati* 'govoriti', *klonckati* 'trkati', *pitati* 'vprašati', *platiti* 'plačati', *šteti* 'brati', *vračiti se* 'zdraviti se'.
- Številni so narečni prislovi:
- kraja: *ge* 'kje, kjer', *gekoli* 'kjer koli', *kama* 'kam', *kaulivrat* 'naokoli', *indrik* 'drugje', *nin* 'nekje', *spodik* 'spodaj', *vanej* 'zunaj', *vozajek* 'zadaj', *vseposedik* 'vseposvod';
 - časa: *dā* 'kdaj', *davnik* 'zdavnaj', *gnauk* 'enkrat', *nakraci* 'kmalu', *podnek* 'podnevi', *sledik* 'kasneje', *vnoči* 'ponoči', *zranje* 'jutri', *zrankoma* 'zarana';
 - načina: *kak* 'kako', *naleki* 'lahko', *ovak* 'drugače', *pa* 'zopet', *pomalek* 'polagoma', *zaistino* 'zares', *rejsan* 'res', *ovak* 'drugače', *na tiima* 'na tiho', *pošven* 'poševno', *zavole* 'dovolj'.

Narečnih veznikov in členkov je malo: *deja* 'toda, vendar', *ino* 'in', *liki* 'toda, ampak', *vej* 'saj', *vendrak* 'vendar'; *eške* 'še', *pre* 'baje', *vejpa* 'seveda'.

6 Abecedni seznam madžarizmov v Garaboncijašu

Po *Enciklopediji slovenskega jezika* (1992) Jožeta Toporišiča je prevzeta tista beseda, ki se v kateri jezik dobi iz kakega drugega jezika (ali iz narečja istega jezika). Je lahko občno ime, pogosto imenovano sposojenka, če je jeziku prevzemanja povsem prilagojena; če pa ni, ji pravimo tujka. Največ besed imamo prevzetih iz mednarodnega izrazja, napravljenega iz grško-latinskih podstav, iz francoščine, pri nas v neknjižnih zvrsteh še zlasti iz nemščine in madžarščine.

V romanu *Garaboncijaš* je 47 prevzetih madžarskih besed (*asek, bagoš, baja, bajus, banda, barbejr, batriven, bautoša, beteg, birauv/biró, birka, bočkor, börgle, bundaš, cigrejkli, čonta, djudeš, fajt, falat, féle, ferma, fotiv, fude, fúj, garaboncijaš, gezaro, ginglavi, kalapoš, kantor, kánžar, káp, kočič, labda, lanc, legén, mára, marof, padáš, penz, plebánoš, pükša, renda, reteške, rosag, somar, tanač, valón, varoš*).

Pregledane so tudi ustreznice v Pleteršnikovem *Slovensko-nemškem slovarju*. V njem je zapisanih 29 besed – 61,7 odstotkov. Le-te so naslednje: *bága, baja, banda, batriven, beteg, birka, bundaš, cintor, čonta, falat, fela, firma, fotiv, fundljáti, gingav, hasek, jezer, jud, kalpak, kanžar, kočiš, lanec, márha, márof, pajdaš, pênez, pleban, orság, pükša, reteš, somar, tanač, varaš*. Večini besed je dodana opomba – *ogrsko*, redko tudi *vzhodno Štajersko*.

Madžarizmi v romanu *Garaboncijaš* (vir: Francek MUKIČ, 2005: *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar*. Szombathely: Zveza Slovencev na Madžarskem): bagoš 'tobačna usedlina'; madž. *bagó*; baja 'napaka, motnja'; iz madž. *baj*; bajus 'brki'; banda; barbejr 'brivec'; madž. *barbély*; batriven 'pogumen, srčen'; madž. *bátor*; bautoša 'trgovec'; madž. boltoš; beteg 'bolezen'; madž. *beteg*; birka 'ovca'; birauv, biró 'sodnik'; bočkor 'stari čevelj'; madž. *bocskor*; börgle 'vile'; bundaš 'pes s kožuhom'; madž. *bundás*; cigrejkli 'cigareta'; čonta 'kost'; *csont*; fajt 'vrsta'; madž. *fajta*; falat 'košček'; féle 'raznovrsten'; ferma 'birma'; *bérma* (v madž.); fotiv 'pankrt'; *fattyú*; fude 'harmonika'; fúj 'pihati, sopsti'; garaboncijaš 'črnošolec'; ginglavi 'šibek'; madž. *gyenge*; asek 'korist'; *haszon*; gezaro 'tisoč'; ezer; djudeš 'judož'; júdás; kalapoš 'klobuk'; madž. *kalap*; kantor 'organist'; *kántor*; kánžar 'merjasec'; madž. *kandiszno*; káp; kočič 'kočijaž'; madž. *kocsis*; labda 'žoga'; lanc 'veriga'; legén 'fant' – *legeny*; mára 'živina'; *marhak*; marof 'pristava'; *major* 'pristava'; padáš 'prijatelj'; penz 'denar'; plebánoš; rosag 'država'; *orszag*; pükša 'puška' – puška; renda 'vrsta'; madž. *rend*; reteške 'zavitek, štruklji'; *rétes*; somar 'osel'; *szamár*; tanač 'nasvet'; madž. *tanacs*; valón 'sodobno'; madž. *való*; varoš 'mesto'.

Največ madžarizmov je v naslednjih pomenskih skupinah: (1) človek (*bajusi, banda, beteg, čonta, fotiv, Garaboncijaš, legen, pajdaš*); (2) živali (*birka, kanžar, mara, somar*); (3) različni predmeti (*bočkar, börkle, fude, kalapoš, labda, lanc, pükša, retaš*); (4) poklici (*barbejr, bautoša, biróuv, kanžar, kočiš, plebanoš*); (5) različni pojmi (*baga, bája, batriven, fajta, falat, fele, ferma, ginglavi, hasek, jezero, djudaš, kejp, penz, renda, tanač, valon*); (6) prostor (*cintor, marof, orsag/rosag, varaš*).

7 Abecedni seznam germanizmov, izpisanih iz prvega dela roman (11.–35. strani)

V *Garaboncijašu* je v prvi četrtini romana največ prevzetih besed iz nemščine (80), iz madžarščine (27), tujk in citatnih besed je 30, veliko pa je tudi kalkov (32) iz nemščine v sestavljenkah s prislovi: *vö-*, *gor-*, *doj-*, *cüj-*, *prek-* in tudi s kazalnim zaimkom *ta-*.

Prevzete besede iz nemščine so naslednje: *binkli*, *binklina* 'vejalnik', *binklivati* 'vejati', nem. *winden* 'viti, motati, pihati'; *birka* 'ovca' (madž. tudi *birke*), beseda je znana v češčini, poljščini, ukrajiniščini, staroruščini, tvorjena je iz vabilnega klica za ovce *biri-biri-*; v *tistaj cajtaj* 'v tistih časih', bav. avst. *cajt* »Zeit«; *cügli* 'opeke' (množina), *cügeu* -gla m 'opeka', stvn. *ziagal* < iz lat. *tegula*; *cug* 'vlak', nem. *Zug*; *cvajger* -a 'kazalec na uri', nem. *zeigen* 'kazati'; *čemer* 'strup, vnetje, žolč, slaba volja, zona', prvotno fitonim, sorodno nvn. dial. »hemera«, poznajo tudi drugi slovanski jeziki; *djenau* 'natančno', nem. *genau* 'natančen'; z *druknivanimi literami* 's tiskanimi črkami', nem. *druken*; *faliti* 'manjkati, zgrešiti', *faliti* – bavarski izvor nvn. »fehl, fehlen«, lat. *fallere*, it. *fallire*; *farba* 'barva', nem. *Farbe* 'barva'; *flajša* 'čutara', flaša (morda tudi iz romanskih jezikov), flaša 'steklenica', stvn. »flaska« – »Flasche«, it. *fiasco*; *flek* 'madež', nem. *Fleck* 'madež'; *frajla* 'gosposodična', nem. *frei* 'prost'; *frtâu*, *frtála* 'četrt', srvn. *firtel*, sem spada *firtalj* iz *vierteil*; *gank* 'lesen hodnik', *ganĉk*, *gánka*, »Gang« kor. slov., iz stvn. »gang«; *gasa* 'cesta', *gaša* »Gasse« slov. kor.; *gauge* 'vešala, vislice', srvn. *Galgen*; *gratati* 'postati, posrečiti se', srvn. *geraten*; *glazŋonjasti kejp* 'steklena slika' (kip za sliko madžarska beseda), nvn. *Glas*, *glàž*, *gláža*; *je grato* 'postal je', *gratati*, srvn. *Geraten*; *na gvante* 'na obleki', nem. *gewand*; *gvüšno* 'gotovo', *gvi* □ *en*, »gewiß, sicher', srvn. *gewis*; *gviniti* 'zmagati', nem. *gewinnen*, kor. slov.; *hauspintlin* 'kravata, samoveznica', nem. *binden* 'vezati'; *hejcati se/hecati se* 'sčuvati, dražiti', nvn. *hetzen*; *ibahap* 'sploh', nem. *überhaupt* 'sploh, vobče'; *kafěj* 'kava'; *kafejhaus* 'kavarna'; *kaštiga* 'kazen', it. *castigo*, lat. *castigare* 'kaznovati', stvn. *chastiga* 'kazen', srn. *kastigen* 'kaznovali'; *kauštaj šunko* 'poskusi gnjat', nem. *Kost* 'hrana', *kosten* 'poizkušati'; *klonckati* -an 'trkati, pritrkavati', srvn. *klucken*, *klöcken* 'trkati', stara onomatopeja; *kölnerce* 'natararice', nem. *Kellner*, *Kellnerin*; *na Kugeu* 'greben', nem. *Kugel* 'krogla'; z *ledernov kruglou* 'z usnjeno kroglo', nem. *léder* -dra; *lafli* 'maska, šema', *larfa* 'maska' iz it. *larva* 'maska', srvn. *larve* 'maska'; *laufarski psauvge* 'potepuški psi', nem. *laufen* 'teči'; v *luft püstiti* 'spustiti v zrak', nem. *Luft* 'zrak'; *malati* 'slikati, pleskati', *ma* □ *ati* iz stvn., *ma* □ *ari*, *maler*; *mijeniks* – *tijeniks* 'meni nič, tebi nič', nem. *nichts* 'nič'; *mujs* 'primoran, treba je', nem. *müssen* 'morati'; *nula* 'nič', *nula/ničla* – evropska kulturna beseda, iz it. *nulla*, nvn. *null*, madž. *nulla*; *so nüicali* 'uporabljali', nem. *nutzen* 'koristiti'; *ofer* 'žrtev, dar', srvn. *opfern*, lat. *offere*; *palajfi* 'približno', nem. *beliebig* 'poljubno'; *pejkli* 'molek, rožni venec', *petláti* -a □ iz bav. avst. *petteln* 'beračiti'; *penazi*

´denar´, pe□ez -a ´novec´, navadno pl. pe□ezi ´denar´, stosl. pēnēdzь, stara izposojenka iz srvn. phenni(n)c ´novec´; mlajša izp. je v slov. fe□ik, iz slovanskih jezikov je madžarski pénz ´denar, novec´; *pér* ´pivo´, nem. Bier; *po plejatni streji* ´po pločevinasti strehi´, nem. Blech ´pločevina´; *pojeb* ´fant´, srvn. bav. avstrij. puobe; *ga je pošinfala* ´ozmerjala´, nem. schimpfen ´zmerjati´; *s püklavoga sveta* ´z grbastega sveta´, nem. Buckel ´grba´; *pucati, spucati* ´očistiti, snažiti´, nem. putzen; *zlata ramek* ´zlata okvir´, bav. avstr. Rahm, srvn. ram; *riglin* ´zapah, prečni tram pri kozolcu´, rigel »Riegel«, nvn. Riegel (iz lesa ali železa); *sodak* ´vojak´, prevzeto iz italijanščine soldato ´vojak´, substantiv iz participa v pomenu plačanec iz denom. glagola v soldare ´plačati´, k soldo ´denar´; *spričkanca* ´kropilo´, nem. spritzen ´brizgati, škropiti´; *šanec* -nca ´jarek´, šanca »Schanze, Wehr« koroško slov., srvn. schanze; *šauštar* ´čevljar´, nem. Schuster; *šikati se* ´spodobiti se´, tudi ´pristajati´, nem. schick ´ličen, čeden´; *šinjek* ´vrat´, nem. Schinken ´šunka´; *šinfati* -an ´opravlјati´, nem. schimpfen ´zmerjati´; *šlosar* ´ključavničar´, nem. Schlosser; *je šmejkalo* ´teknilo je´, nem. schmecken ´dišati, prilegati se´; *šnajcek* ´robček´, »Schneuzeltuch« ´robec´, bavarsko avstrijsko »Schneutzer«; *špajsanje* ´šaljenje, nagajanje´, špajsati se ´šaliti se´, špajsen ´čuden, nenavaden´, špas »Spaß«, špaš -a ´neresen, smešen in zabaven dogodek, šala´, izpos. iz italijanščine spasso ´prijetno kratkočasje, oddih, zabava´; *špot* ´posmeh, sramota´, nem. Spott; *špila z numerami* ´igra s številkami´, nem. Spiel, špilati – kor. slovensko, špila -e ´igra´, numera -e ´število, številka´; *štil* ´držaj´, nvn. Stiel; *ga je poštrafo* ´kaznoval ga je´, štrafa »Strafe«, nvn. Strafe, štraf%ati ´kaznovati, karati´, srvn. straf%en; *šker* ´orodje´, nvn. Geschirr ´posoda, oprava (navadno konjska); *štrik* ´vrv´, nem. štrik »Strang, Strick« ´vrv, zanka, konopec´; *švic* ´pot´, nem. schwitzen ´potiti se´; *tau* ´del´, bav. avst. Teil; *törm* ´zvonik´, túren -rna »Turm«, svn. bavarsko; *ga je traušto* ´tolažil ga je´, tráušt ´tolažba, uteha´, tróšt »Trost« ´uteha´; *se je zglijo* ´pogodil se je´, nem. gleich ´enak´; *je zrikto* ´uredil´, rihtati, srvn. »rihter« ´sodnik´; *žakeu* ´vreča´, nem. Sack; *žlata* ´sorodstvo´, stvn. slahta.

V zadnjih dveh poglavjih romana (59. *Garaboncijaš* in 60. *Odšla kukarca*), to je na osmih straneh, je približno 2400 besed, od teh je 25 germanizmov, 14 madžarizmov in 11 tujk. Germanizmi so naslednji: *cajt* ´čas´, nem. Zeit; *cona* ´vzdevek´, nem. Zuname; *cug* ´vlak´, nem. Zug; *falaut* ´falot, nepridiprav´, štaj.-nem. Falot; *flek* ´madež, pega´, bav.-avstr. Fleck; *frmedli* ´pohištvo, imetje´, nem. Vermögen; *grabe* ´jame´, nem. Grabe; *je grato* ´je postal´, srvn. geraten; *gvišno* ´gotovo´, srvn. gewiss; *kafejhaus* ´kavarna´, nem. Kafeehaus; *kancalaj* ´urad, pisarna´, src. Kanzlei; *kuln* ´premog´, nem. Kohle; *laufarski pes* ´mršav pes´, nem. Sarfer; *mau* ´krat´, srvn. mal; *mantrati se* ´mučiti se´, srvn. mantra ´muka´; *palajfi* ´približno´, nem. beiläufig; *pojbiček* ´fant, deček´, srvn.-bav. probe, buobe; *probo bi* ´poskusil bi´, nem. Profe; *je sfaldjavo cajt* ´manjkalo je časa´, bav.-avstr. falen; *štekeu* ´železni kavelj´, bav.-avstr. Stäckel; *talajo* ´delijo´, bav.-avstr. taln, nem. teilen; *po pošvenom tali* ´po poševnem delu´, nem. Teil; *šin* + *šinja* ´tračnica´, nem. Schiene; *šker* ´orodje,

naprava', nem. Geschirr; *špilati se* 'igrati se', nem. spielen; *železna štrejka* 'železnica', nem. Strecke. Tujke so: *alkohol, arhivar, bagoni, bus, cirkus, ejkstra, familija, fotograferanje, klas, migrena, regula*.

V nemških prevzetih besedah (v zadnjih poglavjih) so zapisane tudi nekatere prekmurske glasoslovne značilnosti:

- *ü: cügli, so nücali, s püklavoga sveta, püstiti;*
- *ö: kölnerce;*
- *ej: kafej, pejkli molek, je šmejkaló.*
- *au: kauštaj, šauštár;*
- *h → Ø, j: po plejatni streji, v tistaj cajtaj;*
- *-lj → -o: žakeo;*
- *-l → -o: grato je.*

8 Sklep

Analiza besedja v romanu kaže, da prevladuje splošno slovensko besedje s številnimi panonizmi, med prevzetimi besedami je največ germanizmov, madžarizmov je le 47.

Madžarizmov je največ v naslednjih pomenskih skupinah: (1) človek (*ba-jusi, banda, beteg, čonta, fotiv, Garaboncijaš, legen, pajdaš*); (2) živali (*birka, kanžar, mara, somar*); (3) različni predmeti (*bočkar, börkle, fude, kalapoš, labda, lanc, pükša, retaš*); (4) poklici (*barbejr, bautoša, biróuv, kantar, kočiš, plebanoš*); (5) različni pojmi (*baga, bája, batriven, fajta, falat, fele, ferma, ginglavi, hasek, jezero, djudaš, kejp, penze, renda, tanač, valon*); (6) prostor (*cintor, marof, orsag/rosag, varaš*).

V Pleteršnikovem *Slovensko-nemškem slovarju* je od 47 besed zapisanih 29 ustreznikov. Le-ti so naslednji: *bága, baja, banda, batriven, beteg, birkla, bundaš, cintor, čonta, falat, fela, firma, fotiv, fundljáti, gingav, hasek, jezer, jud, kalpak, kanžar, kočiš, lanec, márha, márof, pajdaš, pênez, pleban, orság, pükša, reteš, somar, tanač, varaš*. Za večino besed je pripisana opomba, da je beseda znana na Ogrskem ali na Štajerskem, in kateri pisci so jo zapisali.

Iz romana *Garaboncijaš* je bilo ugotovljeno, da se med germanizmi najpogosteje pojavljajo naslednje besede: beseda *cajt* se pojavi 8-krat, enkrat manj (7-krat) najdemo zapisano *fejst*, 5-krat *gvišno/gvüšno, fajn, špajsno, špital* po 3-krat in po 2-krat: *cug, cügli, cüj, djenau, farba, flek, furt, glaž, je grato, kafejhaus, kaštiga, kölnarca/kölnerce, poštrafati, sodak, šker, špajet, špilajo se/špilati se, švic, župa*.

Vir

Francek MUKIČ, 2005: *Garaboncijaš. Porabska legenda*. Murska Sobota: Franc-Franc, Zveza Slovencev na Madžarskem.

Slovarji

France BEZLAJ, 1976–2005: *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.

Francek MUKIČ, 2005: *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar*. Szombathely: Zveza Slovencev na Madžarskem.

France NOVAK, 1985: *Slovar beltinskega prekmurskega govora*. Dopolnil in uredil Vilko Novak. Murska Sobota: Pomurska založba.

Maks PLETERŠNIK, 1974: *Slovensko-nemški slovar*. Reproducirani ponatis. Ljubljana: Cankarjeva založba.

– –, 2006: *Slovensko-nemški slovar*. Transliterirana izdaja. Ljubljana: Založba ZRC.

Literatura

Anja BENKO, Zinka ZORKO, 2009: *Prevzeto besedje v romanu Garaboncijaš Franceka Mukiča*. Prispevek na mednarodnem znanstvenem sestanku *Slovenski dialekti v stiku 4* (Koper, 28.–30. 5. 2009). Še brez natisa.

Zinka ZORKO, 1998: *Haloško narečje in druge dialektološke študije*. Maribor: Slavistično društvo. (Knjižna zbirka Zora, 6).

– –, 2009: *Narečjeslovne razprave o koroških, štajerskih in panonskih govorih*. Maribor: Filozofska fakulteta, Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 64).

Abstract: The article presents a theoretically and methodologically complex and multidimensional approach to the contrastive analysis of phraseology of 3 neighbouring languages, using as example selected Slovene, German and Hungarian idioms with the constituents *hand*. The comparison is based on the postulate that phraseology has a model-character, t.i. we are comparing the conceptual basis and the phraseological meaning of the idioms with the purpose of drawing conclusions about corresponding models of conceptualization. Most idioms display a high level of convergence regarding their meaning.

Keywords: contact linguistics, contrastive phraseology, concept, hand, equivalence, convergence.

I UVOD

1.1 Primerjava dveh/več jezikov oziroma frazeologij je hkrati tudi primerjava dveh/več kultur. Protistava frazemov v različnih jezikih predpostavlja osvetlitev tako sociokulturnega ozadja frazemov kakor tudi predstavitev posebnih lastnosti primerjanih jezikov, ki v veliki meri vplivajo na stopnjo pomenske in izrazne prekrivnosti med frazemskimi ustrezniki. Jezikovno specifične razlike so pogojene z genetsko in tipološko /ne/sorodnostjo stičnih jezikov: slovenščina in nemščina sta indoevropska fleksijska jezika, madžarščina je ugrofinski aglutinativni jezik. Medjezikovna primerjava frazemov pomeni primerjavo na pomenski in izrazni ravnini. Pri tem sta relevantna pojma ekvivalenca – prekrivnost v pomenu jezikovnih enot - in kongruenca – prekrivnost jezikovnih enot v sestavinah in skladenjski strukturi. Z vidika ekvivalence frazemov je pomembno izpostaviti konceptualno podstavo frazemov, ki je po izvoru največkrat konceptualna metafora. Po kognitivistih (prim. Lakoff in Johnson, 1980, 1981; Lakoff 1998) je naš konceptualni sistem, znotraj katerega mislimo in delujemo, po svojem bistvu metaforičen. »Koncepti, ki vplivajo na naše mišljenje, niso le stvar razuma. Upravljajo tudi naše vsakdanje delovanje. Naši koncepti strukturirajo, kaj zaznavamo, kako se zavedamo sveta in kako vzpostavljamo odnose z ljudmi. Naš konceptualni sistem ima tako osrednjo vlogo pri določanju naše vsakdanje stvarnosti« (Lakoff in Johndon 1980: 3). Te ugotovit-

* Prispevek je nastal v okviru raziskovalnega projekta J6-2238 z naslovom Slovenski jezik v stiku evropskega podonavskega in alpskega prostora, za izvajanje katerega sredstva zagotavlja ARRS.

ve so relevantne tudi z vidika nastajanja in razumevanja frazemov kot jezikovnih izrazov za konceptualne metafore: z metaforo namreč razumemo in doživljamo eno izkušnjsko področje s pomočjo drugega izkušnjskega področja. Mnogi za nas pomembni koncepti so abstraktni ali v naši izkušnji niso dovolj natančno zamejeni, zato jih moramo doumeti s pomočjo drugih konceptov, ki so natančneje zamejeni (npr. s predmeti). To pomeni, da eno mentalno področje konceptualiziramo v okviru drugega. Dejstvo, da se konceptualna metafora na jezikovni ravni uresničuje samo delno, da pa je tisti uresničeni del konvencionaliziran in torej za določen jezik zavezujoč, dovoljuje, da protistavno jezikoslovje razkriva ravno ta del in tako ugotavlja različnosti tudi med jeziki.

Izhodišče primerjave je semantična ekvivalenca primerjanih frazemov, ki jo razkriva identična semantična parafraza frazemov v primerjanih jezikih. V danem primeru temelji protistavna analiza na metodi ideografskega opisovanja frazemov, se pravi na primerjavi pomena in delno strukture frazemov, kar pomeni, da so frazemi razvrščeni v skupine glede na njihov pomen in glede na strukturo, kar je omogočilo oblikovanje frazeosemantičnih polj, ki vsebujejo določene frazeme, ki se nanašajo na eno temo z enakim konceptualnim ozadjem.

1.2 Frazemi, kot je znano, imajo poleg komunikativne funkcije tudi kumulativno funkcijo, ki se manifestira v zrcaljenju in fiksiranju izkušenj socialne prakse v jeziku (prim. Földes 1996a; o kulturni specifikki v frazeologiji na splošno npr. Dobrovol'skij-Piirainen 1997). Frazemi so prototipičen zaklad kulturnega spomina kake jezikovne skupnosti, v njih je nazorno in poučno ubesedeno kolektivno vedenje in s tem jezikovna podoba sveta dane jezikovne skupnosti. Temu ustrezno imajo mnogi frazemi kulturnospecifične lastnosti. Ker konceptualna podstava praviloma neposredno izvira iz območja socialne prakse, percepcije in izkušenj vsakokratne jezikovne skupnosti, se pri frazeološki tvorbi aktivira specialno, kulturno pogojeno vedenje. Frazemi so tudi verbalne manifestacije kulturemov (Oksaar 1988: 27), tj. veljajo kot izrazna sredstva, preko katerih se abstraktni kulturemi konkretno realizirajo. V tem kontekstu so posebno pomembna razmerja med frazeologijo, jezikovno podobo sveta ter inter- oziroma transkulturnostjo. Tradicije, kulturno antropološke posebnosti, zgodovinska dejstva, prvine družbenega in političnega življenja kakor tudi socioekonomski odnosi, kulturne vrednote ali orientacijski oziroma opomenjevalni sistemi se zrcalijo tudi v frazeologiji. Ali z besedami kognitivistov: frazemi veljajo kot kulturno zasidran model za spoznavno usmerjeno strukturiranje sveta (Lakoff- Johnson 1980; Grzybek 2000; Lewandowska-Antos 2001). Mnogi frazemi se namreč lahko eksplicirajo kot kognitivni modeli, ker se navezujejo na določene idealizirane kognitivne koncepte.

1.3 Med jezikoma kot sta slovenščina in nemščina ali nemščina in madžarščina oz. slovenščina in madžarščina kulturne in prostorske razlike niso posebno ostre. Čep-

rav so v primeru navedenih jezikov – zaradi pripadnosti istemu kulturnemu krogu in več stoletij trajajočemu sobivanju Slovencev in Madžarov z nemško govorečimi sosedi – frazeološki sistemi med sabo precej podobni, je med njimi vendarle mogoče ugotoviti tudi številne kulturnospecifične razlike. To so frazemi, katerih logično-tematski model je za različne kulture tipološko izomorfen, toda v konkretni realizaciji izkazuje različne kulturne sestavine. Ta fenomen potrjuje tudi kompleksnost in večplastnost frazeologije. V njih se kažejo hkrati univerzalne in specifične poteze. Konceptualna podstava frazemov različnih jezikov se tipološko prekriva v bistvenih prvinah, pri čemer konkretne leksikalne zapolnitve predstavljajo kulturno specifiko. Pri tem je opaziti, da obstaja med slovensko in nemško oz. madžarsko frazeologijo veliko stičnih točk kakor tudi skupnih konceptualnih potez in podobnosti.

2 SOCIOLINGVISTIČNI IN KOGNITIVNI VIDIKI PROTISTAVE

2.1 Slovensko jezikovno območje meji na severu na nemško govoreči prostor, na vzhodu pa na madžarsko jezikovno območje in tako so ti trije sosedski jeziki že stoletja v stalnem stiku. V zadnjem času se je intenzivnost stikov zmanjšala, so pa bila obdobja, v katerih so neposredni zemljepisni, politični, gospodarski in kulturni stiki omogočili tudi močno medjezikovno dinamiko. Dominantno jezik vplivanja je bila praviloma nemščina, kajti zaradi političnih in gospodarskih razlogov je imela na slovenskem in madžarskem območju zelo dolgo prestižni položaj na vseh področjih javnega življenja. To je vodilo k intenzivnim procesom jezikovnega spojanja in kalkiranja. Posebno močan je bil vpliv nemščine na slovensko in madžarsko leksiko, tudi na frazeologijo. V določenih frazeoloških poljih dosega prekrivnost med nemškimi in slovenskimi oz. madžarskimi frazemi zelo visoko stopnjo, določene skupine ekvivalentnih frazemov so formalno in semantično močno simetrične. Po izsledkih nekaterih raziskav je simetričnost 50%, pri frazemih s somatizmi (roka, Hand, kéz) pa celo 60% (Földes 1987; Hessky 1982, Jenko 1994). Razlogi in vzroki za relativno visoko prekrivnost v omenjenih treh frazeologijah so na prvi pogled zunajjezikovni, kar je izpostavljeno tudi v obstoječi literaturi o nemško-slovenskih oz. slovensko-madžarskih ter nemško-madžarskih jezikovnih in kulturnih stikih. Socialni, politični in gospodarski stiki med sosedskimi jezikovnimi prostori imajo za posledico intenzivno jezikovno dinamiko. Tako je relativno visoka stopnja frazeološke konvergenca stičnojezikovno pogojena (diverzni jezikovnostični, interakcijski in konvergentni pojavi) in jo je mogoče razložiti v okviru stičnega jezikoslovja. Neposredni stiki med jeziki so vedno tudi kulturni stiki, kulturni okvir sosedskih jezikov pa je skupen. To je skupen evropski, na antiki in krščanski tradiciji temelječ kulturni prostor. Tako obstajajo prekrivnosti med mnogimi nemško-slovenskimi oziroma nemško-madžarskimi frazemi, ki izvirajo iz biblije, mitologije in/ali klasične književnosti (frazeološki internacionalizmi) (*hoditi*

od Poncija do Pilata // von Pontius zu Pilatus laufen // Poncióstól Pilátusig jár /szaladgál; ta ne bo več dolgo slišal kukavice peti // der hört den Kuckuck nicht mehr rufen // nem ér több kakukkszót; biti bela vrana // ein weißer Rabe sein // fehér holló vki). Nadkulturnospecifični so tudi frazemi, ki zrcalijo vsakdanje kolektivne življenjske izkušnje oziroma temeljijo na enakem zaznavanju ali izkušnjah, na enakem asociacijskem ali mišljenjskem principu. K tej skupini je mogoče uvrstiti raznovrstne medjezikovne ustreznike, ki se v mnogih genetsko nesorodnih in tipološko različnih jezikih, nedvisno drug od drugega, enako konstruirajo (*biti peto kolo // das fünfte Rad sein // ötödik kerék vki/vmi; vrteti se kot mačka okoli vrele kaše // um etw. herumgehen wie die Katze um den heißen Brei //kerülget vmit vki, mint a macska a forró kását*), kot tudi take, ki se v sedanosti globalno širijo preko sredstev množičnega obveščanja (*grünes Licht für etw. geben // dati zeleno luč za kaj // zöld utat ad vminek/vmihez vki 'dati zeleno pot'; die Spitze des Eisberges // vrh ledene gore // a jéghegy csúcsa*). Ti frazeološki paralelizmi »temeljijo na univerzalnih zakonih človeškega mišljenja, ki za delovanje emocionalne funkcije jezika uporabljajo iste mehanizme in omogočajo nastajanje enakih ali podobnih kompleksnih jezikovnih enot«, pravi Černyševa (1984: 20). To potrjuje internacionalizacijo znotraj frazeologije več jezikov oziroma mešani značaj evropskih jezikov, kot pravi de Courtenay. Sprejemljivo razlago za številne konvergentne pojave v frazeologiji evropskih jezikov in še posebej v frazeologiji stičnih sosedskih jezikov je iskati v medjezikovni dinamiki oziroma v procesih leksikalnega prevzemanja. Pri tem je treba biti previden, kajti zelo težko je postaviti meje med lastno in prevzeto jezikovno dobrino v evropskem prostoru (Mokienko 1998).

2.2 Ni dvoma, da je marsikaj v slovenski in madžarski frazeologiji nastalo pod vplivom nemščine oziroma je preko nemščine prešlo v slovenščino oziroma madžarščino. Jezikovnostično utemeljenim poskusom razlage frazeološke konvergenice med nemščino in slovenščino oziroma madžarščino načeloma ni mogoče ugovarjati. Dejstvo je, da so bili svoj čas nemško-slovenski oziroma nemško-madžarski jezikovni stiki zelo intenzivni in so zanesljivo pospeševali tudi medjezikovna vplivanja, toda pomembno je tudi to, da dani jeziki pripadajo skupnemu evropskemu prostoru. S tega vidika je bila nemščina zgodovinsko gledano ne samo stični jezik vplivanja na slovenščino oziroma madžarščino, ampak je bila tudi posrednica srednjeevropske kulture. Postavlja se vprašanje, ali je mogoče nemško-slovenske, nemško-madžarske ter slovensko-madžarske frazeološke prekrivnosti razložiti zgolj v okviru stičnega jezikoslovja ali sociolingvistike in jih preprosto utemeljevati z vplivom nemščine kot dominantnega velikega jezika na majhna, zgodovinsko gledano manj prestižna jezika, kar se pogosto pojavlja v obstoječi strokovni literaturi o stikih med obravnavanimi jeziki. Zaradi ekstremne heterogenosti frazeološkega gradiva v posameznih jezikih si to težko predstavljamo, vprašljivo pa je tudi to, ali bolj ali manj intenzivni neposredni in/ali posredni jezikovni stiki nujno vo-

dijo tudi do medjezikovnega vplivanja in sposojanja. Če že zadostni razlogi (predvsem komunikativno-pragmatski in stilistični) govorijo v prid sposojanju, se to realizira le tedaj, če so zanj dani določeni pogoji. Med temi se zdijo pomembni tisti, ki zadevajo mehanizme selekcije iz razpoložljive leksike jezika dajalca in so tako povezani s psihološkimi in kognitivnimi dimenzijami jezika, torej s tem, kaj se bo iz stičnega jezika prevzelo in kaj ne, po katerih kriterijih se bo odločalo, kaj je iz tujejezične frazeologije za dani jezik sprejemljivo. S psihološkega aspekta se domnevati, da so sprejemljive tiste tujejezične metaforične in frazeološke formulacije, katerih semantika korelira s percepcijo sveta jezika sprejemalca. Iz drugega jezika se prevzemajo take metaforične podobe, ki jih lastne izkušnje sveta in življenjske izkušnje podpirajo in potrjujejo. Če govorci jezika sprejemalca tujejezične metaforične oziroma frazeološke podobe ne morejo uvrstiti v svoj pojmovni in vrednostni sistem, je manj verjetno, da jih prevzamejo v svoj jezik.

3 KONVERGENTNI POJAVI V FRAZEMIH S SESTAVINO ROKA/HAND/KÉZ

3.1 Kognitivno in psihološko utemeljene raziskave v jezikoslovju dajejo pomembna spoznanja o semantičnih principih in jezikovnih poimenovalnih mehanizmih, ki so univerzalni. Znano je, da so v večini modernih jezikov določeni leksemi frazeološko aktivnejši kot drugi. Sem spadajo med drugim somatizmi, npr. roka v slovenščini, Hand v nemščini in kéz v madžarščini. Roka je človeška posebnost par excellence in na to antropološko dejstvo je vezano več metaforičnih pomenov, ki so poleg tega še socialno in kulturno usidrani GEPREGT. Ti pomeni so torej kvazi jezikovno univerzalni in niso specifični samo za posamezni jezik. Roka je instrument, orodje, orožje, simbolizira delo, dejavnost, pomoč, toda tudi moč, vpliv, avtoriteto, vodenje in premoč, kot kaže semantika izbranih zgledov v vseh treh jezikih. Metaforična podstava je najprej biološko in kognitivno utemeljena, socialno razširjena in tako usidrana v govorčevo kulturo. Te metafore so univerzalne, se pravi ne veljajo samo za posamezne jezike, bolj so vezane na določen kulturni prostor, kar lahko vpliva na intenzivnost medjezikovnih odnosov in s tem na pospeševanje frazeološke konvergenca. Končno pa v prid temu govorijo tudi spoznanja frazeoloških raziskav o univerzalnih zakonitostih v procesih frazeologizacije. Kognitivno-psihološko usmerjene frazeološke raziskave izhajajo iz dveh temeljnih premis: (1) človek zaznava svet na podlagi svojih naivnih in znanstvenih izkušenj, ga klasificira, kategorizira in konceptualizira po načelih podobnosti in (2) jezik načeloma zrcali koncepte zaznavanja in jih pri tem tudi konstruira.¹ Koncepti zaznavanja se

¹ Prim. Dobrovol'ski 1995: 67: »Die Sprache ist 'weltmodellbezogen' nicht nur in dem Sinne, daß sie entsprechende Wirklichkeitsperspektive reflektiert, sondern auch in dem Sinne, daß sie mitkonstruiert.»

ubesedujejo in jih lahko preko pomenov jezikovnih enot interpretiramo. V frazeologiji je torej mogoče vzpostaviti povezavo pri semantično prevladujočih sestavinah frazeoloških enot vzpostaviti povezavo med konceptom in njegovo ubeseditvijo. Pri analizi leksikografskih pomenskih opisov frazeoloških enot leksikona, v danem primeru frazemov s sestavino *roka /Hand / kéz* v treh izbranih jezikih², je mogoče izpeljati več deskriptorjev.

3.2 Delo kot preživetje: (1) *živeti iz rok v usta // von der Hand in den Mund leben // egyik napról a másikra él* 'živetiti iz dneva v dan' (pri madžarskem zgledu gre samo za semantično, ne pa za strukturno prekrivanje), (2) *živeti iz dela svojih rok // von seiner Hände Arbeit leben // két keze munkájából él* 'živetiti iz dela dveh svojih rok'.

3.3 Delo na splošno: (3) *imeti polne roke dela // alle beide Hände voll zu tun haben // azt sem tudja, hol áll a feje* 'ne ve, kje ji/mu stoji glava' (gre za delno semantično ekvivalenco, namesto somatizma roka se tu pojavlja glava kot koncept); (4) *pljuniti v roke // in die Hände spucken // markába köp* 'pljuniti v pest' (sinekdohično se tu pojavlja le del roke); (5) *imeti/pustiti komu proste roke // freie Hand haben/jmdm. lassen // szabad kezét ad vkinek/kap vki*; (6) *imeti kdo zvezane roke in noge // jmdm. sind die Hände und Füße gebunden // meg van kötve keze-lába vkinek*; (7) *imeti zvezane roke // gebundene Hände haben // meg van kötve a keze vkinek*.

3.4 Instrument, orodje, odnos do dela: (8) *zgrabiti z obema rokama // mit beiden Händen zugreifen // két kézzel kap vmi után*; (9) *imeti srečno roko // eine glückliche Hand haben // szerencsés kezű*; (10) *imeti nesrečno roko // eine unglückliche Hand haben // szerencsétlen kezű*; (11) *(delo/kaj) gre komu (dobro) od/izpod rok // jmdm. geht etw. (leicht/gut) von der Hand // vkinek a kezére áll (a munka/vmi)/ könnyen perdül kezére a munka*; (12) *z levo roko // mit der linken Hand // fél kézzel 's pol roke/ z eno roko'*; (13) *imeti dve levi roki // zwei linke Hände haben // kétbalkezes vki*.

3.5 Sila, nasilje, boj: (14) *položiti roko na koga // Hand an jmdn. legen // kezét emel vkire*; (15) *položiti roko nase // Hand an sich legen // kezét emel magára/kárt tesz magában* 'storiti škodo sebi'; (16) *imeti hitro roko // eine lockere Hand haben* 'imeti rahlo roko' // *hirtelen kezű/könnyen eljár a keze*.

² Nabor zgledov je ilustrativen in izvira iz Dudna 11 (1998), iz Slovarja slovenskega knjižnega jezika (1970-1991), iz velikega madžarskega razlagalnega slovarja (A magyar nyelv értelmező szótára 1959-1962) in iz frazeološkega slovarja Tamása Forgácsa (2003).

3.6 Sodelovanje, pomoč: (17) *delati z roko v roki // Hand in Hand arbeiten // kéz a kézben dolgozik vkivek vki*; (18) *iti z roko v roki // Hand in Hand gehen // kéz a kézben megy vkivel*; (19) *iti komu na roko/na roke //jmdm. zur Hand/an Hand gehen // segédkezet nyújt vkinek 'dati roko v pomoč'*, (20) *biti čigava desna roka // jmds. rechte Hand sein // vkinek a jobbkeze vki*; (21) *roka roko umije // eine Hand wäscht die andere // kéz kezét mos*; (22) *odtegniti roko komu // seine/die Hand von jmdm. abziehen // leveszi a kezét vkiről 'vzeti roko s koga'*; (23) *ponuditi komu roko // jmdm. die Hand bieten/reichen/entgegenstrecken // kezét/segédkezet nyújt vkinek*.

3.7 Zaščita, poroštvo, zavzemanje: (24) *dati (za koga/kaj) roko v ogenj // (für jmdn./etw.) die/seine Hand ins Feuer legen // tűzbe teszi a kezét (vkiért/vmiért) vki*; (25) *dati/pustiti si roko odrezati (za koga/kaj) // sich (für jmdn./etw.) die Hand abhacken/abschlagen lassen // levágatja a fejét (vkiért/vmiért) / a fejét teszi vmire 'dati glavo za kaj' (namesto roke je tu v fokusu glava)*; (26) *držati roko nad kom // seine Hand über jmdn. halten // rajta tartja a kezét vkin*.

3.8 Vpliv, vodenje, moč, avtoriteta: (27) *imeti v rokah (koga/kaj/se) // (jmdn./etw./sich) in der Hand haben // vkinek a kezébe kerül/jut/van vki*; (28) *imeti/držati roko nad kom/čim // die/seine Hand auf jmdn./etw. haben/halten // rajta tartja a kezét vkin/vmin vki*; (29) *biti v (čigavih/koga) rokah // in (jmds.) Hand/Händen sein // vkinek a kezében van vki*; (30) *biti v varnih/dobrih/slabih rokah // in sicheren/guten/schlechten Händen sein // biztos/jó/rossz kézben van*; (31) *imeti/držati vse niti v (svojih) rokah // die/alle Fäden in der/seiner Hand haben/halten // kézben/kezében tartja a szálakat vki*; (32) *imeti vajeti v rokah // die Zügel in der Hand haben/halten // kézben/kezében tartja a gyeplőt vki*; (33) *dobiti/vzeti v (svoje) roke (koga/kaj) // (jmdn./etw.) in die Hand/in die/seine Hände bekommen/nehmen // kézbe vesz vkit/vmit*; (34) *priti/pasti v (čigave/kakšne/komu) roke // (jmdm.) in die Händen fallen/kommen // vkinek a keze közé kerül/kezébe jut/akad/ vkinek a kezére jut/kerül*; (35) *dati v roke (komu koga/sebe/kaj) // (jmdm. jmdn./sich/etw.) in die Hand geben // vkinek a kezére ad vkit/vmit vki*; (36) *preiti v druge roke // in andere Hände übergehen // más kezekbe kerül*; (37) *stegniti /stegovati roke po kom/čem // die Hand/Hände nach jmdn./etw. ausstrecken // kezét nyújtja vki/vmi után*; (38) *dati iz rok kaj // etw. aus der Hand geben // kiad/kienged vmit a kezéből*; (39) *vzeti iz rok (komu kaj) // (jmdm. etw.) aus der Hand nehmen // kivess vkinek vmit a kezéből*; (40) *iti/prehajati iz rok v roke // von Han dzu Hand gehen // kézről kézre kézen-közön forog/megy*; (41) *iti skozi roke (čigave/koga) // durch (jmds.) Hand/Hände gehen // vkinek a kezén megy keresztül*.

3.9 **Oddaljenost:** (42) *biti pri roki // zur Hand sein // kéznél van*; (43) *imeti pri rokah (kaj) // (etw.) bei der Hand/zur Hand haben // vmi a keze ügyében van/ a keze ügyébe esik*.

3.10 Analitično pridobljene deskriptorije za frazeme s skupno bazično sestavino roka oz. Hand oz. kéz je mogoče pripisati tudi več konceptom, identične avtosemantične frazemske sestavine lahko ubesedujejo več konceptov. ROKA JE DELO, ROKA JE ORODJE, ROKA JE MOČ/OBLAST, ROKA JE VPLIV so po Lakoffu (1987) konceptualne metafore. Semantične podlage za metaforizacijo so očitno funkcionalne in topografske pomenske sestavine leksema *roka oz. Hand oz. kéz* (prim. Kržišnik Kolšek 1990). Pri tem prevladujejo funkcionalno-motorične prvine v smislu 'držati' oz. 'delati' /'biti dejaven' oz. 'delo' / 'dejavnost'³. Če je roka primarno in elementarno 'delovno orodje' in tudi primarno 'orožje', potem je mogoče domnevati, da se idiomatične pomenske sestavine leksema roka - 'delo', 'dejavnost', 'odnos do dela' tudi 'boj' temeljijo na tem. To dokazujejo zgledi od (1) do (16). Z delom je tesno povezan pojem 'pomoč' kot kažejo zgledi od (17) do (23), podobno tudi od (24) do (26). In če velja, da nam roka v prvi vrsti služi za držanje v pomenu 'zadržati kaj, ne spustiti česa', potem simbolizira tudi posedovanje (prim. Kržišnik Kolšek 1990: 146), tedaj je pomenska sestavina 'držati' podstava za idiomatične pomenske sestavine 'moč', 'vpliv', 'avtoriteta', 'vodenje', kot kažejo zgledi od (27) do (41). Semantični odnosi med izhodiščno in ciljno domeno metaforizacije, ki se lahko označijo kot metaforični modeli, kažejo pri obravnavanih slovenskih, nemških in madžarskih frazemih visoko stopnjo prekrivnosti. Prekrivnosti ni mogoče, kot smo že izpostavili, pripisati samo medjezikovnim stikom in vplivom. Mogoče jo je razložiti tudi iz dejstva, da govorci danih jezikov svet na podoben način konceptualizirajo. Metaforični modeli tako prestopijo meje posameznih jezikov⁴, principi procesov frazeologizacije niso vezani na določen jezik. V prvi vrsti so vezani na izkušenski svet govorcev, tako na kulturni prostor, ki mu govorci posameznih jezikov pripadajo. Ker gre pri obravnavanih somatičnih frazemih za biološko utemeljeno metaforiko, se zdi predpostavka o kvazi univerzalnem značaju take idiomatike še bolj sprejemljiva. Prav zato so somatizmi tako številni in močno prekrivni v frazeologiji mnogih jezikov.

³ Podobno v SSKJ IV (1985: 533): roka je: okončina človeka, ki se uporablja za prijemanje, delo«, v DUW (2001: 706): roka je » unterster Teil des Armes bei Menschen u. Affen, der die Funktionen des Haltens, Greifens usw. hat« ali v Magyar értelmészó kéziszótár (1982: 688):" a karnak a csuklótól az ujjak begyéig terjedő folytatása [...] mint a cselekvés eszköze".

⁴ Prim. Dobrovol'skij 1995 . 153: »... die Korrelationen von source und target domains (d. h. die metaphorischen Modelle), die in der idiomatik implementiert werden, [tragen] oft einen übereinzelsprachlichen und in bestimmten Fällen sogar quasiuniversellen Charakter.«

3.11 Primerjava izbranih slovenskih, nemških in madžarskih frazemov s sestavino *roka* oz. *Hand* oz. *kéz*, ki se strukturno (bolj ali manj) in semantično prekrivajo, nam da slutiti, da je iskati vzroke in razloge za konvergenco primarno v kognitivni in psihološki dimenziji jezika in da so frazemske prekrivnosti šele z upoštevanjem tega razložljive tudi socio- in/ali kontaktnolingvistično kot sposojenke ali kalki. Rezultati kognitivno usmerjenih kontrastivnih jezikoslovnih raziskav kažejo na to, da jeziki znotraj enega kulturnega prostora glede frazeologije kažejo več skupnih potez kot se je tradicionalno domnevalo. Iz tega sledi, da ne velja trditev, da je »idiomatika je nekaj najsvetejšega v nacionalnem jeziku [...], v njej se manifestira duh in posebnost vsakega naroda [...], je neponovljiva« (БАБКИН, 1997, nav. po Földes 1996a: 11). Pri obravnavi medjezikovnih frazeoloških konvergenč so posebno pomembna spoznanja o kvazi univerzalnih principih pri metaforizaciji in frazeologizaciji kot tudi predpostavka o univerzalnem značaju jezikovne konceptualizacije nasploh (prim. Dobrovol'skij 1999: 107; 2002: 444). Mnoge psihološko in kognitivno usmerjene raziskave so pokazale, da »podobe in simboli, ki se implementirajo v idiomatiki, pogosto presegajo meje posameznih jezikov in v mnogih primerih imajo kvazi univerzalen značaj« (Dobrovol'skij 1997:111). Glede na to se slovensko-nemška-madžarska frazeološka konvergenca opazuje z dveh vidikov: (1) z vidika relevantnosti dobesednega pomena frazeoloških sestavin in (2) z vidika konceptualnega razumevanja metafor. Teoretično-metodološko izhajata oba načina opazovanja iz kognitivno usmerjenih frazeoloških raziskav in odpirajo dodatne perspektive pri vrednotenju medjezikovnih frazeoloških prekrivanj.

3.12 Za razliko od tradicionalnega pojmovanja frazeoloških raziskav, po katerih se frazemi usidrajo v naš mentalni leksikon, se predelajo in reproducirajo kot stabilne večbesedne enote, je mogoče po konfiguracijski hipotezi kognitivne frazeologije mnoge frazeme pojmovati kot »kompozicionalne« enote leksikona (prim. Dobrovol'skij 1995, 1997). V tem pogledu lahko razlikujemo med formalno-semantično deljivimi in formalno-semantično nedeljivimi frazemi. Nedeljive frazeme je nadalje mogoče deliti na (1) paradigmatsko oziroma potencialno deljive frazeme, katerih sestavine se sicer občutijo kot semantično samostojne, vendar v istem pomenu kot samostojni leksemi ne obstajajo in (2) na paradigmatsko-sintagmatske oziroma aktualno deljive frazeme, katerih sestavine imajo tudi zunaj frazema isti samostojni pomen (prim. Dobrovol'skij 1997: 92). Hipoteza semantične deljivosti se prekriva z dekompozicijsko hipotezo kognitivne frazeologije, po kateri so frazemi v semantičnem pogledu deljivi v smiselne sestavne dele in se v mentalnem leksikonu govorca ne reprezentirajo kot nedeljive celote, pri čemer je stopnja semantične samostojnosti posameznih frazemskih sestavin lahko različna. Figurativni eksterni pomeni posameznih frazemskih sestavin so soudeleženi pri oblikovanju celotnega pomena frazema, vedno so v tesni povezavi z bistvenimi aspekti celovitega pomena.

Kot taki so prisotni tudi v leksikonu govorca in se kot taki tudi znova aktivirajo. To potrjujejo tudi psiholingvistični poskusi.

4 ZAKLJUČEK

Neposredni zemljepisni, kulturni, politični in gospodarski stiki slovenskega kulturnega prostora s sosedskim nemško govorečim in madžarskim prostorom oziroma stiki med madžarskim in nemškim prostorom so več stoletij pogojevali tudi medjezikovna vplivanja. V tem kontekstu je imela nemščina stoletja dolgo prestižno vlogo. Medjezikovno vplivanje, prevzemanje in kalkiranje frazemov, predvsem v smeri nemščina-slovenščina oziroma nemščina-madžarščina, je tako v prvi vrsti pogojena z jezikovnimi stiki. Stopnja konvergence med obravnavanimi frazemi je precej visoka, tudi zaradi skupnega jezika posredovalca, torej nemščine, zato je bila tudi nemščina izbrana kot tretji jezik v protistavi. Kulturna dediščina kot tudi tradicija antike in krščanstva, ki so temelj vseh jezikov v evropskem kulturnem prostoru, so gotovo vplivali na prevzemanje. Visoko stopnjo konvergence kažejo prav tisti frazemi, ki ubesedujejo kulturnospecifične vizije in interpretacije sveta: frazemi biblijskega, mitološkega in klasičnoliterarnega izvora, nadalje frazemi, ki se nanašajo na človekove izkušnje in vsakdanje življenjske okoliščine. Frazemi se v pomenu pogosto popolnoma prekrivajo, kažejo pa večje ali manjše odklone v morfosintaktični strukturi. Prekrivnost frazemov v pomenu in strukturi je mogoče razložiti tudi s procesom frazeologizacije in konceptualizacije. Razlike na strukturalnini so jezikovnosistemske pogojene, ker so primerjani jeziki različnega genetskega izvora in različne tipološke pripadnosti.

Viri in literatura

- A magyar nyelv értelmező szótára*. 1-7. kötet. Budapest, 1959-1962.
 ÁRMOSNÉ EISENBARTH Magda, RÁTZ Ottó, 1992: *8000 germanizmus. Német szólások és kifejezések*. Budapest.
 BALDAUF, Christa, 1997: *Metapher und Kognition. Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher*. Frankfurt am Main.
 BERNJAK, Elizabeta, 2004: Frazemi s sestavino drevo v slovenskem, madžarskem in nemškem jeziku. V: JESENŠEK, Marko (ur.). *Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika*. Maribor.173-193.
 ČERNIŠEVA, Irina, 1984: Aktuelle Probleme der deutschen Phraseologie. *Deutsch als Fremdsprache* 21, 17-22.
 DOBROVOL'SKIJ, Dmitrij, 1995: *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome*. Tübingen.
 DOBROVOL'SKIJ, Dmitrij, 1997: *Idiome im mentalen Lexikon. Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung*. Trier.

- DOBROVOL'SKIJ, Dmitrij, PIIRAINEN, Elisabeth, 1997: *Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive*. Bochum.
- DOBROVOL'SKIJ, Dmitrij, 1999: Kontrastive Phraseologie in Theorie und Wörterbuch. V: BAUR R.S., CHLOSTA C., PIIRAINEN E. (ur.). *Wörter in Bildern – Bildern in Wörtern. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis*. Hohengehren. 107-122.
- Duden 11, 1992: *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Ur. G. Drosdowski e tal. Mannheim.
- FABČIČ, Melanija, 2007: Interkulturelle Aspekte der phrasologischen Äquivalenzbeziehungen im EPHRAS-Korpus. V: JESENŠEK, Vida (ur.), FABČIČ, Melanija (ur.). *Phraseologie kontrastiv und didaktisch: neuen Ansätze in der Fremdsprachenvermittlung*, (Zora, 47). Maribor: Slavistično društvo. 271-287.
- FORGÁCS Tamás, 2003: *Magyar szólások és közmondások szótára. Mai nyelvünk állandó-szókapsolatai példákkal szemléltetve*. Budapest.
- FÖLDES, Csaba, 1987: *Magyar-német-országi beszédfordulatok. A három nyelv azonos jelentésű szókapcsolatai*. Budapest.
- GRZYBEK, Peter (ur.), 2000: *Die Grammatik der sprichwörtlichen Weisheit von G. L. Permyjakov. Mit einer Analyse allgemein bekannter Sprichwörter*. Hohengehren.
- HADROVICS, László, 1995: *Magyar frazeológia. Történeti áttekintés*. Budapest.
- HALÁSZ, Előd, FÖLDES, Csaba, UZONYI, Pál, 1998: *Magyar-német nagyszótár*. Budapest.
- HESSKY, Regina, 1982: *Deutsch-ungarische phraseologische Sammlung*. Budapest.
- JENKO, Elizabeta, 1994: *Sich auf die Socken machen / Vzeti pod noge. Deutsch-slowenisches Wörterbuch der Redewendungen mit einer kontrastiven Studie*. Klagenfurt.
- JESENŠEK, Vida, 2000: Protistava nemške in slovenske frazeologije – fenomen konvergentnosti. V: ŠTRUKELJ, Inka (ur.). *Kultura, identiteta in jezik v procesih evropske integracije*. Ljubljana. 236-247.
- KRŽIŠNIK KOLŠEK, Erika, 1990: Sestavina roka v frazeologemih slovenskega knjižnega jezika. *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture* 26. Ljubljana. 141-154.
- LAKOFF, George, JOHNSON, Mark, 1980: *Metaphors We Live By*. Chicago-London.
- LEWANDOWSKA, Anna, ANTOS, Gerd, 2001: Sprichwörter, metaphorische Konzepte und Alltagsrhetorik: Versuch einer kognitivistischen Begründung der Sprichwörterforschung. *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship* 18. 167-183.
- MOKIENKO, Valerij Mihajlovič, 1998: Phraseologisierung von Europäisimen oder Europäisierung von Phraseologismen? Divergente und konvergente Prozesse in phraseologischen Systemen europäischer Sprachen. V: EISMANN, Wolfgang (ur.). *Europhras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich*. Bochum. 539-555.
- OKSAAR, Els, 1988: *Kulturemtheorie. Ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung*. Göttingen.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika* 1-5. Ljubljana, 1970-1991.

Đuro Blažeka

O PRILOZIMA KAO VRSTI RIJEČI U PRELOŠKOJ SKUPINI
MEĐIMURSKOG DIJALEKTA

**ADVERBS AS WORD CLASS IN THE PRELOG GROUP OF DIALECTS
OF THE MEĐIMURJE REGION**

Summary: This paper deals with interesting semantic, word formation and phonological items of adverbs in the Prelog group of dialects of the region of Međimurje. A special attention is given to the tendency of optional vowel endings (*navezak*), hypocoristic feature, correlation pairs of adverbs of motion and place, pairs of adverbs seemingly synonymous and to adverbs with separated prefixes. The widely accepted feature of adverbs as being an unalterable word class is doubted due to the fact that some adverbs have endorsed true comparatives. Adverbs of German and Hungarian origin are also discussed. The paper also deals with prefixing of the already prefixed adverbs where no semantic differences are achieved.

Keywords: adverbs, dialect of Međimurje, hypocoristic feature, Germanisms, Hungariansms, optional vowel endings (*navezak*), semantic differences between near-synonyms

0. Uvod

Prilozima je kao vrsti riječi u dosadašnjim opisima hrvatskih dijalektalnih govora posvećivano vrlo malo prostora. Većinom se njihov prikaz u opisima mjesnih govora svodi na taksativno nabranje bez osvrta na osobitosti njihove tvorbe i uporabe, a nema riječi ni o semantičkim zanimljivostima. Prikazu priloga se previše prostora ne posvećuje ni u gramatikama standardnog jezika¹. Malo je i znanstvenih radova koji bi bili posvećeni isključivo prilozima². Skupljajući i obrađujući

¹ "Za razliku od promjenjivih riječi, kojih su oblici "morfologizirani" pa se već sami po sebi nadaju gramatičkome opisu, nepromjenjive riječi, koje su većim dijelom gramatikalizirane (veznici, prijedlozi, partikule, neke zamjenice te, osobito neki prilozima), puno slabije (bar u nas) prolaze i u gramatičkim i u leksikografskim (eksplikativnim) opisima. Autori gramatičkih priručnika većinom se zadovoljavaju utvrđivanjem vrste kojoj takve riječi pripadaju i nekim vidom njihove klasifikacije (npr. prijedlozi s genitivom, veznici uzročnih rečenica, neodređene zamjenice, mjesni, vremenski i načinski prilozima i sl.), a u rječnicima se obično, uglavnom preopćenito i neprecizno, navode njihova značenja bez opisa izuzetno važne uloge takvih riječi u organizaciji većih sintaktičkih jedinica i cjelina. Takvo je stanje dobrim dijelom posljedica i činjenice da u kroatistici još nemamo iole temeljitijih obrada takvih riječi i njihovih gramatičkih funkcija." (PRANJKOVIĆ 1992: 243-244)

² Od mladih hrvatskih znanstvenika priloge detaljnije istražuje Tanja Kuštović.

građu za svoj veliki rječnik međimurskog dijalekta (oko 50 000 riječi) upao mi je u oči vrlo velik broj zanimljivih priloga, zanimljivih po tvorbi, semantici, etimologiji i gramatičkim osobinama. U ovom ću radu izdvojiti dio tih zanimljivosti iz priloga koji su nađeni u preloškoj skupini međimurskog dijalekta (Prelog, Čehovec, Otok, Cirkovljan).

1. Prilozi nastali popriloženjem frekventnih prijedložnih izraza

Brojni su prilozi nastali popriloženjem frekventnih prijedložnih izraza. Mnogi se takvi prilozi od običnih prijedložnih sveza razlikuju po starom deklinacijskom nastavku, mjestu naglaska pomaknutom na prefiks ili proširenom korijenjskom morfemu. Izdvojit ću najzanimljivije primjere:

n'aguşti: *'Idemu n'aguşti.* "Idemo u svatove." // *Ne m'isliš na g'oste.* "Ne misliš na goste."

n'apuđe: *'Idemu n'apuđe.* "Idemo na njivu." (isključivo u kontekstu kretanja na njivu zbog posla) // *Na p'ole je n'III palu v'Žč d'ogľ n'isht d'Žžđđ.* "Na polje već dugo nije pala kiša." (u svakom drugom kontekstu osim onom kod priloga *n'apuđe*)

n'avrat : *'Idemu n'avrat.* (isključivo u kontekstu kretanja na vrt zbog posla) / *N'IIIš m'islił na v'rt pak ti se s'e uš'ušılı.* "Nisi mislio na vrt pa ti se sve posušilo." (u svakom drugom kontekstu osim onom kod priloga *n'avrat*). U prilogu *n'avrat* korijenski se morfem proširio samoglasnikom *a*.

z'amuš: *'Idem z'amuš.* "Udajem se." // *Ne p'ita za m'oža.* "Ne pita za muža." Tu se čuva se multi morfem kao stari nastavak za A jd. imenica muškog roda.

Netko može izraziti dvojbu je li riječ o indeklinabilnim imenicama ili priložima. No nema sumnje da je riječ o priložima mjesta jer se javljaju isključivo nakon glagola kretanja, a nikako u drugim kontekstima: Svi oni odgovaraju na pitanje *kamo* pa su sličnog semantičkog statusa kao i prilozi mjesta poput *tamo*, *ovamo*, *onamo*, *van*, *unutra*. Nije zabilježena uporaba tih riječi u imeničkoj službi. Rečenice poput **N'IIIje juj b'ilu l'IIIpu v z'amušu*; **N'aguşti su b'ile l'IIIpe*. i **N'apľđe je prľp'alľ*. nisu korektne.

Velik je broj priloga koji su nastali popriloženjem prijedložnih sveza *na + A / L pridjeva*. Vrlo je zanimljivo teoretsko pitanje radi li se kod tih pridjeva o dvojnosti akuzativa i lokativa ili samo o akuzativu na koji je dodan navezak *-m* (na oblik s morfemom / naveskom *-m* može se još dodati i navezak *-a*). Vjerojatnije je da su to prvotno ipak bili oblici s akuzativom jer je najčešće riječ o nekoj vrsti kretanja, a tek su kasnije govornici analogijom počeli dodavati na takve priloge nastavak *-m* kao navezak. U govoru se podjednako čuju i akuzativni i lokativni nastavci: *Nan'ōglu / nan'ōglum je d'ošel.* "Naglo je došao."; *Nasl'abu / nasl'abum se ułl'IIIkel.* "Slabo se obukao." Da je riječ o primarno lokativnom obliku, oblici s *-m*

bili bi vjerojatnije češći. Hadrovics je smatrao da su ti prilozima s nastavkom *-m* nastali po mađarskom modelu što je malo vjerojatno.³

2. Tendencija priloga k dobivanju navezaka

Zanimljiva je tendencija sustava da velik broj priloga fakultativno može imati navezak, i to najčešće suglasnički. Ta se pojava zasada teško može objasniti drugačije osim da je navjerojatnije započela kao težnja sustava da istakne neke priloge kao posebnu vrstu riječi u odnosu na riječi (najčešće imenice) od kojih su u tvorbi nastali, a kasnije se proširila i na ostale priloge.

Navezak *-k* se javlja kod onih priloga koji završavaju na *-i*, npr. *d'ostij* / *d'ostik* "dosta", *v'unij* / *v'unik* "vani", *n'utri* / *n'utrik* "unutra", *p'otli* / *p'otlik* "poslije", *pr'IIIđi* / *pr'IIIđik* "prije", *x'ajdi* / *x'ajdik* "mnogo", *m'ortij* / *m'ortik* "možda", *n'ōpri* / *n'ōpriik* "naprijed", *n'igdi* / *n'igdik* "nigdje", *l'IIIži* / *l'IIIžik* "lakše", *r'ajšij* / *r'ajšik* "radije".

Navezak *-j* se javlja kod onih priloga koji završavaju na *-a*, npr. *sk'upa* / *sk'upaj* "skupa", *zj'utra* / *zj'utraj* "u jutarnjim satima", *d'oma* / *d'omaj* "doma", *sk'upa* / *sk'upaj* "skupa", *st'ixa* / *st'ixaj* "tiho", *sn'o:ka* / *sn'o:kaj* "noćas", *k'oma* / *k'omaj* "jedva", *č'uda* / *č'udaj* "vrlo mnogo".

Navezak *m* može doći na priloge različitih završetaka: *zd'obra* / *zd'obram* "u dobrim odnosima" (*'Onij su sij zd'obram.*), *sk'oru* / *sk'orom* "skoro" (*Sk'orum je b'il b'it.* "Skoro su ga istukli."), *č'ista* / *č'istam* "potpuno, totalno" (*Č'istam je n'mrij.* "Potpuno je lud."), *zb'ijla* / *zb'ijlam* "zbilja", *d'akle* / *d'aklem* "dakle", *du'n'Žkkle* / *du'n'Žklem* "donekle". Također može doći na priloge koji su nastali popriloženjem prijedložnih izraza *na + A pridjeva* npr. *nad'ogu(m)(a)* "nadugo", *nakr'otku(m)(a)* "kratko; nakratko", *nar'IIItku(m)(a)* "rijetko", *nasl'abu(m)(a)* "slabijim intenzitetom; u maloj količini" (*Nasl'abuma d'Žknij r'adija.* "Stavi radio na tiho."; *Nasl'abuma sij mi nam'ōzala kr'uha.* "U tankom sloju si mi namazala kruh."), *nan'ōglu(m)(a)* "naglo", *nab'osu(m)(a)* "bez čarapa" (*N'ej sij nab'osuma b'utij c'ipe'e.* "Nemoj obuti cipele na голу nogu.")

Navezak *-f* nalazi se se kod priloga *zl'o*, npr. *Zl'of mij je.*

Navezak *-š* nalazi se kod priloga *b'orme* / *b'ormeš* "bogme". Navezak u toj riječi može se tumačiti i kao nastojanje da se ta poštapalica glasovno udalji od Božjeg imena koje ne valja spominjati uzalud.

³ "Die Wirkung des ungarischen Musters tritt noch mehr hervor bei der großen Produktivität der Adverbien *na + Lok.* des Adjektives, wie *kajk. na kratke, na kratkom* 'kurz'...Das ung. Vorbild ist auch hier die Endung *-n* als adverbiale Form des Adjektivs: *röviden* 'breviter' zu *rövid* 'kurz', *gyorsan* 'cito' zu *gyors* 'schnell'. Da diese Endung zugleich auch als Superessiv dient (*asztal* 'Tisch', *asztalon* 'auf dem Tisch'), wurden nach der Analogie von *asztalon* = kr. *na stolu* auch *röviden* mit. kr. *na kratkom, gjorsan* mit *na naglom* oder *brzom* wiedergegeben. HADROVICS 1985: 88

Navezak *-r* se nalazi kod priloga *'igda / 'igdar* "ikada" i *g'od / g'oder* "drugi, naglašeni dio općih zamjenica ili priloga u kojima je prvi dio neka odnosno-upitna riječ".

Navezak *-ki* vrlo je frekventan, a dolazi na glagolske priloge sadašnje koji označuju neki položaj ili stanje tijela. On ima funkciju pojačavanja priložnosti, a smanjivanja glagolnosti:

- *žmer'eč / žmer'ečkj* "žmireći": *J'ō bi m'ogel š'axa s t'obum igr'ati žmer'e: / žmer'e:kj*. "Ja bih mogao igrati šah s tobom zatvorenih očiju."; *J'ō bi t'm napr'aj žmer'e: / žmer'e:kj*. "Ja bih to napravio zatvorenih očiju."

- *stuj'e: / stuj'e:kj* "stojeći" - *'Ona stuj'e: / stuj'e:kj š:'i*. "Ona mokri stojeći." / *J'ō sam c'III d'III stuj'e: / stuj'e:kj na p'oslu*. "Ja cijeli dan stojim na poslu."

- *kle:'e: / kle:'e:kj* "klečeći" - *Kle:'e: ga je pr'osila*. "Klečeći ga je molila."; *N'IIIgda smu kle:'e: / kle:'e:kj 'išli na B'istricu*. "Nekada smo klečeći išli u Bisticu."

- *sed'e: / sed'e:kj* "u sjedećem položaju": *J'ō bum sed'e: / sed'e:kj ž'rm'al kr'uzu*. "Ja ću sjedeći usitjavati kukuruz." / *C'III ž'ivut ti je pr'ešel sed'eč / sed'e:kj na st'olcu v k'uxni*. "Cijeli ti je život prošao u sjedećem položaju na kuhinjskom stolcu."

- *:ep'e: / :ep'e:kj* "čučeći": *T'ak je p'oghena ka :ep'e: / :ep'e:kj x'mda pu p'mtu*. "Tako je pognuta da čučeci hoda po cesti." / *C'III ž'ivut bu m'mrala b'iti :ep'e: / :ep'e:kj*.

- *bež'eč / bež'ečkj* "u trku": *Bež'eč / Bež'ečkj si je bl'očil kap'uta*. "U trku si je oblačio kaput."

- *čkm'eč / čkm'ečkj* "šutke": *Čkm'eč / čkm'ečkj s' se peļ'alj na c'ug'.* "Šutke se se vozili vlakom."

- *p'bjd'mč / p'bjd'mčkj* "u odlasku": *G'osti su v'III: d'ogu b'ilj p'ujd'm:i / p'bjd'mčkj, alj su n'ikak n'III št'III d'iti d'imu*. "Gosti su veći bili u odlasku, ali nikako da odu kući."

Zanimljivo je da par priloga *lež'e: / lež'e:kj* nije zamjenjiv u svim kontekstima:

- *lež'e: / lež'e:kj* "ležeći": *J'oš je se lež'e: x'apil kr'i:ati*. "Počeo je vikati još kad je ležao." (ovdje oblik *s -ki* ne bi bio potpuno prihvatljiv) / *B'ilj su ūbedv'ō lež'e:kj v p'oste'i*. "Oboje su ležali u postelji." (oblik bez *-ki* ovdje ne bi bio potpuno prihvatljiv).

3. Tvorba priloga nultim sufiksom

Određeni broj priloga tvoren je nultim sufiksom. Kod nekih supostoji i oblik (oblici) sa sufiksom:

- *dj'r'Žkt / dj'r'Žktn' / dj'r'Žkte* "direktno": *K'ak si t'i zn'al dj'r'Žkt / dj'r'Žktn' / dj'r'Žkte d'mjiti k n'am, a j'oš si n'igd'br n'III b'il t'u?* "Kako si znao direktno doći k nama, a još nikad nisi bio tu?"; *C'uk dj'r'Žkt / dj'r'Žktn' / dj'r'Žkte p'II'a d' Z'ogreba*. "Vlak direktno vozi do Zagreba."

- *d'okra / d'okra'aja* "do kraja; potpuno": *'Idemъ skъp'atij d'okra / d'okra'aja*. "Idemo okopati do kraja.": *D'okra / D'okra'aja je n'mrij*. "Potpuno je lud."

- *honor'ar / hъnъr'arnъ* "honorarno": *'m j'oš hъnъr'ar / hъnъr'arnъ p'unu zas'uzij*. "On još honorarno mnogo zaradi."

- *priv'at / priv'atnъ* "privatno": *T'III tј d'oktur ij priv'at / priv'atnъ d'IIIa pak tј je zat'm'III n'istъ pum'ogel v b'olnicij*. "Taj doktor i privatno radi pa ti zato nije ništa pomogao u bolnici."

- *kom'mt / kom'mtnъ* "komotno; vrlo lako": *Kom'mtnъ smъ s'i st'alij v kuhinъ*. "Svu smo komotno stali u kuhinju.": *Kom'mt / kom'mtnъ bi 'ostal b'Žza s'Iga*. "Vrlo lako bi ostao bez svega."

- *n'Žhъtič / n'Žhъtičnъ* "nenamjerno": *N'Žhъtič / N'Žhъtičnъ sam ga zg'azij*. "Nehotice sam zgazio."

- *glat / gl'atkъ* "glatko, bez problema": *Gl'at / Gl'atkъ je s'e 'išlъ*. "Sve je glatko išlo."

Prilog *vm'ōk* "meko kuhan - o jajetu" nastao je nultim sufiksom od glagola *vm'akatij* "umakati": *'Očeš da tј ft'rt sk'uham j'ejce ij hm'ōk?* Vidimo da je antonimni parnjak prilog *ft'rt* "tvrdno kuhano".

Nultim sufiksom tvoren je i prilog *napūs'ot* "na posudbu" gdje je ispušten akuzativni nastavak za imenice e-deklinacije: *D'ej mј st'o k'unij napūs'ot*.

4. Hipokorističnost

Općenito je poznato da su hipokoristični i deminutivni oblici u kajkavštini izuzetno česti. Velik broj imenica ima i po 2 takva oblika, a hipokoristici / deminutivi se čak javljaju i kod imenica gdje se to ne bi očekivalo (npr. od zbirne imenice *cv'III tje*. *cv'III tječe*, od gradivne imenice *m'esъ*: *m'esъ / m'esekъ*). No zanimljivo je da je ta osobina vrlo izražena i kod priloga jer mnogi sami ističu hipokorističnost / deminutivnost, a kod mnogih nalazimo hipokoristične / deminutivne parnjake od "stilski neutralnih", posebice upotrebljivanih u komunikaciji s djecom. Npr. prilog *nagl'ofce* "naglavce" ima parnjak *naglav'Žc* kojim ćemo ublažiti izražavanje neugodnog događaja koji nije tragično završio: *D'Žte je naglav'Žc p'alъ s p'oste'e*. "Dijete je naglavce palo s postelje.". Prilog *naglav'Žc* sigurno ne bismo upotrijebili u rečenici **Zid'or je naglav'Žc 'opal i na m'Žstij hm'rl*. "Zidar je pao naglavce i na mjestu umro."

Sufiks *-ec* ima hipokorističnu funkciju i u prilogu *beg'Жс* "trkom": *Дѣк нас је г'азда в'идел да кр'одемъ ѓр'Шшње, м'и бег'Жс д'имъ*. "Kad nas je gazda vidio kako krademo trešnje, mi trkom doma."

U izražavanju hipokorističnosti / deminutivnosti priloga posebno se ističe sufiks *-i*:

- *zd'olka / zd'ōli*: "izdaleka": *Zd'ōli: me je d'ošel gl'et*. "Došao me je vidjeti izdaleka. (npr. mama o sinu) / *Zd'olka je j'oš t'm ka bu 'mn zav'ršil šk'mlu*. "Daleko je još od toga da on završi školu." (u tom iskazu nema hipokorističnosti).

- *zn'mva / zn'mvič*: *Zn'mvi: t'm pr'mbaj napr'ajti*. "Ponovno to probaj napraviti." (blag savjet) / *Zn'mva p'ęmu na s'od*. "Ponovno ćemo ići na sud." (u tom iskazu nema hipokorističnosti)

- *sp'bn'ova / sp'bn'mvi*: "ponovno": *Pr'mbaj si v'Ж: j'ampr'et zap'amtit'i k'aj ti g'lv'orim da te ne m'mram s'ak'i p'mt sp'bn'mva v'b:'iti!* "Probaj već jedanput zapamtiti što ti govorim da te ne moram svaki put ponovno učiti!" / *Sp'bn'mvi: t'm pr'mbaj napr'ajti*. "Ponovno to probaj napraviti." (blag savjet)

- *ьdal'IIIč / 'od'ōli*: "sa distance", *ьk'ml'ь / u'k'mli*: "okolo", *d'otle / d'otič* "dotle"

Tim se sufiksom hipokorističnost / deminutivnost može izreći čak i u rednom broju *p'rv'i*, i to kad dolazi s imenicom *p'mt*, npr. *Prv'i: p'mt sam ti v'e: t'm r'ękel*. (ako govornik želi sugovornika blago upozoriti).

Prilog *m'al'ь* ima hipokorističnu varijantu *m'a:ken'ь: P'oje: m'a:ken'ь*. "Pojedi malo."

Sufiksom *-eka* se od priloga *p'in:a l'on:a* "u položaju nošenja s nogama oko vrata" tvori hipokoristična varijanta *p'in: eka l'on:eka*.

Sufiksom *-ce* se od priloga *m'om* "odmah" tvori hipokoristična varijanta *m'omce*: *M'omce sam d'ošel k'ak sam i ьb'ę'al*. "Odmah sam došao kako sam i obećao."

Zanimljivo je da su sufiksi od glagolskih priloga (*-e*; *-ę:k'i*) poslužili da se od priloga *p'bst'iha* "tiho" napravi hipokoristična varijanta *p'bstix'II:k'i*: *P'bstix'II:k'i je d'ošel ka ga n'a n'iš:ј :ul*. "Tiho je došao kako ga nitko ne bi čuo."

Izostavljanjem prijedloga *na-* u prilogu *nav'IIIk* postiže se ublažavanje tvrdnje: *M'oj m'oš bi v'IIIk s'am j'el*.

5. Prilozi koji se razlikuju po otvorenosti / zatvorenosti istovrsnih samoglasnika

Većinu semantičkih razlika između naoko jednakih priloga u ovom i sljedećem odjeljku doista će teško zamijetiti i najkvalitetniji dijalektolog ako mu ti mjesni govori nisu poznati još iz djetinjstva ili je postigao vrlo duboku suživljenost s ispitanicima u potpuno neposrednoj i spontanoj komunikaciji. Postoje parovi priloga koji se razlikuju po stupnju otvorenosti ili zatvorenosti temeljnog samoglasnika. U svim je međimurskim govorima izgubljena opreka po kvantiteti pa je fonološki relevantno samo mjesto naglasaka, odnosno siline. Svaka se naglašena riječ

može izgovoriti i s dugim i kratkim naglašenim vokalom. Modulacija, dizanje i spuštanje tona, te kvantiteta, duljina ili kraćina sloga, odnosno vokala, nemaju značenja na razini fonema i riječi. Opreka po kvantiteti prefonologizirana je u kvalitetu samoglasnika, pa je pod naglaskom dobiven desetočlani samoglasnički sustav. Tako se mnoge morfološke i semantičke razlike ostvaruju na temelju opreke između srodnih samoglasnika. Na taj se način i mnogi parovi priloga razlikuju samo po stupnju otvorenosti ili zatvorenosti naglašenoga samoglasnika. Površnim bi se istraživačima takvi parovi priloga činili samo kao fonetske varijante istoga priloga, no u jezičnoj se praksi njihova uporaba strogo razlikuje, tako da možemo govoriti o različitim priložima.

-nag'ostuṃ / nag'mstuṃ

Nag'ostuṃ znači "često": *N'e smeš nag'ostuṃ t'õ huđ'itij jer te b'mdu stij'alij.* "Ne smiješ prečesto ići tamo jer će te otjerati".

Nag'mstuṃ znači "gusto - o sastavu neke hrane": *Nag'mstuṃ je sl'ožila j'uxu pak sam k'omaj puđ'otal.* "Napravila je pregustu juhu pa sam je jedva gutao."

- nat'IIIṅku / nat'Žṅku

Prilog sa zatvorenijim *e*-samoglasnikom (*nat'IIIṅku*) koristi se za radnje u kojima se konkretni predmet dijeli na manje cjeline: *Nat'IIIṅku nar'ežij sal'amu, kr'uxa, s'ira...*

Prilog sa srednjim *e* (*nat'Žṅku*) koristi se u opsegu značenja "podrobno", npr. *J'õ sam t'm n'ẽmu nat'Žṅku uđj'asnij.* "Ja sam to njemu podrobno objasnio."

Razlikom u kvantiteti istorodnih samoglasnika razlikuju se i neki prilozi od pridjeva u srednjem rodu jednine od kojih su nastali adverbijalizacijom:

b'm̃e / b'õe:

B'm̃e je komparativ pridjeva *d'ober* u srednjem rodu: *b'm̃e d'IIIte, b'm̃e vr'IIIte*, a *b'õe* je prilog nastao preobrazbom od toga oblika: *Tr'Žba b'õe d'IIIlatij. B'õe da sij 'ostal d'omaj.*

Prilog *b'õe* inače služi i za tvorbu perifrastičkog komparativa: *'Ona je b'õe l'IIIpa l'bd sv'oje s'Žstre.* "Ona je ljepša od svoje sestre."

d'mgu (pridjev) / *d'ogu* (prilog):

d'mgu v'mže, d'mgu kur'itij / D'ogu ga te n'III. "Dugo te nema.", *K'aj su te t'ak d'ogu zadrž'alij?* "Zašto su te tako dugo zadržali?"

6. Značenjske razlike između nekih istokorijenskih priloga na koje su stavljeni različiti prefiksi ili sufiksi

Površnijem bi istraživaču također lako promaknule stilske razlike između nekih istokorijenskih priloga na koje su stavljeni različiti prefiksi ili sufiksi. Oni se mogu upotrebljavati jedni umjesto drugih, no jedni dolaze daleko češće u neutralnoj upotrebi, a drugi u stilski obilježenoj.

nam'irum / zm'irum

Zm'irum se daleko češće upotrebljava onda kad se govornik negativno odnosimo prema onome koga ili što treba ostaviti na miru, npr. *P'ustij t'oga xrm'ōka zm'irum!* "Pusti budalu na miru!", *P'ustij zm'irum t'e xrmast'm:e!* "Pusti na miru te gluposti."; *P'ustij me zm'irum!*

Prilog *nam'irum* se upotrebljava u stilski neutralnijem kontekstu, npr. *P'ustijte t'atija nam'irum ka sī m'al'ľ presp'i.* "Pustite tatu na miru da malo prespava."

kr'edu / vr'edu

Na prvi pogled prilozima *kr'edu* i *vr'edu* imaju isto značenje, no razlika je u modalnim značenjima. U prilozima *kr'ed'ľ* postoji modalno značenje moralne ocjene nečijeg postupanja, npr. *P'ōk sī se n'III kr'edu p'up'ōšal v šk'mlī.* "Opet se nisi dobro ponašao u školi.", *J'ō sam s'mj d'Žcj kr'edu uts'uzīl g'ostj.* "Ja sam svoj djeci uredno odslužio svatove.", *Kr'ed'ľ se ľbl'IIIkel.* "Prilagodno se obukao."

Prilog *vr'edu* uglavnom se upotrebljava u iskazima gdje nema modalnog značenja ocjene nečijeg postupanja: *N'e znam 'alī bu t'm s'e vr'edu z'išlū z m'ojum b'olestj.* "Ne znam hoće li s mojom bolešću sve završiti u redu.", *Ste vr'edu dupuť'ovali?* "Jeste li dobro doputovali?"

Prilozima *kl'Žtj* i *vl'Žtj* imaju različito značenje. *Kl'III tj* znači "dogodine", a *vl'Žtj* "na ljeto": *Kl'Žtj b'ľ b'o'e n'Žg'ľ v'e.* "Dogodine će biti bolje." / *Vl'Žtj se p'eľm'ľ k'mpat na Dr'ov'ľ.* "Na ljeto ćemo se ići kupati na Dravu."

Značenjski se razlikuju prilozima *dr'ugda* i *dr'ugdī*. *Dr'ugda* je vremenski prilog u značenju "drugom prilikom", a *d'rugdī* mjesni: *Dr'ugda se b'ľm'ľ v'idlj.* *D'Žnes n'III mam'ľ :'as.* "Drugom prilikom ćemo se vidjeti. Danas nemamo vremena." / *Dr'ugdī je b'o'le nek pr'i nas.* "Drugdje je bolje nego kod nas."

7. Prilozima kao odvojeni prefiksi

Prilozima *v'un*, *d'olī*, *g'orī*, *pr'IIIk* i *v'un* često su u ulozi odvojenog prefiksa, što možemo protumačiti kao utjecaj njemačke i mađarske sintakse, npr.

N'e mre z'itj v'un s t'IIIx tešk'm. "Ne može se izvući iz tih teškoća."

Pr'eve: se f'ōlīš, b'mš v'III: 'opal d'olī! "Previše se hvališ, već ćeš propasti."

'mn tī je n'mrī p'ak sī n'ej t'mg'orī br'atī! "On je lud pa si nemoj to uzimati uzimati k srcu."

B'mm te d'ól pr'IIIk! "Dat ću te na sud!"
Š't'm bu t'm s'e sk'up d'III. "Tko će to sve sastaviti."
X'itilj su ga v'un z p'osla. "Dobio je otkaz na poslu."
D'ól sam p'IIIneze n'uter v b'anku. "Stavio sam novce u banku."
Z'el sam p'IIIneze v'un z b'anke. "Uzeo sam novce iz banke."
P'azj ka n'aš sk'opal v'un kr'uzu. "Pazi da ne posječeš kukuruz."

I dr. Istvan Nyomárkay kaže da se mislima onoga koji piše (ili govori) gubi označavanje pravca kretanja prvobitnog hrvatskoga prefiksa i da se zato pojavio osjećaj za upotrebu još jednog prefiksa konkretnijeg značenja, po mađarskom i njemačkom uzoru. Taj fakt dovodi često do takvih pleonastičkih struktura, kao što su npr. *van zpelati, van dotirati, van zvaditi*. Novi prefiks čuva svoj adverbijalan karakter, ne srađuje s glagolom, kao iskonski slavenski prefiksi. (NYOMÁRKAY 1982, str. 266.). Prefiksarno značenje tih priloga u našim primjerima vidi se po tome što u svim primjerima nemaju doslovno, već metaforičko značenje i po tome što su to pleonastičke strukture; jer kamo bismo izašli ako ne van ili kamo bismo pali ako ne dolje.

8. Suodnosni prilozi mjesta i smjera

Kod mjesnih priloga važna je osobina postojanje mnoštva parova suodnosnih priloga mjesta i smjera što znači da se jedan oblik koristi za kretanje, a drugi za statičnost. Takvi se prilozi razlikuju na 2 načina:

1. kvalitativnom promjenom osnovnog samoglasnika

napr'III / n'ōpri(k) "naprijed" (*Idj napr'III k'opat.* "Idi naprijed kopati." / *N'ōpri je m'efkeše.* "Naprijed je zemlja mekanija - od vlage.")

t'ō / t'am "tamo" (*T'ō 'idj.* "Idi tamo." / *T'am tj b'm b'o ē.* "Tamo će ti biti bolje.")

d'imu / d'omaj: *Idj d'imu.* "Idi doma." / *D'omaj ga p'uno d'IIIa.* "Doma ima mnogo posla."

2. različitim nastavkom:

v'un / v'unj: *Idj v'un.* "Idi van." / *V'unjk je d'IIIu.* "Vani ima posla."

n'uter / n'utrij(k) "unutra": *X'oj n'uter.* "Dođi unutra." / *N'utrij je t'opl'IIIše.* "Unutra je toplije."

9. Parovi istoznačnih priloga kod kojih je jedan stariji, a drugi noviji

Kako se u svakom organskom govoru isprepliću novije i starije stanje, velik je broj parova priloga od kojih je jedan iz starijeg jezičnog stanja, a drugi novijeg podrijetla, često fonološki adaptiran iz hrvatskog standardnog jezika. Stariji parnjak se kod mlađih govornika često koristi za stilski obilježeniije kontekste, a noviji za neutralnije. Najstariji ispitanici koriste samo starije oblike. U nekim značenjima supostoje čak 3 sinonima različite dijakronije.

- *ɯdv'ajkada*⁴ / *ɯdnav'IIIk* "oduvijek": *ɯdv'ajkada se 'oni sv'odiju*. "Oduvijek se oni svađaju."; *ɯdv'ajkada je n'mri*. "Oduvijek je lud." (negativniji kontekst) / *ɯdnav'IIIk je na :'ofsku prš:'eñe 'išel d'IIIš:*. "Oduvijek je na proštenje u Čehovcu padala kiša."
- *p'rle* / *pr'Ždi* / *pr'ije*
- *d'osti(k)* / *d'osta*
- *p'mlz'utri* / *p'olz'utra*
- *d'oka:* / *d'okle*
- *'izda* / *'iš:e* / *j'oš*
- *p'ь:eter'Žj* / *pu:eter'Žma* "četveronoške"
- *za'istjñь* / *zazr'IIIšna* "uistinu, stvarno"
- *p'otlī(k)* / *p'oslī(k)* / *p'osle*
- *ven'ot* / *ɯn'ot* "onuda" *Ven'ot je b'IIIžal*.
- *v'Žndi* / *t'am* "tamo"
- *ɯz'odī(k)* / *ɯz'oda* "otraga": *'Oni ɯz'odī stan'ujeju*. "Oni stanuju otraga." / *ɯz'oda si je zaz'idal x'ižu*. "Otraga si je zazidao kuću."

10. Prefigiranje već prefigiranih priloga bez postizavanja semantičkih razlika

Izuzetno je česta pojava prefiksacija priloga koji bi i bez tog prefiksa funkcionirali u istom značenju. Najčešće su to prefiksi *na-* i *po-*.

p'ьbьg'III:kj / *b'ьg'III:kj* "sirotinjski" *Ž'ivjñь p'ьbьg'III:kj k'ak m'oremь, ali se ne sv'odjñь*. "Živimo sirotinjski, kako možemo, ali se ne svađamo."

poštac'uñskj / *štac'uñskj* "s upotrebom hrvatskog standardnog jezika": *Spučm'inamu se pu štac'uñskj*.

p'ь:kьm'e: / *:kьm'e:* "šutke": *Dr'ugi g'mndrajь dьk ñjm se vel'i n'Žkaj napr'aviti, a 'un s'e d'IIIa p'ь:kьm'e:*. "Drugi gundaju kad im se kaže da nešto naprave, a on radi šutke."

nad'okše / *d'okše* "duže": *Pr'ošlь l'Žtь je t'm se nad'okše tr'ajalь*. "Prošle godine je to sve duže trajalo."

nadv'orьt / *dv'orьt* "dvarput": *T'ulьkь k'aj t'i p'ьj'IIIš najampьt, m'ej je d'osti nadv'orьt*. "Koliko ti pojedeš najednom, mene je dosta dvarput."; *Bьmь 'unda pe'alj nadv'orьt*. "Vozit ćemo u dva navrata."

nadiν'oļe / *dьν'oļe* "do mile volje": *Nadьν'oļe sь se naj'Žlī*. "Najeli su se do mile volje."

⁴ Kod donošenja primjera idem redosljedom od starijeg prema novijem.

nafr'iš / fkr'iš "u križ": *Błg'ice 'imajł t'mrbe nafr'iš z'õtł k'aj jım je l'ŹŹi nłs'itı k'aj dłb'ijł.* "Prosjakinje imaju torbe ukriž jer im je tako lakše nositi što dobiju."

nafr'mk / fkr'mk "u krug": *Dłk smł n'Źgdı v'unı zak'urıłı, pł:'enłłı smł sı fkr'mk k'młı j'ogıa ı gr'Źłı sı r'mke.* "Kad smo negdje vani naložili, čučnuli smo uokrug vatre i grijali si ruke."

nafr'uc / ftr'uc "u inat": *Nafr'uc jı je t'm napr'aj.* "U inat joj je to napravio."

nan'ōglł(ma) / n'ogłł "odjednom, iznenada": *T'ęca sı t'ak nan'ōglłma hm'rlı kaj se netı spłv'Źdatı n'Źsł d'ospelı.* "Tetka je tako naglo umrla da se nije dospjela ni isprovjediti."

napł(d)z'ōdńe / pł(d)z'ōdńe "na kraju": *Napłdz'ōdńe je isp'alł t'ak k'ak da sam za s'ę s'amł j'ō kr'if.* "Na kraju je ispalo da sam za sve samo ja kriv."

napłpr'Źk / płpr'Źk "odoka, bez mjerenja": *Płg'odıłı smł se za pr'aš:eka napłpr'Źk kaj n'amł m'mralı vagar'inł pl'ō:atı.* "Pogodili smo se za prašćica odoka kako ne bismo morali plaćati pristojbu za vagu."

napr'otıf / pr'otıf "protiv": *J'ō sam n'ikaj n'Ź r'ękla napr'otıf.* "Ja nisam ništa rekla protiv."

nar'ikverc / r'ikverc "unutra": *P'Źaj nar'ikverc!*

nazm'Źs / zm'Źs "pomiješano": *Nazm'Źs sam d'Źla krłmp'Źra ı gr'ošca.* "Stavila sam pomiješano krumpir i grašak."

pł(d)šr'Źk / šr'Źk "nakoso"

vłr'Źtkł / r'Źtkł "rijetko - o izniklosti": *Hajd'ina je vłr'Źtkł zn'ikla płk jł b'mm dłs'Źjal kaj n'adł pr'ōznı pl'acı.* "Heljda je rijetko iznikla pa ću je dosijati kako ne bio prazan prostor."

11. Prilozi njemačkog i mađarskog podrijetla

Većina pridjeva podrijetlom njemačkog podrijetla preobrazbom mogu postati prilozi, npr. *f'Źjst (fest)* koji je semantičkom adaptacijom dobio nekoliko značenja: 1. *F'Źjst st'isnı.* "Čvrsto stisni." 2. *F'Źjst mı nam'ę:ı v teń'Źr!* "Mnogo mu stavi u tanjur.", *F'Źjst sl'užı.* "Mnogo zarađuje." 3. *F'ęst ga zb'uhłı!* "velikim intenzitetom"; *l'oker (locker):* *Kłt'o: tı l'oker stłj'i.* "Kotač ti labavo stoji."; *h'akłık (heikel):* *H'akłık se drž'idł.* "Vrlo se osjetljivo ponašaju."; *g'anc (ganz):*

S'akľ dr'ugľ l'Žtľ tĭ kľp'ujem g'anc n'mvľ 'opravľ ĭ c'ipele. "Svake druge godine ti kupujem potpuno novu odjeću i cipele."

Od modela **zu** nastao je prilog *z'mj* koji se obično upotrebljava kao sraslica s prijedlogom *k*: 1. "u neposrednu blizinu" *X'odĭ kc'mj ka n'adľ m'islĭĭ da se xkr'Uj drž'iš!* "Dođi blizu da ne misle da želiš biti po strani." 2. "uz nešto još" *D'odaj kc'oj ĭ m'alų s'olĭ.* "Dodaj k tome još i malo soli."

Evo popisa ostalih priloga njemačkog podrijetla:

bez'Žc (besetzen) 1. izraz u jednoj kartaškoj igri u značenju "ostati bez karata i ispasti iz igre": *'Ostal je bez'Žc.* 2. upozorenje da ima još onih koji bi htjeli pušiti cigaretu (zbog siromaštva se jedna cigareta dijelila na više usta): *Bez'Žc! ĭ m'i bĭ št'Žkĭ kad'itj.*

c'of'o't (sofort) "odmah – u komunikaciji s djecom": *C'of'olt d'imľ!* "Odmah kući!"

c'urĭk (zurück) "natrag": *C'urĭk m'mramľ 'itj.* "Moramo ići natrag."

dr'öjf (darauf) "poprijeko": *N'Uje 'išel pľ p'mtľ negľ dr'ajf pľ z'emľama prema Dr'övĭ.* "Nije išao ravno već poprijeko njivama prema Dravi."

d'uplĭt (doppelt) "duplo": *D'uplĭt bľš pl'atĭ!* "Dvostruko ćeš platiti."

d'urm'arš (Durschmarsch) "bez stajanja; bez prestanka": *D'urm'arš smų 'išĭ du g'öja.* "Bez stajanja smo išli do šumice."; *Kl'epal je k'osu pak je d'urm'arš t'okel pu ħ'oj.* "Klepao je kosu i neprestano je udarao po njoj."

'Žkster (extra) "posebno, odvojeno": *'Žkster ĭh d'Žnĭ sp'ot.* "Stavi ih odvojeno spavati."

fr'iškū (frisch) "brzo": *B'ežĭ fr'iškū!* "Brzo trči."

fšp'ic (Spitz) "sa šiljatim završetkom". *Na j'ednĭ z'emĭ ĭmam v'ukĭenke z'ötľ kaj 'ide na šp'ic.*

ftr'uc (Trotz) "u inat": *S'aku ftr'uc puť'rtų k'upĭcu ĭĭ fl'ašu bu tr'e pl'ö:atĭ j'ezerų d'inari.* "Svaku namjerno razbijenu čašu ili bocu treba platiti tisuću dinara."

gal'anc (galant) "galantno": *'Išel je pu s'elĭ gal'anc.*

gl'at (**glatt**) "bez nabora": *B'mm sĭ š'msa d'ōla gl'at zaš'itĭ.* "Dat ću zašiti suknju bez nabora."

gl'ih (**gleich** – **glich**) "s poravnatim računima": *V'e sm'ľ sĭ gl'ih. N'iš:e n'ik'ľm'ľ je n'III n'ist d'mžen.* "Sada smo poravnati. Nitko nikome nije ništa dužan."

'iber (**über**) "i više nego dovoljno": *J'o 'imam ĭ 'iber p'Žkneze.* "Imam novaca i preko toga." (Prijedlog njemačkog podrijetla preobrazbom prešao je u prilog.)

knep (**knep**) "usko, tijesno": *S'akĭ sm'ľ m'ešec kn'ap s pen'ezĭ.* "Svaki mjesec smo tanki s novcima."; *Na kn'ap sm'ľ d'ošĭĭ k c'ug'ľ.* "Jedva smo došli na vlak."

vgl'okne (**Glocke**): *Vgl'okne zaš'i kap'uta.* "Saši kaput da mu kraj završava u obliku zvona".

'obers'Iga (**ober**) "predovoljno" *T'i 'imaš 'obers'Iga.*

Priloga mađarskog podrijetla nema mnogo. U frazemu *dūb'itĭ nar'ōduš* "prilikom kupovine veće količine nečeg nešto dobiti badava": *K'upi tr'i k'utĭje ĭ j'oš j'anu dūb'iš nar'ōduš.* "Kupi tri kutije i još ćeš jednu dobiti badava" laici misle da se radi o slavenskom korijenu **rad* "s voljom" na koji je stavljen mađarski sufiks -*uš*. No taj prilog nema veze sa slavenskim korijenom, već s mađarskom imenicom **rádás**.

Dva su priloga u fonološki gotovo nepromijenjom obliku došla iz mađarskog jezika:

- *m'inde*: "svejedno" (**mindegy** "svejedno"): *M'inde: mĭ je.*

- *š'under b'under* "traljavo" (**sundám-bundám** "podlo, potajno"): *S'e sem š'under b'under napr'avĭl.*

Od glagola *b'ōtr'ľvĭtĭ* (**bátorit**) "bodriti, hrabriti" nastao je prilog *b'otr'ľvno* "hrabro": *B'otr'ľvn'ľ se d'ržal.*

14. Komparacija priloga

U kajkavskom narječju se i u pitanje dovodi i osobina priloga da ih se svrstava u nepromjenjive vrste riječi. Naime, komparative *brž'III*, *fletn'III*, *kesn'III*, *sigurn'III*, *stih'III* i mnoge druge ne možemo nikako drugačije okvalificirati nego kao komparative od pridjeva *b'rz'ľ* "brzo", *fl'etn'ľ* "brzo"⁵, *k'Žsn'ľ* "kasno", *sig'urn'ľ* "sigurno", *st'iha* "tiho". U našoj jezičnoj teoriji uobičajaju se takvi

⁵ Ovdje vidimo supostojanje riječi stranog i domaćog podrijetla: *fl'etn'ľ* / *b'rz'ľ*. Zanimljivo je da se u pozitivu prilog *b'rz'ľ* izuzetno rijetko javlja, a u komparativu je mnogo češći od parnjaka njemačkog podrijetla.

"komparativi priloga" definirati kao popriložene pridjeve srednjeg roda jednine u komparativu. U ovim primjerima se to ne može jer se takvi prilozima razlikuju po kvaliteti korijenskog samoglasnika, a neki i po mjestu naglaska. Na kraju krajeva, prilog *stih'III* i nije nastao preobrazbom pridjeva. U prilogu *pr'IIIknav'IIIke* prisutna je opisna komparacija: *Pr'IIIknav'IIIke je 'išel d'IIIš: na prš:'eze*. "Uvijek je padala kiša na proštenje."

U prilogu *:'ist* i *h'ajt* neka vrsta komparacije / gradacije postiže se i dodavanjem sufiksa ili navezaka: *: 'ist - : 'ista(m) - : 'istamce* "potpuno"; *h'ajt / h'ajdi / h'ajdik* "mnogo"

14. Ostale zanimljivosti iz tvorbe priloga

Zanimljivo je da se pridjev *r'at* može preobraziti u prilog i u muškom i ženskom rodu, a ne samo u srednjem rodu: npr. *J'ō r'at t'm d'IIIam*. "Rado to radim."; *'Ona se r'ada vred'uje*. "Ona se rado uređuje."

Kod preobrazbe pridjeva *s'igurnu* i *pr'ivatnъ* u prilog dolazi do pomicanja naglaska: *D'IIInes je n'III pr'ëve: s'igurnu vr'IIIme*. (pridjev) "Danas nije previše sigurno vrijeme." / *Je n'III sig'urnu 'alī se 'mn b'm v'rnul d'imu*. (prilog) "Nije sigurno da će se on vratiti kući."; *T'm je n'ēgvъ pr'ivatnъ mišl'eñe*. (pridjev) "To je njegovo privatno mišljenje." / *'m 'iš:e i pr'ivatnъ d'IIIa*. (prilog) "On još i privatno radi."

Sufiks *-ъ*; podrijetlom iz priloga sadašnjeg (*pujd'ō*; *id'ō*; *hūdaj'ō*; *pl'ō:u*), sudjeluje u tvorbi priloga *drug'ō*: sa značenjem "drugi puta" i *pl'dlg'm*: "po dužini". *Pl'dlg'm: dr'Žžī kr'uxa*.

Sufiks *-ъt* iz priloga *ъn'mt*, *ъv'mt*, *t'mt* poslužio je za tvorbu i priloga *drug'ot* "drugim putem".

Prilozima *d'il'Žnc'e* "po cijeloj površini" (*V'II n'amъ kьp'alī na fal'ate negъ d'il'enc'e*. "Nećemo kopati na dijelove već po cijeloj površini.") i *t'ik'mnc'e* 1. "usporedo s nekim tko obavlja istu radnju" (*T'm m'alū d'IIIte je kup'alū t'i-k'mn-c'e z n'amī*. "To je malo dijete kopalo uporedo s nama.") 2. "u maloj udaljenosti u kretanju" (*Altū je t'i-k'mn-c'e pr'ēšel p'mlek n'ēga*.) 3. "istovremeno" (*T'i-k'mn-c'e je d'IIIal i štūd'IIIral*. "U isto je vrijeme i radio i studirao.") izgovaraju se kao da ih dijelimo na slogove, tj. s 3 naglaska. Kod priloga *d'il'enc'e* je očito riječ o korijunu **dil* na koji se dodao sufiks *-ce*, a između se stavio infiks *-n-*.

Zanimljiva su sljedeća srastanja:

- *k'mtk'am* "u nemogućnosti pronalaženja pravog mjesta ili smjera": *N'III zna k'mt k'am s pen'ezī*. "Ne zna kuda bi s novcima."; *N'II zna k'mt k'am bī 'išel*. "Ne zna kamo bi išao."

- *zad'ok* "za vrijeme nečeg" *Duk j'ō d'IIIam, za d'ok 'on sp'i*. "Kad ja radim, za to vrijeme on spava." (zanimljivo srastanje prijedloga i veznika)

- 'optʎmg'mš:e "učestalo": T'ębi se v z'odńe vr'Šme 'optʎmg'mš:e ftr'Šfj da se z n'Žkem zb'iješ! "Tebi se u zadnje vrijeme često događa da se s nekim potučeš."

Zanimljive se fonološke promjene događaju u sljedećim priložima:

$a > 'o$: 'okj't'ak "ionako": 'okj't'ak b'ľ t'ak k'ak b'm. "Svejedno će biti tako kako će biti." Tu su infiksom *i* spojeni veznik 'ak(ľ) i prilog t'ak.

$a > e$: fkr'ej "na stranu": H'odj fkr'ej, n'ej se t'u m'otati! "Makni se! Nemoj se tu motati!"; Sp'il sam tabl'Štu i k'o da bi fkr'ej z'el. (o bolu). "Popio sam tabletu i kao da je netko maknuo bol."; Drž'i se fkr'ej. "Drži se po strani."

Do promjene $a > e$ vjerojatno je došlo kako bi se prilog razlikovao od prijedložne sveze.

$o > a$: k'ajk'mt "kojekuda" Dr'oš'ľva d'Žca s'ľ se k'ajk'mt raz'išla p'ľ sv'Št'ľ.

$b > m$: u svezi s t'Šm m'or "usput": S t'Šm m'or i t'm napr'ovj'm. "Usput ću i to napraviti."

Do te promjene u ovoj svezi dolazi zbog utjecaja suglasnika *m*, a ne dolazi u običnom prilogu b'or: B'or me j'anp'ľt d'mjdi gl'et. "Barem jedanput me dođi posjetiti."

$\emptyset > d$: zdr'oven "ravno" S'am 'idj zdr'oven i d'ošel b'ľš. "Samo idi ravno i doći ćeš."

$\emptyset > m$: n'o(m)pak "naopako" N'ij n'opak g'ľv'ľr'itj. "Nemoj naopako govoriti." K'a n'a k'aj n'opak! "Da ne bude nešto naopako!" Suglasnikom *m* se izbjegava hijat, ali i postiže pejorativnost.

$\emptyset > s$: p'ľspl'o(h) "po cijeloj površini" Z'emļa je p'ľspl'mh p'ľgn'ojena i v'e sam tr'i l'Žte bez br'ige. T'm b'ľm'ľ z'Im'ľ p'ľspl'o p'ľgn'ľj'ilj. Tu je očito riječ o korijenu *ploh i prijedlogu po. Suglasnik *s* je dodan kako bi se izbjegla disharmonija 2 suglasnika *p* u neposrednoj blizini, no nejasan je završni dio priloga gdje je najvjerojatnije došlo do redukcije nastavačnog samoglasnika.

15. Prilozi zanimljivije semantike

U ovom sam odjeljku izdvojio priloge koji ili su dobar primjer pseudoanalogonimije prema standardnom jeziku ili naprosto imaju zanimljivu semantiku,.

- deb'ęlj: Deb'elū sem se naj'Šla. "Jako sam se najela."

- d'ľn'Žgda: "jednom": D'ľn'Žgda 'ak'ľ B'mk d'o, b'ľm m'ortj i j'o sv'mj g'azda k'ak s'ľ m'ojj vrš'ň'okj. "Jednom ako Bog da, možda ću i ja biti svoj gazda kao što su moji vršnjaci."

- *f'ižĭ / f h'ižĭ* "u sobi": *F'ižĭ je b'o`e z'ima nek v k'uxzĭ.* "U sobi je više zima nego u kuhinji."

- *fkĭ'u*: "u obliku slova L": *M'oja h'iža je napravĭljena fkĭ'u: ĭ sl'amĭm pĭkr'ita.* "Moja kuća je napravljena u obliku slova L i pokrivena slamom."

- *jedn'okŭ* 1. "ravno": *Gl'edi jedn'okĭ ka n'aš d'išel d'olĭ s p'mta.* "Gledaj ravno da ne siđeš s puta." 2. "na isti naćin": *S'eštre se sk'oruĭ jedn'okŭ pŭn'ošaju.* "Sestre se skoro isto ponašaju."

- *lezd'oj* 1. "malo prije": *Lezd'oj sem p'ila, a p'ok sem ž'ejna.* "Maloćas sam pila, a opet sam žedna." 2. "za kratko vrijeme": *L'Žzdaj te b'om sp'okal!* "Uskoro ću te istući."

- *n'ikĭt n'ikam* 1. "nikuda": *N'ikĭt n'ikam n'emrem s t'ŠIm nĭg'omy.* "Nikamo ne mogu s tim nogama." 2. "vrlo loše": *Dĭk mĭ je ž'ena b'ila ž'iva, j'oš je b'ilĭ k'ak t'ak, alĭ v'e je n'ikĭt n'ikam.* "Dok mu je žena bila živa, još je bilo kako tako, a sada je vrlo loše."

- *ĭn'ak / 'onak* 1. "onako": *Ŭn'ak je b'oĭe.* 2. "bez posluženog pića ili jela": *N'amĭ sed'Žkĭ 'onak.* "Nećemo sjediti pred praznim stolom." 3. "praznih ruku": *N'igd'or je n'Š išla ĭn'ak d'imĭ.* "Nikada nije išla praznih ruku kući."

- *ĭtkra(ja)* 1. "od kraja": *N'ej ĭd kr'aja : 'itatĭ kŭ'igĭ.* 2. "od početka": *V'e mĭ s'e ĭd kr'a dĭ kr'a p'ove: k'aj se t'm med v'amĭ dĭg'odĭĭ da ste se t'ak g'rdĭ pĭsv'adiĭ.* "Sada mi od početka do kraja kaži kako se to među vama dogodilo da ste se tako jako posvađali."

- *ĭv'ak d'a* "jednom: bez obveze i bez planiranja": *Ŭv'ak d'a d'mjdiĭe ak n'ate st'igĭ na pŕš:'eĭe.* "Dođite jednom bez obveze i bez planiranja ako ne stignete na proštenje."

- *p'odjenĭ* "neprestano": *P'odjenĭ pŕipĭv'Šĭda.* "Stalno prića."

- *p'ml p'mt*: "napola": *B'mš mĭ s'amĭ p'ml p'mt m'Žĭe k'rme v'rnĭĭ nek sam tĭ pĭs'mdiĭ.* "Vratit ćeš mi samo pola kolićine sijena od one koju sam ti posudio."

- *pŭm'Žĭe* "manje": *Pŭm'Žĭe j'Ž:te.* "Manje jedite."

- *pъpr'Шk* 1. "poprijeko": *P'Жsј mј h'mdajъ pъpr'Шk :ez v'rt.* "Psi mi hodaju poprijeko kroz vrt." 2. "od oka": *M'i smъ sј rajd'ōšј pъk se b'omъ pъgъd'ilј pъpr'Шk, a n'Ш na v'ōgъ.* "Mi smo prijatelji pa ćemo se pogoditi odoka, a ne na vagu." 3. "u cjelini": *S'ę pъpr'Шk je p'ojel.* "Sve je pojeo."

- *zv'іšešega* "više nego je potrebno": *Imam zv'іšešega pen'es.* "Imam i nešto dodatno novaca."

- *sp'mlъm(a)* 1. "uz napoličarski odnos": *'Akъ 'o:eš, j'ędnъ z'ęmъ tј bъm d'ōl k'aj bъš jъ sp'mlъma љbdel'ōval.* "Ako hoćeš, dat ću ti jednu zemlju da ju obrađuješ u napoličarskom odnosu." 2. "uz djelomičnost učinjenog posla": *Krъmp'Шra ste sp'mlъma pъbr'alј. T'učkъ ga je j'ōš љst'alъ.* "Krumpir ste djelomično pobrali. Još ga je mnogo ostalo."

- *sp'ornu* "brzo": *J'okъ sp'ornъ d'Шla.* "Jako brzo radi." (zanimljiv primjer enantosemije⁶)

ZAKLJUČAK:

Ovo je samo dio zanimljivosti koje sam našao kod priloga u navedenom korpusu. Prilozima bi trebalo posvećivati mnogo više pažnje u opisima kajkavskih mjesnih govora, i to na svim jezičnim razinama. Takva bi istraživanja trebalo provesti što prije jer se samo u govoru najstarijih ispitanika čuvaju sve osobine navedene u ovom radu.

⁶ "Das Phänomen, dass zwei diametral 'entgegengesetzt' Bedeutungen durch ein einziges Lexem ausgedrückt werden, nennt man *Enantiosemie* (έν 'darin', αντίος 'entgegengesetzt' und σήμα 'Zeichen')." BUNČIĆ 2000: 62.

Literatura

- BLAŽEKA, ĐURO 2002: Prilozi u donjomeđimurskim govorima; *Kaj 4* / 2002., Zagreb, str. 33-44.
- BLAŽEKA, ĐURO 2006. *Hungarizmi u govoru Goričana*, *Suvremena lingvistika*, godina 32, svezak 1, Zagreb, str. 1-27.
- BLAŽEKA, ĐURO 2008. *Međimurski dijalekt (Hrvatski kajkavski govori Međimurja)*, Matica hrvatska, Čakovec
- BUNČIĆ, DANIEL 2001. *Das sprachwissenschaftliche Problem der inner-slavischen "falschen Freunde" im Russischen*. <http://www.uni-bonn.de/~dbuncic/fauxamis>
- HADROVICS LÁSZLÓ 1985. *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*. Budimpešta
- KUŠTOVIĆ, TANJA 2004. Prilozi u Istarskom razvodu: *Glagoljica i hrvatski glagolizam: Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta* (Zagreb-Krk 2.-6. listopada 2002.) / Dürriegl, Marija Ana ; Mihaljević, Milan ; Velčić, Franjo (ur.) Zagreb - Krk : Staroslavenski institut i Krčka biskupija, str. 617-624.
- KUŠTOVIĆ, TANJA 2005 a. *Prilozi u hrvatskoglagoljskim tekstovima 14. i 15. stoljeća* / doktorska disertacija. Zagreb : Filozofski fakultet, 28.12. 2005, 463 str. Voditelj: Damjanović, Stjepan.
- KUŠTOVIĆ, TANJA 2005 b. *Vremenski prilozi u staroslavenskom jeziku i hrvatskoglagoljskim tekstovima // Drugi Hercigonjin zbornik* / Damjanović, Stjepan (ur.). Zagreb : Hrvatska sveučilišna naklada, str. 199- 210.
- KUŠTOVIĆ, TANJA 2006. *Homonimni prilozi* / Turk, Marija (ur.) Rijeka, *Fluminensia I* / str. 1-14.
- KUŠTOVIĆ, TANJA 2007. *Tobožnji prilozi u Slovníku jazyka staroslovenského, Fluminensia, Zbornik u čast Ive Lukežič*, Rijeka 2007, str. 193- 205.
- KUŠTOVIĆ, TANJA 2008. *Prilozi mjesta i smjera u staroslavenskom jeziku i hrvatskoglagoljskim tekstovima 14. i 15. stoljeća*, *Slovo*, 56-57, ožujak 2008, str. 269-286.
- KUŠTOVIĆ, TANJA 2009. *Prilozi za izražavanje prostora // Prostor u jeziku/ Književnost i kultura šezdesetih* / Mićanović, Krešimir (ur.). Zagreb : Filozofski fakultet, Zagrebačka slavistička škola, str. 21-30.
- NYOMÁRKAY, ISTVÁN 1982. = I. Nyomárkay, *Neke jezične karakteristike kajkavskog rukopisa iz početka XIX. stoljeća*. HDZ. VI, Zagreb, str. 265-267.
- PRANJKOVIĆ, IVO 1992. Prilozi kao „riječi sviju vrsta“, *Suvremena lingvistika* 34, Zagreb, str. 243-249.

JEZIK NA INFORMACIJSKO-KOMUNIKACIJSKOJ „PROMETNICI“
21. STOLJEĆA

Abstract: Due to the considerable progress in information and communication technology we have nowadays been in contact with electronic media and other means of communication. This way we are becoming users of the world information network. These socio-linguistic circumstances require changes in language output and most often they have been noted in negative verbal occurrences. The language norm is being abandoned, the speakers are not bothered by the rules of the standard speech, the language attitude in written and oral communication is becoming loose, which does not necessarily have to lead to the extinction of language tradition and the permanent abandoning the requirements of the standard variant.

Keywords: language norm, written and oral communication, communication technologies, Internet, Netspeak

1. Uvod:

Postoji mnoštvo definicija o jeziku kao znakovnom sustavu od kojih ovoga puta ističemo kako je jezik „*zasnovan na spoznajnim procesima, društveno je uvjetovan, povijesno razvijan i mijenjan, a služi za izricanje i izmjenu misli, spoznaja i obavijesti kao i pohranu i tradiranje iskustava i znanja*“¹ (Samaržđija 2006:115) Iz ove definicije izdvajamo društvenu uvjetovanost jezičnoga izričaja. Neusporediva je razlika između obilježja pojedinih jezično-povijesnih razdoblja i današnjega stanja jezika elektroničnih medija, međutim primarnu funkciju jezika i danas nalazimo u komunikacijskom procesu, kojim se osim za međusobno sporazumijevanje služimo kako bi otkrili i shvatili društvenu zbilju koja nas okružuje. Jezična zajednica govornika uslijed ubrzanih tehničkih promjena, - koje su se dakako i ranije odvijale, samo mnogo sporije – primorana je prihvatiti ideologiju 21. stoljeća koja se temelji na mobilitetu, brzini i sveprisutnosti. Suvremeni komunikacijski akt odlikuje se izvanredno brzim prenošenjem informacija uz zahtijevanja razvijenog tehničkog instrumentarija koji govornici koriste s velikom sigurnošću. Već je prethodno desetljeće prouzrokovalo značajan razvoj informacijsko-tehnoloških mehanizama i značajne promjene u svakodnevnoj međuljudskoj komunikaciji. Uslijed proširenja novih tehničkih dostignuća došlo je i do novih načina usmene i pisane komunikacije. Masovna pojava i dostupnost računalnim sustavima i internetu uvodi nove oblike i virtualna mjesta pisanog izražavanja poput kratke pisane poruke (SMS), elektroničke poruke (e-maila) i pričaonice (chat).

¹ Bussmann, 2002.

Dostupni su nam rezultati istraživanja jezika SMS-a, e-maila i chat-a te o značaju istih svjedoče radovi, rječnici i znanstvene analize nastale posljednjih godina. Pripadnici Google ili Facebook generacije (rođeni poslije 1993.) danas su blizu punoljetnosti, a u njihovoj svakodnevici razni elektronički mediji i telekomunikacijska sredstva imaju ogromnu značajku. Njihova međusobna komunikacija zahtjeva opremljenost suvremenim informacijsko-tehnološkim uređajima. Njih - zahvaljujući dostupnosti svjetske informacijske mreže - pod utjecajem najnovijih *on-line* trendova okružuje svojevrsna mješavina englesko-hrvatskoga, odnosno englesko-mađarskoga jezika. Ovi se mladi ljudi uvjerenom koriste Netspeak-om, jezikom interneta koji se ističe kratkoćom, jezičnom kreativnošću, stvaranjem novih riječi, proširenjem anglizama, uporabom emocionalnih znakova (emotikona) te narušavanjem fonetičkih, morfoloških, sintaktičkih i pravopisnih gramatičkih pravila. Sve je počelo 1990. godine pojavom prvih mobilnih telefona, čiji nazivi mađarskom jeziku (*bunkofon*, *tahofon*) izravno upućuju na negativnu prosudbu umnih mogućnosti njihovih korisnika. Danas, međutim, svi raspoložemo modernim, malenim i dobro opremljenim mobitelima koje koristimo za privatne, ali i za službene razgovore. U Hrvatskoj od 4,3 milijuna stanovnika 2,5 milijuna koristi mobilne uređaje ili posjeduju broj mobilnih telefona, dok broj prosljeđenih SMS poruka mjesečno dostiže broj 70, a europski je prosjek 25.² U Mađarskoj podatci iz 2008. godine, govore o 12,2 milijuna registriranih mobilnih pretplata. Prema istraživanju GfK-a, Centra za istraživanje tržišta³ „čak 85 posto djece u dobi od 6 do 10 godina posjeduju računalo, a polovica njih njime se izvrsno služi. Tako će 86 posto djece računalo koristiti svaki dan, a trećina njih će putem računala učiti te surfati internetom. Prema istom istraživanju, postotak djece stare između 11 i 13 godina koje posjeduju računalo iznosi 74 posto, a 59 posto njih ima i priključak na internet.” Poznato je da tehnologije imaju svoje zakonitosti koje utječu na jezik, što je u slučaju SMS-a i interneta vidljivo na nekoliko načina i u hrvatskom i u mađarskom jeziku. 1990-ih godina povećao se broj onih jezičara koji su predvidjeli prijeteću opasnost manjim nacionalnim jezicima i u obliku interneta identificirali samo zlo. Njihove strepnje nakon proteklih 20 godina dokazuju se nepotrebni i neutemljeni. Ukoliko promatramo jezik kao sustav, koji je neovisan o kulturi, tada nam preostaje jezik kao standard koji će podlijeći svim civilizacijskim utjecajima te tako i jezičnim promjenama nastalim uslijed novih tehničkih uvjeta. Jezičnu varijabilnost uvjetuje jezična zajednica, dakle potrebno je istaknuti da i SMS i internet imaju svoje pozitivne jezične učinke. Osim da njihovim korisnicima, stoji na raslopanju neograničena količina informacija, pripadnici mlađe generacije naročito su zaintrigirani novim komunikacijskim mogućnostima: dopisuju se, ostvaruju kontakte, izmjenjuju iskustva tj. komuniciraju mailom, porukama na Facebooku, Iwiw-u, izmjenjuju linkove, imaju svoje blogove, registri- raju se na forumima. Navedeno znači i to da moraju usvojiti znakovni sustav Net-

² izvor: <http://www.mobil.hr/novosti/operateri/broj-korisnika-mobitela-u-hrvatskoj-3636>

³ izvor: <http://www.gfk.hr/press1/infopis.htm>

speak-a kako bi postali članovi *on-line* jezične zajednice i mogli uspješno sudjelovati u „pisano-govornim” konverzacijama, među kojima su najčešći i najpopularniji oblici SMS, e-mail i chat.

2. SMS poruke:

SMS je skraćena od *Short Message Service*, a označuje uslugu u GSM mreži koja omogućava primanje i slanje kratkih tekstualnih poruka. Poruke su zapravo kombinacija slova, brojeva i određenih interpunkcijskih znakova. Postoje svojstva SMS komunikacije koje treba naglasiti jer čine uzročno-posljedičnu vezu s specifičnošću jezičnoga izražavanja:

- poruke se sastoje od maksimalno 160 znakova ako su sastavljene od latiničnih znakova, ili se sastoje od maksimalno 70 znakova ako se koristi, na primjer, kinesko ili arapsko pismo

- poruke šaljemo posredstvom SMS centara (Store and Forward Service)

- postoji mogućnost potvrde o isporuci primljenih poruka, tako da je usluga pouzdana

- ulančavanje više poruka teoretski može imati i više od 160 znakova⁴

Pojava SMS-a neizbježno je uvjetovala i nastanak SMS jezika koji je određen dužinom karaktera, dakle kvalitetu izričaja znatno determinira kvantiteta karaktera. Razna istraživanja potvrđuju da je zbog toga SMS najpopularniji oblik komunikacije u mlađih korisnika, koji zahvaljujući svojoj kreativnosti stvaraju bezbrojno novih jezičnih konstrukcija i praktične skraćene po logici - minimalan broj znakova, a maksimalnost značenja. Isto je izrekao već i pisac Istvan Orkeny koji je svoje „jednominutne” novele stvarao kako bi se mogle pročitati za jednu minutu, postavivši formulu: minimalno autorsko izricanje + maksimalna mašta čitatelja = jednominutna novela. Danas postoje razne književne vrste u obliku SMS-a: možemo pročitati pjesmu, kratku priču a i roman. Riječ je možda o svjetskom trendu.⁵ Jezik kao sustav polako prihvaća pojavu kratkih poruka, javljaju se izrazi poput *sms-anje*, *sms-amo*, što svi mi i radimo, jer je SMS komunikacija gotovo identična pravim razgovorima. Unaprijed formirane (panel-sms) tekstualne poruke ne iziskuju posebne pripreme (ni vremenske, ni umne) jer su pohranjene u memoriju uređaja te ih samo izaberemo i *lansiramo* na određenu adresu, najčešće to činimo automatski, bez posebnih emocija. Istima čestitamo Božić i Novu godinu, rođendane, imendane, ali nerijetko pomoću njih priznajemo ljubav ili najavljujemo prekid veze.

⁴ izvor: http://spvp.zesoi.fer.hr/seminari/2000/gsm/sms/sto_je_to_sms.htm

⁵ Prva knjiga pisana isključivo jezikom SMS-a zapravo je 'Pa Sage a Taba' objavljena 2004. u Francuskoj, finski roman 'Zadnje poruke' Hannua Luntialea objavljen 2007., 2010. 'Suputnici' talijanskog pisca Roberta Bernocca, ispisan u 1.000 poruka i otisnut na 384 stranice

2.1.Primjeri iz mađarskoga jezika:

kratica	značenje	prijevod
1. .ban	<i>pontban</i>	<i>prijedlog u</i>
1. .osan	<i>pontosan</i>	<i>točno</i>
2. +	<i>meg</i>	<i>glagolski dodatak</i>
3. '+	<i>még</i>	<i>još</i>
4. +?ni	<i>megkérdezni</i>	<i>upitati</i>
5. &	<i>és</i>	<i>i</i>
6. \$	<i>pénz</i>	<i>novac</i>
7. \$\$	<i>sok pénz</i>	<i>mnogo novaca</i>
8. +y	<i>megy</i>	<i>ide</i>
9. +6ó	<i>megható</i>	<i>dirljivo</i>
10. +elégel	<i>megelégel</i>	
11. +oldás	<i>megoldás</i>	<i>rješenje</i>
12. zol	<i>hiányzol</i>	<i>nedostaješ</i>
13. -os	<i>párhuzamos</i>	<i>paralelno</i>
14. c	<i>perc</i>	<i>minuta</i>
15. ^Let	<i>felelet</i>	<i>odgovor</i>
16. -ve hisz <i>M</i>	<i>kotve hiszem</i>	<i>ne vjerujem</i>
17. *@lek	<i>szeretlek</i>	<i>volim te</i>
18. *intem	<i>szerintem</i>	<i>po mom mišljenju</i>
19. láltalán	<i>egyáltalán</i>	<i>nikako</i>
20. ledül	<i>egyedül</i>	<i>sam</i>
21. lelőre	<i>egyelőre</i>	<i>zasada</i>
22. léb	<i>egyéb</i>	<i>ostalo</i>
23. lidős	<i>egyidős</i>	<i>vršnjak</i>
24. lM	<i>egyetlenem</i>	<i>moj(a) jedini(a)</i>
25. lNes	<i>egyenes</i>	<i>pravac</i>
26. lNlő	<i>egyenlő</i>	<i>jednako je</i>
27. lSít	<i>egyesít</i>	<i>spaja</i>
28. lSület	<i>egyesület</i>	<i>udruga</i>
29. lx	<i>egyszer</i>	<i>jedanput</i>
30. lxüN	<i>egyszerűen</i>	<i>jednostavno</i>
31. 2ség	<i>kétség</i>	<i>nedoumica</i>
32. 3xos	<i>három szoros</i>	<i>trostruko</i>
33. 4szemközt	<i>négy szemközt</i>	<i>u četiri oka</i>
34. 4zet	<i>négyzet</i>	<i>kvadrat</i>
35. 5let	<i>ötlet</i>	<i>ideja</i>
36. 6ártalan	<i>határtalan</i>	<i>neograničen</i>

37. 7en	héten	ovaj tjedan
38. 7vége	hétvége	vikend
39. ah	ahogy	kako
40. aje	igen, jó, szuper (az ah yeah!= óh, igen! angol kifejezésből)	da, dobro
41. alQ	alku	oklada
42. am	amúgy	inače
43. asszem	azt hiszem	mislím
44. b	busz	autobus
45. beo	beosztott	djelatnik
46. Bke	béke	mir
47. bmeg	buszmegálló	autobusna postaja
48. Bna	béna	nesposoban
49. Brel	bérel	unajmiti
50. c6	chat	chat
51. Cg	cég	tvrtka
52. cs	csak	samo
53. csaQgy	csakúgy	samo tako
54. d	de	ali
55. de	délelőtt	prije podne
56. dsc	diszkó	disko
57. du	délután	poslije podne
58. e/	eper	jagoda
59. eccer	egyszer	jedanput
60. emil	e mail	e-mai
61. emléxem	emlékszem	sjećam se
62. érint&	érintés	dodir
63. eü	egészségügy	zdravstvo
64. felhív6lak?	felhívhatlak?	mogu li te nazvati
65. foQ	fokú	stupanj
66. gazd	gazdaság	bogatstvo
67. GP	gép	stroj
68. grat!	gratulálok! gratula! gratulálok!	čestitam
69. h	hogy	kako
70. hi 7etlN	hihetetlen	nevjerojatno
71. Hl6	háló	mreža
72. hnap	holnap	sutra
73. Htha	hátha	možda
74. Htra	hátra	nazad
75. HtuL	hátul	odozada
76. Hzas	házas	oženjen

77. Hzi	házi	domáci(zadatak)
78. hv?	hogy vagy?	kako si
79. I	nanyi, nagymama	baka
80. infl	infláció	inflacija
81. info	információ	informacija
82. ír6sz	írhatsz	možeš pisati
83. Jg	jég	led
84. jLMe	jelleme	karakter
85. jo8	jó éjt	laku noć
86. k1	kegy	milost
87. kap6sz	kaphatsz	možeš dobiti
88. krstlk, hívj fl!	kerestelek, hívj fel!	tražio sam te, nazovi me
89. kiBkül	kibékül	pomiri se
90. Krtya	kártya	karta
91. ktg	költség	trošak
92. KV	káv é	kava
93. kv!	kérek választ!	molim odgovor
94. Ldól	eldól	saznat će se
95. lécci	légy szíves	molim te
96. Lhagy	elhagy	ostavit će
97. LM	elem	dio
98. Lm1	elmegy	odlazi
99. lszi	légyszi	budi ljubazan
100. m	mert	zato
101. m1	megy	ide
102. Mber	ember	čovjek
103. MbR	ember	čovjek
104. mind1	mindegy	svejedno
105. MiQlás	Mikulás	Sv. Nikola
106. Mizu?	Mi újság, mi történt?	Što je novo
107. Mlék	emlék	uspomena
108. MléxM	emlékszem	sjećam se
109. Mlít	említ	napomene
110. mond6 om	mondhatom	mogu reći
111. mus?mizujs?	mi újság?	što novo
112. muxik	működik	radi
113. naon	nagyon	jako
114. nemtom	nem tudom	ne znam
115. nkm	nekem	meni
116. nm	nincs	nema
117. mitnM	mitnem	(još)što ne

118. NRgia	energia	energija
119. ph	párhuzamos	paralelno
120. pill	pillanat	trenutak
121. Pkség	pékség	pekara
122. Pnz	pénz	novac
123. prg	program	program
124. pü	pénzügy	financije
125. Qdarc	kudarc	neuspjeh
126. QK	kuka	kanta za smeće
127. Qkac	kukac	@
128. Qlcs	kulcs	ključ
129. Qra	kúra	tretman
130. qss	kuss	začepi
131. Qt	kút	bunar
132. Qtat	kutat	bunara-traži
133. Qtya	kutya	pas
134. Rdő	erdő	šuma
135. RösN	erősen	jako
136. skh	semmi közöd hozzá	ne tiče te se
137. smi	semmi	ništa
138. soxor	sokszor	mnogo puta
139. Ső	eső	kiša
140. Ste	este	večer
141. Sti	esti	navečer
142. szal	szóval	dakle
143. szentem	szerintem	po mom sudu
144. szla	számla	račun
145. szmbe	eszembe	u pamet
146. sztlek	szeretlek	volim te
147. szvsz	szerény véleményem szerint	po mom sudu
148. teccik	tetszik	svidā mi se
149. Tl	tél	zima
150. Tma	téma	tema
151. tnap	tegnap	jučer
152. tom	tudom	znam
153. tö+	tömeg	masa
154. Tr	tér	trg
155. Tte	ltétel	teza
156. ×etném	szeretném	volio, voljela bih
157. x-os	szoros	usko
158. valszeg	valószínűleg	vjerojatno

159. vaQ	vaku	blic
160. vasút_	vasútvonal	željeznica
161. Vd	véd	brani
162. Vg	vég	kraj
163. Vgü!	végül	za kraj
164. vhány	valahány	nekoliko
165. vhol	valahol	negdje
166. vk!	választ kérek!	očekujem odgovor
167. vLM	velem	sa mnom
168. vki	valaki	netko
169. vmi	valami	nešto
170. Vr	vér	krv

2.2.Primjeri iz hrvatskoga jezika:

kratica	značenje	prijevod
1. Ice	once	jedanput
2. 2day	today	danas
3. 2moro	tomorrow	sutra
4. 2nite	tonight	večeras
5. 4	for	za
6. 911	emergency, call me	hitno me nazovi
7. Add	address	adresa
8. afaic	as fa ras i know	što se mene tiče
9. Aka	Also know as	dakle znaju
10. asap-	as soon as possible	što je prije moguće
11. atb	all the best	sve najbolje
12. aysos	are you stupid or something	jesi li glup
13. b	be	biti
14. b	back	natrag
15. b/c-	because	zato
16. b4	before	prije
17. b4n	bye for now	doviđenja za sada
18. bbl	be back late(r)	vraćam se kasnije
19. bcnu	be seeing you	vidimo se
20. b'day	birthday	rođendan
21. brb	be right bac	odmah se vraćam
22. btdt	been there done that	bio i vidio
23. btw	by the way	usput,uzgred
24. bta	but then again	no, ipak

25. c	see	vidjeti, vidiš
26. cid	Consider it done	smatraj to napravljenim
27. Cmi	Call me	nazovi me
28. Coz	Because	zato
29. Ctr	Center	centar
30. Cu	See you	vidimo se
31. cu@	See you around	pogledaj okolo
32. Cull - cul8r	See you later	vidimo se poslije
33. Cuz	Because	zato
34. D, de, da	the	-
35. gj	good job	dobar posao
36. gl	good luck	sretno
37. g2g	got to go	moram ići
38. Don	Doing	raditi
39. Dylm	Do you like me	dopadam ti se
40. Ez	Easy	lako
41. eg	evil grin	zločesti osmijeh
42. F2f	Face to face	licem i lice
43. Fof	Friend of a friend	prijatelj prijatelj
44. Fyi	For your information	radi tvojih informacija
45. Gal	Get a life	saberi se
46. Gr8 - grt	Great	izvrsno, super
47. Gtg	Got to go	moram ići
48. Gudluk	Good luck	sretno
49. H8	Hate	poslije
50. Hak	Hugs and kisses	zagrljaji i poljupci
51. Hand	Have a nice day	želim ti ugodan dan
52. H ru	How are you	kako si
53. Ic	I see	vidim, razumijem
54. idk	i dont t know	ne znam
55. Iluv	I love you	volim te
56. Imho	In my humble opinion	po mom skromnom mišljenju
57. imnsho	in my not so humble opinion	po mom ne tako skromnom mišljenju
58. imtng	in meeting	prilikom susreta
59. iyq	i like you	dopadaš mi se
60. j/k - jk	kidding or just kidding	samo se zafrkavam
61. jic	just in case	za svaki slučaj
62. k	okay	u redu
63. kit	keep in touch	čujemo se

64. <i>kwim</i>	<i>know what i mean</i>	<i>znaš što mislim</i>
65. <i>l8</i>	<i>late</i>	<i>poslije</i>
66. <i>lol</i>	<i>laughing out loud</i>	<i>glasao smijeh</i>
67. <i>luv - lv</i>	<i>love</i>	<i>ljubav</i>
68. <i>ly</i>	<i>love you</i>	<i>volim te</i>
69. <i>mgmt</i>	<i>management</i>	<i>menadžment</i>
70. <i>msg</i>	<i>message</i>	<i>poruka</i>
71. <i>mtfbwy</i>	<i>may the force be with you</i>	<i>neka sila bude s tobom</i>
72. <i>mtg</i>	<i>meeting</i>	<i>susret</i>
73. <i>mth</i>	<i>month</i>	<i>mjesec</i>
74. <i>myob</i>	<i>mind your own business</i>	<i>svoja posla</i>
75. <i>n</i>	<i>and</i>	<i>i</i>
76. <i>nca</i>	<i>no comment</i>	<i>bez komentara</i>
77. <i>ne</i>	<i>any</i>	<i> bilo tko</i>
78. <i>ne1</i>	<i>anyone</i>	<i> bilo tko</i>
79. <i>nethng</i>	<i>-anything</i>	<i> bilo što</i>
80. <i>no1</i>	<i>no one</i>	<i> nitko</i>
81. <i>nm</i>	<i>never mind</i>	<i>nema veze</i>
82. <i>nufn</i>	<i>nothing</i>	<i> ništa</i>
83. <i>np</i>	<i>no problem</i>	<i>nema problema</i>
84. <i>nv</i>	<i>no way</i>	<i>nema šanse</i>
85. <i>o</i>	<i>over</i>	<i>kraj</i>
86. <i>oic -oh</i>	<i>i see</i>	<i>kužim</i>
87. <i>omg</i>	<i>oh my god</i>	<i>bože moj</i>
88. <i>pcm or pcme</i>	<i>please call me</i>	<i>molim te nazovi me</i>
89. <i>pls - plz</i>	<i>please</i>	<i>molim te</i>
90. <i>ppl</i>	<i>people</i>	<i>čovjek</i>
91. <i>qik</i>	<i>quick</i>	<i>brzo</i>
92. <i>r</i>	<i>are</i>	<i>jesmo</i>
93. <i>rgds</i>	<i>regards</i>	<i>pozdravi</i>
94. <i>rx</i>	<i>regards</i>	<i>pozdravi</i>
95. <i>ru</i>	<i>are you</i>	<i>ti si</i>
96. <i>ru cmng</i>	<i>are you coming</i>	<i>ti ideš</i>
97. <i>ru ok or ruok</i>	<i>are you ok?</i>	<i>dobro si</i>
98. <i>sry</i>	<i>sorry</i>	<i>oprosti</i>
99. <i>sc</i>	<i>stay cool</i>	<i>ostani miran</i>
100. <i>spk</i>	<i>speak</i>	<i>govori</i>
101. <i>stfu</i>	<i>shut the flip up</i>	<i>zaveži</i>
102. <i>sos</i>	<i>help</i>	<i>upomoć</i>
103. <i>tel</i>	<i>telephone</i>	<i>telefon</i>
104. <i>thkq - tq</i>	<i>thank you</i>	<i>hvala</i>

105. thx - tx	thanks	hvala
106. tnx	thanks	hvala
107. ttyp	talk to you later	vidimo se kasnije
108. tyvm	thank you very much	hvala mnogo
109. u	you	ti, vi
110. ur	your	tvoj, vaše
111. ura*	you are a star	ti si zvijezda
112. urqat	you are a cutie	ti si zlatan
113. w	with	tebe
114. vbg	very big grin	široki osmijeh
115. w/o	without	bez
116. w8	wait	čekaj
117. W84m	Wait for me	čekaj me
118. W8n	Waiting	čekati
119. Wan2	Want to	želim
120. Wan2tlk;	Want to talk?	želiš li razgovarati
121. wc	who cares	koga briga
122. Wknd	Weekend	vikend
123. Wot	What	što
124. Wru	Where are you?	Gdje si;
125. Wu	what's up?	što ima
126. wud?	what you doing	što radiš
127. x	kiss	poljubac
128. xlnt	excellent	izvrsno
129. xoxox	hugs and kisses	zagrljaji i poljubac
130. y	why	zašto
131. yr	your	tvoj, vaš
132. YG	young gentleman	tvoj mladić, gospodin
133. y2k	year 2000	2000. godina
134. yl	young lady	mlada dama
135. yr	your	tvoj
136. yw	you re welcome	nema na čemu ⁶

3. E-mail poruke:

E-mail ili elektronična pošta svakako je revolucionaran zahvat s kraja 20. stoljeća. Kako je pojava telegrafa i telefona svojedobno promijenila način i mogućnost komunikacije, tako e-mail daje nove temelje suvremenom pisanom izričaju. Vrsta je to

⁶ <http://www.mob385.com/gsm/kratice.shtml>

komunikacije kojom elektroničku poruku pošaljemo na udaljenu lokaciju i drugi je korisnik prima preko jedinstvene vlastite e-mail adrese. Uz sve veću rasprostranjenost mailova ponovno vežemo i jezična pitanja npr. u mađarskom jeziku javlja se problem pravilnog izgovora „e-mail” skraćenice, imamo oblike „emil” u znaku jezične duhovitosti, elektronično pismo, ili prijevod „villanyposta”. Što činiti s znakom @? Kako ga nazvati? U engleskom se jeziku taj znak čita „at” a nazivamo ga „at sign”, u hrvatskom se jeziku upotrebljavaju različiti nazivi za taj znak (*et, kod, majmun-monkey*). Nesigurnosti pridonose i nazivi @ iz drugih jezika, npr. u kineskom je *mišić*, u danskom *slonova surla*, na ruskome *psić*, na bugarskom *majmunka*, na švedskome *mačja noga* i ovom „životinjskom carstvu” pridružuje se i mađarski izraz „*kukac*”- crv. Jezični savjetnici nam govore da taj znak ne treba zvati *monkey* i predlažu nam prijevod engleskog imena: *na, pri* ili *kod*. Uslijed njihove brze i jednostavne uporabe zadnjih godina događaju se velike sadržajne promjene u e-mailovima. Danas ih ne koristimo samo u privatne svrhe, sve su češći službeni i poslovni mailovi, koje valja razlikovati od privatnih, naime znatne se razlike kriju u jezičnome oblikovanju jednih i drugih. Dok je u privatnom mailu jezik neformalan, sličan SMS-u i u njemu pratimo odstupanja od standarda (barbarizmi, vulgarizmi) dok je službeni mail nositelj baštine nekadašnjeg službenog dopisa sa standardnim izricanjem i vezanim oblikom.

Prema podacima dobivenih istraživanjem digitalnih medija u Mađarskoj svaki drugi korisnik interneta mjesečno šalje sadržaje, svaki peti redovito provodi duže vrijeme pred monitorom, a većina njih je registriran član neke skupine⁷ (Od 1500 ispitanika, 90 posto je dnevno samo određeno vrijeme, dok je svaki četvrti bez prekida „online”). Među medijskim sadržajima najpopularniji su e-mail, čitanje vijesti, slušanje glazbe, izmjena podataka (filmova, fotografija, tekstova). Svaki drugi ispitanik redovito obavlja svoje bankovne poslove, a trećina njih plaća svoje račune putem weba. Vrlo se brzo razvijaju i razne stranice poput Iwiwa, myVIP-a i Facebooka.

Uslijed raznih prednosti interneta došlo je do znatnog ubrzanja višesmjernе komunikacije velikog broja korisnika i narastao je prostor nevezanog govora, ojačava se svijest pripadnosti nekoj skupini.

Uz razne oblike poput SMS poruka, blogova, privatne mreže, edukativnih sadržaja (nedovoljno iskorištenih) i učenja stranih jezika svjedoci smo stvaranja nove komunikacijske kulture i jezika.

Kako bi se ubrzalo pisanje poruka putem interneta, korisnici mnoge riječi skraćuju na jedno ili dva slova, a česte su i skraćenice čitavih fraza. Novim korisnicima ovakav način pisanja predstavlja određenu prepreku sve dok ne usvoje takav način pisanog govora.

Govor pričaonica (chat, brbljanje) također nam nudi velik broj kratica koje djeluju poput tajanstvenih šifri ukoliko nismo upoznati s načinom njihova dekodiranja.

⁷ izvor: Információs Társadalom és Hálózatkutató Központ.)

3.1. Primjeri iz hrvatskoga jezika:

1. *Noob; n00b, [nub]* - ova vrlo često korištena riječ odnosi se na korisnika koji je nov u nekom području. Dolazi od riječi "Newbie", tj. početnik i uglavnom se koristi kao neka vrsta uvrede novim igračima koji još uvijek nisu ovladali nekim vještinama i znanjima.
2. *Elit; l33t; l337 [lit]* - suprotno od n00b, l33t označava iskusnog igrača koji vješto vlada nekim područjem.
3. *Leetspeak ("elitni govor") ili l3375p34|< [litspik]* - označava način pisanja u kojem se neka slova zamjenjuju jednim ili više znakova, npr. "3" umjesto "E", "4" umjesto "A" itd. Vjeruje se da su ovakav način pisanja razvili hakeri kako bi komunicirali bez aktiviranja sigurnosnih zaštitnih sustava koji prate konverzacije i aktiviraju se nakon što netko upiše neku od ključnih riječi. Ovakav način pisanja također može zaobići filtere u raznim chat programima i na taj način omogućuje korisnicima pisanje riječi koje se inače filtriraju (npr. F|_ck, h0rny itd.)
4. *LOL* - skraćenica od "Laughing Out Loud", "Laugh Out Loud" ili "Lots Of Laughter", označava emociju smijeha, a jako često se koristi prilikom chat-anja i igranja online igara.
5. *ROFL* - skraćenica od "Rolling On Floor Laughing" - intenzivnija verzija *LOL-a*; negdje se **navodi** "ROTFL" ("Rolling On The Floor Laughing") koji ima isto značenje
6. *ROFLMAO* - skraćenica od "Rolling On the Floor Laughing My Arse Off" ili "Rolling On the Floor Laughing My Ass Off", također označava intenzivnu emociju smijeha
7. *LMAO* - "Laughing my Ass Out", također označava emociju smijeha
8. *M8 [mejt]* - skraćenica od "Mate", znači prijatelj ili pajdo (m8s se odnosi na množinu)
9. *BRB* - skraćenica od "Be Right Back", znači "Odmah se vraćam"
10. *AFK* - skraćenica od "Away From Keyboard", znači da korisnik trenutno nije za računalom iako je njegov račun aktivan ili avatar u igri prisutan
11. *FYI* - skraćenica od "For Your Information", znači "Za tvoju informaciju"
12. *k ili kk* - skraćeno od "OK"
13. *AFAIK* - "As Far As I Know" - "Koliko znam"
14. *GG* - "Good Game" - "Dobra igra"
15. *AFAIC* - "As Far As I Can" - "Koliko mogu"
16. *GTG* - "Got To Go" ili "Gotta Go" - "Moram ići"; ponekad se ova skraćenica krivo tumači jer se "Good To Go" ("Spreman ići") piše jednako
17. *ASAP* - "As Soon As Possible" - "Što je prije moguće"[/size]
18. *WYSIWYG* - "What You See Is What You Get" - "Što vidiš, to ćeš i dobiti"
19. *GFY* - "Go F*ck Yourself" - čest odgovor na neku provokaciju
20. *BTW* - "By The Way" -

21. *FAQ* - "Frequently Asked Questions" - "Često postavljana pitanja"
22. *IMO* - "In My Opinion" - "Po mom mišljenju"
23. *IMHO* - "In My Humble Opinion" - "Po mom skromnom mišljenju"
24. *IMNSHO* - "In My Not So Humble Opinion" - "Po mom ne baš skromnom mišljenju"
25. *TY* - "Thank You" - "Hvala"
26. *TYVM* - "Thank You Very Much" - "Puno hvala"
27. *W8* - "Wait" - "Čekaj"
28. *NHF* - "No Hard Feelings" - "Ništa osobno"[/size]
29. *NVM* - "Nevermind" - "Zaboravi"
30. *WTB* - "Willing to buy" ili "Want to buy" - često se koristi u online igrama kada se želi nešto kupiti (npr. "WTB Short Sword of fortitude")
31. *WTS* - "Willing to sell" ili "Want to sell" - često se koristi u online igrama kada se želi nešto prodati (npr. "WTS Cristalline Sword of Ages")
32. *WTT* - "Willing to trade" ili "Want to trade" - često se koristi u online igrama kada se želi obaviti razmjena (npr. WTT Furious Hammer for Fiery Hammer)
33. *JIT* - "Just in time" ("U pravo vrijeme")
34. *AAMOF* As A Matter Of Fact ("Zapravo,...")
35. *BBFN* - Bye Bye For Now ("Bok/pozdrav za sada")
36. *BFN* - Bye For Now ("Bok/pozdrav za sada")
37. *CMIIW* - Correct Me If I'm Wrong ("Ispravi me ako griješim")
38. *FITB* - Fill In The Blank ("Popuni prazno/prazan red")
39. *FWIW* - For What It's Worth ("Za onoliko koliko vrijedi", "Koliko vrijedi")
40. *GBU* - God Bless You ("Bog te blagoslovio")
41. *GMTA* Great Minds Think Alike ("Veliki umovi jednako razmišljaju")
42. *HTH* - Hope This Helps ("Nadam se da će pomoći")
43. *IAC* - In Any Case ("U svakom slučaju")
44. *IAE* - In Any Event ("U svakom slučaju")
45. *IOW* - In Other Words ("Drugim riječima")
46. *MGB* - May God Bless ("Bog te blagoslovio")
47. *MHOTY* - My Hat's Off To You ("Skidam kapu")
48. *NRN* No Reply Necessary ("Odgovor nije potreban")
49. *OIC* - Oh, I See ("Vidim", "Razumijem")
50. *OTOH* - On The Other Hand ("S druge strane")
51. *PTL* - Praise The Lord ("Blagoslovljen Gospodin")
52. *RSN* - Real Soon Now ("Vrlo brzo", "Uskoro")
53. *RTFM* - Read The F*** Manual ("Pročitaj vražje/proklete/j***ene upute")
54. *SITD* - Still In The Dark (doslovno: "Još uvijek u mraku", "Još uvijek ne radi")
55. *TTFN* - Ta Ta For Now ("Vidimo se kasnije")

56. YMMV -[/*size*][*size*=12] *Your Mileage May Vary* ("Tvoje mogućnosti mogu varirati")
 57. TIA - *Thanks In Advance* ("Hvala unaprijed")
 58. TIC - *Tongue In Cheek* ("Jezik u obraz")
 59. TTYL - *Talk To You Later* ("Čujemo se kasnije")

3.2. Primjeri na mađarskom jeziku:

1. <i>Cya,Hy,Hi,Hola...stb.</i> = <i>Köszönések mint pl. a Szia</i>	<i>pozdravi</i>
2. <i>Mizu,Na mi a pálya...stb.</i> = <i>Hogy vagy? és változatai</i>	<i>Što ima, kako si</i>
3. <i>BRB = Rögtön jövök (Angol rövidítés)</i>	<i>Odmah dolazim</i>
4. <i>Vd? = Veled?</i>	<i>S tobom</i>
5. <i>Szted? = Szerinted?</i>	<i>Po tvom</i>
6. <i>H hogy = Hogy hogy?</i>	<i>Kako to</i>
7. <i>Cupp,pux...stb.</i> = <i>Puszi,csók...stb.</i>	<i>Poljubac,pusa</i>
8. <i>Vok = Itt vagyok</i>	<i>Tu sam</i>
9. <i>Yaya = Jaja,igen...stb.</i>	<i>Da,da</i>
10. <i>Pill = Pillanat,mindgyárt jövök</i>	<i>Trenutak, odmah dolazim</i>
11. <i>Tood = Tudod</i>	<i>Znaš</i>
12. <i>Mucci = Mutasd...</i>	<i>Pokaži</i>
13. <i>Lécci = Légyszives</i>	<i>Molim te</i>
14. <i>Oksa,oks = Ok,jó...stb.</i>	<i>OK, dobro</i>
15. <i>Ix = Egyszer</i>	<i>jedanput</i>
16. <i>Mindl = Mindegy</i>	<i>Svejedno</i>
17. <i>Köcce,köcc...stb.</i> = <i>Köszí,köszönöm...stb.</i>	<i>hvala</i>
18. <i>Asszem = Azt hiszem</i>	<i>mislím</i>
19. <i>Ahha = Aha</i>	<i>aha</i>
20. <i>Könyi = Könyörgöm</i>	<i>preklinjem te</i>
21. <i>Cír = Sír</i>	<i>plakati</i>
22. <i>Vájjá = Várjál</i>	<i>čekaj</i>
23. <i>Óóó..Ööö... =</i>	<i>razmišlja i usput čini nešto</i>
24. <i>Xar = sz*r</i>	<i>izmet vulgarno</i>
25. <i>Tuttad? = Tudtad?</i>	<i>znao si</i>
26. <i>Tutta? = Tudta?</i>	<i>znao je</i>
27. <i>Wow! = Azta...</i>	
28. <i>Lecc = Lesz</i>	<i>bit će</i>
29. <i>Haha,hehe...stb.</i>	<i>smijeh</i>
30. <i>LOL = Hangos nevetés</i>	<i>smijeh naglas</i>
31. <i>Mé = Miért?</i>	<i>zašto</i>
32. <i>Vki = Valaki</i>	<i>netko</i>
33. <i>Vmi = Valami</i>	<i>nešto</i>

34. <i>Sztem = Szerintem</i>	<i>po mome</i>
35. <i>Nm = Nincs mit</i>	<i>nemaš na čemu</i>
36. <i>Naon = Nagyon</i>	<i>jako</i>
37. <i>Oan = Olyan</i>	<i>takav</i>
38. <i>Thx = Köszí</i>	<i>hvala</i>
39. <i>Sk = Semmi különös</i>	<i>ništa posebno</i>
40. <i>Micsinsz? Micsin? = mit csinálsz?</i>	<i>što radiš</i>
41. <i>Np = Nem probléma</i>	<i>nije problem</i>
42. <i>miva? = mi van?</i>	<i>što ima</i>
43. <i>aham = aha, igen...stb.</i>	<i>aha, da</i>
44. <i>jahm = aha, igen...stb.</i>	<i>aha, jeste</i>
45. <i>detto = ugyanaz, szintén</i>	<i>također</i>

(izvor: <http://www.mob385.com/gsm/kratice.shtml>⁸)

4. Utjecaj nove komunikacijske tehnologije na hrvatski i mađarski jezik:

Rezultati usporedbe mađarskih i hrvatskih primjera potvrđuju velik broj skraćenih jezičnih oblika, pokazuju da je za te „virtualne” jezike općenito karakteristična uporaba kratica i emotikona tzv. smajlića koji vizualno potvrđuju govornikovo emotivno stanje. U hrvatskom je internetskom jeziku međutim mnogo veći broj anglizama, odnosno uporaba svojevrstne hrvatsko-engleske jezične tvorevine (Netspeaka). U mađarskom jeziku iste se kratice stvaraju na mnogobrojan način, ali temelj im je mađarski izraz.

4.1 Na razini fonema:

- javlja se izostavljanje samoglasnika: *tl-tel, dsc-disco, brb-be right bec, bbl- be back late(r)*,
- zamjenjivanje fonema: *eccer-egszer, tr-ter*,
- uporaba rijetko korištenih fonema x, q, y: *lefexem, alq-alku, qik-quick*,
- skraćivanje slogova koji počinju konsonantima h, p, r i m: *htul-házás, hzas-házás, hzi-házi, Pkség-pékség, Rdő-erdő, Ső-eső, Mber-ember*
- kombinacijom fonema, brojeva i drugih simbola: +, -, \$, &: *+6ó-megható, b4 before, e/-eper*,
- izostavljanjem dvoglasnika gy: *naon*
- pisanjem teksta bez interpunkcijskih znakova
- u mađarskom jeziku javlja se nedostatak, odnosno nedosljedno korištenje dijakritičkih znakova (neki mobiteli to niti ne omogućuju), npr: češće se koristi slovo *e*, umjesto *é*, koji se nalazi dalje u abecednom nizu, ali ukoliko dolazi

⁸ preuzeto (http://msn-ed.hu/index.php?option=com_glossary&Itemid=22)

do promjene značenja tada ova pojava postaje izvorom komunikacijskih nesporazuma (*keres-kérés*)

- brojne su pogriješke uslijed brzog tipkanja tijekom kojeg dolazi do zamjena slova.

4.2 Na morfološkoj razini:

- pisanjem bez razmaka,
- uporabom kraćih sinonima: *kerékpár-bic*,
- umjesto ustaljenih sintagmi, njihova skraćena verzija : *vki-valaki, h-hogy, aje-ah yeah*,
- izbjegavanjem veznika
- ubacivanjem brojeva gdje to dopušta sadržaj: *5let-ötlet, 2day-today*
- uporabom ustaljenih kratica: *sos, gazd., eü, pü, tel*)
- skraćivanjem složenica: *b'day- birt day*
- zamjenjivanjem sufiksa drugim znakovima: *+oldas - megoldás, Ldöl-eldöl, Lhagy-elhagy, coz-becuse*
- izmjenom veličina slova dolazi do promjene značenja: *kv-válasz kérek, KV-káv*

4.3. Na leksičkoj razini:

- izostavljanjem ili skraćivanjem pozdrava, potpisa i ustaljenih izraza: *dobar dan, kako si?*

4.4. Na semantičkoj razini u istraženom jezičnom korpusu interneta pratimo razne izraze koje se odnose na školski ili studentski život, na zapošljavanje, radni odnos i radne navike. Pomoću tih primjera možemo se približiti tradicionalnim metodama sociolingvističkih istraživanja govornikovih podataka. Daljnje zanimljivo sociolingvističko pitanje je postoji li unutar internetskog jezika dijalektizmi i koja je njihova svrha?

Napomena: u analiziranim primjerima vrlo je mali broj onih koji se podjednako koriste i u mađarskom i u hrvatskom jeziku, osim nekih engleskih skraćenica poput: *gr8-grt-gratulálok, omg - oh my god, thx,tx - thanks* te nekih mnogobrojnih skraćenica kojima se označuje vrsta smijeha. Zanimljivo je kako u *Rječniku kratica s dodatkom SMS i internetskih kratica*⁹ među brojnim primjerima (810) 47 upućuje na razne načine smijanja: EG zločesti osmijeh, BWL-pucam od smijeha, FOMCL- pao sam sa stolca od smijeha, G - cerenje, GMAO - pevijam se od smijeha, GOL- hihotanje na sav glas, L-smijem se, LHO - pucam od smijeha, KMSO - pucam od smijeha, QL- prestani se smijati, ROFL- valjam se po podu od smijeha, S- smiješim se, SWL- vrištim od smijeha, VBG- široki osmijeh, VBSEG - široki pogrđni osmijeh itd.) od kojih i u mađarski jezik ulazi LOL tj. glasno smijanje.

⁹ Stjepan Babić-Milena Žic Fuch: Rječnik kratica, dodatak SMS i internetske kratice, nakladni zavod globus, zagreb, 2007.

5. Zaključak:

Na pitanje u kojoj mjeri jezik interneta utječe na jezični standard- odgovor je složen, ali logičan. Širenje anglicizama i skraćeno pisanje čestih riječi karakteristično je i za druge funkcionalne stilove, posebice u razgovornom jeziku. Emotikoni nam se smiješe (ili plaču) već i na kraju školskih radnji, referata i prezentacija. Zadnjih godina pratimo i oživljavanje aorista, najčešće u 1. licu jednine, promjene gramatičke strukture uz svu veću uporaba participa.

Naši svakodnevni neformalni dijalozi počinju ustaljenim pozdravima ili direktnim pitanjima primjerice: *Što novoga? Kako si? Jesi mi dobro?* - prilikom kojih ne dajemo dugi i detaljan opis našega stanja, dana ili planova. jednostavno smo samo započeli, utemeljili budući razgovor.

Internetski jezik obilježava brzina pisanja poput brzine govorenja, dakle govor koji pratimo u obliku pisma. Vizualnost uvelike utječe na izrečeni (napisani) sadržaj, pisanje na chatu djeluje na recipijente i vizualnom pojavom.

Velik broj pravopisnih pogrešaka uvjetovan je brzinom pisanja, odnosno namjernom igrom pravilim, ali i kretajnošću (npr.: *swi mi kOji wOlimO palačinke*). U kojoj mjeri isto utječe na pravopisnu kompetenciju govornika ovisi o tome koliko taj isti govornik drži do kvalitete svoga jezičnoga izričaja. Zamjenu velikih slova malima u formalnim jezičnim oblicima ne će učiniti onaj govornik čije je pravopisno znanje utemeljeno.

Sve veći broj vulgarizama i žargonizama također ne proizlazi iz jezika interneta, jer jezik ni ne može biti vulgaran, vulgarni su njegovi korisnici.

Upitna je i učinkovitost otpora prema tuđicama, tko će primjerice reći *Poslijepodne se vidimo na međumrežju u pričaonici* - uobičajena rečenica glasi: *Popodne chat ne netu*.

Smatram da na jezik interneta ne treba gledati kao na moguću opasnost koja će mladu generaciju odstraniti od profinjene jezične norme, nego da bi trebalo dobiti veći naglasak. Trebao bi se pojaviti u nastavnim planovima i programima kako bi od početka, paralelno s usvajanjem jezičnog standarda, govornici bili upoznati i s razlikama među jezičnim ostvarenjima, a poslije bi se mogla tražiti i njihova prosudba o tim razlikama te bi se oni na taj način obrazovali u govornike koji raspolažu visokom jezičnom svijješću.

Literatura

- Balázs, Géza: *“Minden házfalat cseréljétek sms-falra“ Sms-fal mint elektronikus grafiti.* Magyar Nyelvőr 127.144-59.
- Balázs, Géza: *Az írásbeliség változásai.* Napút, IX. évfolyam 3. szám, 2007. április. http://www.napkut.hu/naput_2007/2007_03/101.htm#lj2
- Balázs, G. – Bódi, Z. (szerk.): *Az internetkorszak kommunikációja.* Gondolat – INFONIA, Budapest, 2005.
- Balázs, Géza: *Miért érdekes? Magánhangzó-kihagyás: Érdks? Érdkl? Édes Anyanyelvünk,* XXVIII. évfolyam 1. szám 2006. február. <http://edesanyanyelvunk.anyanyelvapolo.hu/pdf/ea0602.pdf>
- Bódi, Zoltán: *A világháló nyelve.* Gondolat: Budapest, 2004.
- Babić, Stjepan–Žic Fuch, Milena: *Rječnik kratica, dodatak SMS i internetske kratice.* Nakladni zavod Globus: Zagreb, 2007.
- Samardžija, Marko: *Hrvatski kao povijesni jezik.* Zaprešić: 2006
- Mihaljević, Milica: *Kako se na hrvatskome kaže www?* Hrvatska Sveučilišna naklada: Zagreb, 2003.
- Tóth, Katalin: *Napjaink kommunikációs lehetőségeinek hatása a magyar nyelv tanításában.* Elektronikus könyv és nevelés, IX. évfolyam: 2007/3. szám.
- Vodopija, Irena: *Dijete i jezik od riječi do SMS-a.* Matica Hrvatska: Osijek, 2007.

Мария Черняк

**КУЛЬТУРТРЕГЕРСКИЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Abstract: Struggle for the reader, or culture oppression projects of the Russian popular literature

Active presence of Popular Literature in the literature of XX century marks social and cultural changes in the Russian society. In order to create the full picture of the history of XX century Russian literature, it is necessary to study Popular Literature as an integral part of culture. Addressing the phenomenon of XX century Russian Popular Literature implies scientific approach to the problems of literature reputation, reader's reception, sociology of culture, these aspects were not processed theoretically and are up-to-date for the contemporary literature. Framework of these issues brings forward the problem of reconstruction of historical and cultural context, correlation of creative discourse with other type of artistic discourse. Problematical processes, which describe contemporary state of Popular Literature, can be researched only on the background of the literature life of the previous decades of XX century, because on the one hand, there are similar processes on the boundary of XX and XXI centuries, on the other hand –contemporary literature more vividly shows its specific features in historical context. To a great extent genre researches in present literature are connected with the usage of play with classical heritage. It is obvious in the variety examples of playing with the texts by A. Pushkin, N. Gogol, F. Dostoyevsky etc. The author's play with the classical text demands elements of knowledge from the reader. For this reason a question about appropriateness of the publishing projects arises.

Keywords: popular literature, reader's expectations, transmedia, clip thinking, literary formulas, culture oppression projects

Современный литературный ландшафт свидетельствует о том, что массовая литература стала универсальным социокультурным пространством для ассимиляции и распространения разнообразных идей, она по-своему комментирует все аспекты современной жизни, формируя определенный контекст ценностей. Социокультурная ситуация кардинальным образом влияет на литературные формулы, реализующиеся в популярных текстах. Последние несут в себе все её коды и в свою очередь предлагают их потребителям. Изучение текстов массовой литературы в высшей степени репрезентативно для понимания ценностного содержания массовой культуры вообще. Поэтому представляется симптоматичным выявление определенных стратегий в российской литературе последнего времени.

Массовая культура проявляет необычайную способность к мутациям, позволяющим ей адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям функцио-

нирования, к социальным трансформациям, технологическим новациям, политическим и идеологическим изменениям эпохи. Современной «цивилизации видения», замещающей книжную цивилизацию Гуттенберга, свойственно клиповое, образное мышление, характеризующееся способностью «скользить» и воспринимать большие объемы информации без ее осмысления. Основным содержанием социальной идеологии массовой культуры является создание иллюзорной, мифологизированной, псевдореалистической картины мира.

«Современная ситуация характеризуется как системный кризис читательской культуры, когда страна подошла к *критическому пределу пренебрежения чтением*» - этот грустный приговор озвучен в российской «Национальной программе поддержки и развития чтения». Увлечение читателей выходящими миллионными (!) тиражами глянцевыми журналами «Караван историй», «Семь дней», «Hello», «Домашний очаг» и др., которые скорее не читают, а пролистывают, подтверждают правоту слов Н.Ивановой: «В результате дефолта читатель делается подозрителен к подлинному литературному капиталу – он теперь всего боится, боится, что его надувают и здесь, не хочет более быть лохом. И – перестает читать. Перестает быть читателем. Освобождается от этой необязательной теперь привычки – как от вредной. Раз обманули, два подсунули... больше не читаю. Бесплезная трата времени. Собирает диски, грибы, ягоды, слушает музыку. Смотрит видео. Он – в курсе, он – продвинутый. Стало не стыдно быть не читателем, – ведь существует множество других, более полезных и практичных не только занятий, но и развлечений» (1:112).

Неквалифицированный, ориентированный на глянец читатель сегодня формирует литературные вкусы. Именно на него рассчитаны современные названия книжных серий «Лекарство от скуки», «Легкое чтение», "Смотрим фильм - читаем книгу", «Отдохни» или реклама любовных романов «Отправь голову в отпуск».

Мы вступаем в эпоху Web 2.0, в условиях которой придется учиться жить и писателю, и читателю. С технологической точки зрения Web 2.0 – это массовые сервисы, дающие пользователям возможность самостоятельно производить контент (дневники, статьи, сборники ссылок и т.д.) позволяет создавать сообщества, социальные сети, коллективные блоги и т.д. Идея «коллективного разума» наглядно воплощена, например, в онлайн-библиотеке «Википедия», социальных сетях MySpace, You Tube. Ученые считают, что Web 2.0 – модель общества XXI века, так как она дает возможность сотрудничества без государства, без планирования, без цензуры. Революция Web 2.0 затронула не просто методы создания веб-сайтов, но сами основы человеческой цивилизации, поставив под угрозу традиционные культурные ценности. Ведь целый поток любительской продукции – от «народных комиксов» до больших романов ежедневно выбрасывается в интернет. В связи с этим на первый план выходит автор-непрофессионал. На наших глазах формируется тип «наивного сочинителя». Лавино-

образный характер приобрело распространение «народной» поэзии и литературы, народной критики, любительских переводов литературных произведений и т.д. Показательны в этом отношении сайты Стихи.ру, Проза.ру и др. Явление, которое можно было бы рассматривать как новое и типичное для современной социокультурной ситуации, было отмечено еще в 1920-е гг. Б.Эйхенбаумом «Положение писателя приблизилось к положению ремесленника, работающего на заказ или служащего по найму <...>. Явился особый тип писателя – *профессионально действующего дилетанта*, который, не задумываясь над существом вопроса и над самой своей писательской судьбой, отвечает на заказ «халтурой»» (2:57) (выделено мной – М.Ч.).

В связи с этим возникает закономерный вопрос о феномене графомании, который в определенной степени размывает границы между литературой и повседневностью. Любопытно в этой связи признание писательницы Т.Устиновой: «Я - законченный графоман. Всегда писала, все подряд. У меня две ярко выраженные степени идиотизма: первая - боязнь высоты, а вторая - я все время должна что-то писать» (3). «Графоман угрожает престижу высокой литературы, нарушая не только эстетические нормы, существующие в данном обществе, но и этикет поведения. Страх графомании со стороны русских писателей был страхом перед массовой любовью к писанию и писателям, страхом перед эпигонством, превращением искусства в китч», – отмечает С.Бойм (4:224).

Можно считать определенной тенденцией, проявившейся в текстах последних двух лет, появление произведений, в которых обретение себя стало синонимом ощущения себя как писателя, причем, что симптоматично, автора массовой литературы. Так, в романе Елены Колиной «Профессорская дочка» современная Золушка, питерская переводчица Маша тридцати семи лет, пишет роман и сама же становится героиней романа, создаваемого в голове у ее возлюбленного Вадима. А в романе Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Я достойна большего! Жизнь и грезы бухгалтера Петровой» автором бестселлеров становится одинокая бухгалтер Петрова. Весь роман представляет собой чередование двух текстов «Жизнь» и «Грезы». Героиня, записывая свои мечты, переживая со своей героиней Мариной недоступное ей самой женское счастье, часто путая реальность и мечты. В романе Арины Холиной «Законы высшего общества» Галя, автор будущего бестселлера, а пока лишь содержанка бизнесмена, говорит: «Я просто подумала, что писать книги – это ведь так легко. Сел и написал. Все пишут об одном и том же. Что такого сделала Робски, чего не могу я?». При разнице в уровнях упомянутых выше текстов близость авторских стратегий очевидна: счастливый финал связан с рождением популярной писательницы. Литература становится не только «лекарством от скуки» (название одной и существующих ныне серий), но и лекарством от несчастной и неуспешной жизни. Кроме того, транслируется мысль о легкости написания «легкой» литературы, о необременительности и гламурности самого литературного труда.

Организация культурного поля напрямую зависит сегодня от технологии массовых коммуникаций. «Несамостоятельность литературы обусловлена тем, что она стала своего рода «приставкой» массмедиа, без которых не могла бы состояться. Массмедиа, собственно, и структурирует теперь все общее, публичное поле, объединяя включенных в актуальную культуру, словесность и искусство людей, укрепляя их роли и показывая нам их маски» (5:115), – полагает социолог Б.Дубин. Вышедшие недавно книги Е.Гришковца «Год ЖЖизни» и «Продолжение ЖЖизни» – показательный пример постепенного превращения блога в литературный жанр. Перед публикацией книги писатель делился сомнениями: «Нужен ли этот живой журнал <...> мне, нужен ли он его читателям, не вреден ли он мне как писателю, не размывает ли он каких-то таинственных писательских рамок, не нарушает ли он ту самую дистанцию между писателем и читателем, которую размывать и нарушать нельзя? <...> Сегодня этот дневник представляет из себя светящийся экран компьютера, который вмещает в себя много фотографий, объёмных информационных ссылок, а иногда даже исполняет музыку. <...>Я впервые держу в руках задокументированный год своей жизни» (6).

Одним из свидетельств противоречивого характера популярной культуры являются трансмедиа как специфический способ медиапроизводства. Суть этого феномена состоит в том, что существует некая основа, «базовый», «начальный» текст, вокруг которого строится множество повествовательных линий, создаются различные медийные форматы (фильмы, комиксы, компьютерные игры и т.д.). Ярким примером этого явления в современной литературе и масскультуре является интернет-роман и арт-проект «Метро 2034» Д.Глуховского, предложившего новый вариант современного продвижения книги. Новый проект Глуховского «Метро 2034» представляет собой книжный сериал, который публикуется на сайте www.m2034.ru по мере написания. Важно, что читатели, комментируя сюжетные ходы, могли участвовать в процессе создания книги. К базовой бесплатной публикации по главам и общению с читателями добавилось активное использование ресурсов сети — блог-сервиса LiveJournal «Одноклассники.ру». Базовый сайт книги стал полностью мультимедийным: каждая глава сопровождается музыкальной композицией и проиллюстрирована современным художником. Параллельно с электронной версией главы романа печатали бесплатные газеты «Метро» в Москве, Санкт-Петербурге, Челябинске и Новосибирске.

Издатели сразу отметили, что публикация черновиков в интернете становится успешной бизнес-стратегией. Так, фантаст С.Лукияненко одним из первых начал выкладывать в сеть свои повести и романы по мере их написания. Он стал еженедельно публиковать в своем блоге главы романа «Черновик». Перед этим он опросил своих читателей, в каком стиле им хотелось бы прочитать его следующую книгу, каким должен быть пол и возраст главного героя. Популярность кинематографических «Дозоров» объясняет выбор читателей, захотевших ви-

деть главным героем «городского фэнтези» 28-летнего современного мужчину, похожего на Хабенского. Опрос читателей показал, что более 80% читателей хотят следить за процессом создания произведения в режиме реального времени, а 40% захотели комментировать прочитанное. Не об этом ли процессе пишет в одном из своих эссе А.Битов: «Литература перестала быть частью культуры. Она стала занятием» (7:35).

По результатам интернет-голосования на сайте OpenSpace.ru В. Пелевин был признан самым влиятельным интеллектуалом России 2009 года, а его роман «t» – лучшим художественным произведением года. Нельзя не согласиться с культурологом и лингвистом М.Эпштейном, написавшим: «Пелевин - это не массовая и не элитарная литература, а литература взаимного подстрекательства массы и элиты. Благодаря Пелевину происходят чудеса социально-психологической трансмутации: массовый читатель чувствует себя удостоенным элитарных почестей, посвященным в намеки и перемиги избранных, а элитарный читатель присоединяется к массам, жаждущим чуда и откровения, пусть даже в самой дешевой или нарочито удешевленной упаковке (чем дешевле упаковка, тем по контрасту драгоценнее содержимое)» (8).

Роман Пелевина «t» – текст многоярусный, порождающий много смыслов. Роман представляет собой сатирическую карикатуру на литературу во всех аспектах, от книгоиздательской кухни до метафизики творчества. В контексте же нашего разговора важно, что автор сканирует современный литературный процесс, ставя ему неутешительный диагноз. Конфликт разворачивается между графом Т. и преуспевающим писателем Ариэлем Эдмундовичем Бахманом (чье имя в траурной рамке значится в выходных данных книги в качестве «литературного редактора»). Ариэль открывает графу, что он – персонаж литературного произведения, создаваемого командой высокооплачиваемых литераторов. Именно Ариэлю принадлежал приговор современной литературе: «В ваше время писатель впитывал в себя, фигурально выражаясь, слезы мира, а затем создавал текст, остро задевающий человеческую душу. Людям тогда нравилось, что их берут за душу по дороге с земского собрания на каторгу. ... Но сейчас, через столетие, ... от писателя требуется преобразовать жизненные впечатления в текст, приносящий максимальную прибыль. Понимаете? Литературное творчество превратилось в искусство составления буквенных комбинаций, продающихся наилучшим образом. Это тоже своего рода каббала. ... Эта рыночная каббалистика изучается маркетологами. Писателю остается только применять ее законы на практике» (9:89).

Критик Л.Данилкин пишет о базовой метафоре пелевинского романа так: «мир есть роман, пишущая книга; соответственно, создание и функционирование мира есть написание и чтение книги, в котором в разной степени задействованы Автор, Читатель и – третий, мистический член пелевинской троицы – «Ты», дух/душа» (10). Действительно, в «t» Пелевин рисует довольно страшный

социологический портрет современного читателя как объекта рыночных манипуляций и одновременно создает философскую концепцию Читателя.

В начале XXI века, несмотря на кризис литературоцентризма, который повлек снижение общественного интереса к литературе, в поле литературы создаются новые культурные практики, используются новые коммуникативные каналы. Литература становится более технологичной, прагматичной сферой. Литературная коммуникация приобретает характер общения в рамках субкультуры, что воспроизводит тенденции развития масс-медиа. Писатели настойчиво пытаются уловить заказ времени и заказ читателя в то время как читатель просто перестает читать.

Самым значимым событием XX века исследователи называют видеократическую революцию. Активно тиражируемые в последнее время комиксы стали типичным примером искусства «плоскостного восприятия», и распространение их есть показатель специфического характера визуальности современной культуры. В умении соответствовать «горизонту ожидания читателя» – залог успеха и писателя, и издателя.

Б.Акунин является одним из наиболее ярких примеров российских современных беллетристов, тонко улавливающих требования современного читателя. Так, Б.Акунин приходит к выводу, что читателю необходимо «подавать откровенную игру со спецэффектами и «наворотами»». В его романе «Ф.М.», сюжет которого связан с поиском главным героем Николосом Фандориным рукописи Ф.М.Достоевского «Теорийка. Петербургская повесть», до сих пор не известной литературоведческой науке и являющейся первой редакцией «Преступления и наказания», «спецэффектами» становятся игра со шрифтами, включение в текст разнообразных, абсолютно хаотично представленных фотографий (например, очки господина Лебезятникова и Марк Аврелий, Авдотья Панаева и Лилия Брик, эмблема ЦСКА и браунинг А.Сивухи, современный вид дома Раскольникова и отпечаток пальца Федора Михайловича), в которых реалии смешиваются с вымыслом, документ с комиксом. Тон этой визуальной игре задает и помещенный на титуле хрестоматийный портрет Достоевского работы Перова с двумя популярными компьютерно-мультяшными персонажами, выглядывающими из-за спины классика, Инюсей и Спайдерменом. Заглавие романа и глав тоже включено в эту же систему «наворотов» и спецэффектов, потому что, казалось бы, очевидная расшифровка заглавия романа – «Федор Михайлович» – множится, как в кривых зеркалах, в названиях глав: «Форм-мажор», «Фантастический мир», «Физиология мозга», «Фальшивая монета», «Фокусник-манипулятор», «FM» и т.д.

«Поскольку Достоевский умеет мастерски закрутить сюжет и с помощью недоговоренностей и намеков держать читателя в напряжении, русские школьники и школьницы упиваются его книгами наравне с Фенимором Купером, Виктором Гюго, Диккенсом и Тургеневым» (11:89), – писал В.Набоков, видевший

не только занимательность романа Достоевского, но и порой склонность автора к штампам и фальшивому красноречию. Спустя годы, П.Вайль и А.Генис в каком-то смысле продолжили мысль Набокова: «Как только мы вырываем из стремительного повествовательного потока фразу-другую, сквозь красочный слой проглядывает голый холст. Обнажается каркас, собранный из обломков дешевой мелодрамы, которую в изобилии поставляли Достоевскому современники» (12: 163). Создается впечатление, что именно этот каркас пристально рассматривает Б. Акунин, постепенно натягивая на него другой холст. Акунин вернул сюжет великого романа в русло беллетристики. Социокультурный механизм этого приема понятен, вопросы вызывают цели этого литературного проекта. Хотя, нужно сказать, «Ф.М.» вполне логично укладывается в логику творческого развития Б.Акунина и его литературных амбиций. Так, в одном из интервью писатель достаточно определенно высказывает свою позицию: «Нет никакого смысла писать так, как уже писали раньше, – если только не можешь сделать то же самое лучше. Писатель должен писать так, как раньше не писали, а если играешь с великими покойниками на их собственном поле, то изволь переиграть их (выделено мной – М.Ч.). Единственно возможный способ для писателя понять, чего он стоит, – это состязаться с покойниками. Большинство ныне живущих романистов этого не могут, а, значит, их просто не существует. Серьезный писатель обязан тягаться с теми из мертвецов, кто, по его мнению, действительно велик. Нужно быть стайером, который стремится не обогнать прочих участников нынешнего забега, а поставить абсолютный рекорд: бежать не впереди других бегущих, а под секундомер» (13:4).

Одной из ярких составляющих новой издательской стратегии Б. Акунина стало нарушение законов детективного жанра. Пожалуй, впервые в финале преступления раскрыто сыщиком не до конца. Николасу Фандорину необходимо было решить две задачи – собрать всю рукопись Достоевского и найти так называемый «перстень Порфирия Петровича». Рукопись он собрал, убийц разоблачил, но вот расшифровать загадочное четверостишие сумасшедшего «достоевсковеда» Морозова и найти перстень у него не получилось. Поэтому Акунин предложил своим читателям принять участие в интерактивной «всероссийской интеллектуальной игре», главным призом в которой был золотой антикварный перстень, сделанный в 1905 году и украшенный бриллиантом в четыре карата. «Ф.М.», таким образом, стал не просто литературным, а своего рода культуртрегерским проектом. «Если после выхода моей книги роман «Преступление и наказание» войдет в списки книжных бестселлеров, подобно тому, как сериал «Идиот» способствовал росту продаж своего первоисточника, я буду считать данный проект исполнившим свое предназначение», – заявил писатель. Действительно, на сайте www.akunin-fm.ru были предложены коллекция ссылок на полное собрание сочинений Ф.М.Достоевского, виртуальный музей писателя, литературоведческие работы по творчеству Достоевского и т.д. Активная работа

форума демонстрирует желание читателей отгадать загадку не столько Акунина, сколько Достоевского.

Своеобразие массовой литературы состоит в том, что она всегда адаптируется к постоянно изменяющимся условиям функционирования, к социальным трансформациям и технологическим новациям. Будучи ориентированной на спрос, массовая литература выступает как точный индикатор ценностей конкретной культуры и как один из мощных факторов его воспроизводства. Тексты массовой литературы обещают своему потребителю удовольствие. В их конструкции используется набор наиболее эффективных шаблонов и клише, но тщательно избегаются инновации, способные уменьшить комфортность чтения. Одно из возможных объяснений положительного читательского отношения к продолжениям и последующим эпизодам серийных текстов можно видеть в некоторой усталости от информационной новизны. Не ставя перед собой максималистской задачи лечения больного общества, авторы произведений массовой литературы видят свою цель в другом: читателю конца XX – начала XXI века требуется некое средство, снимающее избыточное психическое напряжение, дающее возможность отдохнуть от жестоких вызовов окружающей действительности. Одним из таких средств становится «игра в литературу» и «игра с литературой».

В современной культуре игра, для которой свойственны свободное экспериментирование и непредсказуемая инновация, пародирует омертвевшие формы культуры и пытается генерировать новые. В российской новейшей литературе (от постмодернистской до массовой) можно обнаружить полный арсенал игровых приемов: плюрализм, цитатность, эклектизм, мозаичность, полистилистичность, интертекстуальность. Многочисленные телевизионные игры, втягивающие в свое пространство миллионы телезрителей, и огромное количество компьютерных игр, опутывающих своих игроков «сетью» Всемирной паутины, – это лишь явная «верхушка айсберга» игровой современности. Игровое содержание сегодняшнего дня заключается и в том, что действительность каждый день предлагает читателю новые роли и новые правила игры с литературной реальностью. Автор лицедействует не только с использованием различных повествовательных стратегий, стилей, жанровых форм, но и прибегает к мистификациям, ложным цитатам, отсылкам к несуществующим авторам. А непосредственно вербальная игра, игровые коммуникативные стратегии, «вплетенные в ткань текста», приводят к тому, что сам текст начинает лицедействовать, жить своей жизнью. Массовая культура, оперируя простой, отработанной предшествующей культурой техникой, аккумулирует наиболее характерные приметы вкусовых пристрастий различных социальных групп. В связи с этим, тексты массовой литературы, «тексты, которые читают все», как бы к ним ни относиться, представляют большой интерес для выявления социокультурного портрета нашего современника.

Так, например, показателен особый жанр интерактивной «книги-игры», позволяющей читателю участвовать в формировании сюжета. Зачастую помимо

простого выбора действия, читателю-игроку предлагается взаимодействовать с миром, то есть участвовать в битвах и мини-играх с персонажами, разгадывать разнообразные головоломки. Вариативность прохождения часто зависит от простого броска кубика: бывает, что судьба героя книги напрямую зависит от удачного или неудачного броска. Для удобства в некоторых книгах на каждой странице нанесено изображение кубиков, что позволяет отказаться от их реальных прототипов. Для получения результата необходимо открыть любую страницу. В России книги этого жанра (по аналогии с популярной западной серией «Боевая фэнтези», созданной С. Джексоном и Я.Ливингстоном) стали издаваться товариществом «Калейдоскоп» в рамках серии «Приключенческая книга-игра», основанной в 1991 году. Примером подобных изданий могут служить романы Д.Браславского («Подземелья Чёрного замка», «Верная шпага короля»), О.Голотвиной («Капитан «Морской ведьмы», «По закону прерии»), В. Шувалова («Кошечья цепь»), А.Куликова («Меч и судьба») и др. Но все же, необходимо подчеркнуть, что широкого распространения и популярности этот специфический жанр не получил, оставшись в узком кругу любителей фэнтези и ролевых игр.

В 2008 году Б.Акунин предпринял попытку создания нового жанра «романа–компьютерной игры». «Квест» продолжает серию Б.Акунина «Жанры» («Детская книга», «Шпионский роман», «Фантастика»), каждое произведение которой является примером существующего или придуманного автором жанра литературы. Шпионский детектив (сюжет прост: американские ученые борются с аморальными экспериментами в области мозга, проводимыми в Советском Союзе) автор превращает в роман-игру и называет «унибук». Впервые этот термин, означающий «универсальная книга», был использован в романе Б.Акунина «Детская книга». Унибук – это универсальная электронная книга, маленький компьютер, обладающий сверхвозможностями.

В условиях «постгуттенберговской эпохи» писатель стремится привлечь в книге поколение с «клиповым сознанием», для которого компьютерный язык понятнее и ближе языка художественной литературы. Еще десять лет назад Б.Акунин сетовал на то, что «читатель то ли повзрослел, то ли даже несколько состарился. Ему стало менее интересно читать «взаправдашние» сказки про выдуманных героев и выдуманные ситуации, ему хочется чистоты жанра; или говори ему, писатель, то, что хочешь сказать, прямым текстом, или уж подавай полную сказку, откровенную игру со спецэффектами и «наворотами»» (13). Новая книга Акунина этими «наворотами» и существует: ее можно не только читать, но и смотреть, слушать, проверять с ее помощью свои интеллектуальные способности и знания, играть с ней. Роман делится не на главы, а на «вступительный ролик», «представление персонажа», «обучающий этап, позволяющий освоиться с игровым режимом», «уровни игры» и так называемые «коды» или «ключи» к игре, которые являются текстом в тексте. Переход из главы в главу, а

точнее с уровня на уровень, сопровождается загадками, разгадать которые помогают главы-ключи. Это, с одной стороны, попытка создать литературно-игровую программу, которая, по мысли автора, возможно, станет прототипом электронной книги нового поколения, а с другой, – игра со штампами современной культуры, с примитивностью компьютерных игр с их эпическим пафосом. «В постмодернистский пинг-понг с гуманитарным читателем поигрывать легко и приятно (ты ему цитату, он тебе ссылку...» (14:93). Это замечание, сделанное по поводу произведений Б.Акунина, важно, поскольку в нем ставится проблема культурного диалога с потенциальным читателем. Этот диалог нередко оказывается невозможным из-за несовместимости культурных кодов. Именно поэтому в массовой литературе часто эксплуатируется самая примитивная часть корпуса прецедентных текстов, связанная, прежде всего, с массовой культурой.

Современные авторы осознают изменение уровня читательской компетенции, делают его объектом языковой рефлексии и, безусловно, учитывают в осуществлении диалога с массовым читателем. Оценивая ресурсы культурной памяти своих персонажей и осуществляя незамысловатый диалог с элементарно образованным читателем, авторы произведений массовой литературы как бы перелистывают «словарь культурной грамотности». Четко улавливая уровень читательской компетенции своего адресата, они по-своему осуществляют «просветительскую» миссию литературы. Зачастую они просто растолковывают читателю азбучные истины в сносках, восполняя лакуны в тезаурусе необразованного читателя и внушая чувство самоуважения «знатоку». Ср.: «*Я шагнул в комнату и вновь ощутил приступ дурноты. Узкое, пеналообразное помещение напоминало комнату, в которой жил Раскольников*». На имя дается сноска: «*Родион Раскольников – главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»*» (Д. Донцова. Инстинкт Бабы-яги.); или: «*На круглом столе высился двухкилограммовый торт, вернее, то, что от него осталось.– Дары да-найцев? – спросила я, ткнув пальцем в бисквитно-кремовые руины. – Борзой щенок от кого?– Что? – не поняла Галя. Девушка не только не знала легенды и мифы Древней Греции, она даже не читала Гоголя. Пришлось спросить о том же, но попроще*» (Д. Донцова. Три мешка хитростей). Нельзя не согласиться с мнением американского исследователя Э.Клюса, о том, что «из литературной сферы отношения учитель-ученик переносятся на взаимодействие популярного писателя с его новой массовой читательской аудиторией» (15:106).

Приведенные в статье примеры пестрой, зачастую вызывающей недоумение и раздражение, литературной реальности еще раз доказывает, что в начале XXI века, несмотря на кризис литературоцентризма, который повлек снижение общественного интереса к литературе, в поле литературы создаются новые культурные практики, используются новые коммуникативные каналы. Литература становится более технологичной, прагматичной сферой. Литературная коммуникация приобретает характер общения в рамках субкультуры, что воспроиз-

водит тенденции развития масс-медиа. «Серьезная литература сейчас, как невеста на выданье. Сидит себе высококом терему, что-то вяжет. Кажется, даже искусно. Нет-нет да и глянет в окно, задумается. И вдруг сверкнет у нее в сознании: цель-то не плетение словес, а вторжение новой мыслью, свежим мессиджем в ежедневную жизнь жениха-читателя. В его кухню, спальню, офис, машину, самолет, в номера заграничных отелей разной звездности. Попадут ли туда наши книги?», (16:43) – волнуются современные писатели. Прозу начала XXI века критики нередко называют «прозой нулевых годов». Вот уже действительно, «как корабль назови, так он и поплывет». Создается ощущение, что современную литературу «обнулили», и она находится в точке отсчета, ей нужно создавать и осознать себя заново, отстаивать себя, завоевывать читателя и свое место в истории русской литературы. «Поле битвы – сердца читателей. Состязаться с тривиальной литературой – значит перехватывать у нее монополию на эмоциональный материал. Перехватывать стратегически ценное сырье и эстетически ее обрабатывать» (16:86), – считают писатели О. и В. Новиковы. Будут ли на этом поле битвы победители – покажет время.

Литература

- Иванова Н. Литературный дефолт // Знамя. 2004. № 10.
Эйхенбаум Б. О литературе. – М., 1987.
Интервью с Т. Устиновой «В моих романах нет гурманов» // www.komok.ru
Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. – М.: НЛЮ, 2002.
Б.Дубин. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. – М., НЛЮ, 2010.
Гришковец Е. <http://grishkovets.ucoz.ua/news/2008-10-16-146>
А.Битов. Текст как текст. – М., 2010
<http://pelevin.org/forum/users/IMHOtep/comments/70247/>
Пелевин В. t. М, «Эксмо», 2009.
Данилкин Л.Т-образный тупик <http://www.afisha.ru/personalpage/191552/review/298339/>
Набоков В. Лекции по русской литературе. – М., 1996.
Вайль П., Генис А. Родная речь. – М., 1995.
Чхартишвили Г. Девальвация вымысла: почему никто не хочет читать романы // Литературная газета. 1998. № 39
Арбитман Р. 7,62: модель для разборки // L-критика: Ежегодник Академии русской современной словесности. Вып.2. – М., 2001.
Клюс Э. Ницше в России: революция морального сознания. – СПб., 1999
Новикова О., Новиков В., Новикова Л. Семейный дневник. – М., 2009.

В.Д. Черняк

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ:
ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Abstract: The paper is dedicated to a most urgent process in modern Russian speech – the expansion of verbal nouns. The author analyses the occurrences of competition of verbs and nouns, the most frequent mistakes made in the process of creating verbal nouns and the influence of “language fashion” on the process of the word-formative derivation.

Keywords: verbal nouns syntactic derivation, competition of verbs and nouns, language economy, paronyms, scientific and official style, bureaucratic language, communicative failures

Противопоставленность и в то же время глубокая внутренняя связь двух основных лексико-грамматических классов слов (имени существительного и глагола) предопределяют и характер лексико-семантических связей этих слов в языковой системе, и их поведение в речи. Относительность границ между тем, что мы называем действием и предметом, позволяет по-разному передать одно и то же содержание. Условность границ между глаголом и именем, убедительно показанная во многих лингвистических работах, имеет весьма заметные коммуникативные последствия в современной речевой практике, в лингвокреативной деятельности языковой личности.

В современной речи наблюдается повышенная интенсивность отглагольного словопроизводства, при этом говорящий все время имеет дело с альтернативными возможностями, связанными не только с выбором «глагол – имя», но и с разными способами словообразования (Норман 1994: 102), связанными не только с выбором «глагол – имя», но и с разными способами словообразования. Продуктивными являются суффиксы *-ний-*; *-ений-*; *-к-*; *-ств(о)* и др., а также модели безаффиксного (бессуффиксного) словопроизводства (*вход, смотр, приказ* и т.п.). Практически от любого глагола можно образовать имя существительное, используя тот или иной суффикс или бессуффиксальный вариант. Такая множественность возможностей ставит говорящего перед необходимостью выбора, мотивация которого не всегда ясна. Еще в дореволюционных гимназиях бытовала шутка: «Как правильно написать на вывеске: *стрижка и брижка* или *стритьё и бритьё*?». Фиксация рефлексии говорящего по поводу того или иного образованного существительного, а также ироническое нанизывание отглагольных производных представлены в следующих текстовых фрагментах:

Индустрия...*экскурсоведения?* *экскурсовождения?* – словом, технологии *замучивания* зайца-туриста, медленного *поджаривания* его на хамси-

ном пекле в долине Геены Огненной – за годы большой алии приобрела невероятный размах (Д. Рубина. Иерусалимский синдром. «Вот идет мессия!...»).

... Я даже общефизическую подготовку без труда осилю, но *похудание* – это уж слишком. Или как правильно говорить? *Похудение*? У меня с русским языком не так чтобы очень, но вот моя мама, всю жизнь проработавшая учителем русского языка, знала бы точно (А.Маринина. Все не так).

Ощущение абсолютной универсальности названного деривационного процесса ведет и к появлению многочисленных окказионализмов:

Вот вы явно сейчас находитесь в процессе *побеждения* (Телеканал «Россия». Передача «Танцы со звездами». 30.04.09) [в данном случае говорящего не устраивает существительное *победа*; желая передать семантику процессности и экономя речевые усилия (оборот *находиться на пути к победе* значительно длиннее), он производит ненормативное существительное *побеждение*].

Спасибо большое за *жюрение*! (Телеканал «Россия». Передача «Танцы со звездами». 26.04.09) [в данном случае ненормативный глагол *жюри́ть* является мотивирующим для окказионального существительного].

Отмечая актуальность рассматриваемого процесса для современной речи, следует иметь в виду, что основные его направления сформировались уже к концу XIX – началу XX веков. Глубокая характеристика «стилистического смысла» отглагольных существительных дана в книге Г.О.Винокура «Культура речи» (Винокур 2006), написанной в 1924 г. Связывая употребление отглагольных существительных со «стремлением освободиться от грамматического груза глагольности» (Винокур 2006: 52), Г.О.Винокур предлагает различать глагольные существительные с сохранившимися формами глагольности (*варение / варка ягод*) и глагольные существительные без особых форм глагольности (*чай с вареньем*). Имена первой группы «исполнены внутреннего смыслового противоречия: будучи вызваны к жизни потребностью избавиться от глагольных качеств значения, они и под субстантивным обличьем эти глагольные качества все же сохраняют» (Винокур 2006: 53). По мере того, как утрачиваются признаки глагольности, может закрепиться и новый орфографический облик отглагольных существительных (ср. *воскресение / воскресенье*).

Предпочтение, которое говорящий отдает имени существительному, во многих случаях продиктовано стремлением к языковой экономии. Предложение с отглагольным существительным нередко представляет собой свёртку более объемного высказывания. Ср.: «Череповецкая "Северсталь" не оставляет надежд

на попадание в первую восьмерку» (Радио «Эхо Москвы». 18.02.05) и «Череповецкая "Северсталь" не оставляет надежд на то, что она попадет в первую восьмерку». Подобная свертка глагольного предиката мотивирует образование окказиональных, ненормативных отглагольных существительных. Так, построенное с явным нарушением нормы предложение *Отмечен прецедент добирания команды к месту соревнований на метро* (Эхо Москвы. 8.12.2009), безусловно, короче нормативного *Отмечен случай, когда команде пришлось добираться до места соревнований на метро*.

Подобная свертка мотивирует образование окказиональных (то есть отсутствующих в общепринятом употреблении) отглагольных существительных. Так, в выступлении по радио популярная актриса произнесла фразу «Годы *снегурования* вспоминаю с внутренним содроганием», заменив таким неудачным новообразованием целое придаточное предложение – «когда приходилось работать снегурочкой» или даже «когда приходилось зарабатывать деньги, работая в новогодние праздники снегурочкой».

Следует отметить, что в ряде случаев отглагольное существительное служит обновленным средством когнитивной обработки действительности, средством заполнения существовавшей ранее семантической лакуны. Например, в современной речи, в так называемом «футбольном дискурсе», весьма активно употребляется существительное *болевание* (ср. *культура боления*), которое семантически оказывается более емким, чем глагол *болеть* в соответствующем значении и предполагает использование символики, слоганов и других атрибутов и действий.

Выразительным примером того, как в разных языковых системах соотносятся имя существительное и глагол, является перевод школьником английской пословицы *The friend's frown is better than enemy's smile: Нахмурка друга лучше, чем улыбка врага*. Наивная попытка избежать необходимости полной перестройки синтаксической структуры предложения при переводе мотивировала образование окказионального отглагольного существительного «нахмурка».

Отмеченное стремление к экономии языковых средств нередко ведет к коммуникативным неудачам. Приведем два текстовых фрагмента, представленных в одной журнальной статье:

11 января у нас состоялся День открытых дверей для школьников, – рассказывает замначальника УВД Златоуста Владимир Бубылев. – Пришло человек 90. Столько я давно не видел у нас. Мы проведем *отбор* и самых лучших отправим учиться в Челябинск в юридическую академию (The New Times. 2009. № 4).

Пресс-секретарь УВД Златоуста Ольга Аристова успокаивает: «Все показатели преступности в городе в пределах нормы. Мы наблюдаем сезонные грабежи: *отбор* сумок, головных уборов, мобильных телефонов.

Летом будут срывать украшения, но никакого всплеска преступности нет» (Там же).

Если в первом случае слово *отбор* использовано вполне корректно, то во втором окказиональное отглагольное существительное демонстрирует явный недостаток речевого контроля. См. также:

Насколько вы довольны *прокатом* Жени Плющенко в Питере? (Радио «Эхо Москвы». 10.01.05).

Эта дверь обладает потрясающе красивым *окрасом* (Эхо Москвы. 3.01.05). Евгений Киселев проводил телевизионную передачу после *посадки* Гусинского (Радио «Эхо Москвы». 31.12.04).

Воры срывают телефон с шеи владельца и убегают. Каждый день в городе происходит 20-30 подобных *рывков* («Вечернее время». 2005. № 21).

Характерной особенностью современной речи является широкое распространение бессуффиксальных отглагольных образований типа *подогрев* от *подогреть*, *отлов* от *отлавливать*, *выгон* от *выгонять*, *забор* от *забирать*, *отстрел* от *отстрелять* и т.п. В словарях новых слов зафиксированы такие новообразования, как *закуп*, *доскок*, *заход*, *отрыв* и др. Подобные существительные активно используются в профессиональной речи, традиционно занимают свое место в терминологических системах, а также являются заметной приметой канцелярита. Приведем показательный пример из устной речи: *Придется всем пройти фотографирование*. Естественная фраза с глаголом *Придется всем сфотографироваться* заменяется словосочетанием с отглагольным существительным. Здесь действие закона языковой экономии уступает фактору социальной престижности, обобщенности и значительности, который в наивном языковом сознании отличает отглагольное существительное от глагола. Приведем ряд примеров:

На станции "Горьковская" *высадка* пассажиров не производится (объявление в метро).

Автобус совершил опрокидывание по ходу движения (Радио «Эхо Петербурга». 10.08.09).

За это начисляют *сбавки* (Телеканал «Спорт». 21.08.04).

Общий *налёт* авиационного учебного центра сократился в три раза (Радио «Эхо Москвы». 18.02.05).

Газпром утверждает, что Украина увеличила *отбор* российского газа (Радио «Эхо Москвы». 25. 01. 06).

В Петербурге этой ночью началась регулярная *разводка* мостов (Радио

«Эхо Москвы». 10.04.08).

ЦСКА порадовал хорошим, добрым *навалом* во втором тайме (Эхо Москвы. 4. 08. 2005).

Задержанным болельщикам инкриминируется *полом* кресел (Эхо Петербурга. 6.03.09).

Остроумно обыгрывает безудержную экспансию отглагольных существительных в официально-деловом стиле сатирик А.Кнышев:

Розжиг костров, выгул собак, отлов рыбы и отстрел дичи, выпас и выгон скота, а также выполз змей, выпорос свиней, выжереб коней и выкобыл лошадей, вымет икры, вылуп птиц из яиц, выкукол бабочек и выухол выухолей, выкур курей и выпрыг кенгурей, обгад ромашек, обдир ягод, выруб леса и вылом веток, выслеж зайца, выпуг тетерева, выдох вдоха, вынос тела, выхлоп газов, выкидыш мусора, выводок гусей, выродок людей, выплав стали, выплыл сели, выпендр фраеров, выстрел Аврор, выклянч денег, вымуштр солдат, вытрус половиков, выпор детей, выдрем в гамаках, вытреш губ и выпуч глаз, вычих насморка, вытреп и разбрех государственных тайн, а главное, загляд и залаз в дупла с выкуром оттуда пчел и распробом меда запрещен и прекращен в связи с отказом их от высоса нектара после выщипа цветов и выдерга травы, а также в связи с полным вымером.

Кажущаяся универсальность возможной замены глагола именем ведет к многочисленным ошибкам, связанным с неудачным спонтанным словообразованием, результатом которого является ошибочное использование одного из двух образованных от глагола паронимов (то есть слов, имеющих сходство в звучании, но различающихся по значению):

Экологический комитет намерен добиться *заморозки* строительства (Радио «Эхо Петербурга». 22.06.04) – вместо *замораживания*.

Фильм рассказывает о полной приключений и опасностей совместной советско-американской экспедиции. Альпинисты должны преодолеть *восход* на два самых высоких пика («Петербургский телевик». 2000. № 50) – вместо *восхождение*.

Главная новость дня – неожиданный *возврат* президента Ельцина в Москву (ТВ- Петербург. 29.07. 98) – вместо *возвращение*.

Аккумулятор тратит энергию на свой же *согрев* (Радио «Эхо Москвы». 4.01.05) – вместо *согревание*.

Всем очевидно, что следует принять этот закон, не терпящий *отложение* (НТВ. Сегодня. 13.10.06) – вместо *отлагательств*.

Этот насос предназначался для *качания* воды (НТВ. Своя игра. 20.11.05) – вместо *накачивания*.

Начальник управления общественных связей ФСКИ Николай Карташов так и заявил Newsweek: нас подталкивают к *пересадке* с одного наркотика на другой (Русский Newsweek. 2008. № 48) – вместо *пересаживания*.

В спонтанной речи нередки и более курьезные случаи словообразования, когда коммуникативные неудачи обусловлены нежелательной омонимией образованного отглагольного существительного и уже существующего в языковой системе слова:

Не пытаются ли на тебя организовать так называемые словесные *сливы* (Радио «Эхо Москвы». 12.06.05).

Сегодня Петр I прошел самую чистую процедуру *помойки* (НТВ. Новости. 23.05.2008).

Я поздравляю с Новым годом человека, *пришествия* которого в наш эфир мы ждали с утра (Эхо Москвы. 1.01.03).

Здесь наблюдается пропуск всего через человеческое сознание (Устная речь).

ЦСКА порадовал хорошим, добрым *навалом* во втором тайме (Радио «Эхо Москвы». 4. 08. 05).

У меня были ситуации *расхода* с любимыми мужчинами (Актриса А. Яковлева. РТР. 12.04.05).

Сейчас мы наблюдаем страшный *побег* в магазины (ОРТ. 14.09. 98).

Оригинальные рецепты *готовки* ног к весне (АиФ. 2009. № 12).

Каждый из подобных случаев требует обязательной редакторской правки, когда мы имеем дело с письменным текстом, и навыков самоконтроля, умения слышать собственную речь в спонтанной устной речи. К сожалению, фактор языковой моды, обуславливающий предпочтительный выбор именно отглагольного существительного, ослабляет механизмы речевого контроля: говорящий использует то, что часто слышит, что позволяет экономно и без специальных усилий выразить мысль.

Господство канцелярита выразительно представлено в юмористическом рассказе А.Кнышева «Порча хорошего настроения»:

Осуществив *возвращение* домой со службы, я проделал определенную работу по *снятию* шляпы, плаща, ботинок, *переодеванию* в пижаму и шлепанцы и *усаживанию* с газетой в кресло. Жена в этот период времени претворяла в жизнь ряд мероприятий, направленных на *чистку* картофеля, *варку* мяса, *подметание* пола и *мойку* посуды.

По истечении некоторого времени она стала громко поднимать вопрос о недопустимости моего *неучастия* в проводимых ею поименованных мероприятиях. На это с моей стороны было сделано категорическое *заявление о нежелании слушания* претензий по данному вопросу ввиду *осуществления* мною в настоящий момент, после *окончания* трудового дня, своего законного права на заслуженный отдых.

Однако жена не сделала соответствующих выводов из моих слов и не прекратила своих безответственных *высказываний*, в которых, в частности, отразила такой момент, как *отсутствие* у меня целого ряда положительных качеств, как-то: совести, порядочности, стыда и проч., причем как в ходе своего *выступления*, так и по *окончании* его занималась *присвоением* мне наименований различных животных, находящихся в личном пользовании рабочих и колхозников.

После *дачи* взаимных *заверений* по *неповторению* подобных явлений нами было приступлено к *употреблению* в пищу ужина, уже имевшего в результате *остывания* пониженную температуру и утратившего свои вкусовые качества.

Вот так у нас порой еще допускается *порча* хорошего настроения, а также аппетита.

Как известно, абсолютное преобладание имени существительного над глаголом в научных текстах является одной из заметных примет научного стиля речи. Приведем пример из лингвистической работы: «*Дача* ребенком дефиниции в каждом конкретном случае зависит от варибельности ассоциаций на данное слово» (Палкин 2004: 57). Заменяя придаточные предложения, отглагольные существительные создают большую компактность речи (в приведенном примере неудачно использованное словосочетание *дача ребенком* заменяет часть сложного предложения *то, как ребенок дает*). Типичное для научного стиля нанизывание отглагольных существительных утяжеляет текст и затрудняет его восприятие. См., например: «Безусловно, такое *направление выявления соответствия* уровня *взаимодействия* участников образовательного процесса одним контролем не обеспечить» (из методического пособия).

Названная особенность сближает научный, официально-деловой стили и тяготеющую к ним разновидность публицистики:

Депутат Государственной думы РФ Виктор Алкснис в ходе пленарного заседания 6 июня выступил с *предложением* поручить комитету Госдумы по образованию и науке запросить Министерство образования и науки РФ об обстоятельствах *попадания* ответов по русскому языку единого государственного экзамена в сеть интернет. При таком *сложе-*

нии обстоятельств можно говорить о *невыполнении* правительством своих *обещаний* (ТВ-5. 04.05.07).

Следуя тенденции замены глагольного предиката именем существительным, говорящий в современной речи нередко актуализирует словообразовательную цепочку глагол – прилагательное – существительное: *смотреть* – *смотрибельный* – *смотрибельность*; *читать* – *читабельный* – *читабельность*. Ср.: «Белая армия» мы назвали для большей *понимабельности* (Радио «Эхо Москвы». 3.11.07).

Рассматриваемое явление современной речи оказывается органично связанным с процессом заимствования. В одной из научных статей заимствования определяются как универсальное языковое явление, заключающееся «в *акцепции* одним языком лингвистического материала другого языка». Выделенное нами слово хорошо иллюстрирует описываемые автором процессы: вместо вполне приемлемого в данном случае и характерного для научного стиля отглагольного существительного *принятие* используется отглагольное же заимствование (ср. *адаптация, ассимиляция, пролонгация, верификация, апробация* и многие другие активно используемые заимствованные существительные этой модели).

В связи с проблемой заимствования нельзя не сказать о еще одном заметном в современной речи явлении. Формы английского герундия, отражающие особый характер отношений между именем и глаголом, в последние годы прижились на русской почве и обнаруживаются в многочисленных неологизмах: *мониторинг, консалтинг, шопинг, ребрендинг, рекрутинг, коучинг, откатинг* (делать откаты), *субконтрактинг* и др. Например:

Проводится *контролинг* выполнения инновационной образовательной программы (устная речь).

На Невском сейчас нельзя производить *шопинг* (устная речь).

Репрайсинг цен (рекламный ролик строительной компании).

Несколько дней назад у светской львицы пропал щенок, который обошелся ей в 27 000 долларов. Ведется *сечинг* пропажи (выпуск новостей на канале МузТВ. 25.03.09).

С 1 по 4 июля на берегу озера Вселуг пройдет первое в России Caravan Party, куда съедутся владельцы автодомов, жилых прицепов и автотуристы, интересующиеся *караванингом* («Мой район». – 2010. – №22).

В игровой форме экспансия «инговых» существительных воплощена в окказионализмах *огородинг* и *клумбинг*, разрушающих словообразовательную модель: Забудьте про *шейпинг*! Будущее за *огородингом* и *клумбингом* (Комсомольская правда. 2005. № 71). Об этом явлении пишет М.А.Кронгауз: «*Улучшайзинг* – смешное слово, этакое слово-пародия на то, что происходит в рус-

ском языке. В нем не только английский суффикс *инг*, который пока к русским глаголам все-таки не присоединяется, но и абсолютно бессмысленное *айз*, своего рода мимикрия под английский глагол. Увидев его, я сначала просто смеялся, а потом еще громко и долго смеялся, когда узнал, что это слово вполне употребительно (в интернете около двух тысяч упоминаний). Впрочем, суффикс *-инг* становится настолько привычным, что скоро шутки по его поводу перестанут смешить» (Кронгауз 2007: 73).

Следует отметить, что использование отглагольных существительных в современной речи, возможные наложения смыслов нередко являются объектом языковой игры. Приведем один из удачных примеров:

Пешков отправился в Тулу – частью на тормозных площадках, частью пешком. В Ясной Поляне Толстого не оказалось – Софья Андреевна напоила бродягу кофеом и сообщила, что муж ушел в Троице-Сергиеву лавру. Тоже пешком. Поразительно много *бродила* тогдашняя интеллектуальная Россия, словно надеясь уморить себя ходьбой до такой степени, чтобы выдуло из головы мучительные мысли. Вероятно это и называется интеллектуальным *брожением* (Д. Быков. Был ли Горький?).

Семантическая целостность текстового фрагмента создается цепочкой близких по значению лексических единиц *отправиться – пешком – уйти – бродить – ходьба*. Отглагольное существительное *ходьба* предполагает материально не представленный, но имплицитно присутствующий глагол *ходить*. Так же естественно появление и системно возможного существительного от синонимичного глагола *бродить*, однако существительное *брожение* «прикреплено» к глаголу-омониму. Каламбурное наложение представленного в языковой системе отглагольного существительного и потенциального омонима и создает основу для создания семантической многоплановости текстового фрагмента.

Игровой потенциал пары *глагол – имя* часто используется в разговорной речи и воплощается в массовой литературе, являющейся чутким фиксатором особенностей современной речи. Приведем несколько примеров:

...Через неделю после смерти Адочки круглый стол был потихоньку выдворен из квартиры и заменен новой мягкой мебелью, развалившись на которой так удобно смотреть телевизор и читать. Адочка никаких таких *«развалов»* не признавала, в гостиной при ее жизни были только стол, стулья и кресла (А. Маринина. Каждый за себя).

Я безнадежно опаздывал ... – поленился выехать из дому пораньше, чтобы иметь запас времени на *петляние* по старомосковским переулкам в поисках нужного адреса (А.Марилина. Все не так).

Глава семьи возлежал в кресле перед телевизором, уничтожал пятый бутерброд с колбасой, а в промежутках между двумя *чавками* орал детям, чтобы умолкли и не мешали смотреть «Городок» (Н. Литвинова. Практически невиновна).

Катя долго потом вспоминала это плачевное *валяние дурака*, когда они ... «приценивались» к Борису Григорьеву (Т. Степанова. Прощание с кошмаром).

Таким образом, соотношение *глагол – отглагольное существительное* в современной речи отражает как собственно лингвистические аспекты лексического выбора, так и экстралингвистические его мотивации.

Литература

- Винокур Г.О. Культура языка. – М., 2006.
Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2007.
Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

О.Г.Дилякторская

СИМВОЛЫ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА» И ПСИХОТИП ГЕРОЯ
В ПОНИМАНИИ ПУШКИНА, ГОГОЛЯ, ДОСТОЕВСКОГО.

Abstract: In this article the author explores the problem of the mask (Napoleon, Germann (“Queen of spades”), Pirogov (“Nevskiy prospect”), Kovalev (“Nose”), Poprischin (“Madman’s notes”), which form a special psychotype of “petersburg’s period” hero in Dostoevskiy’s “Notes from the underground”. Besides, here showed image and symbol of St. Petersburg 30-40-th y. of 19-th century in “petersburg’s stories”(Pushkin, Gogol, Dostoevskiy).

Keywords: symbol, Pushkin, Gogol, Dostoevskiy, “petersburg’s stories”, “petersburg’s period

Герой «Записок из подполья» несомненно наделен литературным талантом, его «Записки» насыщены литературными аллюзиями, ассоциациями, «чужими» сюжетными мотивами. Сам персонаж Достоевского не прочь примерить на себя различные маски литературных типов из числа известных и популярных, чтобы быть признанным. Знаменательно, что в поле его внимания попадают герои петербургских повестей Пушкина и Гоголя, типы «петербургского периода», к которому Достоевский относит и собственного героя.

Напомню, что Парадоксалист – выпускник военно-инженерного, а именно Артиллерийского училища [1, с. 267], как и Германн, о котором сказано, что он «инженер», «с профилем Наполеона» и «с душой Мефистофеля» [2, т. 6, с. 343]. Известно, что Наполеон и Мефистофель – символы всемирного масштаба, означающие границу новой буржуазной эпохи. Следует подчеркнуть, что в 20-40-е годы Наполеону было суждено сыграть символическую роль в формировании типа сознания небогатого, но честолюбивого русского дворянина XIX века. Завораживала историческая судьба французского императора: из никому не известного лейтенанта превратиться, как в волшебной сказке, в могущественного владыку, олицетворяющего собой полноту власти над всем миром. П.А. Вяземский писал в 1820 г.: «Наполеон приучил людей к исполинским явлениям, к решительным и всеразрешающим последствиям. «Все или ничего» – Вот девиз настоящего» [3, т. 2, с. 50]. В 1824 г. Пушкин увидел в облики Наполеона высшее проявление всеевропейского эгоизма, аморализма, готовность всем жертвовать личному честолюбию [4, с. 193]. В поколении романтических эгоистов поэт типологизировал это явление как завершившийся процесс: «Мы почитаем всех нулями, // А единицами себя. // Мы все глядим в Наполеоны» [2, т. 5, с. 42]. Возвышение Наполеона связывали с игрой Случая, Рока. Ю.М.Лотман, например, указывает, что «жизнью правит Случай, открывает перед отдельной лично-

стью возможности неограниченного успеха и резко разделяет людей на пассивных рабов обстоятельств и «людей Рока», чей облик в европейской культуре первой половины XIX века неизменно ассоциируется с Наполеоном» [5, т. 2, с. 404]. Наполеоновский тип, таким образом, получает символично-психологическое объяснение.

В русской культуре складывается определенная модель личности с обязательным «набором» характерологических черт. Человек сильной воли и романтического воображения, преодолевая любые препятствия и превратности судьбы, невзирая на уровень своего социального положения, ищет высшего владычества, попирает все на своем пути во имя собственного честолюбия и тщеславия, презирая слабого и робкого, пользуется другими во благо личных, нередко неблагородных интересов и целей, неудержимо стремится к своему реваншу, не брезгуя подлогом, обманом, тиранией, не испытывая при этом угрызений совести, не беря в расчет моральных предрассудков. Поединок с судьбой по примеру Наполеона неминуемо должен завершиться взлетом на вершину власти и могущества. Ради этого мига сильные духом не могли устоять перед искушением наполеоновской роли. Это увлечение современников подметил Пушкин и выразил глубину символично-психологического соответствия с Наполеоном в своем Германне («Пиковая дама» 1833). После пушкинского героя на роль Наполеона претендуют многие герои Достоевского. Господин Прохарчин, Раскольников, генерал Иволгин, Парадоксалист втайне выступают *à la Napoleon*.

Замечательно, что «наполеоны» Достоевского «примеряют» на себя и маску пушкинского Германна как первого Наполеона на русской почве. А.Л.Бем выстраивает целый ряд героев Достоевского, указывая на их связь с героями Пушкина [6, т.3, с. 39-80]. Однако же он не отмечает еще одной параллели: Парадоксалист – Германн, делающейся очевидной только в сближении этих персонажей с наполеоновским типом. Этот неизученный в науке аспект станет задачей данного исследования.

Проекция Парадоксалиста на пушкинского Германна дана не в прямых аналогиях, она не лежит на поверхности. Вместе с тем фантастическая и социально-бытовая атмосфера Петербурга способствует сближению этих «петербургских типов», представителей «петербургского периода», по выражению Достоевского.

Оба героя чрезмерно амбициозны, честолюбивы и тщеславны. Оба условно являются романтическими эгоистами. Каждый из них – и Германн, и Парадоксалист – скрытен, одинок и стремится к жизненному реваншу. Германн искушает Лизавету Ивановну, как дьявол [7, с. 317], но под маской ее спасителя. Он идет к своей цели, как Наполеон, своевольно переступая нравственные нормы. Другой мнит себя Наполеоном: «я <...> разбиваю ретроградов под Аустерлицем. <...> папа соглашается выехать из Рима в Бразилию; затем бал для всей Италии на вилле Боргезе, что на берегу озера Комо» [8, т.5, с. 134]. Здесь узна-

ются факты из биографии Наполеона: победа под Аустерлицем 20 ноября 1805; конфликт Наполеона с папой Пием VII, в результате которого Наполеон I был отлучен от церкви в 1809, а папа Пий VII в течение пяти лет был фактическим узником французского императора; в 1806 на вилле Боргезе праздновали основание французской империи, которая была приурочена к дню рождения Наполеона [8, т. 5, с. 386]. Парадоксалист, как дьявол, искушает Лизу тоже под маской ее спасителя. Необходимо отметить: сходство в профиле Германна и Наполеона замечают другие, со стороны. Парадоксалист сам позиционирует себя: «я (т.е. Наполеон – О.Д.) <...> разбиваю ретроградов под Аустерлицем» [8, т. 5, с. 134]. Это говорит об осознанной им параллели.

К тому же оба героя поставлены в зависимость от преступления. О Германне сказано «на его совести по крайней мере три злодейства» [2, т.6, с. 343]. И на самом деле он становится виновником смерти графини, его невольным убийцей. Фантастическая атмосфера Петербурга, его «грошевая суэта» и «наглая прозаичность», толкотня по промышленным улицам, «озабоченные до злости» лица прохожих способствуют появлению особых самоощущений Парадоксалиста: «точно как будто на душе моей лежало какое-то преступление» [8, т. 5, с. 165]. А когда в нем поднималась злоба, он готов был раздавить «эту «проклятую» Лизу» [8, т.5, с. 166]. Убить своего лакея: «Я убью его, убью его» [8, т.5, с. 172]. Унизить и насладиться властью, уничтожить физически: недаром Лиза поблудела как платок и упала на стул «как будто ее топором подсекли» [8, т.5, с. 173]. В сюжете Достоевского, как видим, «снуются» (А.Веселовский) мотивы пушкинской «Пиковой дамы».

Кроме сказанного, следует добавить, что в наполеоновский комплекс мотивов входит первоначальный, еще до славы и величия, мотив неизвестности и неузнанности героя: это качество выявляют и Пушкин и Достоевский в Германне и Парадоксалисте. Оба героя – отщепенцы в обществе равных. Рядом с Томским и Нарумовым Германн ощущает недостаточность своего капитала. Точно так же Парадоксалист – в обществе Зверкова, Ферфичкина, Симонова. Однако же оба высокомерны по отношению к своим товарищам и убеждены в своем превосходстве над ними. Германну это право дает мощь его натуры и воли, а Парадоксалисту – мощь его ума.

Справедливо замечание Ю.М. Лотмана о том, что рядом с «людьми Рока», строителями собственной судьбы, необходимо присутствует в сюжете «персонаж страдательный», в отношении с которым герой раскрывает свои бонапартовские свойства [5, т.2, с. 404]. В «Пиковой даме» эту роль исполняет Лизавета Ивановна, а в «Записках из подполья» – Лиза. По сюжетной функции Лизавета Ивановна и Лиза – жертвы героев наполеоновского типа. Повтор сюжетных мотивов и их функций, а также рифмовка женского имени (что для Достоевского нередко играет своеобразную роль указателя на оригинальный текст), сам тип

героя свидетельствуют об отражении в «Записках из подполья» «Пиковой дамы».

Обе петербургские повести сближают и жанровые характеристики. Знаменательно, что и в «Пиковой даме» и в «Записках из подполья» ощутима романная схема. Об этом мне уже приходилось писать [9, с. 8-9; с. 36-37]. Жанровая природа романа проявляется в обеих повестях в связи с типом героя, претендующего на полную независимость от Рока, социальных обстоятельств, на свободу от моральных норм, что безусловно определяет центральное положение персонажа. В романе одинаково интересны любые перипетии: жизнь, любовь, безумие героя, его борьба и смирение, его поиски высшего смысла. Все эти романские мотивы и центральное положение Германна и Парадоксалиста в сюжетах «Пиковой дамы» и «Записок» очевидны. Именно наполеоновский тип «выводит» обоих персонажей в герои романного, панорамного повествования. Именно наполеоновский тип определяет схватку героя с судьбой, игру ва-банк, предельное: «все или ничего». Для Германна – это игра в карты за его самоутверждающее право владычества и верховенства. Для Парадоксалиста – это игра умозрения, рефлексии, воображения, логики, ставка на изменение картины мира во имя власти и тиранства. И Пушкин, и Достоевский убеждены в тщете усилий героев наполеоновского типа. Их нравственный кодекс приводит, как правило, к краху.

В «Пиковой даме» и в «Записках» это связано с крахом сознания. Оба героя поставлены авторами в положение безумцев. Германна отвозят в Обуховскую больницу в 17 номер сумасшедшего дома. А Парадоксалист тренируется в свободном «хотении», раздраженном «до сумасшествия» [8, т.5, с. 113]. Эти его опыты припадков пароксизма бешенства, хотения, своеволия, отрицания разума, желания безграничного владычества и унижения других вызывают замечание слуги Аполлона: «Подлинно вы не в своем уме» [8, т. 5, с. 179]. Иногда сам герой осознает безумие свое [8, т. 5, с. 177]. Безумство героев, патология их сознания порождены атмосферой фантастического города. Здесь уместно указать и на мотив изоляции обоих персонажей: на уединение одного в сумасшедшем доме, а другого – в психологическом подполье.

Наполеонизм на русской почве способствует появлению «общечеловеков», но и сокрушает личности. После взлета и самоутверждения неизбежно следуют падение и утрата индивидуальности. К такому выводу в исследовании наполеоновского типа приходят и Пушкин и Достоевский. Только Пушкин открывает в Германне классический – серьезный и трагический наполеоновский тип, а Достоевский создает Парадоксалиста как воображаемый, мнимый, комический, ёрнический вариант наполеоновского типа, с которого то и дело «сползают» ролевые маски Наполеона или Германна – и таким образом приглушается их сущностное значение. В этой связи не так легко бывает рассмотреть и узнать первообраз в вибрациях текста Достоевского. Вместе с тем нет сомнений в том,

что творческая фантазия Достоевского при конструировании масок Парадоксалиста безусловно опиралась на творческий опыт Пушкина, пушкинское понимание наполеоновского типа, выраженное в образе Германна. Но идеи Пушкина под пером Достоевского получили драматическую заостренность, глубину [10, т.2, с. 19], дисгармоническую вибрацию материала.

Не менее интересно Достоевский экспериментирует с текстами петербургских повестей Гоголя, обозначая новые тенденции в «петербургском периоде».

Парадоксалист создает свою новеллу на гоголевскую тему, новеллу о Невском проспекте. В ней, как и в одноименной петербургской повести, два героя: «штафирка» и офицер, романтик и практик, мечтатель и пошляк. Только вся ситуация раскрывается не в параллельном, а в конфликтном существовании двух героев, в стремлении маленького человека (который «всех умнее, всех развитее, всех благороднее» [8, т.5, с. 130]; но унижен и оскорблен) встать вровень с публикой «суперфлю» [8, т.5, с. 131] или, по крайней мере, с одним из них.

Офицер, «вершков десяти росту» [8, т.5, с. 128], т.е. около 186 см. [8, т.5, с. 385], бесцеремонный и нахальный, соотнесен безоговорочно с гоголевским поручиком Пироговым: он предпочитает действовать «по начальству» или «киями» – т.е. неблагородным способом, избегая драться за честь на дуэлях. По описанию, это натура грубая, циничная и неразвитая, он виляет, как вьюн, и сворачивает с дороги «перед генералами и перед особами сановитыми» [8, т.5, с. 130], но «давит» – подавляет неравных ему: гражданских чиновников, «штафирок».

Сам же Парадоксалист, исполняя роль антипода офицера, поручика Пирогова, на Пискарева совсем не похож. Напротив, это во всем противоположный гоголевскому персонажу характер: один – кроток, другой – злобен; один при встрече с проституткой видит в ней Перуджинову Бианку, другой – падшую женщину. Пискарев мечтает о высокой любви, Парадоксалист попирает любовь грубым обладанием, насилием. А главное: одному уготована гибель в столкновении с действительностью, которую олицетворяет образ Невского проспекта, другому же – победа над обидчиком, торжество над публикой суперфлю.

Образ Невского проспекта в «Записках», как видим, напрямую обращен к образу-символу Гоголя [11, с. 24-27, с. 37-39]. Невский проспект – средоточие гоголевского Петербурга. Здесь пересекаются пути всех его героев: Пирогова и Пискарева, майора Ковалева, Чарткова, Поприщина и Башмачкина. Герой подполья выбрал для себя принцип «литературного» типа поведения, он мыслит себя уже в заданных образах, проходит испробованный путь, поэтому у него всегда есть возможность импровизации.

Герою из подполья ближе амбициозный Поприщин [12, с. 73] или беспokoящийся о форме, о своем внешнем виде майор Ковалев. Готовясь выступить

в поединке со своим противником «на равной ноге», он следует требованиям формы, покупая у Чуркина «черные перчатки и порядочную шляпу», заводит «хорошую рубашку с белыми костяными запонками», наконец, меняет воротник на шинели: «красивый бобрик» воцаряется «на месте паскудного енота» [8, т.5, с. 131]. И бобрик выбран исключительно потому, чтобы быть наравных («вроде как у офицеров» [8, т.5, с. 131]).

Текст «Записок» явно вступает в переключку с гоголевскими текстами: шляпа и перчатки у Чуркина – с фраком от Руча («Записки сумасшедшего»), рубашка с костяными запонками – с накрахмаленными манишками («Нос»), желание героя подполья хоть бобриком приблизиться к офицерскому рангу – с желанием Ковалева приблизиться к офицерскому рангу своим чином (коллежский асессор – майор). Парадоксалист похож и на Башмачкина: во-первых, тем, что на него, как и на гоголевского героя, смотрят, словно «на муху» [8, т.5, с. 130], во-вторых, общностью «дерзких мыслей» (не положить ли бобрик на воротник / «не положить ли точно куницу на воротник» [13, т.3, с. 155]).

На Невском проспекте, как и в гоголевские времена, после двух «графиня ходит, князь Д. ходит, вся литература ходит» [8, т.5, с. 131]. По праздничным дням здесь продолжают совершаться экстраординарные события: 25 марта, в день Благовещенья, у майора Ковалева нос сбежал, которого герой встретил в Казанском соборе, а на Невском безуспешно ловил извозчика, чтобы догнать самозванца. Парадоксалист именно по праздникам ходит на Невский (иногда даже с божьей молитвой), с целью одолеть своего врага, своего оксюморонного двойника: «Я даже молитвы читал, подходя к нему, чтоб бог вселил в меня решимость» [8, т.5, с. 132]. Для него это становится знаком жизненного успеха, способом самоутверждения. Очередная неудача («Он преспокойно прошел по мне, и я, как мячик, отлетел в сторону») вызывает болезнь и лихорадку («В эту ночь я был опять болен и бредил» [8, т.5, с. 132]). Уже отказавшись от своего намерения и смирившись со своей долей вечно быть поправным, неожиданно для себя герой подполья, как Давид, одолел Голиафа, «низенький и истощенный» [8, т. 5, с. 128] – десятивершкового верзилу, штафирка – поручика («я неожиданно решился, зажмурил глаза и – мы плотно столкнулись плечо о плечо! Я не уступил ни вершка и прошел мимо совершенно на равной ноге!» [8, т.5, с. 12]). Парадоксалист в «схватке» выходит победителем: «Я достиг цели, поддержал достоинство, не уступил ни на шаг и публично поставил себя с ним на равной ноге» [8, т. 5, с. 132].

Невский проспект у Достоевского – место боя («я <...> в последний раз вышел на Невский» [8, т.5, с. 132]), место публичного поражения одного (опять вспоминается высеченный Пирогов) и успеха другого. Он свидетель бунта «малых сих», социального протеста личности, добившейся своего реванша в отличие от Пискаревых, Поприциных и Башмачкиных. Невский проспект конца 40-х (именно это время имеется в виду, конкретно 1848 год) – это другой, не гоголев-

ский Невский проспект. Парадоксалиста от героев Гоголя отделяет чуть более десяти лет, а от Голядкина всего лишь два года, но какая между ними ошеломляющая разница: в 1846 не было возможности «победить» – это симптом нового времени. Не случайно момент столкновения на Невском воспринимается в ряду не 40-х, а 60-х годов [14, с. 30 - 32].

Герой подполья хоть и ощущает свою общность с гоголевскими персонажами и постоянно это подчеркивает в своем рассказе, наталкивая на нужные ассоциации, вместе с тем бесконечно от них далек, так же как и от Голядкина. Он образован, начитан, знает языки (немецкий и французский – как обязательные в училище [15, с. 179]). Герой постоянно демонстрирует свой интеллектуализм (рассуждениями о русских и западноевропейских романтиках; философствованиями о человеческой натуре; знаниями всеобщей истории; наконец, пением итальянских арий [8, т.5, с. 132]). Его литературная речь и европейское развитие ни в какое сравнение не могут идти с неразвитой речью и неразвитым мышлением Башмачкина, со вкусами Поприщина, пристрастиями гоголевского героя к «Мирошкам» и «Филаткам», с пошлостью Ковалева, убогостью Голядкина. Эти отличия не только знак образованности, но и знак нового времени.

Указанные точные даты легко позволяют высчитать время действия повести. Это конкретизация внедрена в текст «Записок» не случайно. Образ Невского изменился под давлением исторических перемен: еще раз необходимо напомнить – 1848 года. В Европе, как известно, это год революций, сокрушения устоев и основ. В России – формирования политических обществ, духа свободымыслия. Парадоксалист – одиночка, но и в его поведении просматривается тенденция времени: герой оваян «воздухом», прорвавшимся из-за границы. Это выразилось и в понимании проблем равенства, любви, братства, и в желании защитить свое достоинство, противостоять насилию, презреть иерархическую субординацию. Революционаризм ситуации объясняет его «наскоки» на поручиков: безмянного, гремящего по полу саблей, десятивершкового роста и Зверкова. Во всех случаях цель одна: заставить признать себя равным, заявить о своем праве. Парадоксалист под маской скрывает собственное лицо, придавая себе то значимость Наполеона, то романтика Германна. Будучи незначительным чиновником, подобным Башмачкину (как «муха» [8, т.5, с. 130]), он «заряжается» амбицией Поприщина и Ковалева. Под их маской искажается его собственная сущность, «выравнивается» под публику «суперфлю».

Петербург 40-х годов выписан в момент острейшего социально-политического напряжения и в Европе, и в России. В «Записках» изображен Петербург 1848 года. Некрасовская тема, открыто звучащая в повести, усиливает мотивы социальных разоблачений и оправдывает мотивы бунтарства. «Новый поэт» необходим здесь как певец нового мира. Его присутствие символизирует начало нового времени. Он формирует иные отношения к жизни, любви, женщине [16,

с. 80, 83; к с. 99-105; S., V. 5, p. 81-107] «горячим словом убеждения» [17, т. 1, с. 69]. Но его усилия не всегда могут преодолеть старое, консервативное, косное, замшелое, грязное и мстительное в человеческой натуре [18, с. 185].

Преображение штатского чиновника в равного военному, поручику, – это знак разрушения субординации, иерархии, нарушения «порядка природы», стабильности, узаконенности. «Маски» не только подменяют сущность, но и позволяют безнаказанно увильнуть от ответственности. Эксперименты Парадоксалиста совершенно невинны: они касаются только его личности, они не имеют ни малейшего социального резонанса. Однако он, как и десятивершковый поручик, способен унижать и подавлять низших – Лизу, слугу Аполлона. И все же преобразование героя свидетельствует о значимой перестройке «петербургского периода».

По мысли Достоевского, к концу 40-х Невский проспект как образ-символ утрачивает свою могущественную власть над социальным миром, не играет той особой обобщающей роли в оценке быстротекущей жизни, как в гоголевскую эпоху, теряет свои хронологические функции. Актуализируется в новых условиях другой топос – Сенная площадь. Все жизнедеятельное пространство повести (40-х и 60-х) связано именно с ней. Сенная – не просто рынок и городская клоака. Это символ буржуазного мира. Здесь сортируется человеческий материал на владельцев трущоб и подвалов, т.е. на хозяев мира и их рабов, безвозвратно попавших в кабалу к социальным «паукам». Образ Сенной писатель нагружает не только социальными значениями, но и смыслами мистическими, апокалиптическими. Подвалы Сенной – это образы кладбищенских могил: в них заживо гниют и погибают от удушья и чахотки несчастные, попавшие на «крючок» постыдного промысла – торговли собой, торговли душой.

Пушкинский Петербург предстает в реальных топографических пространствах. Автор выделяет Зимний дворец, Адмиралтейство, Сенатскую площадь, в центре которой поставлен Медный Всадник, дом Лобанова-Ростовского со сторожевыми львами на крыльце. Его нельзя не узнать: на площади Петровой, «Где дом в углу вознесся новый, // Где над возвышенным крыльцом // С поднятой лапой, как живые, // Стоят два льва сторожевые» [2, т.4, с. 388]. Напротив от дома – разворот панорамы Васильевского острова, Биржи, отсюда видны огражденная скульптура Медного Всадника, в строительных лесах Исаакиевский собор и здание Сената. За спиной Медного Всадника – I-ая Морская, где расположен особняк графини Томской, места, где собираются аристократы на последнюю карточную битву, испытывая анекдот о трех картах.

Петербург 30-х г.г. у Пушкина явлен образом-символом Медного Всадника. Гоголевский Петербург того же времени – образом-символом Невского проспекта. У Достоевского главную суть Петербурга 40-х г.г., а в дальнейшем и 60-х раскрывает образ-символ Сенного рынка.

В исторической перспективе образ-символ Петербурга (Медный Всадник – Невский проспект – Сенная) упрощается и утрачивает свою монументальность, имперские значения, высокое и низкое подменяется рыночной символикой с более жесткими противоречиями, с единственной ценностью – не состраданием, не милосердием, не лелеющей душу гуманностью, а денежной наличностью, и нравственным релятивизмом. «Петербургский период» мельчает, превращается в «балаганчик», в маскированное «домино», в комиксы будущих трагедий.

Список литературы

1. См.: Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999. С. 290-294; Дилакторская О.Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук. М., 2000. С. 7-8.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10-ти т.т. М.: «Наука», 1964. Далее цитирую по этому изданию.
3. Остафьевский архив. в 3-х т.т., СПб, 1899.
4. См.: Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980.
5. Лотман Ю.М. Избр. статьи в 3-х т.т., Таллинн, 1992.
6. См.: Бем А.Л. У истоков творчества Достоевского // О Достоевском. сб. ст. Прага, 1936, т.3.
7. См.: Дарский Д.С. «Пиковая дама» // Пушкин. Материалы и исследования. СПб., 1995. т. XV.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-ти т.т. Л.: Наука, 1973. Далее цитирую по этому изданию.
9. См.: Дилакторская О.Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский). С. 8-9; 36-37.
10. См.: Бем А.Л. Достоевский – гениальный читатель // О Достоевском. сб. ст.Прага, 1933. т. 2.
11. См.: Дилакторская О.Г. Фантастическое в Петербургских повестях Н.В.Гоголя. Владивосток, 1986.
12. Одинокое В.Г. Об одной литературной реминисценции в «Записках из подполья» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. т.6.
13. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14-ти т.т. М.: Л., 1937, т. 3.
14. См.: Кирпотин В.Я. «Записки из подполья» Ф.М.Достоевского // Русская литература, № 1,1964.
15. См.: Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища 1820 – 1870. СПб, 1869.
16. Ср.: Гин М.М. Достоевский и Некрасов. Петразаводск, 1985; Корман Б.О. Лирический герой Некрасова в «Записках из подполья» Достоевского // Некрасов

- и его время. М., 1975; Siegel G. The fallen women nineteenth century Russian literature // Harvard Slavic studies. Cambridge, Mass., 1970. v. 5.
17. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: в 15-ти т.т. Л.: «Наука», 1981.
18. Не обязательно видеть в «Записках» пародию на поэзию Н.А.Некрасова. Ср.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха» (1864 – 1865) М.: «Наука», 1975.

Dudás Mária

A BOLGÁR IGEI VALENCIA NÉHÁNY SAJÁTOS SÁGA

Abstract: The main topic of this study is the valency of verbs and the Bulgarian prefixed words in particular. The study analyzes the connection between the prefix and the prepositions while it also demonstrates the meaning of the most frequent prefixes and prepositions. There are prefixes in the Bulgarian language the forms of which correspond to that of the prepositions. Basing the division on this, verbs are divided into two groups in this study. The first group comprises those verbs the preposition of which corresponds to the identical prefixes, while the second group contains those verbs whose prefixes do not correspond to any prepositions and occur with prepositions other than that of the prefixes. The analyses show that which prefixes go with which prepositions.

Keywords: valency, prefix, preposition

A mai bolgár grammatikaelmélet egyik népszerű kutatási területe a valencia. A XX. század közepétől foglalkoznak a kutatók ezzel a területtel. Több definíciót is találhatunk a valenciaelmélet meghatározására, amelyek megfogalmazásukban eltérnek, alap gondolatuk azonban mégis megegyezik.

Tesnière szerint, aki a függőségi nyelvtan alapjait teremtette meg, a valencia az ige olyan képessége, amellyel különböző számú kapcsolatot hoz létre (Tesnière 1953: 4).

Brinkmann úgy fogalmazza meg, hogy a valencia a nyelvi elemek szintaktikai lehetőségeit foglalja magába (Brinkmann 1962: 223).

Helbig szerint a valencia olyan sajátossága az ige-nek, amellyel főneveket tud magához kötni (ld. Helbig 1969).

Kacnelson és Abramov kibővítette az elméletet és túllépett az ige-n: szerintük a valencia minden szófaj azon képessége, amellyel kapcsolatot hoz létre a többi szófajjal (Качнельсон 1948; Абрамов 1966).

A magyar nyelvészek vonzatnak a kötött bővítményt nevezik. A bővítményeknek két nagy csoportját különböztetik meg: vannak kötött és szabad bővítmények. A vonzat olyan bővítmény, amely az alaptag által megkívánt szintaktikai funkciót tölti be, s szervesen hozzátartozik az alaptag jelentésszerkezetéhez; olyan mozzanattal egészíti ki annak jelentését, amelyet az szükségképpen megkíván. A *Magyar grammatika* a vonzatok alaptagját régensnek nevezi. „Régensek mindazok a szótári tételek, amelyek meghatározott számú nyelvi egység jelenlétét követelik meg az őket befogadó mondatokban, s ezek mindegyikétől megkövetelik egy-egy grammatikai tulajdonságegyüttes kielégítését is” (Keszler 2000: 359).

A vonzatnak két csoportja van, lehet egyfelől kötelező, például: *függ valamitől, зависи от*. Ez azt jelenti, hogy a vonzat nem maradhat le az alaptag mellől a struktúra sérülése nélkül. Valamint lehet fakultatív, például *Kati szerelmes* (valakibe); *влюбена* (в). Ebben az esetben az alaptag a vonzat nélkül is használható, nem kell mindig kitenni.

2008-ban jelent meg Vig István *Horvát nyelvtana*, amely a függőségi nyelvtan rendszerében mutatja be a horvát nyelvtant. Vig különbséget tesz szóosztályok és alosztályok között. A valenciát alosztály-specifikus képességnek nevezi, amely szavakat vonz, de egy szóosztály nem minden tagjára jellemző. A meghatározás alapján bővítményeket (amelyek alosztályfüggők), kiegészítőket (amelyek szóosztályfüggők) és jelzőket különböztet meg (amelyek nem igéktől, hanem főnevektől, melléknevektől, névmásoktól és határozószóktól függenek) (Vig 2008: 15-19).

A tanulmány célja a bolgár igék vonzatainak bemutatása. Megvizsgálja az igekötős igék esetében az igekötő és az előljárósó kapcsolatát. Az igekötő és előljárósó viszonya szerint két csoportra oszthatók az igék. Az első csoportba azok az igék kerültek, amelyeknél az igekötő egy azonos alakú előljárósóval egészül ki, a második csoportba azok az igék kerültek, ahol az igekötő és az előljárósók alakja eltérő. Elemzi, hogy az első csoport igéi milyen, az igekötőtől eltérő alakú előljárósóval fordulnak még elő. Az elemzésekből kiderül, hogy melyik igekötőnek, melyik előljárósó a leggyakoribb vonzata.

A tanulmány nem tér ki a tárgy vonzatra, mert az a bolgár nyelvben nem előljárósóval kapcsolódik az igéhez. A nyelvészeti meghatározások alapján a tárgy mindig vonzat, de a tanulmányban az igekötők és az előljárósók kapcsolatát vizsgáltam. Nem térek ki arra sem, hogy melyik vonzat kötelező és melyik fakultatív. Ez a vizsgálat egy újabb tanulmány anyagát képezheti.

1987-ben jelent meg Maria Popova: *A mai bolgár irodalmi nyelv rövid igei valenciaszótára* (Попова 1987). A tanulmányban elemzett 220 igekötős igét az említett szótár szócikkei közül válogattam ki és állítottam össze. A szöveget a tanulmány mellékletként megtekinthető.

A mellékletben előforduló igekötők jelentését akcióminőségük szerint mutatom be. Az akcióminőség jelenti az ige által jelölt esemény lefolyásának módját és fokozatosságát. A különböző módozatokat az esemény időbeli és tartalmi lefolyása alapján lehet megkülönböztetni. Az igéhez kapcsolódó tágabb aspektuális jelentés és az akcióminőség grammatikai hordozói az igekötők. Szerepük, hogy módosítsák és megváltoztassák az ige jelentését, s ez által változást okozhatnak az ige bővíthetőségében is. Az igekötők jelentését példával illusztrálom. Akcióminőségek szerinti csoportosítást Vig horvát nyelvre írt osztályozása szerint mutatom be, melyet három új csoporttal egészítettem ki, megkülönböztetek új minőség megjelenését jelző igekötőket, valamint eredmény- és időjelölő igekötőket (Vig 2008: 31-33).

1.1. Telítettséget jelölő igekötők

A *на-* igekötő sorolható ebbe csoportba: *наяждам се* „jól lakik”.

1.2. Intenzitást jelölő igekötők

A cselekvés megismétlődését, többszöri elvégzését fejezik ki. Ilyen a *въз-* igekötő: *възраждам се* „újjaszületik”; a *до-* igekötő: *доцупвам* „felönt”. A *пре-* igekötő jelenti, hogy a cselekvés megismétlődik vagy egy újabb módon zajlik le, pl. *преписвам* „átmásol”.

1.3. Kezdő jelentésű igekötők

A cselekvés kezdetét jelzik. Ide sorolható a *за-* igekötő: *заплаквам* „elsírja magát”; a *про-* igekötő: *пропушвам* „elkezd dohányozni”. A *раз-* igekötő a cselekvés kezdetére mutat rá, de a cselekvés erőssége folyamatosan növekszik, ezért a fokozást jelölő igekötők közé is sorolható, pl. *разбеснявам се* „feldühödik”.

1.4. Befejezettséget jelölő igekötők

A cselekvés befejezését jelölik. A folyamatos igeszemléletű igékből befejezett szemléletű igét képeznek. A cselekvés utolsó fázisát emeli ki a *до-* igekötő: *допивам* „kiissza” és az *из-* igekötő: *изоравам* „felszánt”. Az egyik leggyakoribb igekötő, amelyet a bolgár nyelv a befejezett igeaspektus kifejezésére használ a *на-*: *наготвя* „megfőz”. Idesorolandó a csak igekötős alakban előforduló *про-* igekötő: *прочитам* „elolvas”. A *с-*, (*съ-*) és az *у-* igekötő is a cselekvés befejezettségére utal, pl. *сготвя* „megfőz”; *удушавам* „megfojt”.

1.5. Kicsinyítést jelölő igekötők

Jelentésük, hogy a cselekvés a szokásosnál kevésbé erőteljes és rövid ideig megy végbe. Ilyen a *на-* igekötő: *накуцвам* „sántikálgat”; és a *по-* igekötő: *поспя* „szunyókálgat”.

1.6. Fokozást jelölő igekötők

A cselekvés túlzott mértékben történő lezajlását fejezik ki. A *пре-* igekötő a cselekvés az elfogadott mértéken túli végbemenetelét jelenti, pl. *прегарям* „megég”. A *с-*, (*съ-*) igekötő jelentése, hogy a cselekvés gyorsan és nagy erővel megy végbe, pl. *сривам* „szétrúg”.

1.7. Nagyítást jelölő igekötők

Azt jelzik, hogy a cselekvés meghaladja az ige alapjelentésének mértékét. Például a *на-* igekötő: *набоядисам* „befest, lefest”; a *над-* igekötő: *надпя* „túlénekel”. A *про-* igekötő jelenti, hogy a cselekvés az egész tárgyra kihat, pl. *промивам* „kimos, átmos”.

1.8 Teljességet jelölő igekötő

Kifejezi, hogy a cselekvés teljesen, az elejétől a végéig lezajlik. Ebbe a csoportba az *ом-* igekötő tartozik: *отрасна* „felnő”.

1.9. Eloszlást jelölő igekötők

Jelentésük, hogy a cselekvés több szakaszban folyik. Ebbe a csoportba kerül az *ом-* igekötő, melyek jelentése, hogy a cselekvés során egy rész elkülönítésre kerül, pl. *отчупвам* „letör”; valamint, hogy a cselekvés folyamata megszakad: *ом-*

шумява „lecseng”. A *пре-* igekötő jelenti, hogy a cselekvés megfelel a tárgyat, pl. *прегъвам* „félbe hajt”. A *раз-* igekötő olyan cselekvés eredménye, amely a tárgyat részeire bontja, pl. *разкъсвам* „széttép”.

1.10. Irányjelölő igekötők

Az igekötők legrégebbi funkciója. A *в-* (*въ-*) igekötő a befelé haladó irányt jelöli, pl. *вживявам се в* „beleéli magát valamibe”. A *над-* igekötő nem is annyira a cselekvés irányát, hanem a cselekvés helyét jelzi, hogy a cselekvés a fent, valaminek a felső részén történik: *надписвам* „fölé ír; feliratoz”. Az *от-* igekötő a jelenti, hogy a cselekvés távolodik a kiindulási ponttól: *отлитам* „elrepül”. A bolgár nyelvben két igekötő is a már megtörtént eseménnyel ellentétes irányú cselekvést jelent, az *от-* igekötő: *отвивам* „kiteker” és a *раз-* igekötő: *развинтвам* „kicsavar”. A *под-* igekötő jelzi, hogy a cselekvés alulról felfelé vagy belülről kifelé megy végbe, pl. *подушвам* „felhajt”.

A *пре-* igekötő jelentése, hogy a cselekvés tér vagy tárgy fölött, vagy azon keresztül megy végbe, pl. *прескачам* „átugrik”. A *про-* igekötő jelentése, hogy a cselekvés egy tárgyon nyílást vág, pl. *пробождам* „átszúr”. A *раз-* igekötő jelenti, hogy a cselekvés a középpontból kiindulva különböző irányokba hat, pl. *разнасям* „széthord”.

A *с-*, (*съ-*) igekötő fentről lefelé ható irányt jelez: *смъквам* „lehúz”. Egyúttal a távolság csökkentését is jelentheti: *свързвам* „összeköt”.

Az *у-* igekötő által jelzett irány kívülről befelé ható, pl. *ужилвам* „megcsíp”.

1.11. Új minőség megjelenését jelző igekötők

Jelentésük, hogy az ige alaptagjában megtalálható minőséget jelző melléknév minősítése megtörténik. A *в-* (*въ-*) igekötő: *вкиселявам се в* „belesavanyodik valamibe”; a *въз-* igekötő: *възмъжавам* „megféréfiasodik”. A *до-* igekötő jelzi egy új érzelem megjelenését: *домъчнява ми* „elszomorodik”. A *за-* igekötő: *загрубявам* „eldurvul”; *из-* igekötő: *изрусявам* „kiszőkül”; *на-* igekötő: *напълнея* „meghízik”.

A *но-* igekötő kettős jelentésű, jelenti, hogy a cselekvés során egy új tulajdonság megjelenésére törekszem, pl. *побългарявам* „elbolgárosít”. Jelenti, hogy az új tulajdonság kialakul, megjelenik, pl. *позеленявам* „elzöldül”. A *под-* igekötő egy új íz megjelenését jelzi, pl. *подслаждам* „megédesít”. Az *у-* igekötő is egy új minőség kialakulását eredményezi: *улеснявам* „megkönnyít”.

1.12. Eredményjelölő igekötők

Azt jelzik, hogy a cselekvés sikeresen, eredményesen fejeződött be. A *въз-* igekötő: *възварявам* „felforral”; *за-* igekötő: *завързвам* „megköt”; *из-* igekötő: *избягвам* „elfut”. A *пре-* igekötő: *пребия* „szétver”; a *при-* igekötő: *приготвам* „elkészít”.

1.13. Időjelölő igekötők

Ide soroljuk a *npe-* igekötőt, melynek jelentése időtartam eltöltése, pl. *пребивам* „éjszakázik”. A *npeð-* igekötő, amely a cselekvés előidejűségét jelenti, pl. *предрешавам* „elődöntést hoz”. A *npo-* igekötő olyan cselekvésre is utalhat, amely egy adott idő alatt vagy adott téren keresztül zajlik, pl. *протътувам* „átutazik”. A *npu-* igekötő a cselekvés váratlan megjelenését jelenti, pl. *прилошава ми* „rosszul lesz”.

A bolgár nyelvben az igekötők változatosak, de több igekötő is ugyanazon jelentés kifejezésére szolgál akcióminőség szerint. Az ismertetett 17 igekötő közül kilenc egy új tulajdonság, egy új állapot megjelenését jelenti. Minden esetben az alany vagy a tárgy veszi fel a melléknevekből alkotott igék alapjelentését. A folyamatos igealakból az igekötők használatával alkotja a bolgár nyelv a befejezett igealakot, amely a cselekvés befejezettségére utal, a leggyakoribb igekötők: *за-*, *на-*, *нпу-*, *нпо-р с-*, *у-*. Az igekötők közül három jelenti, hogy a cselekvés megismétlődik, kettő a cselekvés ellenkező irányú eredményét jelöli, kettő pedig a cselekvés kezdetére utal.

A következőkben azokat a bolgár előjárószókat csoportosítom jelentéstani leírásuk szerint, amelyek előfordulnak az igekötős igék vonzataként. A csoportosításnál Vig osztályzását vettem alapul, melyet három új csoporttal bővítettem ki (Vig 2008: 226-227).

2. 1. Helyjelölő előjárósók

Ebbe a csoportba tartozik a *в* előjárósó. A bolgár nyelv nem tesz különbséget a *hol* és *hová* között. Más szláv nyelvek is egyaránt a *в* előjárósót használják a hely és irány jelölésére, de az előjárósó a különböző irányok kifejezésére különböző eseteket vonz. A horvát nyelv a tárgyesetet használja a *hová*, és az előjárósós esetet a *hol* jelentés kifejezésére. A bolgár nyelvben azonban nincs névszóragozás, ezért minden esetben a szövegkörnyezetből derül ki, hogy az előjárósó melyik jelentéséről van szó. A *в* előjárósó jelentése „-ban, -ben; -ra, -re”. A következő a *въз* előjárósó, melynek jelentése „fölött”. A *до* előjárósó helyjelölő jelentése „-nál, -nél”, valamint „mellett”. A *за* helyjelölő előjárósó jelentése „-ban, -ben; -n, -on, -en, ön”. A *на* előjárósó az egyik leggyakrabban előforduló előjárósó a bolgár nyelvben. Helyjelölő jelentése „-n, -on, -en, ön”. A *над* előjárósó magasabb pontra mutat, jelentése „fölött”. Az *ом* előjárósó jelentése „-ból, -ből”. A *под* előjárósó alacsonyabban fekvő pontra mutat rá, jelentése „alatt”. A *пред* előjárósó jelentése „előtt”. A *нпу* előjárósó helyjelölő jelentése „-nál, -nél”. Az *у* előjárósó jelentése szintén: „-nál, -nél”.

2.2. Irányjelölő előjárósók

Ide tartozik a *в* előjárósó „-ba, -be”; -ra, -re” jelentésben. A *въз* előjárósó irányjelölő jelentése „fölé”. Előfordulása ritka, régies, elavult. A *до* előjárósó irányjelölő „-hoz, -hez, -höz” jelentésben fordul elő. Térben közvetlen közelséget is jelent „mellé”. A *за* előjárósó irányjelölő jelentése „-ból, -ből; -ról, -ről”. Je-

lentheti, hogy a cselekvés különböző pontok irányába történik. A *на* előjárószo irányjelölő jelentése „-ra, -re”. A *над* előjárószo jelentése „fölé”. A *пну* előjárószo jelentése „-hoz, -hez, -höz”. A *под* előjárószo irányjelölő jelentése „alá”, míg a *пред* előjárószo jelentése „elé”. Az *у* előjárószo irányjelölő funkcióban a „-hoz, -hez, -höz” irányt jelenti.

2.3. Időjelölő előjárósók

A *до* időjelölő előjárószo, jelentése „-ig”. A *за* előjárószo is előfordul időjelölő jelentésben, jelentése „-ig”. A *на* előjárószo időjelölő jelentése „-én”. Az *ом* előjárószo jelentése „től, -től”.

2.4. Okjelölő előjárószo

Az *ом* előjárószo tartozik ebbe a csoportba, jelentése „miatt, végett”.

2.5. Céljelölő előjárósók

A *за* előjárószt használjuk céljelölő jelentésben „-ért, számára” jelentésben. Ide tartozik a *но* előjárószo, melynek jelentése „miatt”.

2.6. Értelemjelölő előjárószo

Az értelemjelölő előjárósók az elvont világ jeltárgyaira utalnak. A *за* előjárószo „-ról, -ről” jelentésben meghatározza az adott kérdéskör értelmét. A másik a *но* előjárószo, jelentése „-ból, -ből”.

2.7. Birtokjelölő előjárószo

A *на* előjárószt használjuk birtokjelölő jelentésben „-nak, -nek”. A bolgár nyelvben az előjárószo az absztrakttá válása figyelhető meg. A ragos deklináció eltűnése következtében tulajdonképpen eset-morfémává alakult át (Horálek 211).

2.8. Eredetjelölő előjárószo

Az *ом* előjárószo meghatározza az anyagot, amelyből készült a tárgy, jelentése „-ból, -ből”.

2.9. Módjelölő előjárószo

A *с* előjárószo egymáshoz tartozó, együttes viszonyt jelent, „-val, -vel”.

Az előjárósók között is találunk hasonlóságot. Több előjárószo is előfordul helyjelölő és irányjelölő jelentésben egyaránt. Az előjárók esetében nem jelentésbeni hasonlóságról beszélünk, hanem funkcionális hasonlóságról. A bolgár nyelvben az előjárósók szerepe kiemelten fontos, mivel nincs névszóragozás. A különböző eseteket az előjárósók használatával fejezi ki a bolgár nyelv. A mai leíró bolgár nyelvtanok 60 előjárószt sorolnak fel (MBNy 1999: 355), megfigyelhető, hogy ennek ellenére igekötős igei vonzatként mindössze 14 fordul elő.

Az igekötők és előjárósók vizsgálata során azok az igeik következnek, amelyeknél az igekötő és az előjárószo azonos alakú.

1.1 *в*-/*в*

A *в*- igekötős igeiknek leggyakrabban a *в* előjárószo a vonzata, amely kiegészíti az igekötő irányt jelölő jelentését, pl. *вкарвам* „behajt”; *внасям* „behord”; *внувам* „beír”. A formai egyezésen kívül jelentésbeni egyezéssel is találkozunk.

1.2. *въз-/въз*

A *въз*- igekötős igéknek nem vonzata a *въз*- előljárószo. Az igekötő és az előljárószo között nincs jelentésbeni egyezés, csak formai.

1.3. *до-/до*

A *до*- igekötő leggyakoribb vonzata a *до*- előljárószo. A formai egyezés mellett az igekötő és előljárószo között jelentésben is van egyezés. Az előljárószo kijelöli a térbeni határokat (valameddig), amely az igekötő befejezettséget jelölő funkciójához kapcsolódik, pl. *докарам* „elvisz, eljuttat valameddig, valahová”; *достигам* „elér valameddig, valahová”.

1.4. *за-/за*

Az igekötő mellett ritkán fordul elő az azonos alakú előljárószo. Az igekötő célt jelölő funkcióját egészíti ki az előljárószo, pl. *заплащам* „fizet valamiért”; *застънвам* „kiáll valamiért”. Az igekötő jelezheti a cselekvés kezdetét, amely azonos alakú előljárót vonzhat, pl. *заговарям* „beszélgetésbe kezd valamiről”. Az igekötő kifejezi, hogy a cselekvés távolodó hatást fejt ki, pl. *заминавам* „elutazik valahová”. Ennél a példánál befejezettségre is utal az igekötő.

1.5. *из-/из*

Az igekötős igék mellett mindössze egyszer fordul elő azonos alakú előljárószo: *изхвърквам* „kirepül valahonnan”. A példában az igekötő befejezettséget jelölő funkciójával találkozunk.

1.6. *на-/на*

A *на*- igekötős igék több mint felének a *на* előljárószo a vonzata. A leggyakrabban az igekötő a befejezettséget jelentő funkcióval fordul elő, pl. *направлям* „megcsinál”; *научавам* „megtanul”. Az előljárószo megtalálható még „-ra, -re” jelentésben, pl. *налагам* „rákényszerít”; *наподобявам* „hasonlít”. Az igéket az előljárószo birtokviszonyt jelölő funkciója is kiegészíti, pl. *навреждам* „árt”; *нареждам* „elrendel”.

1.7. *над-/над*

Egyetlen *над*- igekötős ige vonzata a *над* előljárószo. Az előljárószo „fölött, fölé” jelentésével bővül a *надсмивам се* „kinevet” ige, szó szerint *valaki fölött nevet*. A formai egyezést kiegészíti a jelentésbeni egyezés.

1.8. *от-/от*

Az *от*- igekötős igék több mint felének az azonos alakú előljárószo a vonzata. Két jelentésben fordul elő, az első irányt jelölő funkció „-tól, -től”, pl. *отдалечавам се* „távolodik”, *отделям се* „elválik”. A második jelentés a „-ról, -ről”, pl. *отказвам се*; *отричам се* mind a két ige jelentése „lemond valamiről”.

1.9. *но-/но*

Az előljárószo nem vonzata a *но*- igekötős igéknek. A kicsinyítést és új minőség megjelenését jelölő prefixum nem fordul elő értelemjelölő előljárószoval, amelynek használata korlátozott.

1.10. *nod-/nod*

Egyetlen igekötős igének vonzata az azonos alakú előjárószo, *подлагам* „valami alá tesz”. Megfigyelhető a formai és jelentésbeni egyezés. Az előjárószo „alá” jelentése egészíti ki az igekötő irányt jelölő jelentését.

1.11. *npeð-/npeð*

Nem vonzata a *npeð* előjárószo az azonos alakú igekötővel rendelkező igéknek, annak ellenére, hogy a formai egyezés mellett jelentésbeni egyezést is találunk.

1.12. *npu-/npu*

A *npu*- igekötős igéknek nem vonzata a *npu* előjárószo. Az eredmény- és időjelölő prefixum nem egészül ki irányjelölő előjárószóval.

1.13. *c-/c*

Az igekötő és az azonos alakú előjárószo formai és jelentésbeni egyezése figyelhető meg. Az egymáshoz tartozó viszonyt jelentő módjelölő előjárószo a befejezettséget jelentő igekötőt egészíti ki, pl. *свършвам* „befejez”; *съчетавам* „összetársít”. A távolság csökkenésére utaló igekötő vonzata szintén a *c* előjárószo, pl. *сближавам* „összehoz; közelít”; *свързвам* „összeköt”.

1.14. *y-/y*

Az *y*- igekötős igék mellett nem fordul elő az igekötővel azonos alakú előjárószo.

Az igekötő és előjárószo közötti viszony első csoportosításából három megfigyelés vonható le. Vannak olyan igekötős igék, amelyeknek az igekötővel megegyező alakú előjárószo a vonzata. Ezek a *в-*, *до-*, *на-*, *от-*, *с-* prefixumok, amelyeknél az azonos jelentést jelölő igekötőt egy azonos alakú és jelentésű előjárószo egészíti ki. A második csoportba azok az igék kerülnek, amelyeknek ritkán vagy egyáltalán nem vonzata azonos alakú előjárószo, ezek a *за-*, *из-*, *по-*, *при-*, *у*. Az igekötők eltérő alakú és jelentésű előjárószt vonzanak. Külön csoportba kerülnek a *зад-*, *под-*, *пpeð-* igekötők, amelyeknek nem vonzata azonos alakú előjárószo, egy-két kivétellel, annak ellenére, hogy az igekötő és az előjárószo alakja és jelentése is megegyezik. Az igekötő jelentése nem igényel jelentést megerősítő azonos alakú előjárószt.

A következő csoportba azok az igekötők kerültek, amelyek nem fordulnak elő, mint azonos alakú előjárószoak.

2.1. *npe-*

A *npe*- igekötős igék leggyakoribb vonzata a *на* előjárószo. Az igekötő jelentése térben és időben átívelő cselekedés, amelyet az előjárószo birtokjelölő funkciója egészít ki, pl. *пpeпращам* „átküld valakinek”; *пpeхвърлям* „át Dob valakinek”.

2.2. *npo-*

A *npo*- igekötős igék gyakori vonzata az *om* előjárószo. A példák között három olyan ige található, amelyek jelentése megegyezik „származik valahonnan”:

произлизам; произтичам; произхождам. A helyjelölő igekötő az eredetjelölő előljárószóval bővül.

2.3. *раз-*

A *раз-* igekötőt a leggyakrabban a *на* előljárószó egészíti ki. Az igekötő jelentése, hogy a cselekvés különböző irányokba hat (szét-), valamint hogy elemeire szed szét, amelyet kiegészít a *на* előljárószó birtokjelölő jelentése, pl. *раздавам* „szétoszt”; *разделям* „feloszt részekre”.

A három igekötő közös vonása, hogy az eltérő jelentés mellett a leggyakrabban a *на* előljárószó a vonzatuk. Előfordul még *за*, *от* és a *с* előljárószó.

A tanulmány utolsó részében arra kerül a hangsúly, hogy mely igekötők, mely előljárószókat vonzzák, a már bemutatott azonos alakúakon kívül.

3.1. *в-*

A *в-* igekötős igék az azonos alakú előljárószón kívül még a *на* előljárószóval egészülnek ki. Az előljárószó birtokjelölő funkcióban áll, jelentése „-nak, -nek”, pl. *внушавам* „sugall valakinek”; *връчвам* „kézbesít valakinek”.

3.2. *въз-*

A *въз-* igekötős igék nem vonzzák az azonos alakú előljárószót, leggyakrabban a *на* előljárószóval egészülnek ki, „-ra, -re”: *възлагам* „rábíz valakire”; *възпитавам* „valamire nevel”; és „-nak, -nek” jelentésben, pl. *възвръщам* „visszaad valakinek”.

3.3. *до-*

A *до-* igekötő gyakran fordul elő *до* előljárószóval, de megtalálhatjuk még *за* és *на* előljárószókkal is. A *на* előljárószó „-nak, -nek” jelentésben áll az igék mellett, pl. *докладвам* „jelentést tesz valakinek”; *доставям* „okoz valakinek”. A *за* előljárószó több jelentésben is megtalálható, „-ról, -ről” jelentésben, pl. *докладвам* „jelentést tesz valakiről”; *доцецам се* „eszébe jut”; valamint céljelölő funkcióban: *допринасям* „hozzájárul valamihez”.

3.4. *за-*

A *за-* igekötős igék ritkán fordulnak elő azonos alakú *за* előljárószóval. Leggyakrabban a *в* előljárószó a vonzatuk, irányt jelölő funkcióban, pl. *завеждам* „elvisz valahová”; *завличам* „elvoncsol valahová”; *закарвам* „elvisz (autóval) valahová”. Az előljárószó nem fordul elő helyjelölő funkcióban.

3.5. *из-*

Az *из-* igekötős igéknek csak egy esetben vonzata az *из* előljárószó. A legtöbbször az *от* előljárószóval bővül a jelentésük. Az előljárószó helyjelölő jelentésben áll, pl. *извеждам* „kivezet valahonnan”; *измъквам* „kihúz valahonnan”. Ritkán fordul elő *на* előljárószó kíséretében, de lehet „-nak, -nek” jelentésben, pl. *изпращам* „küld valakinek” és lehet „-ra, -re” jelentésben, pl. *изучавам* „kitanít valamire”. Az *изпитвам* ige vonzata a *по* értelemjelölő előljárószó, amely a szakterületet jelzi, „kikérdez valamiből”.

3.6. *на-*

A *на-* igekötős ige a legtöbbször az azonos alakú *на* előjárószóval fordul elő. Vannak példák, amikor a *за* előjárószó a vonzata „-ra, -re” jelentésben, pl. *назначавам* „kinevez valamire”; *напомням* „emlékeztet valamire” és vannak igék, amelyeknek a *в* előjárószó a bővítménye, amely mind irányt jelölő funkcióban, pl. *намесвам се* „beleavatkozik valamibe”; mind helyjelölő funkcióban megtalálható, pl. *настанявам* „elszállásol valahol”.

3.7. *над-*

A *над-* igekötős igéknek nagyon ritkán vonzata az azonos alakú előjáró, helyette a *в* és a *на* előjárósók a vonzatok. A hely- és irányjelölő igekötőt egy másik alakú hely- és irányjelölő előjárósó egészíti ki. A *в* előjárósó irányt jelölő funkcióban, pl. *надзъртам*; *надниквам* mindkét ige jelentése „betekint valahová”; a *на* előjárósó pedig birtokos viszonyt jelölő funkcióban, pl. *надвивам* „legyőz, valaminek fölébe kerül”.

3.8. *от-*

Az *от-* igekötős igék vonzata az *от* előjárósón kívül a *на* előjárósó birtokjelölő funkcióban „-nak, -nek” jelentésben, pl. *отвърщам* „visszaad valakinek”; *отстъпвам* „átenged valakinek”. Megtaláljuk a *към* előjárósót, amely irányt jelöl és jelentése „valami felé, iránt”, pl. *отнасям се* „viseltetik valami iránt”; *отправлям* „útba igazít valami felé”.

3.9. *по-*

A *по-* igekötős igék mellett leggyakrabban a *на* előjárósó fordul elő birtokjelölő funkcióban, pl. *показвам* „mutat valakinek”; *поръчвам* „rendel valakinek” és „-ra, -re” jelentésben, pl. *поверявам* „rábíz valakire”.

3.10. *под-*

A *под-* igekötős igék közül csak egynek vonzata az azonos alakú előjárósó. A legtöbb esetben a *на* előjárósóval bővül az ige „-nak, -nek” jelentésben, pl. *поддавам се* „átadja magát valaminek”; *подчинявам* „alávet valaminek”; megtaláljuk még a *за* előjárósót „-ra, -re” jelentésben, pl. *подсецам* „emlékeztet valamire”. A *към* előjárósó kiegészíti az igekötő irányt jelölő jelentését, pl. *подтиквам* „ösztönöz valamire”; *подхождам* „illik valamihez”.

3.11. *пред-*

Az *пред-* igekötővel álló igék nem vonzzák az azonos alakú előjárósót, hanem a *на* előjárósó „-nak, -nek” jelentését, pl. *предлагам* „ajánl valakinek”; *предсатвям* „bemutat valakinek”.

3.12. *при-*

A *при-* igekötős igéknél látható a legnagyobb változatosság a vonzatok terén. Öt előjárósó is említést érdemel. A legtöbb esetben a *на* előjárósó a vonzat „-nak, -nek” jelentésben, pl. *придавам* „(új jelleget) kölcsönöz valakinek”; *приказвам* „beszél valakinek”, valamint „-ra, -re” jelentésben, pl. *приписвам* „ráfog valakire”; *припомням* „emlékeztet valakire”. A következő előjárósó a *към*, pl.

привличам „vonz valami felé”; *пристъпвам* „lép valami felé”. Említést érdemel még a *c* előjárószo „-val, -vel” jelentésben, pl. *приключвам* „végez valamivel”; *примирявам* „megbékél valamivel”. Az utolsó két előjárószo a *до* előjárószo irányt jelölő jelentésben a távolság csökkenését jelezve, pl. *приближавам* „közelít valamihez”; *прибягвам* „segítségért fordul valakihez” és a *за* előjárószo „-ról, -ről” értelem jelölő jelentésben, pl. *приказвам* „beszél valamiről”.

3.13. *c*-

A *c*- igekötős igék gyakran az azonos alakú előjárószóval fordulnak elő, de megfigyelhető a *на* előjárószo használata birtokjelölő „-nak, -nek” jelentésben, pl. *споменавам* „említést tesz valakinek”; *спомагам* „segít valakinek” és a *за* előjárószo „-ról, -ről” jelentésben, pl. *споменавам* „említést tesz valamiről”; *съобщавам* „tájékoztat valamiről”.

3.14. *y*-

Az *y*- igekötős igéknek nem vonzata az azonos alakú *y* előjárószo. A két leggyakoribb vonzat a *за* előjárószo célhatározói jelentésben, pl. *упреквам* „szemre hány valamiért” és a *в* előjárószo helyjelölő jelentésben, pl. *уверявам* „biztosít valamiben”; *участвам* „részt vesz valamiben.”

A csoportosításból kiderül, hogy a legtöbb igekötőnek az azonos alakú előjárószon kívül csak egy vagy két előjárószo lehet a vonzata. Kivétel a *пу*- igekötő, amelynek öt előjárószo is lehet a bővítménye. A leggyakrabban előforduló előjárószo a *на* birtokjelölő funkcióban. A másik legtöbbször használt előjárószo a *за* „-ról, -ről” és „-ra, -re” jelentésben. A hely- és irányjelölő igekötők gyakori bővítménye a *на* és *към* előjárószo.

Az igekötők jelentésének és funkciójának ismertetéséből kiderül, hogy egy-egy igekötő milyen sok jelentéssel társul. Az előjárósók is több jelentéssel rendelkeznek. Amennyiben az igekötő és az előjárószo alakja azonos és jelentésük is megegyezik, együtt fordulnak elő. Vannak azonban kivételek, vannak olyan előjárósók, amelyek nem fordulnak elő az azonos alakú igekötővel, pedig jelentésük ugyanaz. Ezeknél az igéknél az igekötő már elegendő jelentéssel bővítette az ige alaptagjának a jelentését, nem szükséges az előjárószo használata.

Melléklet

igekötő	ige	előjáró	magyar
без			nélkül
	безпокоя	с	nyugtalanít, zavar valamivel
в			-ban; -ben/ -ba, -be/ -n, -on, -en, -ön/ -ra, -re
	вдъхвам	на	belélegez, magába szív valamit
	вдъхновявам	за	ihlet, lelkesít valamire; sugalmaz valamit
	вкарвам	в	behajt; bejuttat valahová
	включвам	в	belevon valamibe
	влизам	в	bemegy
	вмествам	в	belehelyez valahová
	вмъквам	в	bejuttat, benyom valahová
	внасям	в	behord, beszállít valahová; betesz (bankba)
	вниквам	в	behatol, elmélyed valamibe
	внушавам	1 на; 2 у	sugalmaz valakinek; ébreszt, kelt (tiszteletet) valakiben
	вписвам	в	beír, berajzol
	вплитам	в	belefon; belekever
	връчвам	на	kézbesít; átad
	встъпвам	в	belép
	въвеждам	1 в; 2 у	bevezet; meghonosít
	въвличам	в	bevonszol
въз-			-n, -on, en, ön; fölött; -ra, -re; fölé
	възвръщам	на	visszaad; visszahelyez; visszairányít
	въздействувам	1 на; 2 върху	hat, hatást kifejt valamire
	възлагам	на	rábíz (feladatot), fűz (reményt)
	възлизам	на	felmegy, feljut
	възпитавам	в/на	nevel valamire
	възхищавам се	от	elbűvöl, elbájol
до			-nál, -nél, mellett; -hoz, -hez, -höz, mellé; -ig
	доближавам	до	közeledik valamihez
	довеждам	до	vezet valahová
	доверявам	на	bízik valakiben
	докарвам	до	fuvaroz, eljuttat valahová
	докладвам	1 на; 2 за	jelentést tesz valakinek valamiről

	долепвам	до	hozzásimul valakihez
	донасям	до	jelent valakinek
	допирам	до	hozzáér valamihez
	допитвам се	до	fordul valakihez
	допринасям	за	hozzájárul valamihez
	допускам	в	engedélyez, enged valahová
	досещам се	за	eszébe jut valaki
	доставям	на	okoz valakinek
	достигам	до	elér valahová, elér valamit
за			-ért; -ről, -ről; -nak, -nek, számá- ra; -ig; -vá, -vé
	забивам	в	bever valahová
	забравям	за	elfeledkezik valamiről
	завеждам	1 в; 2 на; 3 при	elvisz 1 valahová; 2 valakinek; 3 valakihez
	завиждам	на	irigy valakire; irigyel valamit
	завирам	в	bedug, benyom valahová
	завися	от	függ valakitől
	завличам	1 в; 2 на	elvonszol 1 valahová; 2 valakinek
	завъртявам	с	elfordít valamivel
	заговарям	1 с; 2 за	beszélgetésbe kezd 1 valakivel; 2 valamiről
	задоволявам се	с	megelégszik valamivel
	закарвам	1 в; 2 на; 3 до/при/у	elvisz 1 valahová; 2 valakinek; 3 valakihez
	заменям	с	elcserél valamivel
	замесвам се	в	beavatkozik valamibe
	заминавам	за	elutazik valahová
	занасям	на	elvisz valakinek
	занимавам се	с	foglalkozik valamivel
	запитвам	за	kérdez valamiről
	заплащам	за	kifizet valamit
	запознавам	с	megismerkedik valakivel
	заравам	в	elás valahová
	заразявам	с	megfertőz valamivel
	застъпвам се	за	kiáll valamiért
	затъвам	в	elsüllyed valamibe
	заявявам	1 на; 2 пред	nyilatkozik valakinek 2 valaki előtt
из			-ból, -ből; -on, -en, -ön; -ban,

			-ben, szerte
	изваждам	от	kivesz valahonnan
	извеждам	от	kivezet valahonnan
	извличам	от	elhurcol valahonnan
	издържам	на	elvisel valamit
	излизам	от	kijön valahonnan
	измъквам	от	kihúz valahonnan
	изпадам	в	(helyzetbe) kerül
	изпитвам	по	kikérdez valamiből
	изпращам	на	elküld valakinek
	изскачам	от	kiemelkedik valahonnan
	изучавам	на	kitanít valamire
	изхвърквам	1 от; 2 из	kirepül valahonnan
на			-nak, -nek/ -n, -on, -en, -ön/ -ra, -re/ -ba, be
	навеждам	1 на; 2 към	rávezet valamire
	навиквам	на	rászokik valamire
	навлизам	в	behatol valahová
	навреждам	на	árt valakinek
	назначавам	за	kinevez valamire
	налагам	на	rákényszerít valakire
	намесвам се	в	beleavatkozik valamibe
	наподобявам	на	hasonlít valakire
	напомням	1 за; 2 на	emlékeztet valakire
	направлям	на	megcsinál valakinek
	нарадвам се	на	örül valaminek
	нареждам	на	elrendeli valakinek
	наслаждавам се	на	gyönyörködik valamiben
	насочвам	1 към; 2 в	mutat valami felé
	настанявам	1 в; 2на; 3 у/при	elszállásol 1 valahol; 2 valakinek; 3 valakinél
	настоявам	за	ragaszkodik valamihez
	настройвам	1 против; 2 срещу	hangol valami ellen; valamivel szemben
	натрапвам	на	rákényszerít valakire
	натъквам се	на	fennakad valamin
	научавам	на	megtanít valamire
над			felett; fölé; valamin felül
	надвивам	на	legyőz valamit
	надзъртам	в	betekint valahová

	надниквам	в	betekint valahová
	надсмивам се	над	kinevet valamit
от			-tól, -től; -ról, -ről; -ból, -ből;
	отбягвам	от	elkerül valamit
	отвеждам	1 в; 2 на; 3 до/при/у	elvezet 1 valahová; 2 valaminek; 3 valakihez
	отвиквам	от	elszokik valamitől
	отвърщам	на	visszaad; válaszol valakinek
	отговарям	на	válaszol valakinek
	отдавам се	на	átadja magát valaminek
	отдалечавам се	от	távolodik valamitől
	отделям се	от	elválik valakitől
	отказвам	на	megtagad valakinek
	отказвам се	от	lemond valamiről
	отклонявам	от	letér valahonnan
	отмъщавам	1 на; 2 за	bosszút áll 1 valakin; 2 valamiért
	отнасям се	към	viseltetik valaki iránt
	отнемам	от	megvon valakitől
	отправлям	към	elindít valami felé
	отпускам	на	kiutal valakinek
	отреждам	на	kijelöl valakinek
	отричам се	от	lemond valamiről
	отстоя	от	védelmez valakitől
	отстъпвам	на	átenged valakinek
	отсядам	1 в; 2 у/при	megszáll 1 valahol; 2 valakinél
	отчуждавам се	от	elidegenedik valamitől
	отървавам се	от	megszabadul valamitől
по			-on, -en, -ön; -ra, -re; -kor; -nként; -ul, -ül
	поверявам	на	rábíz valakire
	повлиявам	на	befolyásol valakit
	повярвам	на	hisz valakinek
	поглеждам	към	tekint valami felé
	погрижавам се	за	gondoskodik valakiről
	показвам	на	mutat valakinek
	поканвам	на	meghív valahová
	помислям си	за	gondolkodik valamiről
	помолвам	за	kér valamire
	попадам	1 в; 2 при; 3 на	1 valahová; 2 valakihez jut, ke- rül; rábukkan 3 valamire

	попитам	за	kérdez valamiről
	попречвам	1 за; 2 в; 3 на	akadályoz 1 valamiért; 2 valami- ben; 3 valakinek
	порадвам се	на	örül valaminek
	поръчвам	на	rendel valakinek
	посвещавам	на	ajánl valakinek
	послужвам	за	
	посочвам	на	mutat valakinek
под			alatt; alá; alul
	подготвям	за	előkészít valamire
	поддавам се	на	átadja magát valaminek
	подигравам се	на	gúnyolódik valakin
	подлагам	под	valami alá tesz
	подлежа	на	valami alá tartozik
	поднасям	на	tálal valakinek
	подсецам	за	emlékeztet valamire
	подсказвам	1 за; 2 на	súg 1 valamit; 2 valakinek
	подтиквам	към	ösztönöz valamire
	подхождам	към	illik valamihez
	подчинявам	на	alávet valaminek
	предавам	на	átad valakinek
пред			előtt; elé; elől
	предлагам	на	ajánl valakinek
	предоставям	на	enged valakinek
	предричам	на	jövendöl valakinek
	представям	на	bemutat valakinek
	предупреждавам	за	figyelmeztet valamire
пре-			
	прекарвам	в	eltölt (időt) valahol
	преминавам	през	átmegy valamin
	преподавам	по	oktat valamiből
	препоръчвам	на	ajánl valakinek
	препращам	на	átküld valakinek
	прескачам	1 до; 2 през	átugrik 1 valahová; 2 valamin keresztül
	прехвърлям	на	átdob valakinek; áthárít valakire
при			-nál, -nél; -hoz, -hez, -höz
	приближавам	1 до; 2 към	közelít 1 valamihez; 2 valami felé
	прибягвам	до/към	segítségért fordul valakihez

	привиквам	с/на/към	hozzászokik valamihez
	привличам	към/в	vonz valami felé
	привършвам	с	végez valamivel
	приготвям се	за	készül valamire
	придавам	на	ad, kölcsönöz valakinek
	приказвам	1 за; 2 на	beszél 1 valamiről; 2 valakinek
	приключвам	с	végez valamivel
	примириявам	с	megbékél valamivel
	принадлежа	на	tartozik valamihez
	приобщавам	към	bevon valamibe
	приписвам	на	tulajdonít, ráfog valakire
	припомням	за/на	emlékeztet valakire
	пристъпвам	към/в/на/до	odalép, hozzálép valakihez
	приучвам	на/към	hozzászoktat valamihez
	причислявам	към	hozzásorol, hozzászámol valamihez
про-			
	проверявам	за	ellenőriz valamiért
	произлизам	от	származik valahonnan
	произтичам	от	származik valahonnan
	произхождам	от	származik valahonnan
	прониквам	в	behatol valahová
	противореча	на	ellentmond valakinek
	прочитам	за	átszámol valamiért
раз-			
	разговарям	с	beszélget valakivel
	разграничавам	от	elhatárol valamitől
	раздавам	на	szétoszt valakinek
	разделям	на	feloszt részekre
	разделям се	с	elválni valakitől
	разказвам	1 за; 2 на	mesél 1 valamiről; 2 valakinek
	разкривам	на	felfed valakinek
	разпитвам	за	kérdez valamiről
	разполагам	с	rendelkezik valamivel
	разрешавам	на	engedélyez valakinek
	разчитам	на	számít valakire
с			-val, -vel/ -stul, -stül/ alatt, -n keresztül
	сближавам	с	összehoz valakivel

	свързвам	с	összeköt valamivel
	свършвам	с	végez valamivel
	слизам	от	lejön valahonnan
	смесвам	с	összekever valamivel
	спadam	към	húz valami felé
	споделям	с	megoszt valakivel
	спомагам	на	segít valakinek
	споменавам	1 за; 2 на	említést tesz 1 valakiről; 2 valakinek
	спомням си	за	emlékszik valamire
	считам	за	számít valakire
	съвпадам	с	egyeznek valamivel
	съгласувам	с	összhangba hoz valamivel
	съдействувам	за	támogat, hozzájárul valamihez
	съобразявам се	с	tekintettel van, tartja magát valamihez
	съобщавам	1 за; 2 на	tájékoztat valamiről
	съпоставям	с	egybevet valamivel
	съчетавам	с	összetársít valamivel
	съчувствувам	на	együtt érez, rokonszenvez valakivel
у			-nál, -nél; -hoz, -hez, -höz
	убеждавам	в	meggyőz valamiről
	уведомявам	за	értesít valamiről
	уверявам	в	biztosít valamiben
	узнавам	за	megtud valamit
	употребявам	за	használ valamire
	упреквам	за	szemre hány valamiért
	услужвам	на	szolgálatot tesz valakinek
	устоявам	на	ellenáll valaminek
	участвувам	в	részt vesz valamiben

Felhasznált irodalom

- Brinkmann, Hennig 1962: *Die deutsche Sprache*. Padagogischer Verlag Schwann, Düsseldorf.
- Helbig, Gerhard – Schenkel, Wolfgang 1969: *Wörterbuch zur Walenz und Distribution deutscher Verben*. Bibliographisches Institut, Leipzig.
- Horálek, Karel 1967: *Bevezetés a szláv nyelvtudományba*. Tankönyvkiadó, Budapest.
- Keszler Borbála 2000: A szintagmák. *Magyar grammatika*. Keszler Borbála (Ed.) Nemzeti Tankönyvkiadó, Budapest.
- Tesnière, Lucien 1953: *Esquisse d'une syntaxe structurale*. C. Klincksieck, Paris.
- Vig István 2008: *Horvát nyelvtan*. ELTE BTK Szláv Filológiai Tanszék, Budapest.
- Абрамов 1966: Синтаксические потенции глагола. *Филологические науки* №3.
- Кацнельсон, Соломон Давидович 1948: О грамматической категории. *Вестник Московского университета* №2.
- МВНУ 1999: Бояджиев, Тодор – Куцаров, Иван – Пенчев, Йордан: *Съвременен български език (Mai bolgár nyelv)*. Издателска къща „Петър Берон”, София.
- Попова, Мария 1987: *Кратък валентен речник на глаголите в съвременния български книжовен език*. Издателство на Българската академия на науките, София.

Dziewońska-Kiss Dorota

A NYELVI VILÁGKÉP FOGALMÁNAK SZEREPE
A GLOTTODIDAKTIKÁBAN
(lengyel és magyar nyelvű anyagok alapján)

Abstract: In present article the author emphasizes that in foreign language teaching it is crucial to devote more attention to phraseological units, proverbs, metaphoric and idiomatic colloquial expressions, maxims etc., that are used by language users very often in the everyday communication. According to the author, the reconstruction of the linguistic world view, understanding the hidden meaning of words bring closer the language learner to native speakers of a given language, to the culture and customs of the nation in question, and provides the opportunity for the language learner to understand the system of categorisation of the learned language, its conceptualisation and axiological system.

Keywords: linguistic world view, foreign language teaching (FLT), foreign language learning (FLL), Polish and Hungarian phraseology

Mielőtt rátérnék a budapesti lengyel szakos hallgatók lengyel nyelvtanításának egyes módszertani kérdéseire, röviden bemutatom a lengyel és a magyar nyelv sajátosságait, illetve azokat a különbségeket, amelyek a genetikai és tipológiai eltérésekből adódnak.

A lengyel nyelv az indoeurópai nyelvcsalád szláv ágába tartozik, míg a magyar nyelv az uráli nyelvcsalád finnugor ágába. Az ősszláv nyelv felbomlását követően a lengyel nyelv a nyugati szláv nyelvek csoportjába került, s hasonlóan a legtöbb szláv nyelvhez (a bolgár és a macedón kivételével) flektáló nyelv. A nyelvtipológia szerint a magyar nyelv agglutináló nyelv, tehát a különböző szóalkotási rendszerek, a nyelvtani és lexikális formák eltérő kifejezési módjai, a nyelv minősítési rendszer, valamint a nyelvben tükröződő világkép közötti különbségek több gondot okozhatnak a glottodidaktikai folyamatban.

Köztudott, hogy a nyelv a kommunikáció eszköze, a kultúra tükré, az információk hordozója, a nyelvhasználók élettapasztalatainak és hagyományainak kincsestára. A nyelv az, aminek segítségével a nyelvhasználók kategorizálják, konceptualizálják és minősítik az őket körülvevő valóságot. Egy új nyelv tanulásának kezdetekor tisztában kell lennünk azzal, hogy a helyes nyelvtani szerkezetek képzésének és a konkrét lexikai jelentések megfelelő használatának képessége még nem elegendő ahhoz, hogy megismerjük az adott nyelv beszélőinek mentális világát és kultúráját, kevés ahhoz, hogy lássuk a különbségeket és hasonlóságokat az anya- és az idegen nyelv között, hogy megértsük a metaforákat, kifejezéseket, frazeológiai kapcsos-

latokat, beszédfordulatokat, szállóigéket stb., amelyeket a nyelvhasználók igen gyakran alkalmaznak a hétköznapi beszédben.

Egy konkrét nyelv szókincsében kódolt világkép felfedezése lehetővé teszi a nyelvtanuló, hogy beléphessen egy másik világba, mely számára ezidáig idegen volt. A szavak mögött rejlő jelentések megismerése közelebb hozza a tanulót az adott nyelv beszélőjéhez, az adott nemzet kultúrájához, szokásaihoz, lehetőséget adva arra, hogy ne csupán a saját nyelvi tapasztalatai, illetve a saját anyanyelvében rögzült világkép prizmáján keresztül szemlélje az új tanult valóságot.

Egy új nyelv alapoktól való elsajátításakor fontos, hogy felhívjuk a figyelmet a valóság észlelésének, a jelenségek kategorizálásának és konceptualizálásának különbségeire, illetve az anyanyelv segítségével történő kódolásuk esetén előforduló eltérésekre. Bańczerowski ezt a következőképpen fogalmazza meg: „Az adott nyelv szókincsében, mely tükrözi az ember viszonyát a valóság megfelelő elemeihez, rögzült egyúttal az adott nyelvi-kulturális közösségre jellemző világnézet is” (BAN-CZEROWSKI 2004:1). Ez azért is lényeges, mert a világ nyelvben rögzült képe nem azonos a tudományos világképpel, amellyel általában találkozhatunk a különféle szótárakban, enciklopédiákban, lexikonokban stb. Tokarski *A szókincs, mint a világ értelmezése* c. munkájában azt írja, hogy „A tudományos kép elsősorban a valóságra való hivatkozások által formálódik, vagy legalábbis annak lehető leghűbben történő visszaadására törekszik. A világ köznyelvbe foglalt képe, melyet néha naív vagy hétköznapi képnek is szokás nevezni, a valóság objektív tulajdonságait éppúgy figyelembe veszi, mint az ember gondolkodását és ítéleteit uraló kulturális körülményeket is. A világ tudományok általi megismerése és a belőle eredő tudományos világkép alapvetően közös a különböző nyelveket beszélő emberek számára, a hétköznapi világkép viszont a köznyelvben rögzült és általa kerül rekonstruálásra, s ezért minden nemzeti nyelv csak egy rá jellemző világképpel rendelkezik” (TOKARSKI 2001: 347).

Minden nyelv másképpen ábrázolja az objektív valóságot, tehát a nyelvek és kultúrák összevetésében tekintettel kell lenni az adott nyelvre jellemző specifikus axiológiai, pragmatikai, szemantikai, nyelvtani, modális stb. rendszerre is. Az objektív valóság eltérő konceptualizációja és kategorizálásának különböző módja megadja a nyelv specifikus és a kultúra nemzeti színezetét is.

A jelenségek, a metaforák és a szimbólumok eltérő interpretációja kommunikációs nehézséget okozhat, ezért érdemes a nyelvrakat sokszínűvé és gazdagabbá tenni a tanult nyelv kulturális elemeinek, frazeologizmusainak, metaforáinak, szállóigéinek, köznyelvi fordulatainak, közmondásainak, toponímiai kifejezéseinek és maximáinak fokozatos bevezetésével. Ezekhez a tanulók saját anyanyelvükből ekvivalenseket keresve, össze tudják hasonlítani a két nyelvben rögzült világképet. Ez a megközelítés teszi lehetővé a tanulók számára már a tanulási folyamat kezdetén, hogy összehasonlítsák a „saját” valóságképet az idegennel és így az adott ország kulturális realitáinak világában találhassák magukat. A tanulók bizonyára sok esetben

kénytelenek lesznek a körülírás módszerével élni. A megfelelő anyanyelvi kifejezés hiánya motiváció lehet szókincsük gazdagítására és az aktív órai részvételre. Ennek a tevékenységnek a célja nemcsak a tanuló kommunikációs, hanem szociokulturális kompetenciájának kialakítása is, amely az adott helyzetben, megfelelően alkalmazva, elősegíti a kommunikációs zavarok megelőzését, a beszélő mentalitásának megértését, a párbeszéd egyensúlyának megtartását és a sztereotípiás gondolkodás mellőzését.

A kiegészítő anyagok kiválasztásának feltétele a tanulók képességeinek előzetes ismerete. Alapfokon a tanulók nyelvi kompetenciája meglehetősen korlátozott, ezért a kiegészítő anyagoknak nem szabad bonyolult nyelvtani szerkezeteket vagy nehéz szavakat tartalmaznia, haladó csoportokban azonban a nehézség foka a tanulók tudásához mérten emelhető.

Tény, hogy függetlenül a tanulók nyelvi szintjétől, az új szókincs megismerése nem könnyű feladat, a korábban kívülről megtanult szavak „életben való alkalmazása” nem egyszer viccesen végződik, mivel „a lexikális jelentés síkjára ráakodók az expresszív, morális, esztétikai, ideológiai, pragmatikai, valamint a nyelvtörténeti és kultúrtörténeti tartalom, más szóval a **nemzeti-kulturális komponens**. Olyan lexikáról van szó, amely az adott nyelvközösség kultúrájára nézve specifikus kultúr-mintákkal, szokásokkal, mentalitással, hagyománnyal, folklórral, értékrenddel, a társadalmi és politikai élet struktúrájával stb. kapcsolatos jelenségeket jelöli. Ide tartozik az ún. szocio-kulturális idiomatika, például a frazeologizmusok, közmondások, mondák, aforizmák, szólások, jelszavak, maximák stb. E típusu lexikához fogjuk sorolni azokat a **tulajdonneveket** is, amelyekben a nemzet történelme, kultúrája, valamint az általuk megjelölt denotátum megismételhetetlensége tükröződik. Olyan információkat hordoznak, amelyek az adott nyelv használójában az adott kultúrközösség történelmével összefüggő, meghatározott asszociációkat ébresztenek” (BAŃCZEROWSKI 2008:275).

A nyelvi konnotációk és metaforák megismerésére, illetve összehasonlításra kiváló példák a nemzetiségek és testrészek elnevezéseivel, valamint állatnevekkel vagy színekkel, szabadidős tevékenységekkel, a hallgatók érdeklődési köreivel stb. kapcsolatos témakörök. Érdekes tananyag lehet egy-egy olyan kiválasztott lexikai elem különféle konceptualizációja vagy jellemzése is, mely egy lengyel filmből vagy dalból vált ismertté.

A nyelvtani foglalkozásokat, amelyeken például az eszközhatározó eset kerül tárgyalásra, az új szókincs, a foglalkozások és nemzetiségek neveinek bevezetésén túl, színesebbé lehet tenni a témához kapcsolódó szólások és frazeológiai kapcsolatok „beleszövésével”, mivel ahogy A. Pajdzińska is írja „először is – többeléműk és általában kifejező „külső formájuknak”, metaforikusságuknak vagy metonimikus jellegüknek köszönhetően rendkívül alkalmasak a világ nyelvi képének vizsgálatára; másodsorban – elsősorban a valóság emberrel kapcsolatos elemeit nevezik meg, (...); harmadszor pedig – a nyelv szókincsének legsajátosabb részét alkotják,

így indokoltnak tűnik a feltételezés, hogy erőteljes jellemző erejük van” (PAJDZIN-SKA 2006:157).

A frazeológiai kapcsolatok jelentése alapján hallgatók az anyanyelvükben rögzült világnépek segítségével határozzák meg, jellemzik, hasonlítják össze a különböző nemzetiségek képviselőinek külső és belső tulajdonságait. Olyan vélemények fogalmazódnak meg, melyeknek köszönhetően nemegyszer heves vita alakul ki a tanulók között. Egyesek a *niemiecka solidność, punktualność* (= német alaposság, német pontosság) hívei, mások úgy vélik, hogy a *skapy jak Niemiec* (= fősvény /zsugori/fukar, mint a német) szólás túlzó és nem helyénvaló. Az addig megismert szókinccs és az órán közreadott szótárak segítségével a tanulók megindokolhatják állításaikat olyan szerkezeteket alkotva mint *Uważam, że Pan/Pani nie ma racji. Niemiec nie jest skapy, jest natomiast oszczędny. Moim zdaniem Szkot jest skapy, a Francuz pedantyczny* (sz. Szerintem Önnek nincs igaza. A német nem zsugori, hanem takarékos. Véleményem szerint a skót a zsugori, míg a franciák pedánsak). A lengyel nyelvben a rosszul nevelt, kényeskedő, finnyáskodó ember képe a francia kutya/öleb ‘francuski piesek’ frazeológiai kifejezésben rögzült. A magyar nyelvben azonban a nem jól nevelt személyről, akiből hiányzik a finom modor ironikusan azt mondjuk, hogy *francia nevelést kapott, franciakulccsal nevelték* {otrzymał francuskie wychowanie, wychowany kluczem francuskim}. Az ilyen típusú gyakorlatok segítségével memorizálják a tanulók az új szófordulatokat és kifejezéseket.

További példa lehet az emberek és állatok testrészeivel kapcsolatos szókinccs. A tanulók megadják a tanult testrészek neveit, majd olyan igéket vagy főneveket keresnek, melyek a korábban a táblára felírt emberi és állati testrészek elnevezéseivel kapcsolódnak. Összehasonlítják őket az anyanyelvükben találhatókkal, megvizsgálják a különbségeket és következtetéseket vonnak le. Például a lengyel nyelvben az ember *poszedł/skoczył/sięgnął po rozum do głowy* (sz. az eszéért ment/ugrott/nyúlt a fejébe), a magyar ember viszont *elővette a jobbik eszét* {wyjął lepszy rozum}. Az előbbi, mikor aggódik *zachodzi w głowę* (sz. bejut/bemegy/bejár/eljut a saját fejébe), míg a másik *tõri a fejét* {łamie sobie głowę}. Az okos lengyelnek *ma olej w głowie* (sz. olaj van a fejében) vagy *ma głowę na karku* (sz. a nyakán van a feje), a magyarnak viszont *helyén van az esze* {ma rozum na miejscu}. A fiatal, tapasztalatlan, felelőtlen emberre a lengyelek azt mondják, hogy *ma zielono w głowie* (sz. zöld van a fejében), a magyarok viszont a *zöldfülű* kifejezést használják {ma zielone uszy}. *Korona ci z głowy nie spadnie, jak...* (= *nem esik le a korona fejedről, ha...*) mondják a lengyelek annak, aki nem szívesen áll neki valaminek - általában apróságokról van szó, a magyarok ilyen jellegű rosszallásukat a *nem esik le a gyűrű* (*gyakran aranygyűrű*) *az ujjadról, ha...* {nie spadnie ci pierścionek (często złoty pierścionek) z palca} szólással is fejezik ki.

A lengyel *rzuca na coś okiem* (sz. rádobja a szemét valamire), a magyar pedig *rápillant* {spojrzy na coś przez krótką chwilę}. De ha a magyar valamire *ráveti a szemét* {rzuca na coś okiem}, az azt jelenti, hogy valaki vagy valami nagyon megtet-

szett neki. A kényelmetlen személy a lengyelnek *być komuś solą w oku* (sz. só a szemében/sónak lenni valaki szemében), míg a magyarnak *szálka a szemében* {*być komuś drzazgą w oku*}. A lengyel úgy vigyáz valamire vagy valakire *jak oczka w głowie* (sz. mint a fejben levő szemre) vagy *jak źrenicy oka* (sz. pupillára), a magyar mint a *szeme fényére* {*jak światła w oku*}.

A lengyelnek félelmében *włosy stają dęba* vagy *jeżą się na głowie* (sz. úgy áll a haja, mint a tölgyfa, „sünlik” a fején a haja), a magyarnak pedig *égnek áll a haja* {*włosy stoją do nieba*}, ha a lengyelnek elege van valamiből akkor jelzi, hogy *wychodzi mu to gardłem* (sz. a torkán jön ki), a magyarnak viszont a *könyökén jön ki* {*wychodzi mu to łokciem*}. A magyarnak ha izgul, például egy vizsga előtt *zabszem sem fér el a fenekében* {*nawet płatek owsiany nie zmieści mu się w tyłku*}, a lengyelnek viszont *ma pełne portki* (= *tele van a nadrágja*). Hasonlóan a magyarnak és a lengyelnek is *ma pełne gacie* (= *tele van a gatyája*) ha nagyon fél valamitől.

Az állatnevek és testrészeik nevei mindkét nyelvben egy több doménből álló, széles kognitív bázist képeznek. A frazeológiai kapcsolatok, szólások és közmondások tartalma sok esetben nagyon hasonló. Ez arra emlékeztet, hogy „a világgép egyik legszembeűnőbb alkotó eleme az antropocentrikus világnézet” (TOKARSKI 2001:367).

A világ értékelésének és a szemantikai mező kategorizálásának felfedezése, ebben az esetben az állatnevekkel kapcsolatos mezőé, az új szókincs tanulásán túl, egyben remek játéknak is bizonyul. Első körben a tanulók megvizsgálják, milyen konnotációkat foglalnak magukba az állatnevek, és megállapítják, hogy az állat elnevezése hordoz-e magában pozitív vagy negatív értékelést. Különböző kategóriákat alkotnak, mint pl. az emberi természet, szellemi képességek, érzések, külső megjelenés, egészségi állapot. Például a *tehén – krowa* fogalom mindkét nyelvben expresszív és érzelmi tulajdonságokat visel magán. A lexéma által előhívott belső emberi tulajdonság a *lustaság – lenistwo*, szellemi képesség a *butaság – głupota*, külső tulajdonság a *túlsúly – otyłość*. Ily módon a tanulók „újra” felfedezik ezeket a már létező kapcsolatokat. Végül arra a következtetésre jutnak, hogy mindkét nyelvben a *tehén – krowa* elnevezés negatív kicsengésű és kizárólag nők esetében használatos: *hülye/ostoba tehén – głupia krowa*, *lusta tehén – leniwa krowa*, *kövér tehén – gruba krowa*. A nagyon jó egészségnek örvendő embert a lengyel nyelvben a lóhoz *zdrowy jak koń* (sz. egészséges, mint a ló) vagy a halhoz hasonlítjuk *zdrowy jak ryba* (sz. egészséges, mint a hal), a magyarban ezzel szemben az ilyen ember *egészséges, mint a makk* {*zdrowy jak żołądź*}.

Az állatok testrészeinek neveihez kapcsolódó expresszív tulajdonságok kifejezései a hallgatók körében nagy érdeklődést váltanak ki, annál is inkább, mert a lengyel nyelvben sokkal több van belőlük, mint a magyarban. Vegyük például a *twarz – arc* lexémát. Ennek a testrésznek a kifejezésére az állatoknál a magyarban csak egy elnevezés szerepel, a *pofa*, mindezek mellett a lengyelben több elnevezés létezik: *pysk, morda, ryj, paszcza*.

Nagy népszerűségnek örvend a tanulók körében az ún. szókirakó. Külön kártyákat készítek, melyeken olyan lengyel melléknevek szerepelnek, mint pl. *wierny – hűséges, uparty – makacs, głupi – hülye/buta/ostoba, mądry – okos, leniwy – lusta, głodny – éhes, przebiegły – ravasz, brudny – piszkos, pijany – részeg* stb. és olyan állatok képei, mint *krowa – tehén, świnia – disznó, osioł – szamár, pies – kutya, wilk – farkas, lis – róka, sowa – bagoly* stb. A tanulók feladata összepárosítani a mellékneveket az állatokkal, és olyan típusú állandósult szóláshasonlatokat képezni, mint *wierny jak pies* (= *hű, mint a kutya*), továbbá jellemezni az adott tulajdonságot az ember esetében.

Érdekesek a színek neveit tartalmazó kifejezések is, melyek megfelelőt a tanulók nagy lelkesedéssel keresik anyanyelvükben. A munka során maguk jutnak arra a következtetésre, hogy a szó szerinti fordítás nem minden esetben helyes. Az olyan lengyel szófordulatokat, mint pl. *czzerwony jak burak* (sz. piros, mint a cékla) = *piros, mint a paprika, czerwony jak rak* = *piros, mint a rák, być zielonym* (sz. zöldnek lenni) vagy *nie mieć zielonego, bladego pojęcia* (sz. zöld, sápadt fogalma sincs) = *halvány fogalma sincs* vagy *halvány lila gőze sincs, biały jak mleko* (sz. fehér, mint a tej), *blady, biały jak ściana* = *sápad, fehér, mint a fal, czarny jak węgiel* (sz. fekete, mint a szén) = *fekete, mint a holló* (magyarban *sötét, mint a szén* kifejezést 'buta, primitív emberre' használjuk), *żółć kogoś zalewa* (= *előnti a sárgája 'mérges lesz'*) = *előnti az epe, sinieć ze złości* = *elkékiült a dühtől, niebieski ptak* = *kék madár* a lengyel köznyelvben az 'ingenyélő, nem dolgozó ember' jellemzésére, *a boldogság kék madara* a magyarban a boldogság szimbóluma, *szary człowiek* = *szürke ember, siwa głowa* (sz. szürke fej) = *ősz fej* stb., a tanulók könnyedén megjegyzik és szívesen használják a megfelelő szituációs kontextusokban.

A legtöbb ilyen kifejezésnek az ekvivalense mindkét nyelvben megtalálható, ami jelentősen megkönnyíti a tanulók munkáját. Ha valaki teljesíthetetlen dolgot ígér, akkor a magyar nyelvben az *eget, földet (meg)ígér* {*niebo, ziemię obiecuje*} kifejezést használjuk, a lengyel nyelvben azonban az ilyen irrealitásról azt mondják, hogy *obietcywać złote góry* (sz. arany hegyeket ígér). Ha valaki maga ellen hívja ki a sorsot, vagy azt idő előtt provokálja, akkor a lengyel nyelvben ez a *nie wywołuj wilka z lasu* (sz. ne hívd ki a farkast az erdőből) frazeologizmusban rögzült, a magyar nyelvben pedig ilyen esetben *nem jó az ördögöt a falra festeni, mert megjelenik* {*nie jest dobrze diabła na ścianie malować, bo się zjawi*}.

Nagyobb gondot jelentenek azonban azok a szólások, melyeknek az adott nyelvben nincs megfelelője. Például nehéz pontosan elmagyarázni egy magyarnak, hogy mit jelent a lengyel *niech to/cię gęś kopnie!* (sz. rúgjon meg/beléd a lúd!) kifejezés vagy a lengyel *poszło mu w piętę* (sz. a sarkába ment) 'valaki nagyon megjárta, megleckéztették' szófordulat. Nehézséget jelentenek továbbá az olyan szavak, mint például *bigos* 'lengyel káposztás egytálétel', *kapuśniak* 'lengyel káposztaleves', pierogi 'szláv derelyeszerű étel' stb., melyeknek nincs meg a magyar megfelelőjük, vagy az *elnök* főnév, melynek lengyel fordításai a *przewodniczący, prezes, premier*,

prezydent, kierownik, marszałek (a szemjmben), *naczelnik* és a *tudni* ige, melynek a lengyel nyelvben szintén egynél több megfelelője létezik, és pedig: *umieć, potrafić, znać, wiedzieć, móc* vagy a *nap* főnév – *stońce, doba, dzień*. (BAŃCZEROWSKI 2004:3).

Néhány nyelvórárt érdemes olyan kifejezések megtanítására szánni, amelyeknek azonos a hangalakja, de különböző jelentése van, vagyis az olyan homonimákról van itt szó, mint például *róg –sarok* (utcán) és *róg – szarv* (állaté), *zamek – zár* (az ajtón) és *zamek – vár* (királyi), *piec –kályha* és *piec – süit* (süteményt), *pokój – szoba* (lakásban) és *pokój – béke* (népek között), *państwo – Önök* (illedelmes megszólítás) és *państwo – állam* (ország), *rola – szántóföld* (amit megművelünk) és *rola– szerep* (színész által játszott), *wolny – szabad* és *wolny – lassú*, *zawód – foglalkozás* és *zawód – csalódás* stb. vagy olyan rokon hangzású, de eltérő jelentésű szavakkal, paronimákkal kapcsolatos játékos feladatokkal készülök, mint például *rektor – rektor* és *nyelvtanár, lektor – lektor*, *kod – kód* és *kot – macska*, *adoptować – örökre fogadni* és *adaptować – alkalmazkodni*, *Kasia – Kati* és *kasza – kása*, *flirt – flört* és *filtr –szűrő*.

Nagy érdeklődést váltanak ki a tanulók körében továbbá az olyan szavak, melyeknek hangzása a két nyelvben hasonló, de jelentésük eltérő. Erre példák az olyan lexémák, mint a *kujon*, ami a lengyel nyelvben egy olyan embert jelent, aki a tananyagot annak megértése nélkül magolja, a magyar nyelvben viszont a *kujon* szoknyavadászt, nőcsábászt jelöl. A *komornik* a lengyel nyelvben az adósok tartozásait behajtó állami végrehajtó, a magyarban a *komornyik* azonban inas, lakáj. A *buta* főnév a lengyel nyelvben a túlzott önbecsülést jelenti, a magyarban a *buta* az ostoba szinonimája, a *bili* magyarul ágytálat jelent, míg lengyelül a *bili* a magyar *ver* ige múlt idejű, többes számú, 3. személyű alakja ('verték' vagy 'verték'), a *baba* a magyar nyelvben csecsemőt vagy játékot jelent. Ritkábban jelent még nőt és csajt is, valamint valakinek a szeretőjét is jelentheti. A lengyelben viszont egy nem kedvelt nőt vagy nőies férfit jelent.

Az idegennyelv-tanítás során érdekes jelenségnek bizonyulnak még azok az azonos írásképű, de eltérő jelentésű szavak, homográfok, melyekre a tanulók különösen felfigyelnek. Olyan kifejezésekre gondolok itt, mint pl. a *kos* és *kosz*. A lengyel nyelvben a *kos* (kiejtése megegyezik a magyar *kosz* szóéval) a feketerigó neve, a magyar nyelvben viszont a *kos* a hím juhot jelöli. A *kosz* a lengyel nyelvben (kiejtése megegyezik a magyar *kos* szóéval) kosarat, a magyar nyelvben viszont piszkot jelent.

A tanulók tisztában vannak vele, hogy milyen kellemetlen lehet, ha ezeket a problémás szófordulatokat a beszélgetés során nem megfelelően használják, s ennek tudata elegendő motivációnak és bátorításnak bizonyul az aktív órai részvételhez.

Problémát jelentenek azok a köznyelvi fordulatok vagy szleng kifejezések, melyeket a hallgató lengyelországi tartózkodása idején hallott, az interneten talált vagy lengyel filmekből, zeneszámokból stb. jegyzett meg. Itt olyan kifejezésekre

gondolok, mint *palić trawkę* (sz. füvecskét égetni) = *füvezni* 'marihuánát fogyasztani', *jechać po zioło* (sz. gyógynövényért menni) 'marihuánát vásárolni', *zajarajmy jointa!* (sz. pöffentsünk rá egy jointra!), *isć na browar, isć na bro* (sz. sörgyárba, sörfőzdébe menni) 'sörözni menni', *matpka – kismajom* 'kisüveges vodka' általános neve, *krowa – tehen* a 'nagyüveges vodka' neve, *pies – kutya* 'rendőr', *suka – nőténykutya/szuka* 'rendőrkocsi', *dać plame* (sz. foltot adni) 'kudarcot vallani', *puścić pawia* (sz. elengedni a pávát) – *rókázni* 'hányni' vagy *haftować – himezni* 'hányni', *ale jaja!* (sz. micsoda tojások!) 'nem mindennapi, különleges helyzet', *mucha nie siada* (sz. légy nem száll rá) 'tökéletes, jól meg lett csinálva', *fura, skóra i komóra* (sz. kocsi/verda, bőr és mobil) – egy jó kocsi, egy bőrkabát és egy menő mobiltelefon jelentése 'gazdag vagyok és fontos', 'kemény vagyok', *bułka z mastem* (sz. vajaszemle) = *piskóta* 'pofonegyszerű, jelentése valami nagyon egyszerű', *narobić komus bigosu* (sz. valakinek székelykáposztát csinálni), *narobić kaszany, ale kaszana!* (sz. hurkát csinálni, micsoda hurka!) kalamajkát okozni, micsoda kalamajka! jelentése 'valakit bajba sodorni, felfordulást okozni, kellemetlen helyzetbe hozni valakit'.

Kérdéseik sokszor az olyan személyeket jelölő kifejezésekre irányulnak, mint pl.: *laska – bot* 'szép, csinos lány' vagy *leszcz – dévérkeszeg* 'jóképű, fiatal férfi', *gość, gostek – vendég* 'kolléga, barát', *burak – cékla, répa* 'modortalan ember'. Ehhez a csoporthoz tartoznak továbbá azok az udvariassági formák, melyeket a fiatalok a „nem hivatalos helyzetekben” használnak, *cześć! – szia!* vagy *strzala!* (sz. nyíl!). A magyar fiatalok nyelvében ehhez hasonló „udvariassági forma” a *cső!* {rura!}. Zárójelben megjegyzem, hogy a lengyel nyelvben a *dzień dobry* (= jó reggelt kívánok, jó napot kívánok) hivatalos üdvözlést a napszakoktól függetlenül használnak, a magyar nyelvben azonban annak függvényében, hogy reggel vagy már később van.

Tény, hogy számos, a fiatal korosztály körében használatos frazeologizmus, nevezzük őket 'ifjúsági frazeologizmusoknak' igen erős expresszív színezettel is rendelkezik, pl.: *spadaj wieśniaku* (sz. kopj le vidéki/falusí, kopj le te paraszt/bunkó), *zamknij się! stul pysk!* (sz. csukódj be! dugulj el! fogd be!), ami nagyon gyakran megnehezíti az órai munkát. Megfelelő alkalmazási lehetőség megadása és kevésbé expresszív, (eufemisztikus) megfelelőikkel való helyettesítésük, mint pl.: *idź stąd chłopie* (sz. menj innen paraszt) vagy olyan vulgarizmusoktól mentes kifejezésekkel, mint *proszę odejść* (sz. kérlek, menj el innen), jó alkalom arra, hogy a tanulóknak kialakítsunk egyfajta rugalmasságot az újonnan megismert nyelv használata során, illetve rávilágítsunk a köznyelvi és emelkedett stílus közötti különbségekre.

Egy idegen nyelv tanítása során nagyon fontos felhívni a figyelmet a tulajdonnevekre. Egy magyar számára Grunwald, Częstochowa, Kraków csak olyan földrajzi helyeket fognak jelenteni, ahová érdemes elutazni. Egy lengyel számára ezek a tulajdonnevek nagy történelmi események helyszíneit jelentik. Az asszociációk, konnotációk, a szókincsben rögzült értékek fokozatos megismertetésén és megérté-

sén keresztül a hallgatók nemcsak kulturális tartalmakhoz juthatnak hozzá, hanem behatolhatnak akár a tanult nyelv legtitkosabb bugyraiba is, megismerik annak finomabb árnyalatait, meghallják annak érzelmi és expresszív erejét.

Az általam megadott példák csupán töredékei annak, hogy mennyi lehetőség és mód kínálkozik a lengyel nyelvben rögzült világkép dekódolására. Abból a feltevésből indultam ki, hogy a lengyel nyelvet tanuló magyarok különböző kulturális csoportokból származó lengyel anyanyelvi beszélőkkel kerülnek kapcsolatba, ezért tisztában kell lenniük a lengyelek kulturális sajátosságokkal, azzal, hogy mi kapcsolja össze, érdekli vagy épp megkülönbözteti őket. A tanár feladata tehát a hallgatók számára problematikus kérdések tisztázása és a tanulók felkészítése a hétköznapi életben használt nyelvvvel való találkozásra. A lengyel nyelv gyakorlati szemszögből történő megismertetése a tanulókkal, s vele együtt a lengyel kultúra elemeinek átadása azt a célt szolgálja, hogy megkönnyítse a tanulók számára a megnyilatkozások helyes értelmezését, a célnyelvet beszélők gondolkodásmódjának megértését, illetve a különféle témájú beszélgetésekre való megfelelő nyelvi reagálást. Az állandósult frazeológiai szóláshasonlatok, közmondások, szállóigék illetve autentikus szövegek vizsgálata a nyelvtan megóvjá a tanulókat a nyelvhasználat során adódható „kellemtelen” helyzetektől.

Elizabeta Emberšič Škaper, Ibolya Dončec Merkli

JEZIKOVNE ZNAČILNOSTI GOVORA ODSSELJENIH PORABSKIH
SLOVENCEV

Abstract: In the paper the authors examine the characteristic features of the speech of those Slovene people living in Hungary, who moved to live from the Porabje district to different parts of the country. The study gives a short account of the reasons of moving to other districts and the use of the mother tongue in the new circumstances. Paying special attention to the vocabulary the authors analyse the characteristic features of the speech of those, who have migrated from Porabje on the basis of the TV interviews made for the "Szlovén Magazin" of the Hungarian TV. They compare their use of the language to that of in the Porabje district. As the analysed interviews were made for the TV they show more similarities with the Porabje district language and even with literary Slovenian than the raw materials for the interviews or the informal conversations would show.

Keywords: migration, vocabulary, loanwords, phonetic and morphological characteristics, context:

1 UVOD

1.1 Za slovensko Porabje je bila v preteklosti značilna izrazita delovna migracija sezonskega tipa, ki je zlasti revnejšim slojem omogočala preživetje. Za delom so šli v notranjost Madžarske, nekateri tudi v čezmorske dežele, tako v Kanado v ZDA ipd. Po drugi svetovni vojni so se Porabci selili predvsem v urbana središča Madžarske zaradi gospodarske situacije, tj. nerazvitosti pokrajine v primerjavi z drugimi deli države, nekateri pa so se odpravili čez jugoslovansko in avstrijsko mejo po zatrtju revolucije leta 1956. Odseljevanje iz Porabja zaznamo še danes, ljudje zapuščajo pokrajino predvsem iz ekonomskih razlogov, kajti to območje je še zmeraj tako gospodarsko kot tudi infrastrukturno nerazvito. Mladi se napotijo v večja mesta Madžarske, da bi si našli ustrezno zaposlitev.

Na Madžarskem danes živi - po neuradnih podatkih - okrog pet tisoč Slovencev. Pretežni del Porabcev najdemo v sedmih vaseh v okolici Monoštra, v večjem številu živijo še v Budimpešti, Sombotelu in Mosonmagyaróváru. Poleg navedenih mest pa so razpršeni po vsej državi kot npr. v Sopronu, Köcsku, Kisbéru, Tormásligetu, Bakonyszentlászlóju, Zircu itd. Število odseljencev je neznatno, oni so bili predvsem tisti, ki so - kot sami pravijo - »hodili na repo«. Ti Slovenci so večinoma v 60-70-ih letih prejšnjega stoletja zapustili Porabje.

Selitvene procese porabskih Slovencev v drugi polovici 20. stoletja obravnava Terenska raziskava »*Položaj Slovencev zunaj območja avtohtone poselitve*«, ki je bila

izvedena leta 2002 in 2003. Izvajali so jo na Inštitutu za narodnostna vprašanja v Ljubljani v sodelovanju z Muzejem Savaria v Sombotelu. V študiji, ki je nastala na podlagi omenjene raziskave in predstavlja položaj porabskih Slovencev v Sombotelu, Budimpešti in v Mosonmagyaróváru, deli Katarina Munda Hirnök selitvene vzroke na a) ekonomske, b) politične in c) druge vrste. V zvezi s Slovenci v Mosonmagyaróváru raziskovalka ugotavlja, da so „novodobna skupnost“, ki je nastala zaradi migracijskih procesov v zadnjih treh desetletjih 20. stoletja. Za to skupino je značilno, da so se sprva zaposlovali kot sezonski delavci na državni posesti Lajta-Hanság, čez čas pa so se za stalno naselili v županiji Győr-Moson-Sopron. Za Budimpešto pa navaja, da je pomembno jedro slovenske prisotnosti, kajti tam živeči Slovenci utegnejo zaradi izobrazbene in socialne strukture biti pomembni in vplivni v okviru madžarske družbe. V raziskavo so bili vključeni tudi Slovenci v Sombotelu, ki do leta 1998 niso imeli posebnih stikov med sabo, v središče Železne županije so prihajali posamično.

1. 2 Možnosti ohranjanja slovenskega jezika v madžarskem okolju

Za obstoj in ohranjanje maternega jezika danes obstaja za Slovence v urbanih mestih Madžarske več možnosti. Odseljenci so v omenjenih mestih leta 1998 ustanovili slovenske manjšinske samouprave. Vendar v Budimpešti o organiziranosti Slovencev lahko govorimo že v 80-ih letih 20. stoletja, ko so se znotraj Demokratske zveze južnih Slovanov na Madžarskem srečevali v t.i. Prijateljskem krogu. Po razpadu zveze leta 1990 so Slovenci v glavnem mestu Madžarske še isto leto ustanovili Slovensko društvo. V Sombotelu pa od leta 1999 deluje Slovensko kulturno društvo Avgust Pavel. V okviru društev in samouprav odseljenci ohranjajo in negujejo materni jezik ter porabsko kulturo tudi tako, da na svoje prireditve vabijo kulturne skupine iz rojstnega kraja pa iz matične države oz. se udeležujejo prireditev v Porabju, na ta način vzdržujejo stike tudi z domačim krajem.

Pri ohranjanju narodnostne identitete, jezika in kulture odseljenecv imajo ključno vlogo sodobni narodnostni mediji, kajti ti ponekod pomenijo edini stik z jezikom in tudi z rojstno grudo. V krogu odseljenih porabskih Slovencev predstavljajo slovensko komunikacijsko sredstvo: časopis Porabje, Slovenski koledar, slovenski radio in televizijska oddaja Slovenski utrinki. Značilnost teh medijev je, da pri uporabi jezika dajejo velik poudarek tudi porabščini, in prav ta jezik nas je motiviral, da se lotimo teme zgornjega naslova. Tako bi v sledečem želeli s pomočjo prispevkov oddaje Slovenski utrinki predstaviti govorne značilnosti Slovencev, ki so se v 60-70-ih letih odselili iz Porabja.

Televizijska ekipa MTV je v preteklosti večkrat obiskala porabske Slovence v Budimpešti, Mosonmagyaróváru, Köcsku in pogovor z njimi (v porabščini) objavila v samostojnem prispevku. Pri analizi jezika smo uporabili prispevke, ki so bili pripravljene leta 1995, 1998 in 2001. Izbrali smo pet prispevkov, v katerih nastopajo Porabci s starostno dobo nad 60 let. Intervjuvanci pripovedujejo o svojem ot-

roštvu, vzrokih odseljavanja, svojem življenju, delu itn. Prav zaradi tega se v njihovem govoru oz. jeziku lepo kažejo značilnosti porabščine, le ponekod lahko ugotovimo večja odstopanja od govora v slovenskem Porabju.

Prva generacija odseljencev še danes dobro obvlada svoj materni jezik, kljub temu da živijo v mešanem zakonu, sporazumevanje med družinskimi člani poteka v madžarskem jeziku. Mlajša generacija več ne govori jezika svojih staršev, kajti v popolnoma madžarskem okolju manjkajo ustrezni govorni položaji, kar onemogoča medgeneracijsko kontinuiteto. To, da se je pri prvi generaciji Slovencev do danes ohranila porabščina, je predvsem rezultat tega, da so se v večjem številu naselili na enem prostoru in na začetku bili zaposleni na istem delovnem mestu. Tako so imeli dovolj možnosti pri vsakodnevni komunikaciji uporabljali porabski govor.

Slovenci že več kot tri desetletja živijo oddaljeno od rojstnega kraja, njihov govor se po eni strani bogati z leksiko zbornega jezika, kar je rezultat, da berejo Slovenski koledar in časopis Porabje, poslušajo slovenski radio in spremljajo televizijske oddaje Slovenski utrinki ter imajo čedalje več stikov z matičnim narodom. Po drugi strani pa v svojem govoru pogosto segajo tudi po madžarskih sposojenkah, besedah oz. izrazih madžarskega jezika. Na jezik posameznikov vplivajo ob tem še sorodniške vezi, ki jih imajo bodisi v Sloveniji ali v Porabju.

2 GLASOSLOVNE ZNAČILNOSTI

2.1 Samoglasniški sestav

Odseljeni Slovenci uporabljajo v svojem govoru vse vokale porabščine, tj. razen knjižnih samoglasnikov *i*, *o*, *u*, *e*, *a* se še pojavljata *ü* (*tü*, *blüzi*, *zväna*, *drüga*, *poslüšan* ...) in alofon *ö* iz *u* ali *e*, običajno za *v* in *b* (*vödavan*, *tərbölo/terbölo/tarbölo* ...) ter dvoglasnika *ei/ej* za stalno dolgi jat (*npr.*: *cejlon*, *palejr*, *mlejko*, *lejpi* itn.) in *ou* za dolgi etimološki *o* in za stalno dolgi nosni *o* (*ousmoga*, *tou*, *boukše*, *mogouče*, *prikoulico* ipd.).

Uporaba samoglasniškega *r* ni enotna, izgovarja se na različne načine, in sicer večinoma kot *r* ali *ar* (*najprva*, *vogrski*, *trn*, *od prvoga*, *tarbej*, *tarbelo*, *marlí*, *par*, *dojparštemo*, *partrucaní*), v posameznih besedah tudi kot *ər/er* (*npr.*: *tərbölo/terbölo*, *Kərmedina/Kermedina*).

Vokalna redukcija je dokaj redka, pojavlja se večinoma v soseščini zvočnikov (*trnajsat*, *man*, *majo*, *men*, *enga*, *enma drugma*, *razme*, *razmo*, *ma*, *pozabti*, *kak*, *tak*, *zat*), najpogosteje izginja nenaglašeni *-i*, redko tudi nenaglašeni *o* oz. *u*. Nedoločnik je vedno dolg, zmeraj ga izgovarjajo s končnico *-ti* (*delati*, *ojdti*, *šteti*, *potperati*, *borijti*, *dojdtjati*, *titi* ipd.).

2.2 Soglasniški sistem

V govoru je v soglasniškem sestavu večinoma ohranjen palatalni *nj/ň*: *na ñiví*, *señe*, *ñin*, *ñame*, *ñino*, z *Goreñoga* itd., ponekod pred pavzo je palatalni *nj/ň*

izgubil mehkost in dal trdi *n*: na *Goren Senik*; palatalnost pri *lj* pa se je izgubila: *voló, gorzemle, telko zemle, polskí, živleñe, nadelo* itn.

Končni *-m* se brez izjeme premenjuje z *-n* (z *mašínón, tán, na našón, pótiston, delan, vödavan, man, san, posliüšan, mislín, s Slovenon...*).

Mehkonebni pripornik *h* v posameznih besedah izginja (či, *odo, odijo*), v končnici *-ah* v mestniku množine za vse tri spole pa preide v *-j* (*po gazdašagaj, (f) fabrikaj* itn.).

Zvočnik *j* se izgovarja kot *j* ali *dj*: *rojení, zataji, v djesen, dja*.

Ustnično-zobni *v* se na koncu besede in pred nezvenečimi nezvočniki največkrat premenjuje z nezvenečim *f*: *mlajšof, bratof, pojbof, klasof, f šoulo, fčito, f Pešta, f kamioní, delafce, v Ritkarofci...*, v ali *u* se izgovarja samo izjemoma: *delovnon, domou*.

Zveneči konzonanti se pred pavzo in včasih tudi pred nezvenečimi nezvočniki izgovarjajo nezveneče: *teško, ret, rat, sliš, na zuk, klasof, delafce, potperati* ipd.

3 OBLIKOSLOVNE POSEBNOSTI

3.1 Značilnosti samostalniških besed

Samostalniki so ali moškega ali ženskega ali srednjega spola: *den, žitek, šogor, rán, školnik, Sloven, zidar; sestra, maštrija, sobota, nadela, služba, fabrika, problema, pomouč; delo, mesto, senje, leto, srce, mlejko*. Samostalniki srednjega spola so dobro ohranjeni, feminizacije v ednini ni (*stalno delo, na njeno mesto, teško delo, moje senje, šesdaseto leto...*).

Končnica *-u* se je v dajalniku in mestniku ednine moškega in srednjega spola delabializirala in prešla v *-i* (*u > ü > i; par mlejki, na delovnon mesti, v varaši, na gazdašagi, f Pešti, v Afganistani* itn.);

V mestniku množine vseh spolov je posplošena končnica *-aj* iz 1. ženske sklanjatve: *f fabrikaj, po gazdašagaj...*;

V orodniku ednine 1. ženske sklanjatve je poleg knjižnega obrazila *-o* tudi končnica *-of* (z *Jolíkof, s službof*);

V imenovalniku množine moškega spola je končnica *-ge* za knjižno *-je* ohranjena (*lidge*), uporablja pa se največkrat namesto končnice *-i*: *Slovenge, zidarge, tišlarge, Slovenci* itd.;

Samostalniki moškega spola, katerih osnova se končuje na *-r*, v pregibanju osnove ne podaljšujejo z *-j-*: za *zidara, v magtari, tišlara* itn.

V gradivu se pojavljajoči samostalniški zaimki so: *nikanej, sizamaj, nuganej, fse/se, dja/ge, on/un, uni, müve, mi, men, meni, name, njin, njama, ž njimi, jin, nas, nan...* Pri rabi osebnih zaimkov se poleg naglasnih oblik pojavijo tudi nekatere naslonske oblike: *meni, name, njou, njin - go, jin* itn.

3.2 Značilnosti pridevniških besed

V govoru se večinoma pojavljajo določne pridevniške oblike tudi v položaju nedoločnih lastnostnih pridevnikov, kar pomeni, da pridevniki moškega spola samo deloma kažejo s svojo obliko na določnost oz. nedoločnost: *sakši den, partrucani človek, veuki ran, lejpi slovenski mulatšag...*

Sklanjatev pridevnikov in pridevniških zaimkov ter vrstilnih števnikov za moški in srednji spol je v obravnavanem gradivu le trda (z *Gorenjoga Senika, na Gorenjon Seniki, po cejlon rosagi, na našon krajini, pedasetšestoga i petoga, sedendesetousmoga i davetoga...*).

Za stopnjevanje pridevnikov je v obdelanem gradivu le nekaj primerov, pri teh se primernik tvori z obraziloma *-ši, -ejši*: *lažejši, boukši, vekši* itn.

V gradivu so zastopani tudi pridevniški zaimki, ki se pregibajo po trdi pridevniški sklanjatvi (*na tiston krajini, nikšo moštrijō, taši mot, sakšo drugo soboto, sakši den, moj šogor, na našon krajini, moja mati, svojo moštrijō, svoj žitek, njina či...*), med njimi je največ osebnih svojilnih (*moj šogor, na našon krajini, moja mati, svojo moštrijō, svoj žitek, njina či...*), med katerimi se pojavi tudi skrčena oblika osebnega zaimka: *mo mati*.

Izmed števnih pridevnikov se uporabljajo predvsem glavni oz. vrstilni, ki se tvorijo na podoben način kot v slovenskem knjižnem jeziku in se pregibajo po trdi pridevniški sklanjatvi, npr.: *en, dva, tri, štiri, štirge, pet, dasét, petnajsat, pedaset, osanajset, petdasetpet; prvoga, drugi/drūgi, tretji, ousmoga, šesdasetoga, šesdasetoga i druga, šesdaset i petoga, šesdasetšrtoga, sedendaseto leto, pedasetoga...*

3.3 Posebnosti glagolov

V govoru intervjuvancev se pojavijo skoraj vse glagolske oblike, njihova tvorba in raba je podobna kot v slovenskem knjižnem jeziku (npr.: *mislin, san, pride, gučive, gučimo, demo, majo, počivao; se prišo, sa se bojo, sa gorrasla, je bišo, sta bila, so odišli, so gorraneli, nej smo dobili, smo nej mogli; bi nej znala, bi c(o)maro, bi delali; tarbej znati, sa začno ojtī, so začneli delati, so mogli borijti; sa rojeni* itd.).

Za 3. osebo množine se rabijo tudi kratke oblike polnopomenskih glagolov: *póznao, dojdejeo, počivao, poštüjeo - dajo, odejo, razmejo, navejo*.

Deležnik na *-l (-el, -al, -ěl, -il, -al)* ima za moški spol končaj *-o*, ki se v 1. osebi ednine rabi tudi za ženske govorce: *taišo, gorspiso, dokončo, začno, prao, delo, prišo, gorraso, nütikodo, nütikprišo...*

Posebnost govora je razpad pri zanikanem glagolu: *san nej/se nej odo, smo nej dobili, smo nej delali, so nej mogli, smo nej meli, sa nikanej znao, sa nikanej razmo* itd. Zanikana oblika polnopomenskega glagola pa se v sedanjiku izgovarja kot ena beseda: *navejmo, nagrātamo, navejo, nagučijo, neman* itn.

Glagolski nedoločnik intervjuvanci povsod izgovarjajo s končnico *-ti*: *ojti, dojdjati, šteti, brodeti, titi, potperati, znati, borijti, delati, priti* ... Pojavlja se kot povedkovo določilo ob dobijskih in naklonskih glagolih ter izrazih: *začneli delati, so mogli borijti, tarbelo dojdjati, smo nej mogli delati, tarbej znati, sa začno delati, nej mogouče pozabti* ipd. ... Tudi namenilnik je zastopan z nekaj primeri, ki se uporablja v zvezi z glagoli premikanja: *es prišo delat, ojdla spejvat, prišli so tobo-roznevāt...*

Značilnost glagolov je še, da se ob njih večinoma pojavljajo smerni prislovi kot dobesedni prevodi iz madžarščine oz. nemščine: *taiišo, dojdjati, gorspiso, fküpdružali, vödali, dojpgledali, nütikodo, prišo nütik, dojprišli, nazajvlače, vöprišo, vödavan, gorrasla, gorraneli* itd.

4 ZNAČILNOSTI BESEDIŠČA ODSSELJENIH SLOVENCEV

Slovenci, ki so se preselili v urbana središča Madžarske, živijo v popolnoma madžarskem jezikovnem okolju. Sobivanje Slovencev in Madžarov je le v majhni meri vplivalo na jezik Porabcev. Popolnoma so ohranili besedišče maternega jezika, ki so ga osvojili v otroštvu v rojstnem kraju. To se je izkazalo, ko so pripovedovali o svojem življenju in delu, zlasti o svojih mladostnih letih. (*Ovak sa s Števanovec rojeni, par Gjujzline sa gorrasla, ka nas dosta mlajšof bilau ... Uni so z Gorenjoga Sinika, ge san tö na Gorenjon Seniki šaulo odo... Nauva šaula v Ritkarovce konec bilau...*). Ko pa pripovedujejo o življenju in delu v novem okolju, vgradijo v svoj govor madžarske besede oz. izraze za stvari, ki so povezane z novim okoljem in delom (*v magtare »skladišče za žito«, na marofe »pristava«, na Alami gazdašage »državno posestvo«, toboroznivat po gazdašagaj »zbirati ljudi«, v mošodo »pralnica«, állattenyésztsbe »živinoreja«, fejöházba »molzišče«, szakmunkástanuló »dijak poklicne šole«, moj šogor »svak«, problema, (v) Azsia, Irak, Iran, Kuvajt ...*). Prevzete madžarske besede v svojem govoru uporabljajo na dva načina: po eni strani jih popolnoma prilagodijo slovenskemu jeziku (*prišli so toboroznivat, ojdle so po gazdašagaj, sa v mošodo odo, vanej na marofe, v magtare se delo, problema se začnila, lejpi slovenski mulatšag, smo dobili lakaš, ...*), po drugi strani pa jih v izvorni obliki vključujejo v slovenske stavke oz. povedi (*taši brigádvezető, se prišo nütri állattenyésztsbe, taši fejöházban, tejházas se gé; brodile, vagyis san ge,.....*).

Posebnost govora odseljencev - predvsem pri intervjuvancu iz Ritkarovcev, ki je službeno prepotoval skoraj ves svet - je različna raba zemljepisnih lastnih imen. Nekatera lastna imena uporabljajo s predlogi s slovenskimi končnicami oz. ponekod se rabi tudi slovenska osnova (*v Evropi, s Szarvaskenda, Döbörhegya, v Sárvári, Soproni, v Köcski, v Sombotel, v Nemčiji, poulek Kermedina, (f) Spanyolsko, Rábakethelyi ...*), druga podajajo v izvorni obliki s slovenskimi predlogi (*deset lejt*

sa delo v *Ázsia, Irak, Iran, Kuvajt,*) spet druge pa uporabljajo s tujim lastnim imenom s slovenskimi končnicami (v *Niderlandi, v Scotlandi, v Pesti, v Ausburgi ...*). V leksiki se pojavljajo tudi germanizmi, ki so značilni za porabski govor in so popolnoma prilagojeni slovenskemu jeziku, npr. *gotovi majster bio, v osme klasi, osem klasof konec bio, z mašinon pa táúšo, neman priliko, sa priliko emo, nikšo maštrijo, svojo moštrijo ma, gvant sa prao, rukivo sa, šift gorzeme, sa ge špitale prišo ...*).

Pri nekaterih tematikah opazamo tudi vpliv knjižne slovenščine, ki je lahko posledica bodisi tega, da so o določenih vsebinah brali v časopisu Porabje, slišali po radiu oziroma televiziji, bodisi pa tega, da imajo sorodstvene vezi v Sloveniji, ali pa so jim knjižne oblike ostale v spominu iz šolskih let (*prikoulico tan njau, žico so potegnili pa vse, stalno delo sa doubu, odišla (f) penzijo, potpejrati kak mogouče ge,...*).

Za besedišče so značilni tudi dobesedni prevodi (t.i. kalki) iz madžarščine oz. nemščine, ki se pojavljajo zlasti pri rabi smernih prislovov, npr.: *tújta, tanta, kaulikvrat, tadale, seposedik, san gorraso, so gorratile, vküperprišle, smo vküper zidale, dojdeja, vöprštemo, dojprštemo, vöprišo, nazajvlače, nütikodo, prišo nütik, dojdjati, vküperdržale, vödale...*

5 ZAKLJUČEK

Na podlagi prispevkov je mogoče ugotoviti, da je prva generacija odseljenih Porabcev zelo dobro ohranila svoj materni jezik, zlasti tisti, ki so imeli možnosti vsakodnevne sporazumevanja v slovenskem jeziku. Vendar je obstoj porabščine v urbanih mestih odvisen tudi od narodnosti same, ki želi negovati svojo materinščino zato, da bi ohranila svojo narodnostno identiteto, povezanost z domačim krajem in tudi z matično državo. Pri negovanju in rabi materinščine jim danes nudijo možnosti manjšinske organizacije.

Prispevek je le začetek raziskovanja govora oz. jezika odseljenih Porabcev. V nadaljevanju bi bilo vsekakor koristno analizirati prosti govor odseljenih Slovencev, tako bi bilo mogoče ugotoviti več posebnosti v njihovem govoru, kajti pripravljene prispevke (za spored) so jezikovno "pregledani", izbran je tisti del izjave, ki je vsebinsko in tudi jezikovno najbolj ustrezen za objavo.

Viri in literatura:

- OROŽEN, Martina (1988b). Stari obredni jezik v Prekmurju in Porabju. In: GADÁNYI Károly (szerk.): *Nemzetközi Szlavisztikai Napok III.* Szombathely. 93-106.
- OROŽEN, Martina (1989). Prekmurski knjižni jezik. In: *XXV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture.* Zbornik predavanj. Ljubljana. 37-60.
- SLOVAR SLOVENSKEGA KNJIŽNEGA JEZIKA, I-V.* (1970, 1975, 1979, 1985, 1991). (Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Znanstvenoraziskovalni center SAZU). Ljubljana, Državna založba Slovenije.
- EMBERSICS Erzsébet (2002). Tvorjenke v rokopisu z Gornjega Senika. In: GADÁNYI Károly (szerk.): *Studia Slavica Savariensia 1-2. VII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok.* Szombathely. 174-186.
- EMBERSICS Erzsébet (1999). Pisna raba porabščine ob koncu 19. stoletja na primeru odlomka Sibiline knjige. In: BOKOR József (szerk.): *Az anyanyelv a kétnyelvűségben.* Maribor-Lendva. 106-111.
- TOPORIŠIČ, Jože (2000). *Slovenska slovnica.* Maribor. Založba Obzorja.
- ZORKO, Zinka (1989). Prekmursko narečje v Porabju na Madžarskem. In: *XXV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture.* Zbornik predavanj. Ljubljana. 23-35.
- MUNDA HIRNÖK, Katarina (1997). Sezonsvo. In: *Etnologija Slovencev na Madžarskem 1.* Budimpešta. 19-42.
- MUNDA HIRNÖK, Katalin (2003) Položaj porabskih Slovencev v Budimpešti, Sombotelu in v Mosonmagyaróváru. (Terenska raziskava)
- Prispevki MTV oddaje Slovenski utrinki iz leta: 1995, 1998, 2001.

Фрешли Михай

ПРЕПОДОБНЫЙ СТАЛИН - ВОЗМОЖНА ЛИ КАНОНИЗАЦИЯ?

Abstract: The 20th century is a most interesting period in the History of Russia. Up to the 30-50th years Stalin has created a totalitarian regime in the Soviet Union. Despite of this, in the 21st century some people in Russia are thinking about his canonization. The aim of this paper is to show on the basis of the evidence of some documents if Stalin's canonization is possible or not.

Keywords: Soviet Union, history of Russia, Stalin, totalitarian regime, canonization

Зимой 2008 года предвидением приближающегося конца мира поразили православных жителей России вести о том, что в одном из Санкт-Петербургских храмов появился образ Сталина, и некоторые планируют его канонизацию. Известия о возможном причислении генсека к лику святых вызвало возмущение, и зажег вопрос: явился ли Сталин защитником веры, или наоборот - был адским противником Православной Церкви? Если предполагаем, что он был "защитником", тогда появился ли он защитником Отечества или самой веры? Если исходим из того, что он был сторонником веры - это предположение подтверждается некоторыми архивными документами - тогда был ли он верующим человеком? И эта мысль приводит нас к самому важному вопросу о личности Сталина: генеральный секретарь Советского Союза в действительности явился верующим человеком?

Очевидно, что за нашими вопросами возникают все новые и новые - более возмутительные. В нашей работе мы стараемся подходить к проблеме с разных сторон и ответить на наш главный вопрос: возможно ли канонизация Сталина?

Исходным и ключевым источником нашей работы является статья о появлении образа Сталина в храме:

„Санкт-Петербург, Ноябрь 26 (Новый Регион, Алексей Усов) - В РПЦ все чаще звучат призывы канонизировать Сталина. В епархиях все более популярным становится мнение, что "он был глубоко верующим и праведным человеком", а некоторые священники даже заказывают иконы с изображением одиозного политика. Так, настоятель храма святой княгини Ольги в городе Стрельна Ленинградской области выставил для поклонения икону, на которой в полный рост изображен Иосиф Сталин. По требованию возмущенных прихожан священник перенес образ в другое, менее доступное для глаз место, но из храма не убрал, пишут "Новые Известия".

В храме святой равноапостольной княгини Ольги в Стрельне настоятель игумен Евстафий (Жаков) выставил икону блаженной Матроны Московской. О ее жизни ходит немало легенд. Одна из них гласит, что "матушка Матрона" имела доверительные беседы со Сталиным, а осенью 1941 года приняла у себя его, очень озабоченного положением в Москве, и успокоила, сказав: "Ты один останешься в городе. Всех отправляй, а город не сдавай. И не сдашь". Так вот, именно эта встреча изображена на иконе. Причем Сталин, написанный в полный рост, с большим портретным сходством, выглядит гораздо внушительней "матушки". Прихожане, отказываясь прикладываться к такому святому образу, высказали отцу Евстафию свое недовольство, после чего он перенес икону в нижний придел храма."¹

По другой статье в СМИ узнаем больше о происшедшем:

„По легенде, когда немцы стояли под Москвой и положение на фронте было весьма щекотливым, Сталин пришел к блаженной Матроне Московской за небесной помощью, и Матрона посоветовала ему с иконой на самолете облететь Москву - и враг ее не возьмет. Так все и случилось. Правда история эта появилась много позже окончания войны."²

Кроме этого не бесполезно познакомиться с мнением настоятеля храма:

„Настоятель храма игумен Евстафий (Жаков) в интервью изданию рассказал об идее создания этой иконы. "Вы знаете, у нас в России полководцы часто благословлялись монахами, блаженными, юродивыми. Вот, например, преподобный Сергей Радонежский благословил полководца Дмитрия Донского на битву. И битва была выиграна. То же самое произошло в Москве осенью 41-го года. Блаженная Матрёна приняла у себя очень озабоченного положением в Москве вождя Сталина. И успокоила его, сказала: "Ты один останешься в городе. Всех отправляй, город не сдавай. И не сдашь". В этом нет ничего странного. Святые люди всегда благословляли воинов, вождей. На этом стояла, стоит и будет стоять Россия. Здесь нет никакой выдумки. На этой иконе отражение того святого пути, который прошла Матрёна Московская, в том числе и благословив вождя на победу", – отмечает священник.

На вопрос издания, не был ли Сталин атеистом, ведь он возглавлял атеистическое государство, отец Евстафий сказал: "Мало ли кто что возглавлял. Я больше верю двум Патриархам – Сергию и Алексию I. Они считали

¹ <http://new-region-2.livejournal.com/2008/11/26/> <2010-09-29>

² <http://inkvisitor.blog.ru/82818339.html> <2010-09-29>

*совершенно определёнno: Сталин был верующим человеком. Во всяком случае, я гораздо больше доверяю им, чем всем этим либералам и демократам."*³

По вышесказанному видно, что проблема очень многосторонна, поэтому необходимо уточнить некоторые вопросы: кто является святым по православному вероучению, и как определяется процесс канонизации по Православной Церкви?

К лику святых по постановлениям Православной Церкви причислены угодники, у которых угождение Богу было явлено и спасение обнаружилось, значит они молятся о людях грешных перед Богом.⁴

К канонизацию новомучеников Священный Синод ставит следующие фундаментальные критерии:

- вера Церкви в святость подвижников
- смерть или истязание за веру
- чудотворения, совершаемые по молитвам святого или от мощей его
- святительское служение
- большие заслуги перед Церковью
- добродетельная, священная жизнь, не всегда с чудотворениями
- почитание его народом - иногда при жизни святого.⁵

В конечном счете основными критериями при причислении к лику святых служат праведное житие, народное почитание и чудотворения. По вышесказанному видно, что настоятель храма игумен Евстрафий выводит конкретно три пункта в связи с возможной канонизацией Сталина. Они следующие:

- большие заслуги перед Церковью
- добродетельная, священная жизнь, не всегда с чудотворениями
- почитание его народом - иногда при жизни святого.

Следующим этапом работы мы тщательно посмотрим аргументы игумена с точки зрения исторических источников.

Первым пунктом в аргументации игумена на пользу канонизации Сталина - житие Матроны Московской. О ней мы знаем, что была причислена к лику местночтимых святых Московской епархии 2-ого мая 1999 года. В связи с этим заметим, что Русская Православная Церковь по распространенности

³ <http://rusk.ru/st.php?idar=179276> <2010-09-29>

⁴ <http://mospat.ru/archive/27333.htm> <2010-09-29>

⁵ <http://mospat.ru/archive/27333.htm> <2010-09-29>

их почитания различает местночтимые (значит святые, почитание которых не выходит за пределы данной епархии) и общецерковные (праведники которые почитаются по всей стране) святые. Блаженная Матрона Московская относится к первой группе святых. По ее кончине было составлено житие, на которое конкретно опирается игумен Евстрафий.

В православной литературе встречаются два варианта описания праведной жизни Св. Матроны - первый известен как "*Житие Матроны*", второй как "*Сказание о житии Матушки Матроны*".

Тексты жития и сказания отличаются друг от друга по их содержанию, они добавляют жизнеописание праведной женщины новыми данными. В связи с нашей темой житие описывает события следующим образом:

„Как-то в 1939 или 1940-м году Матрона сказала: "Вот сейчас вы все ругаетесь, делите, а ведь война вот-вот начнется. Конечно, народу много погибнет, но наш русский народ победит". В начале 1941 года двоюродная сестра З. В. Ждановой Ольга Носкова спрашивала у матушки совета, идти ли ей в отпуск (давали путевку, а ей не хотелось ехать отдыхать зимой). Матушка сказала: "Нужно идти в отпуск сейчас, потом долго-долго не будет отпусков. Будет война. Победа будет за нами, Москву враг не тронет, она только немного погорит. Из Москвы уезжать не надо". Когда началась война, матушка просила всех проходящих к ней приносить ивовые ветки. Она их ломала на палочки одинаковой длины, очищала от коры и молилась. Ее ближние вспоминали, что пальцы ее были в ранках. Матрона могла духовно присутствовать в различных местах, для ее духовного пространства не существовало. Она часто говорила, что бывает невидимо на фронтах, помогает нашим воинам. Она передала всем, что в Тулу немцы не войдут. Ее пророчество оправдалось.”⁶

Сказание по рассказам Анны Филипповны дочери Ксении, которая была старостой в Себенской церкви при жизни Блаженной Матроны, дополняет историю новыми элементами:

„Когда немцы приблизились к Москве, вот-вот возьмут, то Сталин готовился к выезду из Москвы. Мой дядя сумел к нему подойти и сказать, что есть такая блаженная мать Матрона, прозорливая, которая может сказать Вам, как поступить: уезжать или нет. И дал адрес. К ней он приехал, она сказала: "РУССКИЙ НАРОД ПОБЕДИТ, ПОБЕДА БУДЕТ ЗА ТОБОЙ. ИЗ НАЧАЛЬСТВА ОДИН ТЫ НЕ ВЫЕДЕШЬ ИЗ МОСКВЫ". Антонина это слышала раньше, но не верила. ...

⁶ Житие Матроны <http://matrono.ru/ziz.html> <2010-09-29>

*Как-то Бакулев рассказал Антонине, что Сталин до последнего не покинул Москву. В это время Бакулев был вместе с ним, главным хирургом г. Москвы - все командование отступления было на Сталине. "Мы со Сталиным И.В. сутками не спали, По сообщению, что немец завтра будет в Москве, мы вечером с семьями отправились на Белорусский вокзал, с которого отправлялось ранее все Правительство, в 21 час. Сели в поезд. Утром видим в окно, что мы на месте, при вокзале. В вагоне был телефон - я первый проснулся, взял трубку, спросил: "В чем дело, почему нас не отправили?" Мне ответили: "Немцы отступили от Москвы". Таким образом подтвердилось и исполнились слова Матушки, что - Сталин один из начальства не выйдет из Москвы."*⁷

Кроме вышесказанного в 2009-ом году вышла в свет новая книга Инессы Серовой, которая поможет осветить тайну о слухах в народе встречи Сталина с Блаженной Матроной. По нашим предположениям эта книга играла важную роль в формировании аргументации игумена Евстрафия. Автор так описывает события:

*„Не могу прокомментировать эти сведения - были они или небыль. Но рассказывают в народе такое. К Матронушке в комнату в Староконюшенном переулке на Арбате приезжал осенью 1942 года сам Сталин. Ему рассказали, что живет в Москве блаженная прозорливица старица Матрона, которая своими молитвами город держит, врагу в него войти не дает. Вот Сталин и пошел испрашивать совета, не сдать ли ему, как Кутузову, Москву. По легенде, Матронушка благословила его собраться с духом и силами. (Так Сергей Радонежский напутствовал Дмитрия Донского перед Куликовской битвой). Она маленьким своим пухлым кулачком постучала вождя всех времен и народов по лбу и сказала: «Москву не сдавай, думай-думай, а как придет Александр Невский, так за собой всех и поведет. Уже недолго ждать. Все наше воинство небесное тебе помогает. Красный петух черного закроет. Помогут тебе рассеять тучи сатанинские». В самом деле, начало контрнаступления на немцев под Москвой выпало на 5-6 декабря 1942 г.: 5 декабря перешел в наступление Калининский фронт, а 6 - Западный и Юго-Западный фронты. А 6 декабря - день памяти святого Александра Невского, о помощи которого говорила Матрона."*⁸

Видно, что предполагаемое посещение Блаженной Матроны Сталиным по автору книги стало неутвержденным, о нем рассказывают только в

⁷ Сказание о житии Матушки Матроны <http://matrono.ru/sk1.html> <2010-09-29>

⁸ Серова, И.: Матрона Московская. Санкт-Петербург 2009. С. 71.

народе. Само событие - хотя некоторые элементы утверждаются рассказами очевидцев в сказании о Матроне - осталось легендой, так и не вошло в житие Блаженной. Таким образом, вызывает сомнений утверждение игумена Евстрафия о предполагаемом личном визите Сталина у Матроны.

Следующим аргументом игумена по поводу канонизации Сталина служит мнение патриарха о генсеке. По историческим данным нам известно, что цитируемая игуменом Евстрафием часть речи патриарха на самом деле прозвучала 9 марта 1953 года перед панихидой по умершему Сталину. Патриарх Алексей утвердил:

„Великого Вождя нашего народа, Иосифа Виссарионовича Сталина, не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная сила, в которой народ наш ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет.

...

Мы же, собравшись для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам. Ни один вопрос, с которым бы мы к нему ни обращались, не был им отвергнут, он удовлетворял все наши просьбы. И много доброго и полезного, благодаря его высокому авторитету, сделано для нашей Церкви нашим Правительством.”⁹

Именно это "благожелательное" и "участливое отношение" к церковным нуждам служит аргументом игумена, когда он говорил о связи Церкви и генсека.

Но какой была эта связь между ними? И почему - на первый взгляд - положительно говорил митрополит Алексей об умершем Сталине?

Историю Русской Православной Церкви в XX-ом веке до смерти Сталина, можно разделить на 3 этапа: предреволюционный и репрессированный период до начала второй мировой войны, период Великой Отечественной Войны, время с конца мировой войны до смерти Сталина.

В конце XIX-ого, начале XX-ого вв. Русская Православная Церковь переживала настоящий кризис. Отношения государства с духовенством, официальное подчинение священников полицейским интересам, сильное вмешательство государственного бюрократического аппарата в церковные дела

⁹ Речь святейшего патриарха московского и всея Руси Алексия перед панихидой по И.В.Сталину, сказанная в патриаршем соборе в день его похорон 9 марта 1953 г. "Журнал Московской Патриархии", 1953, №4 <http://www.evangelie.ru/forum/t22612.html> <2010-09-29>

привели к падению авторитета Священного Синода и самой Церкви. Революционные действия 1905-1907 гг. получили антиклерикальную окраску. Стало однозначным стремление к обновлению, поэтому Священный Синод приступил к реформам церковной жизни: создавались братства, религиозно-нравственные кружки.

В таком состоянии духовенство переживало революционные действия 1917-ого года, к которым члены церковной иерархии по-другому относились: некоторые из них одобрительно встретили революцию, другие видели в ней воплощение земного царства Сатаны.¹⁰

В 1917-18 годах антиклерикальные акции продолжались, гонения на Церковь стали повседневными элементами пролетарской жизни. Самым ярким воплощением этой ситуации является декрет СНК от 20 января 1918 года "Об отделении церкви от государства и школы от церкви".

Приходом Сталина к власти ситуация ухудшалась, годы массового террора 1937 года священнослужители сильно пострадали. О числе жертв террора нет достоверных данных, но о размере специалисты выводят следующие данные:

„Наиболее точным представляются подсчеты Комиссии по реабилитации Московской Патриархии - 350 тыс. репрессированных за веру к 1941 г. (в том числе не менее 140 тыс. священнослужителей). Из них 150 тыс. было арестовано в 1937 г. (80 тыс. расстреляно).”¹¹

По этим данным аргумент игумена Евстрафия о "милосердии" Сталина к Церкви вызывает серьезные сомнения. Но тогда как относимся к речи патриарха Алексия перед панихидой по умершему Сталину?

Ответ на вопрос находим во втором периоде отношения Священного Синода и Сталина. Этот период в самом деле совпадает со временем Великой Отечественной Войны, когда генсек Советского Союза понял важную патристическую роль Православной Церкви. Поэтому в это время антиклерикальная пропаганда прекратилась и из лагерей ГУЛАГ-а освободили десятки священнослужителей.¹²

После войны ситуация смягчалась, под строгим контролем советского государства Русская Православная Церковь продолжал свою деятельность. Так поступил 1953 год, и смертью Сталина все стало относительным и неясным. С одной стороны появилась надежда на временное возрождение церков-

¹⁰ Шкаровский М.В.: Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Москва, 2005. С. 69.

¹¹ там же 93.р.

¹² там же 197.р.

ной жизни, а с другой стороны возникли опасения, что некоторые лица приходя к власти станут новыми противниками духовенства.

При смерти Станила по нашему мнению ситуация была так "туманна" - расправа Хрущева с Берией, неясные результаты наследства -, что митрополит Алексей выбрал "мирный" путь. Поэтому на панихиде по умершему Сталину речь патриарха была - по политическим причинам - добровольна к умершему генсеку, хотя Алексею была знакома кровавая расправа коммунистического вождя. Таким образом, достоверность аргументации игумена Евстафия в связи с отношением Алексея I-ого и Сталина ошибочна и неточна.

Но если мы предполагаем, что Сталин действительно был верующим человеком - ведь по историческим данным он учился в духовной семинарии - тогда это, по всей вероятности отражалось в его поведении и отношениях с близкими ему людьми. Поэтому посмотрим его связь с глубоководящей мамой и его поведение в одном из катастрофических эпизодов семейной жизни - во время самоубийства второй жены Надежды Аллилуевой.

К освещению его связи с матерью достоверных исторических источников мало. Сталин при составлении его "*Краткого жизнеописания*" активно включаясь в работу, сознательно старался "утаить" свое детство и семейные отношения. Поэтому, мы можем опираться только на те малочисленные письма - написанные на грузинском языке -, которые адресованы его матери. Примером приведем следующее письмо, написанное 11 июня 1935 года:

*„Здравствуй, мама — моя!
Знаю, что тебе нездоровится... Не следует бояться болезни, крепись, все проходит.
Направляю к тебе своих детей. Приветствуй их и расцелуй. Хорошие ребята. Если сумею, и я как-нибудь заеду к тебе повидаться.
Я чувствую себя хорошо.
Будь здорова. Целую.
Твой Сосо.”¹³*

Письмо очень коротко и „безлично”. В этом все, дошедшие до нас письма похожи как две капли воды. В них нет никакого указания ни на личную близость сына к матери, ни на веру вообще.

Более интересным кажется поведение генсека в тяжелой жизненной ситуации. О Сталине известно, что он был трижды женат: первая его жена - о ней мы знаем мало - была глубоководящей и умерла рано еще до октябрьской революции.

¹³ <http://stalinism.ru/ZHivoy-Stalin/Pisma-Stalina-materi.html> <2010-09-29>

Вторая его жена Надежда Аллилуева была остроумной, красивой девушкой. О ее загадочном самоубийстве в 1932 году мало конкретных и достоверных источников, и они к тому же, они часто противоречивы.¹⁴ Для нас важно не сам факт и обстоятельства самоубийства Надежды Аллилуевой, а поведение Сталина после смерти жены. Хотя к драматическому результату привел по некоторым источникам бурный спор между супругами, они любили друг друга. По всей вероятности это является истиной, так как по воспоминаниям Светланы Аллилуевой - дочери Сталина - её отец пострадал по смерти любимой жены.¹⁵

По изучению источников и записок современников, мы не нашли никакого замечание или указание на то, что Сталин, в этой горькой ситуации обратился бы к религии. Поэтому нам кажется спорным предположение игумена Евстрафия о вере Сталина в Бога.

Заключением пора подвести итоги. В начале нашей работы мы познакомились с некоторыми статьями, в которых описывалась идея о возможной канонизации бывшего генерального секретаря Советского Союза - Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сторонники идеи - прежде всего игумен Евстрафий - приступили к изображению пролетарского вождя на стенах храма и в иконе, вместе с Блаженной Матроной Московской.

По постановлениям Синодиальной Комиссии по канонизации святых - организованной в 1989 году специально для решения вопросов в связи с канонизацией новомучеников и исповедников - стало ясным, что Русская Православная Церковь подходит к вопросу канонизации по определенным требованиям. По вышеуказанным пунктам, игумен Евстрафий опирался на праведную жизнь Сталина и почитание его народом. В аргументации игумена важную роль играло и отношение митрополита Алексия к Сталину.

В следующий этап нашего исследования посмотрели письменные источники жизнеописания Блаженной Матроны, и выяснилось что из трех „вариантов” жития святой, достоверным является только ее "официальное" житие. "Сказание" о ее добродетельной жизни и книга составленная о святой образе Матроны - дополняют жизнеописание еще не проверенными официально Церковью элементами.

Поэтому один из важнейших аргументов игумена к канонизации Сталина остался легендой. В "официальном" житии Святой Матроны Москов-

¹⁴ Hruscsov, Ny.: Szemben a zsarnokkal. Budapest, 1990. 30.p.; Deutscher, I.: Sztálin. Budapest, 1990. 325.p.; Ormos M. és Krausz T.: Hitler Sztálin. Budapest, 1999. 221.p.; Троцкий, Л.: Сталин. Москва, 1996.; Медведев, Р.: О Сталине и сталинизме. ЗНАМЯ 1989/3. 144-193.

¹⁵ Allilujeva, Sz.: Csak egy nap. In. Sztálin. Magyar Hírlap Könyvek 1988. 49.p.

ской мы не нашли конкретное упоминание о чудотворениях, совершаемых самим Сталиным.

Следующим шагом нашей работы, мы старались узнать правду о предполагаемом хорошем отношении патриарха Алексия с генеральным секретарем Советского Союза.

По изучению специальной литературы нам кажется фундаментально ошибочным предположение игумена Евстафия о "милосердии" Сталина к верующим и священнослужителям. В самом деле, сталинская эпоха была временем массовых гонений и арестов. Цитированный элемент игуменом прозвучал в 1953-ом году, как часть речи патриарха Алексия на панихиде умершего Сталина. Эта речь по нашим предположениям была переполнена положительными элементами только с политической целью.

Продолжая работу, следующим шагом старались решить фундаментальный вопрос канонизации - был ли Сталин верующим человеком?

В ходе работы изучали дошедшие до нас письма Сталина глубоковерующей матери и его поведение в кризисной ситуации - во время самоубийства второй жены Надежды Аллилуевой. По историческим источникам и запискам современников не утверждается мысль о духовной жизни Сталина. Он даже в самые тяжелые моменты своей жизни не обратился ни к вере ни к Богу, поэтому у нас все основания считать аргументацию игумена Евстафия ошибочным. Почитание его народом, о размерах которого источники очень противоречивы, является недостаточным для канонизации.

Заканчивая работу сосредоточим внимание на официальном мнении Священного Синода:

*"Церковь не находит оснований для канонизации лиц, которые на следствии оговорили себя или других, став причиной ареста, страданий или смерти ни в чем не повинных людей, несмотря на то, что они и пострадали."*¹⁶

¹⁶ <http://mospat.ru/archive/27333.htm> <2010-09-29>

А.В. Гостева

БАЛЛАДНАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИРИКЕ Ф. СОЛОГУБА

Abstract: The article is dedicated to the perception of romantic tradition in poetry of Fyodor Sologub. Literary ballad as the most representative genre of romanticism is taken for analysis. The study is focused on some peculiarities of symbolism poetics in Sologub's ballads and on the ways of actualization of romanticism in Modern times.

Keywords: Fyodor Sologub, poetics, symbolism, romanticism, ballad

Говоря о воздействии на поэтическое творчество Ф.Сологуба предшествующих культурных традиций, исследователи выделяют два важнейших направления: народническую и романтическую поэзию. «Наряду с гражданской поэзией Сологуб наследует традицию романтической лирики»¹, – пишет С.Н.Бройтман. Но тем не менее ключевую роль в формировании поэтической индивидуальности Сологуба играет романтизм. «Одним из зачинателей русского неоромантизма»² называет поэта И.Хольтхузен.

В данной статье мы рассмотрим трансформацию романтической баллады в творчестве Ф.Сологуба. В эволюции русского романтизма этот жанр занимает одно из важнейших мест: в балладе в предельно обобщённом, концентрированном виде отразилась романтическая эстетика и философия. Именно с жанром баллады и именем Жуковского связано вхождение романтизма как направления в русскую литературу.

Можно выделить ряд относительно устойчивых признаков баллады как жанра. Свойство баллады с точки зрения поэтики – эпический сюжет. Тематические границы очень широки (от исторических до бытовых повествований), но тем не менее баллада всегда описывает исключительное событие, будь то встреча с потусторонними силами или любовная история со «страстями», где эрос и танатос оказываются сопряжены в одном контексте. По мнению Л.Н. Душиной, «во всех случаях главным импульсом баллады осознаётся стремление ощутить жизнь на ее отлете от обыденного и передать те грани события, которые не ощутишь, пользуясь привычной логикой реально-

¹ Бройтман С.Н. Фёдор Сологуб // Электронная библиотека специальной филологической литературы. – (<http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=169&artID=207>).

² Хольтхузен И. Фёдор Сологуб // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Ж.Нива, И.Сермана, В.Страды и Е.Эткинда. – М.: Изд. группа «Прогресс – “Литера”», 1995. – С.294.

сти»³. В.В. Знаменщиков пишет, что в основе баллады – «опора на изображение "трагического" и "чудесного"»⁴.

Наши задачи – обнаружить пути, по которым шло наследование поэтом романтической балладной традиции, увидеть особенности авторского мировидения, для воплощения которых Сологубу понадобился жанр баллады. Для анализа взяты стихотворения самого продуктивного периода творчества поэта – с середины 1880-х гг. до сборника «Пламенный круг», «центральной стихотворной книги»⁵ Сологуба.

Баллада у Сологуба оказывается – по сравнению с романтическими первоисточниками – значительно изменённой. Классическая романтическая баллада – это целостное, завершённое повествование; у Сологуба же гораздо чаще, нежели законченные сюжеты, встречаются балладные фрагменты, которые раскрывают определённый элемент балладной истории (характеристику демонического персонажа, момент общения с потусторонними силами, судьбу героя и т.д.). Объединение их в единый сюжет оказывается тем не менее вполне правомерным потому, что оно отражает такую особенность символистского текста, как «презумпция равенства любого эпизода целостному сюжету»⁶ (З.Г. Минц). Балладные стихотворения Сологуба образуют, как представляется, три законченных целостных сюжета; каждая из этих сюжетных групп включает несколько десятков стихотворений. Обозначим их как сюжет «Лиха», сюжет «невесты» и сюжет «богини зла».

Сюжет «Лиха» фабульно раскрывается в таких стихотворениях, как ««Родился сын у бедняка», «Лихо», «Прильнул он к решётке железной...», «Я лицо укрыл бы в маске...», «Мелькающие годы...», «Час ночной отраден...», «На нём изношенный кафтан...», «Он шёл путём зелёным...», «В его саду растёт рябина», «Моя печаль в полночной дали...» и т.д. Лирический субъект в сюжете изначально оказывается обречённым на несчастную, «злую» судьбу, его жизнь состоит из страданий и лишений, и прямой причиной этого является действие потусторонних сил. Особую смысловую нагрузку получает «знак судьбы»: это ориентир, по которому судьба/Лихо/«кудесник и маг»⁷[225] находит свою жертву, ни на секунду не давая отклониться от тра-

³ Ср., напр.: Душина Л. Н. Поэтика русской баллады в период становления жанра: автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук. – Л., 1975. – с.5.

⁴ Знаменщиков В.В. К вопросу о жанровых особенностях русской баллады // Вопросы сюжета и композиции. Межвузовский сборник. – Горький, 1980. – С.118.

⁵ Бройтман С.Н. Фёдор Сологуб // Электронная библиотека специальной филологической литературы. – (<http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=169&artID=207>).

⁶ Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. – СПб., Искусство-СПб, 2004. – С. 99.

⁷ Здесь и далее цитируется по: Сологуб Ф. Стихотворения. – СПб., Академический проект, 2000. – 680с.

гического жизненного пути. Причём знак может иметь самые разные воплощения: «слово», «знак тёмный», «рябина горькая».

«Знак судьбы» нередко персонифицируется, замещается персонажем-сопроводителем, – Лихо («Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели, / <...> Лихо за мною идёт неотступною тенью, Лихо уложит меня и в могилу»[112]; «Со мною – безумное Лихо, / И нет от него мне защиты»; «Лихо – мой верный вожатый»[212]), таинственный «он» («На нём изношенный кафтан / И шапка колпаком, / Но весь он зыбкий, как туман, / И нет лица на нём. / <...> Его никак не отогнать, / Ни словом, ни рукой, / Он будет прыгать да плясать / Беззвучно за спиной»[198]), «кудесник и маг» – языческий тотем («Громадный живот, / Искажённое злобой лицо, / Окровавленный рот, / А в носу – золотое кольцо»), который не преследует героя физически, а следит за ним, всё видя со своего «широкого столба» («Я тебя стерегу: / Не уйдёшь от меня: я жесток»[225]).

Сюжет «Лиха» имеет сказочную основу, но в сказке проклятие новорождённому всегда обосновано: родители не оказали должных почестей волшебнице; ребёнку уже дали слишком много благих даров – красоту, ум, таланты и т.п.; сюжет посвящён избавлению от проклятия и восстановлению персонажем своих природных качеств. В балладах Жуковского также присутствует мотивация: несчастье – это наказание («Пустынник», «Ленора»), результат несправедливости и чёрствости ближних («Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Узник»). Но невинные души двенадцати спящих дев Провидение милосердно спасает, погружая несчастных в сон до прихода избавителя. В художественном мире баллад Сологуба подобной благосклонной к человеку силы нет. Над персонажем априори тяготеет злая воля, его судьба определена с рождения и до смерти, непреодолимая и всегда жестокая.

Социальные мотивы, неоднократно отмечавшиеся и современниками, и исследователями Сологуба, реализуются именно в сюжете «Лиха». Так, в стихотворении «Негодование» этот сюжет раскрывается в духе Надсона: «Душою чистой и незлобной / Тебя Создатель наделил, <...> Но каждый день огнём страданья / Тебя венчали ложь и зло, – / В твоей душе негодование, / Как семя в почве, проросло»[101]. «Вот у витрины показной...»[105], «В тени аллея прохлада...»[151] тоже отмечены влиянием поэзии Надсона. Обделённость, нищета, ощущение, что в мире царит несправедливость и неравенство, – всё это разлагает душу, и как у Надсона «умирающий отверженец» погружается в «грязи разврата позор роковой», так страдающие от «голодной нужды» мальчики в стихотворениях Сологуба испытывают «завистливость» и «жадность» (= жажду материальных благ, которых они лишены).

По мнению Ж.Нива, «Сологуб первым после Николая Некрасова вновь ввёл в поэзию странника, скитающегося по бескрайним русским про-

сторам»⁸. Таков лирический субъект сюжета «Лиха» – путник, с тревогой вглядывающийся в своё будущее, пилигрим; у него есть цель («светлая даль», «Ерусалим»), которая, правда, недостижима, но позволяет герою сохранить себя (ср. «Никто не убивал»: «Дорогу к небесам / Он отыскать не мог» – но «умер он, как бог»[260]).

Именно через мечту и стремление к высшему герой сюжета «лиха», несмотря на тяготы своей жизни и отчаяние перед лицом «недоли» (= «зависти»), получает возможность вырваться иногда из тенет действительности. В более ранних стих. это мечта о социальном рае (в «Звёздной дали»: «Где так ярко счастье блещет, / Где могучий не обидит, / Где бессильный не трепещет»[125]). Мечта – это принадлежность ночного времени («чары ночи»), момент созерцания. Лирический субъект сюжета «Лиха» проживает трагическую жизнь в «бессилии» (это главный мотив данного сюжета), но сохраняет свои душевные качества (и умирает, как «бог»).

Сюжет «богини зла» можно описать следующим образом: лирический субъект – баловень судьбы, наделённый разнообразными достоинствами (ср.: «Он песни пел, пленял он дев, / Владел и шпагой и гитарой. / Пройдёт – и затихает гнев / У ведьмы даже самой ярой»[254]) оказывается преследуем «богиней зла», которая, внушив ему любовь к себе, ведёт его к гибели. К этой группе баллад относятся такие стихотворения, как «Каждый день, в час урочный...», «Есть тайна несказанная...», «Кинул землю он родную...», «Вдали, над затравленным зверем...», «Дорогой скучно-длинною...», «На песке прихотливых дорог...», «Он песни пел, пленял он дев...», «От злой работы палачей» и т.д.

Обычно герой этого сюжета показан со стороны, текст строится от третьего лица. Но в стихотворении «Каждый день, в час урочный...» дан монолог персонажа. Характерно, что герой не анализирует свои чувства и поступки (ср. набор глаголов в стихотворении: «прихожу», «гляжу», «ждал», «встретил», «узнал», «не посмел»[127]). Он одержим одним желанием, одной страстью, и лишён способности рассуждать. Ещё один монолог – «Есть тайна несказанная...», который демонстрирует то же сознание «чистого» восприятия и высвечивает внесюжетный компонент рассматриваемой баллады – пейзаж: «немые болота», «камыши», «ирис, влагой сонною / Напоенный»[146].

Модификация сюжета «богини зла» – сюжет о королеве/боярыне/царице и простолюдине («Кинул землю он родную...», «Вдали, над затравленным зверем...»). Любовь первой оказывается для последнего губительной. Вообще, в центре сюжета «богини зла» стоит именно героиня, которая имеет

⁸ Нива Ж. Русский символизм // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Ж.Нива, И.Сермана, В.Страды и Е.Эткинда. – М.: Изд. группа «Прогресс – “Литера”», 1995. – С.77.

признаки «демонической женщины»: «взор её нежен и строг»[158], она стремится ослепить и покорить героя, чтобы подвергнуть его самым тяжким истязаниям («Он песни пел, пленял он дев...»); царица в «От злой работы палачей» собственноручно участвует в жесточайшей, кровавой резне.

Интересно сравнить любовную коллизию в балладе с сюжетом «богини зла» с произведениями Жуковского. На внешнем уровне фабула в «Кинул землю он родную...» отчасти повторяет «Эолову арфу»: запретная любовь, раскрытая тайна, вечная разлука. Но у героев Жуковского – чистота чувств и помыслов, изображённых с тончайшим психологизмом. У Сологуба появляется мотив греха, измены, и на уровне сознания лирического субъекта он не фиксируется.

Финал сюжета «богини зла» подробно раскрывается в балладном фрагменте «На песке прихотливых дорог...»: «Не могу я души оживить / И того, что похищено далью, / Воротить. / Мне об ней ничего не узнать, / Для меня обаяния нет. / Что могу на земле различать? / Только след» [165] (ср. «Он песни пел, пленял он дев...»: «И увлекла в долину бед, / И скрылась на проклятом берегу, / <...> И тает жизнь его, как дым, / В тоске бездейственно-унылой»[254]).

Сюжет «невесты» наиболее сложный и самый «символистский» из всех трёх. Фабульная канва данного типа баллады такова: «мечта порочная» («дева телесная», «жена земная») побуждает героя предать его «невесту», оказаться под властью греха; герой ищет исхода и, не находя, погружается в безумие. В качестве примера назовём несколько стихотворений: «В пути безрадостном, среди немой пустыни...», «Изменил я тебе, неземная...», «Надо мною жестокая твердь...», «Выйди в поле полночное...», «На распутьи злом и диком...», «Окрест – дорог извилистая сеть...», «Оргийное безумие в вине...», «Я сжечь её хотел, колдунью злую...», «В тихий вечер на распутьи двух дорог», «Луны безгрешное сиянье...» и т.д.

Лирический субъект здесь имеет более сложную душевную организацию. В сюжете «богини зла» герой – человек эмпирического мышления, он воспринимает жизнь интуитивно, не обладает высокими духовными и нравственными запросами, лишён рефлексии. Герой сюжета «невесты», напротив, имеет «жажду дел великих», в нём сильно чувство стыда (основная тема этого сюжета – ощущение греховности, потеря нравственных ориентиров, погружение в безумие).

Атрибуты искустельницы, «девы телесной» («мечта порочная», богиня «прекрасная и нагая», «жена земная») – «куренья дымные», «туманная волна», «грешные», «бесстыдные, пахучие» цветы, «благоуханные отравы», «ароматы нежные», «сладкий вечер». Дым и туман – обволакивают, «повивают», мешают ориентироваться в пространстве, лишают, таким образом, сво-

боды движения; эти свойства, вкупе с одурманивающим ароматом, заставляют героя отречься от «невесты».

«Невесту» отличает «холод блаженный» (противопоставленный «земным распалляющим силам»); её поцелуй «бестелесен и тих» («Закрывая глаза, я целую тебя...»). «О, закрой меня ризой небесной / От земных распалляющих сил!»[163] – взывает герой к ней. Покинутая «невеста» оказывается либо «далека» («Далека ты, невеста! На грешной земле / И тоска, и беда разлиты»[143]), либо мертва («невеста в тоске умерла»[145]); без неё лирический субъект остаётся один на один с враждебной вселенной («Луна холодна и бледна, / И край горизонта исчез»[145]). Время от времени возникают лирические обращения к «невесте»-избавительнице («Придѣшь ли ты ко мне, далѣкий, тайный друг?»[188]).

С одной стороны, как точно замечает Ю. Айхенвальд, такому герою «нерадостно в порочности и демонизме, <...> его грех не имеет пафоса»⁹. Но, с другой стороны, именно лирический субъект сюжета «невесты» часто и охотно вступает в общение с потусторонним, демоническим миром. Если героя сюжета «Лиха» судьбоносный персонаж сопровождает до гроба зачастую вопреки его воле, то этот лирический субъект сам стремится контактировать с «нежитью»: «Полночи вещей я жду, чтоб начать снова гадание / И услышать / Злой моей доли вещания» («Келья моя и тесна, и темна...»[195], то же – в «Выйди в поле полночное...», «На распутьи злом и диком...» и т.д.), он заморожен открывшимися ему возможностями «волхвований»: «Он вокруг меня чем-то чертит / На полу чародейный узор, / И куреньем каким-то дымит, / И туманит мой взор. / Опускаю глаза перед ним, / Отдаюсь чародейству и сну, / И тогда различаю сквозь дым / Голубую страну» («Не понять мне, откуда, зачем...»[164]). Отношения с демоническим миром самые разнообразные: от узнавания своей судьбы («Келья моя и тесна, и темна...») до любовной связи («Луны безгрешное сиянье...») и даже борьбы («С врагом сойдясь для боя злого...»).

Такое обилие контактов лирического субъекта с потусторонним миром органично для произведений Сологуба: у символистов «сама жизнь чело века связана <...> с магической силой заклинаний, фольклорных стихов, легенд»¹⁰. И вместе с тем не случайно магия включена в текст баллады: несомненно связь автора с романтической традицией. Р.В. Иезуитова пишет: романтическая баллада «всей внутренней структурой и всей системой изобразительных средств обращена в сферу исключительного, таинственного, стихий-

⁹ Айхенвальд Ю. Фёдор Сологуб / Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей: Т.2. – М.: ТЕРРА, 1998. – С.77.

¹⁰ Нива Ж. Русский символизм / Ж. Нива // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Ж.Нива, И.Сермана, В.Страды и Е.Эткинда. – М.: Изд. группа «Прогресс – “Литера”», 1995. – С.93.

ного»¹¹. Установление и поддержание отношений с нечеловеческим миром в балладах Жуковского разработано очень подробно: это и любовные отношения с призраком в «Адельстане», «Леноре», «Замке Смальгольм»; договор с нечистым в «Балладе, в которой описывается...», «Двенадцати спящих девах»; и др.). У Жуковского вторжение одного мира в другой – исходная точка балладного конфликта; обязательно присутствует мотивация (узнавание судьбы, совершение греха и др.) У Сологуба, напротив, естественное состояние действительности – смешение человеческого мира и мира «таинственных сил»; они сосуществуют в одной плоскости, часто вступают в хаотичные отношения, причём мир человека более дисгармоничен и неупорядочен, человек в нём абсолютно незащищён, а демоническому миру свойственна стихийность, сопродность, он самодостаточен.

«Волхования» порой делают лирического субъекта всемогущим теургом. Это обнаруживается в стих. «На меня ползли туманы...», которое является, как пишет З.Г. Минц, «символизированным фольклорным сюжетом “расколдовывания” Спящей Царевны, заколдованной силами зла»¹². Волшебная природа этого «расколдовывания» обнаруживается в двух семиотизированных действиях («таинственное слово / Начертал я на земле», «поцелуем разбудил»[180] – т.е. совершил символический акт передачи витальной силы).

«Рискованная игра со злыми духами»¹³ (И.Хольтхузен) захватывает героя, становится смыслом его существования: «Только здесь лишь, за чертою, / Мне, усталому, и жить». Эта жизнь, в которой есть надежда на продолжение «волхваний», оказывается главной ценностью¹⁴. Но «чародейства» и постоянные сношения с потусторонним миром не проходят для лирического субъекта даром: он неуклонно движется к драматическому финалу («чуешь ты таинственную связь / С твоей душой губительного дела»[268]). Его терзает страх, «больная тоска», галлюцинации («Полуночною порою...»: «Отчего она [дверь], шатаясь, / Чуть заметно открываясь, / Заскрипела на петлях? / Дверь моя, не открывайся! / Внешний холод, не врывайся! / Нестерпим мне

¹¹ Иезуитова Р.В. Баллада в эпоху романтизма / Р.В.Иезуитова //Русский романтизм. - Л.,1978. - С.156.

¹² Минц З.Г. Граф Генрих фон Оттергейм и «московский ренессанс» / З.Г.Минц. Поэтика русского символизма. – СПб., Искусство-СПб, 2004. – С. 254.

¹³ Хольтхузен И. Фёдор Сологуб / И. Хольтхузен // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Ж.Нива, И.Сермана, В.Страды и Е.Эткинда. – М.: Изд. группа «Прогресс – “Литера”», 1995. – С.296.

¹⁴ Так в стих. «В тихий вечер на распутье двух дорог...» герой просит у ведьмы талисман жизни: «Только жить, всё жить ты будешь без конца» [275]; в «Когда я в бурном море плавал...» – взывает к дьяволу: «Не дай погибнуть раньше срока / Душе озлобленной моей»[278].

этот страх»[190]). Параллель с балладами Жуковского вполне отчётлива: контакт с потусторонним миром, особенно преднамеренный, жестоко карается («Двенадцать спящих дев», «Ленора» и т.д.). Кара есть и для героя Сологуба, но приходит она не извне (как, например, дьявол в «Балладе, в которой описывается...», река в «Варвике»), а из глубин сознания.

Тема безумия явственно обнаруживается в стихотворении «Вереницы мечтаний порочных...». Мотив греха, порочности: «обнажённые пляшут блудницы», «с несказанным бесстыдством во взгляде / <...> Скоморох в лоскуточном наряде», «безобразные лешие лают / <...> И блудниц опьянелых ласкают». Возникают «исхудалые узники» – но и они беснуются («Колотятся в дверь головою, / И визжат, и хохочут, и плачут»[221]). И вместе с тем герой не в силах отказаться от «волхвований». Жизнь лишается всякой прелести, когда в нём нет грозного, но творческого и поднимающего над обыденностью начала. Мир, в котором нет волшебных сил, оказывается словно бы неодушевлённым, не имеющим высшего смысла без «познания кудес» и «видения вдаль»[253] («Окрест – дорог извилистая сеть...»).

Очевидно, что жанр баллады оказывается в творчестве Сологуба особенно продуктивным, и это вполне объяснимо. Баллада обращается к экзистенциально отмеченным ситуациям, одна из фокусных точек которых – страшное; такой выбор сюжетов напрямую соотносится с мировидением Сологуба, который, по мысли его современника, критика А.Г. Горнфельда, находил в жизни только «страдание, безумие и жестокость»¹⁵. Предлагая в своих «квазибалладных» стихотворениях три сценария человеческой судьбы, Сологуб как будто задается целью продемонстрировать, что все они ведут к одному, неблагоприятному для человека концу. Типичное для хода событий в балладе «аннулирование времени», когда время между началом и завершением сюжета, «каким бы насыщенным оно ни было, ничего изменить не может»¹⁶, Сологуб распространяет на человеческое бытие вообще, причем речь идет только об одном возможном в балладе варианте этого. Чудо преображения и спасения – вторая из фокусных точек баллады – при таком отрицании временем самого себя для человека не предусматривается.

¹⁵ Горнфельд А.Г. О Федоре Сологубе // Электронная библиотека специальной филологической литературы. – (<http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=435>).

¹⁶ Фаустов А.А. След В.А.Жуковского в творчестве А.И. Введенского: несколько наблюдений // Жуковский и время: сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 197.

Robert Hajszan

MAĐARSKE POSUĐENICE U GRADIŠĆANSKO-HRVATSKOM JEZIKU
I U GOVORIMA JUŽNOG GRADIŠĆA¹

Abstract: The Old Hungarian-East Slavic contacts might have begun already at that time, one of the important Hungary tasks in identifying early Slavic borrowings in Hungarian is to determine whether some of the words in question might have been borrowed at this period in the area of modern Ukraine. The Magyars remained there until 894-896 AD. On their further movement to the West, they might also have met such Turkic peoples as the forefathers of the later Székely in Transylvania. The most intensive contacts with Slavs began at the time of their arrival into the historical Hungary.

Keywords: Intensive contacts, Hungarian loanwords, Croatians of Burgenland, Morphological Calque, Direct Loans

S dolaskom Mađara u panonsku regiju krajem 9. stoljeća djelomično je raspoređena, a djelomično asimilirana potlačena populacija koja se u prvom redu sastala od Slavena; slijedila je jezična interakcija između Mađara i Slavena s tim da je velik broj slavenskih posuđenica ulazio u mađarski leksik.

I Gradišćanski Hrvati koji su u 16. stoljeću naselili dijelove zapadne Mađarske sudjelovali su na gore spomenutoj jezičnoj interakciji i preuzimali riječi i pojmove od mađarskih susjeda.

Kod tog procesa prodiranja mađarskih leksema u gradišćansko-hrvatski jezik moramo se obazirati na sljedeće:

1) Treba utvrditi najranije slojeve mađarskih posuđenica u gradišćansko-hrvatskom jeziku, što znači da moramo računati time da su već u 16. stoljeću prodirali mađarski izrazi u gradišćansko-hrvatski jezik.

2) Treba ispitivati stanje mađarske i gradišćansko-hrvatske fonologije. Što se tiče stanja mađarske fonologije za vrijeme prodiranja ranih slavenskih posuđenica u mađarski leksik potrebne su bile neke fonološke promjene radi usklađivanja s mađarskim fonološkim normama. Ista će biti stvar i u našem slučaju. I u gradišćansko-hrvatski jezik nisu mogle bez daljnjega prodirati posuđenice bez nekih fonoloških promjena iako je riječ o minimalnim. Npr.

¹ Na osnovi studije: Ronald Richards, *The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian*, Los Angeles, 2003

agriš – **egres** – Stachelbeere; Veraszto – Čemba; *egriš/ogrozl* (gradišćansko-hrvatski rječnik)
 ajma – **hajma** – Zwiebel; Klaić
 áldov – **áldozat** – Opfer; (rječnik)
 alom – **állam** – Staat; Veraszto – Čemba
 árvačka – **árvácska** – Stiefmütterchen; Tornow – Vlasi [kod Vlaha = Hrvatski Cikljin/Spitzzicken]
 bàgoš – **bagó** – Kautabak, Pfeifensaft; Tornow – Vlasi
 baka – **bak** – Bock (jarac); Veraszto – Čemba
 bakânč – **bakancs** – Schnürschuh, Schnürstiefel; Veraszto – Čemba (rječnik); i Heanci koriste!
 bānda – **banda** – Bande; rječnik
 bàri – **bari** – kleines Schaf; Tornow – Vlasi
 bárna – **barna** – dunkles Pferd; Tornow – Vlasi
 baršun – **bársony** – Samt; cijelo Gradišće
 bàukar/bàukor – **bogár** – Käfer; Pinkovac
 beruš/bieruš – **béres** – Gutsarbeiter, Veraszto – Čemba
 bika – **bika** – Stier; cijelo Gradišće
 bikabònar – **bikarbóna** – Kipferl; Tornow – Vlasi
 bòbica – **baba** – Puppe; Pinkovac
 – **bohóc** – Clown
 boktar – **bakter** – Wächter; Veraszto – Čemba
 bòlta – **bolt** – Kaufhaus, Laden; Štoji
 bolta/buolta – **boltozat** – Gewölbe; Veraszto – Čemba
 bòljta – **bolt** – Laden; Tornow – Vlasi
 boljtáš – **boltos** – Kaufmann; Tornow – Vlasi
 bòljtica – **bolt** – Kramladen; Tornow – Vlasi
 bônjor – **bongyor** (lockig!) – schwarzes Schwein; Tornow – Vlasi
 bosorka – **boszorkány** – Hexe; Mraz-Reumann – Filež (Nikitsch)
 bùborka – **uborka** – Gurke; rječnik
 bùbrka – **uborka** – Gurke; Pinkovac
 bûnda – **bunda** – Fell; cijelo Gradišće
 bùrdahaz – **bordélyház** – Bordell; Tornow – Vlasi
 butom – **buta** – dumm/Dummkopf; Pinkovac
 bùznav – **buzd** – gierig; Tornow – Vlasi (Podgorje)
 cidrus – **cédrus** – Zeder; Veraszto – Čemba
 cimitor/cintor – **cinterem** – Friedhof; rječnik
 cìpov – **cipó** – Laib (Brot), Wecken (Brot); Tornow – Vlasi
 cìpovac – **cipó** – kleiner Wecken; Tornow – Vlasi
 citra – **citera** – Zither; Pinkovac i ostalo Gradišće
 còndra – **madarski** – Fetzen; Tornow – Vlasi (Stari Hodas)
 còprnica – **madarski?** – Zauberin, Hexe; Tornow – Vlasi
 cuce papre – **cucc** /*Klamotten, Binkel*/ – das Kind auf dem Rücken tragen; Pinkovac
 cùkroška – **cukros** – Zucker-, Zuckerrübe; rječnik
 čáka – **csáklya** – Spitzhacke; Tornow – Vlasi [kod Vlaha] (Stari Hodas)
 čáka – **csákó** – Feuerwehrhelm (Spitzzicken)
 čapaš – **csapás** – Spur; Veraszto – Čemba
 čárda – **csárda** – Tscharda; rječnik
 čebugar – **cserebogár** – Maikäfer; Veraszto – Čemba
 čemernjāk – **csömör** – Überdruss, Völle, Ekel, Kater; rječnik
 čiga – **csiga** – Rolle, Flasche, Winde; Veraszto – Čemba
 čipka – **csipke** – Spitze; rječnik
 čirip – **csiripel** (zwitchern) – Sperling; Tornow – Vlasi (Allersgraben/Širokani)

čmar/čmor (Stinjaki) – **csömör** – Bauch; Pinkovac (rječnik)
čoka/čuoka – **csóka** – Dohle; Veraszto – Čemba
čonka – **csonka** – Stock; Veraszto – Čemba
čopor – **csoport** – Gruppe, Schar; Veraszto – Čemba
čòpor (Herde; Kreis) – **csoport** (Gruppe); Tornow – Vlasi
čukuládi – **csokoládé** – Schokolade; Tornow – Vlasi
čúnta – **mađarski?** – Ausbuchtung am Brotlaib; Schwellung; Tornow – Vlasi
čúntav – **mađarski?** – mit Beulen versehen; Tornow – Vlasi
čútká (entkörnter Maiskolben) – **csutka** (Butzen/Grieben, Kolben, Kamm; Stummel); Tornow – Vlasi
čútor – **mađarski?** – Feldflasche; Tornow – Vlasi
dahojtne – **dehogy(is)nem** – und ob, freilich; doch, gewiß; Pinkovac
doroncija/durancija – **duránci** – Pfirsich, Härtling; Tornow – Vlasi; Veraszto – Čemba
duda – **duda** – Rinne; Dudelsack; Veraszto – Čemba
džundže – **gyöngy** – Perle; Veraszto – Čemba (rječnik – *djundja*)
ègrešedlin – **egres** – Stachelbeere; Tornow – Vlasi
fáčok – **fattyú** – uneheliches Kind; Tornow – Vlasi
fáčuk – **fattyú** – uneheliches Kind; Mraz-Reumann – Filež (Nikitsch)
fájta – **fajta** – Art; Rasse, Schlag; Veraszto – Čemba, ali i ostalo Gradišće
faláčac – **falat** – Stückchen; Tornow – Vlasi
fálat – **falat** – der Bissen; das Stück; Veraszto – Čemba, ali i ostalo Gradišće
faláac – **falat** – Stück; Tornow – Vlasi
fánjak (in Milch gekochter Strudel) – **fánk** (Krapfen); Tornow – Vlasi
farizeuš – **farizeus** – Pharisäer; Veraszto – Čemba
féla/fila (Pinkovac) – **féle** – Sorte; Tornow – Vlasi (rječnik)
fešteč (Buntstift) – **festék** (Farbe); Mraz-Reumann – Filež (Nikitsch)
fickôš/fickuoš – **fickó** – Kerl; Veraszto – Čemba
figa – **füge** – Feige; rječnik
filír – **fillér** – Heller; Tornow – Vlasi (rječnik)
finjoš – **finnyás** – heikel, der Heikle; Veraszto – Čemba
fiškár – **fiskális** – Rechtsanwalt, Advokat; Tornow – Vlasi; fiškál (rječnik)
fiškarija – **fiskális** – Anwaltsbüro; Tornow – Vlasi
fodre – **fodros** (Rock mit Rüsche) – Bordüre; Veraszto – Čemba
fögav – **fog** – mit vorstehenden Zähnen; Tornow – Vlasi (Podgorje)
foringâš – **mađarski** – Fuhrmann; Tornow – Vlasi
f(o)rtálj (*num.*) – **fertály** – Viertel; Tornow – Vlasi (Stari Hodas)
galiba – **galiba** – Schererei; Pinkovac (rječnik)
gàzda – **gazda** – Hausherr; rječnik
gàzdarica – **gazda** – Hausfrau; rječnik
gàzdin – **gazda** – Herren-; Tornow – Vlasi
gembec – **gömböc** – Presswurst; Veraszto – Čemba
gingav – **gyenge** – schwach; Veraszto – Čemba (rječnik)
gobònac – **gombóc** – Knödel, Kloß/Kloss; Tornow – Vlasi
gobónčič – **gombóc** – Knödelchen, Klößchen; Tornow – Vlasi
gola – **gólya** – Storch; rječnik
gólja – **gólya** – Storch; Tornow – Vlasi (Bandol)
gombica – **gomb** – Knopf; Veraszto – Čemba
gombošnjica – **gombostú** – Broche, Sicherheitsnadel, Stecknadel; Veraszto – Čemba
gròf – **gróf** – Graf; rječnik
gròfica – **gróf** – Gräfin; rječnik

grofovija – **gróf** – Grafschaft; rječnik
 grofovski – **gróf** – gräfllich; rječnik
 guláš – **gulyás** – Gulaschsuppe; rječnik
 gumba – **gomb** – großer Knopf; Tornow – Vlasi
 gumbica – **gomb** – Knopf; Pinkovac (rječnik)
 gùmbošnica – **gombos** – Anstecknadel, Brosche; Tornow – Vlasi; *gumbašnjica* – rječnik
 gùmbošničin – **gombos** – Stecknadel; Tornow – Vlasi
 gunjâr – **gúnár** – Gänserich; Tornow – Vlasi
 hãdnjak – **hadnagy** – Raufbold; Tornow – Vlasi
 hajšõv – **ásó** – Spaten; Tornow – Vlasi
 hãm – **hám** – Pferdegeschirr; Pinkovac (rječnik)
 hamíč – ? – Hosenträger; Tornow – Vlasi
 hàmišak (Pinkovac: hinterlistig, schelmisch) – **hamis** – falsch, betrügerisch; *hamišan* – rječnik
 hamišija – **hamisítás** – Arglist; (rječnik)
 hamišnjãčica – **hamisító** – Neiderin; Tornow – Vlasi
 hamišnják – **hamisító** – Betrüger; (rječnik)
 harkuš – **árkus** – Bogen (Papier); Veraszto – Čemba; *harak* – rječnik
 harmonika – **harmonika** – Ziehharmonika, Akkordeon; (rječnik)
 hàsan – **haszon** – Nutzen; Pinkovac (rječnik)
 hašnoj – **ásó** – Spaten; Veraszto – Čemba
 hatâr (Gemeindeflur, Hotter; Grenze) – **határ** (Grenze); (rječnik)
 hegede – **hegedű** – Geige; Veraszto – Čemba
 hitvân – **hitvány** – niederträchtig, gemein; Pinkovac
 hòjne (*adverb*) – **hogyne** – freilich; Tornow – Vlasi
 hòmok – **homok** – feiner Sand; Veraszto – Čemba
 hrdõv – **hordó** – Fass; Pinkovac (rječnik)
 hrdóvič – **hordó** – Fässchen; Pinkovac
 huzõš – **húzás** – Draufgänger; Tornow – Vlasi
 ìbolja – **ibolya** – Veilchen; Veraszto – Čemba
 iliš – **élés** – Speise; Veraszto – Čemba
 írka – **irka** – Schreibheft; Tornow – Vlasi
 irkotorto – **irattartó** – Mappe; Mraz-Reumann – Filež (Nikitsch)
 japa – **apa** – Vater; Veraszto – Čemba (rječnik)
 jarak – **árok** – Graben; MEL: ótörök eredetű (starotursko podrijetlo); (rječnik)
 javor – **jávorfa** – Ahorn; Veraszto – Čemba, ali i ostalo Gradišće
 jezërka – **ezer** – Tausendschillingschein; Tornow – Vlasi
 jèzero – **ezer** – tausend; (rječnik)
 jezèrti – **ezer** – der Tausendste; Tornow – Vlasi
 jorgovan – **orgona** – Flieder; rječnik
 jûnje – **gyöngy** – Perle; Tornow – Vlasi
 kalarâbi – **kalarábé** – Kohlrabi; Tornow – Vlasi
 kalarâbijovi – **kalarábé** – Kohlrabi- ; Tornow – Vlasi
 kanâs – **kanász** – Schweinehirt; Tornow – Vlasi
 kapénak – **köpönyeg** – Hirtenmantel; Tornow – Vlasi (Podgorje)
 kapõv – **kópó/kópé** – Schelm; Tornow – Vlasi
 kaptâr – **kaptár** – Bienenstock; Tornow – Vlasi
 kâr (*adverb*) – **akár** – irgend, auch immer; Tornow – Vlasi
 karîka (Kettenglied) – **karika** (Ring, Reifen); Tornow – Vlasi (Stari Hodas); rječnik
 kartiz – **kertéz** – Gärtner; Veraszto – Čemba
 katàna – **katona** – Soldat; rječnik

katânski – **katona** – Soldaten-; Tornow – Vlasi (Marof/Mönchmeierhof)
katânstvo – **katona** – Militärdienst; Tornow – Vlasi
katekizmuš – **mađarski** – Katechismus; Tornow – Vlasi
kečka – **kecske** – Ziege; Veraszto – Čemba
kèfa – **kefe** – Bürste; rječnik
kèfica – **kefe** – Bürstchen; rječnik
kíp – **kép** – Bild; rječnik
kípac – **kép** – Foto; Tornow – Vlasi
kipčâc – **kép** – Andachtsbild; Tornow – Vlasi
kipîc – **kép** – Andachtsbild; Tornow – Vlasi (rječnik)
kôfa – **kofa** – Marktweib, Hökerin; Tornow – Vlasi; Veraszto – Čemba
kopča – **kopocs** – Spange; rječnik
korčule – **korcsolya** – Schlittschuhe; Veraszto – Čemba i srednje Gradišće
kormanj – **kormány** – Lenkrad, Steuer; Veraszto – Čemba
korporec – **karperec** – Armband; Veraszto – Čemba
kôruški – **kórus** – Chor-; Tornow – Vlasi
kota – **kóta** – Note (Musik); Veraszto – Čemba
Kristušev – **Krisztus** – Christi; rječnik
kùkorica – **kukorica** – Mais; rječnik
kùkoričin – **kukorica** – Mais-; Tornow – Vlasi (Širokani, Stari Hodas); *kukorični* (rječnik)
kùkorišće – **kukorica** – Maisfeld; Tornow – Vlasi
làbda – **labda** – Ball; rječnik; MEL: szláv eredetű (slavensko podrijetlo) – lopta!
labuš – **lábás** – Kasserolle, flacher Kochtopf, die Rein; Veraszto – Čemba
labuš – **lábás** – Backpfanne; rječnik
làmpuš – **lámpás** – Lampe, Leuchte, Laterne; rječnik
lampušíćak – **lámpás** – kleine Lampe; Tornow – Vlasi
lànac – **lánc** – Kette; rječnik
lânčac – **lánc** – Halskette; rječnik
lànčić – **lánc** – Kettchen; Tornow – Vlasi (Podgorje)
larma – **lárma** – Lärm; rječnik
lèkvar – **lekvár** – Marmelade
lèpanj – **lepény** – Fladen, Feuerfleck; rječnik
lìmbuš – **mađarski?** – Vorhimmel; Himmelbett; rječnik
lìmbuš – **mađarski?** – Vorhölle; Tornow – Vlasi (Podgorje)
lokotar – **lakatos** – Schlosser; rječnik
màguš – **mágus** – Magier, Zauberkünstler; rječnik
màjr – **major** – Meierhof; Pinkovac
màjuš – **május** – Mai; rječnik
màjuški – **május** – Mai-; rječnik
mamlas – **mamlasz** – Tölpel; Veraszto – Čemba – rječnik (*mamlaz*); MEL: szláv eredetű
mandula – **mandula** – Mandel; rječnik
màrcijuš – **március** – März; rječnik
margarín – **margarín** – Margarine; rječnik
màrha – **marha** – Rind(vieh); Tornow – Vlasi
maša – **mise** – Messe; rječnik
meša – **mese** – Märchen; Petrovo Selo
mèštar – **mester** – Meister; rječnik
meštarìja/meštrija – **mester** – Handwerk; Tornow – Vlasi/rječnik
meteg/metieg – **méteng** – Immergrün; Veraszto – Čemba

mèzasto/mèzivasto/meziv – **mező** – sumpfig, morastig; rječnik
 mèzivo – **mező** – sumpfiger Acker; Veraszto – Čemba; *Morast* – rječnik
 mırha – **mirha** – Myrrhe; Tornow – Vlasi (Bandol)
 močvara – **mocsár** – Moor, Morast, Sumpf; rječnik
 morho – marha – Vieh; Veraszto – Čemba
 mùločak – **mulatság** – ausgiebige Feier; Pinkovac (rječnik)
 mùnjoš – **mony** – Hengst; rječnik
 mušlık/mušljik (Veraszto – Čemba) – **moslék** – Spülicht, Abwaschwasser; Tornow – Vlasi
 mužár – **mozsár** – Mörser, Böller; rječnik
 mužika – **muzsika** – Musik; rječnik
 mužikáš – **muzsika** – Musiker; rječnik
 nôta – **nóta** – Melodie, Note, Zensur (Podgorje); Tornow – Vlasi
 notaruš – **nótárus** – Notar; Veraszto – Čemba
 òrgona – **orgona** – Flieder; Tornow – Vlasi
 orijáš – **óriás** – Riese; Veraszto – Čemba (rječnik)
 orijáški – **óriás** – riesig; Tornow – Vlasi
 ôrma – **orom** – Giebel; Tornow – Vlasi (Širokani, Stari Hodas)
 orsàčki – **ország** – Land-; Tornow – Vlasi (Bandol, Podgorje)
 oštija – **ostya** – Hostie; Veraszto – Čemba
 ovoda – **óvoda** – Kindergarten; Veraszto – Čemba
 palačinta – **palacsinta** – Palatschinke; Veraszto – Čemba
 panat – **pánt** – Türangel; Veraszto – Čemba
 pánka – **bankó** – Banknote; Tornow – Vlasi
 pankljik – **pántlika** – Band, Schleife; Veraszto – Čemba
 paor – **pór** – Bauer; Štoji (rječnik)
 papıruš – **papiros** – Papier; Tornow – Vlasi (Marof, Stari Hodas)
 papuča – **papucs** – Pantoffel; Veraszto – Čemba
 paradıžom – **paradicsom/staromađarski-Tornow/** – Paradies; rječnik
 part – **part** – Ufer; Böschung; Veraszto – Čemba
 pàšuš – **passzus/staromađarski-Tornow/** – Reisepass; Tornow – Vlasi
 patıka – **patıka** – Apotheke; Veraszto – Čemba (rječnik)
 patıkar – **patıkus** – Apotheker; rječnik
 patıkarskı – **patıkus** – Apotheker-; Tornow – Vlasi
 páva – **páva** – Pfau; rječnik
 pávac – **páva** – Pfau; Tornow – Vlasi
 pažut – **pázsit** – Rasen; Veraszto – Čemba
 pèlda – **péllda** – Beispiel; rječnik
 pijac – **piac** – Markt; Tornow – Vlasi (Podgorje); Veraszto – Čemba
 pınckor – **pincke** – Hölzchen; Tornow – Vlasi
 pingelic – **tengelice** – Stieglitz; Veraszto – Čemba
 pintàča – **pint** – große Weinflasche (Podgorje)
 pintena – **pint** – Pinte /Flüssigkeitsmaß/; rječnik
 pinter – **pintér** – Böttcher; rječnik (*bačvar, lagvar*)
 pintır – **pintér** – Böttcher; Tornow – Vlasi
 pivnica – **pince** – Keller; Mraz-Reumann – Filež (Nikitsch); rječnik
 plundre – **plundra** – (Plunder)hose; Veraszto – Čemba (rječnik)
 pogača – **pogácsa** – Pogatsche; rječnik
 pòka – **pulyka** – Truthenne; rječnik
 pòkac – **pulyka** – Truthahn; rječnik
 pòkica – **pulyka** – kleine Truthenne; Tornow – Vlasi

ponjava – **ponyva** – Plane; Veraszto – Čemba
prètkip – **kép** – Vorbild; rječnik
prim – **perem** – Saum, Rand; Veraszto – Čemba
prošecija – **prosecció** – Prozession; rječnik
pušpam – **puszpáng** – Buchsbaum; Veraszto – Čemba
raca – **réce/ruca** – Ente; rječnik
ràkaš – **rakás** – Strohrüste; rječnik
ràšpor – **ráspoly** – Feile; rječnik
rešetar – **rosta** – Siebmacher; Pinkovac (rječnik)
rešeto – **rosta** – Sieb; Pinkovac (rječnik)
rèuma – **reuma** – Rheuma; rječnik
rìf – **róf** – Elle; Tornow – Vlasi
robòta/rabota – **robot** – Fronarbeit; rječnik
robòtiti – **robotol** – Frondienst leisten; Tornow – Vlasi (Podgorje)
rojta/rojt – **rojt** – Franse; Klaić/rječnik
roka/ruoka – **róka** – Fuchs; Veraszto – Čemba
rondja – **rongyos** – unfrisiertes Mädchen; Mraz-Reumann – Filež (Nikitsch)
rondjav/rónjav/runjav – **rongyos** – zottig, ungekämmt; rječnik
rônje – **rongy** – Lumpen, Fetzen; Tornow – Vlasi (Podgorje)
roštíl – **rostély** – Rost; rječnik
rudo – **rúd** – Deichsel; Pinkovac (rječnik)
sabovica – **szabó** – Schneiderin; Tornow – Vlasi (Podgorje)
safaladi – **szafaládé** – Knackwurst; (rječnik) – i **Heanci** koriste
salvét – **szalvéta** – Serviette; Seihtuch; Tornow – Vlasi
samar/somar – **szamár** – Esel; rječnik
sára – **szár** – Stiefelschaft; rječnik
sedar/seder – **szeder** – Maulbeere; Pinkovac (rječnik)
sismariat – **szúz Máriat** (4. padež) – jungfräuliche (Jungfrau) Maria; psovka u Pinkovcu
slak – **szulák** – Ackerwinde; Veraszto – Čemba (rječnik)
sòba – **szoba** – Zimmer; rječnik
sokačica – **szakács** – Köchin; rječnik
sûr – **szürke** – grau; Veraszto – Čemba (rječnik)
sûrkast – **szürke** – gräulich; rječnik
šàfran – **sáfrány** – Krokus; rječnik
šàfranski – **sáfrány** – Krokus-; Tornow – Vlasi
šalâta – **saláta** – Salat; Tornow – Vlasi
šantâti – **sántikál** – hinken; rječnik
šântav – **sánta** – hinkend; rječnik
šântavi – **sánta** – der Hinkende; Pinkovac
šântaviti – **sántikál** – humpeln; Tornow – Vlasi
Šârga – **sârga** – Kuhname; Tornow – Vlasi
šâtor – **sátor** – Zelt; rječnik
šèreg – **serég** – Schar; rječnik
šîna/šînja – **sín** – Schiene, Geleise; rječnik/Tornow – Vlasi
škatulja – **skatulya** – Schachtel; rječnik
šòdar/šòdor – **sóder** – Schotter; rječnik/Tornow – Vlasi
šòdrast – **sóder** – Schotter; Tornow – Vlasi (Bandol)
šohovìlak – **soha a világ** – nie und nimmer; Tornow – Vlasi
Španjòlac – **spanyol** – Spanier; Tornow – Vlasi

španjòlski – **spanyol** – spanisch; Tornow – Vlasi
 šunka – **sunka** – Schinken; rječnik
 tàbla – **tàbla** – Tafel; rječnik
 tàblica – **tàbla** – Tafel, Tontafel, Nummernschild (rječnik); Schiefertafel (Tornow – Vlasi)
 taca – **tálca** – Tablett; Veraszto – Čemba
 talan – **talán** – vielleicht; Veraszto – štoji
 talička/taličke – **talicska** – Schubkarren; rječnik
 talige – **taliga** – Karren; rječnik
 talnâc – **tanács** – Rat(schlag); Tornow – Vlasi
 tamjan – **tömjén** – Weihrauch; rječnik
 tanâc – **tánc** – Tanz; rječnik
 tanâc – **tanács** – Rat(schlag); rječnik
 tanačnik – **tanácsodó** – Ratgeber; rječnik
 tanâctvo – **tanács** – Beratung; Tornow – Vlasi
 tâncuš – **táncos** – Tänzer; Tornow – Vlasi
 tancòška/tâncuška – **táncosnó** – Tänzerin; rječnik/Tornow – Vlasi
 tanjur/tanjír – **tányér** – Teller; rječnik/Pinkovac i Tornow – Vlasi (Podgorje, Širokani)
 tanjíríc – **tányér** – kleiner Teller; Pinkovac i Tornow – Vlasi
 tênta/tinta – **tinta** – Tinte; Tornow – Vlasi/rječnik
 tèret – **teher** – Last; rječnik
 tisa – **tiszafa** – Eibe; standard – Veraszto
 tôbar – **toboroz** – Saisonarbeiter; Tornow – Vlasi
 tobrâč/tubrač (Pinkovac) – **toboroz** – Saisonarbeiter
 točir – **tölesér** – Trichter; rječnik
 tolmačica – **tolmács** – Dolmetscherin; Tornow – Vlasi
 tolóvaj – **tolvaj** – Dieb, Räuber; rječnik
 tolovajija – **tolvaj** – Räuberei; Tornow – Vlasi (Rorigljin/Rauhriegel)
 toranj – **torony** – Turm; rječnik – standard
 trafika – **trafik** – Trafik; rječnik
 trnâc – **tornác** – Hausflur; rječnik
 tron – **trón** – Thron; rječnik
 trumbita – **trombita** – Trompete; Veraszto – Čemba
 trumbitaš – **trombitás** – Trompeter; Veraszto – Čemba
 tucat – **tucat** – Dutzend; Veraszto – Čemba
 ubetěžati/obetežati – **beteg** – erkranken; Tornow – Vlasi (Bandol, Podgorje)/rječnik
 udomaš – **áldomás** – Kauftrunk; Pinkovac
 uraš – **órás** – Uhrmacher; Veraszto – Čemba
 vakàruš – **vakarcs** (*kl. Kind*) – ausgebackener Teigrest/*Nesthäkchen*; Tornow – Hrv. Cikljin i
 Podgorje/Tornow – Vlasi
 vâl – **vala** – irgend-; Tornow – Vlasi
 valov – **vályu** – Viehtränke; Klaić
 valovânje – **vall** – Bekenntnis, Geständnis; rječnik
 vâнкуš – **vánkos** – Kissen; rječnik
 vâнкуšćak – **vánkos** – kleines Kissen; Tornow – Vlasi
 vâнкуšnica – **vánkos** – Kisseninlett; Tornow – Vlasi
 varmèja/varmedja – **vármegye** – Komitat, Gespanschaft; Tornow – Vlasi (Bandol)/rječnik
 varošânka/varošćânka – **városi** – Städterin; Tornow – Vlasi/rječnik
 varošćân – **városi** – Städter; rječnik
 varošić – **város** – Städtchen; rječnik
 varòški – **városi** – städtisch; rječnik

zahamàti/zahamovati – **hám**; Tornow – Vlasi
željár (Söllner) – **zellér** (Kleinhäusler); rječnik
žèmlja – **zemle** – Semmel; rječnik
žnora/žnjóra – **zsinór, zsinég** – Schnur; rječnik/Tornow – Vlasi
žnjòrica – **zsinór, zsinég** – kleine Schnur; Tornow – Vlasi
žùpić – **zsup** – Garbe, Schaub für das Dach; Pinkovac, Tornow – Podgorje

3) Primjeri koji su zapravo identični

aldomâš – **áldomás** – Kauftrunk; (rječnik)
alom – **állam** – Staat; Veraszto – Čemba
arendâš – **árendás** – Pächter; Tornow – Vlasi; Veraszto – Čemba
ârvačka – **árvácska** – Stiefmütterchen; Tornow – Vlasi
Beč – **Bécs** – Wien; (rječnik)
bečar/bečár – **betyár** – Lebemann/Hagestolz, Junggeselle, Liederjahn; Veraszto – Čemba/rječnik
berek (Hügel) – **berek** (Hain); Veraszto – Čemba
beteg – **beteg** – Krankheit; (rječnik)
bočkor – **bocskor** – Bundschuh; Veraszto – Čemba
bognar – **bognár** – Wagner; Pinkovac
bukši – **buksi** – Dummerl; Veraszto – Čemba
Bundaš – **bundás** – Hundename; Pinkovac
cehâš – **mađarski** – Zechbursche; Tornow – Vlasi
cìc (*interjeksijska*) – **mađarski** – ruft man Katzen; Pinkovac i ostalo južno Gradišće
citrâš – **mađarski** – Geiger, Geigenspieler; Pinkovac
condrâš – **mađarski** – einer in Lumpen; Tornow – Vlasi
cùkor – **cukor** – Zucker; cijelo Gradišće
cùla/cùlo – **mađarski** – Bündel; Tornow – Vlasi
čákanj – **csákány** – Steinhaue; Tornow – Vlasi (Oberpodgoria/Podgorje); Čemba – *Krampen*
čokor – **csokor** – Blumenstrauß; Veraszto – Čemba
drago – **drága** – teuer; rječnik
drôtoš – **drótos** – Rastelbinder; Taugenichts; Tornow – Vlasi
dudâš – **dudás** – Dudelsackpfeifer; (rječnik)
ešpereš – **esperes** – Dechant; rječnik
fickôš/fickuoš – **fickó** – Kerl; Veraszto – Čemba
gradič – **grádics** – Stufe, Treppe; Veraszto – Čemba
gùmba – **gomb** – großer Knopf; Tornow – Vlasi
gùmbica – **gomb** – Knopf; Pinkovac
gùmbošnica – **gombos** – Anstecknadel, Brosche; Tornow – Vlasi
gùmbošničin – **gombos** – Stecknadel; Tornow – Vlasi
gunjâr – **gúnár** – Gänserich; Tornow – Vlasi
hàdnjak – **hadnagy** – Raufbold; Tornow – Vlasi
hâm – **hám** – Pferdegeschirr; Pinkovac (rječnik)
hat (*konjunkcija*) – **hát** – nun; Tornow – Vlasi
hitvân – **hitvány** – niederträchtig, gemein; Pinkovac
hòjne (*adverb*) – **hogyne** – freilich; Tornow – Vlasi
hòmok – **homok** – feiner Sand; Veraszto – Čemba
hrdóvič – **hordó** – Fässchen; Pinkovac
husâr – **huszár** – Husar; rječnik
inkab – **inkább** – lieber, vielmehr; Veraszto – Čemba
kínč – **kincs** – Schmuck; rječnik

kòčiš – **kocsis** – Kutscher; Tornow – Vlasi (Podgorje)
 korbâč – **korbács** – Peitsche; rječnik
 kòruš – **kórus** – Empore, Chor; rječnik
 Kristuš – **Krisztus** – Christus; rječnik
 lèkvar – **lekvár** – Marmelade
 meč – **mécs** – Öllämpchen; Tornow – Vlasi
 mečeš – **mécses** – Öllämpchen; Tornow – Vlasi
 mînta – **mînta** – Muster; Mraz-Reumann – Filež (Nikitsch)
 morgovâti – **mormog, morog** – nörgeln, meckern, bekriteln; Pinkovac
 morho – **marha** – Vieh; Veraszto – Čemba
 mulâtovati – **mulat** – ausgiebig feiern; Pinkovac
 mùločak – **mulatság** – ausgiebige Feier; Pinkovac (rječnik)
 no hat – **na hát** – na also; Veraszto – Čemba
 orijâš – **óriás** – Riese; Veraszto – Čemba
 orijâški – **óriás** – riesig; Tornow – Vlasi
 oroslân – **oroszlán** – Löwe; rječnik
 orsâg – **ország** – Staat; rječnik
 pelerîn – **pelerin** – Pelérine, Umhang; Tornow – Vlasi
 perec – **perec** – Brezel; Veraszto – Čemba
 pojtaš – **pajtás** – Freund; Veraszto – Čemba, Pinkovac
 poštaš – **postás** – Briefträger; Veraszto – Čemba
 remek-djelo – **remek**-munka – Meisterwerk; rječnik
 rojt/rojta – **rojt** – Franse; rječnik/Klaić
 rondžoš – **rongyos** – zerzaust, zottig, ungekämmt; Veraszto – Čemba
 rovaš – **rovás** – Einkerbung, Einschnitt; rječnik
 rudo – **rúd** – Deichsel; Pinkovac (rječnik)
 seder – **szeder** – Maulbeere; Pinkovac
 selep – **szelep** – Ventil; Veraszto – Čemba
 serpentín – **szerpentín** – Serpentine; Tornow – Vlasi
 sokâč – **szakács** – Koch; rječnik
 sòroš – **szaros** – Schmierfink; Tornow – Vlasi
 sùnajok – **szúnyog** – Stechmücke; Tornow – Vlasi (Stari Hodas)
 šas – **sás** – Riedgras; Veraszto – standard
 šatan – **sátán** – Satan; Veraszto – Čemba
 šàtor – **sátor** – Zelt; rječnik
 šeraf – **seráf/sróf** – Schraube; Veraszto – Čemba
 šèreg – **sereg** – Schar, Heerschar; rječnik
 šògor – **sógor** – Schwager; rječnik
 tâbor – **tábor** – Lager; rječnik
 tancoš – **táncos** – Tänzer; rječnik
 tjùk – **tyúk** – ruft man Hühner; Tornow – Vlasi
 tok – **tok** – Etui; rječnik
 tòknjoš – **taknyos** – Rotznase; Tornow – Vlasi; Veraszto – Čemba
 tolmâč/tumač – **tolmács** – Dolmetscher; Tornow – Vlasi/rječnik
 trônuš – **trónus** – Thron; Tornow – Vlasi (Bandol, Podgorje)
 tubâk – **tubák** – Tabak; rječnik
 vagaš – **vágás** – Holzschlag; Veraszto – Čemba
 vam – **vám** – Zoll; Veraszto – Čemba
 vároš – **város** – Stadt; rječnik
 verz/vèrž – **vers** – Vers; rječnik/Tornow – Vlasi

vicišpân – **vicipán** – Unteraufseher; Tornow – Vlasi (Bandol)
žep – **zseb** – Tasche; rječnik
žüp – **zsúp** – Dachstroh; Pinkovac, Tornow – Podgorje

4) Natuknice koje su identične, samo ih razlikuje «v»-sufiks
biroy – **bíró** – Richter; Bürgermeister; rječnik
hindôy – **híntó** – Kutsche mit Verdeck, Verdeck der Kutsche; Tornow – Vlasi
hordôy – **hordó** – Fass; rječnik
hrdôy – **hordó** – Fass; Pinkovac
kišbirov – **kisbíró** – Kleinrichter, Dorftrommler
koršôy – **korsó** – Krug; Veraszto – Čemba
kršôy – **korsó** – Krug; Tornow – Vlasi (Stari Hodas)
løpoy – **lopó** – Gauner; Tornow – Vlasi (Podgorje)
sabôv – **szabó** – Schneider; Veraszto – Čemba
túroy – **túró** – Qark, Topfen; rječnik

5) Glagoli
aldovâti – **áldoz** – opfern; rječnik
bantovâti – **bánt** – belästigen, stören; kränken, beleidigen (Pinkovac) – rječnik
batriti – **bátorít** – trösten, ermutigen, aufmuntern; rječnik
buktat(i) – **buktat** – durchfallen; Veraszto – Čemba
cifrati (se) – **cifráz** – schmücken; Veraszto – Čemba (rječnik)
činiti – **csinál** – machen, tun; rječnik
čučati – **csücsül** – hocken; rječnik
dičit(i) – **dicsér** – loben, lobpreisen, rühmen; rječnik
fântiti (se) – **fánt!**? – (sich) rächen; **Tornow** – Vlasi (rječnik)
fördati se – **forda!**? – sich mausern; **Tornow** – Vlasi (Podgorje) – „Kokoš dudi kad se forda”
gendovâti – **enged** – nachgeben; Tornow – Vlasi (Širokani)
hamovâti – **hám** – sich in der Kleidung scheuern wie ein Pferd im Geschirr; Tornow – Vlasi
hanjat – **henyél** – nachlassen, müßig sein; Veraszto – Čemba
hasnit(i) – **használ** – nützen; Pinkovac (rječnik)
hasnovât(i) – **használ** – benützen, verwenden; Pinkovac (rječnik)
hengedovat/i/ – **enged** – zulassen, gestatten, erlauben; Pinkovac
henjâti – **henyél** – nachlassen, aufhören; Tornow – Vlasi
kêfati – **kefél** – bürsten; rječnik
kihâti (niesen) – **köhög** (husten)
kînčiti – **kincs** – schmücken; rječnik
korčulat(i) – **korcsolyázik** – eislaufen; Veraszto – Čemba i srednje Gradišće
lâbdati se – **labdázik** – Ball spielen/ballspielen; rječnik
larmat(i) – **lármáz** – lärmen; rječnik
mašinât(i) – **masinál** – dreschen; Pinkovac
mentovâti – **ment** – erlösen; Tornow – Vlasi
mentovâti se – **ment** – sich befreien von etwas; Veraszto – Čemba
meševat(i) – **mesél** – Märchen erzählen; Petrovo Selo
milíštrovati – **ministrál** – ministrieren; Pinkovac
miništrovati/ministrirati – **ministrál** – ministrieren; rječnik
morgovâti – **mormog, morog** – murren, nörgeln, meckern, bekriteln; Pinkovac (rječnik)
mrnjati – **morog** – knurren; rječnik
mulâtovati – **mulat** – ausgiebig feiern; Pinkovac (rječnik)

ofaragovat – **farag** – verunstalten; schnitzen; Veraszto – Čemba
 ôrmati – **orom** – Dach decken; Stari Hodas
 pîncakati – **pincke** – mit Hölzchen spielen; Pinkovac
 pocukorîti/pocukrîti – **cukroz** – zuckern; Tornow – Vlasi
 pohamišîti – (**meg**)**hamisît** – betrügen; rječnik
 pohamišîti se – (**meg**)**hamisît** – sich verfälschen, seine Echtheit einbüßen; Tornow – Vlasi
 rašpòrîti – **râspoly** – feilen; Tornow – Vlasi (Rupišće/Rumpersdorf)
 rešetati – **rostâl** – sieben; Pinkovac (rječnik)
 surîti se – **szîrkül** – grau werden; Tornow – Vlasi
 tanačîti – **tanácsol** – (be)raten; rječnik
 tancati – **táncol** – tanzen; rječnik
 tolmačîti/tumačîti – **tolmácsol** – dolmetschen; Tornow – Vlasi/rječnik
 valovâti – **vall** – sich bekennen, eingestehen; Pinkovac (rječnik)
 vižgaljit – **vizgâl** – untersuchen; Veraszto – Čemba
 virostovâti – **virraszt** – wachen; rječnik
 zvizgezit(i) – **vizgázik/vizgâl** – Prüfung; u Pinkovcu: zmoči – zuwegebringen

3) Ispitivanje procesa sekundarne fonološke promjene u mađarskom jeziku

Riječ je o utvrđivanju panonsko-slavenskih posuđenica u svjetlu sekundarne fonološke promjene u Mađara, t.j. riječ je o fonološkoj promjeni koja se desila nakon prodiranja panonsko-slavenskih posuđenica u mađarski leksik. Tu treba osigurati da ne bi sekundarni morfološki razvitak u Mađara kom-promitirao taj proces utvrđivanja.

Što se tiče najranijih preuzimanja slavenskih posuđenica nabraja Ronald Richards takve koje su očuvale slavenske nazalne vokale:

red - **rend/Ordnung/**, obročb - **abroncs/Reifen/**, goba - **gomba/Pilz/**, sobota - **szombat/Samstag/**, moka - **munka/Arbeit/**, kosb - **konc/Knochen/**, kukolj - **konkoly/Unkraut/**, gubo-nac - **gombóc/Knödel/**, gumbica - **gomb/Knopf/**

Onda spominje prodiranja slavenskih lekse-ma u mađarski leksik s minimalnim fonološkim promjenama:

npr. rakaš/**Strohtriste/** - **rakás/Haufen/**,
 rak - **rák/Krebs/**, para - **pára/Dampf/**,
 maz/**Schmierstoff/** - **máz**).

Ima i drugih primjera kao barát od bratb ili ebéd od obedb gdje treba provesti fonološku promjenu da bi slavenske posuđenice mogle ući u mađarsku fonološku strukturu. Na primjer mađarska harmonija (sklad) samoglasnika potrebuje fonološku promjenu /o/ - /e/ da bi mogla prihvatiti posuđenicu kao što je na primjer obedb.

Posebnu pažnju daje Ronald Richards sljedećim **suglasnicima**.

U primjerima kao što su:

banka-banka, mamlasz-mamlas, novinka-novinka, pampuska-pampuška, pancsuska-pančuška, somrog-šomrat, szompar-sumpor

govori

a) o prisutnosti nazalnog konsonanta u zatvorenom slogu u mađarskom jeziku, a u primjerima kao što su: *pepeo*=hamu/t/ - homut, *kopito*=pata - peta govori

b) o manjkanju nazalnog diftonga u mađar-skoj natuknici, jer slavenski ekvivalent pokazuje denazaliziran refleks zajedničkog slavenskog nazalnog glasa

c) Zanimljivi su grafemi “ž” i “c” u mađar-skom jeziku što se kod nekih posuđenica prema R. Richardsu ne može objasniti:

1) dorozsba (ručni djever - Brautführer) < szlovák eredetű (slovačko podrijetlo)

palozsna < *mučak*, *gnjilo jaje*

zsába < *bol živaca*

rozsda < *rđa*

zsir < *mast (Fett)*

2) cékla < *crvena repa*

kóc < *kučine (Werg)*

kolec < *krkuš*a (Gründling), nekad „*kolčić*“

korec < *mecel*, *mjerov*, *vagan (Metzen)*, nekad *korac*, *korec*, *koric*

kukac < *kukac*

kupac < *kupac*

lánc < *lanac*

paduc < *podustva (Fisch: Nase, Näsling)*, nekad *podust*

rabec < *rob*

tömlöc < *tamnica*

d) Prisutnost konsonantne grupe na početku riječi: blizina?, bludár?, bradavka, bidos, drága, fricska (Nasenstüber, Nasenschneller), grulja, kleba, kloka, krupa, pravisa, prosztó, skuli, smatrog, spik, sztari, sztrapka, truba

Konačno htio bih još na području **semantike** spomenuti dane sedmice

Ima mnogo primjera leksema koji su ušli u druge jezike “one-to-one correspondence“ (jedan prema jedan) kao što su to npr. brat i sestra (brother, sister; Bruder, Schwester). valjda su leksemi bratb i sestra također ušli u mađarski jezik, ali semantička vrijednost je druga, naime, bratb - barát (prijatelj) i sestra - szesztra (opatica, redovnica, duvna; kaludrica).

Što se tiče pretkršćanske slavenske terminologije pozicionirana je veoma jasno u mađarskom jeziku.

Dani sedmice prodrli su u mađarski leksik prema Ronaldu Richardsu na sljedeći način:

- a) semantični kalk (*hét-fő* od slavenskog **po-nedel6-nikb** /=sedam-početak/) ili
 b) morfološki kalk (*kedd* od slavenskog **vbtor6nikb** /=drugi/) ili
 c) direktna posuđenica (*szerda* od slavenskog **sreda**, *csütörtök* od **čtvr6tbkb**,
péntek od **petbkb**, *szombat* od **sobota**).

agriš – **egres** – Stachelbeere; Veraszto – Čemba
 ajma – **hajma** – Zwiebel; Klaić
 aidomáš/udomáš (Pinkovac) – **áldomás** – Kauftrunk; južno Gradišće
 áldov – **áldozat** – Opfer; južno Gradišće, ali i ostalo
 áldovàti – **áldoz** – opfern; južno Gradišće, ali i ostalo
 alom – **állom** – Staat; Veraszto – Čemba
 apòstol
 arènda/harenda (Pinkovac) – **árenda** – Pacht; MEL: latin eredetű
 arendáš – **árendás** – Pächter
 árvačka – **árvácska** – Stiefmütterchen; Tornow – Vlasi
 at (*konjunkcija*)
 augùstuš
 bāgoš
 bagòšljiv
 bakānci
 bānda
 bantovàti – **bánt** – kränken
 bāri
 bārna
 batrìti
 bàukar
 bàukor
 bēčki
 bēteg
 betegovàti
 betēžan
 betēžljiv
 betēžnik
 bicikli
 bika
 bikabònar
 bikān
 bikica
 bikič
 bírov
 bìrovljev
 bíruš
 bíruška
 bòbica
 bòčkor
 bočkorēnje
 bōlta
 bōljta
 boljtāš

bôljtica
bôndaš
bônjor
bôsarka
bôsorka
bùborka
bùbrka
buktat(i) – **buktat** – durchfallen; Veraszto – Čemba
bukši – **buksi** – Dummerl; Veraszto – Čemba
bûnda
butom – **buta** – dumm/Dummkopf; Pinkovac
bùrdahaz
bùznav
cehâš
cìc (*interjeksijska*)
cìpov
cìpovac
citrâš
côndra
condrâš
condràva
condrênje
cukarija
cùkor
cùkroška
cùla – – Bündel
cùlo – – Bündel
čáka – **csáklya** – Spitzhacke
čáka – **csákó** – Feuerwehrhelm (*Spitzzicken*)
čákanj – **csákány** – Steinhau (*Oberpodgoria/Podgorje*)
čárda
čemernjâk
čipka
čirip
čoka/čuoka – **csóka** – Dohle; Veraszto – Čemba
čöpor
čukulâdi
čûnta
čûntav
čütka
čütor
dahojtne – **dehogy(is)nem** – und ob, freilich; doch, gewiß; Pinkovac
dičit(i) – **dicsér** – loben, lobpreisen, rühmen; Pinkovac
doroncija/durancija – **duránci** – Pfirsich, Härtling; Tornow – Vlasi? Veraszto – Čemba
drôtoš – **drótos** – Rastelbinder; Taugenichts; Tornow – Vlasi
dudâš – dudás – Dudelsackpfeifer; Pinkovac
ègrešedlin – egres – Stachelbeere; Tornow – Vlasi
ešpereš – **esperes** – Dechant; južno Gradišće, ali i ostalo
fabrika

fabrikski
 fačok
 fajta
 falàčac
 fàlat
 falàtac
 fântiti se
 fànjak
 farizèuš
 féla/fila (Pinkovac) – **féle** – Sorte; cijelo Gradišće
 fickôš/fickuoš – **fickó** – Kerl; Veraszto – Čemba
 filr
 fiškár
 fiškári
 fiškarija
 fògav
 fòrdati
 foringáš
 fortálj
 fortálj (*num.*)
 frtálj
 frtálj (*num.*)
 gàzda
 gàzdarica
 gàzdin
 gendovàti
 gingav
 gobònac
 gobónčić
 gólja
 gráfov
 gròf
 gròfica
 grofòvski
 guláš
 gùmba – **gomb** – großer Knopf; Tornow – Vlasi
 gùmbica – **gomb** – Knopf; Pinkovac
 gùmbošnica – **gombos** – Anstecknadel, Brosche; Tornow – Vlasi
 gùmbošničin – **gombos** – Stecknadel; Tornow – Vlasi
 gunjár – **gúnár** – Gänserich; Tornow – Vlasi
 hàdnjak – **hadnagy** – Raufbold; Tornow – Vlasi
 hajšòv – **ásó** – Spaten; Tornow – Vlasi
 hám – **hám** – Pferdegeschirr; Pinkovac
 hamíč – ? – Hosenträger; Tornow – Vlasi
 hàmišak (Pinkovac: hinterlistig, schelmisch) – **hamis** – falsch, betrügerisch
 hamišija – **hamisítás**
 hamišnjàčica – **hamisító**
 hamišnják – **hamisító**
 hamovàti – **hám** – sich in der Kleidung scheuern wie ein Pferd im Geschirr; Tornow – Vlasi
 harmonika

hàsan – **haszon** – Nutzen; Pinkovac
hasnit(i) – **használ** – nützen; Pinkovac (često u negativnom smislu: *to mi niš ne hasni!*)
hasnovàt(i) – **használ** – verwenden; Pinkovac
hašnoj – **ásó** – Spaten; Veraszto – Čemba
hat (*konjunkcija*)
hatâr
henedovat/i/ – **enged** – zulassen, gestatten, erlauben; Pinkovac
henjëti – **henyéll** – nachlassen, aufhören; Tornow – Vlasi
hindôv – **hintó** – Kutsche mit Verdeck, Verdeck der Kutsche; Tornow – Vlasi
hitvân – **hitvány** – niederträchtig, gemein; Pinkovac
hòjne (*adverb*) – **hogyne** – freilich; Tornow – Vlasi
hòmok – **homok** – feiner Sand; Veraszto – Čemba
hrdôv – **hordó** – Fass; Pinkovac
hrdóvič – **hordó** – Fässchen; Pinkovac
husâr
huzôš
ìbolja
inkab – **inkább** – lieber, vielmehr; Veraszto Čemba
ìrka
jarak – **árok** – Graben; MEL: ótörök eredetű; szláv származtatása téves
jezêrka
jèzero
jezêrti
Jèzuš
Jèzušev
jûnje
kalarâbi
kalarâbijovi
kanâs
kapénak
kapôv
kaptâr
kâr (*adverb*)
karìčica
karìka
katàna
katânski
katânstvo
katekìzmuš
kèfa
kèfati
kèfica
kethèjski (*Ketelj*)
kínč
kínčati
kínčiti
kíp
kípac

kipčâc
 kipîc
 kòčiš
 kôfa
 komedijâš
 korbâc
korčulat(i) – **korcsolyázik** – eislaufen
 kôruš
 kôruški
 Křistuš
 Křistušev
 kršôv – **korsó** – Krug
 kùkorica
 kùkoričîn
 lâbda
 lâbdati
 lâmpuš
 lâmpušîčak
 lânac
 lânčac
 lânčič
 lèkvar – **lekvár** – Marmelade
 lêpanj
 limbuš
 lòpov
 mâguš
 màjarski
 màjr – **major** – Meierhof; Pinkovac
 màjuš
 màjuški
 màrcijuš
 margarîn
 màrha – **marha** – Rind(vieh); Tornow – Vlasi
 mašinâti – **masinál** – dreschen; Pinkovac
 meč – **mécs** – Öllämpchen; Tornow – Vlasi
 mečeš – **mécses** – Öllämpchen; Tornow – Vlasi
 mentovâti – **ment** – erlösen; Tornow – Vlasi
 mèštar
 meštarîja
 mèzasto
 mèzivasto
 mèzivo
 milištrovati
 mîrha
 morgovâti – **mormog, morog** – nörgeln, meckern, bekriteln; Pinkovac
 mulâtovati – **mulat** – ausgiebig feiern; Pinkovac
 mùločak – **mulatság** – ausgiebige Feier; Pinkovac
 mùnjoš
 mušlík
 mužâr

mužika
mužikáš
nôta
oblòčak
oblòčič
oblòčnica
òblok
òrgona
orijâš – **óriás** – Riese; Veraszto – Čemba
orijâški – **óriás** – riesig; Tornow – Vlasi
òrma
òrmati
oroslân
orsàčki
orsâg – **ország** – Staat, južno Gradišće, ali i ostalo
pânka
papîruš
paradižom
pàšuš
patika
patikarski
páva
pávac
pèlda
pelerín
pèštanski
pìjac
pínckati
pínckor
pintàča
pintír
pocukorìti
pocukrìti
pohamišiti
pôka
pôkac
pôkica
prètkip
psálmuš
pùrgar
Râcko
ràkaš
rášpor – **ráspoly** – Feile
rašpòriti
rèuma
rif – – Elle
robòta
robòtiti
rojta – **rojt** – Franse; Klaić

rónjav – – zottig, ungekämmt
 rónje – **rongy** – Lumpen, Fetzen
 roštílj
 rovašiti
 rovâšnja – Hetze, Verleumdung
 rudo – **rúd** – Deichsel; Pinkovac, ali i ostalo Gradišće
 šalâta
 Sabójev
 sabôv – – Schneider
 sabovica
 salvèt
 sambothèlski
 sára – – Stiefelschaft
 serpentín
 sigèčki
 sôba
 sokáč
 sokačica
 sôroš – **szaros** – Schmierfink
 súnjok – **szûnyog** – Stechmücke
 sûr – – grau
 suriti se
 «süsmariat» – **szúzmáriat** – jungfräuliche (Jungfrau) Maria; psovka u Pinkovcu
 sùrkast
 šàfran
 šàfranski
 šantâti
 šântav
 šantaviti
 šárga
 šàtor
 šèreg – – Schar
 šinja
 šòdor
 šòdrast
 šògor
 šohovilak – **soha a világ** – nie und nimmer
 Španjôrac – – Spanier
 španjôrski
 tâbla
 tâblica
 tâbor
 talnâč
 tamburâš
 tanâc
 tanačiti
 tanačnik
 tanâčtvo
 tanjír
 tanjíríc

tekùta – – Hühnerlaus
tênta
tèret
tjùk – **tyúk** – ruft man Hühner; Tornow – Vlasi
tôbar – **toboroz** – Saisonarbeiter; Tornow – Vlasi
tobrač/tubrač (Pinkovac) – **toboroz** – Saisonarbeiter
tòknjoš – **taknyos** – Rotznase; Tornow – Vlasi
tolmač/tumač – **tolmács** – Dolmetscher; Tornow – Vlasi; Pinkovac, ali i ostalo Gradišće
tolmačica
tolmačiti
tolóvaj
tolovajija
trafika
trônuš
trnâc
tâncuš
tâncuška
tubâk – **tubák** –
túrov – **túró** – Qark, Topfen; Pinkovac i ostalo Gradišće
ubetèžati
vakâruš – **vakarcs** – ausgebackener Teigrest
vâl – **vala** – irgend-
valov – **vályu** – Viehtränke; Klaić
valovâti – **vall** – gestehen – Pinkovac i ostalo Gradišće
valovânje
vânkuš
vankušíčak
vânkušnica
varòški
varmèja
vároš
varošânka
varoščân
varošič
vèrž
vèzluš
vicišpân
virostovâti
vrgânj
zagumbošnjâti
zahamâti
zvizgezit(i) – **vizsga** – Prüfung; u Pinkovcu: zmoći – zuwegebringen
željâr
žèmlja
žep – **zseb** – Tasche; južno Gradišće i ostalo
Židov
žnjôra
žnjôrica
žùp
žùpic

Мария Янкович

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ВЕНГЕРСКОГО
ПЕРЕВОДА «АНТОНОВСКИХ ЯБЛОК» И. А. БУНИНА

Abstract: The aim of this paper is to show the importance of the intercultural communication.

In the first part I deal with the concept of communication between cultures and the determining role of the cultural background knowledge its participants (communicating partners, translators, interpreters) are supposed to be in possession of. Later I analyse the Hungarian translation made by György Gellért in 1958 of Ivan Alekseyevich Bunin's short story *Antonovka-apples*: having made clear the concept of the culture specific lexical units and realias I study the Hungarian versions found by the translator to interpret the Russian realias of the short story. Then I show examples of the strategies made by György Gellért when translating Russian idioms and proverbs, ethnographic, social and political realias into Hungarian.

Keywords: intercultural communication, idioms and proverbs, realia, transcription, translation

1. Введение

Межкультурной коммуникацией – по определению *Евгения Михайловича Верещагина* и *Виталия Григорьевича Костомарова* – называется «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» (Верещагин & Костомаров 1990: 26).

Эти участники – если владеют языком своего партнера – могут и непосредственно общаться друг с другом, но чаще всего - не владея им, а также в определенных дипломатических, политических и деловых ситуациях, – могут участвовать в коммуникации, опираясь на переводчика-посредника. В подавляющем большинстве случаев таким же образом, т. е. с помощью переводчика могут познакомиться читатели классическими и современными литературными произведениями разных народов.

Однако в любом вышеупомянутом случае участники коммуникативного акта (и партнеры, и переводчики) кроме двух языков обязательно должны знать и обычаи, традиции, особенности общественной и культурной жизни своих партнеров, ведь «главным условием эффективности их общения (устного или письменного) является взаимопонимание, диалог культур и уважение к культуре партнеров по коммуникации» - считает *Светлана Григорьевна Тер-Минасова* (Тер-Минасова 2004: 23).

В нашем выступлении - на материале произведения известного русского писателя **Ивана Алексеевича Бунина**, опубликованного в 1900 году, и его перевода на венгерский язык, сделанного **Дьердем Геллертом** в 1958 году - нам хотелось бы представить возможные переводческие стратегии и приемы при передаче безэквивалентной лексики, в том числе и неизвестных для венгерских читателей русских реалий (и некоторых) собственных имен. Кроме этого постараемся обратить внимание и на некоторые интересные моменты данного перевода. Надеемся, своим выступлением нам удастся доказать, как важна межкультурная коммуникация и насколько актуальны ее проблемы и в художественных текстах.

2. Безэквивалентная лексика

Если взять исходный текст и его перевод на любой язык, то по степени адекватности составляющих их слов и выражений, наблюдается полное или частичное совпадение, а в некоторых случаях – если данные слова называют предметы или понятия, полностью отсутствующие в культуре другого языка - никакого совпадения нет. Такие слова и выражения – например, некоторые фразеологические единицы, собственные имена, реалии, и составляющие их особую группу обращения, и т. д. - относятся к безэквивалентной лексике.

2.1. Реалии

«Само слово «реалия» - латинское прилагательное среднего рода множественного числа (*realis*, -e, мн. *realia* – «вещественный», «действительный»), превратившееся под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода (Влахов-Флорин 1980: 6-7). В понимании исследователей-лингвистов **Сергея Влахова** и **Сидера Флорина** *«это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода»* (Влахов-Флорин 1980: 47).

Проблематикой реалий (их определением, описанием, классификацией, переводом и т. д.) занимались уже многие исследователи-лингвисты как в России, так и в других странах Европы, в том числе и в Венгрии (Супрун 1958, Реформатский 1967, Бархударов 1975, Крупнов 1976, Лендваи 2005, Влахов-Флорин 1980, Клауди 1997, Валло 2000, Теллингер 2003, Форгач 2004, Шимигне 2006 и др.), в том числе и мы (Янкович 2007).

Поэтому в данном выступлении повторять их теоретические позиции мы не планируем. Нам хотелось бы только поделиться с вами некоторыми своими мыслями, возникшими прочитав один из самых значительных расска-

зов лауреата (с 1933 года) Нобелевской премии, **И. А. Бунин** «*Антоновские яблоки*», рассказать как удивил нас тот факт, что в этом небольшом тексте как много нелегких мест с точки зрения перевода, а также показать какими способами пользовался переводчик при их передаче на венгерский язык.

Во-первых, остановимся на самом названии рассказа: «*Антоновские яблоки*». Разве знаком ли этот сорт яблок для венгерских читателей? Растут ли они в Венгрии? Несмотря на то, что это типично русские яблоки, и даже в словарях мало информации о них, переводчику казалось достаточным к прилагательному «Антоновские» (подобно оригиналу) прибавить указывающее на сам денотат венгерское слово «alma»: *Antonovka-alma*. В таком случае, на наш взгляд, можно было бы дать в сносках или в конце произведения короткое объяснение.

Сам рассказ начинается с описания народных наблюдений и примет, относящихся к празднику Святого Лаврентия. У пословиц и поговорок, использованных Буниным в венгерском языке нет полных эквивалентов, но несмотря на это, переводчику при помощи функциональных аналогов удалось передать их в похожем по звучанию, форме и содержанию на поговорки варианте:

Осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик. (Бунин 21)
Ősz és tél jól megfér, ha Lőrincor csendes a víz, és az eső szemerké. (Gellért 5)

Много тенетника на бабье лето – осень ядреная. (Бунин 21)
Sok hálószyöví vényasszonyok nyarából – ősz lesz a javából. (Gellért 5)

На сливанье все мед пьют. (Бунин 22)
Nyomatató lónak nem lehet bekötni a száját. (Gellért 5)

Ядреная антоновка – к веселому году. (Бунин 24)
Zamatos antonovka vidám esztendőt jelent. (Gellért 7)

2.2. Этнографические реалии

Как известно, Бунин родился в дворянской семье в 1870-м году, но несмотря на это, с ранних лет он проникся уважением к труду крестьян, хорошо знал жизнь и заботы своего народа. В этом рассказе сразу бросается в глаза, что большинство реалий тесно связано с повседневной жизнью именно русских деревень и русских крестьян, что они принадлежат к группе *этнографиче-*

ских реалий. В дальнейшем нам хотелось бы рассказать коротко о том, каким образом осуществлялась их передача на венгерский язык.

При сопоставительном анализе оригинала и его венгерского перевода, сделанного Д. Геллертом, можно установить, что их передача в отдельных случаях осуществлялась переводчиком по-разному.

2.2.1. Этнографические реалии, связанные с бытом

Для всего творчества Бунина характерно, что в своих произведениях он стремится запечатлеть обобщенный образ России, передать всем знакомое с детства чувство, запах и т.п. В рассказе Бунина «*Антоновские яблоки*» все пахнет не только «антоновкой», но и настоящей крестьянской жизнью: в нем так много слов и выражений, называющих типичные для жизни помещиков и мужиков провинциальных усадеб денотаты, что у внимательного читателя возникает такое ощущение, что попал в настоящую провинциальную среду, далекую от шумных городов.

Прочитав этот рассказ, у него - на основе ниже приведенных примеров - складывается реальное представление об **одежде** и **прическе** крестьян, крестьянок и даже крестьянских детей.

В некоторых случаях при переводе этих реалий переводчик пользуется транскрипцией без всяких объяснений, что, например, в случае *сарафана*, типичного для русской женщины платья, не достаточно, ведь мало, кто поймет суть транскрибированного латиницей слова.

В сарафанах ... (Бунин 22) – ...*szarafánban* (Gellért 6)

В других примерах Д. Геллерт пользуется переводом, правда, иногда только приблизительным, не прибавляя никаких комментариев.

сапоги с подковками (Бунин 26) – *vasalt csizmát* (Gellért 9)

Мешанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах (Бунин 22)
...*a szárnyas kabátot, barnára fakult csizmát viselő... polgárember* (Gellért 6)

рубаша с канифасовыми косяками (Бунин 25)
...*kanavász szegélyű inge* (Gellért 9)

Коренастую фигуру в шароварах и распоясанной косоворотке
(Бунин 33)
... *bőnadrágos, kicsüngő oldalgombos ingű zömök alakot* (Gellért 17)

Понева – *чуть не прошлого столетия* (Бунин 25)

...*szőttes szoknyája* csaknem a múlt századból való (Gellért 9)

безрукавка – *плисовая* (Бунин 22) – *félbársony mellényke* (Gellért 6)

Понева – *черно-лиловая с полосами кирпичного цвета...* (Бунин 22)
...*téglavörös csíkos, lilásfekete háziszőttes szoknya* (Gellért 6)

новые полушубки (Бунин 25) – *új bekecseket* (Gellért 9)

накинув на плечи поддевку (Бунин 33) – *vállára veti zekéjét* (Gellért 17)

Люди ... в поддевках и длинных сапогах (Бунин 29)
...*emberek, zekében és magas szárú csizmában* (Gellért 12)

Головки в старинных прическах... (Бунин 32)
... *ódon hajviseletű fejescskék* (Gellért 16)

Мальчишки в белых замашиных рубашках и коротеньких порточках, с белыми раскрытыми головами (Бунин 22)
...*a fehér kendervászon inges, kurta gatyás, fedetlen fehér fejű gyerkőcök* (Gellért 6)

Много расскажет автор своим читателям и о крестьянских **блюдах** (а), которые ежедневно готовили на кухне, а также об их излюбленных **напитках** (в): кухарки для своих помещиков и для своих семей, о **фруктах** (б), которые созревали в их садах.

а) *кулеш с салом* (Бунин 22) – *szalonnás köleskása* (Gellért 5)

Горячими картошками и черным хлебом с крупной сырой солью (Бунин 24)
Nagy szetű sóval meghintett forró krumplit és fekete kenyeret (Gellért 8)

Обед с горячей бараниной на деревянных тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой (Бунин 26)
forró bárányhús fatányérokon, fehér kenyér, lépesméz és háziször (Gellért 9)

ветчина с горошком (Бунин 27) – *főtt sonka borsóval* (Gellért 11)

Остатки зайца под соусом (Бунин 29)

....*mártással leöntött nyúl* (Gellért 12)

маринады (Бунин 27) – *ecetes mártások* (Gellért 11)

б) «дули» (Бунин 27) - *körte* (Gellért 11)

Яблоки-антоновские (Бунин 27) – *alma-antonovka* (Gellért 11)

«бель-барыня» (Бунин 27) - „*fehér kisasszony*” (Gellért 11)

Боровинка (Бунин 27) – *cideralma* (Gellért 11)

«плодовитка» (Бунин 27)- „*bőven termő*” (Gellért 11)

в) допивать *водку* (Бунин 29) – *fenéig kiinni a vodkájukat* (Gellért 12)

красный квас (Бунин 27) – *piros kvasz* (Gellért 11)

Как видно, блюда русской кухни (а) передаются во всех примерах при помощи перевода, напитки (в) или полностью транскрибируются (первый пример), или частично подвергаются транскрипции, а стоящие перед ними определения переводятся (второй пример). Это не странно в случае для всех знакомой *водки*, но может быть недостаточно и нуждается в толковании или объяснении в случае менее известного для венгерской читательской аудитории *кваса*.

Намного сложнее ситуация с разными сортами яблок. Об *антоновских* я уже говорила выше. Но все остальные фрукты в рассказе для среднего читателя также малоизвестны, о них наверно знают одни специалисты аграрной промышленности. Как поступить в подобной ситуации переводчику, какие у него возможности? Там, где (может быть придуманное народом) название указывает на свойство данного сорта, и стоит в кавычках, передается на венгерский язык это смысловое содержание (*плодовитка - bőven termő*), в других же примерах с помощью кальки передается само придуманное название (*бель-барыня - fehér kisasszony*), или называется сорт по-венгерски, но ни в одном случае не дается никакое описание или толкование, любопытным читателям при помощи специальной литературы надо самим выяснить для себя, о каких фруктах идет речь на самом деле, хотя это мог бы сделать и переводчик.

Прекрасную картину рисует перед своими читателями Бунин, описывая место жительства своих героев, т. е. усадьбу (*которую держали в порядке*) и поместье вокруг нее с садом, избу, а также ее внутреннее **оборудование**.

усадьба (Бунин 26, 28) – *kúria* (Gellért 10), *birtok* (Gellért 12)

Усадьба с огромным поместьем, с садом в двадцать десятин...

(Бунин 28)

...*kúriák, hatalmas birtokkal, húsz gyeszjatyinás kerttel* (Gellért 11)

Держали *усадыбы* в порядке... (Бунин 25)
...*és rendben tartották a házuk táját* (Gellért 9)

Геллертом слово *усадыба* переводится по-разному: *kúria, birtok, házuk táját*. В венгерском языке слово *birtok* употребляется в более широком смысле, чем слово *kúria*, которая является частью первого, поэтому по своему значению он стоит ближе к русской *усадыбе*, но это переводчиком не учитывается.

В то же время надо сказать, что и Бунин не последовательно применяет слово *усадыба*, ведь в некоторых примерах оно выступает в значении «изба с подсобными помещениями, с людской и лакейской», а в других как те же здания, но вместе с огромными земельными угодьями.

старой мебели красного дерева (Бунин 27)
régi mahagóni bútorét (Gellért 11)

столы с инкрустациями (Бунин 27) – *intarziás asztalok* (Gellért 11)

зеркала в узеньких и витых золотых рамах (Бунин 27)
keskeny, csavart aranykeretes tükrök (Gellért 11)

зимние рамы (Бунин 33)
az ablakokban már ott látom a téli rájákat (Gellért 16)

самовар (Бунин 22) – *szamovár* (Gellért 6)

Для описания оборудования изб усадьбы в большинстве случаев Буниным используются конструкции с несогласованными определениями, которые при их передаче на венгерский язык подвергаются переводу конструкциями с прилагательными или согласованными определениями.

Кроме перевода при передаче широко известной даже среди венгров, и поэтому в объяснении не нуждающейся реалии «самовар» переводчиком применяется *транскрипция*.

Относительно обращений мне хотелось бы привести только один пример, в котором при передаче неоднозначной реалии «*батюшка*» переводчик пользуется *транскрипцией*. Как известно, *батюшкой* называли русские мужики и царя, и священника, и отца, и своего помещика и всех, кого уважали, кто был старше и стоял рангом выше них. Как и в данном примере:

*Как изволите говорить **батюшка** (Бунин 25)
 Hogy tetszik mondani, **bátyuska**? (Gellért 8)*

2.2.2. Этнографические реалии, связанные с трудом

Называя средства *труда* много нам расскажет Бунин и о деятельности помещиков, «барчуков» и простых мужиков, которые читали книги и журналы, играли на клавикордах, работали на полях или дома, готовились к охоте, или просто разговаривали. Реалии, использованные автором в этих главах переводчиком и здесь передаются то транскрипцией без всяких комментариев:

***полонезы на клавикордах** (Бунин 31)
klavikordon játszott polonézzeire (Gellért 16),*

то заменяются венгерским аналогичным выражением или эквивалентом:

***разговоры про старину, про наследства** (Бунин 28)
 a régi időről, örökségről szóló...**társalgás** (Gellért 11)*

***конопляники** (Бунин 25) – **kender** (Gellért 9)*

***прялки** (Бунин 25) – **rokkákat** (Gellért 9)*

2.2.3. Этнографические реалии, связанные с мерами

В рассказе в некоторых предложениях дается информация о том какими *мерами* пользовались в свое время в царской России, но эти меры для венгерского читателя ничего не скажут: он наверное не знает, что одна «десятина» равна приблизительно двум гектарам (1,09), об этом переводчик не информирует его ни в тексте, ни в сносках, поэтому прочитав *транскрибированное* слово, у него и представления не будет о величине территории сада:

***с садом в двадцать десятиин** (Бунин 28)
húsz gyeszjatyinás kerttel (Gellért 11)*

В другом же предложении русская мера длины «*аршин*» (0,71м) при *перевод*е заменяется аналогичной венгерской мерой «*рőf*» (0,78м). Решение переводчика объясняется тем, что эти меры почти одинокие.

***черная рука в несколько аршин** (Бунин 23)
több rőfnyi hosszú, fekete kéz (Gellért 6)*

2.3. Общественно-политические реалии

2.3.1. Общественно-политические реалии, связанные с носителями власти

Кроме многочисленных этнографических реалий в рассказе «Антоновские яблоки» есть и общественно-политические реалии - правда, не в таком большом количестве. К этой группе реалий относятся следующие примеры:

молодая старостиха (22)
fiatal sztarosztáné (Gellért 6)

барчук (Бунин 23, 24) – *úrfi* (Gellért 7), *ifjú* (Gellért 7)

«барские»(Бунин 22) – „*uraságiak*” (Gellért 6)

«кавалера многих орденов» (Бунин 31)
„*több érdemrendek lovagja*” (Gellért 15)

Переводчиком они в частности были переведены (2-3), а в частности перенесены с помощью транскрипции (1). В этом случае опять возникает вопрос: нужно ли дать объяснение например в сносках, или нет? Если в сносках и нет, то в конце рассказа в списке замечаний – обязательно.

2.3.2. Общественно-политические реалии, связанные с общественно-жизнью

Эти реалии Геллертом чаще всего переводятся. Может быть, в настоящее время они были бы понятны для венгров уже и без перевода. В первом предложении реалия «*мужик*» заменяется ее венгерским эквивалентом, а во втором к транскрибированному слову прибавляется существительное «*növendék*»:

а у богатых мужиков (Бунин 25 – *a gazdag parasztok* (Gellért 9)

лицеиста Пушкина (Бунин 32)
Puskín líceumi növendék neve szerepel (Gellért 16)

3. Заключение

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что это лишь часть тех реалий, находящихся в «Антоновских яблоках». Рамки этого выступления не позволяют говорить и о других. Одну все-таки еще обязательно стоит вспомнить: реалию «*сумерничать*», перевести которую на венгерский язык было нелегко, так как в нем глагола для выражения ее смысла нет. Но переводчик решил свою задачу отлично, когда используя глагольное словосочетание с существ-

вительным «сумерки» (*alkonyat*) также в кавычках - перевел по-следующему: «сидели в сумерках»

«*сумерничать*» (Бунин 33)
 „*üldögéltünk az alkonyatban*” (Gellért 16)

В итоге можно установить, что все переводческие приемы можно свести к двум: к **транскрипции** (механическому перенесению реалии из исходного языка в язык перевода графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме, сохраняя при этом чувство «чужого») и **переводу/замене/субституции** (введением неологизма путем кальки, полукальки, освоения или семантического неологизма, приблизительным переводом (родо-видовым соответствием, функциональным аналогом, описанием, объяснением, толкованием) или контекстуальным переводом).

Выбор приема передачи реалий всегда зависит от целого ряда причин: от характера/ жанра текста, от значимости реалии в контексте, от характера реалии, от исходного языка и языка перевода, а также от фоновых знаний читателя, связанных с данной реалией. Переводчика реалии каждый раз ставят перед альтернативой: транскрибировать или переводить? И он – учитывая все обстоятельства – должен решить. Всегда удачно решает свою задачу или нет - это уже другой вопрос.

Литература

- Бархударов, Л. С. 1975. *Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: «Международные отношения».
- Valló, Zs. 2000. *A fordítás pragmatikai dimenziói és a kulturális realitások*. In: Klaudy, K. (szerk.) *Fordítástudomány* II. évf. 1. sz. 34-49.
- Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. 1990. *Язык и культура*. Москва с. 26.
- Влахов, С. & Флорин, С. 1980. *Непереводимое в переводе*. Москва: «Международные отношения»
- Jankovics, M. 2007. *Фразеологизмы в рассказах А. П. Чехова глазами венгерского переводчика*. In: Gadányi, K. (szerk.) *Studia Slavica Savariensia* 1-2. A VIII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok előadásai. Szombathely: BDF, 191-202.
- Klaudy, K. 1997. *Fordítás I. Bevezetés a fordítás elméletébe*. Budapest: Scholastica
- Крупнов, В. Н. 1976. *В теоретической лаборатории переводчика*. (Очерки по профессиональному переводу.) Москва: «Международные отношения».
- Lendvai, E. 2005. *Reáliafelfogások napjaink magyar fordításelméletében*. In: Dobos, Cs. et al (szerk.): „Mindent fordítunk és mindenki fordít”. *Értékek teremtése és közvetítése a nyelvben*. Könyv prof. Dr. Klaudy Kinga tiszteletére. Bicske: SzAK Kiadó Kft., 67-71.
- Реформатский, А. А. 1967. *Введение в языковедение*. Москва: «Просвещение»
- Супрун, А. Е. 1958. *Экзотическая лексика – ФН. N 2*. Москва.

- Tellinger, D. 2003. *A reáliák fordítása a fordító kulturális kompetenciája szemszögéből.* In: Klaudy, K. (szerk.) *Fordítástudomány V. évf. 2. sz.* 58-70.
- Тер-Минасова, С. Г. 2004. *Язык и межкультурная коммуникация.* Москва с.23.
- Simigné Fenyő, S. 2006. *A fordítás mint közvetítés.* Miskolc: ME
- Forgács, E. 2004. *Reáliák és fordításuk Garaczi László műveiben.* In: Klaudy, K. (szerk.) *Fordítástudomány VI. évf. 2. sz.* 38-56.

Источники

- Бунин, И. А. 1975. *Антоновские яблоки.* In: Кулешов, В. И. (ред.) *Антоновские яблоки. Повести и рассказы.* Москва: «Детская литература», 21-35.
- Bunyin, I. A. 1982. *Antonovka-alma.* In: Nyíri É. (szerk.) *A szerelem nyelvtana. Elbeszélések.* Budapest: Európa Könyvkiadó, 5-19.

KARDOŠ IN PREKMURSKI KNJIŽNI JEZIK

Abstract: Janoš Kardoš and Standard Prekmurje Language

Standard Prekmurje Language was formed in the 18th century as a variation of Standard Slovene. Its norm was set by the Protestant Števan Kuzmič. Catholic writers, including Mikloš Kuzmič, continued the Protestants' guidelines in terms of language, which is why Standard Slovene in the Porabje and Prekmurje regions up to the mid-19th century developed in a very uniform way. At that point, however, the Prekmurje Catholic authors adopted the idea of a Unified Standard Slovene and began to use the so-called New Slovene. Protestant authors led by Kardoš, on the other hand, continued Števan Kuzmič' tradition, rejecting the idea about the unification of the Slovene language. The aim of this idea stemming from the Spring of the Nations movement was to unite all Slovenes ethnically, politically and linguistically in single independent state. By rejecting this idea, Kardoš and his supporters prolonged the dual development of Standard Slovene well into the 20th century.

Keywords: Janoš Kardoš, Standard Prekmurje Language, Unified Standard Slovene Language, Vend Theory, Language Aberration, Prekmurje Evangelical and Catholic

Janoš Kardoš (rojen 13. februarja 1801 v Noršincih pri Murski Soboti, umrl 12. avgusta 1875 v Hodošu¹) je najpomembnejši in najboljši prekmurski evangeličan za Števanom Kuzmičem (Šebjanič 1966: 139; Novak 1976: 71). Njegova bibliografija s ponatimi do leta 1918 obsega trideset enot (Škafar 1978: 93), začeni z leta 1837 v Budimpešti natisnjenim prevodom Luthrovega Malega katekizma, ki je bil nato ponatisnjen še okoli leta 1875 (graška izdaja²) in 1902 (murskosoboška izdaja). Kardošev prvenec kaže, da se je avtor prevoda zavedal pomena (in začetkov)

¹ Kardoš je bil duhovnik v Cerkvni občini Hodoš in »v času njegovega službovanja so leta 1840 začeli graditi novo cerkev iz opeke, katero so sami pripravljali. Leta 1842 zgrajena, je leta 1843 cerkev bila blagoslovljena. Gre za še danes obstoječo, tretjo hodoško evangeličansko cerkev. /.../. V tem času je h gmajni spadalo kar 11 vasi /.../, štela je 1.090 vernikov. Literarno zelo dejaven Kardoš je med drugim v prekmurskem jeziku sestavil cerkveno pesmarico, katero so uporabljali vse do leta 1970, nekoliko predelano pa jo uporabljamo še danes.« http://www.evangel-cerkev.si/sl/page.asp?id_informacija=87&id_language=1&id_meta_type=1

² Janko Šlebinger v Slovenskem biografskem leksikonu napačno navaja, da je "graški ponatis" izšel "ok. 1855". Ivan Škafar to napako popravlja (1978: 51) in navaja, da gre za "P/onatis Luthrove knjige v prevodu Janoša Kardoša iz leta 1837 /.../. Natisnjeno okoli 1875 ali kaj pozneje po nastopu založnika." Knjiga je bila natisnjena v založbi Leykam-Josefstal v Gradcu.; edini znani izvod je danes hranjen v Budimpešti (Országos Széchényi Könyvtár, sig.: Catech. 581.da).

slovenskega prekmurskega knjižnega jezika, saj si je za svoj vstop v prekmursko literarno dogajanje izbral prav ponovni prevod prve prekmurske tiskane knjige – delo je v bistvu enako (Škafar 1978: 28) kot Temlinov prekmurski prvotisk in kasnejša Barlova izdaja.³ Žal pa je po Kardošu »prenehala delavnost protestantov«, ki so postali narodno zavedni ponovno šele v 20. stoletju z Janošem Flisarjem in Adamom Luthrom (Novak 1935: 38). Fran Sušnik navaja, da je v prekmurski evangeličanski literaturi po Kardošu nastopilo petdesetletno zastojno obdobje; zanimiv je podatek o soboškem evangeličanskem duhovniku Kovaču,⁴ ki je konec tridesetih let 20. stoletja še hranil Kardoševa rokopisna dela – za raziskovalce bi ta dela bila zelo zanimiva, če so še kje na voljo: »Blizu šestdesetih je Kovač in čez 30 let že v Soboti. Tam od Rabe je prišel in ni znal ne besedice slovenske; v Soboti se je udomačil in pred štirimi letibaš on poživil evangeličansko slovensko knjigo, ki je dremala petdesert let, kar je umrl Kardoš. Kardoševa dela so večinoma v rokopisih in jih hrani Kovač. In še en biser ima v svoji knjižnici: orig. Izdajo Küzmičevega Novega Testamenta.« (Sušnik 1929: 21–22).

Sredi 19. stoletja se je slovenski knjižni jezik poenotil, tako da sta se osrednje- in vzhodoslovenska knjižna različica združili v »novoslovenščino« oz. enotni slovenski knjižni jezik (Orožen 1996 in 1996a; Jesenšek 2005). Prekmurski katoliški pisci so poenotenje slovenskega knjižnega jezika bolj ali manj uspešno sprejeli, slovenski protestanti pa so vztrajali pri prekmurskem (vzhodnoslovenskem) knjižnem jeziku vse do konca prve svetovne vojne in priključitve Prekmurja k matičnemu slovenskemu ozemlju. Tudi Kardoš pri tem ni bil izjema, saj je bil prepričan, da morajo slovenski evangeličani ostati zvesti svoji jezikovni tradiciji in knjižnemu jeziku, ki ga je normiral Števan Küzmič. Zavedajoč se, da je »protestansko gibanje prišlo v Slovensko krajino predvsem iz madžarske zemlje« (Zelko 1996: 181), je v času dualizma bolj kot (katoliškim) Slovencem v avstrijskem delu monarhije zaupal ideji personalne unije med Madžari in Avstrijci. Med madžarsko revolucijo in uporom proti Habsburžanom se Slovenci med Muro in Rabo niso poenotili: katoličani so podprli Habsburžane ter se odločili za jezikovno poenotenje in združitev z osrednjeslovenskim knjižnim jezikom, saj so skladno z romantičnim razmišljanjem o narodu jezikovno enotnost razumeli kot predpogoj za državotvornost in narodnostno združitev – verjeli so, da bo po vseslovanskem kongresu v Pragi prišlo do združitve vseh Slovanov v monarhiji in nato do osamosvojitve Slovenije; evangeli-

³ Prva tiskana knjiga v prekmurskem jeziku je izšla leta 1715 (Ferenc Temlin, Mali katechismus), popravljena izdaja pa leta 1796 (Mihal Barla, Györszki Kátekizmus). Kardoš je leta 1837 svoj prevod naslovil: D. Luther Martina máli kátekizmus.

⁴ Luteranski senior Števan Kovatš (rojen 1866 Lebeny pri Györu, umrl 1945 v Murski Soboti) »je študiral v Šopronu, Halleju in Jeni; cerkveni poglavar je za Prekmurje in zadnja instanca, dokler še ni urejeno škofovsko vprašanje.« (Sušnik, 1929: 22) Bil je urednik Evangeličanskega kalendarja in Düševnega lista, napisla je zgodovino murskosoboške evangeličanske gmajne.

čani na čelu s Kardošem so podprli madžarske borce za svobodo in Lajosa Kossutha, ker so se bali izrazito katoliško usmerjene habsburške politike. Kardoš je jezikovno poenotenje Slovencev razumel kot (dolgoročno) prevlado slovenske katoliške večine nad prekmursko evangeličansko manjšino, v enačbi (jezikovna enotnost Slovencev je predpogoj za nacionalno združitev Slovencev), nastali med pomladjo narodov (Jesenšek 2005: 2) pa je prepoznaval predvsem strah, da bo nacionalna združitev Slovencev v eni državi pomenila tudi versko združitev in poenotenje katoliške vere na celotnem slovenskem geografskem in nacionalnem prostoru.⁵ Kardoševa odločitev, da ne pristane na poenotenje slovenske knjižne norme, ni pomenila odpadništva od slovenstva, ampak željo po ohranitvi evangeličanske vere med prekmurskimi Slovenci – ustvaril je nepotrebno jezikovno-normativno razlikovanje med slovenskimi katoličani in evangeličani, pri tem pa je tiskanje (slovenskih) protestantskih knjig v prekmurskem knjižnem jeziku začela izdatno financirati madžarska oblast. Če sta Trubar v 16. stoletju »kranjščino« (osrednjeslovenski knjižni jezik) in Števan Küzmič v 18. stoletju »stari slovenski jezik« (prekmurski, vzhodnoslovenski knjižni jezik) napredno in v duhu časa utemeljevala kot »stranski produkt protestantizma«, pa se Kardošovo razumevanje slovenskega jezikovnega vprašanja kot razločevalnega elementa slovenske (prekmurske) evangeličanske in katoliške cerkve sredi 19. stoletja vendar pokaže kot zastarelo, razumljeno preozko cerkvenopolitično, neupoštevajoč sodobne jezikovno-kulturne in politične razmere, ki so nastale sredi 19. stoletja in so na novo oblikovale pojem ter razumevanje naroda, jezika in države. Kardoš ni bil reakcionar, to je jasno razvidno iz zavzemanja za tako politiko, ki bi oslabela avtoriteto avstrijske vlade in spodbudila večje pravice posameznih narodov v monarhiji. Blizu so mu bile ideje madžarskega revolucionarja Lajosa Kossutha, zato je simpatiziral z novoustanovljeno ogrsko vlado in večjo madžarsko suverenostjo v monarhiji, ki mu je zagotavljala tudi varen obstoj

⁵ Taka razmišljanja so bila med na katoliški strani prisotna in so se pojavljala ves čas po poenotanju slovenskega knjižnega jezika. Tako je razmišljal še na začetku 20. stoletja Ivanocy, ki je bil prepričan, da so Slovenci bili vedno trdni katoliki, »odpadništvo« pa je bilo posledica zemljiške gospode in spreobračanja pravega krščanskega nauka. Prekmurski evangeličani spoštujejo stare katoliške običaje in posnemajo versko prakso katoličanov, saj so kot Slovenci po naravi katoličani: »Nase szlovenszko lüdsztvo, stero je krivövörnoszt escse ne oszlepila i nevörnoszt razdivjala, szvojo szv. matercerkev za veliko stima i postüje. Szlovenszkom i narodi je vu düso i vu szrce vcepleni nagib na pravo vero na teliko, da szo szlovinci vszigdar najbole sztalni bili vu katholicsansztvi i csi sze escse dnesz edenmali tao szlovenov naide, ki szo zviin szv. materecerkvi, i te szo nej po szvojoj falingi odpadnoli, nego po prisziljavanji zemelszki velikasov i po jalnom vcsenjeji i preobracsanji pravoga navuka krscsanszkoga. Escse ti odpadjeni szlovinci szo vnoga sztoleta vu szvojem szrci obdrzsali sztare katolicsanszke navade i gde njim je mogocse, radi vnoga katholicsanszka duguvanja naszledüjejo. Vecser, poldne i za ütra zvonijo na angel goszpodnov. Blagoszloveno vodo i vino nücajo; v adventi zorjenice majo; vsze to indri ne poznajo, szamo prinasz, ar szo szlovinci z-nature katolicsanci.« (Ivanocy 1905: 106)

in širitev evangeličanske vere v Prekmurju in Porabju. Kardoš, finančno podpiran od madžarske oblasti, se je zato še naprej odločal za prekmurski knjižni jezik in njegovo rabo v protestantski cerkvi in šoli. Zagovarjal je pouk v otrokom jasnem in razumljivem jeziku prekmurskega slovenskega okolja ter tiskanje knjig v starem slovenskem jeziku. Kratkoročno je bila taka odločitev celo razumljiva, dolgoročno pa se je pokazala za napačno in slovenstvu škodljivo – zavestno jezikovno razlikovanje prekmurske protestantske literature od poenotenega slovenskega knjižnega jezika je po zlomu madžarske revolucije avgusta 1949 postalo primerna osnova za razvoj vendske teorije in madžarizacijo Slovencev med Muro in Rabo (Mukics 2003).

Mnenje, da ogrski Slovenci, ki živijo med Muro in Rabo, niso Slovenci, ampak Vendi, poskuša na neznanstven način zanikati teorijo o dvojničnem razvoju slovenskega knjižnega jezika do sredine 19. stoletja (Jesenšek 2010) tako, da želi prekmurski ali »stari slovenski jezik« prikazati kot neslovenski jezik, uporabnike tega jezika pa za Neslovence. Vendska teorija se je pojavila po revoluciji in porazu liberalnega tabora Lajosa Kossutha in je postajala vedno bolj politično motivirana – njen cilj je bil prekiniti vsakršne stike in povezave med Slovenci v avstrijskem in madžarskem delu monarhije in pripraviti pogoje za oblikovanje enotnega madžarskega etničnega prostora oz. t. i. ideje o »enotnem in nedeljivem madžarskem narodu«. Nekateri evangeličanski duhovniki in verniki so v strahu, kako obdržati svojo evangeličansko vero, konec 19. stoletja odkrito popuščali takim zahtevam madžarske raznarodovalne politike. Neupravičeno pa se je taka oznaka prijela tudi Kardoša, ki je bil zaradi lojalnosti do madžarske uradne politike označen za odpadnika in človeka, ki ni zavestno soustvarjal pozitivne slovenske kulturne podobe v pokrajini med Muro in Rabo, pač pa je zagotavljal primerne jezikovne pogoje za utemeljevanje vendske teorije (Šebjanič 1966: 140). Taka ocena je prestroga in neutemeljena, saj Kardoš ni bil zagovornik vendske teorije in ni nikoli tako razmišljal. V madžarsko pisanih besedilih je res uporabljal izraze *ogrski Vend*, *ogrška vendščina*,⁶ saj je šlo za madžarsko terminologijo, v slovenskem prekmurskem knjižnem jeziku pa dosledno le *ogrski Slovenci*, *ogrška slovenščina*. Ostajal je jezikovno in narodnostno ogrski Slovenec in ni sprejemal oznake *vendski jezik* za prekmurski knjižni jezik – v naslovih svojih knjig nikoli ni uporabil izraza *vendski jezik* ali besednih zvez, v katerih bi se pojavljala iztočnica *vendski* za *slovenski* v različnih oblikah in izpeljavah: npr. *Kratki navuk krsztansztva /.../ okrogline szlovenszke*, 1837; »*ABC ali Navuk na pizajocs-cstenye*« za *szlovenszke vucsevnice vödani*, 1867; *Navod vu szlovenszke A-B-C-szke i zacsetnoga cstenya kniga...*, 1873). Podoban je bil zavednemu katoliku Ivanocyju, ki je kljub hudim madžarizacijskim

⁶ Prim. Kardoševo oceno katoliškega (Murkovič) Abecednika in (Bagary) čitanke v: Regös János, *Az elemeni nénepoktatásügy Vas megyében 1867–1890*. Szombathely 1966, 78–90.

pritiskom vedel, da poimenovanje *Vend*⁷ ni sprejemljivo med prekmurskimi Slovenci: »/.../ zaman iščete to besedo (Vend) v jeziku tega ljudstva, in ker se ljudstvo vedno in tudi danes imenuje "Sloven", je edino ta naziv upravičen in pravilen.« (Štumpf, 2006: 28). Še v začetku 19. stoletja so prekmurske Slovence v madžarski literaturi imenovali *Tót*, ozemlje pa *Tótság* (Zelko 1996: 146), tako tudi vse druge Slované na Ogrskem. Po uvedbi dualizma leta 1867 in kasneje z uvedbo novega šolskega zakona pa se je začelo vse bolj agresivno madžariti slovenska krajevna imena in takrat se je pojavilo tudi poimenovanje *Vend* za prekmurske Slovence, tj. posebno ljudstvo keltskega izvora, ki ni povezano s Slovenci v avstrijskem delu monarhije. Ostanki vendske teorije so, žal, prisotni še danes (npr. delovanje takega društva na Vericah), čeprav v moderni demokratični ureditvi Evropske zveze nimajo kaj iskati.⁸

Tako kot Ivanocyjevo je bilo pred njim tudi Kardošovo delo, pa naj je šlo za cerkveno ali šolsko, izrazito narodnostno naravnano:

»Ti učbeniki so imeli narodnostni pomen, dokler so jih uporabljali v šoli, razširili so besedni zaklad in poglobili slog za najrazličnejša področja osnovnega branja in spisja /.../« (Novak 1976: 71).

Čeprav so bili Kardoševi učbeniki v drugi polovici 19. stoletja še vedno natisnjeni v madžarskem črkopisu (prekmurski katoliški pisci so s poenotenjem slovenske knjižne norme sprejeli tudi slovenico), pa je pomembno, da so bili prevedeni v prekmurski slovenski jezik in so učencem v prekmurskih verskih ali ljudskih šolah

⁷ Vendsko teorijo je odločno zanikal tudi Jožef Klekl st.: »Memento dierum antiquorum, cogita generationes singulas: interroga patrem tuum, et annuntiabit tibi: maiores tuos, et dicent tibi' (spomni se dni starodavnih, premisli leta od roda do roda! Vprašaj svojega očeta, da ti oznani, svoje starce, da ti povejo!), in če smem dostaviti: 'interroga cognatos tuos trans Muram et docebunt te' (vprašaj svoje krvne sorodnike prek Mure in te bodo poučili): Da, mi smo Slovenci, saj nobenemu izmed nas nista rekla oče in mati: 'Ti si Vend, Vendka', temveč samo: 'Ti si Slovenec, Slovenka'. Tako sta govorila tudi moj oče in mati, tako so govorili tudi starši dr. Mikole in vseh nas. Bodimo pravični in se imenujmo s pravim imenom v miru in poštenju.« <http://districtustransmuranus.blogspot.com/search/label/Osebnosti>

⁸ Odločen zagovornik vendske teorije je bil Sándor Mikola, madžarski politik in znanstvenik slovenskega rodu (rojen v Gornjih Petrovcih leta 1871), velik nasprotnik Kraljevine Jugoslavije, ki je zanikal slovenskost Prekmurcev in Porabcev.

Na Madžarskem izhajajoči časopis Porabje je februarja 1991 jasno zapisal: »Slovenci na današnjem Madžarskem govorimo isti jezik, kot ga govorijo onstran meje od Goričkega do Trsta, Celovca in hrvaške meje. Z njimi smo isti narod, o čemer nobena znanost ne dvomi. Le madžarska politika nas je hotela zaradi neznanja in svojih namenov ločiti, ter je trdovratno uporabljala ime »Vend«. Po zadnji vojni smo izbojevali pravico do uporabe svojega resničnega imena »Szloven«, /.../. Kdor torej danes uporablja javno v tisku in govoru oznako »Vend« za Slovence na Madžarskem, je kazensko odgovoren, ker dela proti mednarodnim pogodbam in dogovorom. Tega se zavedajmo in zahtevajmo pravico svojemu narodnemu imenu!«

(v slovenskem evangeličanskem okolju jih je bilo leta 1873 devet) omogočali vse do leta 1879 pouk v maternem jeziku in ne v madžarščini. Kardoš, ki je umrl leta 1875, ni bil več soočen z zakonom o obveznem pouku madžarskega jezika v vsakem razredu ljudske šole in zahtevo, da morajo vsi učenci nemadžarske narodnosti po končanem četrtem razredu obvladovali madžarščino (Andoljšek, 1976: 35).

Kardoš je bil pri poimenovanju prekmurskih Slovencev v predgovorih k svojim knjigam previden, saj zaradi dobrih odnosov z madžarsko oblastjo, ki je financirala njegove učbenike in jim podeljevala »oficialnost« (odobril jih je madžarski »ministerium vadljivanya i navuka« – ministrstvo za bogočastje in uk), ni želel zaostrovati slovenskega jezikovnega in nacionalnega vprašanja na Madžarskem tako kot npr. Borovnjak (Jesenšek 2008). Ker je šlo za prevode madžarskih učbenikov, so bili Kardošev abecednik (1871), tri berila (1870, 1871, 1872) in priročnik za učitelje (Navod na fliszanya, 1870) vsebinsko, žal, neslovensko obarvani; ker jih je financirala madžarska oblast, so imela berila na vsaki poli napis *Vend szlovenszke knige cstenya*, čeprav je Kardoš npr. naslovil berilo za tretji razred *Szlovenszke nove knige cstenya* (1872), poudarjajoč prav slovenski (ne vendski!) jezik te nove slovenske čitanke; enako tudi abecednik iz leta 1867 (*ABC ali navuk na piszajocs-cstenye za szlovenszke vucsevnice*). V predgovorih Slovencev med Muro in Rabo zato ni imenoval z zemljepisnim lastnim imenom, ampak se na njih obrača z večbesednimi občnimi poimenovanji, npr.: *lübleni narod moj, odebrano lüdsztvo svoje, narod i dr'zela krsztsanszka, brat moj evangelicsanski, pridocsi rod*. V pesmarici Krsztsanszke mrtvecsne peszmi tako beremo v Predgovoru, podpisanem Na Hodosi Szüsca 15. 1845 od Kardos Jánosa, ev. duhovnika:

»Ka za dragsi kincs bi tak mogao jasz szrdcam pobo'znim lüblénoga národa moje-ga ponüditi, kak isztino 'zitka, vu eti naszledüvajocsi peszmaj mrtvecsni napredáno? Ar sto nezna, kak veliko zmenkanye je domovina nasa do eti mao vu znamenitom dugoványi etom viditi mogla?!«

Kardoš se je v Predgovoru spretno rešil težavam pri poimenovanju naroda in države, domovine, v kateri živi ta narod: *lübléni národ moj* je seveda poimenovanje za prekmurske Slovence, ki jih nagovarja v njihovem, tj. slovenskem prekmurskem jeziku, *domovina nasa* pa je ali celotna ogrska država ali pa slovenska Krajina, področje med Muro in Rabo, v katerem prebivajo ogrski Slovenci.

V pesmarici Krsztsanszke czerkvene peszmi (druga izdaja, v-Gradci, ok. 1875) je *lübléni národ moj* poimenoval sinonimno *odebrano lüdsztvo svoje*, prekmurskega Slovenca pa *brat moj evangelicsanski* ter se tako izognil lastnemu imenu Vend oz. Slovenec; v Evangeliomszke vere ino cerkvi obcsinszki prigodi je tako poimenoval tudi narod in državo, domovino: *narod i dr'zela krsztsanszka*. Kljub taki poimenovalni previdnosti in nedoločnosti pa Kardoš kaže od vsega začetka jezikovno zavedno slovensko usmerjenost, ki se potrjuje tudi v predgovoru k njegovemu prvo-

tisku⁹ (Hodoš, 27. Risalczek 1837; tj. meseca maja), v katerem se sklicuje na materni jezik in evangeličansko vero:

»D. Luther Martini, koga ocsinszke szkrbnoszti plemeniti zálog, otrokom roditelov pobožni meszto dráge örocsine porocseni, zdaj i mi vu jeziki maternom, gingavim lúbezníkom czérkvi evangelicanszke z-dobrotlivim czílanyem i sztém vrejlím zselejnyem prejkdati setüjemo: da bi se /.../ na radoszt odicsene domovine nebeszke podignoli.«

Takih poimenovalnih zadreg po priključitvi dela Prekmurja h Kraljevini Jugoslaviji seveda ni bilo več – Adam Luthar, prireditelj druge izdaje pesmarice (Krščanske mrtvečne pesmi) iz leta 1845, (Puconci, 1929. februára 24.), je v Predgovoru k drugomu vödányi, ki v pesmarici sledi takoj za prvim Kardoševim v Hodošu napisanem Predgovoru, jasno poudaril slovenskost prekmurskega jezika, v katerem so bile napisane Sijartove, Kardoševe in Flisarjeve mrtvečne oz. cerkvene pesmi:

»Ár szo 'ze dávnó szfalíle mrtvecsne peszmene knige, záto je Prekmurszka sinyoríja pred nisterimi leti dokoncsala, naj sze znövics vödájó. /.../ Nadale nikelko prípravni i jáko lübleni peszem je cójvzėti z Kardosovi "Cerkveni peszmeni knjig". Nisterere novese peszmi szo tüdi notrivzéte, stere szo Fliszár János vpok. Kántor-vucsitel poszlovcnzili.«

Enako so se slovenskih jezikovnih in narodnih korenin zavedali tudi prekmurski evangeličanski izseljenci v Ameriki, in to so jasno poudarjali v vseh predgovorih k svojim v Ameriki izdanim knjigam. Črkopis so sicer obdržali madžarski, pokrajino med Muro in Rabo, slovensko Krajino, so imenovali *sztari kraj*, vero, pesmi in molitve, ki so ji prinesli s seboj v *nouvo domovino Ameriko*, pa so jasno določali s prilastkovno besedno zvezo *nas szlovenszki*; tako so imenovali tudi svojo cerkveno občino (*Bethlehemszka Szv. Ivana Szlovenszka Evangelicsanszka Gmajna*). O tem priča npr. Predgovor iz ponatisa Kardoševe pesmarice Krsztsanszke czerkevne peszmi (Bethlehem, 1941):

»Gda szmo mi z-sztároga krája inda – kak tühinci i vandrarje prisli eszi vu eto nasouvo domovino: vu Ameriko, – z-szebov szmo prineszli eszi Bozso Szvéto Rejcs, nase szlovenszke evangelicsanszke molitvene ino peszmene knige. – Na zemlé braszklavoj pouti hodécsi szmo mi szebi e-eti szvéti kníg nouvo düsno moucs zajímalivu tej preminoucsi lejtaj. – Ali po vnougi lejtaj nücanyi szo nase lübléne szlovenszke evangelicsanszke cérkevne peszmene knige pomali prejsle. – Z-sztároga krája je vecse nej mogoucse bilou peszmene knige dobiti i tak je nasa betlehemszka Szv. Ivana Szlovenszka Evangelicsanszka Gmajna tou szkoncsala, ka ona eti vu Ameriki znouva dá stampati szlovenszke evangelicsanszke cérkevne peszmene knige.

⁹ D. Luther Martina máli kátekizmus ali glavni návuk szvéte vere krsztsanszke. Naime za deczo správics evangelicsanszki. Vödáni po Kardos Jánosi hodoskom dühovniki. V-Pesti stámpani vu násztavi plem. Trattner-Károlyivoj. 1837.

Z-etim zdaj nasim amerikanszkim szlovenszkim evangelicsanszkim vere vernim brata mino szesztram vu roké dámo ete, na nouvo vödáne peszmene knige z-tém nasim vrehlim zselejnyom, ka naj oni potom tüdi vu te nasi indasnyi cérkevni peszmaj nájdejo gori to düsevno radoszt, obészelnoszt i moucs, stero szo inda nasi evangelicanszki prerodnici gori najsli vu eti szvéti peszmaj. (Bethlehem, Pa., 1941, Április mejszeca. Bethlehemszka Szv. Ivana Szlovenszka Evangeličsanszka Gmajna, Rev. Dr. Ernesta A. Stiegler dühovnik)«

Kardoš je celo življenje ostal zvest slovenskemu prekmurskemu knjižnemu jeziku, tj. staremu slovenskemu jeziku, kakršen se je začel uveljavljati v prvih prekmurskih tiskih in ga je normiral Števan Küzmič v Novem Zakonu leta 1771, ko je s prilastkom *stari* poudaril razliko med kajkavskim (nekoč imenovanim *slovenski*) in prekmurskim (*starim slovenskim*) jezikom (Jesenšek 2005: 1–2) – razlikovalna značilnost prekmurskega knjižnega jezika do kajkavščine in osrednjeslovenskega jezika je ostala prisotna tudi pri Kardošu, ki je še naprej vztrajal pri »starem slovenskem jeziku«, s tem pa je nehote, vendar dolgoročno povzročil različne jezikovne zablode v podonavskem jezikovnem prostoru (Jesenšek 2010: 124) .

Literatura

- Andoljšek, Ivan, 1976: *Naš začetni bralni pouk in učbeniki zanj*. Ljubljana: DDU Univerzum.
- Ivanocy, Franc, 1905: *Nájszvetejsega Szorca Jezusovoga veliki kalendár za lüdsztvo*, 106.
- Mukics, Mária, 2003: *A Magyarországi Szlovének*. Press Publica, <http://www.vendvidek.com/k3e.html>
- Jesenšek, Marko, 2005: Nastanek in razvoj prekmurskega knjižnega jezika. *Slavistična revija*, 1–12.
- Jesenšek, Marko, 2005a: *The Slovene language in the Alpine and Pannonian language area : the history of the Slovene language*. Kraków: Universitas.
- Jesenšek, Marko, 2008: Borovnjak in prekmurski knjižni jezik. *Življenje in delo Jožefa Borovnjaka*. Maribor: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti, 166–179.
- Jesenšek, Marko, 2010: Začetki jezikovne politike in načrtovanja v prekmurskem knjižnem jeziku 18. in 19. stoletja. *Muratáj (Lendava)*, 118–126.
- Jesenšek, Marko, 2010a: Slovene standard language between the centre and the periphery. *Studia Slavica Hungarica*, 279–287.
- Novak, Vilko, 1935: Slovstveno delo Slovenske krajine. *Slovenska krajina*. Beltinci: Konzorcij /V. Novak/, 34–39.
- Novak, Vilko, 1976: *Izbor prekmurskega slovstva*. Ljubljana: Zadruga katoliških duhovnikov.
- Orožen, Martina, 1996: *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.

- Orožen, Martina, 1996a: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.
- Sušnik, Fran, 1929: *Prekmurski profili*. Ponatis izdaje iz leta 1929. Maribor: Pomurska založba 1998.
- Šebjanič, Fran, 1966: Novejši književno zgodovinski in kulturno politični razvoj v Prekmurju. *Panonski zbornik*. Murska Sobota: Pomurska založba ČZP Pomurski tisk, 139-145.
- Škafar, Ivan, 1978: *Bibliografija prekmurskih tiskov od 1715 do 1919*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Štumpf, Peter, 2006: Jožef Klekl st. (1874-1948) kot publicist v prizadevanju za ohranitev katoliške vere v Slovenski krajini (Prekmurju). Ljubljana: Salve.
- Zelko, Ivan, 1996: *Zgodovina Prekmurja*. Murska Sobota: Pomurska založba.

РЕАЛИИ И ЛАКУНЫ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Abstract: In linguistic and psycholinguistic research the problem of text understanding has been the focus of attention of many scholars for a long time. The present study explores the dependence of text interpretation on nonequivalent lexicon. It argues that not all the nonequivalent words (lacunas, realias, professional terms and etc.) influence the process of text understanding. Experimental data demonstrate that realias and professional terms make the process of text interpretation complicated meanwhile lacunas seem problematic only till the moment they are translated which results in its definition presupposing the dependence of this phenomenon on the occurrence in the conceptsphere of a foreigner.

Keywords: text interpretation, text understanding, nonequivalent lexicon, realia, lacuna, professional term, experimental data.

Текст, как источник информации, отражающий реальную картину мира того или иного языка в период его конкретного исторического развития, является объектом исследования многих лингвистических наук: лингвистики текста, психолингвистики, когнитивной лингвистики и др. Интерес к этому весьма сложному и полифункциональному знаковому образованию связан с проблематичностью его восприятия, понимания и оценки.

При исследовании иноязычного текста с точки зрения психолингвистики значительное внимание должно быть уделено таким его аспектам как восприятие и оценка, ибо проблема восприятия, понимания и оценки текста, является одной из самых существенных проблем, от решения которой во многом зависит оптимальное функционирование видов массовой коммуникации. Однако ответ на вопрос о роли психолингвистической значимости тех знаковых единиц, которым носитель языка приписывает статус текста (проблема смысла и значения; цельности и связности текста), до сих пор не дан. Причиной этому может послужить тот факт, что текст является одновременно объектом исследования лингвистики и психолингвистики, для которых определение понятий смысла, значения, цельности и связности различны.

Согласно психолингвистике, **текст** – нечто целостное, некоторый концепт, то ментальное образование, которое в лингвистической литературе именуется **цельностью текста**. **Цельность** же или **целостность** в сборнике статей по психолингвистике под редакцией А.М. Шахнаровича определяется как латентное проекционное (концептуальное) состояние текста, возникающее в процессе взаимодействия реципиента и текста [Психолингвистика 1984]. **Реципиент** с психолингвистической точки зрения понимается как индивид,

вступающий во взаимодействие с некоторой знаковой продукцией, понимаемой как текст, представляющей собой систему визуальных и звуковых сигналов, интерпретируемой индивидом и образующей у него систему представлений (смыслов). Взаимодействие реципиента и текста, в ходе которого реципиент достигает поставленной цели, называется в психолингвистике и лингвистике **деятельностью**. Само же понятие деятельности очень тесно связано с определением **связности текста**. Термин «**связность**», которым оперирует лингвистика, определяется как некоторая рядоположенность и соположенность строевых и нестроевых элементов языка, некоторая дистрибуция, законы которой определены технологией соответствующего языка». В.В. Виноградов выделяет **два типа связности**: «**локальная**» (связность линейных последовательностей в тексте: предложения, сверхфразовые единицы, абзацы и т.д.) и «**глобальная связность**» (то, что обеспечивает единство текста как целого, его внутреннюю цельность) [Виноградов 1959]. Текст может содержать все способы локальной связи (анафорическую, логическую, правильную тематическую последовательность и др.) и в то же время не быть осмысленным, т. е. смысловая цельность в нем может отсутствовать. Причина этому – глобальная связность, которая является ничем иным, как отражением единства образа автора, выражаемого **авторской интенцией**, нацеленной на создание у реципиента положительной оценки предмета текста. Поэтому, если локальная связь представляет интерес для исследований, как в области лингвистики, так и психолингвистики, то глобальная, в том определении, которое мы только что дали, доступна только для второй, в условиях поглощения данного термина локальной связностью в лингвистической науке. Следует отметить, в большинстве психолингвистических работ рассматриваются вопросы **цельности/ нецельности текста**. В лингвистических же работах основное внимание уделяется вопросам **связности текста**. Поэтому информационное поле текста и текст как лингвистическое явление, представляющее собой совокупность знаков, не тождественны.

При прочтении иноязычных текстов, как и любых других, главной целью, прежде всего, является извлечение информации, т. е. повышенное внимание уделяется информационному полю текста. Однако, при возникновении проблемы перевода единиц одного языка на «соответствующие» единицы другого, реципиент в этом случае начинает работать с текстом уже как с «лингвистическим явлением». Так, хорошо знакомые флексии слов одной части речи позволяют догадаться о значении незнакомого слова. Когда же реципиент встречается в иноязычном тексте слова, не имеющие эквивалентов в родном языке, то, преодолевая трудность в овладении их значением, он/ она делает текст одновременно объектом изучения психолингвистики и лингвистики. В данном случае определяется план содержания безэквивалентной единицы (далее БЭЛ) с целью восполнения информационного пробела, и наблю-

дается стремление к адаптации данной единицы путем перевода согласно структуре и нормам функционирования родного языка.

Принято считать, что приписывание единицам статуса текста происходит на интуитивном уровне. Как следствие, присутствующие в тексте лексические безэквивалентные единицы осложняют его обработку лишь в случае необходимости анализа словарного состава, детального пересказа, а также перевода. И, напротив, никак не влияют на такие его характеристики как цельность и связность, модальность и авторская интенция.

С целью изучения влияния БЭЛ на процесс восприятия и понимания текстов нами были проведены комплексные контрастивные и психолингвистические анализы англоязычных газетных статей взятых из британского печатного источника "The Guardian" (2008 – 2011 года).

В результате проведенного контрастивного анализа из имеющегося в статьях класса БЭЛ были выделены лакуны и реалии.

Под **лакуной** мы понимаем единицу БЭЛ содержательно представленную в концептосфере иноязычного носителя, но не имеющую достаточного формально выраженного лексического значения в данном, переводном, языке при наличии его соответствия в другом, сравниваемом, языке. Например: *banner* – 'выступающий в поддержку политической партии', *rucksack* – 'походный мешок', *duffelcoat* – 'спортивная куртка', *toggle* – 'продолговатая деревянная пуговица', *opioid* – 'синтетический наркотический препарат' и др. Существуют различные подходы к способам перевода лакун. Мы придерживаемся мнения о возможности переводимости данных единиц БЭЛ при помощи словосочетаний, что свидетельствует о недостаточности языковой функции номинации в отношении того или иного предмета языковой действительности народа, чей язык на данный момент является сравниваемым (русский) по отношению к переводному (английскому). Например: *pram* – 'детская коляска', *coach* – 'одноэтажный автобус', *forefront* – 'передовая линия', 'передний край' и т. д.

Реалии – предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, концептуально не представленные в концептосфере иноязычного носителя. Наиболее употребительный способ перевода реалий – заимствование: *Aldermaston march* – 'Олдермастонский поход' (сторонников мира; марш протеста против ядерного оружия, впервые проведенный членами организации "Движение за ядерное разоружение" 4 апреля 1958 по маршруту Лондон - Олдермастон) и др.

Психолингвистический анализ текстов в данной статье основывается на методике анкетирования. Респондентами выступали студенты старших курсов лингвистического вуза (87 человек), основным изучаемым языком которых является английский. Работа с представленными на рассмотрение текс-

тами была условно разделена на два этапа, отличающихся между собой целевой направленностью. Цель первого этапа – показать на практике возможность адекватного восприятия и оценки текста иноязычными носителями. Цель второго – подтвердить или опровергнуть отрицательное влияние используемой в тексте БЭЛ на его понимание.

На первом этапе респондентам предлагалось прочитать один из пяти представленных для эксперимента текстов, не прибегая к помощи словаря, а затем ответить на вопросы, оформленные в виде таблицы, предполагающей ответы «да»/ «нет» и на вопросы касающиеся темы текста и его восприятия, связности и цельности (результаты анализа приводятся в таблице 1). Для того чтобы респонденты могли ответить на вопросы о модальности текстов и авторской интенции, под таблицей прилагались определения данных понятий.

Таблица 1.

Текст	Понятен для (%)	Целен для (%)
1. We saved the world	41.3	80.4
2. Acupuncture may increase chances of success in IVF	79.3	100
3. Is time travel possible?	74.3	59.7
4. Nelson Mandela's health: 'no need to panic'	90.1	100
5. The women who refused to lie for Tommy Sheridan	85	77

Различия текстов по характеристикам цельности и понятности в цифровых показателях могут объясняться структурой построения статей и наличием в них незнакомой лексики. Однако чтобы ответить на вопрос, какие единицы класса БЭЛ затрудняют восприятие иноязычных текстов, респонденты должны были прочитать тексты во второй раз, предварительно ознакомившись с переводными аналогами (выделенных в тексте) присутствующими в них лакун и реалий (вопросы – ответы респондентов представлены в таблице 2).

Таблица 2.

Вопрос	Название статьи	Ответы респондентов в процентном соотношении (%)
1. Осложняют ли понимание текста выделенные слова?	1. We saved the world	100 - «да»
	2. Acupuncture may increase chances of success in IVF	100 - «да»
	3. Is time travel possible?	100 - «да»
	4. Nelson Mandela's health: 'no need to panic'	100 - «да»
	5. The women who refused to lie for Tommy Sheridan	100 - «да»
2. Осложняют ли понимание текста переводные эквиваленты выделенных слов? Если да, то, какие?	1. We saved the world	82.7 - «нет», но: <i>Aldermaston march, Greenham Common, Massive retaliation, Polaris</i>
	2. Acupuncture may increase chances of success in IVF	95.4 - «нет», но: <i>gonadotrophin, neurotransmitter</i>
	3. Is time travel possible?	100 - «нет»
	4. Nelson Mandela's health: 'no need to panic'	100 - «нет»
	5. The women who refused to lie for Tommy Sheridan	100 - «нет»

Данные, полученные на втором этапе психолингвистического анализа, отражают зависимость восприятия иноязычных текстов от присутствующей в них незнакомой лексики. Однако, из числа отмеченных в текстах лакун, реалий и профессионализмов, затруднения в понимании не вызвали только лакуны, определение которых вытекает из феномена концепта, позволяющего отождествлять явления окружающего мира одного народа с явлениями окружающего мира другого.

Так, статья “Nelson Mandela's health: 'no need to panic'” по данным первого анкетирования обладает самыми высокими показателями цельности (100%) и понятности (90.1%). Перевод выделенных в ней слов не изменил процент понятности, что объясняется наличием в статье лакун осложняющих ее понимание лишь до момента, пока они не переведены. Например: *panel* – ‘коллегия присяжных (заседателей)’; *lodestar* – ‘путеводная звезда’; *checkup* –

‘полный медицинский осмотр’; *homage* – ист. ‘принесение феодальной присяги’; *emeritus* – ‘заслуженный деятель в отставке (гл. образом профессор)’.

Рост показателя понятности с 85 % на первом этапе эксперимента до 100% на втором был зафиксирован на примере статьи “The women who refused to lie for Tommy Sheridan”. Это может быть объяснено наличием в тексте лакун, не осложняющих его понимание при переводе на русский язык. Например: *convener* – ‘член (комитета, комиссии), который подготавливает созыв собрания, совещания’; *sexism* – ‘половая дискриминация’ (заимствованное ‘сексизм’); *conspiracy* – ‘тайный сговор’; *coup* – ‘успешный ход’, ‘удачный манёвр’ и др.

Статья “Acupuncture may increase chances of success in IVF” изначально показалась цельной для 100% опрошенных и понятной для 79.3%. При переводе выделенных в ней слов процент «понятности» вырос до 95.4%, а затруднения были вызваны словами – профессионализмами *gonadotrophin* – ‘гонадотропин’ и *neurotransmitter* – ‘нейромедиатор, нейротрансмиттер’ которые, представляют интерес для специалистов – медиков, но не для простых читателей.

Меньшими показателями отмечен текст “Is time travel possible?»: понятен – 74%, целен – 59.7%. Тем не менее, после перевода незнакомой лексики его поняли 100% респондентов, что может быть объяснено отсутствием в тексте слов – профессионализмов и реалий.

Самой трудной для восприятия оказалась статья “We saved the world” из-за наличия в ней большого количества реалий, которые несут на себе основную смысловую нагрузку данной статьи: на первом этапе текст понятен 41.3% опрошенных, а на втором – 82.7%. Например: *Greenham Common* – ‘Гринэм-коммон’ (военно-воздушная база близ Ньюбери, графство Беркшир, где до 1989 размещались американские крылатые ракеты; у базы постоянно дежурили женщины-демонстранты из организации “Женщины за мир” в знак протеста против присутствия ракет на территории Англии); *Massive retaliation* – ‘массированный ответный удар’ (Стратегия “массированного возмездия” Военно-политическая доктрина, изложенная Дж. Даллесом в январе 1954; предполагала применение США в случае конфликта с СССР всех средств ведения боевых действий, в первую очередь ядерного оружия. Сторонники доктрины, в том числе министр обороны США в администрации Эйзенхауэра Ч. Уилсон, объявляли применение ядерного оружия в возможном конфликте более экономичным, называя это “новым подходом” в условиях превосходства СССР в обычных видах вооружений. Администрация Кеннеди в 1961 официально признала доктрину ошибочной и приступила к разработке стратегии “гибкого реагирования”) и т. д.

Полученные в результате анализа данные дают нам право говорить о значимости представленных в тексте таких единиц БЭЛ как реалии, так как

именно реалии, вследствие отсутствия у них «общего» для двух культур концепта, затрудняют процесс восприятия иноязычных текстов, как и коммуникацию, в общем.

Анализ, проведенный на базе газетных статей, взятых из британского источника «The Guardian» имеют под собою несколько практических целей. Использование методов контрастивного и психолингвистического анализов позволило комплексно подойти к вопросу восприятия текста. Прежде всего, удалось показать, что иноязычный текст может быть (хотя и частично) понятен представителю другой культуры. Это подтверждает предположение об интуитивном приписывании языковым единицам статуса текста. И, наконец, была установлена роль лакун и реалий в процессе восприятия иноязычных текстов: если наличие лакун затрудняет его понимание лишь до момента, пока они не переведены, то переводные эквиваленты реалий не исчерпывают тот первоначальный смысл и информацию, которая хранится в языке – оригинале. Как итог, проведенный анализ дает возможность глубже разобраться в проблемах восприятия тех достоверных источников культурно-языкового наследия различных народов, которые именуется текстами.

Литература

- Виноградов В.В. О языке художественной литературы. Москва, 1959.
Психолингвистика: Сборник статей. / Под ред. А.М. Шахнарович. Москва, 1984.

Михай Кочиш

НАДСТРОЧНЫЕ ЗНАКИ В РУКОПИСЯХ XVI ВЕКА

Abstract: Diacritical Marks in 16th Century Ukrainian Manuscripts

The article deals with the use of the diacritical marks in 16th century Ukrainian manuscripts kept in Hungary and, especially, with the way of notation of the sounds *j* and *ç*. Although the letter *иѣ* can be found in the majority of codices, the phonetic value of this grapheme is diverse in the written sources in question.

Keywords: Slavic linguistics, the Ukrainian language, history of language, orthography.

Великий знаток древних рукописей Е. Ф. Карский в своей общеизвестной палеографии посвятил несколько страниц также истории употребления надстрочных знаков. Он замечает, что прежние колебания в их применении привели к необходимости точного определения правил написания, а также знаков ударений и придыханий. Данная регуляция, выполненная в XIV в., представляет собой составную часть реформы Евфимия Тырновского, последователем которого в Сербии стал Константин Костенечки. Потом Карский, опираясь на работу Костенечкого (скорее, на ее издание В. Ягичем) сообщает нам о названиях разных надстрочных знаков. Вслед за этим следует не совсем оптимистическое высказывание опытного исследователя: «Мнения Константина Костенечкого служили предметом внимания у разных последующих книжников; подвергались изменениям и дополнениям, но, во всяком случае не были забыты, а развились еще в больших подробностях, так что, читая какую либо рукопись XVI в., не можем даже понять, чем руководствовались писцы в постановке тех или других надстрочных знаков» (Карский 1928: 229–230).

Еще в начале 1990-ых гг. мы начали заниматься решением вопроса, имеется ли какой-либо порядок в постановке переписчиками надстрочных знаков, наблюдаемых в украинских церковных рукописях именно XVI века.

Наша статья о функции надстрочных знаков, встречаемых в Сегедской минее (с добавлением данных о подобных явлениях в тексте Скотарского учительного евангелия), была напечатана в 1997-ом г., в журнале *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyházensis*, основанном покойным проф. Иштваном Удвари. Мне здесь хотелось бы привести самые важные выводы этой публикации:

1. Знаки ударения и придыхания греческого происхождения в церковнославянских рукописях XVI в. употребляются, в первую очередь, с целью

более легкого расчленения на слова текста. Они применяются переписчиками сознательно, несмотря на то, что эти знаки могут создавать разные системы.

2. В одном тексте один и тот же знак может иметь несколько функций. Кендима, например, как правило, пишется над конечной гласной односложного слова, состоящего из больше чем одной буквы, она, однако, по форме совпадает с вынесенной над строкой буквой и. На определенной части текста Сегедской минеи оксия обозначает не только первый слог слова, но и ударение.

3. В разных орфографических системах разные знаки могут применяться для одной и той же функции. Над начальной гласной слова в первой части минеи пишется знак †, во второй и третьей ее частях (а также в Скотарском евангелии) – знак ††.*

4. Основные стремления переписчиков XVI в. – обозначение начала и конца слова, которое осуществляется написанием надстрочных знаков над гласной первого слога и над конечной гласной слова. Кроме того, специально помечается начальная гласная буква слова.

5. Требования, с одной стороны, обозначения первого слога, а, с другой – начальной гласной слова, часто возникают вместе. В таких случаях переписчики ставят скорее тот знак, который указывает на начальный характер гласной. (Добавим: в подобных случаях подчеркивать тот факт, что данная буква находится в начальном слоге слова – совершенно излишне.)

6. Первый слог слова, как правило, помечается оксией, конечная гласная буква – вариет (в конце односложного слова – кендимой).

7. Слова, состоящие из одной буквы, встречаются со знаком начальной гласной (см. выше) – (Kocsis 1997: 242).

Написанию этой публикации предшествовали и исследования по орфографии Скотарского учительного евангелия 1588 г. Самым важным наблюдением над употреблением надстрочных знаков в СУЕ явилось выделение самостоятельной графемы для обозначения звукосочетания *j+i* в форме псилля под покрытием, что пишется над буквой и (Кочиш 1991: 146).

Перечисленные выше наблюдения оказались для нас весьма полезными в работе над украинскими церковными рукописями XVI в. (В состав этих кодексов входят и Сегедская минея и Скотарское учительное евангелие. Кроме их, нами была описана орфографическая система 10 памятников.) Так как мы принимали во внимание количество и переписчиков, и предполагаемых разных протографов, в конечном итоге было проанализировано 27 текстовых единиц. Теперь мы переходим на изложение тех новых наблюдений, которые касаются употребления надстрочных знаков.

Передаче звукоочетанию $j+i$ была уже посвящена одна публикация, именно в материалах последней сомбатхейской конференции (Кочиш: 2007), поэтому данной проблематикой мы на этот раз уже не занимаемся.**

Весьма увлекательным является, однако, способ обозначения в наших рукописях неслогового звука ζ . Кириллические славянские алфавиты сегодня передают этот звук двояким способом: либо буквой й (и краткой), либо латинской j (как и звук j). В истории украинского письма буква й была включена в графическую систему в грамматике 1619 г. Мелетия Смотрицкого, по которому звук i «со предид¹щиN слогаN во единъ слогъ сливаеУс» (Смотрицкий 2004: 35).

Интересно, что сторонником второго способа (точнее, принципа один звук – одна буква) был Михайло Драгоманов, в письме которого, написанном к Ивану Франко в 1887-ом г., читаем предложения с такой орфографией: «Хиба ж це не революція, навіть не „анархіја” дльа певного сорту льудеј?!» (Драгоманов 2004: 166).

Нам, все-таки, кажется совсем естественным, что данный звук, на протяжении предыдущих столетий, передавался, как правило, через букву иѣ . Такая буква часто встречается также и в наших рукописях XVI века. Однако, тщательное изучение случаев написания буквы иѣ и оценивание всех примеров букв со знаком ѣ , привело нас к той классификации анализированных нами кодексов, по которой они должны быть причисляемы к семи группам:

- а) иѣ обозначает лишь звук ζ и знак ѣ наблюдается только над буквой и .
- б) иѣ обозначает лишь звук ζ и знак ѣ наблюдается не только над буквой и .
- в) иѣ обозначает не лишь звук ζ и знак ѣ наблюдается только над буквой и .
- г) иѣ обозначает не лишь звук ζ и знак ѣ наблюдается не только над буквой и .
- д) иѣ обозначает, по всей вероятности, не звук ζ , знак ѣ наблюдается только над буквой и .
- е) иѣ обозначает, по всей вероятности, не звук ζ , знак ѣ наблюдается не только над буквой и .
- ж) иѣ не встречается.

«Опасными друзьями» исследователя могут оказаться те примеры, которые читаются в текстах, принадлежащих группам в)–е). В дальнейшем мы приводим некоторые образцы, с целью иллюстрации вышесказанного.

У переписчиков Надлейтанского апостола иѣ употребляется для передачи ζ , реже – $j+i$, и еще, как исключение – слогового i : прѣиѣти , перваѣиѣ , идущеиѣ им.мн. м.р., ѣиѣде .

В Мариаповчанском евангелии (у обоих его скрипторов) и в первой части Пириченского кодекса буквой иѣ обозначается также њ и *j+i*, но данный надстрочный знак налицо и над другими буквами: фарисеиѣска, почиваиѣѣ, w ученийѣ (МЕ), коєюѣ (ПК).

В Шарошпатакском апостоле иѣ применяется не для передачи неслогового њ: сѣщиѣмь, извѣщатиѣ.

В двух частях Сегедской минеи и в Сегедских листках знак ѣ стоит над любой начальной гласной буквой слова: еѣму, иѣзвѣстно, оѣтроче (СМ), иѣногда, уѣма (СЛ).

Определение фонетической значимости надстрочного знака, т.е. решение о том, является ли он знаком диакритическим или нет, важно и в случае издания текста рукописи. Имеется в виду вопрос точности воспроизведения оригинала, которая, само собой разумеется, не может быть оспорима в таком издании, где были сохранены все строчные и внестрочные единицы письма. Так поступали, напр., редакторы издания текста среднеболгарских рукописей Будапештского евангелия XIII–XIV в. (Будапештское 2003) и Берлинского сборника начала XIV в. (Берлински 2006). Но имеются также издания, в которых надстрочные знаки оригинала совсем не передаются. Полная игнорация едва ли может быть приемлема нами: издатель текста памятника в напечатанном варианте должен сохранить все те надстрочные знаки рукописи, которые имеют (или, могут иметь) звуковое значение, т.е. которые называются диакритическими.

Примечания

* Е. Ф. Карский называет знак ѣ кавычкой, а знак † – периспоменью или каморой, продолжением одного из греческих ударений (Карский 1928: 230). Вместо названий *периспомень* или *камора* у В. П. Василева читается латинский эквивалент *циркумфлекс*, встречающийся редко, в конце нескольких слов и в некоторых грамматических категориях (Василев 1980: 410). В научной литературе, однако, название циркумфлексного ударения *периспомень* употребляется также и по отношению к знаку, стоящему над начальной гласной слова. Павле Ивич и Вера Еркович, напр., пишут следующее: «Ни периспомена није честа», и в дальнейшем они дают примеры, без исключения, с начальной буквой w†. С другой стороны, Ивич и Еркович не употребляют термин *кавычка*, они говорят просто о знаке ѣ (Ивић, Јерковић 1981: 185).

** В этой публикации даются и библиографические данные цитированных в настоящем сообщении единиц (место хранения памятника, его шифр, изученные листы и т.п.). Исключение представляют две рукописи: Пириченский кодекс (сокр. ПК – г. Ниредьхаза, Библиотека Греко-католической Духовной академии им. Святого Афанасия, Ms. 20.008, лл. 85а–92а и 293а–296а; Сегедские листки (сокр. СЛ – г. Сегед, Библиотека Сегедского университета, Ms. 1, лл. 1–3 – весь памятник).

Литература

- Берлински 2006 – Берлински сборник. Среднобългарски книжовен паметник от началото на XIV век с допълнения от други ръкописи. Изданието е подготвено от Хайнц Миклас, Лора Тасева, Мария Йовчева. София–Виена, 2006.
- Будапештское 2003 – Будапештское евангелие. Среднеболгарский памятник XIII–XIV в. Редакторы: Й. Заимов, И. Х. Тот, Г. Л. Балаж. Сегед, 2003.
- Василев 1980 – Васил П. Василев: Правописната реформа на Евтимий и отражението и' в произведения на негови следовници и на българските дамаскинари. Търновска книжовна школа 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. София, 1980: 405–421.
- Драгоманов 2004 – М. Драгоманов: В справі реформи нашої правописі. Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004: 162–167.
- Ивић, Јерковић 1981 – Павле Ивић, Вера Јерковић: Правопис српскохрватских ћирилских повеља и писама XII и XIII века. Нови Сад, 1981.
- Карский 1928 – Е.Ф. Карский: Славянская кирилловская палеография. Ленинград, 1928. (Факсимильное издание: Москва, 1979.)
- Кочиш 1991 – М. Кочиш: К графико–орфографическому анализу церковнославянских рукописей. *Dissertationes Slavicae. Sectio Linguistica XXII*. Szeged, 1991: 137–146.
- Кочиш 2007 – Михай Кочиш: Способы обозначения звукосочетания *j+i* в украинских рукописях XVI века. *Studia Slavica Savariensia 2007/1–2. VIII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok*. Szombathely, 2007: 232–236.
- Смотрицкий 2004 – М. Смотрицкий: Грамматіки славенски- правильное Сѹнтагма. Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ, 2004: 34–38.
- Kocsis 1997 – Kocsis Mihály: Sor fölötti jelek a Szegedi Mineában. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia 5. Tanulmányok az ukrán és ruszin filológia köréből / Наукові дослідження в галузі української та русинської філології*. Szerk. Udvari István. Nyíregyháza, 1997: 213–244.

Krékity Tamás

O MOTIVU DAVANJA NADIMAKA KOD BUNJEVACA U GARI

Abstract: The motives of giving Bunjevac nicknames in Gara:

Two major works appeared concerning Croatian-Bunjevac family names as well as given names during the past two decades, There is no such work in case of nicknames. In this paper a short overview is provided on the terminology of nicknames and about their origin. Then the collected nicknames are divided into thirteen groups according to their motives of origin.

Keywords: nicknames, Gara, Bunjevac

O bunjevačko-hrvatskim prezimenima i imenima postoji nekoliko radova objelodanjenih zadnjih dvadesetak godina (Mandić, Živko: Povijesna antroponimija bunjevačkih Hrvata u Mađarskoj. Budimpešta. Tankönyvkiadó. 1987., Mandić, Živko: Antroponimija i toponimija bunjevačkih Hrvata u Mađarskoj. Pečuh. HZZ. 2005., Peić, Marko – Bačlija Grgo: Imenoslov bačkih Bunjevaca. Novi Sad – Subotica. Matica srpska, Subotičke novine.1994.) Kraći prostor posvjećuje toj temi i Ante Sekulić u svojim monografijama Bački Hrvati. (Zagreb. JAZU 1991.) i Bački Bunjevci i Šokci. (Zagreb. Školska knjiga 1989.)

Ako je riječ o pojmu nadimak obično se govori da ne postoji jedinstveno prihvaćena definicija i zbog toga su sakupljači primorani objasniti što podrazumijevaju pod tim pojmom. Po nekima pojam nadimak je zbirno ime koje obuhvaća imena koja služe razlikovanju, imena za izrugivanje, itd. Imena koja služe razlikovanju samo se po sebi razumije da imaju za zadatak razlikovanje. Obično stoje pokraj prezimena ili imena. Kao osnova razlikovanja u većini slučajeva služi tjelesna ili duhovna vrлина, karakteristika, životna prilika, itd. Često neka omaška u govoru pridonosi rađanju nekog nadimka. „Vlasnik“ tog imena u početku po pravilu ljuti se zbog tog imena i shvaća ga kao pejorativno ime. Kad se taj nadimak naslijedi i tako više nije karakterističan za svog nositelja, onda se više ne smatra pejorativnim, nego imenom koji služi razlikovanju.

Svakako trebamo istaknuti važnost sakupljanja nadimaka. Naročito je to istina ako se radi o manjim naseljima. Prošlih su se desetljeća odigravale drastične promjene u Mađarskoj u naseljima s hrvatskim življem: promjene u okolnostima rada, povećanje broja mješovitih brakova i druge okolnosti tjeraju stanovništvo onih naselja gdje žive Hrvati ka gubljenju materinjskog jezika i sporoj (ili relativno brzom) asimilaciji. Zbog toga korištenje bunjevačkog (hrvatskog) jezika u svakodnevnom životu pada u drugi plan, zajednica govornika jezika pak doživljava proces promjene jezika, korištenje mađarskog jezika je sve češće i rasprostranjenije.

Zahvaljujući promjeni jezičnog uzusa sve se manje koriste obiteljski nadimci. Nadimke, kao i hrvatski (bunjevački) jezik, prvenstveno koristi starija i ona srednja generacija koja još dobro poznaje i koristi svoj materinjski jezik. Većina mlađe generacije vjerojatno i ne poznaje svoj obiteljski nadimak ili nadimak svoga školskog druga, svog prijatelja.

U naseljima Bačke gotovo svaka bunjevačka (hrvatska) obitelj nosi neki nadimak. Obiteljski su nadimci (pridjevci) postojali gotovo kod svih naroda još prije nastanka prezimena u 16. stoljeću. Ova su imena imala distinktivni karakter. Kustić sljedeće piše o nastanku obiteljskih nadimaka: „Nastanak obiteljskih nadimaka društveno je uvjetovan prvenstveno iz potrebe za diferencijacijom pojedinaca, a kasnije i njihovih obitelji u odnosu na matičnu obitelj od koje se pojedinac tako odvojio i s vremenom udaljio, zadržavši prezime svoga pretka kao patronim koji se nije mogao mijenjati jer je njime službeno evidentiran kao osoba, građanin. Isto prezime ima danas po desetak i više obitelji koje nisu više ni u kakvom krvnom srodstvu. A kad se ima u vidu da su unuci, prema nepisanom zakonu patrijarhalne sredine, morali dobiti obično djedovo ime, onda nije teško prosuditi kako su različite osobe (prvorodena muška djeca dvojice ili trojice braće) imale jednako ime i prezime. Stoga im je radi razlikovanja bilo nužno postaviti nadimak kao dodatnu, dopunsku oznaku individualnosti“ (Kustić 80-81.). Kad su pojedine obitelji dobile svoja prezimena, mnogi su stariji nadimci nestali jer za njima više nije postojala potreba. Međutim, kada je u nekom selu postojalo više obitelji s istim prezimenom, javila se opet potreba za obiteljskim nadimcima. Sekereš utvrđuje: „Najveći broj tih nadimaka je nastao prema pravom ili hipokorističnom imenu oca obitelji, ali ima dosta i humorističkih nadimaka koji su nastali iz potrebe za ruganjem i peckanjem. Pravi nadimci su se najčešće prenosili i na potomke, dok su humoristički nadimci češće nestajali s osobom kojoj su nadjenuti.“ (Sekereš 142.)

S jezičnog aspekta Kustićevo je mišljenje o nadimku sljedeće: „S jezičnog gledišta obiteljski nadimak nije dijalektalna preinaka patronima u odnosu na službeno prezime kako se piše i izgovara u književnom jeziku. Zbog svoje namjene tj. individualizacije i diferencijacije pojedinaca u odnosu na skupinu istih prezimenjaka, nadimak svoju ulogu može ostvariti jedino ako se fonemski razlikuje od patronima jer je i nastao s drugačijom motivacijom.“ (Kustić 81.) Na taj su način obiteljski nadimci postali neka vrsta druga prezimena, u prvom redu za unutrašnju, mjesnu, svakodnevnu i neslužbenu uporabu.

Prvenstveno je sociološki uvjetovan nastanak obiteljskih nadimaka i to sa svrhom diferencijacije različitih osoba istog prezimena. Prema tomu su, dakle, nadimkom potvrđene individualne razlike te vrste. „Unatoč tomu što su nastali iz izvanjezičnih razloga, nadimke kao onomatističku kategoriju nije dovoljno samo zabilježiti i popisati, nego ih je potrebno i jezično obraditi jer je u njima uz odraz života ljudi na određenom stupnju razvoja imanentno sadržan i jezik kraja u kome su oblikovani.“ (Kustić 81.)

S jezičnog gledišta neophodno bi bilo navesti obiteljske nadimke u izvornom obliku kao građu, razmotriti njihovo značenje u odnosu na opći leksik garskoga govora i prikazati njihovo oblikovanje s tvorbenog i morfološkog aspekta. Moj skroman rad ovaj zadnji zadatak neće ispuniti, prikaz oblikovanja obiteljskih nadimaka bi bila zadaća jednog opsežnijeg, većeg rada.

O motivaciji obiteljskih nadimaka Bjelanović navodi sljedeće: „Govoreći o motivaciji obiteljskih nadimaka, tj. o razlozima koji su u momentu formiranja jezičnog znaka uvjetovali takav izbor jezičnih sredstava i u njima takav sadržaj, govorimo o samo o jednom vidu njihova značenja. No, time što se javljaju na ograničenim prostorima (obično na području nekog sela), što su obiteljski nadimci mlađi od prezimena te što se njima najčešće izražava odnos prema nekom ne tako dalekom pretku, traganje za motivacijom onomastika ove vrste potpunije otkriva njihovo značenje, nego traganje za motivima nominacije, npr. toponimima ili osobnim imenima. Zato ni onomastičke kategorije nisu sve na podjednak način asemantične, niti su sve na podjednak način nabijene primarnim i sekundarnim značenjima. Zato postoji potreba da se pri opisu neke vrste onomastičkog leksika preciznije odredi s kojeg će stajališta biti opisano njegovo značenje i koji će se značenjski elementi u njemu (oni nekadašnji ili oni sadašnji) učiniti vidljivima jezičnom analizom.“ (Bjelanović 86-86.)

Semantička klasifikacija obiteljskih nadimaka se vrši prema onim motivima nominacije koji u onomatičkoj uporabi antroponima nisu izgubili svoj nekadašnji značenjski sadržaj, koji i sada znače ono što su onovremeno, u trenutku onimizacije značili. Prema tomu objektivnije je moguće opisati informaciju neonomastičkog tipa onim obiteljskim nadimcima koji su tvorbeno raščlanjivi i koji svojim dijelovima strukture otvaraju mjesto za atribut u značenjskoj preoblici. (Bjelanović 87.)

Prema Bjelanovićevom kriteriju nadimke sakupljene u Gari prema semantičkom gledištu mogli bismo svrstati u ove skupine:

- a) ljudi određeni pripadnošću (socijalni element)
- b) ljudi određeni prostorom (geografski element)
- c) ljudi određeni psihičkim ili fizičkim osobinama njih samih ili njihova pretka
- d) ljudi o kojima njihov nadimak ne daje potpuniju informaciju. (Bjelanović 87.)

Naravno, te se skupine mogu i dalje dijeliti na taj način kako je to u ovom radu prikazano.

Nadimke smo uvrstili u sljedeće semantičke skupine: nadimci nastali od muških i ženskih imena, nadimci koji označavaju rodbinske odnose, nadimci nastali od riječi za zanimanje ili zvanje, nadimci nastali po vanjskim i unutrašnjim osobinama, nadimci nastali od riječi za biljke i plodove, nastali od životinjskih imena, nastali od toponimijskih oznaka, nadimci nastali od drugih poznatih riječi. Osim tih semantič-

kih skupina navodimo i još nekoliko grupa: nadimke koji su nastali skraćivanjem i nadimke koji su nastali uzrečicom te nadimke mađarskog i njemačkog porijekla. Ovaj skroman rad koji je nastao bez zahtjeva cjelokupne analize tek je početna točka budućeg, većeg opsežnijeg rada koji bi mogao prikazati cijeli sustav bunjevačkih nadimaka u Gari.

Podjela obiteljskih nadimaka po motivu davanja imena

Mandić je od 11 kazivača sakupio 368 takvih obiteljskih nadimaka u Gari koji se po obiteljima točno mogu identificirati. Navodi još ostalih 29 nadimaka bez naznačenja kojoj obitelji pripadaju. Vjerojatno kao zanimljivost navodi i nekoliko nadimaka iz godine 1857.

Njegovi su kazivači stariji ljudi, najstariji među njima je bio rođen 1900. a najmlađi, tko je još živ, 1925. godine. U ovome smo radu izabrali najkarakterističnije i najzanimljivije nadimke te smo ih uvrstili u nekoliko skupina.

1. Nadimci nastali od muških osobnih imena

Adam od imena *Adam*

Andrijica hipokoristik (ime odmila) imena *Andrija*

Antin posvojni pridjevski oblik imena *Ante* ili od mađarskog oblika hipokoristika *Anti*

Antulin od imena *Antun*

Anucka ime odmila imena *Ana*

Bariša od imena *Bariša*

Benco hipokoristik imena *Benedikt*

Blažovi od imena *Blaž*

Bono od imena *Bonaventura*

Dano od imena *Dano*

Dašo od imena *Dašo*

Fabo od imena *Fabo (Fabijan)*

Gajo od imena *Gajo*

Gavro od imena *Gavro*

Grša od imena *Grša*

Imrin od imena *Imre*

Ižak od imena *Ižak*

Janoš od mađarskog imena *János*

Jašica hipokoristik od imena *Jašo (Jakov)*

Matin posvojni pridjevski oblik imena *Mato*

Meco od imena *Meco*

Melkir od imena *Melhior*

Mićora od imena *Nikola*
 Mikica, hipokoristik imena *Nikola*
 Miškulin od imena *Miško*
 Lajčo od imena *Lajčo*
 Pipo od imena *Stipo, Stipan*
 Pištin/Pištin od mađarskog hipokoristika *Pista/Pisti* imena *István*
 Stipuš hipokoristik imena *Stipan*
 Pero/Perica od imena *Pero (Petar)*
 Šago od imena *Šago*
 Šano od imena *Šano*
 Tonča hipokoristik imena *Antun*
 Vencel od mađarskog imena *Vencel*

2. Nadimci nastali od ženskih osobnih imena

Jagica hipokoristik imena *Jaga*
 Lela od imena *Lela*
 Veca od imena *Veronika*

3. Nadimci koji označavaju rodbinske odnose

Babo od imenice *babo*, 'otac ili najstariji u obitelji'
 Baćica hipokoristik od imenice *baća*, 'najstariji brat'
 Baćko hipokoristik od imenice *baća*, 'najstariji brat'
 Baćo od imenice *baća*, 'najstariji brat (ili otac)'
 Baćuš od imenice *baća*, 'najstariji brat'
 Bracala od imenice *brat (braca)*, 'mlađi brat'
 Čaća od imenice *Čaća*, 'otac'
 Mamin posvojni pridjevski oblik imenice *mama*
 Sela od imenice *sela* 'starija sestra'

4. Nadimci nastali od riječi za zanimanje ili zvanje

Ajzibanoš 'željezničar' od njemačke imenice *Eisenbahn* 'vlak'
 Arendaš od imenice *arendar* sa mađarskim sufiksom, *árendás* 'zakupnik'
 Brico od imenice *brijač*
 Čibin posvojni pridjevski oblik imenice *čibo, čibica* 'lugar' pejorativno
 Džandarov posvojni pridjevski oblik imenice *žandar*
 Gator od mađarske imenice *gátör*, 'čuvar nasipa, brane'
 Grge Tamburaša od osobnog imena *Grga* i imenice *tambura*
 Gudoš od imenice *gudilo*

Kravar od imenice *krava*
 Kruškar od imenice *kruška*
 Kupusar od imenice *kupus*
 Papučar od imenice *papuče*
 Sodar/Sodaš od imenice *soda*
 Subašin od imenice *subaša* 'čuvar polja'
 Svinjar od imenice *svinja*
 Šeširdžija od imenice *šešir*
 Tobdžija (Topdžija) od imenice *topdžija*

5. Nadimci nastali od oznaka vanjskih ili unutrašnjih osobina

Dronja od pridjeva *dronjav* 'odrpan, pocijepan'
 Njakaša od mađarske imenice *nyak, nyakas* 'vrat, onaj koji ima veliki vrat', možda i u značenju 'tvrdoglav'
 Pigoš od imenice *pigav*, 'pjegav'
 Pilatuš(evi) od mađarske vlastite imenice *Pilatus* 'okrutan, žestok poput Pilata'
 Pipoja od mađarske imenice *pipogya* 'čovjek slabe volje, bezvoljnik, kukavica'
 Preła od glagola *presti*
 Talijan od imenice *Talijan*
 Tréak od imenice *trčati*

6. Nadimci nastali od riječi za biljke i plodove

Krumpir od imenice *krumpir*
 Kruškar od imenice *kruška*, 'onaj koji ima krušku'
 Lukar od imenice *luk*
 Paradička od imenice *paradička* 'rajčica'

7. Nadimci nastali od životinjskih imena

Čelac od imenice *pčela*
 Čvorak od imenice *čvorak*, možda 'kradljivac'
 Gavran od imenice *gavran*
 Jarac od imenice *jarac*
 Kurjak od imenice *kurjak*, 'vuk'
 Mađar od mađarske riječ *madár* 'ptica'
 Rčak od imenice *hrčak*
 Zeko deminutiv od imenice *zec*

8. Nadimci nastali od toponimijskih oznaka

Čonopljanovi od imena mjesta *Čonoplja*

9. Nadimci nastali od drugih poznatih riječi

Buger od imenice *buger*, 'stari austrougarski novac od četiri krajcare' ili 'slaba ocjena u školi, dvojka'

Buro od imenice *bure*

Cigančica od imenice *Cigančica*

Čiko od imenice *čiko* 'stariji momak'

Gusak od imenice *gusak*

Gudilaš od imenice *gudilo* 'instrument s jednom strunom'

Kesa od imenice *kesa* 'vreća'

Kiselin od pridjeva *kiseo*

Papula od imenice *papula* 'varivo od graha'

Paša od imenice *paša*

Perač od glagola *prati*

Prda od glagola *prđiti*

Prilikaš od imenice *prilika*

Pule od imenice *pule*

Sudoper od imenice *sudoper*

Tamburica od imenice *tamburica*

Vulcer od imenice *valcer*

Rakijaš od imenice *rakija*

Drumar od imenice *drum* 'put'

Biberaš od imenice *biber* 'papar'

10. Nadmici nastali skraćivanjem

Guga od prezimena *Gugan*

Kričak od prezimena *Kričković*

Vidak od prezimena *Vidaković*

11. Nadimci nastali uzrečicom

Bado od imenice *baćo*

Droća od onomatopejskog uzvika *droć*

Pipo od imena *Stipo*

Njićora od imena *Nikola*

12. Nadimci mađarskog porijekla

Adnađ od mađarske imenice *hadnagy* 'poručnik'
 Apoštoł od mađarske imenice *apostol* 'apostol'
 Bago od mađarske imenice *bagó* 'duhan'
 Fadlaltoš od mađarske imenice *fagylalt* 'sladoled'
 Gator od mađarske imenice *gátőr*, 'čuvar nasipa, brane'
 Fadlaltoš od mađarske imenice *fagylalt* 'sladoled'
 Kabatoš od mađarske imenice *kabát* 'kaput'
 Kormoševi od mađarskog pridjeva *kormos* 'čađav'
 Košut od prezimena poznatog mađarskog revolucionara, političara *Kossutha*
 Madar od mađarske imenice *madár* 'ptica'
 Maroš od mađarskog geografskog pojma, rijeke *Maros*
 Mičodaš od mađarske upitne zamjenice *micoda?* 'što?'
 Monar od mađarske imenice *molnár* 'mlinar'
 Njakaša od mađarske riječi *nyak, nyakas* 'vrat, onaj koji ima veliki vrat', možda i u značenju 'tvrđoglav'
 Pipoja od mađarske imenice *pipogya* 'čovjek slabe volje, bezvoljnik, kukavica'
 Piroš od mađarskog pridjeva *piros* 'crven'
 Šarga od mađarskog pridjeva *sárga* 'žut'

13. Nadimci njemačkog porijekla

Vajder od njemačkog priloga *weiter* 'dalje'
 Ajzibanoš od njemačke imenice *Eisenbahn* 'vlak'
 Fruštuk od njemačke imenice *Frühstük* 'doručak'

Veći broj obiteljskih nadimaka u Gari sve se manje javlja kao živ onomastički leksik. On je nastao u uvjetima patrijarhalnog načina života radi jasnije komunikacije, obitelji istog prezimena (pa ponekad i imena) trebalo je diferencirati posebnim jezičnim znakom. U tom su vremenu mnogi nadimci sasvim potisnuli nekadašnji patronim. Obiteljski nadimci postupno iščežavaju kao i nekadašnje forme života. Najmanji nam je zadatak očuvanje tog zanimljivog i vrijednog leksika a po mogućnosti i njihova znanstvena obrada.

Literatura

- Bjelanović, Živko: Obiteljski nadimci u Sjevernoj Dalmaciji. *Onomastica Jugoslavica* 8, Zagreb. 1979. 75-92.
- Kiss Jenő: *Társadalom és nyelvhasználat*. Budapest. Nemzeti Tankönyvkiadó. 1995.
- Kustić, Nikola: O semantičkom sadržaju i tvorbi obiteljskih nadimaka u gradu Pagu. *Folia Onomastica Croatica* 2, Zagreb. 1993. 79-98.
- Mandić, Živko: Povijesna antroponimija bunjevačkih Hrvata u Mađarskoj. Budimpešta. Tankönyvkiadó. 1987.
- Mandić, Živko: Antroponimija i toponimija bunjevačkih Hrvata u Mađarskoj. Pečuh. HZZ. 2005.
- Peić, Marko – Bačlija, Grgo: *Imenoslov bačkih Bunjevaca*. Novi Sad – Subotica. Matica srpska, Subotičke novine. 1994.
- Sekereš, Stjepan: Slavonski porodični nadimci. *Onomastica Jugoslavica* 3-4, Zagreb. 1973-1974. 141-151.
- Sekulić, Ante: *Bački Hrvati*. Zagreb. JAZU. 1991
- Sekulić, Ante: *Bački Bunjevci i Šokci*. Zagreb. Školska knjiga. 1989.

Виктория Лебович

**ТАРАС ШЕВЧЕНКО В ТВОРЧЕСТВЕ УКРАИНСКИХ И
РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ**

Abstract: Taras Shevchenko on the paintings of Ukrainian and Russian artists

Taras Shevchenko was not only one of the most famous Ukrainian poets, but a painter, too. A lot of Ukrainian and Russian painters have devoted their works to the momentous episodes of Shevchenko's life. The article features some of them.

Keywords: Taras Shevchenko, Ukrainian and Russian art and painting of 40-50-th y. of 19-th century

К особому пласту русской и украинской культуры относятся украинские писатели, поэты и живописцы XIX столетия. Развитие новой украинской литературы и культуры в начале века идет в тесном и неразрывном переплетении с русской литературой и культурой. Авторы украинской словесности XIX столетия пишут произведения как на украинском, так и на русском языке, а украинские художники учатся в Академии художеств в Петербурге. В это время в Петербурге на Украину смотрели как на обетованную землю, где всегда тепло и светит солнце, где душой и телом можно отдохнуть, где красивые украинки поют свои задушевные песни, и где – не в последнюю очередь – можно вкусно поесть. Такое восприятие Украины проявляется на бытовом уровне и находит свое отражение в области культуры и искусства. Например, И. Тургенев в своем романе «Рудин» устами Лежнева, успокаивающего расстроенного друга Волынцева, предлагает: *"Поедем-ка вместе - на Кавказ или так просто в Малороссию, галушки есть. Славное, брат, дело"* (Тургенев 1969: 108), ведь в Малороссии: *"... мы, брат, с тобой просто переродимся; так наслаждаться будем, брюханами такими назад приедем, что никакая любовь нас уже не проймет!"* (Тургенев 1969: 109).

Тарас Григорьевич Шевченко (1814-1861) – человек судьбы отнюдь неординарной и для украинской культуры фигура знаковая. Интерес к событиям жизни и творчеству поэта-живописца не иссякает по сей день. И проявляется он не только со стороны исследователей-шевченковедов, литераторов и искусствоведов, но и со стороны представителей разных видов искусства. Многие художники изобразили на своих полотнах образ великого кобзаря и отдельные судьбоносные моменты его жизни. Рассмотрим некоторые из них.

Из 47 семи лет своей жизни большую часть – лет 28 – Тарас Шевченко прожил в разных уголках России, к которой всегда относился амбивалентно. Жил он в России не по своей воле, и десять лет был в ссылке.

В шестнадцатилетнем возрасте в 1831 году Тарас, которого включили в список крепостных, сопровождающих помещика Энгельгардта, прибыл в Петербург. Помещик, желающий сделать из мальчика домашнего живописца, отдал его учиться к «живописных дел цеховому мастеру» В. Ширяеву. В 1835 году Шевченко, срисовывающий скульптуры в Летнем саду, познакомился с украинским художником Иваном Сошенко, который в то время уже учился в Академии художеств. Именно эта встреча оказалась решающей в жизни украинского поэта: усилиями лучших представителей украинской и русской культуры Шевченко выкупили из неволи. Вот как излагает эти события сам Шевченко в написанной им в 1860 году в третьем лице единственного числа «Автобиографии»: «В 1837 году И.М. Сошенко представил его конференц-секретарю Академии Художеств В.И. Григоровичу, с целью освободить его от горестного состояния. В.И. Григорович просил о нем Жуковского, а В.А. Жуковский, предварительно узнавши цену от помещика, просил К.П. Брюллова написать его, В.А. Жуковского, портрет для императорской фамилии с целью разыграть его в лотерею в царском семействе. Великий Брюллов охотно согласился. Портрет написан. В.А. Жуковский с помощью графа М.Ю. Виельгорского устроили лотерею в 2500 рублей ассигнациями, и этою ценою была куплена свобода Т. Шевченка в 1838 году, апреля 22» (Шевченко 1985: 8).

Сухой, нейтральный, стремящийся лишь к перечислению голых фактов стиль изложения нарушается только в двух случаях, при использовании двух определений: «горестного состояния» и «великого Брюллова». Первое свидетельствует о жажде свободы, усиленной затянувшейся процедурой выкупа крепостного, а второе – о глубокой признательности Тараса своему благодетелю, учителю и другу.

Предполагаемой первой встрече Тараса Шевченко с Карлом Брюлловым посвящено полотно Георгия Мелихова «Молодий Тарас Шевченко у К. П. Брюлова». Картина относится к историко-биографическому жанру изобразительного искусства, получившего широкое распространение в 40-50 годы XX столетия в Советском Союзе. (К ним относятся полотна художников Игоря Резника «Тарас Шевченко получает звание академика-гравера» (1949), Василия Касияна «Тарас Шевченко на Украине» (1949), В. Петухова «Похороны Т. Шевченка в Петербурге на Смоленском кладбище» (1949), В. Петухов: «Похороны Т. Шевченка в Петербурге на Смоленском кладбище» (1949), Константина Филатова «Тарас Шевченко в ссылке» (1964)). Заканчивая Киевский художественный институт, Мелихов по совету своего учителя, первого ректора Института Федора Кричевского выбрал темой для дипломной работы волнующий эпизод из жизни Тараса Шевченко. Однако воплотить в жизнь задуманное помешала война. Только возвратившись с фронта в 1947 году написал художник картину, символизирующую водораздел, между тем, что оста-

лось в прошлом Шевченка, и тем, что его ждет впереди (См.: Беличко 1985: 70).

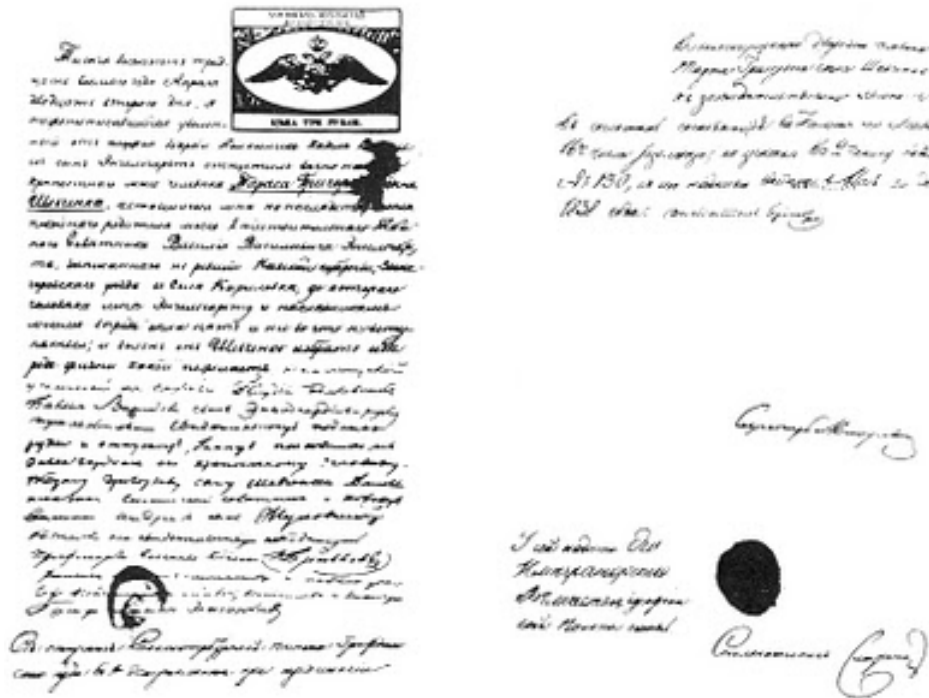
Г. Мелихов: «Молодий Тарас Шевченко у К. П. Брюлова» (1947).

Картина ведет нас в мир искусства, нелегкий мир надежд и творческих поисков. Художник яркими, светлыми тонами изображает переполненную мастерскую Карла Брюлова, любившего роскошь и красный цвет, куда Иван Сошенко привел своего земляка. Однако мастерская – это только фон для застывших в немом диалоге персонажей, мысли которых четко прочтываются на картине. Пространство мастерской замыкает картина Брюллова: “Осада Пскова польским королём Стефаном Баторием в 1581 году” (1836-

1837), а на стене частично видна написанная на несколько лет раньше известная «Всадница» (1832).

Контрастом слегка снисходительной и расслабленной позы видного профессора живописи Академии художеств служит полный непроизвольного удивления, застывший взгляд Брюллова, направленный на Шевченко. Фигура Сошенко, немного наклонившаяся вперед, выражает смешанное со сдержанным ожиданием уважение к учителю. А в глазах и позе Тараса, неуклюже сжимающего в правой руке шапку, а левой протягивающего свой следующий рисунок мастеру, одновременно видна и неуверенность, и растерянность, и любопытство, и надежда.

Карл Брюллов лично пошел к помещику Энгельгардту с просьбой отпустить крепостного на волю. И получил отказ, из-за чего по возвращении домой назвал помещика «самой крупной свиньей в торжковских туфлях» (Цит. по: Яцюк <http://mamajeva-sloboda.ua/news.php?id=411>) и послал к нему Сошенко, чтобы тот узнал цену выкупа. В конце концов к Энгельгардту пошел А. Г. Венецианов, которому помещик, боявшийся продешевить своего талантливого крепостного, заставив его долго ждать, все же назвал сумму выкупа. И так, 22 апреля 1838 года Тарас Шевченко получил вольную:

Відпущка Т. Г. Шевченка.

«Тысяча восемьсот тридцать восьмого года апреля двадцать второго дня, я, нижеподписавшийся уволенный от службы гвардии полковник Павел Васильев сын Энгельгардт отпустил вечно на волю крепостного моего человека Тараса Григорьева сына Шевченка, доставшегося мне по наследству после покойного родителя моего действительного тайного советника Василия Васильевича Энгельгардта, записанного по ревизии Киевской губернии Звенигородского уезда в селе Кириловке, до которого человека мне Энгельгардту и наследникам моим впредь дела нет и ни во что не вступаться, а волен он, Шевченко, избрать себе род жизни какой пожелает. К сей отпускнутой уволенный от службы гвардии полковник Павел Васильев сын Энгельгардт — руку приложил.

Свидетельствую подпись руки и отпускную, данную полковником Энгельгардтом его крепостному человеку Тарасу Григорьеву сыну Шевченке действительный статский советник и кавалер Василий Андреев сын Жуковский.

В том же свидетельствую и подписуюсь профессор восьмого класса К. Брюллов.

В том же свидетельствую и подписуюсь гофмейстер, тайный советник и кавалер граф Михаил Виельгорский.

Сия отпускная Санктпетербургской палаты гражданского суда во 2-м департаменте при прошении вольноотпущенного дворового человека Тараса Григорьева сына Шевченко к засвидетельствованию явлена и в согласность состоявшейся в палате сего мая 16-го числа резолюции, по записке в 2-ю книгу под № 130 с сею надписью выдана мая 20 дня 1838 года.

Заседатель Григоров

Секретарь Матусевич

*У сей надписи его императорского величества гражданской палаты печать
Столоначальник Смирнов»*

(Цит. по: http://community.livejournal.com/ua_kobzar/35646.html)

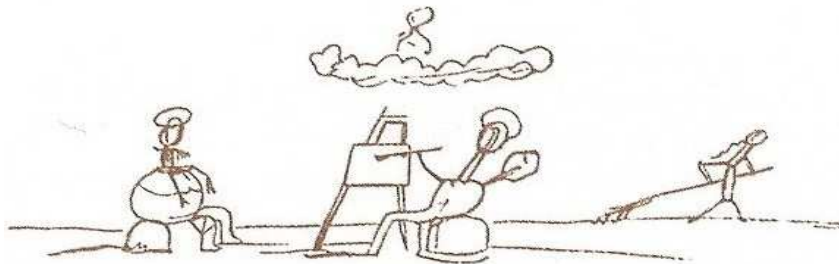
Особый интерес представляет собой юмористическое послание В. А. Жуковского графине Юлии Барановой - воспитательнице дочерей Николая I. Поэт проиллюстрировал свое послание пятью веселыми карикатурками. Перед нами остроумная, радостная сказка-комикс об истории выкупа Шевченко, в которой Жуковский выступает под именем некоего Матвея.

«Историческое обозрение благодетельных поступков Юлии Федоровны и разных других обстоятельств, курьезных происшествий и особенных всяких штучек. Сочинение Матвея.

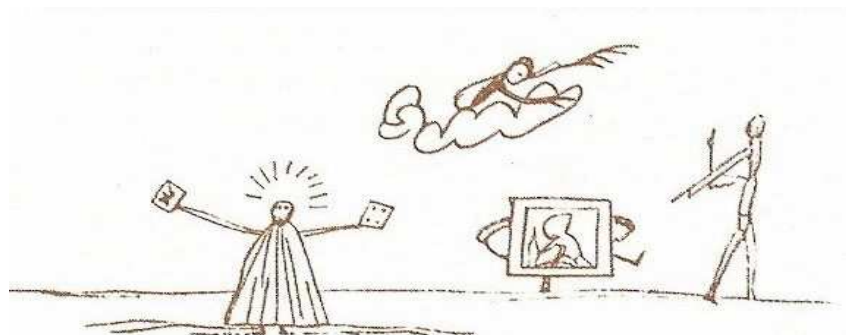

Это г. Шевченко. Он говорит про себя: «Хотелось бы мне написать картину, а господин велит мести горницу». У него в одной руке кисть, а в другой помело, и он в большом затруднении.

Над ним, в облаках Юлия Федоровна.

Это Брюллов, пишет портрет Жуковского. На обоих лавровые венцы. Вдали Шевченко метет горницу. В облаках Юлия Федоровна. Она думает про себя: «Какой этот Матвей красавец». А Василий Андреич, слыша это, благодарит внутренне Юлию Федоровну и говорит про себя: «Я, пожалуй, готов быть и Максимом, и Демьяном, и Трифоном, только бы нам выкупить Шевченко». – «Не беспокойся, Матюша, - говорит из облаков Юлия Федоровна, - мы выкупим Шевченко». А Шевченко знай себе метет горницу. Но это в последний раз.

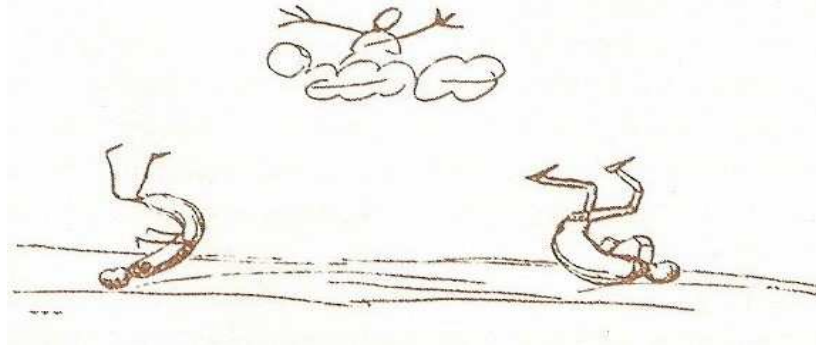
Жуковский в виде Судьбы провозглашает выигрышный билет. В одной руке его карта; а в другой отпускная Шевченки. Вдали портрет Жуковского; он пляшет от радости, потому что достался государыне императрице. Он подпер руки в боки, и стоя на одной ноге, подражает неподражаемой Тальони. Шевченко вырос от радости и играет на скрипке качучу. А Юлия Федоровна из облаков их благословляет.

Юлия Федоровна сошла с облаков, в которых осталось одно только сияние. У нее в руке мешок с деньгами (2500 рублей); указательный палец ее устремлен на ездового, а она говорит ему повелительным голосом: «Голубчик ездовой, съезди к Матвею и попроси его ко мне. Я собрала все деньги, и мне хочется поскорее ему их отдать. Поезжай, голубчик, поскорее; ты человек расторопный, и я очень тебя за это люблю. Только прошу тебя, душенька, не напейся пьян дорогою. Это нехорошо. Надобно вести себя порядочно. И какое удовольствие в пьянстве, сам ты рассуди. Кто исполняет свои обязанности, тот может назваться истинным патриотом». Вот что говорит

Юлия Федоровна, а Жуковский, подслушав это, записывает в записную книжку; и, конечно, уже теперь никогда пьян не будет.

Примечание. Юлия Федоровна оттого так спешит собрать деньги, что Матвей скоро поедет за границу и должен прежде отъезда своего кончить это дело. Удивительная женщина эта Юлия Федоровна. Кто ее не любит? Дай ей господь всякого благополучия, ей самой, ее детям, и внукам, и правнукам. Матвей обещает с одной из ее правнучек проплясать за здоровье ее качучу.

Это Шевченко и Жуковский; оба кувыркаются от радости. А Юлия Федоровна благословляет их из облаков.

К о н е ц.» (Жуковский 1960: 635-637)

Портрет В. Жуковского Брюллов писал не в мастерской, а в своей уютной квартире. Жуковский часто бывал занят при дворе, поэтому создание портрета затянулось. Облик поэта, сидящего в кресле перед столом с книгами, наполнен лиризмом и сосредоточенным вниманием, чему соответствует мягкий, красно-коричневый колорит красок. Современники считали этот портрет Жуковского одним из лучших «как по сходству, так и по выражению характера целого».

Портрет был одним из ведущих жанров в живописи XIX столетия. Портреты писали с натуры, на основе фотографий, готовились копии наиболее удавшихся портретов. Одними из первых портретов Тараса Шевченко были рисунки карандашом, сделанные близким другом поэта Василием Штернбергом, умершем в возрасте 27 лет в 1845 году.

В. Штернберг, Т. Г. Шевченко працює.
Олівець.

В. Штернберг: Портрет Т. Шевченка. Т. Г. Шевченко працює (1840)

Уже написанные портреты и фотографии использовались для создания распространенных в этот период изображений известных людей на смертном одре. Шевченко умер 26 февраля 1861 года в мастерской Академии художеств и его похоронили на Смоленском кладбище. «За гробом шло много

студентов, почти весь университет, вся Академия, все профессора и масса публики. Вся университетская набережная от Дворцового до Николаевского моста была буквально запружена народом», — информировал «Исторический вестник» (Цит. по: <http://litopys.org.ua/shevchenko/litop07.htm>). Проститься с Шевченко пришли среди прочих Некрасов, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Костомаров, Лесков, Курочкин, Панаев и многие другие. Именно это событие запечатлел художник В. Петухов на своей картине «Похороны Т. Шевченка в Петербурге на Смоленском кладбище».

В. Петухов: Похороны Т. Шевченка в Петербурге на Смоленском кладбище. (1949)

По крайней мере пять художников, в том числе и Василий Верещагин создали распространенные в XIX столетии портреты поэта на смертном.

В. Верещагин: «Т. Шевченко в гробу». Литография (1861)

На сороковой день после смерти Тараса Шевченко земляки-украинцы отслужили панихиду и отправились в Украину с останками поэта. Более месяца, с 6 апреля по 7 мая 1861 года везли их на Украину, где 10 мая Тараса Шевченко похоронили в Каневе.

29 марта 1858 года Шевченко записал в своем дневнике: “В 10 часов утра явился я казанским сиротой к правителю канцелярии обер-полицмейстера, к земляку моему И. Н. Мокрицкому. Он принял меня полуофициально, полуфамильярно. Старое знакомство сказалось в скобках. В заключение он мне посоветовал сбрить бороду, чтобы не произвести неприятного впечатления на его патрона графа Шувалова, к которому я должен явиться как главному моему надзирателю”. В те времена согласно приказу Николая I все военные должны были носить усы, а бороду отпускать было запрещено. Шевченко послушался совета своего земляка и сбрил бороду, но сначала сфотографировался. Сбрав бороду, поэт снова сфотографировался. Именно эта фотография, сделанная в ателье И. Досса в 1858 году, послужила основой для портрета, написанного выдающимся русским художником Ильей Репиным, в творчестве которого украинская тематика занимает особое место.

Фотография тараса Шевченко, сделанная в ателье И. Досса в 1858 году.

В 1883 году около места захоронения Шевченко в Каневе построили небольшую хатку для сторожа могилы. В этот домик, куда часто заходили по-

сетители для отдыха, заказали Репину портрет поэта. Репин, в распоряжении которого была лишь фотография, нуждался в помощи. В письме к Третьякову он просит написать, какого цвета глаза у Шевченко на портрете, написанном И. Крамским, расспрашивает друзей поэта, в том числе редактора журнала «Основа» В. Белозерского и художника Г. Честаховского, который сопровождал останки украинского поэта в Канев. Портрет был готов в 1888 году. Белозерский немного покритиковал его, говоря, что лицо Шевченка слишком белое и нежное, и Репин исправил портрет. (См.: Белічко 1963: 59). Очень выразителен вдумчивый взгляд грустных глаз поэта на портрете Репина. Практически все современники в своих воспоминаниях выделяют глаза и особенный взгляд Тараса Григорьевича. Вот как описывает, например, И. Тургенев Тараса Шевченко, с которым он познакомился в 1859 году, после возвращения украинского поэта из ссылки: «Широкоплечий, приземистый, коренастый, Шевченко являл весь облик козака, с заметными следами солдатской выправки и ломки. Голова остrokонечная, почти лысая; высокий морщинистый лоб, широкий, так называемый “утиный”, нос, густые усы, закрывавшие губы; небольшие серые глаза, взгляд которых, большей частью угрюмый и недоверчивый, изредка принимал выражение ласковое, почти нежное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голос несколько хриплый, выговор чисто русский, движения спокойные, походка степенная, фигура мешковатая и малоизящная. Вот какими чертами запечатлелась у меня в памяти эта замечательная личность. С высокой бараньей шапкой на голове, в длинной темно-серой чуйке с воротником из черных мерлушек, Шевченко глядел истым малороссом, хохлом; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие” (Тургенев 1956: 262).

Вышеупомянутый созданный И. Крамским портрет украинского поэта-живописца считается одним из лучших. С именем И. Крамского связаны события, вошедшие в историю русского искусства как «Бунт четырнадцати», впоследствии приведшего к созданию Товарищества передвижных художественных выставок. Крамской в 1857-1863 годах учился в Академии Художеств. Совет Академии предложил ученикам для дипломных работ тему из скандинавских саг «Пир в Валгалле». Однако все четырнадцать выпускников отказались от разработки данной темы, и подали прошение о том, чтобы им позволили каждому выбрать тему, по своему желанию. Совет Академии им отказал, а ректор Академии профессор Тон, о работах которого искусствоведы говорят, что они хоть и «замечательны в конструктивном отношении, грешат холодностью, сухостью, недостатком истинной красоты и величия», поэ-

тому изобретённый им стиль «не утвердился надолго в русской архитектуре и отжил своё время, лишь только не стало покровительствовавшего ему императора Николая I» (Цит. по: <http://www.rulex.ru/01190006.htm>), заявил: «если бы это случилось прежде, то всех бы вас в солдаты!». (Цит. по: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BD,%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87>)

По заказу основателя Третьяковской галереи Павла Третьякова И. Крамской в 1871 году также на основе фотографии, сделанной в 1859 году у А. Денъера в Петербурге, написал портрет Шевченка. С этого портрета Л. Жемчужников заказал в Париже литографский портрет художника вместе с портретами Кулиша и Костомарова, мастерски исполненный Адольфом Муильроном (Мульероном). На литографии Муильрона портрет Шевченко фигурирует в зеркальном отображении по сравнению с фотографией Денъера. После смерти поэта многие художники (например, М. Мурашко, Ф. Красицкий э внучатый племянник самого Шевченко, Уча Малакиевич Джапаридзе (1948), В. Мате, Д. Бурлюк и др.) использовали литографию и особенно портрет Крамского при создании живописных, графических и скульптурных портретов Кобзаря.

И. Крамской: «Портрет украинского писателя и художника Тараса Григорьевича Шевченко» (1871)

А вот еще интересный случай изображения портрета Тараса Шевченко на картине Ильи Репина «Не ждали», подтверждающий знаковость личности Шевченко как для украинской, так и для русской культуры. «Все – каждая поза участников сцены, выражение их лиц, жесты подчинено единой цели – подчеркнуть значительность происходящего события – внезапное появление близкого человека после долгой и трагической разлуки. Вместе с тем каждая деталь в картине: скромная обстановка комнаты, портреты Некрасова и Шевченко на стене еще глубже раскрывают основной замысел произведения, выявляют те симпатии и устремления, какими жила передовая интеллигенция того времени», – анализирует картину Н. Шанина.

(Цит. по: Шанина

<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:FzILQvt9gWEJ:www.bibliotekar.ru/>

И. Репин: «Не ждали» (1884)

Это полотно, написанное Репиным в 1884 году, относится к циклу, посвященному судьбе русского революционера-народника («Под жандармским конвоем» (1876), «Арест пропагандиста» (1880–1889), «Отказ от исповеди», «Сходка» (1884)). Искусствоведы считают, что портреты кумиров революционного студенчества 1870-х годов Шевченко и Некрасова вместе с гравюрой Христос на Голгофе выражают популярную в то время аллегория: сравнение народнического подвижничества с жертвенным служением Христа. (См.: <http://ilya-repin.ru/master/repin11.php>). «В очерке силуэта и позы матери, поднимающейся с кресла навстречу сыну, отчетливо узнаваема иконография фигур, созерцающих чудесные явления в сюжетах Воскрешение Лазаря, Христос в Эммаусе и т. п. Русская история как часть всемирно-исторической драмы, неожиданно, вдруг втеснившейся в интерьерный семейный круг, или, выражаясь словами Достоевского, «вечность на аршине пространства», - таков был замысел Репина, потребовавший долговременного труда: фигура и особенно лицо входящего несколько раз переписывались уже после того, как картина была выставлена и приобретена Третьяковым. Моделью для главного героя послужил, в частности, Всеволод Гаршин» (<http://ilya-repin.ru/master/repin11.php>), портрет которого Репин написал в том же 1884 году.

Не только художников вдохновляла личность, жизнь и творчество украинского поэта. В 2010 году Петро Брижук, инженер, называющий себя землемером, создал портрет Шевченко из букв размером с маковку. Для этого он воспользовался произведениями самого поэта – переписал «в портрет» 575 страниц «Кобзаря» (См.: <http://vn.20minut.ua/news/172994.html>).

Литература

- Белічко, Ю.В. Україна в творчості І.Ю. Репіна. Київ, 1969.
- Белічко, Ю.В. Молодий Тарас Шевченко у К. П. Брюлова. В кн.: Український живопис. Сто вибраних творів. Альбом. Автор-упорядник: Белічко, Ю.В. Київ, 1985.
- Железнов М.И. Заметки о К. П. Брюлове. Из воспоминаний М. И. Железнова. In: «Живописное обозрение», 9 августа 1898, № 32.
- Жуковский, В. А. Письмо В. А. Жуковского Ю. Ф. Барановой. В кн.: Жуковский, В. А. Собрание сочинений в четырех томах. Том четвертый. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. Москва 1960.
- Тургенев, И. Романы. М., 1969.
- Тургенев, И. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том одиннадцатый. Литературно-критические статьи и речи. Биографические очерки и заметки. Москва, 1956.

Шанина, Т.

[http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:FzILQvt9gWEJ:www.bibliotekar.ru/Шевченко, Т. Твори в п'яти томах. Т. 5. Автобіографія. Щоденник. Вибрані листи. Київ, 1985.](http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:FzILQvt9gWEJ:www.bibliotekar.ru/Шевченко,Т.Творивп'ятитомах.Т.5.Автобіографія.Щоденник.Вибранілисти.Київ,1985.)

http://community.livejournal.com/ua_kobzar/35646.html

<http://litopys.org.ua/shevchenko/litop07.htm>

<http://www.rulex.ru/01190006.htm>

[http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BD,%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BD,%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87)

<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:FzILQvt9gWEJ:www.bibliotekar.ru/>

<http://ilya-repin.ru/master/repin11.php>

<http://vn.20minut.ua/news/172994.html>

Lesfalviné Csengődi Ágnes

20. SZÁZADI SZLOVÁK-MAGYAR TERMINOLÓGIAI SZÓTÁRAK, KÜLÖNÖS TEKINTETTEL A JOGI SZÓTÁRAKRA

Abstract: The launch of the new journal *Právny obzor* ('legal horizon') in 1917 also resulted in the publication of the *Návrh slovenského právneho názvoslovia* (Draft Slovak Legal Terminology), an approximately 100 pages long collection of legal terms and expressions, translated from Hungarian into Slovak. The first law dictionary, entitled *Maďarsko-slovenská právnická terminológia*, came out in Trenčín, 1919, edited by Gabriel Bargár.

The Hungarian-Slovak *Právnický terminologický slovník* was published in Martin, 1921. and the second, (1923) Slovak-Hungarian. The *Maďarsko-slovenská právnická terminológia*, a work of Michal Slávik was published in Bratislava, 1921 as well. The next study of this kind only came out in 1952, the extended version of this one came out in 1965, but it was not published for commercial sale.

Keywords: Slovak legal terminology of the 20th century, hungarian-slovak – slovak-hungarian dictionaries, Legal Terminology Commission

A szakszókincsek, egyes alap- és alkalmazott tudományok terminológiája általában az irodalmi- és köznyelv standardizációs folyamatának részét képezi. A Közép-európai nyelvekben, így a magyar mellett a horvátban és a csehben a terminologizációs folyamat a nyelvújítás része volt. A nyelvgazdagítás (H. Becker terminusa) törekvése megkívánja az általában latin vagy latinositott szakkifejezések anyanyelvi megfelelőinek megteremtését. Ezen a széles területen azonban különbség figyelhető meg egyes szakágak szókincse anyanyelvesítésének igény és lehetősége tekintetében. Vannak olyan tudományágak, amelyek kifejezőképességét nem szükséges minden áron anyanyelven kifejezni. Ilyen például a kémia, a magas matematika vagy akár az orvostudomány. E tényt egyrészt az említett tudományterületek nemzetköziségének szükségessége, a vele foglalkozók viszonylag szűk köre, valamint a nyelvközösség széles rétege szempontjából a szükséglet és az igény hiánya is magyarázza. Bizonyos nyelvújítói kísérletek e téren látványos kudarcot vallottak. Hiába vezették be a magyar, horvát vagy cseh nyelvészek a kémia anyanyelvi megnevezését (*vegytan, lučba*), ezek csak ideig-óráig voltak képesek a nemzetközi (végső soron görög alapú) szakszót kiszorítani. Ugyanez vonatkozik persze a német *Scheidekunst*-ra vagy *Mischkunst*-ra is. Toldy Ferenc vetette fel azt a gondolatot, hogy meg lehetne különböztetni a „műszavak” két csoportját, az úgynevezett „jelentés” és hétköznapi szavakat. Például az *oxigén*-t a nyelvújítási *éleny*-nyel javasolta „köznyelvisíteni”, a német *Sauerstoff* mintájára. Más utat kellett viszont a szó legszélesebb értelmében vett jogi és politikai szakkifejezéseknek, amelyek-

nek mindenki számára érthetőeknek kellett lenniük, hiszen a különböző jogi, pénzügyi, peres ügyek és ügyletek ezt kívánták meg, azaz anyanyelvesítésre társadalmi igény és szükséglet mutatkozott. Bizonyosan ez az oka, hogy az Osztrák Monarchiában élő szláv népek számára készített első terminológiai szótár is a jogi és politikai szókincs anyanyelven való kifejezésére vagy legalábbis értelmezésére vállalkozott.

Külön kérdés azonban az egyes szakterminológiák kialakulása azokban a nyelvekben, amelyek az Ausbau-típus (R. Marti terminusa) azon csoportjába tartoznak, amely nyelveknek (illetve beszélőiknek) csak viszonylag későn, a 19. század második felében sikerült a változat-modellt megszüntetve a rokonság-modellt érvényesíteniük. Ilyen a horvát mellett a szlovák is.

A 20. század elején a szlovák jogi terminológia szervezeten, a gyakorlattal szoros kapcsolatban alakult. 1917-ben látott napvilágot a *Právny obzor* 'Jogi látóhatár' című jogtudományi folyóirat első száma, melynek főszerkesztője 1917-1920 között Emil Stodola volt. Őt 1921-1936 között Vladimír Fajnor követte. A folyóirat terminológiai rovatában (*terminologická rubrika*) jelentek meg először a jogászok által javasolt új úzus szerinti szlovák jogi terminusok. Rájuk alapozva, 1919-ben – rövidebb a szlovák jogászok 1918. évi zsolnai kongresszusa után – jelent meg a *Návrh slovenského právneho názvoslovia* 'Szlovák jogi szakszókincs tervezet', amely egy körülbelül 100 oldalas magyarból szlovák nyelvre fordított jogi szakkifejezés-gyűjtemény volt. A kiadványban a szerzők – E. Stodola és A. Zátúrecký – a *Právny obzor* terminológiai rovatának valamennyi javaslatát összefoglalták. Ez lett a szlovák jogászok és hivatalnokok első segédkönyve a különböző jogi ügyletekben, valamint: „[ez] a 108 oldalas kiadvány [lett] a szlovák jogi terminológia fejlődésének betetőzése, abból a szempontból is, hogy ezáltal végre magunk mögött hagyhattuk a magyar jogrendszer példáját és sajátot alkothattunk.” (HORECKÝ 1958:164). Előtte a *szlovák* jogi szaknyelv szempontjából fontos dokumentumok csupán az Osztrák-Magyar Monarchia idejéből származó telekkönyvek és jegyzőkönyvek voltak, amelyekben szlovák nyelven csak bejegyzések olvashatók (JESENSKÝ 1933:72). Kis számban ilyen bejegyzések a korabeli ügyvédi irodák dokumentációjában is előfordulnak. Azért csak kis számban, mert a Monarchia területén élő ügyvédek csak helyel-közzel beszéltek szlovákul, hiszen fontosabb volt számukra existenciájuk fenntartása, mint az, hogy új szlovák hivatali, illetve jogi nyelvet alkossanak. A Monarchia szétesése utáni új állam létrejötte sem tudta a jogi szakkifejezések területén meglévő hiányt pótolni. Ennek okai többek között azok lehetnek, hogy: 1. szlovák nyelven beszélő ügyvédek és bírák kevesen voltak, a peres ügyek száma egyre nőtt, az állam azonban képtelen volt kibővíteni a hivatali apparátust; 2. a Comenius Egyetem (1918-) Jogtudományi Kara sem szentelt különösebb figyelmet ennek a kérdésnek. Sorsára hagyták a jogi szaknyelvet, a jogi és hivatali procedúra során a kifejezések ad hoc alakultak ki, vagy egy részüket csehből szlovákosították (*řizení-riadenie*) (JESENSKÝ 1933:73).

Mielőtt további jogi terminológiai munkákat ismertetnék, feltétlenül említést kell tenni a következőkről: Az Osztrák-Magyar Monarchia felbomlása után a csehszlovák vasúttársaság megörökölte a Magyar Királyi Államvasutak tárgyi eszközeit és dolgozóit. A megváltozott feltételek olyan szlovák nyelvű vasúti terminológia összeállítását követelték meg, amely nemcsak technikai, hanem egyéb, a vasúti szolgálattal kapcsolatos kifejezéseket is tartalmaz. Az Ivan Viest által összeállított *Mad'arsko-nemecko-slovenský železničný slovník* 'Magyar-német-szlovák vasúti szótár'-t 1919-ben adták ki Turócszentmártonban. A szerzők, Jozef Škultéty és Štefan Hlavatý (egy neves nyelvész és egy mérnök) arra törekedtek, hogy a lehető legtöbb vasúttal kapcsolatos kifejezést összegyűjtsék, nem hagyva ki a vasúthoz csak közvetetten kapcsolódó szavakat sem, mint például az 'égési seb' 'Brandwunde' 'popálenina' kifejezés. A szótárban több bohemizmus is szerepel még *fűtő* 'topič', szlovákul: 'kurič'; *nyomtatvány* 'tiskopis' szlovákul: tlačivo; a *fűtőház* 'výtopňa, topiareň', szlovákul: 'výchrevňa'; de pl. a *fűtőcsatorna* 'výchrevný kanál' már szlovákul szerepel.

A szerzők munkájuk előszavában — az új politikai berendezkedésre hivatkozva — az egyes állomáshelyek szlovák nyelvű elnevezésének mielőbbi használatát is sürgették. A Magyarázat című fejezetben felhívják a szótárhasználó figyelmét a magyar ábécének a szlováktól eltérő betűire, valamint a rövid és hosszú magánhangzók pontos és hiteles ejtismódjára a magyar nyelvben. A szótári rész egy- és többelemű kifejezéseket egyaránt tartalmaz, ezek azonban nem minden esetben tekinthetők terminusoknak, pl.: 'ágy' postel' - Bett. A magyar szóanyagban sok az elírás, a címszavak írásmódja pedig értelemszerűen a korabeli helyesírást tükrözi.

A történetileg kialakult magyar szaknyelvi hatás a 20. században is több szakszótárban megmutatkozott. [Ezekben a szótárakban az anyanyelvi megfelelők az esetek többségében tükörszavak vagy tükörkifejezések, amelyek a mintanyelv szemlélete alapján létesültek. (RÁDULY 2002:424)]. Az első jogi vonatkozású szótárt 1919-ben adták ki Trencsénben, *Mad'arsko-slovenská právnická terminológia. (Príručný slovník pre súdy, úrady, politické, administratívne, finančné a účetné, pre pravotárov, notárov a vôbec pre úrady štátne a samosprávne, podobne pre súkromnú potrebu vo styku s úradmi)*. 'Magyar—szlovák jogi műszótár. (Kéziszótár bíróságok, politikai és közigazgatási, pénzügyi és számvevő hivatalok, ügyvédek, körjegyzők, s általában állami és magánhivatalok részére, nemkülönben magánhasználatra a hivatalos érintkezésben)' címmel, összeállítója Gabriel Bargár volt.

A szótár a korabeli jogi terminológiát a szokásostól eltérő módon dolgozza fel: minden több elemű kifejezést igei címszók köré csoportosít, vállalva ezzel a magyaros szórend szinte kivétel nélküli megbontását (MISAD 2009:62-63). Pl.: *bocsátani vkit esküre* 'pripustiť niekoho ku prísaha', *bocsátani vmit árverésre* 'pustiť niečo pod dražbu'. Mind a jogi szakkifejezéstár (főként a szlovák nyelvű), mind

a szóanyag írásmódja archaikus. Pl.: *megnyerni a pert* 'vyhrat' pravotu'; *perfelvétel* 'horebranie pravoty'; *tulajdonos* 'vlastitel'; *piacz* 'rýnok, námestie, trh'; *tőzsde* 'bursa'. A kiadványban – jogi szótárakban ritkaságszámba menő – helyesírási tanácsadó részt is találunk *A tót helyesírás általános elvei* címmel, amelyben praktikus tanácsokkal látják el azokat, akik „tótul tudnak beszélni, s a magyar vagy latin nyelvnek elemi nyelvtani szabályait ismerik”. (BARGÁR 1919:115). A helyesírási függelékben felhívja a figyelmet a szlovák mellékjeles hangok írás- és ejtismódjára, a szlovák ige- és névszóragozásban, az előljárószók használatában, néhol a szlovák és magyar nyelv vonatkozásában összevető magyarázattal is szolgál, pl.: „A tót nyelvben a c, d, l, n, s, t, z betűket rendszeren lágyító jel (˘) által lágyítjuk. A magyarban a lágyítás hol az y betű, hol az s betű által történik: c — cs, l — ly stb.” (BARGÁR 1919:117).

A Dezider Lauko által szerkesztett *Maďarsko-slovenský odborný slovník* 'Magyar-szlovák szakszótár' (Kassa, 1919) inkább a magyar nyelvű adminisztrációhoz szokott szlovák ajkú lakosság hivatalos ügyintézését volt hivatott segíteni (HAYEKOVÁ 1979:164).

A következő szlovák jogi műszótár a Matica Slovenská(!) Jogi Terminológiai Osztálya támogatásával, 1921-ben, Túrócszentmártonban látott napvilágot *Právnický terminologický slovník* 'Jogi terminológiai szótár' címmel (2. kiadás 1925-ben). Az első részt a magyar-szlovák, míg az 1923-ban kiadott második részt a szlovák-magyar szójegyzék alkotja. A szerzők, Adolf Zátúrecký (a Brünni Legfelsőbb Bíróság elnöke) és Vladimír Fajnor (a Pozsonyi Táblabíróság elnöke), akik a kötet utószavában rámutatnak a szlovák jogi terminusok kezdetlegességére, és kérik a jogi végzettséggel rendelkező szakembereket, hogy az esetleges hiányosságokat és a szótár bővítésére tett javaslataikat jelezzék a kiadó jogi osztályán (ZÁTÚRECKÝ-FAJNOR 1921:167). A kiadványban olyan jogi szakkifejezések dominálnak, amelyek nagy részét már a mai magyar és szlovák jogrend is használja, pl. *eltulajdonítási célzat (szándék)* 'privlastňovací (odcudzovací) úmysel, úmysel privlastniť si (odcudzit)'; *felbontani a házasságot* 'zrušiť manželstvo'; *illeték* 'poplatok'; *osztott tulajdon* 'delené vlastníctvo'; *rendkívüli illetékesség* 'mimoriadna príslušnosť'; de köznyelvi szavak is találhatóak benne szépszámban, pl. *hold* 'jutro', *udvar* 'dvor', *csillag* 'hviezda'. Sokszor „a biztonság kedvéért” még a cseh kifejezést is feltüntetik a szlovák mellett, pl.: *ajánlat* 'offerta, sľub, návrh' (český term. nabídka); *zúzódás* 'pomliaždenie, smliaždenie, náraz, pohmoždenia' (č. kontúzia). A korra jellemző helyesírási formák a szlovák és a magyar példaanyagban egyaránt fennmaradtak, pl. *kinzás* (kínzás), *tanu* (tanú), *chek* (csekk), illetve *zpráva* (správa), *usnesenie* (uznesenie).

Az 1923-ban megjelent szlovák-magyar rész utószavában a szerzők leírják, hogy a II. kötet formailag és tartalmilag is jelentősen felülmúlja az I. részt, valamint megemlítik, hogy több helyen besorolták a megfelelő cseh kifejezést is (ZÁTÚRECKÝ-FAJNOR 1923:199). Formailag ez a rész valóban rendezettebb,

átláthatóbb a magyar-szlovák kötetnél, tartalmilag: olyan terminusokat is tartalmaz, amelyek az előzőben még nem voltak benne (pl. *noclašne* – ágybér). A szótárban van olyan oldal, ahol szinte minden szlovák szó mellett megjelenik a cseh kifejezés is. (pl. *preddavkový spolok* (č. záložňa) 'előlegezési egyesület'; *predat'* (č. prodati) 'eladni'; *náhly súd* (č. stanný soud) 'rögtönítélő bíróság'; több helyen előfordul, hogy a szlovák jogi terminus még nem alakult ki, így a címszónál a csehet veszik figyelembe és ezt jelzik is: *spěsné zboží* (č.) 'gyorsáru', *jateční dobytek* (č.) 'vágómarha', *cestovní průkaz* (č.) 'utazási igazolvány', stb.

Michal Slávik *Maďarsko-slovenská právnická terminológia* 'Magyar-szlovák jogi terminológia' című munkája a Túrócszentmártonban kiadott hasonló szótárral egyidőben Pozsonyban jelent meg, a Comenius Irodalmi Intézet gondozásában. A párhuzamos kiadáshoz hasonlóan ez sem tartalmaz grammatikai kategóriákat, a címszavak egy oldalon két oszlopban vannak felsorolva és több címszónál tanúi lehetünk, hogy a megfelelő kifejezést a szerző még nem találta meg, csupán találgat. Pl. *záróra* 'zátvorná (!) hodina' (szlk. záverečná hodina); *ág* 'vetev, vetva, odbor' (szlk. két jelentése van, a szerző nem választotta szét: 1. vetev, vetva; 2. odbor). Ebből adódóan a szlovák kifejezések között több bohemizmus is fellelhető: *utóörökösödés* 'pozatýmne dedenie', *hatáskör* 'obor pôsobnosti', *ajánlat visszautasítása* 'odmietnutie nabídky'.¹

A több hivatali terminust is tartalmazó, 1923-ban Kassán kiadott, Szokol-szky Bertalan által összeállított *Anyakönyvvezetők szótára. Magyar-szlovák-német-latin szótár* című négynyelvű kiadvány négy részből áll: 1. foglalkozásnevek, 2. halált okozó betegségnevek, 3. keresztnévek, 4. anyakönyvi adatok bejegyzéséhez szükséges kifejezések, mondatok. Szokol-szky a szótár összeállításakor – ilyen jellegű magyar-szlovák, illetve szlovák-magyar szójegyzék hiányában – magyar-cseh, cseh-magyar, német, illetve latin szótárakat, szakirodalmat használt.

A második világháború után jelentősen csökkent a terminológiai munkák iránti érdeklődés. Később, 1947 év elején szerveződött újjá a Jogi Terminológiai Bizottság, majd 1948-ban a Kémia és Technológiai Terminológiai Bizottság.

Az 1923-ban kiadott jogi szótár szlovák-magyar kötete után mind egynyelvű jogi, mind pedig szlovák-magyar jogi szótár jóval később, a bizottsági munka eredményeként, 1952-ben (egyidőben a *Slovensko-ruský právnický slovník* 'Szlovák-országi jogi szótár'-ral) a Szlovák Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézetének Jogi Terminológiai Bizottsága gondozásában jelent meg Pozsonyban *Právnický terminologický slovník (slovensko-maďarský)* 'Jogi terminológiai szótár (szlovák-magyar)' címmel. Csakúgy, mint az 1921(1923, 1925)-ben kiadott, már említett jogi szótárakba, ebbe is sok nem jogi terminust belevettek a szerkesztők,

¹ A szótár anyagához nem sikerült hozzájutnom, ezért dolgozatomban a következő szerzők írásaira támaszkodom: Hayeková, 1979:170, illetve: Misad, 2009:64. Misad Katalin 2009-es tanulmánya szerint a Slávik-féle szótár 1927-ben jelent meg.

melyet azzal magyaráznak, hogy a Jogi Terminológiai Bizottság feladatául tűzte ki nemcsak a megfelelő szlovák jogi terminusok megalkotását, hanem azt is, hogy a jogászok helyesen fejezzék ki magukat (=správne vyjadrovanie) (HORECKÝ 1958:165). Ilyen nem jogi terminusok a fenti szótárban pl. *dielňa* 'műhely'; *divadlo* 'színház', *lod* 'hajó', *pobrežie* 'part', stb.

Az 1952-es szótár kibővített változata 1965-ben, *Právnický terminologický slovník slovensko-maďarský* 'Szlovák-magyar jogi terminológiai szótár' címmel látott napvilágot. Az 1965-ös kiadvány nem jelent meg kereskedelmi forgalomban, belső címlapján a következő olvasható: *Len pre služobnú potrebu* 'Szolgálati használatra'. A bevezetőből megtudhatjuk, hogy a Csehszlovák Népköztársaság Igazságügyi Minisztériuma Jogi Intézetének és a Magyar Népköztársaság Igazságügyi Minisztériumának közös munkájáról van szó, amelyben a politika, gazdaság és a jog minden területéről szerepelnek a két ország közötti hivatalos kommunikációjában előforduló terminusok. A Bevezetőben a szótár összeállítója, Z. Farkaš megjegyzi, hogy a jobb megérthetőség kedvéért igyekeztek figyelembe venni a korábbi – ő úgy fejezi ki magát, hogy *historické pojmy* 'történelmi kifejezések'-et – amely alapján célszerűnek tartottam néhányat ezek közül összehasonlítani az 1923-ban Túrócszentmártonban kiadott szlovák-magyar nyelvű jogi szótár címszavaival. Az összehasonlításból (lsd. táblázat) megállapítható, hogy az 1965-ben kiadott szóanyag valóban a régebbi kifejezésekre épül, de zárójelben vagy teljesen önállóan az akkori szlovák jogi terminust tünteti fel, amely teljesen megfelel a mai szóhasználatnak.

1923	1965
advokátsky pomocník - ügyvédsegéd	advokátsky koncipient - ügyvédjelölt
as(s)sekurovať – biztosítani	asekurácia (poistenie) - biztosítás
as(s)ignát – utalványozott	asignant (poukazca) – utalványozó
auskultant – (jog-)gyakornok	auskultant (súdny čakateľ) – (bírószáki) joggyakornok
árenda – haszonbér	árenda (nájom) – haszonbérlet
berný úrad – adóhivatal	daňový úrad - adóhivatal
cedent – engedményező	cedent (postupca) - engedményező
dať do predaju – áruba bocsátani	dať do predaja – áruba bocsátani
dedičné (správnejšie dedičské) – örökségi, örökösödési	dedičské – örökösödési
depozitár - letéteményes	depozitár (uschovávateľ) – letéteményes
osvojenie - elsajátítás	osvojenie – örökbefogadás
inkompatibilita - összeférhetetlen-	inkompatibilita (nezlučiteľnosť) - ösz-

ség (DE! a parlamentárna inkompatibilita címszónál ott van zárójelben: (nesrovnateľnosť)	szeférhetetlenség
--	-------------------

Az 1952-es jogi szótár kiadását követően A. Zátarecký is összegyűjtött terminusokat saját szakterületéről, és tervbe vette egy szlovák polgári jogi értelmező szótár kiadását. Sajnos azonban 1958-ban bekövetkezett halála miatt a gyűjtemény befejezetlen maradt, ám a szóanyag folyamatosan jelent meg a *Slovenské odborné názvoslovie*² hasábjain.

A 20. század elejétől egészen az 1965-ös jogi terminológiai szótár megjelenéséig szlovák vonatkozású jogi szóanyagok csupán szlovák-magyar, illetve magyar-szlovák viszonylatban jelentek meg. Ilyen jellegű cseh szótárak – az állambe rendezkedés folytán (Csehszlovákia) – nagyobb számban láttak napvilágot, pl. Hácha, E. – Hoetzel, J. – Weyr, F.: *Slovník československého práva veřejného* 'Csehszlovák közigazgatási jogi szótár', Brno 1929.; Ehleman, J. – Volf, P.: *České právníké názvosloví* 'Cseh jogi szaknyelv', Praha, 1937. Később pl. Hrušková, E.: *Rusko-český právníký slovník* 'Orosz-cseh jogi szótár', Praha, 1965; *Právníký slovník česko-anglický* 'Cseh-angol jogi szótár', Prága, 1986., stb.

A szlovák jogi terminológiát jellemző viszonylag kései kialakulása – mint láttuk – közvetlen magyar hatást mutat. Természetesen a magyar terminusok nagy része is latin és/vagy német mintán alapul; az anyanyelvi kifejezések nagy része a német világképet tükrözi. Amint a futólagos áttekintés is mutatja, a szlovák jogi szókinész kutatása még sok feladatot rejt magában. Érdekes és fontos lenne a bemutatott és más kifejezéseket is törvény- vagy egyéb jogi jellegű szövegekben (végrendelet, adás-vételi szerződések, záloglevelek, bírósági iratok, periratok stb.) vizsgálni.

² 1953-ban indult a *Slovenské odborné názvoslovie* 'Szlovák szakterminológia' című folyóirat, amelynek főszerkesztője a kezdetektől 1961-es megszűnéséig Ján Horecký (1920-2006) volt.

Felhasznált irodalom

- Bargár, Gabriel: Maďarsko-slovenská právnická terminológia. Príručný slovník pre súdy, úrady, politické, administratívne, finančné a účtetné, pre pravotárov, notárov a vôbec pre úrady štátne a samosprávne, podobne pre súkromnú spotrebu vo styku s úradmi. Magyar - szlovák jogi műszótár. Kéziszótár bíróságok, politikai és közigazgatási, pénzügyi és számvevő hivatalok, ügyvédek, körjegyzők, s általában állami és magán-hivatalok részére, nemkülönbön magánhasználatra a hivatalos érintkezésben. Kníhtlačiarné okružných notárov. Trenčín. 1919.
- Hayeková, Matilda: Dejiny slovenských slovníkov do roku 1945. Univerzita Komenského. Bratislava. 1979.
- Horecký, Ján: Dr.h.c. JUDr. Adolf Zátúrecký (22.júna1884-12.marca1958). *Slovenské odborné názvoslovie*. 6. (1958), 161-166.
- Jesenský, Fedor: Budeme mať právnické názvoslovie? *Slovenská reč*. 2. (1933/1934), 70-73.
- Misad Katalin: Terminológiai problémák a szlovák–magyar, illetve a magyar-szlovák vonatkozású terminológiai szótárakban és szakkifejezés-gyűjteményekben. *Fórum. Társadalomtudományi Szemle*. 11. (2009), 61-89.
- Právnický terminologický slovník. I. Časť maďarsko-slovenská. Pri spolupráci členov právnického terminologického odboru Matice Slovenskej. Sostavili Dr. Vladimír Fajnor, predseda súdnej tabule v Bratislave a Dr. Adolf Zátúrecký, radca najvyššieho súdu v Brne. Vydala Matica Slovenská. Tlačou vlastnou a Kníhtlačiarskeho účastinárského spolku. Turčiansky Sv. Martin. 1921.
- Právnický terminologický slovník. II. Časť slovensko-maďarská. Sostavili Doc. dr. Vladimír Fajnor, predseda súdnej tabule v Bratislave a Dr. Adolf Zátúrecký, radca najvyššieho súdu v Brne. Nákladom Právnickej jednoty na Slovensku v Bratislave. 1923.
- Ráduly Zsuzsanna: Európai műveltségzavak – nemzetközi tükörszavak. Círill és Metód példáját követve... Tanulmányok H. Tóth Imre 70. születésnapjára. Szerk.: Bibok Károly, Ferincz István, Kocsis Mihály. Szeged 2002, 421–426.

Stjepan Lukač

TRAGOVI SINKRETIZMA U PROZI ŠIMUNA GREBLA

Abstract: The previous researches of the rich corpus of the Croatian Passion literature have mainly focused on the poetical realizations of this genre, and the prosaic texts were ignored, including one of the oldest and most beautiful piece of Croatian moral-didactic prose, *Tlmačenje od muki gospoda našego Isuhrsta* (1493), written by Šimun Greblo from Roč. The text deals with the pain of Jesus and Mary on Good Friday. On the basis of the overview of the text and a comparison of some specific examples from Greblo's prosaic *Tlmačenja* to other examples from different poetic plancti the paper concludes that all of the analysed plancti are syncretic, regardless of their genre.

Keywords: literary syncretism, plancti, Šimun Greblo, *Tlmačenje od muki gospoda našego Isuhrsta*

Tema Isusove muke pojavljuje se u hrvatskoj književnosti već u njezinoj ranoj fazi razvoja. Razni lirski, narativni, dijaloški i dramski tekstovi u svojoj formalnoj i sadržajnoj realizaciji međusobno su genetski tijesno povezani. Tijekom višestoljetnog evolucijskog razvoja, od najjednostavnijih lirskih pjesama nastali su sve složeniji dramski tekstovi, a kada je taj razvoj dostigao svoj vrhunac, postali su se očito-vati i znakovi nazadovanja, što nije značilo definitivno nestajanje književnoga žanra, nego su se putem novog transformacijskog i generativnog procesa počeli razvijati oblici i modeli kakvih je bilo i prije. Nastanku i obnovi žanra kasnije dobrim su dijelom pridonijele i umjetničke adaptacije pasije: Marko Marulić, Mavro Vetranović, Matija Divković, Petar Knežević... U književnopovijesnoj valorizaciji pasionskih tekstova (plačeva, dijaloških plačeva, prikazanja) i danas vrijedi teza Franje Fanceva, prema kojoj je taj tip teksta „obuhvatio sve pokrajine i sve dijalekte u njihovu cjelokupnom prostranstvu od Istre preko hrvatskog i dalmatinskog primorja i otočja do Budve u jednu jedinstvenu književnu zajednicu“. (FANCEV 1932: 3) Tome nizu sam i ja dodao nedavno „svoj“ kajkavski plač. (LUKÁCS 2000) Najstabilnija jezgra pasionskih pjesničkih tekstova stroga je ritmička struktura: parno rimovani osmerac koji, prema Jaussu, jamči kontinuitet toga žanra. (JAUSS 1970) Noviji transformacijski oblici uvijek su i obavezno nastali isključivo dodavanjem ili oduzimanjem dvojnih parno rimovanih osmeraca. Na temelju usporedbe identičnih stihova različitih pasionskih tekstova te na osnovi postojanja dijelova, scena, prizora u većim i duljim pasionskim tekstovima, koje nalazimo i u kraćim inačicama, jasno se nazire rodbinska povezanost, pa i transformacijski niz: od lirsko-narativnoga, preko dijaloškoga, dramatiziranoga, sve do dramskoga. (KOLUMBIĆ 1994) Dunja Fališevac smatra da je iz pasionske lirike transformacijom nastala pasionska

drama, koja kao vrhunac toga žanra u sustavu žanrova hrvatske srednjovjekovne književnosti predstavlja poseban rodovski oblik. (FALIŠEVAC 2007: 63-75)

U dosadašnjim istraživanjima najviše se pisalo i govorilo o pjesničkim pasionskim tekstovima a pomalo su se zanemarili prozni pasionski tekstovi kao što jedan od najljepših i najstarijih tekstova hrvatske moralnodidaktičke proze *Tlmačenje od muki gospoda našego Isuhrsta* (1493) od Šimuna Grebla iz Roča u kojemu se komentira Isusova i Marijina bol za vrijeme Velikog petka. Transliteraciju glagoljičkog teksta izvršila je Antonija Zaradija Kiš. (ZARADIJA KIŠ 2001) Greblo je bio prevoditelj, urednik, skriptor, učitelj i prepisivač s kraja XV. stoljeća. Osim gore spomenutog *Tlmačenja* on je autor *Kvadriže duhovnim zakonom* (1493), svojevrsne summe kršćanske moralne teologije za buduće svećenike te *Kvarezimala* (1498), zbornika crkvenih propovijedi za preduskrno razdoblje. Autograf Šimuna Grebla nalazimo na više mjesta, neprijeporno najzanivljiviji je onaj u *Novakovom misalu* gdje je sačuvana i prva glagoljicom ispisana čakavsko-hrvatska pjesma. Misal iz 1368. godine nalazio se 1405. godine u Roču, a Šimun je Greblo na posljednjem foliju (269b) glagoljicom upisao 1512. godinu, odnosno svoje ime, nadalje tri misne oracije. Greblova čitava djelatnost duboko je povezana s latinskom kulturom, kako piše Antonija Zaradija Kiš: „Živeći i stvarajući na prijelazu dvaju stoljeća, ali i dvojju kulturnih epoha, Šimun Greblo hrabro izlazi iz anonimnosti tradicionalnih srednjovjekovnih glagoljskih pisara...“ (ZARADIJA KIŠ 2001: 10) *Tlmačenje od muki gospoda našego Isuhrsta* prvo je značajno djelo hrvatske pripovjedne proze, međutim, filologija do dana današnjega nije temeljito istražila u kojoj su mjeri raniji pasionski tekstovi glagoljičkih misala utjecali na Greblovo djelo. (FALIŠEVAC 1980: 83)

U 1227 redaka ispisani prozni tekst Grebla strogo prati događaje muke iz Biblije, stoga u centru pažnje nije bolna majka, pa prema tome nema smisla od retka do retka uspoređivati bilo koji plač u stihovima s Greblovim tekstom. Unatoč tomu u proznom tekstu Grebla nalazimo takve retke koji nedvojbeno svjedoče i upućuju na inspiraciju i poznavanje lirske pasionske tradicije. U više plačeva ili u prologu ili u epilogu često nalazimo riječi *poslušati* ili *gledati*. Ovi infinitivi i neposredno upućuju na način ivođenja pasije, prema tome da li se radi samo o verbalnome ili stvarnome „kazališnome“ izvođenju. Primjerice u čuvenome *Plaču Bl. D. Marije* (FANCEV 1938: 193–212) u završnom dijelu Magdalena se ovim riječima obraća vjernicima: *O kerštēne, ki ste pravi, / bogu ocu vazda dragi, / ki ste prišli sad gledati / terē s nami žalovati / muku britku gospodina*. Greblo na samom početku upozorava vjersku zajednicu što nije dovoljno samo oplakati Isusa, nego je treba ispričati i poslušati priču njegove muke: *I mni mi se da ne tolikolē plakati da pače i propo(vê)dati podobaet' Da učinimo tako da budemo plakati očima s'r'dač'nima ako b(og) da nam' m(i)los't' s'voju us'ti budemo propov(ê)dati i ušima s'r'dač'nima i teles'nima budemo muku s'lišati sp(a)sitela našego*. U ovim tekstovima jaka pozicija istih glagola (*s'lišati*) na samome početku unatoč žanrovskoj različitosti (stih,

proza) neprijeporno upućuje na srodnost između njih.

Kako u stihovanim plačevima tako i u Grebla najpotresnija scena je majčina lamentacija u prvom licu jednine. Tu nalazimo takve ritmičke elemente, sintagmatičke veze i rime kakve susrećemo i u plačevima, dakle vidna je unutarinja genetska povezanost ovoga proznoga teksta i stihovanih pasija, stoga se opravdano pretpostavlja da je Greblo dobro poznao bogatu hrvatsku tradiciju plačeva. To je jedno od prvih konkretnih ispoljavanja književnog sinkretizma (miješanja književnih rodova i žanrova) u hrvatskoj književnosti. Greblo takve ulomke nije integrirao u svoj tekst namjerno, „planski“ – u lamentaciji majke ti se „metatekstualni“ umetci javljaju kao sami od sebe, zapravo spontano: *O magdalêno ti bi ga mogla dobro znat' zač' si mnogo krat' sedêla pri nogu nega i slišala esi rêči prês(ve)te iz ust' nega i v hramme sestri tvoee marti esi ga premala i noze nega celivala i umiv(a)la i mas'tmi predragimi pomazivala glavu i noze nega*. U proznome glasu majke očita je tendencija formiranja sintagmatičkih jedinica u šesticima i osmercima. U ovome citatu ritmička je povezanost osim toga potkrijepljena parno raspoređenim, koncentrirano prisutnim rimama: *znat'// krat'; sedêla // slišala; premala // celivala; mas'tmi // predragimi; umiv(a)la // pomazivala*.

U majčinom glasu Greblova teksta nije to jedino mjesto gdje se javljaju sintagme ili rime poznate iz stihovanih plačeva. U krajnjem očajanju Marija se obraća Židovima da puste na slobodu njezog sina i umjesto njega raspnu nju: *I zato m(o)lju vas' sin'ka moga pustite a mene mêsto nega prop'nite*. U dvama poznatima plačevima ta je misao na sličan način razvijena – Marija tu traži da je raspnu zajedno sa sinom – i susrećemo istu rimu: *propnite // pustite*.

Picić, 1471

Knezajić, 1626

690.Mene zajedno s-njim
propnite
691.Tu mi milost učinite
692.Živu mene ne-pustite

636.zajednome žnim
propnite
637.Tomi milost učinite
638.žive mene ne pustite

Nekoliko redaka niže u Greblovom tekstu Marija se obraća sinu, podsjeti ga kako ga je devet mjeseci u utorbi nosila a nakon toga brižno gojila: *I paki spomeni se ot matere tužne ka te e nosila v t(ê)le svoem' i rodila i pečalno koila* (sic! Pravilno: *goila*) U Picićevom plaču (1471) doslovno nalazimo sve najvažnije izraze (glagole u aoristu) iz ove Greblrove rečenice pune ritmičkih elemenata: *rodila – rodih, nosila – nosih, pečalno – pečalno, goila – gojih*

Picić, 1471

350.Koga divom želno rodih

- 351.Mojim mlikom sama dojih
 352.Devet miseci tebe nosih
 353.Ter pečalno vazda gojih

Tehnika pripovijedanja, dinamična izmjena narativnih, monoloških i dijaloških dijelova u Greblovom *Tlmačenju od muki gospoda našego Isuhrsta* ukazuje na to da su se tekstovi (dakle, i stihovani plačevi) o muci „izveli“ na sličan način. Prema Josipu Bratuliću autorima se prožula mogućnost da muku ispričaju neposredno preko Isusa, dakle njegovim riječima, međutim, izabrali su poetičniji način. (BRATULIĆ 1990: 108) Suština takvoga izvođenja je da jedan od svećenika ispriča tok muke, uplete sve njezine moralne dimenzije, ističući smisao Kristove žrtve. Takva je naracija isprekidana čestim monolozima i dijalozima. I u Greblovom djelu moramo pretpostaviti takvo pripovijedanje. Prije spomenuti govor Marije u Greblovom tekstu nalazi se u dugačkome odlomku koji uvodi sljedeća narativna rečenica: *I potom' obravši se k sestram' b(la)žena d(ê)va mariê i ka inim' ljudem' stoečim' tu I govoraše k nim'.* (934–936) Nakon ove uvodne rečenice slijedi Marijin govor u prvom licu jednine (936–962) koji opet zaključuje narativni tekst naratora: *I budući mariê magdalêna plna slz' i bolêzni i žalosti i ne more odgovoriti b(la)ž(e)noi d(ê)vi marii ob'emljući ju.* (962–965)

Šimun je Greblo u povijesti hrvatske književnosti bio prilično zanemaren autor. Prema Hercigonji Greblovo je *Tlmačenje od muki gospoda našego Isuhrsta* „jedan od najnadahnutijih i najljepših tekstova te vrste u našoj srednjovjekovnoj knjizi, reprezentativan istančanošću izraza i u širim razmjerima“. (HERCIGONJA 1983: 63) Već i na osnovu ovoga letimičnog pregleda i uspoređenja konkretnih primjera iz Greblova *Tlmačenja* kao proznoga teksta te iz raznih stihovanih plačeva možemo zaključiti da bez obzira na njihovu žanrovsku pripadnost, putem književnoga sekretizma ostvaruje se pravo literarno jedinstvo.

Literatura

- Bratulić, Josip: *Sjaj baštine*. Split: Književni krug Split, 1990.
 Fališevac, Dunja: *Stari pisci hrvatski i njihove poetike*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2007.
 Fancev, Franjo: „Liturgijske obredne igre u zagrebačkoj stolnoj crkvi“. *Narodna starina IV*, 1925, str. 1-15.
 Fancev, Franjo: „Hrvatska crkvena prikazanja“. (Posebni otisak iz XI. knjige *Narodne starine*). 1932.
 Fancev, Franjo: „Plač blažene dive Marije“. *Građa JAZU*, 13 (1938), str. 193–212.
 Fancev, Franjo: „Muka Gospodinova i Uskrsnuće Isukrstovo“. *Građa JAZU*, 14 (1939), str. 241-287.
 Hercigonja, Eduard: *Nad iskonom hrvatske knjige*. Zagreb: Liber, 1983.

- Jauss, Hans Robert: „Teorija rodova i književnost srednjega vijeka“. *Umjetnost riječi* 1970/3, str. 327-352.
- Kolumbić, Nikica: *Po običaju začínjavac. Rasprave o hrvatskoj srednjovjekovnoj književnosti*. Split: Književni krug Split, 1994.
- Lukács István: *Dramatizirani kajkavski Marijin plač iz Erdelja 1626 – Dramatizált kajhorvát Mária-síralom Erdélyből*. Budapest: Slovenika, 2000.
- Lukács István: *A passióhagyomány a horvát irodalomban*. Opera Slavica Budapestinensia. Litterae Slavicae. Budapest: ELTE BTK Szláv Filológiai Tanszék, 2008.
- Novak, Slobodan P.: „Logika tijela i retorika ideologije u hrvatskom religijskom kazalištu“. *Dani hvarskoga kazališta. Srednjovjekovna i folklorna drama i kazalište*. Split: Književni krug Split, 1985, str. 398-414.
- Perillo, Francesco Severio: *Hrvatska crkvena prikazanja*. Split: Mogućnosti, 1978.
- Vizkelety András – Hadrovics László: „Ein altkroatisches Passionslied aus dem 14. Jahrhundert“. *Studia Slavica Hung.*, 30 (1984), str. 1-37.

Mersich Zsuzsanna

SZEMÉLYNEVEKBŐL ALAKULT HORVÁT CSALÁDNEVEK
HORVÁTSIDÁNY ÉS ÓLMOD TELEPÜLÉSEKEN

Abstract: This paper deals with the analysis of family names of Croatian origin based on the personal names from the Kőszeg micro region, in Hungarian part of Burgenland – in villages Hrvatski Židan and Plajgor.

The article also views the representation and the number of the most productive suffixes which take part in their formation.

Keywords: family names of Croatian origin, Kőszeg micro region, family names formed from personal names, the most productive formation suffixes

1. A nyugat-dunántúli régió¹ két megyéjében Vas és Győr-Moson-Sopron megyékben még napjainkban is jelentősebb számú horvát él, ami elsősorban kultúrájukban, nyelvhasználatukban, család-és családi ragadványneveikben érhető leginkább tetten. A terület a történelmi Magyarország etnikumok, kultúrák, nyelvek (elsősorban német, magyar) több évszázados érintkezésének színtere volt. A napjainkban is itt élő nyugat-magyarországi, újabb nevükön gradistyei horvát kisebbség a XV. és XVII. század közepéig horvát területekről menekült, vagy szervezeten áttelepített horvátság maradványát képezik, akik az új hazába „Horvátország különböző vidékeiről jöttek nyelvjárás szempontjából nem egységesek, felismerhető néprajzi jegyekkel rendelkező népcsoporttá hazánkban váltak”.² A kőszegi mikrorégió (Vas megye) három települése Horvátsidány, Ólmod és Peresznye napjainkban is sajátos archaikus szigeteket alkot a kistérségben, hiszen lakói mondhatni egyedülként képviselik az itt élő horvátságnak legnagyobb arányszámát.³ A fent említett horvátok által lakott térségre elmondható, hogy nyelvükben, néprajzi értékeinek homogenitásában, kulturális gyökereiben, továbbá társadalmi-, természeti-, gazdasági adottságaiban a múltban és napjainkban is viszonylag összetartó, nagy szóródást ilyen értelemben nem mutató területként jellemezhető. Nyelvük a nyugat-magyarországi horvátság legelterjedtebb *ča* nyelvjárási típus *i-ző e-ző* válto-

¹ Nyugat-Dunántúl a hét magyarországi statisztikai régió egyike, Magyarország északnyugati részében helyezkedik el, melyet három megye, Győr-Moson-Sopron, Vas és Zala alkotja, melynek központja Győr.

² <http://www.horvatok.hu/index.php?id=6>

³³ A kőszegi kistérséget 15 település alkotja, állandó lakosainak száma 2000-ben 17.713 fő, ebből a lakosság mintegy 16,6% tartozik valamely nemzeti kisebbséghez (horvát, német, roma), akik közül a horvátok száma a meghatározó, a népesség több mint 10%-át (ebből Kőszegen 0,48%) teszik ki.

zatához tartozik, amely alapját képezi az évszázadok során kialakult ún. gradistyei horvát (hrv. gradišćanski-burgenlandi) regionális irodalmi nyelvnek.

2. Nyelvjárásuk tanulmányozásával elsősorban horvátországi, magyar és osztrák kroatisták és szlavisták foglalkoztak, a korábbi időszakokra nézve többen is áttekintették azt. A tekintélyes szakirodalmat felölelő tanulmányokból, szótárakból, nyelvtanokból átfogó kép rajzolódik ki a gradistyei horvátság irodalmi nyelvének és annak kialakulásának alapvető állomásairól (HADROVICS 1974; 1989; 1995), szókincsét nyelvtörténeti szótár írja le (NYOMÁRKAY 1996), az egyes nyelvjárástípusoknak fonomorfológiai jellemzőnek (NEWEKLOWSKY 1978; 1995), és eredetének bemutatására is számos tanulmányt szenteltek (VIG 1994; 2003).

Elmondható ugyanakkor, hogy a családnevek kutatására vonatkozólag a szakirodalom jóval szerényebb képet mutat, hiszen alig vagy nagyon kevesen foglalkoztak névtani kérdésekkel. A gradistyei horvátok családneveit viszonylag későn kezdték el tanulmányozni, így pl. néhány tanulmány jelent meg osztrák területen melyek vagy egy település (MERŠIĆ st. 1930), vagy egy nagyobb területi egység (HAJSZAN 1992) családneveit dolgozzák fel. Továbbá kísérlet történt a burgenlandi horvát családnevek összegyűjtésére, valamint névindíték szerinti csoportosítására (MERŠIĆ 1975)⁴. Kevés tanulmány jelent meg Horvátországban az itteni horvátság személyneveinek eme típusáról (BRABEC 1966), mely tanulmány elsősorban dialektológiai jellegű. A gradistyei horvátság családneveinek modern értelemben vett tudományos vizsgálatának, a teljesség igénye nélkül, a múlt század utolsó évtizedeiben Šimunović (1995) horvátországi névkutató szentel egy fejezetet könyvében, valamint két osztrák nyelvészkutató (SZUCSICH, VLASITS:1995), történelmi dokumentumok felhasználásával, figyelembe véve a különböző nyelvjárási típusokat szemantikai és alaki szempontból vizsgálják a mai Burgenland horvát településeinek családnév-állományát. A fentiekből is látszik, hogy a magyarországi gradistyei horvátság családneveinek kutatása messze elmarad, ami indokoltá teszi, hogy kísérletet tegyek a névadás alapmotívumainak, a neveket létrehozó nyelvi eszközök jellemzőinek és szabályszerűségeinek feltárásához Horvátszidány és Ólmod horvát települések vonatkozásában a fellelhető történelmi dokumentumok alapján.⁵

⁴ Martin Meršić ml. adatait a kismartoni (Eisenstadt) egyházmegye anyakönyveiből meríti. Tanulmánya, melyben a családneveket A-tól D-ig dolgozza fel, nem jelöli a korszakra vonatkozó adatokat sem azok előfordulási helyét, sajnos torzóban maradt.

⁵ *Liber defunctorum Horvath Zsidan ab anno 1763-1826.* (Horvátszidány első anyakönyve 1763-1826. Pag. 1-199. Benne Ólmod filia halotti anyakönyve 1788-1821. Pag. 152-153.), Jegyzik: Georgius Juranits 1763-1788, Wolfgangus Malitsak 1789-1815, Stephanus Gerdenich 1816-

Matricula Baptisatorum Parochia Horváth-Zsidány et Filiatis Bleigraben ab anno 1788 usq 1826. Jegyzik: Wolfgangus Malitsak 1788- 1815 51- 114.pag, Stephanus Gerdenich 1816- 1826. 1-45.; 115-120. pag., *Liber Baptisatorum 1827-1853.* 1-124.pag. *Copulatorum*

3. A horvát családnévrendszer kialakulását, annak okait több jeles névkutató is áttekintette (ŠIMUNOVIĆ i.m.: 315-330; FRANČIĆ 2002: 12-15), ezért ennek a gazdag szakirodalomnak a részletes ismertetésétől ezúttal eltekintek. Számunkra ebből említésre méltó, hogy a horvát szakirodalom a családnevek kialakulásának és örökletességüknek négy fázisát különíti el (ŠIMUNOVIĆ 1985: 279-302)⁶, melynek harmadik szakasza már egybeesik a horvát populáció folyamatos áttelepedésének időszakával, mely hatalmas tömegeket érintett, amelyről semmiféle összeírás nem történt. A nyugat-magyarországi területeket jövevénynevek tömege árasztja el ebben a korszakban, melyekről a gradistyei horvátság legrégebbi írásos dokumentációjából az ún. *Kelénpataki könyv*-ből (1568) kaphatunk családnevekre vonatkozó értékes információt. A latin nyelvű missale utolsó üres lapjára kézírással feljegyzésre került két szöveget három személy jegyzi nevezetesen: Georg Vuccowycz / *Vuković* iz Jastrebarskog, Fylypovich / *Filipović* és pop Juraj Zywanich / *Živanić* (erről bővebben l. BENCSICS 1998:11 12; VERDENICH 1932). Ebből arra következtethetünk, hogy az új hazába betelepült horvát népesség személyneveinek egyeleműségéről már nem beszélhetünk, hiszen az „[...] a XVI. században már egyáltalán nem általános és nem jellemző” (PAPP 1960: 57). Papp megállapítását igazolják Hajszán kutatásai is, aki a Rohonc-Szalóniki uradalom XVI. századi jobbágyságának helyzetét kutatta annak gazdag névanyagával együtt, melyből kiderül, hogy a Nyugat-Magyarországra betelepült horvátság a XVI. század közepétől kételemű névrendszerrel rendelkezik (HAJSZÁN 1996: 62-151). *Šimunović* szerint ebben a korszakban a horvát személynevek kételeműsége nem vitatott, meglátása szerint ugyanakkor nem beszélhetünk még állandó családnevekről. Ezek a nevek inkább voltak (egyéni vagy családi) ragadványnevek, vagy származási helyre utaltak, amelyek aztán ebben a formában kerültek rögzítésre. Azt, hogy a családnevek nem voltak állandók, azaz változhattak és kialakulhattak az új hazában is, alátámasztja az a tény, hogy az új hazában is keletkeztek családnevek. Tehát *Meršić* megállapítása, miszerint az idetelepült horvátság magával hozta családne-

et defunctorum in Parochia Horváth-Zsidány et Filiali Pleigraben ab Anno 1827-1853. pag. 142-208.; 209-270. *Confirmatorium ab anno 1859.* pag. 125-130.; 1865. pag. Jegyzi: Antonius Hérits, Paulus Blazovits, Stephanus Horváth; *Protocollum Baptisatorum 1871-1892.* pag. 102-197.; *Defunctorum ib. Anno 1871-1905.* pag. 1-101., Jegyzi: Stephanus Horváth, Muskovich János; *Copulatorom ab anno 1874 a mense Janii Usgue 1968.* pag. 1-118. Jegyzi: Muskovich János, Bugledich Nándor, Fabiankovics Lőrinc.

⁶ Šimunović szerint ezek a következők: 1. XII. század – amikor az örökletesség csak szórványosan mutatkozik, 2. XIII-XIV. század – amikor a dalmát városokban korlátozzák az ún. Veliko vijeće-be (‘Nagytanács’) választható személyek körét, 3. XVI. század – amikor a tridentini zsinat (1545-1563) határozatai alapján bevezetésre kerülnek a halotti, születési anyakönyvek, ill. a megkereszteltek anyakönyvei, 4. XVIII. század – amikor II. József 1787-es rendelete kötelezővé teszi a kereszt- és családnév használatát

veit, csak részben állja meg a helyét (MERŠIĆ st. 1975: 75). *Szucsich* és *Vlasits* tanulmányából kiderül, hogy néhány családnév, melyek főleg származási helyre utalnak, csakis itt keletkezettek, hiszen ezek a településnevek a volt és/vagy a mai Nyugat-Magyarország területén találhatóak: pl. *Frakanavac* (< Frakanava/ Répcesarud/ Frankenau hn. a mai Burgenland területén; első előfordulása Nagybárándon /Großwarasdorf / Veliki Borištof 1665-ből datálható), *Nardaić* (< Narda hn. a mai Magyarország területén; első előfordulása Csémben / Schandorf / Čemba 1774-ből). A származási helyekre utaló neveken kívül tükörfordítással „elhorvátosított” vagy egyszerűen az -ić szláv családnévképző hozzá adásával magyar és német családnévek is felbukkannak ebből a korból. Ilyen szempontból érdekes adalékként szolgálhat a német *Eisinger* családnév Nagybárándon, amely még 1752-ben párhuzamosan él az *Aczinger* és *Aczingerics*, valamint a *Reinzigerics* névformák mellett. 1836-tól viszont már csak az *Eisingerić* névváltozat él tovább egészen napainkig (Szucsich–Vlasits 1995: 514). *Meršić* hasonló példát hoz a magyar *Farkas* vezetéknevre is 1773-ból, amely a továbbiakban *Vuk* és *Vukovics* formában szerepel (Meršić st. 1930: 39).

4. A névtani szakirodalomban általánosan elfogadott tétel, hogy a névadás pillanatában az elnevezettnek valamely jellemzői alapján motivált név jön létre, ezért az így alkotott név „többnyire információt, leírást is tartalmaz” (J. SOLTÉSZ 1979: 53). Ugyanakkor, „minden névadási aktus szemantikailag tudatos”, azaz abszolút motiválatlan név nincs (HOFFMANN 1993: 43, 1999: 208; J. SOLTÉSZ i.m.: 53; HAJDÚ i.m.:86. és mások), ami annyit jelent, hogy csakis az elnevezettel kapcsolatos meglévő jellegzetesség lehet a névadás alapja (vö. TÓTH V. 2001: 124), azaz esetünkben egy *Pavao* (Pál) nevű egyén fiát nem nevezhetik *Petricnsnek* vagy *Petrovicsnak*. Ezzel szemben az elnevező szabadon választhat az elnevezettel kapcsolatos jellemzők közül (vö. J. SOLTÉSZ i.m.: 25). A következőkben kísérletet teszünk arra, hogy Horvátszidány és Ólmod horvát települések személynevekből, azaz apa vagy anya nevéből eredeztethető horvát családnéveit a névadás alapjául szolgáló indíték szerint rendszerezem, továbbá a bennük előforduló becenévképzők alakulása szerint elemezzem.

4. Személynév alapú horvát családnévek:

- A) A horvát családnév alapszava az apa teljes neve: *Antalovics, Antonics, Blazovich, Cristianics, Galovich, Gregorich, Guszmich, Karlovich, Klemen, Kotzián, Kumánovich, Kuzmich, Palich, Palovits, Sekulin, Stefanich, Valentich,*
- B) A horvát családnév alapszava az apa becézőneve: *Andrisics, Bancsics, Banisich, Baranich, Barisich, Barkovich, Bellonich, Berzlanovich, Bilcsics, Bilics, Bilisich, Bogovich, Bubich Bucolich, Buranich, Burisich, Busics, Czitkovics Dancsics, Dank, Dominancsics, Domnanich, Domnanovich, Draskovich, Dumovich, Gerdenich, Gergich, Giletics, Gyipkovich, Ipkovich, Jambrasich, Jambrich, Jankovics, Jenakovics, Juranich, Kacsich, Ko-*

ledich, Kolich, Krizmanich, Lakics, Lassics, Lepsics, Lesics, Lipkovich, Lovrekovics, Lutzanovics, Markovich, Miletich, Milisich, Milos, Muskovits, Pavetich, Petrisich, Plavkovich, Polikovics, Radonics, Radovich, Rátkovics, Stipkovich, Szankovich, Szavics, Szlavics, Sztipsich, Tomsich, Vinkovics, Vlaszinich, Zancsics, Zvoncsich

Az vizsgált települések horvát névállományának legnépesebb kategóriáját ezek a családnevek képezik, melyek további alcsoportokra oszthatók: a) az apa nevének becéző formájából alakultakra, b) összetett horvát (szláv) „mir” és/vagy „slav” összetételűekből származtatókra, c) horvát ősi (nép)név becéző formájából alakult nevekre és d) horvát (szláv) összetett apanév becéző formájából és/ vagy teljes egyénnevből származtatható nevekre.

- a) A keresztnév becézőnévi formájából alakult nevek (Zárójelben a keresztnév becéző formája szerepel): *Andrisics* (<Andriša), *Baranich* (<Baran), *Barisich* (<Bariša), *Barkovich* (<Barko), *Dancsics* (<Danac), *Dank* (<Dan-ko), *Domnanich* (<Dominan), *Dominancsics* (<Dominan), *Domnanovich* (<Dominan), *Dumovich* (<Dumin), *Gergich* (<G(e)rga), *Giletics* (<Gile-ta), *Gyipkovics* (<Đipko), *Ipkovich* (<Ipko), *Jambrasich* (<Jambráš), *Jambrich* (<Jambro), *Jankovics* (<Janko), *Jenakovics* (<Jenak), *Juranich* (<Juran), *Karlovich* (<Karlo), *Koledich* (<Kolenda), *Kolich* (<Kole), *Krizmanich* (<Krizman), *Lakics* (<Lako), *Lesics* (<Leša), *Lipkovich* (<Lipko), *Lovrekovich* (<Lovrek), *Lutzanovics* (<Lucan), *Markovich* (<Marko), *Pavetich* (<Paveta), *Petrisich* (<Petriša), *Polikovics* (<Polika), *Stipkovich* (<Stipko), *Sztipsich* (<Stipša), *Tomsich* (<Tomša), *Vinkovics* (<Vinko), *Vlaszinich* (<Vlasin).
- b) A horvát (szláv) összetett név becézőnévi formájából alakult nevek (A zárójelben az összetett keresztnév teljes alakja szerepel.): *Bellonics* (<Bjeloslav, Bjelimir stb.), *Belovics* (<Bjeloslav, Bjelimir stb.), *Berzlano-vich* (<Brzimir, Brzomir), *Bilcsics* (<Bilimir, Bilislav), *Bilics* (<Bilimir, Bilislav), *Bilisich* (<Bilimir, Bilislav), *Bogovich* (<Bogomir, Bogoslav stb.), *Bubich* (<Bubimir, Budimir, Budislav stb.), *Bucolich* (<Budimir, Budislav stb.), *Busich* (<Budimir), *Czvitkovich* (<Cvitoslav, Cvitomir, Cvjetimir), *Radonics* (<Radoslav), *Radovich* (<Radoslav), *Rátkovics* (<Radoslav), *Zvoncsics* (<Zvonimir).
- c) Horvát ősi (nép)név becéző formájából alakult nevek: *Bancsics* (<Banac), *Banisics* (<Baniša), *Buranich* (<Buran), *Burisich* (<Buriša), *Gerdenics* (<Grdan), *Kacsich* (<Kamen, Kamenko), *Lassics* (Milan), *Plavkovich* (<Plavac, Plavaš), *Szankovich* (<Sanko).
- d) Horvát (szláv) összetett apanév becéző formájából és/ vagy teljes egyénnevből származtatható nevek *Draskovich* (<Dražen, Dražimir, stb.), *Lepsics* (<Lepo, Ljepan, Ljepomir), *Miletich* (<Mileta, Milislav), *Milisich*

(<Milan, Milislav, Milimir), *Milos* (<Milan, Milislav, Milimir), *Muskovich* (<Milutin, Mutimir), *Szavics* (<Sava, Savomir), *Szlávics* (Slavaj, Slavaja, Slavko, Slavimir).

- C) Az alapszó az anya becézőneve: *Ancsics* (<Anča), *Biricz* (<Bira), *Bisztrics* (<Bistra), *Mandics* (<Manda), *Margovich* (<Marga), *Marovich* (<Mara), *Rozenits* (<Rozena), *Sztanitz* (<Stana).

A csak apanévből alakult nevek bontásából megállapíthatjuk, hogy a becézőnévi alapú (férfi és női) nevek gyakorisága meghaladja a teljes (kereszt)neveket hordozó családnevek számát. A becenévi személyneveket hordozó családnevek közül is a női nevekből alakultak messze elmaradnak az apanéviaktól. Arányuk 85:8. Ez az arányszám nem meglepő, hiszen a horvát szakirodalomban megtalálható adatok alapján az asszonyok neveiből alakult családnevek számszerűsége hasonló képet mutat (Frančić 2002 : 81). Az anya nevéből származtatható családnevekben a regisztrálható női nevek kisszámú előfordulásából nehéz volna messzemenő következtetéseket levonni, hacsak azt nem, hogy a családnevek kialakulásának pillanatában egyes asszonyoknak nagyobb szerep jutott a család életében. Esetleg a korán özvegyésre jutott asszonyok gyermekei is megkaphatták az anya nevét és azt tovább öröközték. Biztosat mondani nem tudunk. Azt azonban leszögezhetjük, hogy a női nevek alacsony arányszáma igen kis jelentőséggel bír a vizsgált települések névállományában. Ki kell térnünk a továbbiakban a horvát (szláv) összetett nevekből alakult családnevek származtatásának problematikájára. Az összetett régi szláv eredetű horvát neveket tartalmazó családnevek közül például a *Bellonics*, *Belovich*, *Bilcsics*, *Bilics* stb. esetében nehéz pontosan meghatározni, melyik összetett név szolgált a névadás indítékául. Az ilyen típusú nevek egyaránt származtathatók a 'mir' és 'slav' összetételű kettős nevekből. A második névelem elmaradásával kapott nevek gazdag és változatos becenévi alakokkal bírnak. Pl. a Bilimir, Bilislav; Bjelomir, Bjelimir; Bilislav, Biloslav; Bjeloslav, Bjelislav összetett nevekre a következő becenévi előfordulások a jellemzők: *Bijeli*, *Bjelko*, *Bilan*, *Bile*, *Bili*, *Bilko*, *Bilo*, *Bjelan* (RjOI: 398). Még nehezebb a dolgunk akkor, amikor becenévi alakjaik egybeesnek a teljes egyénnevekből alakult becenévváltozatokkal. Jellemző példa erre a *Draskovich* családnev, melynek alapjául egyaránt szolgálhatott a *Draško*, *Dražen* egyénnev, amely az összetett *Dražimir/Dražislav/Dražeslav*; *Dragimir/Dragoslav*; *Dragivoj*; *Dragomil*; *Dragoslav* stb. nevek becéző változata is lehet (RjOI: 410). A vizsgált települések horvát vezetéknéveiben megtaláljuk a leíró jellel bíró külső-belső tulajdonságra utaló neveket pl. *Gerdenics* (<Grdan), ide-sorolhatnánk továbbá a *Lepsich* (<Ljepan), *Milisich* (<Milan), *Kacsics* (<Kamenko, Kamen) típusukat is. Némelyik közülük utal a születés körülményeire is Buranich (<Buran/'rođen za vrijeme bure'). Biztosat állítani ugyancsak nem lehet, de megállapíthatjuk, hogy a horvát (szláv) összetett (Bjelomir, Bjelimir/ Bjeloslav, Bjelislav, Bilislav; Ljepomir, Milislav/ Milimir; Mutimir; Slavomir stb.), a horvát

egyénevekből (Dražen, Ljepan, Milan, Milutin, Slavaj, Slavko stb.), és a népies nevekből (Grdan, Kamenko, Milan) alakult nevek bármelyike is szolgált a családnevek indítékául, az itteni horvátság múltjának, történelmének részét képezi, hiszen csupán ezekben a családnevekben őrződött meg a valamikori ősi névadásra jellemző változatos, gazdag, horvát (szláv) személynevek névvilága.

5. A vizsgált horvát települések névállományában megjelenő személynév alapú családnevek szóképzés útján alakultak. Ennek alapján a következő két nagy csoportba sorolhatjuk őket: a) a személynevekben megjelenő becenévképzők, és b) az *-ović/-ević,-ić*, és egyéb családnévképzők előfordulása a családnevekben.

A családnévképzők elhagyásával az apanevekben megjelenő becenévképzők szerinti megoszlás a következőképpen alakul:

A) Keresztnevekben megjelenő becenévképzők: **-ko** (Barko, Đipko, Ipko, Janko, Lipko, Marko, Stipko, Vinko); **-an** (Baran, Dominan³, Juran, Lucan); **-o** (Dumo, Jambro, Karlo Lako); **-ša** (Leša, Stipša, Tomša); **-iša** (Bariša, Petriša); **-eta** (Gileta, Paveta); **-ac** (Banac); **-a** (G(e)rga, Kolen-da, Polika); **-aš** (Jambraš); **-ak** (Jenak); **-man** (Krizman); **-e** (Kole); **-ek** (Lovrek); **-in** (Vlasin)

Ebbe a névcsoportba tizennégy különböző képzőfajta tartozik, melyek közül a *-ko* 8-szor, az *-an* 6-szor, az *-o* 4-szer, a *-ša*, az *-a* 3-szor, az *-iša*, 2-szer, míg a többi képző *-ac*, *-aš*, *-an*, *-ak*, *-man*, *-e*, *-ek*, *-in*, 1-szer fordul elő.

B) Horvát (szláv) összetett személynév becéző formájából alakult nevekben megjelenő képzők: **-o/ -o(I)** (Belo, Bogo, Bubo, Rado, Zvono, Bucol); **-on** (Belon, Radon); **-ko** (Cvitko, Ratko); **-an** (B(e)rzlan), **-ac** (Bilac); **-iša** (Biliša); **-ša** (Buša);

Az összetett horvát személynevek második – *mir* 'béke', *slav* 'dicső' – tagja rendszeren elmarad, azaz ezek a nevek ún. név végi rövidüléssel alakultak. Az így kapott nevek első tagjához járul az *-o/-ol* képző 6-szor, az *-on*, *-ko*, 2-szer, az *-an*, *-ac*, *-iša*, *-ša* képzők pedig 1-szer

C) horvát ősi (nép)név becéző formájából alakult nevekben: **-iša** (Baniša, Buriša); **-an** (Buran, G(e)rdan); **-ko** (Plavko, Sanko); **-o** (Kačo); **-ša** (Laša)

Ebben a csoportban öt képző szerepel, melyből az *-iša*, *-an*, *-ko* 2-szer, míg a többi *-ko*, *-o*, *-ša* 1-szer fordul elő.

D) Az alapszó kettős, azaz horvát népies és összetett személynév becenévi formájából is alakulhatott

- A horvát népies nevekből alakult vezetéknév rövidült alakjai a következő becenévi képzőket kapják: **-ko** (Dražko, Muško); **-o** (Savo, Slavo); **-ša** (Lepša); **-eta** (Mileta); **-oš** (Miloš)
- Az összetett személynevek második tagjának elvonásával a név első tagjában a következő képzők jelennek meg: **-o** (Dražo, Ljepo, Slavo²); **-eta** (Mileta²); **-e** (Mute)

Összevetve a két csoportot megállapíthatjuk, hogy a képzőtípusok egybeesnek. Kivételt képez a *Mute* (<Mutimir) összetett névből alakult név becéző formája. Igaznak tarthatjuk tehát Šimundić megállapítását, mely szerint a becenévi képzőkkel képzett nevek nagy többségéről elmondható, hogy „Posljedicom ovoga jest dosta snažno izjednačenje ili neutralizacija pojedinih izvedenica zbog toga što se tvore od istoga korijenskoga morfema (okrnjaka) i sufiksa” (Šimundić 1988: XXIII).

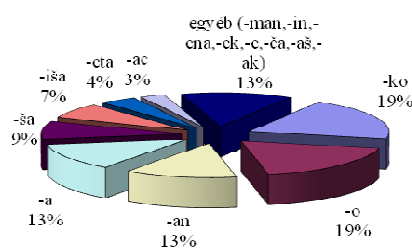
- E) A női nevekből származó családnevek becenévképzők a következők: **-a** (Bira, Bistra, Manda, Marga, Mara, Stana); **-ča** (Anča); **-ena** (Rozena)

A nyolc női névben az *-a* becenévi képző 6-szor, míg a *-ča*, *-ena*, képzők egyszer szerepelnek. Legproduktívabb közülük az *-a* típusú képző, amely ma is az egyik leggyakoribb névképző a női nevek becézése során.

Putanec tanulmányozva a zágrábi régió helyneveiben előforduló személynévi képzőket megállapítja, hogy az *-an* „[...] stari antroponimijski sufiks”, régi személynév képző, amely számos név képzése során megjelenik. (Putanec: 1982). A vizsgált települések névállományában pl. a következő nevek képzése során jelenik meg: *Baran*, *Dominan*³, *Juran*, *B(e)rzlan*. Az egykori produktív képzővel a mai nyelvjárásban nem képződnek becenevek. *Skok* szerint az *-aš* részben a magyar nyelvből átvett, részben pedig szláv eredetű képző. Ugyanebben a forrásban a *Matej* szócikk alatt a következő magyarázat áll „Prema mađž. čitanju dočetnog lat. -s *Matejaš* = *Matijaš*, deminutiv *Matijašac*, pridjev *Matijašev* prezime *Matijašević*” (Skok 1971: I/ 67). Meglátásom szerint annak ellenére, hogy a családnevek magyar környezetben állandósultak, és számos név magyar hatás alatt rögzült, nem feltétlenül kell minden esetben magyar átvétellel számolnunk. A horvát nyelv magyar elemeinek elemzése során *Hadrovics László* tanulmányában a következőkre hívja fel a figyelmet „da li je odnosna riječ ušla u hrvatski jezik iz latinskoga ili iz mađarskoga jezika [...] ne može uvijek dati siguran odgovor. Ali općenito uzevši, moramo se odlučiti za direktno preuzimanje iz latinskoga, jer su slični kulturni uvjeti omogućivali, da iste latinske riječi prelaze u oba jezika neovisno jedna o drugoj” (Hadrovics 1984: 52). Ez a fajta becenévképző a vizsgált névállományban csak a *Jambraš* névben mutatható ki. Használata Horvátországban a Makarska riviéra körzetében a legerősebb (Šimunović 1995: 28). Az *-ac* képző kétszeri előfordulása a vizsgált névanyagban meglepő, hiszen ez az a képző, amely Horvátzsidány és Ólmod nyelvjárásában a férfinevek egyik legelterjedtebb becéző képzője pl. *D'o:škac*, *'Ma:tač*, *'Pa:vač*, *'Ge:rgac*, *D'iva:nac*, *D'u:rac*, amely napjainkban is ismert. Erősen kicsinyítőképzős jellegű, játékos, humoros színezetű képzőfajta. A *-man* képző jelentéséről és különböző nyelvekből történő származtatásáról számos tanulmányban olvashatunk. Pl. a horvát szakirodalomban részletesen ír róla *Maretić* (1886: 126), *Skok* (1972: II/ 367), *Šimunović* (1985: 64), *Šimundić* (1979: 107).

Skok a *-man* képzőt a 'mir' összetételű szláv férfinevek becenévképzőjének tekinti Pl. *Radomir* > *Radman*, *Vuk(o)mir* > *Vukman*. Napjainkban az *-ović* családnév-képzővel képzett családnevekben mutatható ki elsősorban, a vizsgált névanyagban pedig csak egyszer fordul elő, a *Krizman* névben A tájszólásban erre a fajta képzőre adatot rögzíteni nem tudtam. Az *-eta* képző Horvátországban elsősorban a Közép-Dalmát szigetsoportok *ča* nyelvjárásaiban fordul elő leggyakrabban. A ma is igen élénken élő képző az *-e,-i* (*Mile, Pave, Gile, Tonči* stb.) típusú személynevek egyes szám birtokos esetű végződése. Az említett nevek napjainkban is a régi *t*-deklináció szerint ragozódnak: *Tonči-Tončeta, Tone-Toneta; Rade-Radeta* stb. A régi horvát írásos dokumentumok alapján leszögezhető, hogy számos személynév ragozódott e deklinációs típus szerint. (Šimunović 1995: 310) A vizsgált települések névanyagában *-eta* becenévképzővel a következő nevek képződnek: *Gileta, Paveta, Mileta*³. Elmondhatjuk, hogy ma a nyelvjárásban ez fajta képzőtípus ismeretlen, tehát csak a *Giletich, Pavetich, Miletich*, vezetéknevekben őrződött meg. Hasonlóan igazak a fenti megállapítások a fennmaradó összes többi képzőről is, amelyek közül mára a vizsgált települések névanyagában a *-ko* (*D'o:ško*), *-o* (*Pi'što*); *-e* (*'Ma:te, 'Pa:ve, D'i:ve, 'Fi:le*) képzők használata a legelterjedtebb. A női nevek becéző képzői közül ma is használatosak az *-e* (*'Ma:re, 'Ka:te*); *-ka* (*D'u:lka, D'u'ha:nka, 'Re:ska Ro'za:lka* stb.); *-a* (*'A:nča, 'Pa:nča, 'Ti:lida, 'Hi:lida, Hil'd"ora* stb.), *-(uš)ka* (*'A:nuška, Ko'tuška, 'Gizuška*); *-ica* (*'Ma:rica, 'Ka:tica*). A női nevek képzésében előforduló *-ena* (*Rozena*) képzőtípus ismeretlen a mai nyelvjárásban.

A férfi és női személynevekben előforduló becenévképzők százalékaránya

■ko ■o ■an ■a ■ša ■iša ■eta ■ac ■egyéb

Összegezve elmondhatjuk, hogy a nevekben megjelenő becenévképzők száma és változatossága a mai nyelvjárásban már csak töredéke a valamikori — valószínűleg

gazdagabb és színesebb — képzőtípusoknak. A magyar nyelv hatása mára olyanira erős, hogy a becézés mindenfajta formája egyre inkább kiszorul a vizsgált települések horvát nyelvhasználatából. Ezt a funkciót a magyar nyelvből átvett képzők töltik be. A horvát nyelven történő becézés — sajnálatos módon — legfőképpen az idősebb és a nyelvet még jól ismerő középgeneráció horvát nyelvhasználatában figyelhető meg.

Irodalom

- Benčić, Nikola 1998: Književnost gradišćanskih Hrvata od XVI. stoljeća do 1921. Zagreb
- Frančić, Anđela 2002: Međimurska prezimena. Zagreb
- Hajszan, Robert 1992: Die Bevölkerung der Herrschaft Rechnitz-Schlaining im 16. Jahrhundert unter besonderer Berücksichtigung des kroatischen Elements. Güttenbach/Pinkovac
- Hadrovics László 1974: Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Budapest–Wien
- Hadrovics László 1989: A nyugat-magyarországi (burgenladi) horvát nyelv fejlődése. In.: Nyelvünk a Duna-tájon. Budapest, 38–43.
- Hadrovics László 1995: Povijest i kultura gradišćanskohrvatskog jezika. In.: Povijest i kultura gradišćanskih Hrvata. Zagreb, 465-485.
- Hadrovics László 1984: Neki problemi mađarskih elemenata u srpskohrvatskom jeziku. In.: Segédkönyv a szlavisztikai gyakorlatokhoz Hadrovics László válogatott írásaiból. Budapest, 49-55
- Hajdú Mihály 2003: Általános és magyar névtan. Budapest
- Hoffmann István 1993: Helynevek nyelvi elemzése. Debrecen
- J. Soltész Katalin 1979: A tulajdonnév funkciója és jelentése. Budapest
- Maretić, Tomo 1886: O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba. Rad JAZU, 81, 81-146; 82, 69-154., Zagreb
- Mersich Zsuzsanna 2003: O židanskim prezimenima u mađarskom Gradišću. In.: Studia Slavica Savariensia 1-2. Szombathely, 300-304.
- Meršić, Martin st. 1930: Poredica velikoborištovskih obiteljskih imen. Letnja knjiga. Neusiedl a. S., 39-42.
- Meršić Martin ml. 1975: Hrvatska prezimena (obiteljska imena) u Gradišću. Kalendar «Gradišće». Željezo, 75-88.
- Neweklowsky, Gerhard 1978: Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete. Wien
- Neweklowsky, Gerhard 1995: Hrvatska narječja u Gradišću i susjednim krajevima. In.: Povijest i kultura gradišćanskih Hrvata. Zagreb, 431-64.
- Nyomárkay, István 1996: Sprachhistorisches Wörterbuch des Burgenlandkroatischen. Szombathely
- Papp László 1960: A nők megnevezése a XVI. sz. második felében. MNyj.6, 56-89.
- Putanec, Valentin: Hrvatski antroponimni sufiksi očuvani u toponimiji zagrebačke regije. Onomastica Jugoslavica. Zagreb, 10., 191-194.
- RjOI = Šimundić, Mate: Rječnik osobnih imena. Zagreb, 1988.
- Šimundić, Mate 1979: Nepoznata osobna imena u „Špisima šibenskog notara Slavogos-

- ta”. *Onomastika Jugoslavica* . 8., Zagreb, 101-113.
- Šimunović, Petar 1985: *Hrvatska prezimena. Podrijetlo, značenje, rasprostranjenost*. Zagreb
- Šimunović, Petar 1995: *Hrvatska prezimena. Podrijetlo, značenje, rasprostranjenost*. Zagreb, 373-382.
- Szucsich, Johann – Vlasits, Josef 1995: *Obiteljska imena*. In.: *Povijest i kultura gradišćanskih Hrvata*. Zagreb, 486-532.
- Skok, Petar: *Česka knjiga o vlaškom pravu*. GZM. 30 (1918), Sarajevo, 309–321.
- Tóth Valéria 2001: *Névrendszertani vizsgálatok a korai ómagyarkorban (Abaúj és Bars vármegye)*. *A magyar Névarchívum Kiadványai* 6. Debreceni Egyetem, Debrecen
- Verdenich András 1932: *A kelénpataki régi misekönyv horvátnyelvű feljegyzései*. Győri Szemle 3, 196-200.
- Vig István 1994: *Emprunts italo-romans dans le croate moderne du Burgenland*. *Studia Slavica Hungarica* 39., 263-284.
- Vig István 2003: *Lexikalische Besonderheiten des Burgenländischkroatischen*. *Studia Russica* 20. 473-79.

Моисеенко Виктор, Моисеенко Людмила

ЕЩЁ РАЗ О СОСТАВНЫХ ХОРОНИМАХ БЕЛАЯ РУСЬ, ЧЁРНАЯ РУСЬ,
ЧЕРВОНАЯ РУСЬ, ВЕЛИКАЯ РУСЬ, МАЛАЯ РУСЬ¹

Abstract: Rus (Русь) is a basic concept in the Ethnic (self-)consciousness of Byelorussians, Russians and Ukrainians. There are many versions of the etymology of this word and a lot of myths and interpretations are connected with it. The aim of this paper is to systematize all the information related to the nomination of compound names like *Белая Русь*, *Малая Русь* and others.

Keywords: toponomastics, ethnonymics, horonym, historical names of Rus (Русь)

В этническом самосознании белорусов, русских, украинцев *Русь* является одним из основополагающих мировоззренческих понятий. Вопрос о различиях в исторических наименованиях *Руси* в науке далеко не новый. Существует множество интерпретаций слова-понятия *Русь* и его семантических производных (БРАЙЧЕВСЬКИЙ 1968; ГЕНСЬОРСЬКИЙ 1962:16-30; КЛИМОВ 2001; КОТЛЯР 1976:96-108; OBOLENSKY 1957; ОТРЕЇВСРКИ 1974; ТКАЧЕНКО 1959:64-68; ФАСМЕР 1971:III 522-523). С ним связаны многочислен-

¹ **Хороним** – из (греч.) (ch#га) – «земля, край, область, территория» + бпота – «имя». В топонимике используется как название исторических территорий или провинций, как правило, в качестве таковых в наши дни уже не существующих. В качестве языковой единицы хороним *Русь* рассматривается как составное наименование, образованное по модели *прилагательное + существительное* (или по инверсии): *Русь Малая* (*Малая Русь*), *Русь Великая* (*Великая Русь*), *Русь Белая* (*Белая Русь*) и т.д. Содержание понятия *Русь* трансформировалось под воздействием различных экстра- и интра- и экстернолингвистических факторов. Рассматриваемый феномен располагает преимущественными чертами топонима (собственного имени географического места); вместе с тем, его дериваты обладают определёнными особенностями этнонима (названия народа, этноса). Этноним «*русь*», соотносённый с топонимом «*Русь*», претерпел ряд исторических изменений: др.-рус. «*русь*⇒*Русь*», ст.-рус. (с конца XV в.). «*Росия*(я)⇒*рос*», отсюда «*великоросс*» в противоположность «*малоросс* – *Малороссия* (Украина) и совр. «*русский, русские*», но «*Россия*». Источником форм на *-о-*, а также удвоения *-сс-* явился греческий язык канцелярии патриарха в Константинополе: ср.-греч. (визант.) R#s – *Rossia*, откуда рус. производные «*росский*», «*российский*», ср., однако, «*белорус – Белая Русь*», составленное из двух усечённых основ по модели «*велико-росс, мало-росс*» (Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Москва, 1998, с.598).

Хорография – комплекс географической и этнографической информации.

ные предания, теории, версии, а также кривотолки, «тёмные места» в этимологиях, которые накопились в литературе за последние более чем полтора столетия. Их рассмотрение, однако, не входит в нашу задачу.

Цель нашей публикации состоит в систематизации разрозненных сведений, относящиеся к заявленной проблеме. Она представлена в виде историко-филологического обзора составных наименований с базовым словом *Русь*, которые конкретно в русском языке представляют собой своеобразную лексико-семантическую группу, состоящую как из широко, так и редко употребляемых обозначений.²

Первичная номинация рассматриваемых наименований уходит корнями в глубину веков. По предположениям учёных, начиная с раннего средневековья и в последующие столетия, их семантика могла складываться на исконной древнерусской языковой основе, а также под влиянием иноязычных языковых образцов, как европейских, так и ориентальных. Именно восточные славяне, в отличие от западных и южных славян, имели свой особый праязык – древнерусский язык как промежуточную стадию или ответвление праславянского языкового состояния (ХАБУРГАЕВ 1979; СЕДОВ 1994: 3-16).³

Начало самостоятельного существования восточнославянских языков принято считать с XIII века. Это рубеж основан целиком на показаниях исторической фонетики, т.к. ни один дошедший до нас письменный источник не даёт обобщающих сведений о протекающих в то время языковых процессах. Отчасти поэтому словарный состав этого периода остаётся недостаточно исследованным. Обстоятельства средневековья способствовали тому, что гра-

² Представляющий самостоятельную ценность материал белорусского и украинского языков ввиду ограничений объёма в данной публикации вынужденно не рассматривается.

³ На бескрайних просторах средневековой *Руси* с её разнообразным этническим составом, разной плотностью городского и сельского населения и разным уровнем цивилизации, языковая ситуация была весьма неоднородной. В частности, в *Юго-Западной Руси* в XVI-XVII вв. очень важную функциональную роль играла так наз. «проста(русска) мова», представляющая собой искусственное образование, не совпадающее с живой диалектной речью. Название «проста мова» восходит к латинскому *lingua rustica*. Носители лат. образованности называли её также *lingua sclavonica*, *lingua popularis*. В отличие от церковнославянского языка, этот язык обнаруживает разговорный субстрат, который подвергался «окультуриванию» как за счёт славянизации, так и полонизации: украинский её вариант более славянизирован, белорусский более полонизирован. Этот актовый канцелярский язык, будучи кодифицированным, являлся официально признанным в Польско-Литовском государстве языком судопроизводства. В сфере административно-правовой терминологии на землях *Юго-Западной Руси* он оставался нормативным на протяжении всего XVII века, оказывая влияние на сопредельные славянские этнические территории.

ница между восточнославянскими этносами и их языками и диалектами сложилась именно так, а не иначе.

Составные наименования *Руси* следуют хронологически за её территориальным расширением. Этот процесс тесно связан с особенностями культурно-языковой ситуации той эпохи, с результатами разнонаправленных языковых контактов и языковых влияний, которые проявлялись на восточнославянских языковых территориях в виде многочисленных языковых заимствований, лексических и семантических. Языковые влияния на восточнославянские языки и диалекты со стороны могущественных и авторитетных в плане культурно-языковых новаций соседей *Руси* исходили с разных сторон: с юга, запада и востока (Византия, Золотая Орда, Великое Княжество Литовское, Польша, Оттоманская империя и даже шире – Священная Римская империя, Италия, германские государства). Результаты этих разнонаправленных влияний имеют существенное значение для целостного восприятия темы.⁴

* * *

Перейдём к рассмотрению двух наиболее значимых и частотных лексико-семантических моделей. Одна из них выражает величину, а также рас-

⁴ Многовековая иноземная экспансия на *Русь* со стороны других государств, попытки освоения и раздела её территорий с одновременным стремлением наделить разные части *Руси* особыми названиями являются характерными признаками древнерусской истории. К ним следует отнести набеги варягов, германцев и шведов, 300-летнее монголо-татарское иго, многократные польско-литовские вторжения на *Русь*, наряду с постоянными набегами турок и крымских татар и другими трагическими событиями.

В свою очередь, вектор собственно древнерусской колонизации новых земель в процессе распада Киевской Руси (XII-XIII вв.) и действия других факторов, был направлен сначала на нынешние северные территории европейской части России, а также на её северо-восток, преимущественно на плодородные земли междуречья Оки и Волги, на земли формирующейся в это время *Ростово-Суздальской и Владимирской Руси*. По сведениям историков, именно эти территории получили первоначально название *Белой Руси*.

В XVI-XVII вв. – в период укрепления Московского государства – теперь уже великорусская экспансия расширяется в восточном направлении, через владения распавшейся Золотой Орды, покорённого Казанского ханства, далее на Урал и Западную Сибирь. Последующей по хронологии становится миграция русских из засечной зоны южнее Москвы, с севера на юг, в благодатные земли на Дону, в Приазовье и на Тамань, которые уже были однажды освоены Русью в глубокой древности (Тмутаркань X-XI вв.).

положение относительно частей света, другая имеет цветовое значение. Первая модель, **двойкая или двойственная**, отражает исторически обусловленную пространственную **дихотомию** *Малая Русь/Великая Русь*, а вторая, **тройкая, троичная или тройственная** модель – **цветовую триаду** *Белая Русь, Червон(н)ая Русь, Чёрная Русь*. Историк-славист из Санкт-Петербурга А.С. Мыльников (1931-2003) именно так, со знаком вопроса, обозначил одну из своих публикаций по данной проблеме: «Двоичность троякости?» (МЫЛЬНИКОВ 1999).

Примечательно, что ни одно из этих пяти названных исторических имён Руси *нельзя с полной достоверностью квалифицировать в качестве самоназвания*. Они по всей вероятности возникли не «изнутри» этноса, а «извне». Так иностранцы на Западе и на Востоке, по-разному, по-своему, называли *Русь*, а восточные славяне с древности принимали эти названия. В топонимике такое происхождение называется **экзогlossenным**, т.е. «внешним языковым». ⁵ По этому поводу в научных кругах существуют противоположные точки зрения. Одна из них настаивает на исконном, «самостоятельном» происхождении слова-понятия *Русь* и его семантических производных в виде двусоставных наименований. Эта версия подтверждается лишь записями в древнерусских летописях о событиях, начиная с X века. Но при этом следует учитывать, что самые древние дошедшие до нас летописные своды переписаны не ранее XIV века. Другая версия о иноязычном заимствованном характере конструкций с компонентом *Русь* базируется в основном на данных иноземных и реже древнерусских письменных памятников (актовых книг, дипломатической переписки и др.), но также начиная с XIV века.

Относительно первоначальных смыслов, вложенных в составные наименования с компонентом *Русь*, в научной славистике также бытуют разные мнения. Существуют свидетельства того, что по отношению к средневековой *Руси* языковыми источниками заимствований, а также каналами, по которым распространялись переводные лексические и семантические кальки, являлись европейские языки: греческий (его византийская норма) и латынь. Добавим от себя, что активным языком-посредником при непрямых языковых контактах, начиная с конца XIV – начала XV века, длительное время служил также славянский польский язык. Тюркско-татарские диалекты Золотой Орды в описываемой ситуации также могли выполнять посредническую функцию на славянской языковой территории при передаче информации. ⁶

⁵ **экзогlossenный** - «внешнеязыковой», из греч. *ex#* - «снаружи, вне» и *gl#ssa* – «язык».

⁶ Известно, что с раннего средневековья *Русь* испытывала длительное воздействие на многие сферы общественной жизни как со стороны Запада (Византия, Великое княжество Литовское, Польша, Швеция и др.), так и со стороны Востока (Золотая Орда, Османская империя, Крымская Орда и др.). Московское княжество, являясь с XV века фактически единственным независимым государственным образованием на *Руси*

Следует отметить, что придание имён отдельным частям *Руси* совершалось иностранными авторами абстрактно, без знания реальной языковой ситуации в им неизвестных и далёких восточнославянских землях. Поступавшие извне неологизмы на местах могли трансформироваться, приобретая иные, дополнительные смыслы. Появились первые ситуативные разночтения, в результате чего разные территории *Руси* получили одинаковое имя, как было, например, в наиболее показательном случае с *Белой Русью*.

В наименованиях с компонентом *Русь*, рассматриваемых в качестве самостоятельной тематической группы, в процессе текстологического анализа легко просматривается типологическая непоследовательность. Она проявляется не только в очевидном нарушении *тематической регулярности*, но и в нарушении *семантической модальности* в случае, когда, в частности, поставленные в разных ситуациях в один ряд, смешиваются наименования цвета *Белая, Червоная, Чёрная* и наименования пространства *Великая и Малая*.⁷ На важность соблюдения «*принципа рядности*» наименований и тесно связанного с ним *вопроса об их пространственной ориентации* впервые обратил внимание российский топономист В.А.Никонов (НИКОНОВ 1966; об этом также: Нёмес 1975: 225).

Наблюдаемое нарушение *принципа рядности*, важного для всего корпуса рассматриваемых двусоставных наименований с различной семантикой, объединяемых с помощью терминологически значимого понятия *Русь* в своеобразную лексико-семантическую группу, имеет своё логическое объяснение. Его причина заключается в разных языковых моделях, по которым шла начальная и последующие номинации.

Этот принцип, в свою очередь, **тесно связан с вопросом о пространственной ориентации** - весьма существенным для понимания рассматриваемой темы. Под пространственной ориентацией имеется в виду закрепление отдельных территорий и населяющих их народов относительно частей света. В нашем случае это обозначение разных частей *Руси* как географических и этнологических понятий. Процесс их начальной номинации мог исходить из

си, идеологически позиционируя себя преемницей Византии, продолжало ещё длительное время находиться под сильнейшим греко-византийским культурным и профессиональным влиянием этой фактически уже несуществующей империи, которая сама представляла собой «сплав» разных элементов античной, европейской и ориентальной культуры.

⁷ Ср. подобное нарушение *рядности* в титуле царя Алексея Михайловича - «Царь Великия, и Малыя, и Белья России» или в названии статьи М.С.Грушевского «Велика, Мала і Біла Русь» (ГРУШЕВСЬКИЙ 1991).

разных языков и осуществляться по разным моделям. Например, принятый в Византии способ называл по формальному признаку величину (*Великий, Малый*), хотя имел скрытый смысл, нуждающийся в «расшифровке». Другой способ пространственной ориентации – «цветовой» - мог иметь двойное происхождение – как западное, так и восточное.

Оба эти вопроса следует увязывать с особенностями древней номинации топонимов и практикой их употребления у самих восточных славян. Название *Белая Русь* возникло в «цветном» ряду: *Белая Русь – Чёрная Русь – Червоная Русь*, но при описании исторических событий именно на восточнославянских территориях оно занимает своё привычное место в ряду *Великая, Малая, Белая Россия*. Наблюдения показывают, что в наименованиях *Великая и Малая Русь* изначально подразумевалась не величина территории (хотя и она важна), а именно пространственная ориентация. Это характерный пример *пространственной оппозиции* при обозначении географических объектов в эпоху средневековья. Ср. характерное высказывание по этому поводу акад. О.Н.Трубачёва: «Эта система коренится у нас (*восточных славян – В.М., Л.М.*) гораздо глубже, чем можно было бы думать, вместе с тем она остаточна, что также свидетельствует в пользу её старины, и многослойна в том смысле, что сюда входят и относительно поздние влияния с Востока и очень давние проявления (само название *Русь* – цветное, по всей вероятности, и тем самым, скорее всего, - ориентационное!)» (ТРУБАЧЁВ 1992: 17).

Действительно, общей чертой упомянутых двоичной и троичной модели является не только отражение очевидных пространственных отношений «величины», но также завуалированных, на первый взгляд не совсем очевидных исторически обусловленных ситуативных положений относительно частей света: «запад»-«восток»-«север» - «юг», выраженных с помощью наименований цвета.

Пространственные наименования

Рассмотрим вопрос о дифференциации *Руси* на *Великую* и *Малую*, а затем перейдём к вопросу о «цветных» названиях *Руси*. Оба вопроса обозначены нами в рамках двух моделей: **двойкой** или **двойственной** и **троичной** или **тройственной**.

Вначале коротко об истории хоронима *Великая Русь* реже *Великороссия*. Известно, что даже первая письменная фиксация отстаёт от самого появления слова в речи. По мнению В.И.Ламанского, первое употребление термина *Megále R#sía* «Великая Россия» - именно применительно к землям, отличным от Юга и Запада Руси, т.е. от Украины и Белоруссии – встречается в хрисовуле - дарованной грамоте византийского императора Иоанна Кантакузина от 1347 г. (ЛАМАНСКИЙ 1891: 245-250). По данным других учёных термин «Малая Русь» впервые зафиксирован в грамоте 1303 г. Константинополь-

ского патриарха об учреждении православной Галицко-Волынской митрополии (МЫЛЬНИКОВ 1999). Поначалу он имел административно-конфессиональный смысл (КАРСКИЙ 1904:117; ГРУШЕВСЬКИЙ 1991:80; УЛАЩИК 1982: 238-239). Впоследствии, утратив строго церковный характер, этот термин обрёл черты государственно-территориальной квалификации. Уже у средневековых авторов цветовая триада *Белая, Червоная, Чёрная Русь* часто сосуществовала с дихотомией *Малая Русь/ Великая Русь*.

Затем выражение *Малая Русь* стало употребляться более широко, применительно ко всем южнорусским, нынешним украинским землям (СОЛОВЬЁВ 1947:29). В советской исторической литературе традиционно корни употребления форм *Великая Русь/Россия* видели в документах византийской патриаршей и императорской канцелярии (СОЛОВЬЁВ 1947:38). Мотив такого терминообразования и различения Великой и Малой России – якобы разделение единой русской митрополии. Акад. О.Н.Трубачёв, однако, считает, что дело здесь не в церковной истории и не в византийской канцелярии, что «название родилось на собственно русской почве и из собственных потребностей, из них главная – обживание новых пространств» (ТРУБАЧЁВ 1992:118).

Российский византолог А.В.Соловьёв (не путать его с известным историком XIX века С. М. Соловьёвым (1820-1879) (В.М., Л.М.) утверждает, что «понятие «Великая Русь» появилось уже в XII веке и относилось ко всей *Русской земле* как единому целому» (СОЛОВЬЁВ 1947: 38). Он же обращает внимание на явную связь и аналогию более северной в целом *Великой Руси* с названиями древнерусских городов, которые не случайно называются «Великими». Новгород с 1206 года называется «Великим», очевидно в отличие от меньшего – Новгорода Северского, а позднее и от «Малого Новгорода», Новгородка Литовского (СОЛОВЬЁВ 1947:27). Здесь существенна не величина, а точка ориентации. Новгород называется «Великим» именно в Ипатьевской летописи, в галицко-волынской её части. С точки зрения южноросса, великий город и его область находятся на севере. По аналогии Нижний Новгород - на юго-востоке, на Волге. В соответствии с этой концепцией можно привести и другие убедительные примеры, взятые из древнерусской действительности, а не из практики константинопольской канцелярии. Это Ростов Великий (1151 г.) на севере, в отличие от малого Ростовца на юге, в Киевской волости. Это Владимир Великий на Клязьме на севере в отличие от Володимира Волынского (*Lodomegia*) на юго-западе. Всякий раз *Великий* - на севере, *Малый* - на юге. Ср. также Великий Устюг (в отличие от просто древнерусского Устюга (совр. Северодвинск). Первоначальное упоминание в 1-й Новгор. летописи Усть-Юг (ФАСМЕР IV: 173). Примеры можно продолжить.

Именно с таким пониманием генезиса названия *Великая Русь* ассоциируется достаточно расплывчатое обозначение более северной – более дальней для жителей южных стран *Новгородской Руси*. Термин «внешняя Русь» *he éx# R#sía* встречаем у Константина Порфиrogenита (КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1989:309). Из сказанного напрашивается вывод о том, что названия *Великая Русь*, *Великая Россия*, *Великороссия* обязаны своим появлением не возвышению страны, как это выглядит на первый взгляд и как это себе представляли многие серьёзные историки прошлого. В этих названиях заложено своеобразно выраженное противопоставление вторично освоенной земли той земле, из которой это освоение происходило.

Таким образом, *Великая Россия*, *Великороссия* - это не «возвысившаяся Россия», как можно было бы понять буквально, а «колонизированная, вновь освоенная Русь», «Русь дальняя». Метрополией при этом процессе колонизации всегда оставалась собственно *Русь*, которая традиционно ассоциируется с Киевской землёй, а не Новгородом Великим. Именно Киев и другие древние южнорусские земли в современной беллетристике называют «*Русью изначальной*».

Показательно, что предки восточных славян не называли себя *Древней Русью*. В естественном языке мог довольно долго отсутствовать термин для названия территории. При наличии формальной оппозиции между *Великой Русью* и *Русью* вообще, оставшейся на юге, создалась ситуация для образования термина-оппозита *Малая Русь*, что в значительной мере подтверждает и поздняя хронология его возникновения. Название *Малая Русь*, как полагают, впервые отмеченное в 30-е годы XIV века в грамоте галицко-волыньских князей, несколько позднее стало применяться более широко, по отношению ко всем южнорусским землям. Именно в этом ориентационном противопоставлении *Руси* дальней и ближней заключался первоначальный смысл вновь возникшего обозначения *Малая Русь*. Его ни в коем случае нельзя понимать буквально как «маленькая Русь». Это было бы искажением исторической правды. В старой науке это могло случаться по извинительному незнанию, как в случае с известным российским историком 1-й пол. XVIII века В.Н.Татищевым (1868-1750), автором первого капитального труда по русской истории, который писал: «А Малая Русь от чего названа, неизвестно, может от умаления тамо силы и власти великих князей» (ТАТИЩЕВ 1979:354).

В отличие от «цветных» названий, источник возникновения которых достоверно так и не определён, история разделения *Руси* на *Великую* и на *Малую* выглядит более определённой. Она восходит к византийской учёной традиции, которая унаследовала античную грекоязычную традицию, перенесённую и на латинскую почву. Согласно этой традиции, вновь осваиваемую территорию называли *Великой*, а метрополию, откуда исходила колонизация, либо

сохраняли под прежним названием, либо присоединяли к ней определение *Малая*. *Малая Русь* и *Великая Русь* - это переводные кальки с греч. Μικρα Ρωσια и Μακρα Ρωσια, которые использовались в церковной, административной и дипломатической практике Византии по аналогии с терминами «Малая Греция» и «Великая Греция», «Малая Азия», «Большая Азия» и др. Книжное калькированное неславянское происхождение наименования *Великая и Малая Русь* аргументировал на основании многих фактов российский византолог А.Соловьёв (СОЛОВЬЁВ 1947: 35-45).

С точки зрения государственной и церковной именно *Южная Русь* со столицей в Киеве могла выступать в качестве метрополии по отношению ко всей остальной *Древней Руси*. В традиционном сознании восточных славян Киев – «мать городов русских». Именно в этом смысле термин *Малая Русь* возник (около XIV века) первоначально в византийской и латинской письменности и позднее проник в славянскую. Под *Малой Русью* понимали метрополию – Южную Россию (*Киевская Русь* к этому времени уже окончательно распалась), а под «Великой Россией» - в широком смысле все русские земли. Эту грецизированную версию названия *Руси* сделали популярной белорусские и украинские книжники в XVII веке. От них её переняли «московиты», официальные круги России. Бежавший в Швецию бывший подъячий Посольского приказа Г.К.Котошихин (около 1630-1667), хорошо знавший тонкости дипломатических формулировок, так объяснял семантику титула «всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца» русского царя Алексея Михайловича: «Великою Росиею прозвано Московское государство; Белая Росия Белорусцы, которые живут около Смоленска и Полотцка и в иных городех». Что же касается слова «Белья», то оно употребляется в титуле «не изстари», а «как учинились в вечном подданстве Малая Росия войско Запороржское, гетман Богдан Хмельницкий с казаками и со всеми Черкасскими городами» (КОТОШИХИН 1884:141) Во многих случаях термином «Малая Русь» в XVII веке обозначали казацкое государство, что, как полагает П.П.Толочко, является вариантом местного происхождения (ТОЛОЧКО 1993: 7). Но чаще всего это название связывалось со всей Украиной, о чём свидетельствует актовый материал того времени (ТОЛОЧКО 1994: 2-9). В начале следующего века такая практика получила дальнейшее распространение. В писанной по-латыни грамоте 1711 года *Малая Русь* поясняется как *Украина* (Universae Parvae Rossiae scilicet Ukrajnae).

Иностранные авторы, начиная с XVI века, предпринимали попытки соотнести понятия «Малой» и «Великой» Руси с цветовыми обозначениями соответствующих частей восточнославянских территорий. Так, в книге Цайлера, изданной 1-м изд. по-немецки в Ульме в 1647 г., «Чёрной или Малой

Ройсией» обозначена область между Волынью, Подолией и Карпатами (ZEILLER 1647:25). В последующие переиздания этой книги (1657 г., 1663 г.) вносились изменения и дополнения: территория этой *Руси*, названная уже не *Чёрной*, а *Красной /Червонной (rot)*, была расширена за счёт отнесения к ней других территорий. Однако везде термин «Чёрная или Малая Ройсия» у Цейлера всегда сохранялся как противопоставление «Великой или Белой России», лежащей на севере и подвластной «могущественным князьям московским» (ZEILLER 1657:130-133). У западноевропейских авторов сочетание «Малая или Чёрная Ройсия» употреблялось для того, чтобы отличить его от «Белой или Великой России». В «Лексиконе» Цедлера о ней говорилось: «Маленькая провинция в Польше, которая граничит на западе с Польшей, на севере с Литвой, на востоке с Малой Тартарией и на юге с Молдавией, Сигмаградом и Венгрией» (ZEDLER 1750:984). (Цит. по: МЫЛЬНИКОВ 1999: 34). В «Лексиконе» Хоффманна *историческая Русь* делится не на три, а на две части: *Белая Русь* принадлежит великому князю московскому, а *Чёрная Русь* - польскому королю (HOFFMANN 1677-1683 T.2, S.284; T.2-3, S.130; T.4, S.107).

Пытаясь разобраться в неустойчивой географической привязке *Малой Руси*, Хюбнер компромиссно толкует этот термин в широком и узком смысле. В своих «Кратких вопросах из новой и древней географии» он писал, что «*Малая Русь* или также *Красная Русь* названа так, дабы не смешивать её с Московией, которую также следует называть *Великой Русью* или *Чёрной Русью*» (HÜBNER 1696: 749-751).

В представлениях средневековых авторов, как видим, *троичное* деление *Руси* на *Белую*, *Червонную* и *Чёрную* совмещалось с её *двоичным* делением на *Малую* и *Великую*. Эти представления зависели от воздействия на позиции авторов складывающейся геополитической ситуации, а также от других факторов, о которых речь пойдёт ниже в разделе о «цветных» наименованиях.

«Цветные» наименования.

В мировой топонимике и топономастике вообще цвет является важным и распространённым маркером. Понятно, что устойчивой связи между цветом и географическим или этническим ареалом изначально не существовало, т.к. она устанавливалась лишь постепенно под влиянием книжной традиции. Поэтому колористическую характеристику трёх регионов обширного восточнославянского ареала с периодически менявшимися территориальными границами следует рассматривать лишь как одну из попыток его образно-логического структурирования, ибо существовал и параллельный способ деления того же ареала на *Русь Великую* и *Русь Малую*.

Относительно происхождения цветообозначений каждой из трёх частей *исторической Руси* высказывались различные догадки в духе характер-

ной, относящейся ещё к XIV веку фразы: «летописцы различно поведают». Система обозначения стран света как цветообозначений у восточных славян коренится гораздо глубже, чем можно было бы думать. Она не только архаична, но и многослойна в том смысле, что в неё входят как очень давние проявления, так и возможные относительно поздние влияния с Запада и с Востока. С одной стороны, существуют предположения о тюркско-хазарском источнике цветных названий (ИВАНОВ 1947; ТРУБАЧЁВ 1992).⁸ С другой стороны, будто бы доказан факт западного происхождения цветных названий Руси, имеются суждения о том, что подобные названия привносились в восточнославянскую книжность из западных источников. Но часть исследователей с этим не согласна: И.Г.Климов, например, считает по меньшей мере заблуждением утверждение о западноевропейском происхождении древнерусских цветных названий (КЛИМОВ 2001: 49-52). У учёного, в частности, вызывает вопрос полное отсутствие отражения этой гипотезы в фольклорной традиции восточных славян.⁹

⁸ В 1953 г. немецкий историк Герберт Людат (Herbert Ludat (1910-1993) ISBN 3-412-01981-X, ISBN 3-412-07669-4) высказал интересную гипотезу, связанную с тюркским влиянием на Русь, которую можно признать убедительной. В её пользу в дорусском (дославянском) реликтовом ономастическом наследии России свидетельствуют многие хазарские и тюркские наименования места (БЕРЕЗИН 1850; ГРЕКОВ, ЯКУБОВСКИЙ 1950). Город Волгоград (бывший Сталинград) русская языковая интерпретация с момента его основания в 1589 г. превратила в Царицын. Он известен уже более 400 лет, но само название места намного старше – на добрых тысячу лет. Царицын – первоначально это не что иное, как русская народная этимология от «царица», т.е. фонетическая адаптация дорусского - тюркского, хазарского местного названия *Saryşin* = буквально «желтоватый, беловатый». Этимология, свидетельствующая об отражении тюркского цветообозначения *sary* в ряде местных названий Нижнего Поволжья принадлежит русскому востоковеду сер. XIX века И. Н. Березину (БЕРЕЗИН 1850: 2-3).

В татарской рукописи „Тав#rĕh-i Bulğarĕja” запечатлены формы *Сарычин* и даже *Саратов* собственно *Sarytau* – «желтая гора». В Лаврентьевской рукописи Царицын фигурирует как *Саксинь* (ПСРЛ 1926:453). Встречается и др.-рус форма *Сарыхиын* (ТРУБАЧЁВ 1992:77). Недалеко от волжского Царицына, на Дону, в начале IX века документирован хазарский *Сар-кел*, буквально по-древнерусски – Белая Вежа, т.е. «белый дом».

⁹ На это замечание мы можем возразить. Фольклорное сознание народа в данной ситуации не играет роли. Закрепление цветных названий за разными частями Руси вплоть до конца XVII века и не могло быть связано ни с эпосом, ни с фольклорной традицией, ни с локальной устной диалектной языковой практикой. Оно осуществлялось по официальным, как правило, письменным каналам, а именно: через язык канцелярии, через дипломатическую переписку и др. путями. В частности, этому процессу несомненно способствовало широкое распространение «простой мовы» -

Возникновение «цветных» названий чаще всего носило случайный характер. Именно у западных авторов они редко бывали привязаны к конкретной местности, о которой к тому же сами они имели смутное представление, «блуждая» по разным углам Восточной Европы. Более или менее устойчивую привязку к Галиции (Галичина) имела *Русь Красная (Червоная)*. *Белую Русь* и *Чёрную Русь* относили то к *Суздальской Руси*, то к *Московии*, то к Великому Княжеству Литовскому, то к пограничным территориям между ними.

Активная рецепция «цветной» терминологии восточнославянскими авторами начинается в XVI веке. Упрощённо это можно представить так: из западноевропейских источников через польское языковое посредничество её воспринимали белорусские и украинские книжники, вся *Западная Русь*, а от них подобная терминология усваивалась в *Московии*. Однако свидетельства восточнославянских авторов нередко противоречивы, повторяют путаницу западных авторов. Поэтому анализ многих исторических источников считается малопродуктивным.

Первые попытки соотнести три основные части *Руси* с их цветообозначением прослеживаются в др.-рус. летописях, где фиксируются самые ранние сведения о так наз. *Червенских* городах X-XIII вв. на границах Юго-Западной Руси и Польши (Червен, Волинь, Сутейск, Броды и др.). Но ранние упоминания о *Белой*, *Червоной* и *Чёрной Руси* присутствуют преимущественно в иноязычных, неславянских источниках XIV-XV вв.: немецких, византийских, венгерских, литовских (ПИЧЕТА 1946:21, 35-36; ФЛОРЯ 1993:63).

Наблюдения показывают, что этимологизация терминологизированных конструкций в составе: прилаг. *Белая, Чёрная, Червоная* + сущ. *Русь* под влиянием книжной традиции происходит на протяжении нескольких столетий сначала в западно-европейской, а потом и в восточнославянской языковой практике. Различные варианты локализации *Белой и Красной(Червоной) Руси* и «цветную этимологию» этих территорий предлагали такие авторы, как гуманист и путешественник Вилибальд Пиркхаймер (1470-1530) (Pirckheimer W. Opera politica, historica, philologica et epistolica / Ed. M.Goldast. Francofurti, 1610. P.105), дипломат Свящ. Римской империи Сигизмунд Герберштейн (Herberstein S. Rerum Moscovitarum comentarii. Viennae, 1549. F.2vers.; Ibid Basilicae, 1571, P.1; в рус. переводе: Герберштейн С. Записки о Московии. Москва, 1988), немецкий космограф Маттиас Квад (Quad M. Enchiridion cosmographiam. Cölln, 1604. T.1. S.54) и многие другие. Неустойчивость локализации *Белой, Червоной и Чёрной Руси* за пределами славянского мира легко

административного письменного языка Польско-Литовского государства и всей *Западной Руси* (УСПЕНСКИЙ 2002).

прослеживается при сравнении на картографическом материале (ШИРЯЕВ 1991).

В собственно славянской учёной среде цветообозначение частей Руси хотя и применялось, но долгое время специально не акцентировалось. Здесь многое зависело от воздействия на позицию автора складывающейся геополитической ситуации. Например, для пролитовски настроенного М.Стрыйковского деление ограничивалось лишь на *Белую и Чёрную Русь* (РОГОВ 1966). И другие авторы XVII-XVIII вв., пользуясь терминами «Малая Русь/Великая Русь», упоминали обычно не три цвета, а только два, поскольку белый, как правило, ассоциировался с Московией, а два других – с восточнославянскими землями Польско-Литовского государства: либо альтернативно (*чёрный* или *красный*), либо в качестве синонимов (*чёрный*, он же *красный*). Выбор того или иного варианта названия зависел также от фантазии интерпретатора, а широта распространения – от степени его авторитетности. Их связывали с географическими особенностями (снег, цвет почвы, неба и др.), населением (красивые, добрые, трудолюбивые), конфессиональным и политическим положением (вольный, независимый, великий, могущественный, древний), цветом одежды, цветом глаз, кожи и т.д. Существует множество версий, но в конце концов всё неизбежно сводится к повтору существовавших ещё в средневековой литературе толкований.

Белая Русь

В связи с этим наименованием привлекает внимание важное место, которое занимают среди топонимов и оронимов названия со слав. **bělъ* типа **Bělъgordъ*. В реконструированном праславянском виде они достаточно полно представлены в польском издании «Славяря славянских древностей», обращённом главным образом в далёкое прошлое (хронологические рамки словаря – от истоков славянства до условной даты 1200 г. н.э. (SSS 1961, I: 101 и далее). Это *Београд* в Сербии, русский *Бѣлгород*, албанский *Verat*, польское тождественное наименование *Biała Góra* и многие другие (SKOK I: 152-155). Можно истолковать *Betz* (укр. *Белз*) - название одного из *червенских* городов – как полонизацию ятвяжского *bilsas* «белый» (ТРУБАЧЁВ 2004:785). Подобные названия могли означать «красивый город», о чём свидетельствует глосса *Вѣлаградон* – *Πουλχεριπολις*, «белокаменный город», «расположенный у воды» или другие природные условия места¹⁰. Здесь также можно обнаружить случаи, указывающие на отношение топонима к ориентации по частям света по линии «запад-восток», «север-юг».

¹⁰Papp L., Kiss L. Рец. на кн.: J.Staszewski, Słownik geograficzny. Pochodzenie i znaczenie nazw geograficznych. Warszawa, 1959 // Studia Slavica Hung. T.VII, Budapest, 1961, с.247.

Среди других исторических наименований *Белая Русь* занимает особое место. Во-первых, это по всем признакам самый древний из хоронимов. Хотя *Белая Русь* известна в дошедших до нас памятниках письменности с XIV века, «но можно полагать, что она была известна и значительно раньше» (НИКОНОВ 1966:48-49). По (неподтверждённым) замечаниям Н.М.Карамзина впервые название *Белая Русь* упоминается в летописи под 1135 г. при описании событий в Ростово-Суздальском княжестве, а также в Ипатьевской летописи под 1325 г. (КАРАМЗИН 1816-1829). Во-вторых, это единственный хороним, называющий современный этнос (*белорусы*) и государство Беларусь.

В историографии чаще всего Ruthenia Alba – первоначальное, самое древнее название некоторых земель *Северо-Восточной Руси*. Так чаще всего называли Ростово-Суздальское княжество, после разорения которого монголо-татарами название «белая русь» стало мигрировать на запад. Там оно закрепилось за Полоцким и Витебским княжествами и сохранялось до тех пор, пока те не вошли в состав Великого княжества Литовского. Содержание понятия «Белая Русь» было неодинаковым в разные эпохи и утвердилось в границах, близких сегодняшним представлениям, в конце XVII века (СОЛОВЬЁВ 1947:38).

Мнения современных учёных относительно первоначальной локализации Белой Руси в основном сводятся к тому, что *Белая Русь* постепенно сдвигалась на запад, чтобы действительно стать *самой западной Русью*. Начало этого движения, которое подтверждается данными языка, осталось на востоке. Сейчас уже трудно определить где именно. По мнению учёных, «близко к искомому центру восточнославянского языкового пространства» (ТРУБАЧЁВ 1992:125), которое предположительно локализуется на водоразделе Окского и Донского бассейнов. Учёные делают вывод, что формирование языка и этноса белорусов в великорусских просторах происходило в соответствии с пространственным вектором Восток ⇔ Запад (там же). В системе цветовых сторон цвета *Белой, Чёрной, Червоной Руси*, которые обозначают соответственно историческую *Русь западную, северную и южную*, четвёртая (восточная) сторона, если и существовало её название, забыта. Письменная история на сей счёт хранит молчание, а языковая реконструкция бесильна.

Происхождение названия *Белая Русь* давно привлекает внимание учёных. Одним из первых этим интересовался Сигизмунд Герберштейн («Записки о московитских делах». XVI в.). В XVIII веке описанию этнонима «Белая Русь» уделил внимание известный историк В.Н.Татищев, который опровергал рассуждения Герберштейна «и других» о том, что название происходит «от множества снегов». Белорусский архиепископ Гр.Конисский в своей «Ис-

тории Руссов и Малой России» (1846 г.) разделил Русь на «Чермную» и «Белую», названную им так «по великим снегам, выпадающим в стороне северной».

В дореволюционной России происхождением названия «Белая Русь» интересовались известные историки, лингвисты, этнографы, в частности, Е.Ф.Карский, А.А.Потебня, А.Н.Пыпин, В.И.Ламанский, А.В.Соловьев, М.Фасмер и др. В XX и веке нынешнем интерес к нему продолжают проявлять многие учёные, выдвигающие новые версии происхождения этнонима «Белая Русь». Хотя это можно расценивать как курьёз, но авторитетные слависты прошлого объясняли название *Белая Русь*, *Белоруссия* белым цветом одежды, светлыми волосами, голубыми или светло-серыми глазами. В частности, по мнению Е.Ф.Карского, понятие слова «белый» следует также отождествлять с преобладанием в одежде жителей белорусских земель белых тонов. Толковалась *Белая Русь* и как «свободная, независимая земля». Согласно конфессиональной версии, *Русь* делилась на «Чёрную» (там долго сохранялось язычество) и «Белую», где быстрыми темпами шли процессы христианизации. В последующем под «Чёрной Русью» стали подразумевать земли, заселённые в основном католиками, а под «Белой» - православными (КАРСКИЙ 1904: 114-118; ПОТЕБНЯ 1891: 118-119; ФАСМЕР 1: 1964).

Существует версия ориентального происхождения термина Белая Русь. Полагая, что *Белая Русь* - «термин восточного происхождения», историки здесь имеют в виду золотоордынскую политическую и дипломатическую терминологию, сложившуюся в эпоху монголо-татарского нашествия (СОЛОВЬЕВ 1947:33). В соответствии с ней русских правителей звали *ак-надышаха* – т.е. «белый царь», государство *Ак-Урус* или *Ак Урус*, т.е. «Белая Русь» (ТАТИЩЕВ 1979:355). В русских летописях фигурируют *Ак-Орда* – «Белая Орда», *Кок-Орда* – «Голубая или Зелёная Орда» и др. Расположенное к западу от Орды государство Ростово-Суздальской Руси было *Ак-Урус* – «Белая Русь». Относительность этого случая постигается в зависимости от точки отсчёта. Для всей остальной *Руси* это была *Северо-Восточная Русь*, но для татар географически это была как бы «Западная Русь». Следует снова подчеркнуть, что *Белая Русь* применительно к ближайшим соседям Орды Ростову Великому, Суздалью, Москве никогда не была самоназванием. Это название «со стороны», которое было с лёгкостью и прочно забыто. Возродилось оно благодаря «Истории Российской» В.Н.Татищева.

Имеет место даже *венгерская гипотеза* этногенеза белорусского народа и происхождения названия *Белая Русь*. *Terra Alborum Rut(h)enorum* - *Белая Русь* по версии средневековых авторов из венгерских источников XIV-XV вв. скорее всего из-за незнания реальной географии была ошибочно

перенесена в Югру, в Югорские земли, к хантам и манси, на одну из гипотетических прародин венгров (БЕЛЫ 2000: 247).

С наиболее правдоподобной позиции к проблеме названия *Белая Русь*, как нам представляется, подошел В.А.Никонов, который в основу своей трактовки положил принцип рядности: *Белая Русь – Чёрная Русь – Червоная Русь*. Именно он одним из первых обратил внимание на большую вероятность связи имени *Белая Русь* с системой обозначений стран света как цвето-обозначений.

Так случилось в истории, что на первый взгляд простое и «прозрачное» название *Белая Русь* «не без основания сохранило репутацию неясного по своему происхождению» (ТРУБАЧЁВ 1992:116-117).

Согласно мнению белорусских историков, термин «Белая Русь» по отношению к собственно Белоруссии в иностранных источниках появился в XIV веке, но без определённой локализации (НАСЕВИЧ, СПРЫДОНАЎ 1996: 4-27). На местах он стал использоваться не ранее конца XVI - начала XVII века и относился к территории Витебской и Могилёвской губерний. На всю остальную её часть он распространился только в конце XIX века. В XX веке, сначала в связи с образованием Белорусской Советской Социалистической республики, имя «Беларусь» приобрело политическое содержание и окончательно закрепились в качестве названия государственного образования, а народ приобрёл имя – белорусы. В 1991 году Республика Беларусь была провозглашена независимым государством.

Фиксация хоронима «Белая Русь» в письменных источниках:

1. Около 1255-1260 гг. Incipiunt Descriptiones terrarum впервые фиксирует название в отношении Новгородской республики (Górski K. Descriptiones terrarum. Nowo odkryte źródło do dziejów Prus w XIII wieku. // Zapiski historyczne. T. XLVI, z.1. 1981. S.7-16).
2. Около 1360 г. Генрих фон Мюгельн впервые упоминает *Чёрную Русь* (daz land der Swarczen Reussen), наряду с *Белой Русью* (weyssen Reussen) (Chronicon Henrici de Mügeln Germanice conscriptum // Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Vol.II. P.111).
3. 1382 г. Ян из Чарнкова впервые относит к *Белой Русе* Полоцк (Kronika Jana z Czarnkowa (Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum). Opus. J.Szlachtowski // МРН. Т.II., 1872. P.719).
4. Около 1420 г. Ульрих Рихенталь впервые упоминает *Красную (Червоную) Русь* (rot Russen) (Ulrichs von Richental Chronik. S.139).
5. 1459 г. *Белая Русь* (Rossia Biancha) впервые нанесена на географическую карту (Mappamondo Фра Мауро) (II Mappamondo di Fra Mauro. A

- cura di Tullio Gasparini Leporace. Presentazione di Roberto Almagia. Venezia, 1956. Tav. XXXIX; Л.С.Багров. История географической карты. Петроград, 1917. Рис.24).
6. 1461г. Первое др.-русское (восточнославянское) сведение про *Белую Русь* // ПСРЛ. Т.25. М.-Л., 1949. С.254 (Московский летописный свод конца 15 века).
 7. 1472 г.. С потерей независимости Новгорода европейцы переносят название *Белая Русь* на Московское государство: magno Sixto Pontifici Romano institutori Ioannes dux Albae Russiae percussa manu fronte reverentium exhidet – «Герцог Белой Руси Иван челом бьёт великому Сиксту, римскому первосвященнику, учителю» (ПИРЛИНГ 1912:181-182. ГРУШЕВСКИЙ 1991:85).
 8. 1487-1489 гг. Венецианские и генуэзские колонисты в Северном Причерноморье и Приазовье дифференцируют *Большую Россию* (La Magna la Rossia) и *Белую Россию* (La Rossia bianca).
 9. 1501г. Alba Russia как другое название Московского государства впервые упомянута в официальных документах Великого Княжества Литовского (УРБАН П. 1994:97).
 10. 1507 г. Russia Alba на карте Вапосовского впервые затрагивает часть территории современной *Беларуси*.
 11. 1515 г. Russia Alba впервые обозначена на глобусе Иоганна Шонера.
 12. 1542 г. Alba Russia упомянута на первой карте, созданной на территории Великого Княжества Литовского (Московия, которую также называют *Русью Белою*).
 13. Первая попытка «научной» этимологии. Сигизмунд Герберштейн выводит название *Белая Русь* – *Московия* от сочетания «белый русский царь».
 14. Конец 1570-х гг. Название *Белая Русь* прочно распространяется на оккупированную с 1563 г. Иваном Грозным часть Великого Княжества Литовского.
 15. 1582 г. Мацей Стрыйковский первым употребляет этноним Bielorusasy Litewscy (РОГОВ 1966).
 16. 1586 г. Этноним впервые употреблён как самоназвание уроженцем Вел. Кн. Лит. (Соломон Рысинский – Solomo Pantherus Leucorussus).
 17. 1655 г. Указ о внесении *Белой Руси* в титул царя Алексея Михайловича.
 18. Конец 1650-х гг. *Белую Русь* начинают стабильно отображать на европейских картах в границах Полоцкого воеводства.
 19. 1708 г. *Белая Руссия* впервые представлена на русскоязычной карте.

20. 1720-е гг. *Белая Русь* исчезает с европейских карт в значении «Русское государство».
21. 1890-е гг. Название *Белоруссия* распространяется на всю белорусскую этническую территорию.
22. 1991 г. Провозглашение Республики *Беларусь*.¹¹

Червон(н)ая Русь, Червенская Русь (Красная Русь)

Червон(н)ая Русь (Красная Русь, укр. Червона Русь. лат. Russia Rubra) – часть исторической *Руси*, расположенная на западе совр. Украины и востоке Польши. Синонимами *Червенской Руси* являются исторические названия Галиция (укр. Галичина) и *Червенские города* (ср. *Червоноград*). Упоминается в летописи под 981 годом.

Чёрная Русь

1. название, применявшееся в XIII-XIV вв. к области, лежавшей в бассейне верхнего Немана. До XIII в. *Чёрная Русь*, по-видимому, была частью Полоцкого княжества. Входила также в состав Галицко-Волынского княжества. В XIV веке *Чёрная Русь*, наряду с литовскими землями, составляла основное ядро Великого княжества Литовского. Происхождение названия «Чёрная Русь» не выяснено (БСЭ 2-е изд. т.47. Москва, 1947, с.159)

2. название, используемое с XVIII века в историографии и литературе в отношении Верхнего Паринеманья в период существования Городенского княжества (XII в.) и становления Великого княжества Литовского в XIII-XIV веках. Охватывает верхнее течение Немана с городами Гродно, Новогрудком, Слонимом, Несвижем и др. Известно по западно-европейским источникам XV-XVII вв. как *Schwarzreussen* (XVII век). Сегодня это районы городов Гродно, Новогрудка, Бобруйска, Сморгони.

Голубая Русь (Голубая Россия, Голуборбссия)

У этого термина существует и другое значение *Поморье*. Это историческое название обширной территории на Севере европейской части России. Оно применяется в разных значениях. В самом узком смысле *Поморье (Поморский берег)* – южный берег Белого моря от Онеги до Кеми. С самым широким смысле – весь русский Север от Карелии до Урала. Есть свидетельства, датированные началом XII века, что это были владения Новгородской республики. Освоению *Поморья* придало импульс нашествие Батыея и разорение Южной Руси. Колонизация *Поморья* и ассимиляция местного финно-угорского населения привела к складыванию поморов – особого субэтноса русского народа. Из поморов был Михайло Ломоносов.

¹¹ Данные этого раздела взяты из источника: (БЕЛЫ 2000: 238).

По аналогии с другими историческими и новыми территориями России в XIX веке были предложены названия *Поморская Русь – Поморская Россия – Голубая Русь – Голубороссия*. Ср. его употребление в поэзии Сергея Есенина: «Я покинул родимый дом, / **Голубую** оставил **Русь...** Я не скоро, не скоро вернусь! / Долго петь и звенеть пурге. / Стержёт **голубую Русь** / Старый клён на одной ноге».

Жёлтая, Зелёная и Синяя Россия

Жёлтая Россия (Жёлтороссия) – редко употребляемое название «дикого поля» и целинных земель. *Жёлтой Россией* называют сопредельные южные степные территории восточного Поволжья южнее Сибири в современной России и северную и восточную часть современного Казахстана.

По аналогии предлагались и другие редкие названия. Например, Сибирь называют *Зелёная Россия, Зеленороссия*. Изредка можно встретить современное название *Синяя* или *Валдайская*, она же: *Новгородская Русь* http://community.livejournal.com/ru_history

Функциональное употребление составных наименований Руси

Ниже представлены наименования *Руси*, условно распределённые по функционально-тематическому принципу. При мысленном наложении отдельных сегментов может наблюдаться их частичное совпадение по отношению к разным территориям, а также в плане хронологии и цветовой семантики.

1) **по хронологическому принципу:** *Древняя Русь* (IX - XVII в.). В различных контекстах синонимическими эквивалентами этого не имеющего точных временных границ абстрактного названия в разных контекстах могут служить *Киевская Русь, Новгородская Русь, Южная Русь* и некоторые другие ситуативные наименования государственных и территориальных объединений Руси.

2) **по географическому и территориальному признаку:** *Киевская Русь* (IX-XIII вв.). Она же *Русь Южная* (Киев, Чернигов, Вышгород, Туров, Новгород-Северский, Любеч, Переяславль). *Новгородская Русь* (с VIII века) (Ладога, Изборск, Новгород, Псков; «колонии» Новгорода – Заволочье на Северной Двине, на Кольском полуострове (впоследствии *Поморская Русь*), платившие дань Новгороду Печора, Пермь, Вятка). *Русь Великая (Великороссия)* и *Русь Малая (Малороссия, Малоросія)*. *Русь Западная* (Смоленск, Витебск, Полоцк). *Северо-Восточная Русь, Ростово-Суздальская Русь* или *Владимиросуздальская Русь* (XII- XIV вв.) (Суздаль, Владимир, Ростов Великий, Ярославль, Переяславль-Залесский). *Юго-Западная Русь* или *Галицко-Волынская земля*, она же *Владимиросуздальская земля* (XII-XIII вв.) (Владимир Волын-

ский, Галич на Днестре, Львов). *Московская Русь (Московия)* с XIV в. (Москва, Тверь, Рязань). *Поморская Русь, Карпатская (Подкарпатская) Русь; Новая Русь (Новороссия)* (с XVIII в.) (Северное Причерноморье, Крым).

3) **по формальному цветовому признаку:** *Русь Белая (Белоруссия), Русь Чёрная, Русь Червон(н)ая (Червенская, Красная), Синяя или Валдайская Русь; Русь Голубая; Русь Жёлтая; Русь Зелёная.*

4) **по этнологическому признаку:** *Русь норманская, Русь славянская, Русь Литовская, Русь кельтская, Русь сарматская, «Пургасова» (легендарная)* и другие названия преимущественно в беллетристике нового и новейшего времени.

5) **по идеологическому признаку:** *Святая Русь* (в православном конфессиональном обиходе). *Русь изначальная* (в современной поэзии, беллетристике). *Белая Русь* (с нач. XVII в. в религиозном смысле как территория всей Руси свободная от «латинской веры»).

Заключение

Восточные славяне на протяжении длительного времени получали наименования отдельных частей своей этнической территории из разных языковых источников. Составные наименования типа *Белая Русь, Малая Русь, Великая Русь* и другие, не были, вероятно, на этих землях самоназваниями, поскольку не отражали никакого местного бытования соответствующих терминов, которые под воздействием иноязычных образцов приходили на Русь преимущественно из книжной речи. Кодифицируя поступающие из этих источников топонимические термины, власти и администрация, тем самым, способствовали закреплению в языковой практике восточных славян новых названий огромных и отдалённых, с часто меняющимися границами территорий Восточной Славии.

В научных сочинениях эпохи средневековья, в соответствии с **двоичным и троичным делением** Руси, сами термины «Русь», «русские/русские» употреблялись в разных смыслах: в *широком* - как обозначение восточных славян в целом, а у Мацея Стрыйковского даже всего славянского мира (РОГОВ 1966); в *среднем* - как обозначение «западнорусского», т.е. белорусского и украинского этносов Польско-Литовского региона; в *узком* - как обозначение украинского этноса Юго-Западной Руси с эпицентром во Львове.

Логически и фразеологически оба – двоичный и троичный подходы – предполагали существование фундаментальной общности восточного славянства, т.к. прилагательные «Великая» и «Малая» относились к исходному родовому понятию «Русь», «тройкость» которой воспринималась как целостное триединство, как своего рода «этническая Троица». Русь – единое понятие.

Ни в одном славянском языке собирательное существительное *Русь* не образует формы множественного числа.

Показательны некоторые статические сравнения исторических упоминаний данных конструкций в литературе. Наиболее употребительно «цветное» имя *Белая Русь*, за которым следуют пространственные наименования *Великая Русь* и *Малая Русь*. У средневековых иностранных авторов *Белая Русь* в 8 случаях из 10 трактовалась как синоним Московского государства. *Чёрная Русь* в 6 случаях из 11, а *Червонная Русь* во всех 7 случаях соотносилась с Галичиной или с западнорусскими землями Польской короны на правом берегу Днепра. По прихоти истории за нынешними белорусскими землями к XVIII веку окончательно утвердилось название *Белая Русь*, а *Чёрная Русь* и *Червонная Русь* оказались невостребованными и практически ушли в небытие. Несмотря на всю нечёткость и противоречивость локализации применявшихся наименований, просматривается стремление средневековых авторов, как иностранных, так и славянских, осмыслить и определённым образом обозначить через разные категории этническую специфику отдельных частей восточнославянской этнической общности.

Литература

- БАГРОВ 2005 = БАГРОВ Л.С. История русской картографии. Москва, 2005.
БАРСОВ 1885 = БАРСОВ Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
БЕЛЫ 2000 = БЕЛЫ АЛЕСЬ Хроніка Бelay Русі: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы”. Менск, 2000.
БЕРЕЗИН 1850 = БЕРЕЗИН Н.И. Ханские ярлыки. III. Внутреннее устройство Золотой Орды. СПб, 1850.
БРАЙЧЕВСЬКИЙ 1968 = БРАЙЧЕВСЬКИЙ М. Походження Русі. Київ, 1968.
ВЕРНАДСЬКИЙ 1994 = ВЕРНАДСКИЙ Г. Происхождение Руси. Москва, 1994.
ГЕНСЬОРСЬКИЙ 1962 = ГЕНСЬОРСЬКИЙ А.І. Термін «Русь» (та похідні) в Древній Русі // Дослідження і матеріали з української мови. Київ, 1962. Том V.
ГРЕКОВ 1954 = ГРЕКОВ Б.Д. Киевская Русь. Москва, 1954.
ГРЕКОВ, ЯКУБОВСКИЙ 1950 = ГРЕКОВ Б.Д., ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Золотая Орда и её падение. Москва-Ленинград, 1950.
ГРУШЕВСЬКИЙ 1991 = ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Велика, Мала і Біла Русь // Укр. істор. журнал. 1991, №2.
ГУМИЛЁВ 1973 = ГУМИЛЁВ Л.Н. Нужна ли география гуманитариям? – В кн.: Славяно-русская этнография. Москва, 1973.
Древнерусские княжества X-XIII вв. (Изд. Л.Г. Бесковный). Москва, 1975.
ЖЕКУЛИН 1982 = ЖЕКУЛИН В.С. Историческая география. Предмет и методы. Ленинград, 1982.

- История России. С древнейших времён до конца XVII в. Москва, 1997.
- КАРАМЗИН 1816 = КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Т.1-12. СПб, 1816-1829.
- КАРСКИЙ 1904 = КАРСКИЙ Е.Ф. Белорусы. Т.1-3. 1904-1922. Т.1. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904.
- КЛИМОВ 2001 = КЛИМОВ И.Г. К происхождению составной хоронимики Руси (Белая, Чёрная, Красная, Великая, Малая Русь) – Исследования славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. Москва, 2001.
- КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий. Москва, 1989. CONSTANTINUS PORFIROGENITUS. De administrando imperio (Ed.Gy.Moravcsik). Budapest, 1949.
- КОТЛЯР 1976 = КОТЛЯР М.Ф. «Руська земля» в літописах XI-XIII ст.// Укр.історич. журнал. 1976, №11.
- КОТОШИХИН 1884 = КОТОШИХИН Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб, 1884.
- ЛАМАНСКИЙ 1891 = ЛАМАНСКИЙ В.И. «Белая Русь» // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества. СПб, 1891, вып.3.
- МЫЛЬНИКОВ 1999 = МЫЛЬНИКОВ А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности 16-18 веков. СПб, 1999. См. также : <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/mylnikov-3.htm>.
- НАСЕВИЧ, СПІРЬДОНАЎ 1966 = НАСЕВИЧ В., СПІРЬДОНАЎ М. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст.//З глыбіны вякоў. Наш край: Гіст.-культуралаг. зб. Вып.1, Мінск, 1966.
- НИКОНОВ 1966 = НИКОНОВ В.А. Краткий топонимический словарь. Москва. 1966.
- ПЕТРУХИН 1994 = ПЕТРУХИН В.Я. Очерки начальной этнокультурной истории Руси IX-XI вв. М., 1994.
- ПВЛ 1950 = Повесть временных лет. Ч.1-2. Москва-Ленинград, 1950.
- ПИРЛИНГ 1912 = ПИРЛИНГ П. Россия и папский престол. Кн.1. Русские и Флорентийский собор. М., 1912
- ПИЧЕТА 1946 = ПИЧЕТА В.И. Образование белорусского народа //Вопросы истории. 1946.
- ПОБОЛЬ 1971 = ПОБОЛЬ Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Т.1-2. Минск. 1971-1973.
- ПОТЕБНЯ 1891 = ПОТЕБНЯ А.А. Белая Русь. Живая старина. СПб, 1891, вып.3.
- ПСРЛ 1926 = Полный свод русских летописей. Изд.2-е. Т.1, Ленинград, 1926.
- РОГОВ 1966 = РОГОВ А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). Москва, 1966.
- РОМАНОВ 1990 = РОМАНОВ Б.Е. Люди и нравы Древней Руси. Москва, 1990.
- РУСЬ. Материал из Википедии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
- РЫБАКОВ 1963 = РЫБАКОВ Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. Москва, 1963.
- РЫБАКОВ 1982 = РЫБАКОВ Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. Москва, 1982.

- СЕДОВ 1994 = СЕДОВ В.В. Восточнославянская этноязыковая общность //ВЯ, 1994, №4.
- СКРЫННИКОВ 1999 = СКРЫННИКОВ Р.Г. Русь IX-XVII века. СПб, 1999.
- СОЛОВЬЁВ 1947 = СОЛОВЬЁВ А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. №7.
- ТАТИЩЕВ 1979 = ТАТИЩЕВ В.Н. Избранные произведения. Ленинград, 1979.
- ТКАЧЕНКО 1959 = ТКАЧЕНКО О. Про походження назви Русь // Укр. мова в школі, 1959, №6.
- ТРУБАЧЁВ 1992 = ТРУБАЧЁВ О.Н. В поисках единства. Москва: Наука, 1992.
- ТРУБАЧЁВ 2004 = ТРУБАЧЁВ О.Н. Труды по этимологии. Слово – История – Культура. Т.1. Москва, 2004.
- УЛАЩИК 1982 = УЛАЩИК Н.Н. Белая и Чёрная Русь в «Хронике» Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д.Грекова. Москва, 1982.
- УРБАН 1994 = УРБАН П. Да пытаўня этнічнай прыналежнасьці старажытных ліцьвіноў. Мінск, 1994.
- УСПЕНСКИЙ 2002 = УСПЕНСКИЙ Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. Москва, 2002.
- ФАСМЕР 1964 = ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. Т.1-4. Москва. 1964-1974.
- ФЛОРЯ 1993 = ФЛОРЯ Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в 12-15 вв.: К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Славяноведение. 1993. №2.
- ФРОЯНОВ 1994 = ФРОЯНОВ И.Я. Древняя Русь. Москва-СПб, 1994.
- ХАБУРГАЕВ 1979 = ХАБУРГАЕВ Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. Москва, 1979.
- ШИРЯЕВ 1991 = ШИРЯЕВ Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Чёрная и Литва в картах. Минск, 1991.
- HOFFMANN 1677 = HOFFMANN J.J. Lexicon universale historico-geographico-chronologico-poetico-philologium- Basiliae, 1677-1683.
- HÜBNER 1696 = HÜBNER J. Kurze Fragen aus der neuen und alten Geographie. Aufl. 6. Leipzig, 1696.
- НЁМЕС I. Opozice dexter/sinister v slovanské toponomastice a etymologii. // Slavia, 1975, R.44, č.3.
- OBOLENSKY 1957= OBOLENSKY D. Byzantium, Kiev and Moscow: a Study in Ecclesiastical Relations. Washington, 1957.
- OTRĘBSKI 1974= OTRĘBSKI J. Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ih nazw. Poznań. 1974
- SKOK = SKOK P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj.I. Zagreb, 1971.
- SSS 1961= Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych/pod redakcją W.Kowalenki, G.Labudy i T.Lehra-Splawińskiego.T.I, część 1: A-B. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961.

- STRYJKOWSKI 1978 = STRYJKOWSKI M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego naroda litewskiego, zemojdzskiego i ruskiego. Oprac. J.Radziszewska. Warszawa, 1978.
- ZEDLER 1732 = ZEDLER J.H. Großes vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste- Leipzig; Halle, 1732-1750. Bd.31.
- ZEILLER 1647 = ZEILLER M. Neue Beschreibung des Königreich Polen und Großherzogthumbs Lithavuen. Ulm, 1647.
- ZEILLER 1657 = ZEILLER M. Änderte Beschreibung des Königreichs Polen und Großherzogthumbs Lithavuen. Ulm, 1657.

Ангелика Молнар

ВЕГЕТАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ РОМАНА БАЛЬЗАКА «УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ» В РОМАНЕ ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Abstract: In this article we are considering poetic function of vegetative metaphors in Balzac's novel "Lost illusions" and in Goncharov's novel "A common story" in the aspects of clearly allocated and hidden intertexts. While in Balzac's novel from „Lucien as a flower" is deploying a bundle-word of the novel space, in Goncharov's novel a thing (sheet of paper) gets flower signs.

Keywords: Balzac, Goncharov, motives of flower, paper and book.

В нашей статье мы отслеживаем тот процесс, как преобразуется пре-текстуальная основа (вегетативные метафоры бальзаковского романа) в сквозных мотивах текста-реципиента (роман Гончарова) в соотношении эксплицитно выделяемых смыслов и имплицитно скрытых переключек. Мы пользуемся термином подтекста для обозначения параллелизма сегментов в рамках одного текста или в качестве синонима подразумеваемого.

Сопоставление романа Гончарова с романом Бальзака проводилось в рамках общих перипетий сюжета и сходства образов главных героев. Совместное чтение романов кажется тем более естественным, что Александр Адуев в своем письме, подытоживающем свои жизненные опыты, сам утверждает, что «иллюзии утрачены» [Гончаров 1977, 316]. Это эксплицитная, явная и сразу узнаваема отсылка к роману-прецеденту. На уровне цитирующего героя не осознается и не интерпретируется отсылка к французскому роману. Однако текстовая упорядоченность превращает литературную память в память текста («внутритекстовые параллелизмы»), то есть аллюзия на литературное произведение получает новое толкование в поэтическом мире Гончарова. К тому же весь гончаровский текст имплицитно пронизывают переключки с «Утраченными иллюзиями» утверждающего, отрицающего и переосмысливающего характера. Мы кратко коснемся некоторых общих мотивов, скрещиваемых образов и тропологических соединений сквозь призму новаторской творческой установки и продуктивности слова, развернутого в разных интерактивных метафорических рядах.

Согласно утверждению исследователей история Александра Адуева явно отражает судьбу Люсьена де Рюбампре из романа-карьеры Бальзака. Однако метасюжет романов свидетельствует скорее о представлении смены литературных эпох и направлений. Люсьен также становится субъектом репрезентации современной поэзии и литературной жизни Франции начала 19-го века, как Александр – русского историко-литературного процесса. Этот во-

прос усложняется соотношением жанра романа и разных ин-текстов: стихотворений. Люсьен сравнивает стихотворения семенами для расцветания цветов в сердцах слушателей: поэту «надлежит вместить в одно слово целый мир мыслей, представить в одном образе целые философские системы; короче, его стихи лишь семена, которые сулят цветами расцвести в сердцах, отыскивая в них борозды – следы наших сокровенных чувств». Стихотворения, которые в романе присваиваются герою, на самом деле принадлежат известным французским поэтам-романтикам.¹ Сонеты Люсьена образуют цикл о цветах, которые в той или иной мере все похожи на маргаритки. Стихотворение о маргаритке представляет растение в качестве олицетворения субъекта стиха цветком, который – отражая структуру стихотворения о нем – в форме перевернутой загадки движется к самораскрытию. В романе Бальзака талант и творческая продукция метафоризируется процессом распускания цветка и ростом дерева, т.е. природным кодом. В результате раскрывается не только поверхностная, но и глубинная структура тропа, и эти пласты вступают в интеракцию, создавая особую семантическую напряженность.

Более того, этот троп разворачивается дальше, вбирая в себя все новые смыслы, расширяя предметный / вещный круг метафоризации. Таким является и другой вид растительного мира – дерево. Метафора растения управляет не только планом акта словотворчества (олицетворяемого во внутреннем мире романа Люсьеном), но также и вещественным воплощением реализуемого продукта творческого акта (бумага – книга, про-из-водством на свет, т.е. созданием которой занимается в сюжете Давид Сешар). Утратились иллюзии и у последнего героя, в котором воплощены другого рода искания Бальзака: уменьшение расходов типографии, производства бумаги заменой тряпок дешевым сырьем, введением в бумажную массу растительных веществ. Как и его персонаж, так и Бальзак в своем деле потерпел крах. Однако постижением необходимого опыта и знания, писатель претворил его в поэтический факт, в фактуру – текстообразующий мотив – произведения.

Люсьен подвергается «искушению» с надеждой на скорую славу, поскольку критики и книгопродавцы советуют ему достижение известности посредством коррумпированной журналистики. Локусом торговли продуктами культуры является книжный рынок, т.е. Деревянные галереи. Лес является материалом не только для строительства, но и для производства бумаги. Галереи отождествляются бараками, построенными на месте сооружения, которое характеризуется как «теплица без цветов». Связь между книжным рынком и цветами явственнее просвечивается с помощью следующего развернутого тропа, в котором плоды растений получают признаки неизвестного,

¹ Анемон и Камелия – стихи Charles Lassailly, Маргаритка – Delphine Gay, Тюльпан молодого Теофиля Готье.

диковинного, т.е. они «неокультуренные». Они сближаются также с промышленными отраслями, на которые переходит предикат цветения.² Разорванные оттиски книги украшают розы и, в результате своеобразного хиазма свойство цветов – аромат – присваивается книгам. Происходит известное ослепление при виде этого обмана: атласный бант принимается за георгина, также похожую на маргаритку. Разочарование, т.е. утрата иллюзий происходит при виде понижения растительности и замены цветения (настоящей литературы) артефактами-отходами, побочными продуктами книго-производительного и распространительного процесса.

Перенесена также проблематика с литературной вещи, предмета на материал, с языка литературы на риторику, тем самым вводится новая дисциплина в качестве оппозиции и в форме «цветы риторики» выступает формулировка, относящаяся не к поэтике, а к стилистике. Термин приобретает негативный оттенок благодаря неприятному виду этого «цветочного сада», т.е. продажного искусства, современной литературы, претворяющей языкообразующую метафору в простую стилистическую фигуру, требующей однозначного понимания и прочтения. Эти цветы «чахлые», в отличие от «Маргариток» Люсьена, и, замещая цветущие, развертываемые метафоры поэзии – плоды природы –, они представляют собой «нечистую» аллегорическую прозаическое украшение – отброски. Все это приобретает негативные оттенки из-за реализации образа: сад назван запущенным, орошаемым нечистотами. Неопрятность присваивается как признак типично парижского, столичного пространства.

В этом мире вещь-продукт-орудие же наносит ответный удар тому, кто пользовался им. Сонет о цветах Люсьена оборачивается в острую эпиграмму против него самого и вызывает следующее его разочарование.³ Имитируется обычная структура стихотворений Люсьена, пародируется его стиль, аллегорически репрезентируется его история, управляемая дворянски-

² «Обрывки оттисков книг увенчивали розовый куст, и тем самым цветы риторики заимствовали благоухание чахлых цветов этого сада, запущенного, но зато орошаемого нечистотами. (...) Отбросы модных мастерских глушили растительность: на зеленых стеблях виднелись пучки лент, и вы испытывали разочарование, когда, пленившись цветком, обнаруживали вместо георгина атласный бант.»

³ «На грядке выросло невзрачное растение. / Оно клялось цветам, дни лета пролетят. / Я облекусь тогда в прекраснейший наряд, / Какого требует высокое рожденье. / Цветы поверили, но в полном восхищенье / Бахвал, на их убор скосив надменный взгляд, / Так начал оскорблять гостеприимный сад, / Что выдал дерзостью свое происхождение / И вот расцвел цветок. Но, право, меж людей / Так не был посрамлен и скверный лицедей,- / Сад над уродиной нещадно издевался. / Садовник взял его и выполол, как мох, / И вскоре им осел блаженно насыщался, / Крича над мертвецом. То был Чертополох.»

ми и публицистическими амбициями. Садовником однако является не Бог-Творец, как в его стихотворениях, а лицо, социально высшее по рангу. С позиции автора сатирического стиха их круг образует цветочный сад, а растение-высочка в конце развертывания именуется простым чертополохом.

Игра со значением скрываемой отцовской фамилии Люсьена (Chardon (Шардон)- чертополох) делает сатиру на поэта и на его сонеты слишком однозначной, а ее референт легко опознаваемым, лишая ее поэтической полисемантичности. Произведение неизвестного, но предполагаемого журналиста не выходит за рамки аллегории. Вследствие наслоения значений в романе отвергается модальность и стиль эпиграмматического высказывания. Благодаря внутритекстуальным повторам и параллелизмам на уровне дискурса образуется автопоэтическая референтность: смерть прежней, судьбоносной «маргаритки» и запущенного книжного сада трансформируется в истребление бурьяна садовником и трансформацию в корм для осла. Аллюзия здесь явна и понятна только для героя-референта и читателя романа как посвященного в подтекст стихотворения. Однако наводит читателя на мысль сознательного поиска других подтекстовых аллюзий. Маленькая поющая птица (*chardonnet*) символизирует как поэта-бояна, так и человеческий дух, так как хотя и питается чертополохом, тем не менее очень красиво поет. Эта христианская аллюзия транспонирует каламбур как фигуру речи в символическое имя-слово, которое собирает в едино все важные метафоры текста (чертополох, цветы, поэзию) и акцентирует мученический характер творческого акта.

Отождествление литературы с коммерческой деятельностью возникает и в самоописывающем письме Люсьена, в котором он просит в долг у знакомого. Реализация метафорического ряда «растение – цветок – дерево» является кульминацией в определении назначения литератора: «Выработка дерева из леса невозможности». Развернутый троп здесь тоже кажется речевой «аномалией», необычной согласованностью высказывания. Предицируются несочетаемые значения, которые несопоставимы на уровне логики, а знаки превращаются в вегетативную метафору текста. Герой переходит и в другой статус, в субъект языка, благодаря тому, что подключается к означиванию данного комплекса. В то время как Люсьен представляет собой трансфигурацию механизма роста – акта созидания в сюжете, в связи с образом Александра демонстрируется «биомеханика».

Завод Петра Адуева уподобляется Александром бюрократической машине департамента. В воспринимаемый Александром образ департамента вводится семантическое напряжение, соединяются мотивы автоматичности и

мотивы природы.⁴ Меняющаяся семантика устанавливает интеракцию с метафорами растительности бальзаковского романа. Метафоры рождения и вегетативной жизни, сочетаемые с производительностью, делают книжный образ делопроизводства департамента с помощью перенесения признаков плодovitости на машину оригинальным и уникальным, а метафору живой. Метафора, трансформирующаяся в сюжетный мотив, становится приёмом смыслопорождения.

Мотив цветка сопровождает мысли о покушении на свою жизнь в обоих романах. В отличие от действительной тоски по творческой деятельности демонстрирует книжность и мотив попытки самоубийства как у Александра, так и у Люсьена. На уровне сюжета госпожа Баржетон (в подтексте русалка, манящая мужчину в воду) кажется прямым виновником того, что Люсьен доходит до самоубийства, но Бальзак присваивает такое слово Парижу, превращая его в место, где личность может «утонуть в болоте». Это становится более явным после того, как производится переименование крупного города, столичного образа жизни в «омут». Имплицитная ссылка Гончарова на данный отрезок текста, отрицает зеркальность реки и выдвигает качество мутности. На поверхности бальзаковской реки нет ни желтых, ни белых цветов, - значит как мутная река, так и озеро в Грачах у Гончарова строится уже по-новому принципу, в форме отталкивания от претекста. В французском романе подчеркивается глубина воды – бездна, пропасть, что в парадигматической переструктуризации относится к парижскому миру. Самоубийство в этой воде означает погружение в несоответствующий речевой модус, неадекватное литературное слово. Привлекательный пейзаж сначала противопоставлен настроению героя, потом впечатление постепенно начинает брать над ним вверх и Люсьен – падший журналист превращается в поэта, восхищающегося окружающим его видом. Этой трансформации образа сопутствует возрождение увядшего, исчезнувшего цветка.

Люсьен отказывается от совершения самоубийства, спускаясь вниз и вдумываясь в поэтическую фантазию о неэстетичности мертвого тела. При этом он доходит по дороге до подножья горы. Чтобы люди, направляющиеся вверх на гору, его не заметили, он делает вид, что срывает желтые цветы. Герой держит в руках букет едкого, т.е. ядовитого, жгучего очитка. Этот цветок растёт на песке или каменистых почвах, поэтому называют его камнеломким растением. Букет, сорванный Люсьеном, является символическим, так как наиболее выражает пробивающую силу слабого цветка. На такой неплодотворной почве вырастает и побеждает желтый цветок, творческая личность.

⁴ «проситель, подаст (...) бумагу – мастер возьмёт, едва дотронется до неё пером и передаст другому, (...) она пройдёт невредимо через двадцать рук, плодясь и производя себе подобных». [Гончаров 1977, 88].

Люсьен опять поддается влиянию более опытного человека, который однако сумеет превратить поэта, сочиняющего стихи о цветах, в преуспевающего жителя столицы. В этом смысле образ аббата напоминает искусителя. Наши коннотации усиливает повествователь, который уподобляет аббата охотнику, напавшему «на дичь, за которой он очень долго и тщетно охотился» (см. мотив птички). Сравнение следующего ментора Люсьена с удачливым охотником ставит главного героя опять в положение пассивной жертвы – ученика. Петр Адуев Гончарова в известной мере воспроизводит атрибуты и действия аббата (см. курение). Намеченный поступок аббата отмечается мотивом изъятия бурьянов, обозначающим здесь взросление: «человек большую часть своей жизни проводит в том, что выкорчевывает из сердца все то, что пустило там ростки еще в юности. Операция сия именуется обретением жизненного опыта». И эта метафора «роста» полностью вмещается в представленный выше флоросемантический ряд, образующий тропологический план (растения) романа-карьеры, процесса воспитания. Люсьен оставляет свою почву (родину, семью, друзей) ради того, чтобы ужиться на более плод(успехо)носной почве.

Действующее лицо сюжета и в тоже время пассивный пациент поучений романа воспитания французского типа становится как субъектом текстовой семантизации (цветок), так и трансфигурацией главной проблематики романа (иллюзии утрачены, но роман Бальзака сотворен). Поступок, выполняемый субъектом истории, трансформируется в символическое действие. Как, по утверждению Люсьена, поэт суммирует целые философские системы в одном образе, мир мыслей в слове, так и субъект текста Бальзака воплощает в образе Люсьена-цветка пучок-слово, из которого раскрывается романное пространство слов, образов и мыслей. В результате развертывания метафоры цветка-литературы выявляется следующий сюжет: расцвет Люсьена-поэта, падение Люсьена-журналиста и начало нового становления. В метапоэтической событийности происходит раскрытие пучка-слова в цветке-поэтическом тексте и его увядание в этологии. А утрата иллюзий означает в данном контексте то, что утрачено поэтическое слово, хотя в конце намечается потенциал воскрешения слова – созданием романа. Растение выражает в своем названии самое важное свое свойство – рост. Принцип роста пронизывает и вводит в взаимодействие все уровни текста: зачатки карьерного роста в истории главного героя, движение от стихотворений к роману в метапоэтике, развертывание исходной метафоры цветка как в образ дерева, так и в обширный, текстоорганизующий мотив.

Как мотив желтого цветка в качестве коренной метафоры литературного процесса, так и омота для обозначения мира столицы вполне могло быть заимствовано Гончаровым у Бальзака. Преобразуя элементы текста-прецедента, русский романист не только осваивает опыт своего предшественника,

но и предлагает новое прочтение текста. Озеро выступает во сне матери Александра, вследствие чего оно получает особую значимость, ибо сон, являющийся особой формой зрения и маркированным текстовым сегментом, развёртывается в метафорический план романа. Петербургский мир ассоциируется с омутом и озером, в этом заключается процесс переименования действительности во сне. Пустой поднос во сне матери Александра как предмет высказывания указывает на пустоту петербургской жизни. При возвращении главного героя домой утверждается вещий характер сна: он «точно из омута вырвался» [Гончаров 1977, 302]. Метафорическая семантика служит присвоению субъекту свойства его действия.

Повтор мотива «омута» реметафоризирует его предыдущее значение в тексте. Он актуализирует свою внутреннюю форму в глаголе «мутить» и в эпитете «мутный». Означивание становится транспарентным в форме выявления имплицитного тропологического характера слова. Его контекстом мы будем считать не только данный текст, но и претекст романа. Качество «мутности» синонимически и анаграмматически повторяется в описании чёрной речки, в которой герой даже утопиться не сможет, хотя «утомился жить» [Гончаров 1977, 281]. Локусом последних испытаний Александра является мост на реке, где он задумывает покончить жизнь самоубийством. Однако его прыжок на другую сторону символизирует его победу над книжностью и начало новой жизни. Возврат героя в деревню маркируется онемением и разработкой своего собственного слова. Неудовлетворенность прежними речевыми образцами определить свое место вызывает письменное оформление, в котором критикуется прежнее поведение, поступки, роли субъекта письма, нпр. разочарование, которым демонстрируется в том числе и намек как на утраченные иллюзии, так и на желтые цветы. На гладком озере в Грачах плывут жёлтые цветы, понимаемые пока как вещные метафоры любви. Однако стихи Александра также отмечаются определениями бумаги и озера: они «проникнуты пылким чувством; написаны гладко» [Гончаров 1977, 129]. Описание пейзажа по своей знаковой манифестации⁵ посредством сближения звукового и семантического полей образует метафорический ряд «солнце: жёлтые цветы: золото». Гончаровский текст эксплицитно не свидетельствует о непосредственном контакте с претекстом, образует иной смысловой потенциал и по своему переупорядочивает прилегающий мотивический ряд (становится метафорой письма).

Поступок «рвать цветы» на озере связывает мотив желтых цветов с письмом Горбатовой Адуеву-старшему об этом поступке, написанном в уста-

⁵ «слепительного блеска солнечных лучей, сверкавших (...) искрами в воде», «большие жёлтые цветы, покоившиеся на широких плавучих листьях» в озере, на котором «нивы обольются точно золотом» [Гончаров 1977, 291].

решем стиле, то есть с бумагой, которую рвёт дядя-адресат. Адуев-старший считает бесполезным для Александра сочинять, не владея соответствующим слогом: не имеет смысла «бумагу марать» [Гончаров 1977, 213]. Общий предикат отсылает к письму, в котором описано, как жёлтый цветок, который сорвал Адуев-старший для своей возлюбленной, «перемарал» ему и ей руки, и Горбатова хранит его в книжке. О первой любви Петра Адуева свидетельствует это его любовное письмо, «пожелтевший листок» [Гончаров 1977, 332]. Общий признак устанавливает параллелизм между цветком и письмом. Вещь (лист бумаги) обретает признаки желтого цветка. Как цветок-растение превращается в бумагу, так и языковая синтагма развёртывается в сюжете. Отказ Адуевым-старшим от памяти отражается в его акте действия: он сжигает своё любовное письмо, хотя человек имеет только такую личную историю, которую он может рефлексировать. Поэтому предметом описания ставится именно история Александра, который намерен сохранить ее. Задумка Адуевым-младшим мемуаров является нарративной мотивировкой возникновения романа. Знание истории человека называется «драгоценным материалом» для мемуара, и становится необходимым элементом для поисков воссоздания истории жизни через посредство перепробования разных штампов (романтические стихи, физиологический очерк, роман карьеры). В романе нет указаний на то, что этот «мемуар» действительно был написан Александром, поэтому следует предполагать, что герой является только автотематизацией субъекта текста, который посредством презентации становления своего героя (разработки образа его языка) представляет историю – процесс созидания романа. В романе же рефлексированы не факты общечеловеческой истории, а история становления языка романа, как основного жанра человеческого опыта. В то время как сюжет героя указывает на роман воспитания или роман карьеры, необыкновенная история создания романа из мемуаров, порождения нового семантического комплекса из претекста становится разоблачением этого жанра и основой гончаровского, русского романа. Смысловый потенциал претекста претерпевал интернализацию и переосмысление в интертекстуальных операциях, осуществляемых Гончаровым.

Литература

- Бальзак Оноре де.* Утраченные иллюзии. Библиотека зарубежной классики. Москва, Правда, 1989. OCR Конник М.В. <http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/illusinos.txt>
- Бахтин М.М.* Из предьстории романного слова. // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Москва, 1975. С. 408-446.
- Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма. // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. Москва, 1979. С. 188-236.
- Гончаров И.А.* Собрание сочинений в 8-и томах. Т. 1. Москва, 1977. С. 33-336.
- Надточаева Т.В.* Типология одного сюжета. («Утраченные иллюзии» О. Бальзака и «Обыкновенная история» И.А. Гончарова) // *Метод, жанр, поэтика в зарубежной литературе.* Сб. Научных трудов. Отв.ред. Л. Д. Беглова. Фрунзе, 1990. С. 28-37.
- Смирнов И.П.* Порождение интертекста. Санкт-Петербург, 1995.
- Ehre M.* «Oblomov» and his creator. The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton, 1973. 134-138.
- Lyngstad A. – Lyngstad S.* Ivan Goncharov. New York, 1971. 70-71.

М. Нири, Е.Г. Ростова

«ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ СЛОВАРИ:
СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА»

Abstract: The article is devoted to an urgent problem of today in lexicography: to the formation of the genre of linguistic-cultural dictionaries. The authors examine two versions of structures and contents of linguistic-cultural dictionaries – “Russia” Big Linguistic-cultural Dictionary, editor-in-chief Ju.E. Prohorov (Moscow, 2007), («Россия» Большой лингвострановедческий словарь под общ. ред. Ю.Е. Прохорова) – and Russian Cultural Dictionary (Orosz kulturális szótár) by A. Soproni (Budapest, 2008). The authors compare and analyse the main characteristics of lexicographic works – the concept of composition of the word list structure, the contents of an entry and some other features of the dictionaries.

Keywords: lexicography, linguistic-cultural dictionary, structure and contents of a dictionary entry, concept of composition of a word list (of a dictionary)

Цель настоящей статьи – рассмотреть, как в наши дни развивается в теоретическом плане и реализуется на практике лингвострановедческая лексикография, то есть направление в учебной лексикографии, связанное с разработкой и созданием лингвострановедческих словарей.

Это направление возникло в 70-е годы XX века и связано с именами ведущих ученых Института русского языка им. А.С. Пушкина В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина и В.В. Морковкина, которые в 1977 г. опубликовали «Перспектив учебно-лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка» (1), где дали определение лингвострановедческого словаря как **одноязычного объяснительного словаря, в котором осуществляется семантизация лексики, отражающей своеобразие русской советской культуры.** В «Перспективе...» были предложены основные характеристики нового словарного жанра. По мнению авторов, включению в словарь подлежали безэквивалентные и фоновые лексические единицы, отобранные в соответствии с принципом учебно-методической целесообразности. В качестве основных источников выборки словника были названы: «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, большие русско-иноязычные словари по основным европейским языкам, а также тематические энциклопедические словари. В качестве средств семантизации было предложено как толкование номинативной сферы языковой единицы, так и изъяснение ее фоновой семантики. Введенный термин «изъяснение» предполагал семантизацию фоновой части номинативной языковой единицы, т.е. моделирование, описание всех тех сведений, которые стоят за словом и являются общераспространенными. Основными

требованиями, предъявляемыми к содержательной стороне изъяснений в словарной статье, были названы: 1) информативная достаточность, 2) избыточность, 3) достоверность.

Разработанная концепция была воспринята лексикографами, и в последующие десятилетия вышло в свет значительное количество словарей, авторы которых назвали их лингвострановедческими, тем самым соглашаясь с принадлежностью своих работ к новому словарному жанру. Однако, общие установки в теории на практике претерпевали некоторые изменения основных параметров, выдвинутых авторами концепции. В основном, это коснулось принципов отбора словника, структуры и содержания словарной статьи и языка словаря. В результате, в свет вышло больше десятка лингвострановедческих словарей, в словник которых включалось огромное количество единиц, имеющих страноведческую или культуроведческую ценность, но мало связанных с собственно языком, его семантикой, словообразованием, коннотациями и т.д. Так, например, в СССР и в России большая часть созданных лингвострановедческих словарей была связана не с русским языком и культурой, а с языком и культурой других стран; все словари были написаны на русском языке и адресованы прежде всего русским, изучающим иностранный язык и культуру. На сегодняшний день нам известны следующие словари:¹

¹ Рум А.Р. и др. Лингвострановедческий словарь «Великобритания», 1978 г. 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2000. — 560 с.; Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1979; Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1978; 2-е изд. М., 1983; Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь. М., 1984; Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. М., 1991; Николау Н.Г. Греция. Лингвострановедческий словарь. М., 1995; Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь. Под ред. и общ. руководством Г.В. Чернова. Смоленск, 1996; Веденина Л.Г. и др. Франция. Лингвострановедческий словарь. М., 1997; 2-е изд. М., 2010; Ощепкова В.В., Петриковская А.С. Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь. М., 1998; Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык: Лингвострановедческий словарь. М., 1998; Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / Под рук. В.В. Ощепковой, А.С. Петриковской. — М.: Рус. яз., 1998. — 216 с. Томахин Г.Д. США: Лингвострановедческий словарь. М., 1999; Муравлева Н.В., Муравлева Е.Н. Австрия. Лингвострановедческий словарь. М., 2003; Томахин Г.Д. Лингвострановедческий словарь. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – АСТ ПРЕСС, 2007, 720 с.; Ульциферов О.Г. Индия. Лингвострановедческий словарь. — М.: «Русский язык - Медиа», 2003. — 584 с.; Маркина Л.Г., Муравлева Е. Н., Муравлева Н. В. Лингвострановедческий словарь "Культура Германии". М., АСТ, Астрель, Хранитель, 2006, 1184 стр.;

Можно сказать, что концепция лингвострановедческой лексикографии, созданная в рамках методики преподавания русского языка как иностранного, распространилась вообще на всю отрасль преподавания иностранных языков (2), то есть проявилась как некоторая универсальная лингводидактическая теория².

Потребовалось весьма значительное количество лет и исследований, прежде чем в свет, причем почти одновременно, вышли два лингвострановедческих словаря, посвященных русскому языку и культуре. Их концепции, как представляется, имеют много общего, но и во многом различны, и тем самым представляют интерес в сопоставительном плане, что и станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения. Речь идет о Большом лингвострановедческом словаре «Россия», вышедшем в свет под общей редакцией профессора Ю.Е. Прохорова в издательстве АСТ-ПРЕСС в серии «Фундаментальные словари» в 2007 году (исправленное издание в 2008 г.), и Словаре русской культуры (Orosz kulturális szótár) А.Шопрони, вышедшем в свет в Венгрии, в издательстве «Corvina» в 2008 году. Последний является частью проекта по изданию серии культурологических словарей, что в техническом плане во многом определяет его облик. Работа над обоими словарями велась около пятнадцати лет. В рамках этой статьи мы сосредоточим внимание на концепциях этих словарей: на языке словаря, на принципах отбора единиц словника, на структуре словарных статей, и в ходе этой работы попытаемся выявить основные сходства и различия между двумя словарями.

Серьезной проблемой для лексикографов, работающих в сфере преподавания иностранных языков, является проблема выбора языка лингвострановедческого словаря. В принципе возможны два подхода: либо словарь делается одноязычным, либо – двуязычным. Каждый из них оправдан. Видимо, не будет преувеличением сказать, что чем выше уровень знания языка предполагаемого адресата словаря, тем вероятнее то, что словарная статья будет написана на том же языке, что и семантизируемое иностранное слово. С другой стороны, если уровень языковой подготовки адресата не высок, то приобщение его к лингвокультуроведческим знаниям можно начинать, используя родной язык. Иначе говоря, первым лингвострановедческим словарем вполне

Волкова Г.И., Дементьев А.В. Учебный испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник. – М., Высшая школа, 2006, 656 с.

² Лингвострановедческие исследования и лингвострановедческий подход к преподаванию иностранных языков в Венгрии не имеют аналогичных многолетних традиций, тем не менее, за последние лет 10 в Венгрии тоже издан ряд культурологических словарей, среди них словарь Андраша Шопрони: Orosz kulturális szótár. За исключением Румынско-венгерского словаря все работы вышли в издательстве «Корвина».

может быть двуязычный словарь, написанный на родном языке учащихся. Таким является словарь Шопрони Андраша Orosz kulturális szótár. Адресат словаря - венгерские студенты-русисты, преподаватели, переводчики, журналисты, дипломаты, а также все, кто интересуется русской культурой и историей. Текст словарных статей написан на венгерском языке, но включает многочисленные вкрапления и ссылки на русском. Чтение таких статей требует от читателя не просто внимания, но и немало умственных усилий. В то же время такие статьи являются бесценным источником дополнительной филологической информации, в первую очередь для изучающих русский язык.

Лингвострановедческий словарь «Россия» – адресован и тем, кто изучает русский язык как иностранный, и преподавателям русского языка, и переводчикам, и россиянам, изучающим русский язык и отечественную культуру. Однако очевидна разница в уровне знания русского языка, на который ориентировались авторы двух словарей. Словарь Шопрони, практически, доступен каждому, кто только начинает изучать русский язык, то есть в состоянии прочитать заголовки словарных статей, тогда как словарь «Россия» требует хорошей языковой подготовки. Но такое решение имеет и свои плюсы. Словарь «Россия», как и многие другие учебные пособия по РКИ, выпускаемые в России, предназначен русистам разных стран, следовательно, он должен быть русскоязычным. Это, однако, не означает, что он таким останется всегда. При наличии желания и финансирования издательство АСТ-ПРЕСС, насколько нам известно, готово выпускать национальные варианты словаря, в которых статьи будут переведены на язык страны-заказчика и тем самым станут доступными изучающим русский язык уже на начальных этапах.

Для авторов любого словаря одной из главных проблем является проблема поиска критерия для отбора единиц словника. Авторы словаря «Россия» определяют это во вступительной статье: «Право входить в словник лингвострановедческого словаря получили единицы языка, которые обладают национально-культурным фоном, то есть некоторым набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем русским. Причем национально-культурный фон языковой единицы обязательно включает общеизвестные слова и выражения». Таким образом, в состав словника словаря «Россия» входят:

1. Слова и словосочетания, называющие факты и явления природы, национальной истории к культуры, например: *колокол, клюква, липа, лес, Отечественная война 1812 года, поле, рожь, перестройка, царь, чин, щи* и др.

2. Имена собственные: топонимы, антропонимы / (имена реальных людей — исторических личностей, государственных деятелей, ученых, писателей и т.д.; имена мифических персонажей, фольклорных и литературных),

напр.: *Ангара, Самара, Иван Грозный, А.В. Суворов, М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, И.И. Левитан, Баба-Яга, Иван-царевич и Иванушка-дурачок, Онегин, Незнайка* и др.

3. Названия общеизвестных, так называемых прецедентных литературных произведений, произведений, изобразительного искусства, музыки, театра, кино, например: «*Вишневый сад*», «*Горе от ума*», «*Утро в сосновом лесу*», «*Варяг*», «*Берегись автомобиля!*», «*Недоросль*», «*Катюша*», «*Щелкунчик*», «*Чапаев*» и др.

А. Шопрони не предлагает читателю четкого определения критерия отбора единиц для включения в словарь, но, как показывает сама книга, они в основном совпадают с критериями отбора единиц авторов словаря «Россия». При отборе лексики автор, с одной стороны, пользовался своим словником, составленным в течение многолетней работы переводчика, с другой стороны, он использовал словари и многочисленные работы по русской культуре, истории, быту и т. п. В результате в качестве заголовочных слов в словарь вошли самые прочные элементы многовековой русской духовной культуры и истории, а также быта русских людей, которые известны каждому образованному носителю русского языка (в словаре в некоторой степени нашли отражение и явления послеперестроечного периода). В отличие от авторов словаря «Россия», сознательно ограничивших количество (и качество) заголовочных слов теми единицами, которые содержат в себе и лингвострановедческую информацию, А.Шопрони, при отборе лексики для своего словаря не ограничивался таким критерием. В итоге в его словарь вошли и такие единицы русской культуры, содержат в себе «только» страноведческий, энциклопедический характер, но, безусловно представляют интерес для носителей другого языка и культуры. Например: Андрей Рублёв / Andrej Rubl'ov; Архангельский собор / Arkangyal-székesegyház; Ахматова Анна (Горенко Анна Андреевна) / Anna Ahmatova (Anna Andrejevna Gorenko); Байконур / Bajkonur; балет / balett; Лермонтов Михаил Юрьевич / Mihail Jurjevics Lermontov.

Существенной разницей, на наш взгляд, является и то, что А. Шопрони посвящает отдельные статьи некоторым глаголам (*закусить, пошли!, поехали!*), этикетным формулам (*Пока! Привет! Прощай!*), разговорным именованиям некоторых предметов или государственных структур (*иномарка, силовики*), крылатым выражениям и фразеологизмам (*потемкинская деревня, разговор по душам, ёлки-палки*), которые лишь входят в текст статей словаря «Россия». Соответственно словарь «Россия» предлагает более объемные статьи, включающие разнообразную информацию, как страноведческую, так и лингвострановедческую. Кроме того, в словарь А.Шопрони включены некоторые номинативные единицы, которые даже не упоминаются в словаре «Россия», так как авторы не усмотрели в них соответствия заявленному критерию, например: *мороженое, рыбалка, санитарный день, смертная казнь*.

Сравнение словника одной буквы словаря хорошо иллюстрирует эту разницу. В словаре «Россия» на букву «И»³ находится 21 статья: Иван Грозный, «Иван Грозный и сын его Иван...» (картина И.Е. Репина), Иван Купала, Иван Сусанин, Иван-да-Марья, Иванушка-дурачок, Иваново, Иван-царевич, «Идиот», изба, икона, иконопись, иконостас, икра, Ильюшин С.В., Илья Муромец, именины, интеллигенция, Иркутск, «Ирония судьбы, или С легким паром!», Исаакиевский собор.

В словаре А. Шопрони на эту же букву находится почти в два раза больше – 40 статей: и восьмеричное, Иван великий (колокольня), Иван Грозный, Иван Калита, Иван Купала, Иван Сусанин, Иванушка-дурачок, Иван-царевич, иезуит, ИЖ (мотоцикл), из варяг в греки, «Из искры возгорится пламя», изба, избушка на курьих ножках, «Известия», икона, иконостас, икра, Ильф – Петров, Илья Муромец, Илья-пророк, имажинизм, именины, император, имя, инженеры человеческих душ, инициалы, иномарка, инородцы, Институт русского языка имени А.С. Пушкина, интеллигенция, интервенция, «Интернационал», Интерфакс, Интурист, Иоанн Богослов, «Ирония судьбы, или С легким паром!», Исаакиевский собор, исихазм, «Искра», ИТАР-ТАСС.

Однако отсутствуют такие единицы, как «Иван Грозный и сын его Иван...» (картина И.Е. Репина упомянута в статье «Иван Грозный»), Иван-да-Марья, Иваново, «Идиот» (роман упомянут в статье «Достоевский Федор Михайлович»), иконопись, Ильюшин С.В., Иркутск.

В свою очередь, в словаре «Россия» нет статей: и восьмеричное, Иван великий (упомянут в статье «Колокол»), Иван Калита (упомянут в статьях «Московский Кремль» и «Царь»), иезуит, ИЖ (мотоцикл), из варяг в греки (выражение упомянуто в статье «Варяг»), «Из искры возгорится пламя» (цитата упомянуто в статье «Декабристы»), избушка на курьих ножках (упомянута в статье «Баба-Яга»), «Известия», Ильф – Петров (упомянуты в статье «Двенадцать стульев и др.), Илья-пророк (упомянут в статье «Лето»), имажинизм, император (упомянут в статье «Петр I»), имя (статья называется «Русские имена»), «инженеры человеческих душ», инициалы (упомянуто в статье «Отчество»), иномарка, инородцы, Институт русского языка имени А.С. Пушкина (упомянут в статье «А.С. Пушкин»), интервенция, «Интернационал», Интерфакс, Интурист, Иоанн Богослов, исихазм, «Искра» (упомянута в статье «В.И. Ленин»), ИТАР-ТАСС.

Как видно, большинство несовпадений объясняется концепцией авторов словарей, что не слишком значительно сказывается на общем объеме информации, а лишь на ее размещении.

³ Буква «И» выбрана в связи с тем, что количество статей, заголовочные слова которых начинаются на эту букву, не столь велико, и поэтому их можно проанализировать в рамках статьи.

Следствием разницы в принципах отбора словника являются структура и содержание статей. Статьи словаря А. Шопрони носят преимущественно справочный характер, текст словарных статей в этом словаре в большинстве случаев следует традициям энциклопедических словарей. В то же время автор использует и отрывки литературных произведений и публицистических материалов. Некоторые словарные статьи не лишены и субъективного отношения их автора, большого любителя и знатока русской культуры. Словарь А.Шопрони демонстрирует взгляд на русскую культуру извне, в отличие от Лингвострановедческого словаря «Россия», авторы которого будучи носителями русского языка и культуры подходят к объекту своего исследования и описания изнутри.

Проиллюстрируем это на примере безусловно ценного во всех планах слова *береза*. Этому слову и его производным в словаре А.Шопрони посвящено несколько статей. В основной статье, названной «Береза, березка» автор раскрывает национально-культурный фон слова, в который входят понятия о бересте, березовом соке, берестяных грамотах и др. Однако это не мешает автору написать к этим единицам и отдельные статьи, несколько увеличив в них количество информации по сравнению со статьей «Береза». Например:

берёзовый сок ♦ *nyírfanedv*. A fa törzsébe tavasszal, a nedvkeringés megindulásakor csövecskét mélyítenek, amelyen át a nedv a fa derekára erősített edénybe csöpög. Az így nyert ~ üdítőitalként és gyógyszerként is használatos.

берёзовый сок ♦ С началом весенней циркуляции растительных соков в ствол дерева вставляется трубочка, через которую сок капает в привязанную к стволу посуду. Полученный таким образом сок употребляется как освежающий напиток и лекарство.⁴

береста/берёста ♦ *nyírfakéreg*. A nyírfa egy darabban lehántott kérge, amelyből népi mesterek sok használati tárgyat - *kosarat* (корзина), *dobozt* (меч) stb. – készítenek.

береста/берёста ♦ Содранная одним куском кора березы, из которой народные умельцы изготавливали много предметов обихода – корзины (корзина), туеса (туес) и т.п.

берестяные грамоты ♦ *nyírfakéreg iratok*. →*Новгород* és vidéke nedves talajából, amelyben a szerves anyagok soká megőrződnek, az 1950-es évek eleje óta több száz olyan 11-15. sz.-i →*береста* darabka került elő, amelyeken íróvesszővel rótt, *cirill* (→*кириллица*) - egy-egy esetben latin és görög - betűs szövegek olvashatók. Ezek a rövid, többnyire kereskedelmi tárgyú és a mindennapi

⁴ Здесь и далее перевод Нири М.

élettel kapcsolatos feljegyzések arra vallanak, hogy az írástudás - legalábbis a →*кунцы* körében - e régi századokban is meglepően elterjedt dolog volt.

берестяные грамоты ♦ С начала 1950 года во влажной почве г. Новгорода и его окрестностей – в такой почве органические материалы сохраняются долго – было найдено несколько сотен кусков →бересты 11-15 веков с текстами, написанными писалом кириллическими (→кириллица), и в отдельных случаях латинскими и греческими буквами. Эти чаще всего торгового и бытового характера короткие записи свидетельствуют о том, что грамотность в этот ранний период – во всяком случае в купеческих кругах – была на удивление широко распространена.

С точки зрения быстрого поиска нужной информации, такой способ предъявления, конечно, удобен, что, судя по анализу всего корпуса словаря, и предполагал автор. Однако возможен и другой вариант, реализованный в словаре «Россия», когда слова, по богатству вербализованного национально-культурного фона подобные *березе*, семантизируются в рамках одной статьи, которая, в этом случае, приближается по своим характеристикам (содержательным и формальным) к учебному тексту, дающему общее представление о том или ином объекте как ключевой лингвокультурной единице. Так, в словаре «Россия» - одна статья «Береза», однако в нее входит вся информация, вербализующая национально-культурный фон этого слова. В подтверждение этому обратимся к «Указателю названий всех упоминаемых в словаре объектов...», общий объем которого около 2000 единиц, то есть в три раза превышает количество словарных статей. В скобках после каждой единицы помещены слова, которые можно назвать ключевыми, так как именно с их помощью объясняется значение семантизируемого слова внутри словарной статьи. Во вторую группу (после *см.*) входят единицы, имеющие знак *. Они также связаны с семантизируемым словом, но представляют его более широкие семантические связи, вводят в широкий культурный и исторический контекст, так как каждое слово со знаком * имеет отдельную словарную статью. С помощью этого раздела Словаря читатель может представить интересующее его слово в семантических и ассоциативных связях с другими языковыми единицами, входящими в словарь. В Указателе находим следующую информацию:

берёза («Берёзка», береста, берестяные грамоты, С.А. Есенин, «золотая осень», карельская берёза, А.И. Куинджи, лучина, подберёзовик, Троица; см. баня*, Великий Новгород*, веник*, весна*, грамота*, «Грачи прилетели»*, грибы*, Дванадцатые праздники*, «Золотая осень»*, каша*, крестьянин*, лапти*, И.И. Левитан*, лес*, печь*, русские*, Русь*, серебро*, тайга*, тундра*, хоровод*, церковь*)

Словарь А.Шопрони включает некоторый аналог этого Указателя – русскоязычный Индекс, включающий 7 основных тем: это – личности, природа, общество, история, искусство, быт и прочее. Эти темы подразделяются на 62 подтемы. В 19 разделе Индекса находим также указания на то, в каких статьях упоминается слово *береза*: «Березка» (ансамбль), *грибы*, «Грачи прилетели», *дуб*, «Золотая осень», *клен*, *лапти*, *рябина*, *семик*.

В этом случае наблюдаются существенные отличия, связанные, видимо, в первую очередь с разным объемом статей двух словарей, а также с отсутствием в словаре А.Шопрони некоторых статей, например таких, как «Весна» и «Веник».

Проблема заголовочного слова, т.е. выбора названия объекта, который описывается в статье (в том случае, если возможны варианты), решается обоими словарями одинаково. Словари ориентированы на разговорную речь, поэтому в тех случаях, когда в языке существует несколько наименований одного и того же объекта, в качестве заголовочного избирается то, которое чаще функционирует в речи. При этом оно может быть полным или неполным, официальным или разговорным. Так, например, для заголовков словарных статей избраны слова: картошка (а не картофель), Первое мая (а не Праздник весны и труда), Третьяковка (а не Государственная Третьяковская галерея), «Таганка»* (а не Московский театр драмы и комедии на Таганке).

Принципиальным отличием словарей является наличие в одном и отсутствие в другом зрительного ряда. Большинство статей словаря «Россия» иллюстрированы (репродукциями произведений живописи или фотографиями). Зрительная семантизация предлагается прежде всего статьям, связанным с безэквивалентными фактами и явлениями русской действительности. Иллюстрации словаря: 1) отражают существенные стороны обозначенного предмета или явления; 2) ориентированы на текст словарной статьи, что обеспечивает взаимное дополнение информации, которую несут иллюстрация и текст; 3) доступны для восприятия, т.е. выполнены в реалистической манере (за исключением особых случаев, определяемых содержанием статьи); 4) прецедентны, так как именно с ними в первую очередь в сознании русских связываются зрительные образы каких-либо фактов, событий, явлений.

В Словаре А.Шопрони иллюстрации отсутствуют. Нет сомнений в том, что это связано с концепцией и возможностями издательства в рамках

данной серии словарей.

В заключение хотелось бы сделать следующий вывод. Оба рассматриваемых словаря уникальны. Лингвострановедческий словарь «Россия» – словарь нового типа. Суть новизны концепции в том, что она позволяет выявить четкое различие между страноведческими (по сути – энциклопедическими) и лингвострановедческими (по сути – филологическими) словарями, а также последовательно реализовать основной принцип лингвострановедения – соединение, взаимопроникновение языка и культуры. Он представляет те русские слова и выражения, в которых хранится страноведческая и культурная информация о России, и показывает, как эти языковые единицы функционируют в живой и современной русской речи. В такой комплексной форме данные единицы языка и речи не трактуются ни в одном другом словаре. В этом плане словарь соединяет особенности энциклопедических и филологических словарей.

Словарь А. Шопрони, в свою очередь, является первым венгерским страноведческим и культуроведческим словарём (в нём же факультативно присутствует и лингвострановедческая информация), посвященным русскому языку и России, и, как таковой, представляет собой бесценную сокровищницу русской культуры, истории, быта, таких понятий, которые известны как само собой разумеющиеся носителям русского языка и культуры, в отличие от носителей другого языка и культуры.

Представляется, что два словаря удачно дополняют друг друга, и стоит подумать об их использовании в учебном процессе в венгерской аудитории⁵.

Литература

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. Проспект учебного лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка // Проблемы учебной лексикографии / под ред. Денисова П. Н. и Морковкина В. В. М., 1977.
- Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984.

⁵ Нам известен опыт одной из московских школ, где под руководством учителя русского языка и литературы ученики создают мультимедийную лингвострановедческую энциклопедию. Недавно в Интернете была опубликована статья А.Д. Ремизова, предлагающего использовать wiki технологии для создания электронных вариантов лингвострановедческих словарей и для работы с текстами словарей существующих.

István Nyomárkay

MAĐARSKE RIJEČI U HRVATSKOM PRIJEVODU VERBEČIJEVA TRIPARTITUMA

Zusammenfassung: Das berühmte Gesetzbuch von István Verbőczy, Tripartitum (1517) wurde im Jahre 1574 von Ivan Pergošić ins Kroatische übersetzt. Beide Werke haben in der Geschichte des ungarischen und kroatischen Rechtswesens eine bedeutende Rolle gespielt. Die kroatische Übersetzung ist auch vom Gesichtspunkt der Forschung der Sprachkontakte besonders interessant. In Pergošićs Übersetzung befinden sich etwa 30 ungarische Wörter, die aber in allen drei Teilen in verschiedenen Kontexten vielfach vorkommen, denn sie juristische Grundbegriffe bedeuten. Außer den Lehnwörtern sind auch die Lehnübersetzungen nach ungarischen Vorbildern interessant, da sie auf eine Art tieferer geistiger Beziehungen verweisen. In der Studie wird es mit zwei Lehnwörtern (die teilweise auch als Lehnübersetzungen betrachtet werden können) und mit einer Lehnübersetzung ausführlicher beschäftigt. Die sind *gorni peruš* 'actor; felperes; Kläger', *dolni peruš* 'in causam attractus; alperes; Angeklagter' und *zlameno ruho* 'dotalitium; jegyruha; Morgengabe, Leibgedinge, Wittum'.

Schlüsselwörter: Pergošić, Decretum, Tripartitum, zlameno ruho, gorni peruš, dolni peruš

U tijeku istraživačkog rada postalo mi je jasno ono što sam i od svojih učitelja često čuo da su za proučavanje međujezičnih, u širem smislu, međukulturnih, povezanosti najsolidniji temelji tekstovi. Na to je mogao misliti Ovidius kad je formulirao svoj mišljenje u poznatoj izjavi koja je tijekom povijesti postala općepoznata izreka: „gratius ex ipso fonte bibentur aquae“ ('radije se piju vode iz samoga izvora'). Mislim da je njemački filolog, Gerhard Jäger u pravu kad kaže da filološka istraživanja imaju tri glavna zadatka, odn., cilja: treba naime, 1. u tekstovima odijeliti originalno (autentično) od neoriginalnoga, 2. treba, dalje, odrediti najbitnije karakteristike inojezičnih formi i 3. objasniti teškoće koje se susreću u procesu razumijevanja teksta (Jäger, Gerhard 1990:11). Malo je uzvišenije odredio zadatak filologije znatno ranije Wilamowitz-Moellendorf. Prema njemu (inače najznačajnijeg i najutjecajnijeg klasičnog filologa kraja XIX. i prvih desetljeća XX. stoljeća) zadatak je filologije „snagom znanosti činiti prošlost živom, pjesmu poeta, misli filozofa i zakonodavca, svetost Božje kuće, osjećaje vjernika i nevjernika, šarolikost tržnica i luka, kopno i more, ljude u njihovom radu i u njihovim igrama“ (Wilamowitz-Moellendorf 1959:1). Malo prije spomenuti Gerhard Jäger, govoreći o filološkim istraživanjima, ukazuje na različitost, i, istovremenu povezanost jezikoslovlja (lingvistike) i filologije. Prema Jägerovu shvaćanju istraživanje i prikazivanje jezičnoga sustava zadatak je lingvistike, dok proučavanje priopćavanja koja

se ostvaruju u tekstovima, pripada filologiji. Filologija i jezikoslovlje uzajamno su povezane discipline: koristi li netko u čitanju kojeg teksta gramatiku, obraća se jezikoslovlju, sastavlja li netko jezične elemente koji se mogu shvatiti kao jedan sustav, u jednoj gramatici, mora najprije razumjeti priopćavanja i tekstove, koji predstavljaju predmet filologije Jäger, G. *ibid*).

Shvatit ćemo istraživanje tekstova kao predmet filologije, to će se odnositi i na naš predmet: prikazivanje jezičnih veza između Verbecijeva originala, skoro istodobnog mađarskog i hrvatskog prijevoda zakonika Tripartitum. Uspoređujući tekstove, odmah pada u oči da original i prijevodi ne pripadaju istom jezičnom sustavu, zato se za razumijevanje tekstova zahtijeva poznavanje triju sustava, dakle, i praktički vidimo kako su te dvije discipline uzajamno povezana. Za razumijevanje tekstova, međutim, neophodno je poznavanje onog pogleda na svijet koji se o pojedinim riječima, terminima, nazivima ogleđa, drugom riječju, poznavanje ili otkriće jezične slike svijeta pisca i prevoditelja. Tako će imati tekstovi neku vrstu dokazne snage s jedne, i bit će jasne i pojedine nijanse značenja i interpretacije, s druge strane. Respektiranje teksta u značajnoj mjeri očuva nas od zabluda, krivih tumačenja i pogriješnih interpretacija.

U smislu do sada rečenoga i, donekle, kao nastavak predavanja održanog u okviru „Gólyavári esték“ izabrao sam jedan zanimljiv dokument mađarsko-hrvatskih jezičnih i, možda, znanstvenih veza, zakonik Ištvana Verbecija, Tripartitum i to, latinski original, mađarsku adaptaciju Vereša Balaža i skraćeni prijevod Ivana Pergošića. Pergošićevo djelo ima svoje posebno značenje u povijesti hrvatske literature, prva je, naime, tiskana knjiga na kajkavskom narječju.

U obradi naznačene teme raspoložemo odgovarajućim, autentičnim izvorima. Pergošićev prijevod s objašnjenjima objavili su g. 1909 Karel Kadlec i Jiří Polivka, kritičko izdanje Verbecijeva tekst je objavljen g. 1894 u izdanju i s prijevodom Kolomana Čiki (Csiky Kálmán), profesora privatnog prava. Prijevod, odnosno, adaptacija Balaža Vereša čuva se u Sveučilišnoj knjižnici u Budimpešti.

Verbecijevo se djelo sastoji od uvoda i tri obimnijeg dijela od kojih prvi sadrži osobno pravo, plemićko imovinsko i bračno imovinsko pravo, u drugom se kraćem dijelu govori o processualnom pravu i o izvorima prava, dok treći sadrži prava gradskog i seoskog stanovništva.

Tripartitum, zajedno s drugim starim zakonicima i dan danas je predmet znanstvenih istraživanja; u novijoj je stručnoj literaturi mađarsko djelo posebno cijenjen, vidimo to u studiji njemačkoga profesora, Dietmara Willoweita (Willoweit 2006:265). Autor uspoređuje neke starije pravne dokumente iz XVI. stoljeća (poljsko-litavski Łaskiego statutum, Vsehrdih Devet knjiga) i piše: „Steht das Statutum Łaskiego mit alten und neuen Ordnungsgedanken ersichtlich auf der Schwelle zwischen Mittelalter und Neuzeit, so hinterläßt das ungarische Opus Tripartitum einen vergleichsweise modernen Eindruck“ (‘Nalazi se Statutum Łaskiego sa starim i novim mislima o sustavu (prava) na pragu između srednjeg i novog vijeka, čini

Tripartitum neusporedivo suvremeniji utisak'), i ocjenjujući modernost dijela, izbor i tretiranje nekih delikatnih tema, nastavlja tako: „Der Autor denkt sogar über so diffizile Themen wie den Unterschied zwischen Naturrecht und bürgerlichem Recht oder über das Verhältnis Gesetz und gegenteiliger Gewohnheit nach – geradezu spannende Fragen, die sowohl die Belesenheit wie die Refletirtheit des Autors zeigen“ ('Autor razmišlja o tako teškim temama kao razlika između prirodnog i civilnog prava, odnos između zakona i običaja – to su vrlo uzbudljiva pitanja, koja ukazuju na autorovu načitanost i duboku zainteresiranost'). Posebno se ističe Verbecijeva težnja ka jasnosti izrazaj, da najvažniji pravni pojmovi ne ostaju bez objašnjenja: „Selbstverständlich werden in der Einleitung auch Begriffe wie „Richter“, „Gericht“, „Kläger“ und „Beklagter“ erläutert“ ('Razumije se, da se već u predgovoru objšnjavaju pojmovi kao „sudac“, „sud“, „tužitelj“ i „optuženik“). Dok su u krugu obrazovanih društvenih slojeva poznati pojmovi (službe, postupci) zahtjevali samo objašnjenje i tumačenje, prevoditelji (Pergošić i Veres) morali su naći odgovarajuću riječ ili izraz na svojem maternjem jeziku. Tako se oni mogu smatrati cijjenjenim izvorima međujezičnih utjecaja.

Hrvatski prijevod Verbecijeva Tripartituma je objavljen g. 1574 u Nedelišću (Drávavásárhely) u tiskarni Rudolfa Hoffhaltera, sina izdavača skraćenog prijevoda Balaža Vereša koji je objelodanjen 9 godina ranije, g. 1565.

U izdanje u redakciji (Kadlec, K. 1909) Karela Kadleca Jiří Polívka opširno se bavi Pergošićevim jezikom: njegovom fonetikom, morfologijom i terminologijom. Jednu godinu kasnije u dvjema studijama Franjo Fancev govori o hrvatskom prijevodu Tripartituma u povezanosti s Kronikom Antuna Vramca, uglavnom rekapitulirajući tvrdnje izdanja iz g. 1909. (Fancev 1910, 1912). Mađarski Pergošićeva rječničkog fonda možemo naći razasuto u pojedinim natuknicama u Hadrovicsevoj monografiji (Hadrovics L. 1985).

Ovom bih prilikom prikazao dva stručna termina, obraćujući pozornost na njihovu misaonu pozadinu, na sliku svijeta koja se u njima ogleda.

Dvije važne riječi u civilnom pravu su: *actor* 'felperes'; danas: *tužitelj*, *tužilac*; *Kläger* i *causam attractus* 'alperes'; danas: *optuženik*; *der (die) Angeklagte*. Opće je poznato da je *peruš* u hrvatskom mađarska posuđenica od *peres* (starija forma: *perüs*) potječe od slavenskoga glagola *perěti* ('svađati se'). Mađarska se riječ susreće prvi puta g. 1556/1639 (OkLSz). U hrvatskom prvi puta dolazi kod Pergošića. U današnjem hrvatskom u znančenju 'alperes' upotrebljava se *tuženik* (part. perf.pass od glagola *tužiti* 'tkp. (be)panaszolt'), u značenju 'felperes' dolazi *tužitelj* (*tužilac*) 'tkp. panaszoló, panaszt tevő'. Osnovna je riječ *tuga* 'bánat, fájdalom'. Nije nimalo teško naći u današnjim terminima njemački uzorak, to je glagol *klagen* koji vidimo u već spomenutim riječima, *Kläger* i *Angeklagter*. U vezi s glagolom *klagen* etimolgijski rječnici primjećuju: „de rechtliche Sinn des Wortes entwickelte sich schon früh aus dem Brauch, bei der Ertappung eines Verbrechers ein Not- und

Hilfsgeschrei zu erheben, und den Täter vor Gericht mit Geschrei und Gejammer zu beschuldigen" (DudEt unter *klagen*) ('pravni smisao riječi razvio je rano iz običaja da su prilikom uhvatanja provalnika na djelu davali su glas dozivanja u pomoć, i počinitelja su pred sudom optuživali uzvicima i jaukanjem'). Imenica je *Klage* već u starovisokonjemačkom značila ne samo jaukanje, nego i žaljenje pred sudom. Misaona je pozadina mađarske i stare hrvatske (iz mađarskoga pozajmljene) riječi ista: svada, razmimoilaženje), iza njemačkoga i današnjega hrvatskog termina jasno se ukazuje predstava boli, negodovanja, ljutnje, odnosno, izražavanje tih osjećaja vikanjem. Samo što terminološka razlika između izraza civilnoga i kaznenog prava u mađarskom: *felperes – vádló, alpers – vádlott* ne dolazi tako striktno do izražaja. Primjećujem, međutim, da se mađarski glagol (slavenskoga porijekla) *panaszol* dolazi u pravnom značenju već od sredine 15. stoljeća (TESz). Mađarski izrazi *panaszt tesz, panaszt emel, bepanaszol, panaszos* svakako pokazuju istu pogled na svijet kao njemački i hrvatski izrazi emocionalne pozadine.

Drugi je za nas osobito zanimljiv izraz u Pergošićevu prijevodu: *zlameno ruho* koji predstavlja prijevod mađarskoga termina *jegyruha*. U originalnom djelu, u Tripartitumu upotrebljava se riječ *dotalitium*. Termin je jasan, ako pogledamo prvi paragraf 93-eg „tituluša“ prvoga dijela:

Zlameno se ruho govori ono kaj se žene za nje devstva uzetje, s nje muža imienia daiu. (Ovoga kratkog objašnjenja ili tumačenja u originalu nema, vidi se, dakle svjestan pristup Pergošića što je naglasio i malo prije spomenuti njemački filolog.) Da se, u stvari, radi o obvezi, dužnosti koja se može ispuniti novcem ili nepokretninama, bit će jasno od 95-og tituluša prvog djela:

Zlamenoga se ruha polovica penezmi polovica gibajućom marhom splaćuje.

Dotalitorium autem sulotio partim pecuniis numeratis, partim vero rebus mobilibus & venalibus...fieri semper solet.

Jegy ruha fél részként megszámlált pénzzel, és fél rész szerint ingó marhával léssen.

U vezi s tim zanimljivim izrazom (mađarskom prevedenicom), govoreći o Pergošićevim mađarizmima, Kadlec primjećuje da „drugi mađarizmi počivaju na tome, što su, istina, upotrebljene reči slovenske, ali one su doslovni prevodi mađarskih izraza. Tako npr. Pergošić objašnjuje latinski izraz *dotalitium* u svom prevodu rečju *zlamena svita*. Obe su reči slovenske, ...ali ipak to nisu originalni izrazi, kojima su Hrvati označavali *dotalitium*, već su reči prevedene s mađarskog iz *jegyruha* (*jegy*=znak, znamenje, 2. verenje; *ruha*=odelo, haljine)...“ Kadlec određuje i značenje mađarskog termina: „Reč *jegyruha* znači, pak, odelo, koje verenik davao svojoj verenici kao znak verjenja“, dodaje, međutim, ono što smo vidjeli iz navedenoga 95-og tituluša, da *zlameno ruho*, po svojem značenju, nije *dotalitium*, to jest određena i garantirana suma za bračne drugarice da bi ona, u slučaju ako ostaje sama, mogla mirno živjeti, već je samo poklon povodom verjenja. Vidimo sad, malo podrobnije značenje i uporabu toga termina.

Latinski je termin morao imati više značenja i upotrebljavao se kao izraz (u najširem smislu shvaćenog) dara (osnovni je glagol: *do, dare*=dati; *doto, dotare*=pokloniti). U rječniku „A magyarországi középkori latinság szótára” ispod natuknice *dotaliticus* nailazimo na značenje koje nas interesirat: *ad dotem cuiusdam feminae pertinens*=hitbér, hitbér címén járó). Tomu se dodaje: *bona cuiusdam feminae, quibus marito mortuo viduitatis tempore úti potest*=zemaljska dobra od muževe imovine vezana za udovstvo supruge. Kao primjer nalazimo kratku rečenicu iz spomenika Váradi regestrum: *Dimina...mortuo marito suo...indulsit omnia dotalitia sua et cuncta, in quibuscumque maritus suus...ei tenebatur* (‘Az úrnőnek... férje halála után... rendelkezésére bocsáttatnak mindazon hit-részek, amelyek férje birtokában tartattak’ ‘Gospođi, nakon smrti supruga stavljaju na raspolaganju sva dotalicija, koja su bila u posjedu muža’)

Riječ *dotalitum* u njemačkom od XV. stoljeća značila pored „Brautgabe“ (‘poklon za vjerenicu’) i ‘auf Lebenszeit ausbedungenes Einkommen’ (‘teljes élettartamra kikötött járandóság; doživotni prihod’), i „Witwengehalt” (‘alimentacija za udovice’).

To drugo tumačenje predstavlja, zapravo, pučku etimologiju. Potječe od srednjovisokonjemačkog *wideme* ‘Brautgabe; poklon za vjerenicu’, kasnije ‘Dotierung einer Kirche mit Grundstücken; dar kojoj crkvi u pokretini’. Riječ *Widem* u spomenutom značenju dalje živi, ali je pod utjecajem brojnih imenica na -tum počela je vezivati uz *Witwe* (DudEt), tako je nastalo značenje ‘doživotni prihod za udovice’.

U kasnijim mađarskim prijevodima dolazi tumačenje *hitbér, hitrész*. Ovo se značenje nalazi u Rječniku srednjovjekovnog latiniteta u Mađarskoj (A magyarországi középkori latinság szótára), ugyanebben a forrásban találunk azonban ‘egyháznak tett adomány’ és ‘a férj vagyonából a feleség özvegységére lekötött javak; hitbér’ jelentést is. (*Domina...mortuo marito suo...indulsit omnia dotalitia sua et cuncta, in quibuscumque maritus suus ...ei tenebatur* (‘Az úrnőnek férje halála után rendelkezésére bocsáttatnak mindazok a hit-részek, amelyek férje birtokában tartattak’; Gospođi, nakon smrti supruga stavljaju na raspolaganje sva dotalicija, koja su bila u posjedu muža). Kod Bartala (*Glossarium madae et infimae latinitatis regni Hungariae* 1901) dolazi značenje ‘jegyruha’: *provisio mulieribus in virorum proprietatibus: hiv feleség jutalma, jegykötés, jegyruha*. Isto tako Bartal kaže: Eme deák szó Dos és innét sarjadzott *Dotalitium* magában ajándékot, vagy jutalmat jelent: és valóban az özvegynek járandó *Dotalitium* nem egyéb magában, mint a hív feleségnek jutalma. Noha pedig ezt némely helyeken móríngnak nevezik, magyar ráhára ütven ama szót: Morgengabe. (Riječ se *móríng* ‘jegyajándék, jegyruha’ dolazi g. 1646 (TESz). Prema Povijesno-etimologijskom rječniku mađarskoga jezika potječe od *Morgengabe* ‘jutarnji poklon muža supruzi ujutro nakon svadbene noći’)

Vidimo, dakle, da u tumačenjima latinske riječi *dotalitium* ima osnovnih podudaranja među srednjoeuropskim jezicima. Te sličnosti zaslužile bi podrobija istraživanja, ali je to pripada više etnolozima i etnografima.

Jedno izgleda sigurnim: *dotalitium* (kako na ukazuje i vrlo širok semantički krug glagola *dare*), mogao značiti tek *poklon*, *dar*. Valjda je taj, inače, obavezan poklon u početku je imao formu neke haljine i tijekom vremena pojam davanja postepeno je širio.

Za svaki slučaj, odnos između *jegyruha* i *zlameno ruho* je jasan. U Pergošićevu prijevodu ima još zanimljivih i poučnih slučajeva međujezičnih utjecaja koji bi isto zaslužili podrobnije istraživanje, prije svega, u tekstovima.

Literatura

- Bartal 1901 – Glossarium mediae et infimae latinitatis Regni Hungariae...condidit Antonius Bartal
- DudEt – Duden Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeitet von Günther Drosdowski, Paul Grebe und weiteren Mitarbeitern der Dudenredaktion. Bibliographisches Institut. Mannheim 1963
- Fancev 1910 – Fancev, Franjo: Beiträge zur historischen serbokroatischen Dialektologie. ArSIPh 31:367-375.
- Fancev 1912 – Fancev, Franjo: Beiträge zur historischen serbokroatischen Dialektologie (Schluß). ArSIPh 33:20-34.
- Hadrovics L. 1985 – Hadrovics László: Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Akadémiai Kiadó Budapest
- Jäger, G 1990 – Jäger, Gerhard: Einführung in die klassische Philologie. Verlag C.H. Beck München
- Kadlec 1909 – Štefana Verbecija Tripartitum. Slovenski prevod Ivana Pergošića iz godine 1574. Izdao D-r Karlo Kadlec. S Objašnjenjem Pergošićeva jezika od D-ra Đ. Polívke. Srpska Kraljevska Akademija. U Beogradu
- Wilamowitz-Moellendorf 1959 - U[rich] von Wilamowitz-Moellendorf: Geschichte der Philologie. Nachdruck der 3. Auflage (1927). B.G. Teubner Verlagsgesellschaft. Leipzig
- Willoweit 2006- Willoweit, Dietmar: Das europäische ius commune als Element kultureller Einheit in Ostmitteleuropa. (in: Wanderungen und Kulturaustausch im östlichen Mitteleuropa. Forschungen zum ausgehenden Mittelalter und zur jüngeren Neuzeit. Herausgegeben von Hans-Werner Rautenberg. Oldenburg

Patócs-Fehérvári Petra

A BOLGÁR СИИ ÉS ГОЛЪБ 'KÉK' SZAVAK EREDETE A SZLÁV NYELVEKBEN ÉS A MAGYARBAN

Abstract: Ancestry and meaning of word colour „blue” - *син* and *голъб* in Slavic languages and in Hungarian

There are countless discourses about the ancestry of word colour blue *син* and *голъб* and we find statements in dictionaries as well. Famous research workers worked on this topic: Lorand Benko, Trubachev, Georgiev, Maks Fasmer, Alemko Gluhak etc.

In our article the aim is to work off semantic and etymology of word colour *голъб* and *син* „blue” at the same time displaying neologies in Hungarian and Bulgarian languages. In our article the aim is to work off semantic and etymology of word colour - blue at the same time displaying neologies in Hungarian and Bulgarian languages.

According to our hypothesis we would expect that word: colour blue bg. „*син*” comes from the time when cyanide was a good on markets. It is known that cyanide is a poison, it has blue colour and we think that this material gave the name of the word *blue*.

Keywords: blue, cyanide, poison, colour of the material, *gol□вьъ, голубой

A mentális valóság nyelvben rögzült képe jellemzi az adott kultúrközösség gondolkodásmódját és értékítéletét. Az objektív valóságról alkotott fogalmaink ezért nyelvközösségenként, sőt egyénekenként is eltérhetnek egymástól, attól függően, hogy a szóban forgó etnikumnak vagy az egyénnek milyen jellegű tapasztalatai vannak a külvilágról. „*A természetes nyelvben a valóságnak emberi interpretációja, értelmezése tükröződik.*” - fogalmaz Bańcerowski Janusz (MNy. 124:3) „*A szavakban megtestesített kategóriák képezik az etnikai nyelvre specifikus világ nyelvi képét, amely különbözik más etnikai nyelvektől, és amely az objektív valóságnak az idealizált és az alanyi jelleget öltő modelljét képviseli.*” (Bańcerowski 2008:129) A nyelvi világkép feltérképezését több kutatási módszer segíti, például egy szó etimológiai vizsgálata is lehetővé teszi az adott nyelvközösség gondolkodásmódjának megértését, mert a szó eredete rámutat a vizsgált fogalom vagy tárgy azon vonásaira, amelyeket a legfontosabbnak tartottak a nyelvhasználók.

Jelen munkánkban a *kék* színt jelző szóval alkotott kifejezések segítségével vizsgáljuk a magyar és a bolgár nyelvközösség gondolkodásmódját, magatartási mintáit és a világhoz fűződő viszonyát. A magyar és a bolgár világszemlélet eltéréseit egyebek mellett az is jelzi, hogy a *kék* szín kifejezésére a bolgár nyelv többféle szót használ. *Kék* színt jelent a *син* lexéma, a jellemzően a különböző dialektusokban használt *модър* 'sötétkék', 'lila' lexéma, a *плав* kifejezés, amellyel szintén ritkábban találkozni, valamint a *голубой* szó is. (БТР, Gluhak, ЭССЯ) Jelen ta-

nulmányban kísérletet teszünk arra, hogy a bolgár *син* és a szláv *голуб* színnevek, valamint a magyar *kék* lexéma szófejtésével megállapítsuk a bolgár és a magyar nyelvi világgép sajátos vonásait.

Az etimológiai vizsgálatot követően a kérdéses színjelöléseket tartalmazó metonimikus szókapcsolatokon keresztül értelmezzük a bolgár és a magyar kultúrközösség nyelvi világgépét.

A bolgár *син* 'kék' színt jelölő szó eredetének vizsgálata

Kezdjük az elemzést Vasmer etimológiai szótárának definíciója alapján. Vasmer a bolgár *син* 'kék' színt jelölő szó eredetét vizsgálva megállapította, hogy a kifejezés rokon eredetű az óindoeurópai *ṣyāmas-* szal, amely lexéma jelentése 'fekete', 'sötét' és a litván *šēmas* –szal (megfelelő karakter hiánya), amelynek 'hamuszín' a jelentése. (Vasmer 1987:624) A szóban forgó színjelölés így elvont fogalmi síkon a 'sötét', 'zavaros', 'átláthatatlan' fogalmak nyelvi megjelenítését teszi lehetővé. Feltehető a szláv *kék* színnév és a *син* 'szürke' rokonsága is, azonban magyarázatra szorul az *h* hang *θ* hanggá alakulásának folyamata. (Machek 1968:543)

Georgiev szerint a bolgár *син* színnév az ószláv **sinъjъ* –ből ered, amely rokon eredetű a litván 'hamukék', 'szürkés-kék' jelentésű *šēmas* lexémával. Szintén közel áll az óindoeurópai *śyāma-*hoz 'sötét', 'sötétkék' jelentésben és e szó származékaiként a *śyāva*, 'sötétbarna', 'barna' értelmezéseként, valamint ugyancsak rokon az avesztai *sāma* 'fekete' jelentésű kifejezéssel. Georgiev állítása szerint az indoeurópai **kī-* < **kei-* szótövből képzett névszóról van szó, amely a kentum-szatem nyelvek szétválása előtt az *s* hang *k* hanggal való kapcsolódására utal. A bolgár nyelvjárásokban (Szmlóján környékén) a *син* kifejezés az ember arcszínére, testszínére utal, ugyancsak használják a *сини* lexémát 'piros paradicsom' jelentésben és megtalálható a *синюйка* 'vadszilva' értelmezéseként is. Szintén a *kék* színt jelölő szót tartalmazó kifejezések a következő példák: *синь бѣкъль* 'réti virág'; *син гарван* 'holló'; *син домат* 'padlizsán', *син камен* 'rézszulfát'; stb. (БТР 2002:655).

Az elemzést Brückner etimológiai szótára alapján folytatjuk: a bolgár *син* színnév rokon szava lehet a lengyel *sin* lexéma, amely az indoeurópai *czchājā* –ből ered. Ezt a szót eredetileg a cián (görög kyanos) elnevezésére is használták. A szótó a *skāi*, – *ski*- lehetett. (Brückner 1970:491)

Ha feltételezzük, hogy a bolgár *син* szó az indoeurópai *skāi*,- *ski*- tövből származik, akkor felmerül a lehetősége a szó eleji *s* hang kiesésének, maradt a *kāi*,- *ki*- alak, majd *k* → *h* hangváltozás ment végbe, ezután a *h* hang az előtte álló palatális magánhangzó hatására *s* mássalhangzóvá változott, végül a szótagzáró *n* hang betoldásával alakulhatott ki a mai szláv szóalak. A kék cián veszélyes mérge, a hidrogén-cianid színtelen gáz és egyéb mellett *kéksav* néven is szerepel.

Köztudott, hogy a cián gyorsan ható mérge, valamint a történelemből ismert tények igazolják, hogy több uralkodót is ciánnal gyilkoltak meg. Feltesszük, hogy a cián-

nal már a korai évszázadokban is kereskedtek, ezért feltételezhető, hogy az emberiség hosszú ideje ismeri ezt a vegyületet. Az anyag neve és külseje: a kék színe adhatta a mai bolgár *син* szó alakját. Feltesszük, hogy a szó etimológiai vizsgálata rávilágít a bolgár nyelvi világrépre, mert a szó eredete tükrözi a bolgár nyelvi közösség anyagi és szellemi tapasztalatát, magatartási mintáit.

A bolgár *голуб* és a magyar *kék* színt jelölő szavak eredetének vizsgálata

A szláv nyelvi közösség gondolkodásmódjának megértéséhez közelebb visz a következő színnév, a *голуб* 'kék' színt jelölő szó eredetének vizsgálata is. Kezdjük az elemzést Trubacsov ismert etimológiai szótárának meghatározása alapján. Trubacsov szerint a galamb színéből eredeztethető a szláv *голуб* 'kék' színnév. Az ószláv **goloǫby* mai szlovén megfelelője a *golōbji*, a cseh *holubí* vagy a lengyel *gołębi*. A szótó az ósszláv **golōǫbъ*, ehhez járul a *-by* szuffixum. Az eredetet illetően Machek osztja Trubacsov véleményét. (Trubacsov 1979:218) (Machek 1968: 175)

Vasmer szerint az óorosz *golimban* a lengyel *gołębi* 'sötétkék' jelentésű szóból ered. (Vasmer 1986: 432) A *kék* színnév az ószlávban *голубинъ* alakban fordult elő, eszerint az ószláv idején, a 10-12. században már a 'galamb' madárfaj adta a *kék* színnév alapját. (Ceytlin 1994:173) Szintén érdekes szemantikai párhuzamra hívja fel a figyelmet Vasmer az oszétben található *æxsīnæg* esetében: a szó 'kék vad' jelentésben szerepel, az *æxsīn* szó pedig 'sötétszürke' színnevet jelöl, vagyis az ebből képzett *æxsīnæg* állatnév feltehetően az oszétok által lakott területen élő sötétszürke szőrszínű vadállatról kapta alakját. (Vasmer 1986: 433)

Eddigi megfigyeléseink alapján állítjuk, hogy a bolgár és a magyar *kék* színjelölés eredete a két kultúrközösség nyelvi világrépének eltérését is mutatja. „A nyelvek közötti kölcsönhatás tehát számos esetben a világrép átvételét, az átadó nyelvben rögződött világrép elfogadását és adaptálását is jelenti.” (Nyomárkay 130:4) A szóban forgó két nyelvi közösség eltérő gondolkodásmódjára utal a vizsgált színt jelentő szó értelmezésére: a bolgár nyelv az állatvilágból származó hasonlatosságot veszi alapul, míg a magyar nyelvi közösség a növényvilágból emel ki példát és a kökény színéhez hasonlítja a szóban forgó színjelölést. Ezt jelzi a TESz magyar *kék* színnév eredetéről szóló megállapítása: a szóban forgó lexéma ótörök eredetű, fellelhető az altáji *kök*, az oszmán *gök* 'égszínkék', 'szürkés-kék', 'világosszürke' jelentésű szavakban is. A szó továbbképzett formáiból keletkezett a magyar kökény és kököröcsin szavunk. Feltételezhető, hogy az átvett török szóalak **köik* (<**kök*) lehetett, amely a magyarban *këik* alakká formálódott és monoftongizálódás hatására létrejött a *kík*, ill. a *kék* szóalak. (TESz 1970:426)

A szótári definíciók alapján a nyelvi világrépre vonatkozó a következtetéseiteink szerint a magyar és a bolgár kultúrközösség a valóság más-más elemét ragadja meg a vizsgált fogalom kifejezésére.

További kutatási módszerek

A nyelvi világkép ábrázolását az etimológiai szótári adatok mellett, az értelmező kéziszótárak, elektronikus adatbázisok és az élő nyelvi környezetben fellelhető metaforikus kifejezések, közmondások, szólások is lehetővé teszik. Kutatásunk módszere a továbbiakban is a kontrasztív elemzés lesz: törekszünk arra, hogy megörökítsük a két nyelvi világkép közötti hasonlóságokat és eltéréseket. A tanulmány nagy mértékben a metaforikus kifejezésekre épül. A szóban forgó két nyelvi közösség színjelöléseket tartalmazó metaforikus kifejezéseinek összegyűjtéséhez, felméréséhez a már említett korpusznyelvészeti adatokon túl felhasználtuk egyebek mellett a TESz., az ÉKSz., a Български Тълковен Речник (Bolgár értelmező kéziszótár), és egyéb szótárak közléseit is.

A *kék* lexémát tartalmazó metaforikus szókapcsolatok elemzése

A metafora két különböző kategóriájú fogalom jelentésének közös jegye, részleges azonosság, „*a kontrasztban fellelt hasonlóság alapján jön létre... amely újszerű meglátásokhoz vezet.*” (Szikszainé Nagy 2007:427) A fogalmi metaforákkal kapcsolatban Kövecses Zoltán kijelenti, hogy azok általában egy absztrakt fogalmat ábrázolnak egy konkrét fogalom segítségével. Például az érvelés elvontabb fogalom, mint a háború, vagy vita. (Kövecses 2005:21)

A vizsgálatunk tárgyát képező *kék* lexémát tartalmazó szókapcsolatok az érzelmek kifejezésére alkalmas nyelvi eszközként rögzülnek tudatunkban. Köztudott, hogy a színek erős expresszív hatást gyakorolnak az emberre, ami a nyelvhasználatban is tükröződik. Számos kutatás bizonyítja, hogy kifejezőképességünk asszociációkon alapul: a *fehér* a tisztaság gondolatát idézi, a *zöld* a természet frissességét kelti bennünk, a *kék* pedig hűsítő hatású. Ezeket az asszociatív folyamatokat a nyelv rögzíti. Világunk számára tehát a szín élmény és a tárgyi valóság jelenségeinek, élményeinek felfogásának módja többnyire a metaforikus kifejezésekben nyilvánul meg.

A *kék* az alapszínek egyike, széles körben ismert, népi motívumok elemeként is használt szín, ennek köszönhetően számos magyar kifejezés része. A fenti elméletek fényében nézzük meg, hogy miképp tükrözik a magyar nyelvi világképet a *kék* színnevet tartalmazó metaforikus kifejezések. Az elemzésben felhasználtuk a Magyar nemzeti szövegtár, az ide vonatkozó lexikonok és szótárak közléseit, az állandósult szókapcsolatokat, köznyelvi kifejezéseket, frazeologizmusokat.

Gyakori, hogy a színekkel kapcsolatban a hőérzetek jelölését alkalmazzuk, amikor egy szín olyan hatással van ránk, mint amilyen a hőinger. Ekkor a fentiekben említett expresszív tulajdonság az egyik leggyakoribb biológiai reakciót, a hőmérséklet emelkedésének, vagy csökkenésének érzését váltja ki, a bőrszín elszíneződését vonja maga után. A színek megjelölésére sokszor használjuk a *meleg-hideg* szavakat, a köznyelv számos esetben említi például, hogy a sárga *meleg* szín, vagy a *fehér rideg* szín, ugyanakkor a művészvilágban is gyakori, hogy egy festmény

elemzésekor a *hideg tónusok* vagy *meleg narancsszín* kifejezéseket említik. A *kék* színnévvel alkotott metaforikus kifejezésekben rögzült nyelvi világkép a kérdéses színjelölés ellentmondásos jellegére utalnak. Gyakori, hogy a magyar nyelv a *kék* színjelöléssel képzett frazeológiai kifejezésekkel tükrözi a *kellemetlen* vagy *éppen a kellemes érzeteket*.

A kék színjelöléssel alkotott kifejezésekben megnyilvánuló emberi negatív érzelmek

Az absztrakt fogalmakat sokszor a tárgyiasító metaforákkal tesszük érthetővé. A tárgyiasító metaforák által, esetünkben az *emberi negatív érzelmek*, sokszor *hideg TÁRGYKÉNT* konceptualizálódnak. Ezt a következő nyelvi példák tükrözik (a nyelvi példák forrását abban az esetben tüntetem fel, ha azok nem a Magyar nemzeti szövegtárból származnak): *Felnéztem az égre. A hideg kék égre; milyen érdekes, a kék hideg szín, és mégis...; nagy és legnagyobb fekete és kék hideg távlatába ez a kezünkhöz illő; róla, mint a "hideg kék acél Kard" –ról; futja, hogy körbenézzem a hideg kék eget; stb.*

A negatív érzelmek LÉGNEMŰ szubsztanciaként való megjelenése az olyan kifejezéseket motiválja, amelyek veszélyt jelentenek az ember számára, vagy néha eltűnik az ember környezetéből, mint például: *a villogó kék fény megrémítette; menekült a kéken villogó fény elől; Kissé megborzongtam; a csillag az augusztusi hideg ég kék paláján felszikrázott - és kifutott; stb.*

Az érzelmek olykor rémületet, aggodást váltanak ki az emberben és ELLENSÉGKÉNT ábrázolódnak: *akkor villogó kék lámpák riasztották meg; bekötőút végén rendőrautó áll, villogó kék lámpával; Fogták egymás kezét, kék fény vetődött riadt arcukra; stb.*

A SZÍN és a HŐMÉRSÉKLET domének szorosan összefüggnek egymással az érzelmek konceptualizációjánál, mivel az érzelmek hőmérsékletváltozást idéznek elő az emberi szervezetben, amely a bőr színének elváltozásával is jár. Erre a következő példák utalnak: *elkékiül a hideg és a rémület miatt; elkékiül a döbbenettől; híres arról, hogy elkékiül az izgalomtól; stb.* A *kék* színnel alkotott metaforikus szerkezeteket gyakran használjuk a *halál* metonimikus kifejezésére is. A halálhoz fűződő emberi érzélem többnyire negatív jellegű és sokszor a *hideg* érzethez fűződik. A következő kifejezések a HŐ doménben lokalizálják a szóban forgó fogalmat: *halál, fekete halál, kék halál és ki tudja még hány; És kötényed árnyéka kék és hideg halál asszonykötényed kék, rácskockás világlomlása alatt!; a végig-nem-mondottság dühe, a halál kék árnyék-kutyája?; stb.*

A szem és a tekintet gyakran fejezik ki az érzelmeket, amely a metaforikus kapcsolatokban is megnyilvánul, ezért a negatív érzelmek tartományába tartozó érzések, mint a *szomorúság, félelem, rettegés* a LÁTÁSSal kapcsolatos kifejezésekben jelenik meg, például: *látta, hogy a tigris hideg kék pillantást vet a macskára; mindent és mindenkit ostorozó hideg kék szemének villanásaiért; a panasza? A*

főorvos hideg kék tekintete. Nem lehetett elkerülni; most sápadt és riadt, vizenyős kék szeme a semmibe mered; stb.

A kék színjelöléssel alkotott kifejezésekben megnyilvánuló emberi pozitív érzelmek

A magyar nyelvi példák azt is mutatják, hogy a *pozitív érzelmek* (béke, öröm, derű, nyugalom) tartományába tartozó emóciók kifejezésére is gyakran használjuk a *kék* színjelöléssel alkotott metaforikus szószerkezeteket. A pozitív érzelmek gyakran derűs évszakként, melegséget sugárzó égitestként értelmeződnek, amely az olyan kifejezéseket motiválja, mint például: *füstje felszáll, tavaszodik, kék az ég, meleg a napsugár; az ég és emberek, meleg és a kék én lelkem; lassan engedték ki pipáikon a kék füstöt - a meleg lehetét; és a híres bakádi meleg fürdő hajladozó, kék köddel lombozta fel őket; virágpíhe-bombák, s szálltak a meleg kék örvényekben a fehér píhe-esernyő virággömb-tollszilánkok; egymásra mosolyog szemünk, kék tóra meleg nap derül; stb.*

A *gondoskodás, öröm, boldogság* tartományába tartozó pozitív érzelmek sokszor a LÁTÁS doménben konceptualizálódnak. Ebben az esetben az emberi testrészek - különösképpen a szemek – fejezik ki az érzelmeket, például: *s egy éccakán keresztül meleg kacsóival s fényös kék szemivel örökké ápolna, tán.; hatalmasat sóhajtott, miközben meleg kék szeme ragyogott; okosan-derűs kék szemének meleg bizalmát, e huncutkodó ragyogást; stb.* A magyar nyelvi közösség a kérdéses színnévvel alkotott metaforikus szerkezetekkel gyakran fejezi ki a *nyugalom* tartományába tartozó pozitív érzelmeket is, mint a *meghittség, megnyugvás, elégedettség*. Ezeket gyakran LÉGNEMŰ szubsztanciaként fogjuk föl, amelyre a következő nyelvi példák utalnak: *a nap fénye után a kék este szétszivarog: mély, sötét-kék; beszélgető asszonyokat, lányokat a kék este homályával körülkendözve, krumpliültetőket; stb.*

Az érzelmek tartományába tartozó fogalmak előhívják a magyar nyelvben az IDŐ kognitív tartományt, domént is. „A kognitív domén tapasztalatfajta, egyszerű, illetve összetett fogalom, az egész tudás összetett rendszere, néha észlelési tapasztalat”. (Bańczerowski 2008:181) Ez az olyan kifejezésekben szerepel, amelyekben kiemelődik a napszakok, évszakok múlásának emberi életben betöltött jelentős szerepe, például: *többfelé távozom egyszerre. Gyermekkorian kék este van. Ülünk apámmal; mely fáradt szemnek zsongó nyugalom. De kék estén dombok, erdők árnyán; Milyen egy ilyen kék kora tavaszi este, itt, ahol élünk; Sikaszói zúmarás levélke. Itt a kék arcú sikaszói téli este megint; Nyári este volt, kék meg zöld, amilyennek megszoktam; vagy fehér, az este, mert kék vagy fekete.; s itt még rózsaszín az este, a kék is rózsaszín az ablakon túl; stb.*

Minden nyelvközösség nyelvi világképében megnyilvánulnak azok a motívumok, jelenségek, amelyeket az adott közösség fontosnak vél. A fentiekben az állandósult szókapcsolatokon keresztül vizsgáltuk a magyar nyelvközösség nyelvében meg-

formálódó kultúrjelenségeket, az alábbi sorokban pedig a bolgár nyelvi világképben tükröződő jelenségek nyelvi ábrázolását vizsgáljuk a korábbiakhoz hasonló módszerrel.

Az általunk elemzett frazeológiai kapcsolatok keretében két fő csoportot különböztettünk meg: (1) az olyan *kék* színnevet tartalmazó frazeológiai kapcsolatokat, amelyek az emberi negatív érzések tartományába tartozó fogalmakat ábrázolják, és (2) az emberi pozitív érzéseket megfogalmazó metaforákat, különböző szentenciákat.

A bolgár син 'kék' színnévvvel alkotott kifejezésekben megnyilvánuló emberi negatív érzelmek

A köznyelvi adatok arra utalnak, hogy a *kék* színnevet változatos módon használja a bolgár nyelvi közösség, például: *синь-зелен* 'ijedtség vagy rémület hatására az arc elszíneződése, elkékülése'; *син-котлен* 'emberi arcszínre használt kifejezés, rémület esetén elváltozik az arc színe'; *посинял от бои, задуха* 'légszomj miatt bekövetkező színváltozás'. (БТР) A fenti példák azt is mutatják, hogy az emberi negatív érzelmek olyan fiziológiai reakciót váltanak ki, amely során az emberi szervezet funkcionálása lelassul, a vérnyomás esik, az ember elsápad, arca elhalványul, *kifut a vér az arcából*, mondanánk a magyarban.

A negatív emberi érzelmek metonimikus meghatározása az ember élettani tüneteivel szorosan összefüggő asszociációkon alapszik. A negatív érzések leggyakoribb élettani tünetei közé tartozik a testhőmérséklet csökkenése, a vérnyomás és az arc színének megváltozása, a látás, érzékelés hiánya, a hideg érzékelése. Például a színjelöléseket minősítő hideg – meleg lexémákat tartalmazó bolgár (továbbiakban bg.) metaforikus kifejezések a következő módon illusztrálják a negatív érzéseket. (A példák a Bolgár nemzeti szövegtárból származnak): *спомнила си прутесняващия му син поглед* 'emlékszem a kellemetlenül hideg kék szemére'; *Ранд срещна хладния син поглед на Лан* 'hűvös kék tekintetével találkozott...'; *Корольов я следваше с ледения си син поглед* 'követte őt jeges kék tekintetével'; *срещна един леденостуден син поглед* 'jéghideg kék tekintettel találkozott'; stb.

A negatív érzések meghatározásakor a bolgár nyelv felhasználja azokat a frazeologizmusokat, amelyek a bőr színének elváltozására vonatkoznak: *обръснато до син блясък лице* 'kékbe hajló halvány arc'. A negatív érzések metonimikus meghatározása a látás, érzékelés hiányával kapcsolatos asszociációkon alapul, például: *избягване на заинтригувания син поглед на Едуард Деланза* 'bújka az áskálódó kék tekintete elől...'; stb.

Az alábbi példák ellenben azt mutatják, hogy a szóban forgó negatív érzéseket TÁRGYként is értelmezi a bolgár nyelvi közösség. Az érzelmek TÁRGYként történő felfogását a konkretizáló metaforákkal biztosítjuk. „A konkretizáló metafora tárgyiasítja az elvont dolgot, tulajdonságot, történést.” (Szikszainé Nagy 2007:430) Az alábbi tárgyiasító metafora tapasztalati alapját a VÍZ jelenti, amely az olyan *kék* színjelölést tartalmazó metaforákban jut kifejezésre, mint például: *из*

синьо небе кървав дъж вали 'a kék égből véres eső hull'; *Океанът се е проснал до безкрая, студен и син* 'az óceán a végtelenségig elterül, hideg és kék'; stb.

A tárgyiasító metafora ellentétje a megszemélyesítés, „*amely élettelen dolog élőlény, illetve növényt, állatot ember tulajdonságával ruház fel.*” (Sziksainé Nagy 2007:431) A perszifikáció olyan kifejezésekben is tükröződik, amelyekben a düh tartományába tartozó érzelmek olyan ELLENSÉGként rögzülnek, aki elől bújkál az ember, aki haragot vált ki, például: *избягване на заинтригувания син поглед на Едуард Деланза* 'bújkál az áskálódó kék tekintete elől...'; *Небето бързо губеше наситения си отровно син цвят* 'elveszítette mérges kék színét'; *отвърна на напрегнатия син поглед* 'viszonozta a feszült kék pillantást'; *спомнила си притесняващия му син поглед* 'emlékszem a kellemetlenül hideg kék szemére'; stb.

Néhány nyelvi példa arra utal, hogy az emberi élet negatív eseményeit a TERMÉSZETI ELEMek tulajdonságai is szemléltetik a bolgár nyelvben. Ezt az alábbi kifejezések illusztrálják: *колко бързо и неочаквано лазурното синьо небе на Живота може да се отрупа с буреносни облаци* 'milyen gyorsan és váratlanul be tud borulni az élet azúri kék ege'...; *Невъзмутимото сухо и синьо небе и необятните жълти пясъци в края на краищата ставаха страшни* 'Rendíthetetlenül száraz és kék ég ...rettenetessé vált'; stb.

A LÁTÁS doménjében a SZEM az ÉRZELMEK TÜKREKÉNT konceptualizálódik, például: *hőmérséklet срещу един леденостуден син поглед* 'jéghideg kék tekintettel találkozott'; *ellenség Ранд срещуна хладния син поглед на Лан* 'hűvös kék tekintetével találkozott...'; *отвърна на напрегнатия син поглед* 'viszonozta a feszült kék pillantást'; stb.

Némely kifejezésekben a szem olyan ELLENSÉGként értelmezhető, amely elől nem lehet elmenekülni: *Корольов я следваше с ледения си син поглед* 'követte őt jeges kék tekintetével'; stb.

Bizonyos kifejezésekben a negatív érzelmek konceptualizációjában a LÁTÁS kapcsolatban áll a HIDEG FEGYVER doménjével, amelyre a következő példák utalnak: *Адам я прониза със смразяващия си син поглед* 'keresztülszúrta a dermesztő kék pillantásával'; *когато срещнаха острия му син поглед* 'amikor találkozott a szúrós kék tekintete'; *спомнила си притесняващия му син поглед* 'emlékszem a kellemetlenül hideg kék szemére'; *хвърляше към нея стъклен син поглед* 'üveges kék pillantást vetett felé'; stb.

Akárcsak a magyarban, a bolgár nyelvben is ellentmondásos a *kék* színjelöléssel alkotott metaforikus kifejezések jelentése. Az emberi negatív érzelmek mellett a pozitív érzelmek ábrázolására is használja a bolgár nyelvi közösség a kérdéses szókapcsolatokat. Az alábbiakban tehát áttekintjük, mely *kék* színjelölést tartalmazó szókapcsolatok fejezik ki a *pozitív érzelmeket* a bolgár nyelvi közösség számára.

A bolgár син 'kék' színnévvel alkotott kifejezésekben megnyilvánuló emberi pozitív érzelmek

Az emberi pozitív értékek, érzelmek tartományába tartozó érzelmek, mint a *boldogság, nyugalom, béke, harmónia, kiegyensúlyozottság* konceptualizációjánál az emberi test (kiváltképp a szem és az arc) TÜKÖRKént értelmeződik. Erre az alábbi példák utalnak: *Очите му все още имаха невинния син цвят на пролетно небе* 'szemei a tavaszi ég ártatlan kék színei voltak'; *детското му лице и невинният син поглед да ви заблудят* 'a gyermeki arca és az ártatlan kék tekintete...'; *С кроткия си син поглед* 'a szelíd kék tekintetével'; *Момиченцето погледна втория си баща с предан син поглед* 'odaadó kék pillantásával'; *подлудявала със замрежения син поглед* 'megőrijtette a fátyolos kék tekintete'; *съзерцавайки го със спокойния си син поглед* 'a nyugodt kék tekintetével elmélkedett róla'; *Има много ясен син поглед* 'tisza kék tekintete van'; *дръзкият му син поглед* 'vakmerő kék pillantás'; *Дориан ми отпрати син поглед* 'kék pillantást vetett felé'; *му отпрати блестящ син поглед* 'ragyogó kék pillantást vetett felé'; stb.

Egyes kifejezések arról tanúskodnak, hogy a szem TARTÁLYként is értelmeződik a szóban forgó kifejezések értelmezésekor, például: *Той вперу прескавия си син поглед в нея* 'elmerült lázas kék tekintetében'; *но и сега ме сгрява онзи дълбок и син поглед* 'megperzselt a mély és kék tekintetével'; stb.

A perszifikáció lehetővé teszi számunkra, hogy megértsük a bennünket körülvevő világot és jelenségeket. Az ÉLŐLÉNY metafora emberi tulajdonságokkal ruházza fel az absztrakt fogalmakat. Ez a jelenség az olyan kifejezésekben szerepel, mint például: *Океанът се е проснал до безкрая, студен и син* 'Az óceán a végtelenségig elterül, hideg és kék'; *а навътре се простираше светъл и син като лятно небе* 'kéken terül el, akár a nyári égbolt'; *Едно кървавочервено листо плавно се залюля под яркото синьо небе* 'lenyugszik a ragyogó kék ég alatt'; stb.

A pozitív értékek gyakran TERMÉSZETI JELENSÉGként értelmeződnek a bolgár nyelvben, amelyre az alábbi nyelvi szekvenciák utalnak: *отпътува под спокойното синьо септемврийско небе* a nyugodt kék ég alatt; *хоризонтът ставаше един равен, син обрамчващ кръг под превалящото слънце* 'a horizont sima lett, kék'; *езерце в наситен син цвят* 'a tó kék színben pompázott'; *Сивосиньото небе постепенно добива звучен син цвят* 'az ég zengő kék színbe hajlott'; *Стените, разбира се! — бяха сини, тапицерията на креслата в моркосиньо и бяло кафе* 'tenger kékben...'; stb.

A mozgás az érzelmek kifejezésének gyakori eszköze nem csak a nyelvben, hanem a fizikai valóságban is, gondoljunk csak bele, jókedvünkben örülünk, ugrálunk, akár a gyerekek. A nyelv tükrözi ezt a fölfelé irányultságot, amely az olyan MOZGÁS doménre épülő metaforikus kifejezésekben nyilvánul meg, mint például: *пред него се открила гледка на синьо небе с бели облаци* 'megjelent előtte a kék ég látványa a fehér ablakkal'; *дигнаха я в синьо небе* 'a kék égbe emelte, égis emelte'; stb.

Láthatjuk, hogy mind a bolgár, mind pedig a magyar nyelvi közösség, a test hőmérsékletének változását köti össze a test színének változásával, vagyis a HŐ és SZÍN doméneket ragadja meg a negatív érzelmek konceptualizációjakor és a bőr színének elváltozásával szemlélteti az érzelmek emberre gyakorolt hatását.

A fenti példák alapján azt a következtetést vonhatjuk le, hogy a szavak eredetének vizsgálata és a metaforikus szerkezetek elemzése alapvető szerepet játszik a nyelvi világkép feltérképezésében. Az elemzések közelebb vittek a bolgár nyelvi közösség gondolkodásmódjának megértéséhez, az *emberi érzelmekről* alkotott értelmezési módjaihoz, amelyeket a kultúrközösség többnyire hideg tárgyként értékel. Továbbá a bolgár *син* és *гольб* 'kék' színt jelölő szavak etimológiai vizsgálata arra hívja fel a figyelmet, hogy a magyarban és a bolgárban eltérő nyelvi világgép rögzült a szóban forgó színjelölések kapcsán.

Irodalom

- Bañcerowski Janusz 2000.: *A szavak kapcsolódási mechanizmusa a világ nyelvi képének tükrében*. Magyar Nyelvőr. (MNY.)
- Bañcerowski Janusz 2008.: *A világ nyelvi képe*. A világkép mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban. Tinta könyvkiadó, Budapest.
- Hadrovics László 1992.: *Magyar történelmi jelentéstan*. Akadémiai kiadó, Budapest.
- Kövecses Zoltán 2005.: *A metafora, Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe*. Typotex, Budapest.
- Nyomárkay István 2006.: *A hazugság fogalmának képe a magyar nyelvben*. Magyar Nyelvőr.
- Szicszainé Nagy Irma 2007.: *Magyar Stilisztika*. Osiris kiadó, Budapest.
- Виктор Моисеенко 2004.: *О некоторых частных явлениях семантики наименования цвета (на материале славянских языков)*.- Проблемы контрастивной лингвистики. *Studia Slavica Savariensia*. 2004/1-2. 185-214.
- Károly Gadányi; Людмила Моисеенко; Виктор Моисеенко 2000.: *Слово и цвет в славянских языках*. Academia Press, Melbourne.

Szótárak:

- A magyar nyelv történelmi-etimológiai szótára* 1976.: (főszerk.: Benkő Loránd) Akadémiai kiadó, Budapest.
- Etymologický slovník jazyka českého* 1968.: (Machek V. ed.) Academia Nakladatelství Československé Akademie, Praha.
- Hrvatski etimološki rječnik* 1993.: (Gluhak, A. ed.) August Cesarec, Zagreb.
- Słownik etymologiczny języka polskiego* 1970.: (Brückner A. ed.) Wiedza Powszechna, Warszawa.
- Български етимологичен речник* 1971.: (Георгиев, Вл., Гълъбов, Ив., Заимов, Й., Илчев, Ст. ed.) т. I. Академично издателство „проф. Марин Дринов”, София.
- Български тълковен речник* 1999.: (Дуриданов И ed.) т. V. Академично издателство „проф. Марин Дринов”, София.

- Български тълковен речник* 2002.: (Анастасов В, Дейкова Х, Димитрова-Тодорова Л, Дукова У, Михайлова Д, Начева М, Рачева М, Риков Г, Селимски Л, Тодоров Т ed.) т. VI. Академично издателство „проф. Марин Дринов“, София.
- Этимологический словарь русского языка* 1986.: (Фасмер, М. ed.) Прогресс, Москва.
- Этимологический словарь славянских языков* 1993.: (Трубачёв, О.Н. ed.), Вып. I-VI. Издательство наука, Москва. – (a sorozat kiadása folyamatban)
- Старославянский словарь* 1994.: (Цейтлин Р.М. ed.) Русский язык, Москва.

Иштван Пожган

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО
В БУДАПЕШТСКОМ ЕВАНГЕЛИИ

Abstract: The aim of this work is to examine the use of the syntactical constructions “dative absolute” (dativus absolutus) in the manuscript “Budapest Gospel” which was copied from Old Slavic manuscript in Middle Bulgarian language area in the 13–14th centuries. I was mainly researching what kind of subordinate clauses were shorted by the syntactical constructions “dative absolute”. Besides I was examining how these syntactical constructions were built in the examined manuscript.

Keywords: Middle Bulgarian, Old Slavic languages, historical syntax, dative absolute (dativus absolutus), manuscript

1. Введение

Будапештское евангелие (Kod. Man. Slav. № 7 Quarto) является среднеболгарским памятником XIII–XIV в. Оно представляет собой четвероевангелие. Находящаяся в хорошем состоянии рукопись состоит из 146 пергаментных листов, размер которых: 22,4 x 18 см. Она хранится в Будапеште, в Национальной библиотеке им. Иштвана Сечени. Памятник большей частью написан одним переписчиком. Рукопись была издана в Сегеде, в редакции Йордана Заимова, Имре Х. Тота и Габора Л. Балажа (Заимов – Х. Тот – Балаж 2003).

В употреблении причастий различаются две большие области: 1) Если конструкцию с причастием можно превратить в придаточное предложение таким образом, что подлежащее выраженного в сказуемом придаточного предложения действия или происшествия или же существования совпадает с подлежащим главного предложения, или встречается в главном предложении, и значение конструкции зависит от главных членов предложения, тогда эта конструкция называется причастием релятивным (*participium coniunctum* или *relativum*). 2) Если же причастный оборот можем превратить в придаточное предложение таким образом, что его подлежащее не совпадает с подлежащим главного предложения, или не наблюдается в главном предложении, и значение оборота не зависит от главных членов предложения, то эта синтаксическая конструкция называется причастием самостоятельным/абсолютным (*participium absolutum*). Это причастие абсолютное в зависимости от падежа причастия и стоящего вместе с ним существительного или местоимения в разных индоевропейских языках называется по-разному: в латинском отложительным самостоятельным (ablativus absolutus), в древнегреческом родительным самостоятельным (genitivus absolutus), в древнеиндийском местным

самостоятельным (*locativus absolutus*), а в готском, древнеболгарском и древнерусском языках дательным самостоятельным (*dativus absolutus*). В. П. Воробьев предполагает, что причастие абсолютное являлось способом выражения сложной мысли, и оно древнее придаточных предложений (*Györfi Beáta* 2007, 46).

Тут следует отметить, что в славянском дательном самостоятельном логический субъект причастия – в отличие напр. от древнегреческого и латинского языков – не всегда отличается от подлежащего главного предложения (*Vondrák* 1912, 608; *Lunt* 1959, 131).

О происхождении славянского дательного самостоятельного мнения расходятся. Ф. Миклошич и В. Вондрак придерживаются мнения о славянском происхождении этой конструкции, пока А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев и Б. Делбрюк считают дательный самостоятельный синтаксической калькой греческого родительного самостоятельного (*genitivus absolutus*) (Соколова 1962, 257). Употребление дательного самостоятельного характерно в первую очередь для древнеболгарского и древнерусского языков (и конечно для церковнославянского языка разного типа), но изредка встречается и в древнечешских памятниках (*Hogálek* 1967, 242–243). Что касается исконности дательного самостоятельного в древнерусском языке, большинство русских лингвистов придерживается точки зрения, по которой дательный самостоятельный заимствован из древнеболгарского языка, так как, по их мнению, эта синтаксическая конструкция считается книжной, и она характерна прежде всего для повествовательных жанров (Соколова 1962, 257, Черных 1954, 292). В грамотах дательный самостоятельный не употребляется (Борковский 1949, 361).

Однако, имеются и исследователи, считающие, что дательный самостоятельный является общим славянским свойством, и таким образом он может рассматриваться как оригинальная конструкция и в древнерусском языке. При этом направлении следует отметить в первую очередь исследования Л. В. Перегонцевой-Граве, доказавшей, что дательный самостоятельный в древнерусском языке развивался иначе, чем в древнеболгарском языке. На это указывает в том числе и тот факт, что в древнеболгарских рукописях дательный самостоятельный употребляется так, что его логическое "подлежащее" в подавляющем большинстве случаев в главном предложении не встречается, но в древнерусских памятниках, исследованных Л. В. Перегонцевой-Граве, пропорция дательных самостоятельных, "подлежащее" которых совпадает с подлежащим главного предложения, выше, чем в древнеболгарских текстах, эта пропорция достигает 20% (Соколова 1962, 257).

Целью настоящей работы является изучение употребления характерной для книжного языка синтаксической конструкции дательного самостоятельного (*dativus absolutus*) в Будапештском евангелии. Этот синтаксический

оборот служит для сокращения придаточных предложений. Как уже мы упомянули, эта конструкция состоит, с одной стороны, из существительного или местоимения, стоящих в дательном падеже, или же из наречия, а с другой стороны, из причастия, относящегося к ним и стоящего тоже в дательном падеже. Мы ставим себе целью показать круг употребления дательного самостоятельного и его разные возможные построения. Употребление и построение дательного самостоятельного будут сопоставлены с другими памятниками древнеболгарского, среднеболгарского и древнерусского языков.

В Будапештском евангелии дательный самостоятельный часто употребляется с целью сокращения придаточных предложений (особенно времени и причины). Он редко применен и для сокращения членов (предложений-компонентов) сложносочиненных предложений и самостоятельных предложений. Одной из наших целей является группирование дательных самостоятельных соответственно тому, какие придаточные предложения или члены сложносочиненных предложений, или самостоятельные предложения они сокращают. Другая наша цель – отделение дательных самостоятельных, "подлежащее" которых совпадает с подлежащим главного предложения, от тех дательных самостоятельных, "субъект" которых отличается от подлежащего главного предложения. Эта последняя цель мотивирована с одной стороны исследованиями Л. В. Перегонцевой-Граве, а с другой стороны и тем, что славянский дательный самостоятельный именно в этом отношении отличается от греческого родительного самостоятельного и от латинского отложительного самостоятельного, в которых "подлежащее" конструкции всегда расходится с подлежащим главного предложения (Maywald – Vayer – Mészáros 1981, 200–201).

Кроме того, считаем важным отделить и те дательные самостоятельные, "подлежащее" которых хотя встречается и в главном предложении, но не в качестве подлежащего, а как другой член предложения. Это явление напр. для греческого родительного самостоятельного не характерно. Еще мы желаем исследовать и согласование компонентов (причастия и имени существительного или местоимения) дательных самостоятельных, а также неполные (эллиптические) дательные самостоятельные, в которых отсутствует логический субъект изучаемого синтаксического оборота, т. е. стоящее в дательном падеже существительное или местоимение. Те случаи, когда причастие сочетается с наречием, не будут причислены к эллиптическим конструкциям, хотя они могут быть преобразованы в безличные (придаточные) предложения. Неполные конструкции будут обозначены подчеркиванием. При анализе мы не будем учитывать дательные самостоятельные, находящиеся в названиях евангельских чтений, так как, с одной стороны, они написаны изолированно от остальной части предложения, в качестве заглавия, с другой стороны, они

всегда обнаруживаются – иногда с незначительным изменением – и в полном контексте той части текста, к которой относится "заглавие".

Редкие случаи употребления членного причастия в дательном самостоятельном будут отмечены нами, но не будут отдельно указаны в силу их небольшого количества, и потому, что тут уже не может идти речь о категории определенности–неопределенности. В случае длинных или сложных предложений, состоящих из нескольких предложений-компонентов, ненужные части не будут указаны. Но где ради полного понимания предложения нужен и контекст, там будет указано предыдущее или последующее предложение. К таким долгим цитатам мы будем прибегать напр. в том случае, когда трудно решить, какое придаточное предложение сокращено дательным самостоятельным.

2. "Субъект" дательного самостоятельного отличается от подлежащего главного предложения

2.1. Дательный самостоятельный сокращает придаточное предложение времени

2.1.1. В случае причастия настоящего вр. действительного залога

i by# emu v'zlexAqu v' domu . i se m' | noli gr\wnici i m'btarie . priwed'we | v'zlexahD s' 6s#om' . i s' 8;enik'6 ego: 4б, "субъект" дательного сам. встречается и в главном предложении, в функции сопутствующего субъекта. sice g\LD|qu emu . i se knAz' eter' v'wed' . i | klan\we sA emu g\LD: 5a, "субъект" дательного сам. встречается и в главном предложении, в функции косвенного дополнения. pr\hodAqu 6\Bovi M tDd\ . po nem' ido| sta dva sl\p'ca zovDqa i g\LDqa: 5б, в главном предложении наблюдается и "подлежащее" дательного сам. в функции косвенного дополнения. t\ma xe ishodAqema . se privedowA k nemu ;l\jka n\m' i b\sen': 5б. t\|ma xe MhodAqema . na;At' 6\B' g\lati ...: 9a. i ege xe emu g\LD|qu k' narodu . se m\Ti i brati/ ego | sto/hD v'n\ . iqDqe g\lati emu: 13a, "субъект" дательного сам. обнаруживается и в главном предложении в функции определения-обладателя как притяжательное местоимение. i s\Dqu emu | `va ubo padowA pri pDti ...: 13б. spAqu | xe ;l\jku priide vrag' ego ...: 14б-15a, "субъект" дательного сам. встречается и в главном предложении в функции определения-обладателя. 6 ege xe emu g\LA|qu . se `blak' sv\tel' `sia D ...: 23б. xivDqim xe im' v' | galilei

r#e im' Ъs: 24a, в главном предложении встречается и "подлежащее" дательного сам. в функции косвенного дополнения, и причастие является членным со стяженным окончанием. s\ddqu xe emu na gor\ elen'st\i . | pripadowD emu 8;enici ego edino|mu g\ddqe: 33б, в главном предложении зарегистрирован и "субъект" дательного сам. в функции косвенного дополнения и определения-обладателя. idDqilim xe im' kupiti . pride xenih' ...: 36a. /ddqim' im' r#e: 38a, причастие является членным. На этом же евангельском месте (Матфей XXVI. 21) в древнеболгарском Зографском евангелии (XI в.) стоит нечленное причастие: \dd|wtem= (Jagić 1879, 39). /ddqim xe im' priem' 5Ѓ hl\b' bl#vi|v' pr\lomi: 38б, причастие является членным. i ege g\ddqu emu . se 6[|da M obo[na desAte priide ...: 39б. idDqima xe ima . i se e|ter'5 M kustodiD priwe^dwe v' gra|d' v'zv\stiwA arhiere`m' v's\ b'5|vwaa: 43a, причастие является членным со стяженным окончанием. r'c\te /ko 8;enic6 | ego priwe^dwe noqiD i ukradowD 6 | i nam' spAqim': 43a. i uhasowA sA vsi /ko istAzati | sA v' seb\ . g\ddqim' kto ubo s' . i ;to u|enie novo se]#: 44б, дательный сам. является неполным, а причастие членным со стяженным окончанием. Конструкция может восприниматься, как и сокращение придаточного предложения образа действия. Отмечаем, что в этом же месте (Марк I. 27.) не употребляется дательный сам. в Зографском евангелии (XI в.): ... \ko 5 s=tAzaahD | k= seb\ g\ddfwte (Jagić 1879, 48), а также в среднеболгарском Банишском евангелии (XIII в.): ... i stAzawD sA k' seb\ glqe (Дограмаджиева – Райков 1981, 197), и причастие в обоих кодексах стоит им. п. мн. ч. мужского рода. i vhadAqu emu v' ladicD mol\we | i b\siv'5i sA da bi s n5m' bil': 48б, "субъект" дательного сам. встречается и в главном предложении в функции прямого дополнения. i ege emu g\ddqu | pridowA M arhisinagoga g\ddqe: 49б. s'hodAqim xe im' s' gor'5 . | zapr\ti im' da nikomuxe pov\ddt' | /xe vid\wD: 56б, "субъект" дательного сам. обнаруживается и в главном предложении в функции косвенного дополнения. Причастие является членным со стяженной флексией. На этом же месте (Марк IX. 9) в древнеболгарском Зографском евангелии (XI в.) стоит нечленное причастие: s=hodAwtem= xe 5m= s= gory ... (Jagić 1879, 62), также в среднеболгарском Добромировом евангелии (XII в.): s'hodAqem' | xe im' s' gor'5 ... (Велчева 1975, 469), но в Банишском евангелии (XIII в.) уже обнаружена членная форма: s'hodAqim' | xe im' s' gog'5 (sic!) (Дограмаджиева – Райков 1981,

229): Кроме того, мы нашли примеры и в следующих листах: 58б, 60б, 62а, 65а 2х, 66а 2х, 67а 2х, 68а, 69б, 72б, 76а, 78а, 78б 3х, 79б 3х, 82б 2х, 89б, 91а, 92а, 92б, 94б-95а, 95а, 96а, 97б, 103а 2х, 106б, 107б, 108а 2х, 108б, 109б, 110а, 111а 2х, 113б, 114а, 114б, 117б, 118а, 119а 2х, 145б, 146б. В этом подразделе подсчитано всего 68 примеров.

2.1.2. В случае причастия прошедшего вр. действительного залога

s'wed'wu xe e|mu s' gor'6 . v' sl\d' ego idowa narodi | mnoli: 2а, в главном предложении зарегистрирован и "субъект" дательного сам. в функции определения-обладателя. pozd\ xe b'6v'|wu privedowa b\sn'6 mnog'6...: 2б. priwed'wu emu na `n' pol' v' stra|nD ger'gesin'skD . sr\tosta i dva b\|snuDqa sA ...: 3б, в главном предложении наблюдается и "субъект" дательного сам. в функции прямого дополнения. priwe^dwu xe | v' dom' . pristDpista k' nemu sl\p|ca: 5б, неуказанный "субъект" дательного сам. встречается и в главном предложении в функции косвенного дополнения. slñcu xe v'si/vwu . i abie prisv\|nDwD . i zane ne im\ahD koreni/ | is'hndwA: 13б. dñi xe b'6vwu ro|x^d'stva irodova . plAsa d'qi irod'|\dina po sr^d\ i ugodi irodovi: 17а. ve;eru xe b'6vwu e|din' b\awe tu: 18а. ve;eru b'6|vwu gñlete . tiwina ;r'mno bo | nebo ...: 20б. i priwe^dwu e|mu v' kapernaum' . pristDpi|wA k' petru v'zemdQei didragmD ...: 24б. i na;An'wu xe emu s'v'prawati sA . privedowa emu edin' dl'xnik' t'moD tala|n't': 25а, "субъект" дательного сам. наблюдается и в главном предложении в функции косвенного дополнения. ve;eru xe | b'6vwu . gñla gñ' vinograda k' stroi|tel[svoemu: 27б. 5Ѓu xe b'4vwu v' | vi0anii, v' domu simona proka|xena#go . pristDpi k nemu xena ...: 37б, "субъект" дательного сам. встречается и в главном предложении в функции косвенного дополнения. ve;eru | xe b'5vwu v'zlexe s' `b\ma na desA|te 8;enikoma: 38а. poz^d\ xe b'5vwu pr6|de ;lǃk' bogat' M arima0ea ...: 42а. poz^d\ xe b'5vwi egda zahox^daawe sñnce: 44б, причастие, в отличие от остальных дательных сам. с наречием, является формой женского рода. Sslnñcu xe v'siavwu prisv\|nD . | zane ne im\awe korene us'we: 46а. i gñlaawe im' v' t' dñ' ve;eru | b'5vwu ...: 47б. i iwed'wu emu is korabl\ . sr\te i M | grob' ;lǃk' duhom' ne;istom': 48а, "субъект" дательного сам. наблюдается и в главном

предложении в функции прямого дополнения. *i b'5vwi | sDbot\ . na;At' na s'boriqi u;iti: 50a. i prilu;'wu | sA dñi potr\bnu . egda irod' ro^d'stvu | svoemu . ve;erD tvor\awe ...: 51a. i iwed'wu 5Ѓu is korabl/ poznawA i apl#i: 52a*, в главном предложении наблюдается и "субъект" дательного сам. в функции прямого дополнения. *i v'we|d'wu emu v' dom' . u;enici ego v'|prawahD i edinogo: 57б*, "субъект" дательного сам. встречается и в главном предложении в функции прямого дополнения. Кроме этих примеров наблюдаются еще и другие на следующих листах: 61б, 67а, 71а, 71б, 72а 2х, 78а, 80б, 82б, 87б, 88а, 91а, 95а, 98а, 99б, 106а, 112а, 114а, 117б, 134б 2х, 142б. В этом подразделе насчитывается всего 44 примера.

2.1.3. В случае причастия настоящего вр. страдательного залога

Тут мы не нашли примеров.

2.1.4. В случае причастия прошедшего вр. страдательного залога

i i|z'gnanu b\su progġa n\m'6i: 5б. Вообще в дательных сам. рядом с пассивным причастием написано и активное причастие вспомогательного глагола *byti*, а его пропуск – как и в последнем примере – отражает влияние греческой конструкции родительного самостоятельного (Baleczky – Hollós 1987, 180). *s'branom' xe sDqem' farise`|m' v'prosi D 5Ѓ' gġa: 30б*.

2.2. Дательный самостоятельный сокращает придаточное предложение причины

2.2.1. В случае причастия настоящего вр. действительного залога

i ne imDqu xe emu Mdati . pove|l\ Ǧ' prodati i . i xenD i d\ti ...: 25a, "субъект" дательного сам. наблюдается и в главном предложении в функции прямого дополнения. *mudAqu xe xenihi . v'zr^d\|mawA sA vsA i spaahD: 36a. togda xe mnogu nar'odu sDqu ne imD|qim' ;'so /sti . i prizvav' 5Ѓ' 8;enik'5 | svoD, gġa im': 54a*, в конструкции наличествует 2 причастия, на основании чего можно было бы различить 2 отдельных дательных сам. *pozd\ xe sDqu | ;asu iz'5de v' vi0aniD . s' `b\ma | na desAte u;enikoma: 61б. i ne imD|qima xe `b\ma v'zdati Mda: 89a*, причастие является членным со стяженным окончанием. На этом же месте (Лука Марк VII. 42.) в древнеболгарском Зографском евангелии (XI в.) стоит нечленное причастие: *ne 5mDwtema xe 5ma | v=zdati 5ma*

ot=|da (Jagić 1879, 95), также в среднеболгарском Добромировом евангелии (XII в.): i ne imDqema ma ;eso v'z'|dati. ob\ma ima ostavi (Велчева 1975, 155), но в Банишском евангелии (XIII в.) уже написана членная форма: ne imDqima xe ima v'z^dati | ob\da. Mda^{#s} (Дограмаджиева – Райков 1981, 229). ne uboite sA M ubivaDqih' | t\lo, po tom xe ne imDqim' liha ;to stvo|riti: 98a, дательный сам. является неполным. i razuv' /ko M `blasti irodo|vi est' . posla i k' irodu, sDqu i tomu v' erl#m\ v' dñi t'5: 115a, "субъект" дательного сам. обнаруживается и в главном предложении в функции косвенного дополнения.

2.2.2. В случае причастия прошедшего вр. действительного залога

ve;eru xe b'6|vwu . pristDpl^{we} emu u;enici ego | gDqe: 176, Конструкция может рассматриваться, как и сокращение придаточного предложения времени. i v'wed'wi d'qe | ri eD irod6ad\ plAsavwi i ugoxd'w6 | irodovi . i v'zlexDqi5m' s' nim' . r#e | c#r' dv#i: 516, "субъект" дательного сам. наблюдается и в главном предложении в функции косвенного дополнения. В обороте участвует 3 причастия, на основании чего, можно было бы различить 3 дательных сам.

2.2.3. В случае причастия настоящего вр. страдательного залога

Здесь мы не наблюдали примеров.

2.2.4. В случае причастия прошедшего вр. страдательного залога

ni xel\zno|m' Dxem' niktuxe moxa#we ego svAzat6 . zane mnog' krat'5 i pDt'5 . i Dxi xel\zn5 | svAzanu sDqu . pr\tr'zahD sA `ne|m' Dxa xel\znaa . i pDta s'kruwaa|hD sA ...: 48a, дательный сам. является неполным, но отсутствующий "субъект" встречается в главном предложении в функции прямого дополнения.

2.3. Дательный самостоятельный сокращает придаточное предложение уступки

2.3.1. В случае причастия настоящего вр. действительного залога

Тут мы не встретили примеров.

2.3.2. В случае причастия прошедшего вр. действительного залога

arh'5ereie xe i | starci i s'nem' ves' . iskaahD
l'xa sv\d\|tel\ na 5ba da ubiDt' i . (отсюда начинается новое
предложение) i ne `br\tD . mno|gom' l'xem' sv\d\telem'
pr5stDpl'|wem': 40a-40б. tolika xe znameni/ | stvorwu emu,
pr\d nimi ne v\rova|wD v' n': 134a, "субъект" дательного сам.
обнаруживается и в главном предложении в функции косвенного
дополнения.

2.3.3. В случае причастий страдательного залога

Тут мы не нашли примеров.

2.4. Дательный самостоятельный сокращает придаточное предложение
состояния

2.4.1. В случае причастия настоящего вр. действительного залога

... pristDpi k nemu xena imD|qi alavastr' mira draga
. i v'zli/ na | glavD ego v'zlexDqu: 37б, дательный сам.
является неполным, но отсутствующий "субъект" встречается в главном
предложении в функции определения-обладателя.

2.4.2. В случае причастия прошедшего вр. действительного залога

Тут мы не наблюдали примеров.

2.4.3. В случае причастий страдательного залога

Здесь тоже не найдено примеров.

2.5. Дательный самостоятельный сокращает придаточное предло-
жение условия

2.5.1. В случае причастия настоящего вр. действительного залога

Тут мы не зарегистрировали примеров.

2.5.2. В случае причастия прошедшего вр. действительного залога

po tom xe b'5|vwi pe;ali i goneni[slovese radi . |
abie s'blaxn\Dt sA: 46б.

2.5.3. В случае причастий страдательного залога

Здесь мы не наблюдали примеров.

2.6. Дательный самостоятельный сокращает придаточное предложение следствия

2.6.1. В случае причастия настоящего вр. действительного залога

Тут не зарегистрировано примеров.

2.6.2. В случае причастия прошедшего вр. действительного залога

i s' | brawA sA k' nemu nar'odi mnoli . | /ko v'l\zwu emu v' korabl' s\d\ | ti ...: 136, "субъект" дательного сам. обнаруживается и в главном предложении в функции косвенного дополнения. Дательный сам. редко употреблялся для сокращения придаточного предложения следствия в древнеболгарском языке. На этом же евангельском месте (Матфей XIII. 2.) не использован дательный сам. в древнеболгарском Зографском евангелии (XI в.): 4 s=b=rawA sA k= nel mu narodi mnoli 4 \ko v=|l\z= v= korab' s\de (Jagić 1879, 17) и Мариинском евангелии (XI в.) (An Electronic Text of the Codex Marianus). Однако, в среднеболгарском Банишском евангелии (XIII в.) уже употреблен дательный сам.: i s' brawD sA k' nem8 narodi mnol'5. /ko v'l\z'w8]m8 v' kora|bl' i s\d\ti (Дограмаджиева – Райков 1981, 119).

2.6.3. В случае причастий страдательного залога

Здесь мы не нашли примеров.

3. "Субъект" дательного самостоятельного совпадает с подлежащим главного предложения

В Будапештском евангелии найден лишь 1 пример, в котором "субъект" дательного сам. совпадает с подлежащим главного предложения. Дательный сам. тут сокращает придаточное предложение времени, и в обороте участвует причастие настоящего вр. действительного залога:

i b'5# idDqu| emu v' erl#m', i t' prohox^daawe mex^du | samariD i galileeD: 103a. Имея в виду союз i, предложение можно считать и сложносочиненным.

4. Дательный самостоятельный сокращает член сложносочиненного предложения или самостоятельное предложение

4.1. В случае причастия настоящего вр. действительного залога

i ne hotA|qu ni edin'5 sil'5 stvoriti . t'kmo | na malo nedDxnik'5 v'zloxiti rD|c\ i ic\liti D: 50a-50б.

4.2. В случае причастия прошедшего вр. действительного залога

v'l\z'wu 6sʃvi v' ko|rabl' . i po nem' idowa 8;enici ego: 3a. i priwed'wu 5ʃu v' | dom' . i s'brawD sA pak'5 nar'odi ...: 45a. i pr\havwu | 5ʃu v' korabli pak'6 na `n' pol' . | i s'bra sA narod' mnog' `nem' i | b\ pri mori: 49a.

4.3. В случае причастий страдательного залога

Здесь мы не обнаружили примеров.

5. Мелкие явления

Для неправильного согласования компонентов дательного сам. найден лишь 1 пример: i v' crʃkv'5 sD|qi emu, pridowa k nemu arh5erei . i | starci i knixnici: 62a. Согласование причастия является неправильным в грамматическом роде. Вместо дат. п. ед. ч. мужского рода причастие стоит в дат. п. ед. ч. женского рода. Окончание -i является одновременно и флексией им. п. ед. ч. ж. р., поэтому не исключено, что мы имеем дело с окостеневшим в им. п. ед. ч. ж. р. причастием.

6. Заключение

В Будапештском евангелии употребление дательного сам. наблюдается 134 раза. В 7-и случаях дательный сам. является неполным. В следующей таблице подытожено распределение употребления дательного сам. по критериям, использованным при группировании примеров. В скобках указано, сколько из данных дательных сам. является неполным. В последнем столбике указана пропорция неполных дательных сам.

	Что сокращено дательным самостоятельным?	Действительное причастие		Страдательное причастие		Неполные обороты
		настоящего вр.	прошедшего вр.	настоящего вр.	прошедшего вр.	
"Субъект" дательного самостоятельного отличается от подлежащего главного предложения	Придаточное предложение времени	69 (3)	44 (2)	0	1	4,39%
	Придаточное предложение причины	7	2	0	1 (1)	10%
	Придаточное предложение уступки	0	2	0	0	0%

	Придаточное предложение состояния	1 (1)	0	0	0	100%
	Придаточное предложение условия	0	1	0	0	0%
	Придаточное предложение следствия	0	1	0	0	100%
"Субъект" дательного сам. совпадает с подлежащим главн. предложения	Придаточное предложение времени	1	0	0	0	0%
Дательный самостоятельный сокращает член сложносочиненного предложения или самостоятельное предложение		1	3	0	0	0%

По таблице можно установить, что дательный сам. чаще всего служил для сокращения придаточных предложений времени, всего в 115 примерах, из которых в 5 случаях дательный сам. является неполным, т. е. в этих оборотах отсутствует имя существительное или местоимение, стоящее в дательном падеже.

Можно еще определить, что дательный сам. в Будапештском евангелии в 129 случаях сокращает такое придаточное предложение, подлежащее которого отличается от подлежащего главного предложения, и только в 1 случае сокращает такое придаточное предложение, подлежащее которого совпадает с подлежащим главного предложения. В 4 случаях дательным сам. сокращен член сложносочиненного предложения или сокращено самостоятельное предложение. Из этих данных являются важными особенно первые два (129 и 1) в силу того, что между древнеболгарским – и, как Будапештское евангелие показывает, также церковнославянским среднеболгарской редакции – и древнерусским языками наблюдается существенное различие именно по отношению совпадения "субъекта" изучаемой синтаксической конструкции с подлежащим главного предложения. Как уже было отмечено, Л. В. Перегонцева-Граве в изученных ею древнерусских памятниках установила, что пропорция дательных сам., "субъект" которых совпадает с подлежащим главного предложения, достигает 20%, и эта пропорция превышает пропорцию, полученную в древнеболгарских рукописях (Соколова 1962, 257). В Синайском патерике, списанном на древнерусской языковой территории в XI-XII в., эта же пропорция составляет 26,44%, если иметь в виду только основ-

ной почерк, тогда 25,91% (Иштван Пожгаи 2008, 323). В Будапештском евангелии эта же пропорция является совсем незначительной: 0,75%.

Стоит отметить и тот факт, что при сложноподчиненных предложениях, где "субъект" дательных сам. отличается от подлежащего главного предложения, в 20 примерах логическое "подлежащее" изучаемого синтаксического оборота является каким-то членом главного предложения, прежде всего косвенным или прямым дополнением, реже определением-обладателем. В 2 случаях мы наблюдали такие сложноподчиненные предложения, в которых формально отсутствующий "субъект" дательного сам. наличествовал в главном предложении в качестве какого-то члена предложения.

Мы не нашли такие дательные сам. которые являются сокращениями независимых предложений, и одновременно служат для выделения вводных слов прямой речи (*oratio recta*). Выделение вводных слов считается одной возможной добавочной функцией дательного сам., сокращающего самостоятельное предложение, и наблюдается прежде всего в древнерусских памятниках (Соколова 1962, 258).

Оригинально в дательном сам. участвовали лишь нечленные причастия. Но в изучаемом памятнике изредка наблюдалось и употребление членного причастия. Это явление не может ничего общего иметь с категорией определенности–неопределенности. Важно отметить, что в древнеболгарских памятниках употреблялись кажущиеся членные причастия в дательных самостоятельных. Но они применялись тогда, когда субъект конструкции был выражен местоимением "i", "/", "j", таким образом они возникли в результате стяжения с причастием (Baleczky – Hollós 1987, 180). В Будапештском евангелии членные причастия тоже наблюдаются тогда, когда "субъект" конструкции выражался местоимением "i", "/", "j", но в этих оборотах местоимение всегда указано и отдельно. Можно предположить, что членные причастия восходят к предполагаемому древнеболгарскому протографу, а писец эти формы принимал просто за обыкновенные причастия, он мог не заметить субъекта в причастии, и поэтому мог исправить конструкции написанием "отсутствующего" местоимения. Или с большой долей вероятности можно предположить и то, что писец уже не мог точно различить членные и нечленные причастия, и эти формы уже смешивались друг с другом. Это последнее подтверждается тем, что членные прилагательные в истории болгарского языка рано утратили значение определенности, и уже в среднеболгарских памятниках наблюдается смешанное употребление членных и нечленных форм прилагательных (Мирчев 1978, 176).

Согласование причастия и "субъекта" дательных сам. является правильным. Всего в одном случае отмечено нами неправильное согласование. Это неправильное согласование можно считать и опiskой, но можно и свя-

зять с превращением нечленных действительных причастий в деепричастия. Уже в древнеболгарских кодексах наблюдается неправильное согласование компонентов дательных сам. (Мирчев 1978, 286.), таким образом наш пример можно возвести и к древнеболгарскому протографу или протерографу. На неправильное согласование причастия стоит обратить внимание потому, что одной из важнейших причин последующего исчезновения дательного сам. является именно отмирание склонения нечленных активных причастий, а также их превращение в деепричастия (Домбровский 1977, 126; Иванов 1990, 380).

Литература

- Борковский, В. И. (1949). *Синтаксис древнерусских грамот*. Львов.
- Велчева, Боряна (1975). *Добромирово евангелие. Български паметник на XII век*. Издателство на Българската Академия на науките. София.
- Дограмаджиева, Екатерина – Райков, Божидар (1981). *Банишко евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век*. Издателство на Българската академия на науките, София.
- Домбровский, Й. (1977). *Историческая грамматика русского языка II. Морфология и синтаксис*. Tankönyvkiadó, Budapest.
- Займов, Й. – Х. Тот И. – Балаж Г. Л. (2003). *Будапештское евангелие. Среднеболгарский памятник XIII-XIV*. Сегед.
- Иванов, В. В. (1990). *Историческая грамматика русского языка*. Просвещение, Москва.
- Мирчев, Кирил (1978). *Историческа граматика на българския език*. Наука и Изкуство, София.
- Пожгаи Иштван (2008). *Употребление дательного самостоятельного в Синайском патерике*. In: *Studia Slavica Savariensia*. 2008. 1–2., Szombathely, с. 309–324.
- Соколова, М. А. (1962). *Очерки по исторической грамматике русского языка*. Издательство Ленинградского университета, Ленинград.
- Черных, П. Я. (1954). *Историческая грамматика русского языка*. Учпедгиз, Москва.
- An Electronic Text of the Codex Marianus*. <http://www.slav.helsinki.fi/ccmh/marnt.html>
- Baleczky Emil – Hollós Attila (1987). *Ószláv nyelv*. Tankönyvkiadó, Budapest.
- Györfi Beáta (2007). *Историческое изменение синтаксического статуса причастных оборотов в древнерусском языке. (На материале Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку)*. PhD-disszertáció. Debrecen
- Horálek, Karel (1967). *Bevezetés a szláv nyelvtudományba*. Tankönyvkiadó, Budapest.
- Jagić, V. (1879). *Quattour Evangeliorum Codex Zographensis nunc Petropolitanus*. Berolini (Berlin).
- Lunt, Horace G. (1959) *Old Church Slavonic Grammar*. Mouton & Co, 'S-Gravenhage
- Maywald József – Vayer Lajos – Mészáros Ede (1981). *Görög nyelvtan*. Tankönyvkiadó, Budapest.
- Vondrák, W. (1912): *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin.

Елена Савельева, Ирена Страмлич Брезник

КОНЦЕПТ ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СЛОВЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Abstract: The article considers the concept of motion in phraseological idioms of the Slovenian literary language and tries to determine which abstract concepts are being comprehended by Slovenes with the help of more specific concept of motion. By experience, the majority of conceptions relating to life and activity of human being, are based on the concept of motion with the main categories of space and time. The collected phraseological idioms confirm that though the concept of source of motion such target concepts as death, actions, feelings, intellectual activity, labour process, relations between people and their social status are being expressed.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual metaphor, phrasem, idiom, movement

0. Введение

Перспективы развития фразеологии непосредственно связаны с развитием новых концепций и направлений в языкознании. Развитие когнитивной парадигмы повлияло и на фразеологические исследования, не утратив своей популярности и в современных работах. В когнитивном языкознании центральным является понятие *концепт*, отражающий представления о значениях, употребляемых в процессе человеческого мышления, а также опыт, знание, результаты деятельности человека и процессов познания мира. Когнитивные методы во фразеологии применили Р. Гиббс и его коллеги (Gibbs 1990). В их гипотезе образная составляющая фразеологизма является абстрактным способом интерпретации одних сущностей в терминах других. «Эти способы интерпретации зафиксированы в языке и являются частью мировосприятия данного языкового и культурного сообщества. Р. Гиббс называет их, вслед за Дж. Лакоффом, концептуальными метафорами» (Добровольский 1996: 71). Метафоризация по Лакоффу основана на взаимодействии когнитивной структуры источника и когнитивной структуры цели, где области цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание – структурируются по образцу источника – более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью (Баранов 2008). В. Телия одна из первых применила термин *концепт* во фразеологии, который по ее мнению «отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» (Телия 1996: 96). Исследование концепта открывает возможность бо-

лее глубокого и всестороннего рассмотрения определенной тематики во фразеологии, так как исследуются одновременно фразеологизмы разных структурных типов. Тем самым раскрывается не только определенное фразеологическое значение, а понятие как таковое (Fink 2002: 37).¹

Предметом исследований фразеологов-словенистов до сих пор являлся в основном концепт области цели, например, *речь* (Kržišnik 2007), *страх* (Stramljič Breznik 1999), *печаль, горесть* (Savelieva 2003), которому определялись области источника. В данной статье мы исходим из области источника (концепта движения) и пытаемся выявить источники цели. Прежде всего, нас интересует, какие абстрактные понятия у носителей словенского языка воспринимаются с помощью более конкретного понятия *движения*. Следует подчеркнуть, что не все фразеологизмы, имеющие в своем составе глагол движения, являются реализацией метафорических моделей, и что в данной статье будут выявлены не все области цели по той причине, что материал рассматривается только на базе фразеологизмов. Лишь более широкий анализ языковых средств позволит выявить множество областей цели, имеющих общий концепт-источник *движения*.

1. Теоретические и методологические предпосылки

Концепт движения упоминают в статье *Metafore, v katerih živimo tukaj in zdaj* Кржишник и Смолич (Kržišnik in Smolić 1999:77). Авторы подчеркивают, что движение является основным понятием в философии, науке и прежде всего в физике. Ходьба, плавание, полет, езда представляют, по мнению авторов, основу движения и означают преодоление пути. Исходя из этого, в статье были учтены глаголы движения с общим значением 'преодоление пути', различающиеся в своих значениях по следующим семантическим признакам: (1) по характеру направления движения: горизонтальное и вертикальное; (2) по среде движения: по земле, по воде, по воздуху; (3) по самостоятельности/не-самостоятельности движения: без средств транспорта, с помощью средств транспорта; (4) по ориентировочности движения: удаляющееся (отвечает на вопрос куда?), приближающееся (отвечает на вопрос откуда?), по определенной трассе (отвечает на вопрос где?); (5) по интенсивности движения; (6) по направленности движения: однонаправленное, неоднаправленное (Пете 1991: 172). Основные 12 глаголов движения были взяты из *Грамматики* Топоришича (Топориšič 2000: 351), при этом учитывалась классификация глаго-

¹ В словенском языкознании концептуально-семантический анализ во фразеологических исследованиях применили Кржишник и Смолич (Kržišnik, Smolić 1999), Страмлич Брежник (Stramljič Breznik 2003, 2007), Савельева (Elena Savelieva 2003) и Кржишник (Kržišnik 2007).

лов движения в русском языке по Битехтиной и Юдиной (1985). При анализе рассматривались все префиксальные образования глаголов движения. Из электронной версии толкового словаря словенского языка были выписаны остальные глаголы, обозначающие движение. За исходный глагол был взят *premikati se*.² В поле «толкование» комплексного поиска электронного словаря был вписан сначала глагол *premikati se* и получен список глаголов, содержащих его в своем толковании, например, *hoditi 'premikati se s korakanjem'*. Далее в поле были вписаны по порядку все полученные глаголы, например *hoditi*, и получена вторая группа глаголов, имеющих глаголы первой группы в своем толковании, на пример *bresti 'hoditi po vodi, po čem ovirajočem'* и т.д. Основных глаголов движения с приставками и без них 317, глаголов с семой *передвигаться* более 800. Из всех собранных глаголов движения как с основным, так и со специфическим значением, во фразеологизмах выступает всего лишь незначительная часть. Среди них преобладают основные глаголы и их префиксальные образования (*hoditi, iti, lesti, nositi, oditi, priti, zlesti*), что не удивительно, т. К. именно основные глаголы со своей многозначностью предоставляют широкие возможности для метафорического переноса. Фразеологизмы выписывались параллельно с глаголами. Был просмотрен иллюстративный материал и фразеологическое гнездо каждого глагола. Например, из словарной статьи *bresti* был выписан фразеологизм *bresti v dolgove*.³ Собранные фразеологизмы были распределены в тематические группы на основе их значений.⁴ Такой анализ дал возможность детального просмотра отдельных концептов, которые понимаются с помощью концепта движения.

2. Движение в роли концепта-источника

2.1. Человеческая жизнь (рождение, юность, зрелость, старость, смерть) и все, что с ним и вокруг него происходит, несомненно основывается на концепте движения, при этом главными категориями выступают категории пространства и времени. Учитывая то, что движение более конкретное понятие, оно может выступать как область источника для понимания менее конкретных понятий, непосредственно связанных с жизнью человека. На основе проанализированного материала можно выделить метафорическую модель *жизнь – это движение (путь)*. Метафорическая модель имеет следующий гештальт. Человек может идти по общепринятому пути (*hoditi po izhojenih poteh* 'жить,

² Глагол *premikati se* 'передвигаться' обозначает передвижение человека в пространстве из одной точки в другую.

³ Подчеркнем, что Словарь словенского литературного языка не содержит современной фразеологии и материал в нем уже интерпретирован авторами.

⁴ Подробный анализ тематических групп в Elena Savelieva (2009).

поступать, как принято',⁵ *plavati/zaplavati s tokom* 'начать мыслить, вести себя согласно большинству'), или может выбрать свой путь (*hoditi svoja pota* 'не подчиняться влиянию остальных'), может идти против общепринятого пути (*jadрати proti vetru* 'поступать, жить наперекор взглядам, мнениям окружающих'). После бурного путешествия наступает более спокойное время (*prijadрати/zajadрати/zapluti v mirnejše vode* 'положение стабилизируется'), он может вернуться на старый путь (*zapluti v stare vode* 'ничего не меняется'). Иногда путь тяжел из-за плохой дороги или препятствий и преград, которые человек возводит себе сам или же их воздвигает кто-то со стороны (*zaleteti se z glavo skozi zid* 'стараться достичь невозможного', *stopiti komu na pot* 'препятствовать кому-то в деятельности, в работе'). Он может идти несмотря ни на что (*iti do zadnjih mej* 'приложить все усилия, несмотря на трудности и последствия', *iti/stopati preko trupel* 'вести себя крайне неосмотрительно', *jadрати z vsemi jadri preko česa* 'стараться скорее избежать чего-то', *prekoračiti Rubikon* 'совершить поступок, имеющий решающее значение'). Тяжело выбрать «праведный» путь, так как много «неправедных» (*hoditi po krivih potih* 'поступать неправильно, аморально, противоречиво', *zavoziti jo* 'селать что-то неправильно', *drveti v pogubo* 'быстро приближаться чему-то плохому'). Иногда человека сманивают на «неправедный» путь (*zapeljati na kriva pota* 'сделать так, что кто-то будет себя вести неправильно, аморально', он может ошибиться (*bloditi v mraku* 'находиться, жить в неведении, заблуждаться', *tavati v temi* 'жить в неведении'), но вполне возможно, что он повернет в правильную сторону (*priti na pravo pot* 'начать жить честно, порядочно') и будет иметь успех (*iti/hoditi/stopati (v korak/vštric)*, *korakati s časom* 'приспосабливаться к обстоятельствам, условиям, развиваться') или напротив, будет безуспешным (*čas prehititi koga* 'не приспособиться к условиям, отставать в развитии', *čas povoziti koga* 'не смочь приспособиться к условиям, обстоятельствам, действительности'). В пути человек может прийти к цели (*priti do* (1) 'случиться, появиться, настать', (2) 'начать владеть, получить') или что-то потерять (*priti ob* 'перестать иметь, потерять'). Он может выбрать опасный или безопасный путь (*nositi glavo/kožo naprodaj* 'подвергаться смертельным опасностям', *nositi glavo v torbi* 'быть в постоянной смертельной опасности', *odnesti celo glavo, celo (zdravo) kožo* 'непострадавшим выйти из драки', *srečno jo odnesti* 'ничего страшного не случится с кем-то', *prinesti celo bučo domov* 'непострадавшим выйти из драки', *dobro, srečno jo zvoziti* 'ничего страшного не случится с кем-то', (*pre*)*poceni jo odnesti/zvoziti* 'не слишком тяжело пострадать').

⁵ Толкования фразеологизмов даны по Словарю словенского литературного языка.

2.2. Основная метафорическая модель включает и другие концепты. Концепт *смерти* (Stramljič Breznik 1999), который в словенском языке выражен рядом фразеологизмов-синонимов с глагольной составляющей движения, понимается в человеческом восприятии как *уход* (*iti s tega sveta, iti/oditi na drugi svet, oditi v onstranstvo, oditi v nevrnitev, odhajati s sveta, oditi po večno plačilo, oditi v kraljestvo senc, oditi/odpraviti se na zadnjo pot, iti v nebeško veselje, iti po gobe, iti tja, kjer ni muh, iti/oditi v večna lovišča, iti iz hiše z nogami naprej*), а *рождение* как *приход* (*priiti na svet*).⁶ В рамке концепта смерти выделяется модель *время – движущийся предмет*⁷ (*zadnje ure tečejo komu* 'быть при смерти, умирать', *ura doteka komu* 'умирать', *prišla je/prihaja čigava zadnja ura* 'уми- рать'). Оба концепта, рождение и смерть, как начало и конец, связаны с движением. При этом преобладает линейное движение. Молодость и зрелость (а также смерть) понимается как движение из одной точки в другую, от начала к концу (*zlesti iz plenice/iz povojev* 'вырасти, стать самостоятельным', *lesti v leta* 'потихоньку стареть', *priiti v leta* 'постареть', *gre s kom h koncu/h kraju* 'уми- рать').

На первый взгляд, концепт *обман, лесть* не имеют ничего общего с основной метафорической моделью *жизнь – это движение (путь)*. Если же взять во внимание сущность жизни человека, в которой желателен «праведный» путь вперед, становится ясно, что всякий отступ означает уклонение от него и оценивается негативно. Обман и лесть не что иное, как окольный путь с намеренно созданными препятствиями, введение в заблуждение или смянивание на нестабильный путь, достижение цели по недозволенному пути. Концепт обмана нашел отражение в следующих фразеологизмах: *hoditi/laziti po ovinkih* 'рассказывать таким образом, что можно только догадываться о главном намерении сказанного', *iti komu na led, iti/sesti komu na limanice, iti komu na lim, iti/zaiti komu/četu v past* 'поддаваться на обман', *iti/hoditi okrog riti žep* 'не говорить прямо, открыто', *iti se mance/skrivalnice, iti se slepe miši* 'не говорить, поступать открыто', *prepeljati koga žejnega čez vodo* 'хитрыми разговорами, поступками пытаться улизнуть от исполнения чьих либо требова- ний', *koga okrog prinašati* 'обманывать', *speljati koga na led/v past/na limanice* 'обмануть кого-то', *vleči/povleči/voditi koga za nos* 'обмануть, перехитрить кого-то', *laziti po prstih za čigavim hrbtom* 'действовать с коварством против кого-то'. Концепт лести выражен фразеологизмами: *iti po dlaki komu* 'во всем пытаться потакать, не противиться', *lesti komu v zadnjico/nekam/v rit* 'показы- вать кому-то излишнюю преданность, любезность с целью получить доверие',

⁶ См. Kržišnik 2007: 197.

⁷ Метафору вслед за Лакоффом для словенского языка выделили Kržišnik in Smolić (2000), а также Kržišnik (2004).

komu pod rep (v čreva) lesti 'подлизываться', *vse k riti (pri)nesti komu* 'слишком кому-то помогать'.

В трудовых процессах успешно только движение без преград, например, *iti v klas/v klasje kaj* 'удаваться, кончиться успехом', *iti kakor po notah/kakor po maslu kaj*, *iti kakor po žnori kaj*, *iti/potekati kakor po olju/po loju kaj*, *iti kot namazano kaj* 'проходить с успехом, без осложнений', *iti gladko od rok kaj* 'решить быстро, успешно', *iti od rok kaj* 'выполнять работу быстро, с успехом', *iti na roke/na roko* 'делать кому-то так, как он того желает, помогать'.

2.3. В рассматриваемых фразеологизмах преобладают ориентационные метафоры **вверх – вниз, вперед – назад**, что не удивительно.⁸ Речь идет о простых когнитивных структурах, «постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью» (Баранов 2008). А. Баранов (2008) называет их по Лакоффу «схемами образов», в виде которых организованы знания в области источника. Можно выделить следующие метафоры: **рост – вверх** (*ne priti dosti od tal* 'не вырасти'), **старость – вниз** (*lesti/zlesti v dve gube* 'постареть'), **болезнь (смерть) – вниз** (*zlesti skupaj* 'упасть в обморок', *lesti vkup od lakote* 'сильно проголодаться, слабеть из-за голода', если человек не ест, он начинает болеть,⁹ *iti v krtovo deželo* 'умереть'). **Социальные перемены** понимаются как **движение в пространстве**, где **высокое положение – вверх**, (*vzpenjati se po družbeni/socialni lestvi/lestvici* 'получить повышение, занять место выше по иерархии', *čigava pot gre navzgor* 'иметь будущее перед собой, жизненный успех', *priti na konja* 'иметь успех, достичь цели', *priti/zlesti/splezati na zeleno vejo* 'улучшить материальное положение'); **плохое положение – вниз** (*iti navzdol* 'пропадать материально, морально, в отношении здоровья'). **Прогресс, повышение** – это путь **вперед** (*iti naprej* 'прогрессировать, развиваться', *priti daleč*¹ 'много достиг'), **упадок** означает путь **назад** (*iti kaj rakovo pot* 'регрессировать, пропадать') или путь к «неправильному» концу (*iti kaj v franže* 'пропадать, разрушаться', *iti kaj k vragu/k hudiču*, *iti kaj po zlu*, *iti kaj po gobe*, *iti kaj v maloro*, *iti/priti v nič/na nič* 'пропадать', *iti kaj rakom žvižgat (in ribam gost)* 'не иметь успеха', *priti daleč*², *daleč jo zavoziti* 'прийти в упадок в моральном и экономическом плане').¹⁰ Кроме этого человек может прийти к «неправильной» цели (*priti na kant*

⁸ Кржишник и Смолич при анализе метафор (Kržišnik in Smolić 1999) пришли к выводу, что из всех типов движения преобладает ориентация *верх-вниз*.

⁹ См. Kržišnik, Smolić (1999: 79), Kržišnik (2004: 65).

¹⁰ Итальянское слово *malora* обозначает крах, несчастье. В слове *franža*, обозначающем украшающую кайму на текстильном изделии, решающей является сема 'на краю'. *Vrag* 'черт' ассоциируется с адом, который в мифологическом представлении находится глубоко под землей. На этой основе можно включить пример к метафоре *упадок – вниз*.

'обеднеть, экономически прийти в упадок', *priti na boben* 'иметь принудительный аукцион, экономически пропасть', *priti na beraško palico* 'полностью обеднеть', *priti na psa* 'материально прийти в упадок, оказаться в тяжелой, неприятной ситуации').

Оппозиция *вверх – вниз* присутствует в понимании чувств.¹¹ (**Позитивные**) *чувства – вверх* (*skakati/skočiti do stroga* 'сильно радоваться'), (**негативные чувства**) – *вниз* (*lesti/zlesti na kup/vase* 'из-за замешательства, горести держаться сгорбленно', *srce komu uide/pade v hlače* 'испугаться, потерять храбрость'). А также при понимании некоторых качеств человека: **самоуверенность – вверх** (*nositi glavo pokonci* 'быть гордым, самоуверенным', *visoko nositi nos* 'много мнить о себе, быть высокомерным', *previsoko letati* 'иметь слишком высокие требования; быть высокомерным', *hoditi na hoduljah* 'жить возвышенно над действительностью, буднями'), **унижение – вниз** (*lesti/zlesti na kup/vase, po kolenih/po trebuhu se plaziti pred kom* 'слишком унижаться, как правило, из корысти').

3. Движение в роли концепта-посредника

Концепт движения является также посредником между другими концептами. Языковая реализация метафоры *чувство – это жидкость* осуществляется с помощью глаголов движения: *čigavo srce prepluje žalost* 'стать грустным, печальным'.¹² Разные чувственные отношения между людьми выражаются посредством глаголов движения, в котором определяющими являются первичные значения глаголов, и сама ситуация, возникающая при дословном прочтении фразеологизма: *naganjati komu strah v kosti* 'пугать кого-то, беспокоить, тревожить', *skakati si v lase* 'ругаться, драться', *zagnati se v koga kot ose* 'сердито, раздраженно наброситься на кого-то', *znesti/znašati jezo/nejevoljo nad kom* 'из-за злости, гнева, ярости говорить, поступать с кем-то невежливо', *ne priti komu do konca* 'не смочь кого-то убедить', *zlesti/priti pod kožo komu* 'уметь познать сущности человеческого характера', *zlesti v srce kdo komu* 'быть любимым', *preveč si gnati k srcu* 'слишком печалиться, волноваться', *iti komu na jetra, iti komu na živce, priti komu do živega* 'раздражать кого-то', *nositi srce na dlani* 'всегда открыто показывать свои чувства', *nositi srce na jeziku* 'доверять свои чувства'. Через движение описываются также определенные чувственные состояния, в которые приходит субъект (*iti v nos komu kaj* 'чувствовать

¹¹ Концептуально-метафорический анализ чувств в словенском языке (не только во фразеологизмах) детально проделан М. Јемес (1998/99, 2001), А. Ве́дковский Корпчук (2004).

¹² См. сноску 11.

себя обиженным', *strah komu leze/zleze v kosti* 'испугаться', *iti do srca komu kaj* 'что-то кого-то растрогало').

Концептуализация интеллектуальных процессов также связана с движением. Подробный анализ концептуально метафорического плана получили фразеологизмы со значением 'речь' в работе Э. Кржишник (2007). Э. Кржишник определила ряд метафор для области цели *слово*, а также выделила несколько аспектов, комбинирующих во фразеологизмах: возбудитель, средство, направление, интенсивность движения. В данной статье мы исходим из глаголов движения с общим значением 'преодоление пути', поэтому мы не приводим в пример фразеологизмы, имеющие в своем составе глаголы других семантических полей. Вслед за Кржишник и Смолич (Krgžišnik, Smolić 1999) была выделена метафорическая модель **мысли, языковые выражения (слова) - двигающиеся сущности**, при этом движение идет от говорящего к слушающему, слова передвигаются без преград или через них. Преграды могут быть внешними и внутренними. Модель реализована в следующих фразеологизмах: *jezik teče komu gladko/spretno/kot namazan/kot mlin*, *beseda komu gre/teče (gladko)* 'говорить легко', *beseda komu ne gre/gre težko z jezika* 'говорить тяжело, с неохотой', *iti težko z jezika/iz ust/ne iti z jezika komu* 'сказать что-то нехотя, тяжело', *jahati na vsaki besedi* 'требовать использовать определенные слова; в сказанном искать иной смысл', *besede komu (enakomerno/počasi) polzijo iz ust* 'говорить медленно', *govoriti, kar pride na jezik* 'не взвесить, не подумать о сказанном', *priti iz srca komu kaj* 'сказать искренно', *priti/prileteti na jezik komu kaj* 'высказать, сказать', *priti iz ust komu kaj* 'сказать', *stopiti komu na jezik* 'сделать так, чтобы кто-то перестал о чем-то негативно высказываться', *skočiti/skakati komu v besedo* 'перебивать кого-то в разговоре', *beseda komu uide z jezika* 'невольнo проговориться', *besede komu zletijo iz ust* 'быстро, неожиданно сказать что-то', *nobena beseda ne uide komu* 'внимательно слушать', *priti do besede* 'начать говорить', *priti z besedo na dan/na plan* 'сказать, о чем думаешь', *privleči kaj na dan* 'обратить чье-то внимание на забытую, как правило неприятную вещь', *iti od ust do ust kaj* 'распространяться среди людей (о слухах)', *priti med ljudi kaj*, *priti na dan* 'стать известным', *priti na dnevni red kaj* 'публично обсуждаться', *priti/priplavati na površje kaj* 'стать известным, публичным', *pri enem ušesu komu iti noter, pri drugem (pa) ven* 'ничего не запомнить, не принимать во внимание', *gnati (vse) na nož/na ostrino/na špico* 'все обсуждать, ссорясь', *goniti svojo* 'постоянно повторять свое мнение, говорить одно и то же', *(stvar) gnati predaleč* 'преувеличивать', *kaj nesti (s seboj) v grob* 'никому не сказать', *nositi kaj samo na jeziku* 'говорить одно, чувствовать, поступать по-другому', *hoditi okrog koga* 'стараться заслужить чью-то благосклонность, стараться повлиять на кого-то, стараться получить пользу от кого-то', *hoditi/smukati kakor/kot mačka okrog/okoli vrele kaše* 'не знать, как приступить к делу', *vleči/goniti/speljavati vodo na svoj mlin* 'говорить, делать

для своей пользы'. Модель присутствует и во фразеологизмах со значением 'клеветать' (*nesti naprej* 'сказать другим, донести на кого-то', *v usta nesti//nositi/prinesti/prinašati* 'клеветать', *nositi koga po zobeh, vlačiti//vleči koga po zobeh/skozi zobe* 'злословить, сплетничать', *nositi komu posluške na ušesa* 'говорить о подслушанном', *prenašati pošte/trače/čence* 'выдавать чьи-то секреты', *prinašati//prinesti/nesti/znositi komu kaj na uho/nos/ušesa* 'говорить, рассказывать о том, о чем нельзя', *priti na uho/ušesa kaj komu* 'узнать о чем-то', *priti na tapeto* 'с критикой говорить о ком-то', *priti v zobe* 'стать жертвой сплетень', *vleči na uho/ušesa* 'подслушивать', *prenašati čence/trače* 'сплетничать, злословить'). Модель **мысли – двигающиеся сущности** вербализирована во фразеологизмах: *hoditi po glavi komu kaj* 'долго размышлять о чем-то; часто думать об этом', *iti/priti v glavo komu kaj* 'вспомнить', *ne iti iz glave komu kaj* 'не мочь забыть чего-то', *ne iti v glavo komu kaj* 'тяжело запомнить, тяжело понять', *nositi kaj v glavi, po glavi poditi/hoditi komu kaj* 'размышлять о чем-то', *priti na pamet komu kaj* 'вспомнить о чем-то', *uiti iz glave/spomina komu kaj* 'не вспоминать о чем-то', *iti/priti čemu do jedra, priti čemu do dna* 'полностью что-то узнать'. В интеллектуальных процессах выступает оппозиция **внутри – наружу**.

4. Выводы

Движение, как более конкретная категория, участвует в понимании других, менее конкретных категорий. В ходе анализа фразеологического материала с глагольной составляющей движения из словаря словенского литературного языка выделяется основная метафорическая модель **жизнь – это движение (путь)**, с которой связаны другие концепты. Жизнь человека и все, что происходит с ним и вокруг него, основывается на концепте движения. Главными при этом являются категории пространства и времени. В представлении человека жизнь имеет свою начальную и конечную точку и означает путь вперед. В пути можно отклониться, столкнуться с препятствиями, отстать, пойти по окольному пути. Всякий другой путь, противоречащий прямому пути вперед, имеет негативную оценку. Через концепт-источник движения нашли выражение такие концепты-цели, как смерть, поведение, чувства, интеллектуальная деятельность, трудовые процессы, отношения между людьми и социальный статус. При этом преобладают ориентационные метафоры *вверх – вниз, вперед – назад, внутри – наружу*. Концепт движения выступает не только как источник, но и как концепт-посредник в концептуализации чувств, речи и мышления.

Литература

- Będkowski Korpczyk, A. 2004 – Jezikovna podoba negativnih čustev v slovenskem jeziku: kognitivni pristop. Ljubljana.
- Jemec, M. 1998/99 – Človeku dobro dene, če se izrobanti // Jezik in Slovnstvo №44/6. 229-236.
- Jemec, M. 2001 – Izražanje negativnih čustev v SSKJ. Diplomsko delo. FF Ljubljana.
- Fink Arsovski, Ž. 2002 - Poredbena frazeologija: pogled izvana i iznutra. Zagreb: Filozofski fakultet.
- Gibbs, R.W., O'Brien, J. 1990 – Idioms and mental imagery: The metaphorical motivation for idiomatic meaning. // *Gognition* № V. 36/1.
- Kržišnik, E. 2004 – Pojmovanje metafore v kognitivnem jezikoslovju. Slovenski slavistični kongres // Jesenšek, M. (ur.) Slovenski jezik in literatura v evropskih globalizacijskih procesih. Ljubljana. 56–74.
- Kržišnik, E. 2007 – »Metafore«, v katerih govorimo v slovenščini frazeološko- konceptualnometaforična analiza frazemov govorjenja // Kržišnik, E. Idr. (ur.): *Frazeologija v jezikoslovju in drugih vedah*. Ljubljana. 183–203.
- Kržišnik, E., Smolič, M. 1999 – Metafore, v katerih živimo tukaj in zdaj // Kržišnik, E. (ur.): 35. seminar slovenskega jezika, literature in kulture: zbornik predavanj. Ljubljana. 61–80.
- Kržišnik, E., Smolič, M. 2000 – »Slike« časa v slovenskem jeziku // Orel, I. (ur.): 36. seminar slovenskega jezika, literature in kulture: zbornik predavanj. Ljubljana. 17–19.
- Savelieva, E. 2003 – Jezikovne podobe žalosti v frazemih slovenskega jezika // *Jezikoslovni zapiski* № 9/1. 129–102.
- Savelieva, E. 2009 – Glagoli premikanja v frazemih slovenskega knjižnega jezika // *Slovenski jezik - Slovene Linguistic Studies* № 7. 115–134.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika z Odzadnjim slovarjem slovenskega jezika in Besediščem slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki 1998. Elektronska izdaja na plošči CD-ROM. Ljubljana.
- Stramljič Breznic, I. 1999 – Frazemi s pomenom »umreti« v SSKJ // *Prispevki iz slovenskega besedoslovja, Zora* № 7, Maribor. 264–284.
- Stramljič Breznic, I. 2003 – Izražanje strahu v frazemih: (slovensko-nemški kontrastivni vidik) // *Riječ* № 9/1. 88–95.
- Stramljič Breznic, I. 2007 – Družina v slovenskih pregovorih in frazemih // Kržišnik, E: *Frazeologija v jezikoslovju in drugih vedah*. Ljubljana. 251–266.
- Toporišič, J. 2000 – Slovenska slovnica. Maribor.
- Баранов, А.Н. 2008 – Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. 2008 – Метафоры, которыми мы живем. <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=72845>
- Битехтина, Г.А., Юдина, Л.П. 1985. – Система работы по теме «Глаголы движения». Москва.
- Добровольский Д. 1996 – Образная составляющая в семантике идиом. // *ВЯ* № 1. С. 71–93.
- 2008.

- Пете, И. 1991 – Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским. Будапешт. 169–202.
- Телия, В.Н. 1995 – Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва.

Szabó Tünde

СОНЕЧКИ И ДУШЕЧКИ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОТОТИПЫ «СОНЕЧКИ» Л. УЛИЦКОЙ

Посвящается памяти
Профессора Gyula Király

Abstract: The following essay examines the intertextual background of Ulitskaya's short story *Sonechka*. Many of the well-known heroines/female characters of 19th and 20th century Russian literature can be discerned behind Ulitskaya's "reading heroine" as her literary prototypes. They are quoted in the short story in different degrees, but the textual tradition they reveal shows that below the "classical" surface this is a genuinely post-modern text, which employs a plethora of *sujets* and characters of the Russian literary tradition.

Keywords: Ulitskaya, *Sonechka*, literary prototype, intertextuality, post-modern

Л. Улицкая одна из современных авторов, чьи произведения не принято считать постмодернистскими. На первый взгляд проза Улицкой характеризуется выдержанностью стиля, благодаря чему ее часто называют «классическим» или «неоклассическим» писателем. Тем не менее, произведения Улицкой, так же как и большинство текстов постмодернистской парадигмы, за своим «классическим» фасадом проникнуты цитатами, вовлекающими в игру множество сюжетных линий и образов русской литературы 19-го и 20-го веков. Именно таким произведением представляется повесть «Сонечка» – первое произведение, принесшее автору всемирную славу.

Главная героиня повести Сонечка представляет собой читающую героиню, которая «пасет свою душу на просторах великой русской литературы»,¹ и так сильно вовлекается в чтение, что разрушает границу между вымышленным и реальным. Но жизнь не позволяет ей бесконечно «дремать» с книгой в руках, вынуждая ее исполнять обязанности супруги, матери и хозяйки. И она в течение 17 лет самоотверженно поддерживает, кормит – сначала буквально, своим телом, а позже своей работой и заботливостью – родных и близких, чтобы потом, когда в ней больше не будут испытывать нужды, вернуться окончательно в мир книг. В то время, когда мелкие заботы жизни застилают в сознании Сонечки прочитанное, ее образ и отношения с окружаю-

¹ Цитаты здесь и далее взяты из следующего источника: <http://www.bestlibrary.ru>

щими «просматриваются» через образы хорошо известных литературных героев. А это принадлежит уже авторской, а не Сонечкиной компетенции. Степень «присутствия» этих литературных героев сильно различается. Некоторые из них названы прямо, и их функция легко улавливается. А некоторые лишь просвечиваются сквозь образ Сонечки, хотя их роль в организации текста порой намного значительнее, чем у реально названных героев. Рассмотрим некоторые из этих более или менее значительных литературных прототипов, которые представляют собой особую родословную героини Улицкой, на фоне которых сама повесть «Сонечка» представляется как сугубо постмодернистский текст.

Одним из прямо названных уже в самом начале повести литературных прототипов Сонечки является героиня романа Льва Толстого «Война и мир» Наташа Ростова. Для Сонечки, для которой «вымышленные герои стоят в одном ряду с живыми, близкими людьми», страдания Наташи Ростовой у постели умирающего князя Андрея «совершенно равны» страданиям ее сестры вследствие потери четырехлетней дочери. А на уровне сюжета повести оказывается, что образ Наташи на самом деле связан с образом самой Сонечки, а не ее сестры. Перевоплощению героини Толстого из молодой девушки в супругу и мать посвящается целая глава в романе. Подчеркивается резкая перемена в образе Наташи: эта раньше столь поэтичная барышня преобразуется в «сильную, красивую, плодovitую самку»,² которая сама кормит грудью, и единственное предназначение ее измененного облика и образа мыслей – это поддержка своей семьи и служение ей. «Предмет, в который погрузилась вполне Наташа, – была семья, то есть муж, которого надо было держать так, чтобы он нераздельно принадлежал ей, дому, – и дети, которых надо было носить, рожать, кормить, воспитывать.»³ Героиня Улицкой внешне сильно отличается от молодой Наташи Ростовой. В ней нет ни малейшей прелести, оживленности, она изображена как лишенная всякой женственности молодая девушка «с грушевидным носом и отсиделым задом», поэтичность которой реализуется дословно: в безотчетном погружении в мир поэзии. Ее единственный женский атрибут, ее «никчемная, бабья грудь» приобретает значение, когда, превращаясь в образцовую супругу и мать, она, также как и Наташа Ростова, кормит своего ребенка, и это доставляет ей наслаждение.

Кормление семьи – это тот ключевой мотив, через который образ Сонечки связан с другой знаменитой героиней русской литературы 19-го века – с Соней Мармеладовой. Кроме совпадения имен, это близкие друг к другу персонажи прежде всего на основе своего отношения к семье и любимому

² Л. Н. Толстой: Война и мир I-IV. Москва, 1993. IV / 335.

³ Там же, 337.

человеку. Мармеладова, также как и Сонечка, пытается поддерживать свою семью, занимаясь шитьем, а когда это у нее не получается (за ее работу не заплатят), она вынуждена обеспечивать семью, жертвуя своим телом. Но несмотря на это или именно поэтому к ней обращается Раскольников в тот момент, когда ему понадобится Человек (с большой буквы). А она возьмет на себя это бремя и сопровождает Раскольникова даже на каторгу, становясь катализатором перерождения героя.

Роберт Викторович, когда его «звериная воля к жизни почти исчерпалась», таким же образом обращается к Сонечке, узнав в ней Жену (с большой буквы), «удерживающую в хрупких руках его изнемогающую, прильнувшую к земле жизнь». А Сонечка сопровождает его в ссылку, и как жена во многом способствует перерождению мужа, его возвращению к искусству, к живописи. Однако ей не суждено проследить до конца перерождение Роберта Викторовича. В последней фазе этого процесса, когда он пишет свои белые натюрморты и стремится разгадать тайну *белого*, в их жизнь вторгается новый женский персонаж, подруга дочери Яся, которая благодаря своей белизне, становится музой и любовницей стареющего художника. Отношения Сонечки к Ясе в критической литературе часто определяются как проявление Сонечкиной глупости и нежизнеспособности.⁴ А на самом деле эти отношения приобретают особый смысл на фоне другого произведения 19-го века, а именно повести Пушкина «Барышня–крестьянка». Повесть Пушкина прямо названа в повести Улицкой: Сонечка берет с полки наугад именно это произведение, когда она узнает об измене мужа.

Повесть «Барышня–крестьянка» образует более значительный и многослойный фон для повести Улицкой, чем вышеуказанные произведения Толстого и Достоевского. С одной стороны, ею маркируется та граница, где для Сонечки кончается действительность, которую заменяет мир фикции. С другой стороны, повесть Пушкина и на уровне героев выдвигает проблему взаимной сменяемости. Героиня «Барышни–крестьянки», Лиза, во-первых, заменяет собой некую фиктивную Акулину, о которой никто ничего не знает кроме того, что ей адресовано письмо молодого Берестова. Во-вторых, Лиза занимает место этой фиктивной девушки не от своего лица, а выдавая себя за крестьянку. Таким образом, Алексей Берестов влюбляется в смуглую, черноглазую Акулину и не хочет жениться на Лизе, которая сыграет для него так же роль набеленной, манерной барышни.

На авторском уровне Лизины маски служат, в первую очередь, обличению стереотипов и общих мест мышления. Но в то же время они тесно свя-

⁴ См. напр.: Gyürky Katalin: A zófia-tantól a Szonyecskáiig (Ljudmila Ulickaja: Szonyecska). <http://www.jelenkor.net/main.php?disp>. Péntek Orsolya: Kiszállni a valóságból. L. Ulickaja: Szonyecska. Litera, 2008. október 28.

заны и с проблемой «чужого». Белизна – это прежде всего атрибут английской гувернантки, «набеленной и натянутой»⁵ Мисс Жаксон. Лиза крадет краску у нее, чтобы набеливая себя, выглядеть согласно общим представлениям об уездной барышне. Таким образом, в повести Пушкина белизна противопоставляется смуглости как чужое и неестественное.

Цветовая символика «Барышни–крестьянки» играет основополагающую роль в повести Улицкой, а именно в связи с женскими образами. Яся – существо чужого, польского происхождения, характеризуется белым цветом: ее яично-белое личико было «чудо белого, теплого и живого». А характерный для Сонечки цвет – это «смуглое, печально-умбристое». Сонечка воспринимает свою роль жены и матери как не ей предназначенное, ею незаслуженное счастье: «Господи, господи, за что же мне такое счастье...» – повторяется в тексте ее мысль, почти напев. В конце концов ее место в жизни Роберта Викторовича на самом деле занимает чужачка: молодая и белая Яся. Но несмотря на их оппозицию по цветовой символике, она и Сонечка выполняют одну и ту же роль в жизни художника. Яся наделена атрибутами Сонечки: она, так же как и Сонечка, с удовольствием шьет и читает, и, главное, служит «пищей» для Роберта Викторовича, не столько в физическом смысле, сколько с точки зрения «подпитки» его творчества. Роберт Викторович видит в Ясе воплощение совершенства, природу и тайну которого он пытается открыть в белом цвете; видит ту форму совершенства, о которой единственный по Роберту Викторовичу, русский гений Пушкин сказал: «не устаивает быть умной».

Связь Пушкина с проблемой совершенства и искусства на уровне текста подтверждается и через образ Сонечки, которая именно в «Барышне–крестьянке» Пушкина находит совершенство искусства, «счастье совершенного слова и воплощенного благородства». Таким образом, в произведении Улицкой повесть Пушкина служит ориентирующей основой не только на уровне сюжета, в взаимоотношениях персонажей и цветовой символики, а через это последнее и в вопросе об искусстве.

Наряду с прямо названными литературными прототипами, за образом Сонечки скрывается еще один хорошо известный образ русской литературы 19-го века. Ласкательная форма имени героини, служащая заглавием повести, созвучна заглавию рассказа Чехова, «Душечка». Душечка – это тоже ласкательное имя Ольги Семеновны, главной героини повести. Кроме созвучия и морфологического сходства, Душечка и Сонечка – близкие друг к другу персонажи и по атрибутам, и по своей семантической доминанте. Образ обеих

⁵ А. С. Пушкин: Избранные произведения. Львов, 1988. 83.

определяется в первую очередь семантикой *дома, супружества и материнства*.

Сюжет рассказа Чехова состоит из ряда следующих друг за другом браков Душечки. По внешности и характеру она слегка напоминает образ Сонечки: это кроткая, жалкая барышня, которая обладает полными и «очень здоровыми» плечами. Она не может жить без любви, «она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого»⁶. Душечка два раза выходит замуж, а потом живет со своим бывшим жильцом, и живет она со всеми «очень хорошо». Она полностью растворяется в мире каждого мужа и настолько осваивает их мнения, что не имеет своего: «Какие мысли были у мужа, такие и у нее». Когда она овдовевает, и любовник-ветеринар уезжает с полком, жизнь Душечки оказывается совсем пустой, без мыслей и направления.

Состояние героини сказывается и на состоянии ее дома. Общеизвестно, что дом – это древний символ женственности, это «лоно Magna Mater». В рассказе Чехова эта символическая связь дома и женщины очевидна, ведь вся жизнь Душечки, включая и ее браки, теснейшим образом связаны с домом, «в котором она жила со дня рождения и который в завещании был записан на ее имя»⁷. Кукин, ее первый муж, и ветеринар, ее любовник, живут во флигеле этого дома уже до того, как у них заводятся отношения с Душечкой. В период ее второго брака во дворе всегда пахнет вкусной едой, что свидетельствует о благополучии супругов. А когда рядом с Душечкой нет ни одного мужчины, дом у нее потемнеет, а двор стоит пустым. Дом и Душечка снова заполняются жизнью только тогда, когда неожиданно возвращается ветеринар, который в этот раз приезжает со своей женой и сыном. Появление семьи – это плод самостоятельного мнения Душечки, единственного, которое она составила за всю жизнь. Это было тогда, когда ветеринар, будучи ее жильцом, рассказывал ей о своем несчастном браке. Замужняя тогда еще Душечка от себя посоветовала ему помириться с женой ради ребенка, который «небось все понимает». После возвращения ветеринара именно этот мальчик, ветеринарский сын придает новый смысл – направление, мнение и материнское чувство – жизни Душечки. Она полностью отдается мальчику, усваивая его интересы и мнения, переселяет его к себе во флигель, а свой дом отдает ветеринару.

Тесная связь образа героини с домом, замужеством и материнством обнаруживается и в повести Улицкой. Сюжет *Сонечки*, на самом деле, – это история одного брака. Именно этот брак вытаскивает героиню из мира книг, а когда он расстроится, она снова впадет в «обморочный» чтения. Сонечка тоже живет хорошо со своим мужем, с которым они выстраивают себе «замкнутую и уединенную как сванская башня» жизнь. Сонечка не растворяется в мире

⁶ А. П. Чехов: Сочинения в 2-х томах. Москва, 1982. Т.2, 238.

⁷ Там же.

мужа, у нее есть определенное мнение, особенно, когда речь идет о русской литературе или о принятии в дом Яси. Тем не менее, она без всяких вопросов и колебаний принимает мир мужа, его талант: «Женская доверчивость Сони не знала границ. Талант мужа был однажды принят на веру, и она в благоговейном восхищении рассматривала все, что выходило из его рук».

Фазы Сонечкиного брака определены разными видами жилья. До появления Роберта Викторовича, пространственным атрибутом Сонечки является подвал библиотеки, хранилище «драгоценных плодов духа». Первое время их сожителства проходит тоже в подвале, но который для них оказывается настоящим раем. Их дочка Таня родится уже в ссылке, в Башкирии, где семья живет в «зыбком домике», который полностью наполняется напоминающим «Богоматерь с младенцем» видом кормящей ребенка Сони. В следующей фазе, по мере того, как семья переселяется все ближе к Москве, Сонечка все чаще мечтает о «нормальном доме». Наконец ее мечта сбывается, и семья занимает идеальный для всех дом в Москве, где Сонечка преобразуется в образцовую хозяйку, Библию которой составляют блюда: «вместо Торы, Небим и Кебутим – Первое, Второе и Третье». В этом доме она, также как и Душечка, приютит чужого ребенка, Ясю. Яся занимает угловую комнату, и тут она в первую же ночь своего пребывания в доме отдается Роберту Викторовичу. На трещину в браке Роберта Викторовича и Сонечки указывает не столько сам акт (ведь Яся еще долгое время занимает в доме табуированное место второй дочери, до которой ему прикоснуться запрещено), сколько название комнаты. Угловатость комнаты напоминает комнату Сони Мармеладовой, которую она занимает у Капернауемого как проститутка и в которую приходит к ней Раскольников. А с прихода Роберта Викторовича к Ясе в угловую комнату начинается для него «еще одна, последняя жизнь». Другой пространственный знак распада брака – это отдельная мастерская Роберта Викторовича, где он работает, и, спустя несколько месяцев, принимает Ясю. Распад брака сопровождается утратой идеального дома. Он к этому времени определен под снос, а семье выделена «убогая», трехкомнатная квартира в Лихоборах. В некотором смысле эта квартира представляет собой оппозицию башкирскому домику. Там на узкой кровати рядом с Сонечкой лежали новорожденная Таня с одной, а Роберт Викторович с другой стороны, а комната каждый день была наполнена утренним счастьем. А в новой квартире, где Сонечка занимает среднюю комнату, в боковых комнатах спят Роберт Викторович в одной и Яся в другой, «девичьей», и квартира переполнена отсутствием – отсутствием Тани и супружеского счастья. После смерти Роберта Викторовича Сонечка останется одна в этой квартире с Ясей, судьба которой получает сказочный поворот, а овдовевшая и оставленная всеми Сонечка безвозвратно погружается в мир фикции и потом в забвение.

Согласно характеристике повествователя, Роберт Викторович до своего брака «был женолюбом и потребителем, многую пищу получал от этого неиссякающего источника, но бдительно оберегался от зависимости, боялся сам превратиться в пищу той женской стихии, которая столь парадоксально щедра к берущим от нее и истребительно-жестока к дающим». Выбрав Сонечку в жены, он выбрал лучшую сторону этой стихии, а именно щедро дающую женщину, готовую кормить своим телом и душой любого, кто в ней нуждается. Но образ Сонечки коренится не столько в действительности, сколько в литературе. По свидетельству проведенного (и далеко не полного) анализа, за образом читающей героини Улицкой стоит целый ряд женских персонажей русской литературы, общим семантическим узлом которых является дом и кормление близких телом и душой.

Галина Ивановна Стрепетова

ТЕЛЕ/РАДИОРЕЧЬ И ОРФОЭПИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НОСИТЕЛЕЙ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Abstract: In article influence modern radio- and TV-speech on the general condition speech culture of native speakers of Russian is considered. The author marks positive tendencies in work of the modern Russian mass-media, connected with propagation of linguistic knowledge and increase of the general level speech culture of founders TV- and radio broadcasts.

Keywords: electronic mass-media, speech culture, language standard

Под орфоэпической культурой в нашей работе понимается соответствие речевой практики носителей современного русского языка выработавшимся произносительным и акцентологическим нормам.

Понятие «современный русский язык», как известно, имеет узкое и широкое толкование. Широкое – язык от эпохи Пушкина до наших дней, узкое – язык второй половины XX – начала XXI в. Бурные политические события конца XX века в России, вызвавшие большие социальные и экономические изменения, не вызвали, тем не менее, кардинальных изменения в языке. Об этом говорится, в частности, в работе Н.С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке», вышедшей в 2001 (ВАЛГИНА 2001). Такого же мнения придерживается редактор двух словарей, фиксирующих изменения в лексике русского языка на рубеже двух веков, Г.Н. Складская (СКЛЯРЕВСКАЯ 2001; СКЛЯРЕВСКАЯ 2008). Сейчас, при завершении первого десятилетия XXI века, налет вульгаризации и маргинализации лексики официальной речи, характерный для 90-х гг., уже практически не ощущается. Засилье заимствованных слов- англицизмов и американизмов типа *менеджер, маркетинг, мерчендайзер, франшиза, коучинг* также постепенно сходит на нет. Язык официальных ситуаций очищается от сниженной лексики. Изменения в грамматике и фонетике отмечаются как тенденции речевой практики, не затрагивающие систему языка в целом.

Данные рассуждения имеют непосредственное отношение к состоянию орфоэпической культуры носителей современного русского языка. Закончившийся период, в течение которого русский язык пребывал «на грани нервного срыва» (КРОНГАУЗ 2008), перешел в следующий, относительно спокойный период плавного эволюционного развития. Но и здесь есть свои проблемы, над которыми вынуждены думать современные русисты. Назовем лишь две из них.

Учитывая большую территорию распространения русского национального языка, следует отметить, что до сих пор в функционировании русской устной речи следует учитывать территориальный фактор. Устойчивость и живучесть диалектов, а также существование региональных особенностей в речи жителей больших городов – это явления, которые привлекают пристальное внимание современных исследователей. В.Е. Абрамов в своем исследовании о вариантности звучащей речи отмечает: «Совокупность диалектных черт, как правило, не обладает статусом нормы, но может входить на правах вариации в общую норму литературного языка или использоваться на данной территории в качестве субстандарта» (АБРАМОВ 2004: 31). Как известно, влияние диалектной речи и городского просторечия традиционно рассматриваются как дестабилизирующие факторы функционирования кодифицированной нормы, и в начале XXI века эти факторы не утратили своей значимости. Межкультурная коммуникация, активизировавшаяся с начала 90-х гг., и явления глобализации, сделавшие практически необходимым знание английского языка, привели к интенсификации воздействия английской устной речи на родную речь русской молодежи. Интонационные конструкции английских предложений в 90-е гг. слышались в речи многих русскоговорящих молодых людей. Однако это также оказалось преходящим явлением, и в начале XXI века, возможно, в связи с улучшением методики преподавания иностранных языков, данное явление не вызывает тревоги у специалистов по культуре речи. Однако вопрос о влиянии английского языка на современный русский, прежде всего в области лексики и семантики, остается одним из самых актуальных.

Не утратил своей актуальности и вопрос о необходимости повышения речевой культуры носителей современного русского языка, а в силу отмеченных выше явлений он еще и приобрел особую важность. Как справедливо отмечает М. Кронгауз, «современная <...> русская речь является смешением всего, что только существует в языке (в том числе и того, что ранее существовало на глубокой периферии)» (КРОНГАУЗ 2008: 101).

На современном этапе в работе над повышением орфоэпической культуры основное внимание уделяется традиционным вопросам – вопросам кодификации и пропаганды кодифицированной нормы.

В этом плане в современной языковой ситуации невозможно переоценить роль теле- и радиоречи как пропагандиста речевого эталона. Для русского языка с 30-х гг. XX в., со времени всеобщей радиофикации, радиоречь стала носителем образцовых речевых употреблений. Начиная с 50-х гг. эта роль перешла к телеречи, хотя функционирование радиовещания с появлением автордио по-прежнему не теряет своих позиций. К речи современных российских

ских теле- и радиоведущих предъявляются самые строгие требования, которым работники электронных СМИ стремятся соответствовать.

Большое значение имеет также работа по пропаганде лингвистических знаний. На центральных и местных теле- и радиоканалах современной России идут передачи, способствующие привлечению внимания зрителей и слушателей к языковой норме и причинам отступлений от нее. Наличие таких передач свидетельствует о том, что для современного носителя русского языка престиж нормативной речи продолжает оставаться очень высоким. Стремление сознательно следовать норме, вызывающее неубывающий интерес к печатной лексикографической продукции (см., например, ВВЕДЕНСКАЯ 2006; ИВАНОВА 2005), служит побудительным мотивом для многочисленных звонков в радио- и телередакции с вопросами по поводу произнесения того или иного слова. Причем среди таких звонков явно лидируют вопросы по поводу правильного ударения.

Изучение языка современных российских СМИ воспринимается лингвистами как одна из самых актуальных задач, так как «именно в СМИ происходят активные процессы изменения языковой нормы в рамках русского и других европейских языков» (ВОЛОДИНА 2008: 4).

Ведущую роль в современных электронных СМИ, безусловно, играет телевидение. Для миллионов людей телеэкран является основным источником информации. Являясь частью системы социальных отношений, телевидение выполняет те же функции, что и другие СМИ: образовательную, пропагандистскую, организующую и др., но информационная функция является ведущей. Телевизионная информация обладает своими специфическими чертами, среди которых «эффект присутствия», непосредственность (или ее иллюзия) получения информации является едва ли не самой важной. Телезритель чувствует себя не только очевидцем того или иного события, но и как бы его соучастником, а потому воспринимает информацию с большим доверием, чем прочитав ее в газете или услышав по радио. Кроме того, визуальная информация представляется зрителям более достоверной. И, не в последнюю очередь, визуальность делает информацию более доступной и легко воспринимаемой. Однако телевидение выполняет не только информационную функцию. Важное место в теле- и радиопрограммах должны занимать передачи культурно-просветительного и образовательного характера. В этом отношении заслуживает особого внимания проект телеканала «Россия К» (бывший канал «Культура»), входящего в холдинг ВГТРК «Россия», появившийся осенью 2010 г., - цикл передач, объединенных общим названием «Academia». С лекциями перед студенческой аудиторией, находящейся в телестудии, выступают ведущие ученые российских вузов и академических институтов. Это дает возможность показать прекрасные образцы текстов, относящихся к типу академического красноречия. Уже прошли передачи с участием выдающихся лингвистов

тов современности Андрея Анатольевича Зализняка и Вячеслава Всеволодовича Иванова, которые могут быть названы носителями элитарной речевой культуры, на телевидении представлены лишь эпизодически. Но, при всей несомненной показательности факта появления телепроекта «Academia», не следует забывать об ограниченности аудитории телеканала «Культура». Эти передачи доступны далеко не всей телеаудитории, да и тематически они не могут привлечь широкого зрителя. Для массовой аудитории наиболее привлекательны новостные, публицистические и развлекательные передачи, речевое оформление которых оказывает наиболее существенное воздействие на формирование орфоэпических предпочтений телезрителей.

Изучению влияния таких передач на современных телезрителей была посвящена работа, предпринятая нами вместе со студентами филологического факультета Волгоградского педагогического университета в 2007-2010 году и заключающаяся в исследовании присутствия орфоэпических вариантов в речи участников новостных и массовых телепередач центральных каналов российского телевидения. В процессе исследования была проанализирована с точки зрения соблюдения/несоблюдения орфоэпических норм речь ведущих и гостей следующих телепередач центральных каналов: «Вечерние новости», «Время», «Новости», «Другие новости», «Смак», «Жди меня», «Малахов+», «Пусть говорят», «Доброе утро!», «Контрольная закупка», «Непутевые заметки», «Времена», «Пока все дома», «Поле чудес», «Кто хочет стать миллионером?», «Лолита. Без комплексов», «Вести. Дежурная часть», «Доброе утро, Россия!».

Все участники передач были разделены на следующие группы:

- 1.- ведущие программ, а также те участники-гости, профессиональная деятельность которых связана с телевидением – дикторы, корреспонденты, журналисты;
- 2.- гости программ - представители так называемых публичных профессий. Участники этой группы также регулярно появляются в электронных СМИ - это актеры, звезды шоу-бизнеса, искусствоведы, политики ;
- 3.- гости программ – представители «непубличных» или массовых профессий, трудовая деятельность которых не связана с участием в электронных СМИ, - медицинский работник, парикмахер, повар, продавец.

Из биографических сведений о ведущих программ выяснилось, что лишь 7 человек из состава первой группы изначально выбрали профессию на телевидении (журналисты, дикторы) и, следовательно, получили специальную языковую подготовку. Профессиональная деятельность остальных ведущих либо частично связана с телевидением (певцы, режиссёры, лингвисты), либо вообще ничего общего с телевидением не имеет (инженеры, лётчики, педагоги). Следует отметить, что особое место занимает Геннадий Петрович Малахов,

ведущий передачи «Малахов+», - бывший учитель физкультуры, речь которого, несмотря на его статус ведущего телепрограммы, изобилует орфоэпическими ошибками

Исследование выявило, что орфоэпические варианты встречаются в речи всех участников. Всего было зафиксировано 530 словоупотреблений орфоэпических вариантов.

Самой многочисленной оказалась группа акцентологических вариантов, что соответствует объективной трудности усвоения акцентологических норм русского произношения. Это связано как с характерными чертами русского ударения (как известно, оно является подвижным и свободным), так и с разнообразием социально маркированных акцентологических видоизменений общепотребительных слов.

В процессе исследования было зафиксировано 251 словоупотребление, в которых возможны акцентологические варианты произношения. Наиболее характерными для этой группы являются такие слова, как *алкоголь, балованный, газопровод, жизнеобеспечение, заворожённо, звонят, создана, углубить* и др.

На втором месте по количеству вариантов группа произношения согласных звуков (186 вариантов). В данной группе наибольшее затруднение возникает в случае произнесения согласного перед [э] и большое число слов с употреблением фрикативного [γ]. На третьем месте произношение сочетаний звуков (69 вариантов, причём неправильных вариантов всего 3), на четвёртом месте – произношение гласных звуков (24 варианта).

Проведенная работа позволяет сделать выводы о том, что орфоэпические варианты, в том числе и ошибочные, встречаются в речи всех участников, в том числе и ведущих программ, но у этих участников такого рода ошибки чаще всего носят ситуативный характер. В целом же речь ведущих и гостей программ центральных каналов российского телевидения свидетельствует о достаточно хорошем знании норм орфоэпии всеми участниками передач.

Положительные показатели могли бы быть более высокими, если бы не учитывались ошибочные орфоэпические варианты, часто встречающиеся в речи ведущего программы «Малахов+», посвященной народным методам лечения, Г.П. Малахова. Среди его типичных ошибок – произнесение фрикативного [γ], неверное употребление твердых согласных перед [э], многочисленные случаи неправильного ударения в словах. Тем не менее присутствие данной передачи в сетке программ обусловлено редакционной политикой «Первого канала» – передача относится к числу высокорейтинговых, она особенно популярна среди зрителей предпенсионного и пенсионного возраста. Присутствие на экране телеведущего, имеющего в своей речи многочисленные варианты неграмотного и просторечного произношения, - результат редакцион-

ного компромисса, связанного с заботой прежде всего о рейтинге, а не с задачей сохранения и пропаганды правильного русского произношения.

Если в течение предшествующего десятилетия лингвисты фиксировали большое количество речевых ошибок в речи участников электронных СМИ (ВАСИЛЬЕВ 2003: 28-32), то результаты проведенного исследования показали, что уровень речевой культуры участников современного теле- и радиоэфира ощутимо вырос.

Таким образом, не вызывает сомнений значительная роль теле- и радиопередач в формировании должного уровня состояния орфоэпической культуры носителей современного русского языка. Повышение культуры владения речью теле- и радиоведущих и расширение тематики и проблематики специальных лингвистических передач, безусловно, могут способствовать поддержанию стабильности кодифицированной орфоэпической нормы современного русского языка.

Литература

- АБРАМОВ 2004 = Абрамов В.Е. Вариативность звучащей речи: проблемы восприятия. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2004. – 235 с.
- ВАЛГИНА 2001 = Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
- ВАСИЛЬЕВ 2003 = Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 224 с.
- ВВЕДЕНСКАЯ 2006 = Введенская Л.А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. - 3-е изд. – Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2006. - 352 с.
- ИВАНОВА 2005 = Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. – М.: Медиа, 2005. – 893 с.
- КРОНГАУЗ 2008 = Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак : Языки славянских культур, 2008. – 232 с.
- СКЛЯРЕВСКАЯ 2001 = Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – М.: ООО «Изд-во “Астрель”»: ООО «Изд-во “АСТ”», 2001. – 944 с.
- СКЛЯРЕВСКАЯ Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.
- ВОЛОДИНА 2008 = Язык средств массовой информации. Учебное пособие / под ред. М.И. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.

О. В. Сулемина

ТВОРЧЕСТВО КАК СОН
(ОБ ОДНОМ МОТИВНОМ КОМПЛЕКСЕ В ЛИРИКЕ
А.С. ПУШКИНА 1813-1824 ГГ.)

Abstract: Dream as a special state of mind has a significant place in Pushkin's lyrics. This research is devoted to Pushkin's lyric subject's dreams. The analysis of «lyceum» and «South» poems reveals the combination of such motifs as dream / death – inactivity – creativity. The relocation into the creative reality needs formal inactivity, which conceals the hard work of imagination. When the poet is dead to the world, he dwells in the reality of his imagination. The survey of this movable system of motifs allows us to trace some transformations of Pushkin's lyric subject's mind.

Keywords: Pushkin, lyric subject, poetic behaviour, poet, the reality of dream, poetic performance, death, formal inactivity, creativity, combination of motifs, poetic destiny.

Сон как особое «состояние души» неизменно привлекал внимание русских писателей XVIII – XIX вв. Каждый автор придавал сновидению собственное значение¹. По словам А. М. Ремизова, «сны, как особая действительность (существенность), по-своему закономерная, со своей последовательностью, но вне дневной бодрственной логичности, впервые появляются у Пушкина»².

Большинство исследовательских работ, посвященных бытованию мотива сна в творчестве А. С. Пушкина, связаны со «сновидчеством» героев поэта, которое имеет определенную сюжетную функцию³. В пушкинской лирике основное назначение прослеживаемого мотива иное – метафорическое, хотя сон иногда может фигурировать здесь и в предметном значении (один из примеров сочетания двух этих аспектов – лицейское стихотворение «Сон» (1816) [1;143-

¹ В творчестве разных писателей отражаются различные аспекты сна; приведем некоторые из них: «бодрая дремота» Ломоносова и Сумарокова, сон как смерть (такой мотив встречается у Жуковского, Чаадаева, Вяземского, Одоевского, Пушкина и др.); провидческие и пророческие сны героев (у Пушкина, Гоголя, Достоевского) и т.п.

² Ремизов А. М. Огонь вещей. Сны и предсонье. М.: Сов. Россия, 1989. С.145. Ср.: Цивьян Т. В. О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России. М., 1993. С. 299 – 338.

³ Например, анализ снов пушкинских героев: Гершензон М. О., Ремизов А. М., Николаева Т. М., Katz M. R., Nasty O. P. и др.

147]⁴, в котором сон восхваляется как истинно поэтическая материя, а музой певца оказывается Лень)⁵. В настоящей заметке мы попытаемся контурно обозначить историю мотива сна в пушкинской лирике той эпохи, когда совершается осознание Пушкиным своей поэтической миссии.

Для пушкинского поэта сон – способ перехода в мир своего воображения, причем такой переход подобен смерти, поскольку подразумевает попадание в иную реальность. В стихотворении «Мое завещание друзьям» (1815) лирический субъект утверждает, что «решился умереть». Что же значит для него смерть? Вот как предстает переход в «мир иной»:

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь... [1;96-97]

С изображением загробного мира как “мира волшебного” мы столкнемся позднее, в лирике “южного” периода, где смерть предстает как окончательный переход лирического субъекта в “волшебные края” [2;135], им самим созданные, и оказывается продолжением жизни в иной реальности. В данном стихотворении поэт желает оказаться *тенью* в мире *наслажденья*. Для перехода в этот мир требуется совершение определенного обряда. Действие происходит ночью, на берегу реки – традиционный хронотоп переходного состояния. По сути, совершается тризна над поэтом. Но она необычна тем, что происходит *до его смерти* и сам он в ней участвует, причем не в виде тени, а в качестве живого человека. Нарушается традиционный обряд: помин души совершается при жизни. Поэт сам решает уйти, что отличает его от остальных и говорит об особом отношении к смерти, которая оказывается для лирического субъекта продолжением жизни в новом состоянии. Переход осуществляется согласно традиции: особое время и место, совершение необходимых действий, которые в этом случае можно назвать ритуальными. В осуществлении ритуала принимают участие и посланцы иномирья, которые приглашены на “праздник”: Эрот и музы. Поэт говорит о родственной связи с богинями, что подтверждает его особое происхождение и положение среди смертных.

Переход поэта в загробный мир отмечен определенной двойственностью. Изначально лирический субъект сообщает, что желает оказаться на берегу

⁴ Стихотворения А. С. Пушкина цитируются по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994.; в дальнейшем цитаты даны с указанием в квадратных скобках номера тома и страницы.

⁵ В этом принципиальное отличие пушкинского «Сна» от травестийного «Похвального слова сну» Батюшкова (1810), где «поэтический» код не задействован никак. Созвучие мотивов «сна» и «воображения» в лирике Пушкина было замечено еще Гершензоном: Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М., 1926.

“вод забвенья”. Как известно, свойством дарить забвение обладают воды Леты, одной из рек подземного царства. Чтобы достигнуть этих вод, необходимо преодолеть Ахерон – пограничную реку мира мертвых. Решившись умереть, лирический субъект отправляется “на грустный берег Ахерона” – и не пересекает его, то есть оставляет за собой альтернативу возвращения или перемещения в какое-либо другое пространство, отвергая безвозвратный уход.

Приняв “грозд Анакреона”, поэт покидает реальный мир, но отправляется не в царство Аида. Его гроб расположен в “рощах Геликона” – мифологическом прибежище муз и Аполлона. Интересна надпись, которую лирический субъект желает видеть на своем гробе: “Здесь дремлет (курсив мой – О.С.) юноша – мудрец, Питомец нег и Аполлона” (Ср.: “Моя эпитафия”, 1815). [1;105] Пребывание поэта в загробном мире описывается как “дремота”, состояние, переходное от сна к бодрствованию. Это дает поэту возможность при желании вернуться в реальность.

Не исключена тут и отсылка к известной одической фразеологии⁶. Для М. В. Ломоносова в оде “На прибытие Ее Величества Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации” творческое состояние – это “бодрая дремота”⁷. А. П. Сумароков, пародируя «ломоносовский» призыв к вдохновению, изображал это так:

Не сплю, но в бодрой я дремоте
И наяву зрю страшный сон⁸.

В приведенных примерах “бодрая дремота” – это состояние своеобразного сосуществования в двух измерениях: мифологизированном творческом пространстве, видения которого предстают мысленному взору поэта, и реальности, где создается произведение. Дремоту пушкинского лирического субъекта отличает отсутствие эпитета “бодрая”. Такое снятие оксюморонности можно истолковать как еще более «продвинутую» перелицовку одического топоса: поэт стремится уверить всех в своей смерти, а “бодрая дремота” предполагает жизненную активность.

Родники Геликона считаются источником поэтического вдохновения. Можно предположить, что, покинув реальный мир, лирический субъект оказывается в мире творчества. Это поясняет необходимость появления муз при совершении переходного обряда и готовность поэта к так называемой “смерти”, которая может прочитываться двояко – и как уход в царство Аида, и как перемещение в мир творчества, населенный бессмертными музами и дарующий

⁶ См. о ней, к прим.: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. – С. 256 – 259.

⁷ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. Т.8. С. 97.

⁸ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч.2. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1787. С.206.

вечную жизнь. Эта двойственность неслучайна. Происходит своеобразная “фальсификация” смерти, направленная на то, чтобы дать лирическому субъекту возможность покинуть реальный мир и, счастливо избежав подземного царства, оказаться в прибежище муз и Аполлона, пусть даже в “дремотном” состоянии. Лирический субъект уверен в бессмертии своего “я”, но мир творчества для него – нечто внешнее, уже существующее, и он вынужден прибегать к определенным ухищрениям, чтобы остаться там навечно.

Друзья поэта тоже участвуют в инсценировке его смерти, помогая поэту осуществить переход в другое измерение. Именно друзьям завещано увековечить на надгробии строки, сообщающие, что лирический субъект “дремлет”. Кроме того, готовясь к смерти в первом ее значении, поэт передает им атрибуты своего творчества – *лень, лиру и миртовый венец*. Также друзья хранят его *сердце и память прошлых... дней*. В своем завещании поэт не просит от друзей определенных действий, но лишь одаривает их и призывает прийти на “*тихий праздник погребенья*”, который должен проходить “*в рощах Геликона*”. Следуя его призыву, они также переходят в мифологическое пространство, куда приносят с собой и оставленные им дары, тем самым возвращая их.

Совершив свое обрядовое действие, лирический субъект достигает желаемого – оказывается в мире поэтического воображения, наделенный всем необходимым для продолжения творческого процесса. Поэтому погребение названо праздником и сопровождается *веселостью*.

Заметим, что свои стихи поэт предает *забвенью*. Это связано с их завершенностью, конечностью, неприемлемой для мира вдохновения, куда он так стремится. Подобное афишированное невнимание к плодам своего творчества будет отражено и в лирике последующих периодов.

Мы наблюдаем, что в стихотворении “Мое завещание друзьям” лирический субъект Пушкина еще не воспринимает поэтический мир как нечто, созданное по собственной воле. Это проявляется в необходимости разного рода «ритуалов перехода» в творческую реальность. Поэт осознает свое особенное положение среди людей, на что указывает его двойственное понимание “смерти”. Уход из мира живых предполагает пребывание в царстве Аида, однако для лирического субъекта существует альтернатива – мифологизированное креативное пространство Геликона, нахождение в котором сродни дремоте.

Связь творчества с далекой от «бодрости» дремотой проявляется и в более поздних стихотворениях:

Душой предавшись наслажденью,

Я сладко, сладко задремал. («Тургеневу», 1817) [2;38]

Творчество семиотизируется как наслаждение. Перед нами возникает образ поэта-ленивца, который «слабою рукою» вызывает из своей лиры «изнеженные звуки». Как видим, это традиционные мотивы, присутствовавшие и в «лицей-

ской» лирике. «Беспечной и свободной лености» поэта противопоставляется труд и «поэтическая неволя», в которой находятся представители «Беседы любителей русского слова»⁹.

Но в послании «К ней» (1817) [2;42] лень окрашивается иначе:
 Напрасно! Я влачил постыдной лени груз (выделение мое – О.С.),
 В дремоту хладную невольно погружался,
 Бежал от радостей, бежал от милых муз
 И – слезы на глазах – со славою прощался!

Лень на этот раз неожиданно соединяется с дремотой «хладной», мотивом, относящимся к творчеству «беседчиков», и приобретает негативный оттенок. Ленивец, вместо легкости и творческого вдохновения, которые несут за собой жизнь и свободу, погружается в состояние, близкое к смерти. И вызвано это тем, что в данном контексте перед нами – духовное бездействие, нежелание входить в творческое состояние и контактировать с высшими силами вдохновения. Лень, способствующую творческому процессу, можно охарактеризовать как свободу от внешней суеты и возможность погрузиться внутрь себя, то есть напряженное, деятельное состояние.

Еще больше усиливается подобная перестановка акцентов в «Деревне» (1819) [2;82-83]:

В уединенье величавом
 Слышнее ваш отрадный глас.
 Он гонит лени сон угрюмый,
 К трудам рождает жар во мне,
 И ваши творческие думы
 В душевной зреют глубине. [2;82]

Как и в стихотворении, рассмотренном выше, лень соединяется с холодом и сном, подобным смерти, а труд вызывает жар и движение. Привычные мотивы получают новую – уже собственно пушкинскую, не связанную с борьбой литературных партий – перекодировку. То состояние, которое характеризовалось прежде словом «лень», теперь превращается в спокойствие, сочетающееся с трудами и вдохновением.

В стихотворениях «южного» периода продолжается и сопоставление сна и смерти (само по себе, разумеется, вполне архетипическое):

Когда же берег ада
 Навек меня возьмет,
 Когда навек уснет
 Перо, моя отрада... («К моей чернильнице», 1821) [2;165]

⁹ Фаустов А. А. К пушкинской миссиологии: поэт и священник// Филологические записки. Вып. 26. Воронеж: Воронежский гос. университет, 2007. С. 97-125.

Здесь смерть – это уход в мир творчества навечно. «Берег ада» отсылает нас к трактовке путешествия на Юг как паломничества в ад, что подробно рассмотрено Б. М. Гаспаровым¹⁰. Поскольку сон связан с актом творчества, «уснув навек», поэт просто навсегда переходит в мир, созданный его воображением¹¹. Сон дарует возможность вечной жизни в созданном самим поэтом мире. Именно поэтому отсутствие сна трактуется как одна из мук ада, «откуда изгнаны навеки надежда, мир, любовь и сон» ([«Вдали тех пропастей глубоких...»], 1821). [2;417]

По верному замечанию М. О. Гершензона, «сон души» дарит поэту возможность «привольной и радужной игры... свободного творчества ... внутреннего цветения»¹². Сон позволяет лирическому субъекту прервать связь с материальным миром и дать свободу воображению, создающему собственное творческое пространство, что внешне проявляется как смерть. Так в пушкинской лирике 1813-1824 гг. складывается подвижная комбинация мотивов сна / творчества – лени – смерти, означающая различные этапы принятия автором своей поэтической судьбы. Дальнейшая история этого мотивного комплекса в лирике Пушкина – задача отдельного исследования.

Литература

- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994.
- Батюшков К. Н. Похвальное слово сну // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977.
- Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб, 1999.
- Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М., 1926.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. Т.8.
- Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С.123-126.
- Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М.: КомКнига, 2005. С.234-256.
- Ремизов А. М. Огонь вещей. Сны и предсонье. М.: Сов. Россия, 1989. С.144-150.

¹⁰ Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб, 1999. С.75-220.

¹¹ Переход в мир воображения в «южной» лирике осуществляется естественно и просто, что может указывать на осознание лирическим субъектом этого мира как одной из составляющих своей личности.

¹² Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М., 1926. С. 60.

- Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч.2. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1787.
- Фаустов А. А. К пушкинской миссиологии: поэт и священник// Филологические записки. Вып. 26. Воронеж: Воронежский гос. университет, 2007.
- Цивьян Т. В. О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России. М., 1993.
- Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и писем. М.: «Наука», 1991. Т.1. С.458-459.
- Nasty O. P. Pushkin's Tatiana. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1999. pp.137-175.
- Katz M. R. Dreams and unconscious in nineteenth-century Russian fiction. Hanover, NH: Univ. Press of New England, 1984.

Супрун-Белевич Л.Р., Иванов К. И.

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА КАК ОБЪЕКТ ДЛЯ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА. ОБОЗНАЧЕНИЯ ПИЩИ ИЗ ЗЕРНА В РУССКОМ И
БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ.

Abstract: In the paper "Lexico-thematic group as the object of contrastive analysis of lingua-cultural space. Names of corn food in Russian and Bulgarian languages" forming and structuring of the semantic group denoting names of corn food in Russian and Bulgarian is studied. 6 lexico-thematic groups and subgroups are singled out according to their lexicographic characteristics given in various sources. Close relations of language and history of 2 nations is shown. The role of extralinguistic factors in structuring of lexical fond is underlined. The semantic basis of conceptualization of ideas denoted by given words is revealed.

Keywords: language and culture, system of signs, lexico-thematic group, food made of corn, concept "food".

В современной сопоставительной лингвистике активно используются лингвокультурологические подходы. Они позволяют более детально и точно определить специфические и совпадающие фрагменты языковой картины мира. Особенно важные понятия в языке выражают национальную ментальность, становясь ключевыми концептами в лингвокультурном пространстве. Система обозначений напитков и пищи, несомненно, может сказать многое о когнитивном освоении действительности разными народами.

Для древних славян, занимавшихся издавна земледелием, основной пищей считались изделия, приготовленные на основе зерна. Поэтому естественно, что в русском и болгарском языках сохранилось много общих наименований пищи из зерна (прежде всего, это общие названия *каша*, *хлеб*). Для более четкого выявления всех сходств и различий представляется целесообразным внутри рассматриваемой микросистемы выделить следующие лексические группы: 1) названия пищи из запеченного теста без начинки; 2) названия пищи из запеченного теста с начинкой; 3), названия изделий из жидкого теста, испеченные или жареные на сковороде; 4) названия пищи из вареной крупы; 5) названия пищи из полосок тонкого теста; 6) названия жидкой пищи, приготовленной на основе зерна.

Хлебопашество было основой хозяйства древних славян, а хлеб и различные виды зерна (крупы) – их основной пищей. В фольклорной культуре болгарского и русского народов хлеб является ежедневной и обрядовой пищей, объектом культового отношения и предметным символом жизни.

Хлеб – одно из тех явлений, у которых эстетические функции плавно переходят в прикладные и наоборот, а чаще всего существуют вместе, их невозможно отделить.

В системе названий хлеба в болгарском и русском языках наблюдаются как черты сходства, так и определенные различия, обусловленные экстралингвистическими факторами.

Общим наименованием еды из запеченного дрожжевого теста во всех славянских языках является *хлеб* (болг. лит. *хляб*). В семантическое поле «хлеб» включены названия хлеба разных форм, с разной начинкой и предназначением. Общими для болгарского и русского языков являются только лексемы *хлеб* и *каравай* «круглый обрядовый хлеб» (болг. *кравай* «круглый обрядовый хлеб с отверстием»). В русском языке семантическое поле шире, о чем свидетельствуют данные некоторых говоров: ряз. *каравай* «пресный хлеб», новг. *каравай* «круглый пирог с курицей», тул. *караваец* «крутая каша, запеченная в миске и вываленная», ряз. *каравайцы* «пшеничные блины». Предполагается, что слово произошло от корня **korv-* и связано с символикой плодородия и брачного благополучия. По-видимому, старшим значением является «свадебный пирог».

В других наименованиях хлеба в качестве мотивирующих признаков в болгарском языке используются: вид теста (*квасник* – из кислого, *преснец* – из пресного, *пресница* – из кукурузной или пшеничной муки), вид муки – (*просеник* – из проса, *кукурузник* (диал.) – из кукурузной муки), форма – *кукла*, связь с календарным праздником – *боговица* (к Рождеству), *младенец* (к Благовещению – *Младенци*), *вечерник* (к сочельнику – болг. *Бъдни вечер*). Форма хлеба обычно является недостаточным признаком для выяснения семантики лексем. Так, для обозначения круглого хлеба используются заимствования соответственно из турецкого, итальянского и старогреческого *самун*, *пита*, *погача* (*погаче*). *Самуном* можно назвать и любой отдельный хлеб, *погача* готовится из белой пшеничной муки высшего качества, набухшей во время приготовления, а *пита* – это круглый, но еще и плоский, сплюснутый хлеб. Особого внимания заслуживают обозначения изделий из теста с отверстиями разной величины в середине. Этимология русских обозначений *баранка* – «булочное изделие в виде кольца из заварного теста» и *бублик* – «толстая мягкая баранка» связана со способом приготовления (варить, обварить и набухать, пузыриться). Их соответствиями являются в болгарском названия *кравайче* – уменьшительная форма от *кравай* и *геврек* (от турецкого *gevrek*) – вид «кравая» из вареного и испеченного теста. Не имеет болгарского лексического эквивалента лексема *крендель* (от нем. *Krengel*) – «булочка в форме буквы В или цифры 8». Семантическое

сближение наблюдаем у лексем *кравай* и *крендель* при развитии вторичных значений с объединяющим признаком «кривизна» при описании положения тела человека или животного: *свивам се на кравай* (сворачиваться калачиком, но также жить в нищете), *кренделем* (согнув конечности). Для обозначения пустоты и нуля болгарско-русскую эквивалентную пару образуют уже лексемы *геврек*, *кравай* – *баранка*.

В особую подгруппу следует выделить обрядовые хлебы. По данным болгарского этнографа Д. Маринова, количество их превышает цифру 140. В их названиях отражаются особенности формы (*колак* «круглый хлеб» (ср. болг. *колело* – «колесо», континуант праславянского **kolo*, отсюда и русское *колач*, *калач*), *кръст*, *кръстаи* «хлеб с украшением в форме креста»). Но более стабильным критерием номинации остается предназначение. Только этим можно объяснить факт существования хлебов с названиями *косичняк* и *плетеница* без плетеных элементов (такие хлебы пекли к ритуалу мытья, расчесывания и заплетения волос невесты) и необязательный характер антропоморфности у хлеба *кукла*. В русском языке группу еды из запеченного теста представляет значительно меньшее количество лексем: *коврига* «большой круглый хлеб» (судя по описаниям, первоначально коврига имела прямоугольную форму, как современная *коврижка* «изделие из пряничного теста»), *кулич* «пасхальный хлеб на дрожжах», *сочень* «лепешка из кислого теста». Не имеет соответствия в болгарском языке деление хлебов по качеству муки: *пушной* (из плохо просеянной муки), *решетный* (из ржаной муки), *ситный* (из просеянной через сито). В болгарском языке отмечено только высшее качество муки в названии *симид* (от ар.-тур. *Simit*) «хлебец из белой муки, приготовленный на специальных дрожжах, без соли». У болгар пекут хлеб только из пшеничной и ржаной, редко из кукурузной муки. Этим объясняется отсутствие болгарских соответствий русским областным наименованиям *шанежки* «хлебцы из ячменной муки» и *ярушники* «хлебцы из овсяной муки».

Хлеб – всеобъемлющий символ, обладающий свойством выражать различные идеи. В прошлом хлеб играл важную роль не только как вид пищи, но и сопутствовал осуществлению социальных контактов, общению между людьми. Хозяева угощали хлебом гостей, но и гости приносили с собой свой хлеб и отдавали его хозяевам. Сохраняются в той или иной степени и запреты и суеверия, связанные с хлебом. Официальные делегации продолжают встречать с хлебом и солью. Эти факты еще раз подтверждают особое место хлеба в культуре и быте болгар и русских. Оно проявляется в значительной фразеологической и паремиологической активности лексемы *хлеб* (болг. *хляб*). Можно с уверенностью утверждать, что хлеб и в русском, и в болгарском становится главным подконцептом концепта «пища», свидетельством чего является возможность синонимической замены двух лексем.

Когда болгары хотят отметить худобу собеседника, они обычно спрашивают так: *Хляб не ядеш ли?*, т.е. Ты ничего не ешь? Сам хлеб часто в болгарских идиоматических единицах представлен субститутами *комат* (греч.), *къшей* (ср. с къс – кусок), *филия* (греч. – кусок нарезанного хлеба), *зальк* (кусок на один глоток). Данные «Славянского ассоциативного словаря» (САС) показывают совпадения в перечне самых частотных реакций на стимул *хлеб - хляб*: рус. еда, соль, всему голова, насыщенный, черный, белый, голова, горячий, мягкий, масло, есть и болг. *храна* (пища, еда), *сол*, *бял*, *черен*, *насъщен*, *ям*, *вода*, *топъл*, *живот*, *ядене*, *брашно* (мука), *жито*, *необходимост*. Идиоматика в целом показывает, что хлеб в сознании болгар и русских воспринимается как что-то ценное, необходимое, обеспечивающее проживание даже при отсутствии другой еды. Идиоматика дает информацию и о специфическом употреблении лексемы хлеб в каждом из языков (напр. в болгарском – *има хляб в...* (есть хлеб в ком-либо, чем-либо – есть способности или качества, которые могут развиваться); *изяждам си хляба* (съесть свой хлеб – оставаться без куска хлеба: терять работу и средства к существованию по своей вине); *грабя като топъл хляб* – отрывают с руками, берут нарасхват; в русском – хлебом не корми кого-либо (об увлеченности кого-либо каким-нибудь занятием).

В группе обозначений изделий из запеченного теста с начинкой общих для исследуемых языков лексем нет. Лексемой с самым широким семантическим объемом является *баница* – еда из запеченного слоеного теста с начинкой. Способ приготовления отражен в этимологии слова (от староболгарского *гъбаница*, связанного с древними глаголами *гьбати*), *прегьбати* (совр. болг. *гъна*, *прегъвам*, *сгъвам*). Русским эквивалентом (относительным) этого наименования можно считать *пирог* – печеное изделие из теста с какой-либо начинкой. Тожественными по семантике эти слова не являются, поскольку *баница* делается из слоеного теста, а *пирог* – из пресного, а чаще из кислого. Этимология слова связана с древнерусским *пыро* – сорт пшеницы или со словом *пир*. В русском языке также используется слово с тем же корнем и уменьшительным суффиксом – *пирожок* – маленький пирог. В отличие от пирога, *пирожок* может быть и печеным, и жареным. В болгарском языке есть заимствование из русского *пирожка* (ж.рода), но с другим значением: пирожок, жаренный в масле, подобный пончику. Для всех остальных наименований данной подгруппы основными мотивирующими признаками в названиях выступают начинка и пропитка.

В болгарских словах выявляется один словообразовательный формант – суффикс *-ник*: *тиквеник*, *спаначник* (спанак – шпинат), *зелник* (с любимыми

овощами или с капустой (от *зеле* – капуста и *зеленчук* – овощ), *лападник* (*лапад* – шавель), *копривник* (с молодой крапивой), *млечник* (пропитанный молоком). В русских названиях не выделяется общая модель и мотивация является не столь прозрачной, как в болгарском языке: *крупеник* (с крупой), *сметанник*, *курник*, *грибник*. Кроме однословных, существуют и наименования-словосочетания: *капустный*, *яблочный*, *рыбный пирог*, *пирог с вареньем*. В болгарском языке словосочетания используются для обозначения *баницы* в зависимости от способа приготовления: *вита* (закрученная), *точена* (раскатанная очень тонко), *дърпана* (растянутая по краям руками; *дърпам* – тянуть), *циганска* (с неплотно прилегающими листами, похожая на разорванную цыганскую одежду). В русском языке есть номинации с мотивирующим признаком форма изделия: *кулебяка* – пирог с мясом, *колоб*, *колобок*, *ватрушка* (открытый пирог с творогом и завернутыми краями – от прасл. **vatra* – огонь), *растегай* – пирог с обязательным разрезом (от тянуть, тягать).

Для обозначения десертных слоеных пирогов в болгарском языке используются часто заимствования: турецкие: *саралия* – кусок закрученной сладкой баницы; персидские – *баклава* – баница с начинкой из измельченных грецких орехов, залитая сиропом. Русские специальные наименования сладких пирогов нами не отмечены. Следует отметить культурную значимость болгарской лексемы *баница*. Новогодняя трапеза немыслима без *баница с късмети* (пирог с кизилковыми веточками и монетой, символизирующими будущую удачу и область, в которой она проявится в следующем году для каждого члена семьи; *късмет* – удача, везение, успех).

В группе наименований изделий из жидкого теста, испеченных или жаренных на сковороде, представлены в основном русские лексемы. В болгарском нет исконных слов для их обозначения. В современном языке употребительны следующие лексемы: *палачинка* – сладкая еда из тонкого слоя жареного теста (от древнегреческого *плас* – плоскость, плита), *катма* – большая запеченная палачинка или круглая булочка с маслом, медом или вареньем (тур.), *мекица* – изделие неправильной формы, поджаренное в растительном масле. Некоторая похожесть на челнок ткацкого станка дает основание для выведения этимологии из турецкого *мекик* – челнок. Болгарское оформление слова с суффиксом *-ица* породило народную этимологию на основе прилагательного *мек* – мягкий. К рассмотренным названиям примыкает слово *поничка*, заимствование из русского (а в русском – из польского: *пончик* – круглый, жаренный в масле пирожок, обычно сладкий. В рассматриваемую группу входит также лексема *блин*, *блинчик* – тонкая лепешка из жидкого теста, жареная на сковороде. Более древняя форма *млинь* связана с глаголом *молоть*, *мелю*. Лексема *млин* в некоторых болгарских диалектах является синонимом лексемы *баница*. Изначально

блины были только ритуальной пищей. Основная символика отражает представления о смерти и потустороннем мире или связана с плодородием. Блины пекли на Радуницу, на Масленицу, на Рождество, на Вознесение, на свадьбу. Разновидность блина – *олады* – лепешки из теста, жаренного на сковороде (из древнегреческого *oley* – масло).

Общим по значению наименованием еды из вареной крупы и в болгарском, и в русском языке является слово *каша*. По происхождению оно восходит к праславянскому **kasja*. Болгары обычно готовят кашу из двух видов крупы: пшеничной и кукурузной. О нетипичности этого вида пищи в болгарской кухне свидетельствует отсутствие исконных слов для ее обозначения. Используются заимствования из турецкого (*кускус*, *булгур*, *трахана/ тархана*), из немецкого (*грис* (Gries – крупный песок) – для пшеничных каш, из турецкого (*качамак*) и румынского (*мамалига*) – для кукурузной. Каша играет более существенную роль в жизни русского человека. Это одновременно и ритуальная пища, и хлеб насущный. Когда русские хотят подчеркнуть неопытность, незрелость человека в каком-то деле, они говорят, что он «мало каши ел», а болгары: *има още много хляб да изядеш*. В русской культуре есть праздник святой Акулины, который называется праздником каш. Ни один праздник не обходится без специальной каши, тогда как болгары почти для всех обрядов готовят хлеб. У русских из обрядовых каш есть каша *крестильная* (из любой крупы), *обетная* (на Купалу), *куть я* (на Сочельник – каша с медом) и другие. Для изготовления каш у русских используются все виды зерновых: пшеница (для манной), овес (для овсяной), ячмень (для ячневой и перловой), гречка (для гречневой), полба (для полбяной и кулеша). В большинстве наименований каш фигурирует название крупы, из которой она изготавливается. Национально-культурный компонент значения слова проявляется в многочисленных идиоматических выражениях, пословицах и поговорках: *Щи да каша – пища наша*, *Каша – мать наша*, *с ним каши не сваришь* (дела не уладишь), *кашу маслом не испортишь* (всему счет, мера и граница), *у него каша во рту* – не умеет внятно говорить, *каши просят* – износились, продырявились сапоги, ботинки, подметки, *березовая каша* – устар. розги (в старой школе начало нового этапа обучения отмечали угощением (кашей) из одного котла (отсюда *однокашник*), провинившихся и нерадивых вместо угощения кашей пороли березовыми розгами, «угощали» кашей березовой, *кашу заварить* – вызвать суматоху. Каша как символ неустановленного, запутанного состояния присутствует и в болгарском фразеологизме *забърквам каша* – заваривать кашу.

Каша удобна тем, что ее можно есть и в скоромные, и в постные дни. Для поста предназначены следующие каши: *тюря* – похлебка на воде с крошеным ржаным черным хлебом, часто на квасе с луком (от тереть или от греч. тирос-сыр или балт.-лит. *tyge* – каша), *кулага* – болтушка из любой муки с солью и растительным маслом, *толокно* – немолотая овсяная мука с водой или квасом и с солью, *саламата*, *солодуха* – каша из любой крупы с солодом, *тепня* – квас с толокном. По способу приготовления блюда и по составу продуктов к этой подгруппе относим и болгарское *попара* – кусочки хлеба в кипятке с брынзой (болг. *сирене*) и маслом, самый простой и питательный завтрак для болгар. В широком смысле *попара* – это также раскрошенный хлеб в чае и молоке. Слово попало в болгарский из греческого, а в греческий из итальянского, где *rappara* обозначало суп с хлебом. Удивительна яркая фразеолообразующая роль этого слова, что позволяет говорить, о том, что после лексемы хлеб это обозначение становится вторым концептуально важным в тематическом поле «пища» болгарского языка. Вот несколько примеров: *сърбам* (хлебать) *попарата на..* – страдать, натерпеться из-за чужих ошибок; *дробил* (букв. мельчить, крошить) *съм попара, ще я сърбам* – буду терпеть неприятности по своей вине; *не е попара да я изсърбам* – это нелегкое, непростое дело, *сирене няма, попара дроби* – готовится заранее к событию, которое может и не наступить; *няма да правя* (не буду делать) *попара* – это мне не понадобится, ни к чему, *от думи попара не става* – словами попару не сделаешь.

Еда из полосок тонкого теста, названия которой отнесены нами к следующей подгруппе, используются в Болгарии преимущественно в качестве десерта. Как и большинство остальных сладких блюд, эти имеют турецко-арабское происхождение. Например *кадаиф* – сухие нитки из теста, блюдо из этих ниток, испеченное с маслом и орехами и залитое сиропом: *юфка* (*йовка*) – сушеные лепестки из теста. Интересно, что и в русском языке также заимствовано слово тюркского происхождения *лапша* – тесто из пшеничной муки, тонко раскатанное и нарезанное. Отличие состоит в том, что у русских этот материал из теста используется для приготовления только первых и вторых блюд, а у болгар – для десертов. Различия в номинации более современных продуктов типа лапши связаны с путями их проникновения – русск. *вермишель* (с французского), болг. *фиде* – с греческого *fides* через турецкий). Принципом номинации в исходных языках является сходство по форме – с червяком и змеей.

Наименования жидкой пищи, приготовленной на основе муки, в болгарском языке представлены слабо, поскольку она не занимает важное место в пищевом рационе болгар. Стоит отметить только слабоалкогольный густой напиток, сладкий или кисловатый, готовящийся обычно из просяной (или кукурузной) муки – *боза* (тур. *boza*). В болгарском жаргоне эта лексема

приобрела еще одно значение – произведение искусства (книга, картина, фильм) низкого качества. Вероятно название связано с турецким колоронимом *boz* – серый). Ироническое сравнение *бистър* (позрачный, чистый) *като боза* обозначает противоположное качество: замутненный, нечистый. В русском жидкая пища на основе муки обозначена лексемами *квас* и *кисель*. В современном языке они обозначают напитки, но первоначально были связаны с пищей, приготовленной на основе муки. Квас использовали и как отдельное блюдо, и как основу для приготовления различных каш (например, толокна). Квас воспринимался когда-то как символ «русскости», откуда произошел фразеологизм *квасной патриотизм*. Основное значение лексемы *квас* в болгарском языке связано с первичным предназначением – это части старого кислого теста, использующиеся для замешивания нового хлеба.

Приведенный обширный языковой материал позволяет сделать некоторые **обобщения**: 1. Наличие общих корней, лексем и словообразовательных моделей подтверждает тесную генетическую связь языков и культур болгарского и русского народов; 2. Своеобразие болгарских и русских названий в исследуемой лексико-тематической группе связано с различиями в условиях проживания (географическая и природная среда, метеорологические условия), влияющих на традиции в области культуры, обрабатывания земли, приготовления и употребления пищи, а также с различиями в восприятии и оценке сходных житейских явлений; 3. Фактический материал в данной области может послужить для исследования особенностей когнитивного мышления двух народов и для составления справочников с лингвострановедческой направленностью, для выделения значимых культурем. На сопоставительном фоне удастся более рельефно показать семиотические, символические и коммуникативные функции продуктов еды и функционирование их названий в языке. И в болгарском, и в русском языках находим примеры трансляции предметного мира на описание мира человека (напр. русск. *тертый калач* – об опытном человеке, которого трудно обмануть, этот калач выпекается из крутого теста, которое долго мнут и трут и болг. *тутманик* – балда, недотепа, увалень, этот вид баницы готовится многократным расплющиванием шара из теста после намазывания его маслом и загибаний; *тутав*, *туткав* – неловкий, неуклюжий, тур. глагол *tutmak*- держать); 4. Состав лексики зависит и от особенностей языковых контактов русского и болгарского языков между собой и с другими языками и от особенностей исторического развития двух народов. Развивающийся в течение почти пятисот лет в условиях вынужденного территориального соседства с турецким, болгарский язык сохраняет в себе значительное

количество ориентализмов турецкого, арабского и персидского происхождения.

О.К. Ваганова

«БЕСЫ» – ПЛОД «ЗАВИСТИ»?
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОДНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ
В МИРЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Abstract: *Is The Devils – Result of The Envy? Experience of Genetic Research of one Behaviour's model in Dostoevsky's fiction*

In this article O. Vaganova considers different approaches to the idea of envy, related not only to Dostoevsky's work, but to his life as well. The envy discussed is meant both as the name of an unpublished novel ("The Envy") – which was one of the textual sources of "The Devils" – and as the driving force of the plot of "The Devils" (the envy). Besides, the author examines how Dostoevsky's own biography "sore-spot" had an influence on a choice of a focus of interest and subjects by which the direction of its plots was defined.

Keywords: literary criticism, history of literature, Russian literature, Russian writers, F. M. Dostoevsky, creativity and biography, envy, the unpublished novel "The Envy".

Фабульный каркас романа «Бесы» образует план романа «Зависть», задуманного в 1870–1872 гг., название которого детерминировано характером взаимоотношений двух ключевых героев – Князя (он же А.Б., он же Ставрогин) и Учителя (одного из прототипов Шатова)¹. Замысел романа отражен в подготовительных материалах. Князь возвращается из-за границы и заводит с Воспитанницей (Даша Шатова) незаконную связь, приводящую к беременности последней, о чем узнает мать Князя, «деспотка» (в которой нетрудно узнать будущую Варвару Петровну, мать Ставрогина). Об узаконенном исходе отношений сына с Воспитанницей, она – которая «зарится на Красавицу (Лиза Тушина), дочь для А.Б.» [58]² – даже слышать не желает. В дом приглашают Учителя, а Воспитанницу «удаляют, к больной будто бы тетке» [59]. Княгиня лелеет в голове замысел женить Учителя на Воспитаннице, к которой со временем тот начинает испытывать любовь. Однажды он открывает ей свои чувства. «Наконец доходит, что она говорит: "И я вас люблю", но он видит, что нет» [59]. Вскоре вслед за этим «в споре с каким-то соседом за что-то» Учитель при Красавице получает пощечину и «через это устраивается дуэль» [59]. Князь предлагает себя в секунданты Учителю. Красавица, поражен-

¹ См. также о линии, ведущей от «Зависти» к «Вечному мужу»: Фаустов А.А. Диалог с Пушкиным в «Вечном муже» Достоевского // Текст и интерпретация. – Новосибирск, 2006. С. 86 – 96.

² Здесь и далее «Зависть» цит. с указанием в скобках только страниц по: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – М.: Наука, 1974. – Т. 11. – 416 с.

ная благородством Учителя, влюбляется в него. Заканчивается неосуществленный роман «Зависть» женитьбой Князя на Воспитаннице и твердым намерением Учителя посвататься к Красавице, что противоречит всякой логике развития отношений между героями, но вполне соответствует духу Ф.М. Достоевского. Уточним: Учитель влюблен в Воспитанницу, но собирается жениться на Красавице, а Воспитанница, влюбленная в Князя, принимает предложение от него же, любящего лишь самого себя.

Как мы видим, фабула романа «Зависть» в высшей степени незамысловата и с окончательным вариантом «Бесов» имеет крайне мало общего: отсутствует интрига нечаевского дела, тема политического заговора, да и женские характеры созданы лишь для того чтобы дать сюжетный повод для реализации темы романа – Зависти, которая и является мощным двигателем произведения, приводящим в движение фабулу. Страстный, гордый Князь женится на нелюбимой Воспитаннице из зависти к Учителю, а не из чувства долга или ложно понятой идеи социального равенства. «Князь постоянно в продолжении романа все более и более завидует Учителю» [60]. Далее: «А.Б. завидует превосходству Учителя, а тот его жалеет» [61]. «Уязвленный завистью и ревностью Князь (к Учителю) <...>, вдруг получает полный афрон» [62]. Достоевский очень подробно, в многочисленных вариантах, расписывал конфликт романа «Зависть», пытаясь с максимальной четкостью определить характер отношений в связке Князь – Учитель.

Впоследствии фабула претерпевает значительные метаморфозы. Поэтому различные редакции романа представляют собой диффузные, но далеко не однородные в фабульном плане текстовые образования. Художественные варианты структурно-семантической инвариантности в некоторых случаях полярны, сюжетные ходы развернуты на 180 градусов. Так, пощечину Учитель получает от Князя (а в «Бесах» Шатов бьет Ставрогина по лицу); в одном из вариантов Учитель уезжает с Воспитанницей и они счастливы; Воспитанница – жена Учителя – со временем превращается в Дашу – сестру Шатова; Князь из «страстного, гордого, безалаберного человека» [58] (см. также «А.Б. блистателен, горд, завистлив и все» [60]) превращается в «нового человека», который «молится иконам», «уже все разрешив, все сомнения» [133], затем, в «Бесах» – перед нами «мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер», «загадочное лицо, которое все объявили сумасшедшим» [133]. Неизменной остается лишь зависть, стягивающая воедино каскад мотивов.

Обратимся к более раннему сюжету, из биографии Ф.М. Достоевского. Писатель, как известно, на протяжении почти всей своей жизни испытывал острую нужду в материальных средствах. В случаях крайней необходимости он обращался за помощью к знакомым. Однажды Ф.М. Достоевский занял деньги у Н.А. Спешнева, с которым был знаком по кружку Петрашев-

ского. Приведем описание этого случая, относящегося к 1848 году, товарищем молодости Ф.М. Достоевского – С.Д. Яновским:

«Он сделался каким-то скучным, более раздражительным и готовым придирааться к самым ничтожным мелочам.

Причиной же всего этого было, как впоследствии он сам это сказал, сближение со Спешневым, или лучше сказать, *заем у него денег* (курсив наш – О.В.). До этого обстоятельства Ф.М. Достоевский о Спешневе или ничего не говорил, или отделялся лаконическим: “Я его мало знаю, да, по правде и не желаю ближе с ним сходиться” (...) Я говорил (...), что это пройдет. Но на эти-то мои успокоения однажды Ф.М. Достоевский мне и ответил: “Нет, не пройдет, а долго будет меня мучить, так как я взял у Спешнева деньги (при этом он назвал сумму около пятисот рублей серебром) и теперь я с *ним* и *его*. Отдать же этой суммы я никогда не буду в состоянии”. Вот разговор, который врезался в мою память на всю мою жизнь, и так как Ф.М. Достоевский, ведя его со мной, несколько раз повторил: “понимаете ли вы, что у меня с этого момента есть свой Мефистофель”, то я невольно ему и теперь придаю такое же фатальное значение, какое он заключал в себе и в то время»³.

Представляется довольно очевидным, хоть и несколько странным, намерение Достоевского поработить себя заемом катастрофической по меркам писателя суммы у полужнакомого человека. (Впрочем, здесь можно вспомнить о специфической особенности Ф.М. Достоевского, в течение многих лет работавшего в долг: «Очень часто случалось в моей литературной жизни, что начало главы романа или повести было уже в типографии и в наборе, а окончание сидело еще в моей голове, но *непременно* должно было написаться к завтраму. Привыкнув так работать, я поступил точно так же и с «Униженными и оскорбленными», но никем на этот раз не принуждаемый, а по собственной воле моей» (Ф.М. Достоевский «Об Аполлоне Александровиче Григорьеве»⁴). Постоянное пребывание в ножницах двух разнонаправленных сил – преследования издателей и лихорадочной деятельности – погружало Ф.М. Достоевского в экстремальные условия опыта творческой фрустрации, и это давление наилучшим образом соответствовало аккумуляции творческих сил писателя).

Эпитеты «я с *ним* и *его*», так же как и мотив сделки, высвечивают мефистофельский мотив продажи души, который здесь плавает на таком мелко-

³ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья, сост. и коммент. К. Тюнькина. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. – С. 248.

⁴ Ф.М. Достоевский. Дневник. Статьи. Записные книжки: В 3 т. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1. 1845–1875. – С. 211.

воде, что рассматривать его более подробно не имеет смысла. Не вызывает сомнений, что Ф.М. Достоевский хотел вызвать у себя чувство вины по отношению к Н.А. Спешневу и оказаться в его власти. Зачем?

Разгадку можно найти в набросках к тому же роману «Зависть», касающихся специфики взаимоотношений Князя и Учителя: «Князь завидует Учителю. Связи Князя с Учителем. Еще вначале Князь прежде (вначале) обижает Учителя и просит у него прощения. С тех пор ненависть» [62]. Приведенная цитата отражает нарушение обычных психологических мотивировок: необходимо почувствовать себя виноватым, чтобы ощутить ненависть. Возникает логически инверсированная цепочка: писатель хотел ощутить чувство вины, чтобы возненавидеть своего кредитора. Очевидно, это превентивная мера самозащиты идентичности, воздвигающей барьер ненависти из страха стать уничтоженной. Однако подобного рода «профилактика» бьет мимо цели и достигает противоположного результата – «утверждения-через-отрицание», ибо ненависть (отрицание положительной сущности некоего субъекта) привязывает к своему объекту сильнее, чем даже прямое «жертвоприношение» (которое представляет собой «коммуникацию между тем, кто приносит жертву, и “божеством”»¹⁶). Нельзя обойти стороной и действительную исключительность личности Н.А. Спешнева (прототипа Николая Ставрогина – своего тезки), к которому мог прийти в пору метафизический наряд рокового героя¹⁷.

Еще одним «Мефистофелем» для Ф.М. Достоевского стал И.С. Тургенев, с которым писателя также связывал многолетняя история непростых отношений. Восхищенные отзывы Ф.М. Достоевского¹⁸ сменяются психологи-

¹⁶ Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 13. Это происходит оттого, что функция жертвоприношения – «в том, чтобы успокоить внутреннее насилие, не дать разразиться конфликту», ненависть же провоцирует конфликт.

¹⁷ П.П. Тянь-Шанский так вспоминал о нем: «Н.А. Спешнев отличался замечательной мужественной красотой. С него прямо можно было рисовать этюд головы и фигуры Спасителя. Замечательно образованный, культурный и начитанный, он воспитывался в Лицее, принадлежал к очень зажиточной дворянской семье и был сам крупным помещиком». Здесь мы не будем акцентироваться на якобы «явном понимании Достоевским подавления чувства гомосексуальности» (Rice J. Dostoevsky and the Healing art: Ardis, 1985. – P. 220). Если уж экстраполировать эту ситуацию в патологию, то уместнее будет в качестве общего знаменателя использовать мазохистские импульсы писателя, распыленные во всем его творчестве. Впрочем, не стоит забывать и о том, что не все, кто повествует о преступлении, непременно его совершают.

¹⁸ Из письма к М.М. Достоевскому: «Но брат, что это за человек! Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет, я не знаю, в чем природа отказала ему?» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ф.М. Достоевский. – М.: Наука, 1985. – Т. 28, кн. 1. – С. 115).

ческим и эмоциональным неприятием писателями друг друга. Ф.М. Достоевский также занимает у И.С. Тургенева деньги, что мотивно редуцирует сюжет, имевший место почти за 20 лет перед этим, в «петрашевско-спешневском» периоде¹⁹. Однако приводит это к противоположным результатам – к унижению вместо обожествления: «Откровенно вам скажу: я и прежде не любил этого человека лично. Сквернее всего то, что я еще с 67-ого года, с Висбадена, должен ему 50 талеров (и не отдал до сих пор!)»²⁰. Мефистофель из И.С. Тургенева оборачивается подделкой (по крайней мере, для Ф.М. Достоевского). Позже между бывшими друзьями окончательно укрепляется демаркационная линия разлада. И.С. Тургенев усматривал причину длительной распри в «беспричинной страсти», главным образом, со стороны Ф.М. Достоевского. Достоевский же рьяно, на грани с истеричностью критикует творчество своего оппонента и его «аристократически-фарсерскую» манеру держаться.

Вполне возможно, что две эти «мефистофельские» истории выступили в роли определенного рода «допинга» для создания декораций к роману «Бесы» и прорисовки некоторых персонажей: Ставрогин наделен чертами Мефистофеля в его демонической модальности; Кармазинов (двойник Тургенева) в сравнении со Ставрогиным – пародия на беса, исполненная в гоголевском регистре. Не будем, впрочем, забывать, что произведение не стенографирует внутреннюю жизнь писателя и уж тем более не является плацдармом для экзекуций и опытов над «провинившимися» героями, художественная проза этот опыт моделирует.

Тем не менее, взаимозависимость бытия и сознания трудно оспаривать, и текст инсталлирует в виртуальное измерение комплексы автора. Финал романа – заключительный мощный аккорд в «бесовской» симфонии. Ни в одном другом произведении Ф.М. Достоевского нет такого количества насильственных смертей, нигде писатель настолько не погружается в интеллек-

¹⁹ О том, что и спустя 20 лет писатель помнил о деле Петрашевского и, более того, ассоциативно связывал кружок Петрашевского и дело Нечаева, красноречиво свидетельствует «Дневник писателя» за 1873 год: «Знаю, вы возразите мне, что я вовсе не из нечаевцев, а всего только из петрашевцев (...). Почему же вы не знаете, что петрашевцы не могли бы стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую же дорогу, в случае, если б так обернулось дело?» (Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки: В 3 т. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1. 1845–1875. – С. 409).

²⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 28, кн. 2. – С. 210.

туальный «теракт» апокалиптического масштаба: погибает Лиза Тушина, Николай Ставрогин, Кириллов, Шатов, Марья Тимофеевна Лебядкина²²...

В то же время «Бесы» – это вовсе не «реанимационный простор» для психики Достоевского, не протокол биографического дискурса, а мифологизированное пространство танатоса для его героев. В окончательном варианте романа импульсы зависти и ненависти рассеяны в таком количестве, что действие к концу произведения начинает балансировать на грани разнузданного фарса и ужаса. Весь роман буквально «прострочен» завистью: Лиза Тушина завидует Даше Шатовой, а Даша – Лизе, Степан Трофимович завидует Кармазинову из-за его славы, Варвара Петровна – Даше из-за ее молодости, Юлия Михайловна Лембке и Варвара Петровна же попеременно завидуют друг другу из-за переменчивого первенства в популярности среди высшего света уездного города, Петр Верховенский – Ставрогину из-за его харизматичности... И сама по себе эта плотность завистливых чувств содержит в себе вирус надвигающейся катастрофы. Аура едкого сарказма, интриг и зависти сгущается до символического взрыва и его жертвами становится впечатляюще большое число героев.

В заключение сделаем небольшое замечание. Тот факт, что в «Бесах» сюжетное действие, нарочито театрализованное, ярко подсвечено прожекторами зависти, сам по себе не является основанием для того, чтобы рассматривать этот роман как безоговорочную апологию зависти. «Бесы» одновременно и шире и уже зависти, подобно тому, как смысл романа не сводим к потаенной травматической ситуации, даже наиболее универсальной, равно как и пережитая автором внутренняя травма, как правило, не укладывается в прокрустово ложе текста (конечно, в том случае, если речь идет о художественном произведении, а не о психоаналитическом отчете).

²² Хотя и остается в живых Кармазинов, уезжая за границу, но и это вполне объяснимо. Необходимо учитывать особое – почвенническое – отношение писателя к родине. Для него отъезд за границу равнозначен смерти (разумеется, в онтологическом смысле, что, впрочем, не отменяет серьезности проблемы). Из воспоминаний А.Г. Достоевской: «Когда мы предполагали, что, пожалуй, нам еще целый год не придется увидеть России, то оба приходили в полное отчаяние: до того невыносимо становилось жить на чужбине. Федор Михайлович часто говорил, что если мы останемся за границей, то он “погиб”» (Достоевская А.Г. Воспоминания. – М.: Правда, 1987. – С. 217). Если исходить из этого допущения, то аналогия между гибелью и эмиграцией перестает быть метафорой.

Bernadeta Zadrović

NADIMCI U GRADIŠĆANSKOHRVATSKOM NASELJU
KOLJNOF (KÓPHÁZA)

Abstract: Sobriquets in a Burgenland Coatian village

Kópháza (in Croatian Koljnof, in German Kolhof) is a village of Burgenland Croats people situated in Győr-Sopron County. I did the research of the personal names in 2010. I did not rely on any written documents; I listed the oral denominations by visiting the informants.

The sobriquets are distinguished by their denotation. Some sobriquets are of first name, surname and profession origin. Other sobriquets refer to appearance, personality and origin, however, the root of some sobriquets is still unknown.

Beside the distinctive function the cause of the sobriquets' formation are simple human relationships which allow jokes and games.

Keywords: distinctive function- spoken language use - research of personal names
– Burgenland Croats

1. KOLJNOF (madj.KÓPHÁZA, njem Kohlenhof) je gradišćanskohrvatsko selo u zapadnoj Mađarskoj. Nalazi se u današnjoj Đursko-Mošonsko-Šopronskoj županiji sjeverozapadne Mađarske. Leži na pola puta između gradova Kőszeg (Kiseg; Güns) i Sopron (Šopron, Ödenburg), neposredno uz austrijsku granicu. Prvi mu pismeni spomen potiče iz 1429. godine, kao Kolphaza.. Prva hrvatska imena nađu se u povelji 1537. godine. Prema zadnjem popisu stanovništva (2004.) bilo je u selu 1974 stanovnika, iz koji 60 posto je Hrvata. Oni su svi rimskokatoličanske vjere. Crkva je posvećena u čast sv. Martina. Kajkavski pjesnik, Pavao Horvath se je brinuo za duhovni život vjernika (većinom na hrvatskom jeziku) više od 25 godina. Ovo malo naselje ima vrlo bogat kulturni život. I mladi i stari njeguju običaje u okviru tamburaški KUD-ova. Osnovitelj tamburaškog sastava „Goranci“ je János Szalmer, „Koljnofske žice“ i „Štrabanci“, su pod vodstvom Geze Volgyi. Žensku klapu „Golubice“ vodi Ildikó Bunyevác, a na čelu koljnofskih tamburašic „Ljepotice“, stoji Dora Grubits.

Podatke sam prikupljala 2010. godine na terenu za mojih višekratnih pohoda u naselje, i to u izravnom dodiru i razgovoru s ljudima, ne samo starije i najstarije životne dobi, nego i mladima. Zabilježila sam 156 nadimaka koji su u svakodnevnoj uporabi ili ih se još sjećaju u naselju iz prošlosti .

2. Prema istraživanjima G. Neweklowskog gradišćanski Hrvati se dijele na sljedeće jezične grupe: Hací, Poljanci, Dolinci, Vlahi i Štoji. Skupini narječja Haca i Poljan-

ca pripadaju sva hrvatska narječja sjevernoga Gradišća, tj. kotari Niuzalj (Haci), Željezno i Matrštof (Poljanci) te ostaci hrvatskih naselja na podnožju Lajtanske gore u Donjoj Austriji, hrvatska naselja bratislavskog mostobrana u Slovačkoj i dio hrvatskih naselja u Ugarskoj (u županijama Mošon i Šopron). Nasuprot ostalim skupinama narječja ikavsko – ekavskoga govora s regresivnim pomakom naglaska ovi se dijalekti, između ostaloga, razlikuju prema sljedećim značajkama: Isg a-osnovica na *-u* (tri sela Poljanaca imaju štoviše *-um*), *j* ispred *i*, zadržavanje glasa *l*, zadržavanje *m* u dočetu, zamjena *l* s *u*, naglasak na osnovnom slogu u oblicima *morati*, *žetva* prema *žatva*, *šli* prema *išli*, leksičke osobitosti kao *gre*, *pir*, *teg*, *zubatka* itd. (Neweklowsky 1995: 437)

I tako govor Koljnofa ulazi u govornu skupinu „Poljanci”, zajedno s govornima naselja na drugoj strani granice. S gledišta arealne lingvistike taj je govor u specijalnom položaju jer se nalazi u stranojezičnoj sredini: okružen je njemu genetski nesrodnim jezicima: s jedne strane njemačkim, a s druge mađarskim.

Koljnofčani su čakavci, upotrebljava se upitno-odnosna zamjenica *ča*. Možemo je naći i u oblicima vezanim prijedlogom: *nač*, *puoč*, *zač*, *vač*. Kad je zamjenica *ča* povezana s akuzativnim prijedlogom, reducira se vokal *a* i *č* se priključuje prijedlogu. (Moguš 1977: 22)

Antun Šojat u dviju svoji raspravama opiše jezik Koljnofa, što nas oslobađa prikazivanju nekoliko značajnih znakova tog govora u tom djelu. (ŠOJAT 1994: 346 i 1995 : 151 – 156)

3. U ovom se radu razmatraju obiteljski nadimci sela Koljnofa (Mađarska), koji su u današnjoj uporabi. Nadimci su podijeljeni u šest skupina, prema njihovom značenju i podrijetlu.

Nadimke dobro poznaju i upotrebljavaju ne samo stanovnici sela, čak i stanovnici okolnih sela, bez obzira na njihovu starost. U redovnoj su lokalnoj uporabi i među starima i mladima. Nazivi su prijeko potrebni, jer u selu ima više obitelji s istim prezimenom. Kako se selo mijenja, mijenjaju se i nazivi i stvaraju se novi. Može se dogoditi da neka obitelj ponekad ima i dva nadimka: *HERMINČIJOVI – BOLTOŠI*; *BULGARI – ČIČINI*; *ŠOŠOVI – MALINAROVI*;

Za većinu obiteljskih nadimaka članovi obitelji znaju i objasniti kako su nastali, na temelju čega se može zaključiti da su nastali prije više stoljeća i prelaze s naraštaja na naraštaj, a neki sigurno vuku svoje podrijetlo iz staroga zavičaja. Obiteljski nadimak često nosi pet ili više osoba. Broj je ovisan o veličini obitelji i roda. Neki nadimci nisu izgubili svoj semantički sadržaj i imaju jednako značenje koje su imali i u vrijeme nastanka, ali se takva istoznačnost ne mora odnositi i na današnja nositelja nadimka. Moguće je stoga sinkronijski opisati značenje takvih

nadimaka bez obzira na jezično gledište koje zapravo nije bitno, jer nadimak živi prema jezičnim zakonitostima kraja u kojem je nastao i obavlja svoju funkciju bez obzira na to što se značenjski ne podudara s imenovanim subjektom.

Budući da je govor ovog lokaliteta čakavski, nadimak pripada leksičkom inventaru toga govora – posjeduje njegove leksičke i jezične specifičnosti.

3.1. U prvoj su skupini nadimci koji su nastali od osobnog imena: *ADAMOVI*, *ANČIČINI*, *FRANCKINI*, *ĐONDINI*, *ĐURIJOVI*, *HANZINI*, *HONZOVI*, *KONROTOVI*, *MAĆINI*, *MATIČKINI*, *FRENKOVI*, *PAVAČEVI*, *PETROVI*, *MAĆINI*, *VENDELOVI*. Ovakve i slične različite tvorbe i deformacije osobnog imena postale su pravi nadimci, koji su se s vremenom prenijeli na sve članove obitelji i postali nasljedni.

3.2. U drugoj su skupini nadimci koji su nastali od prezimena: *BAUŠIĆEVI*, *BIEGLOVI*, *BIRIČEVI*, *BEHOČIĆEVI*, *GLUDOČEVI*, *GLUDOVČEVI*, *GUJAŠEVI*, *ĐIVOŠEVI*, *HAINDRIOVI*, *HAKLIJOVI*, *HANDRIOVI*, *MUZNARNOVI*, *KIRADIJOVI*, *LUDUČEVI*, *MOZALNOVI*, *MUZNARNOVI*, *SAJMARNOVI*, *SALMERNOVI*, *PALONNOVI*, *PLOTTINGEROVI*, *PREČEVI*, *PREUČIĆEVI*, *PREUŠIĆEVI*, *RAJŠILOVI*, *ŠARANGI*, *ŠEMPARNOVI* (od prezimena Schönbauer), *ŠTAJRIČEVI*, *ŠNAJDERNOVI*, *ŠVENGOVI* (od prezimena Taschek, što znači u grad. hrvata „švenga“), *TAUBERNOVI*, *TAUBARNOVI*.

3.3. U trećoj su skupini nadimci koji govore o raznovrsnosti onodobnog i sadašnjeg obrtništva te o zanimanjima naših gradišćanskih Hrvata u Koljnofu: *BOLTOŠI*, *BOUKTARNOVI*, *ČIŽMARNOVI*, *KOVAČEVI*, *MARINARNOVI*, *PANJINI*, *ŠKOLNIKOVI*, *ŠLOSSARKA*, *ŠTUJRINI* (od slova: štujrichter-sudac) *TUBIJOVI*, *URAR*, *JAPINI*.

3.4. U četvrtoj su skupini nadimci koji izražavaju neke crte karaktera, navike, ili rodbinske veze nominatora: *AUFOVI*, *ANĀELI*, *BONDORNOVI*, *BOMBAŠEVI*, *BOŽIČINI*, *BRISKINI*, *BRUKVINI*, *BUHOVI*, *BUNČULOVI*, *BUTTINI*, *CICKINI*, *CURINI*, *CZMORINI*, *DRAUBIĆEVI*, *FAJFOŠEVI*-*FAJFOŠI*, *KINIGNOVI*, *KRAJČEVI*, *KOSTINI*, *LENČINI*, *LUKINI*, *PAJDAČEVI*, *PIUČEVI*, *PIKKARNOVI*, *PIPLIČINI*, *PODALJOVI*, *ŠTAJRINI*, *TORNOVI*,

3.5. U petoj su skupini nadimci koji izražavaju iz kojeg naselja ili iz kojeg kraja svijeta ima podrijetlo stanovnik doseljen u Koljnof: *BULGARI*, *HORAČEVI*,

3.6. U šestoj su skupini nadimci za koje članovi obitelji danas više ne znaju objasniti kako su nastali: *BABRINI, BAJBAROVI, BAJSUNOVI, BAŠŠINI, BEDLOVI, BEHOČIĆEVI, BEJDULOVI, BUCLOVI, BUCULOVI, BURGLIJOVI, CIBULJEVI, ČINI, DINDIJOVI, DINKINI, DÖRIČINI, DURBINI, ĐUJSULOVI, ELIJOVI, FERJINI, FRUŠLJOVI, GAJDULOVI, GANOVI, GAZDINI, GEBARI, GRANNAROVI, DEVINI, GLUDOŠEVI, GRENNEROVI, HOLLEROVI, IAČEVI, JOKLIJOVI, JUJCULOVI, JUKAROVI, KAPLJOVI, KOKIČINI, KULOŠEVI, KUTKINI, LAJKUŠEVI, LJUKANOVI, LONKIČEVI, MANĐIJOVI, MARUČINI, MATTINI, MEJTINI, MERKLJIJOVI, METALJZOVI, MOLOŠKINI, MUJDINI, OLJKOVI, OPPOŠIĆEVI, PAUDINI, PAJDAČEVI, PAJGINI, PALONOVI, PEJDAČEVI, PIKULJ, POKULJINI, PULINI, PREUKINI, ŠARJUOVI, ŠIMINI, ŠMEKOVI, ŠNAJDEROVI, ŠPIRKILJOVI, ŠTUČEVI, ŠLOGLIJOVI, SUMAROVI, TOMBIJOVI, TOMIČINI,*

4. Navedeni su podaci dokaz bogatstva naše imenske građe i stvaralačkog duha našega naroda u prošlosti, te mogu biti temom posebne studije za sva naselja Gradišća.

Zahvaljujem se kazivačima, DÓRI GRUBITS (1988) ANTONU PAYRITSU (1918) i njegovoj ženi JUSZTINI PRESITS (1927). Iskreno poštovanje izražavam FERENCU GLUDOVATZU (1943) i ženi njegovoj MATILDI MATTOVITS (1946) koji su mi ponudili najviše podataka.

Literatura

- Dr. Ivan BRABEC: Hrvatski govori u Gradišću. In: Gradišćanski Hrvati, Uredili: Zvane Črnja, Mirko Valentić, Nikola Benčić, Čakovski Sabor, Zagreb, 1973.
- Ivan DOBROVIĆ: Naši Hrvati u dobi reformacije i prva stoljeta u novoj domovini, Knjiga XIX. Hrvatskoga Nakladnoga Društva, Železno - Beč, 1955.
- Milan MOGUŠ: Čakavsko narječje, fonologija, Zagreb, 1977.
- Gerhard Neweklowsky: Hrvatska narječja u Gradišću i susjednim krajevima. In: Povijest i kultura gradišćanskih Hrvata, Nakladni zavod Globus, Zagreb, 1995.
- Antun ŠOJAT: O koljnovskom govoru. In: Rasprave zavoda za hrvatski jezik XIX, Zagreb, 1994 (346)

- Antun ŠOJAT : Čakavski govor u Koljnovu. In: V. Nemzetk0zi Szlavisztikai Napok.
Szerk.:Gadányi Kéroly, Szombathely, 1995 (151-156)
- Petar ŠIMUNOVIĆ: Hrvatska prezimena: podrijetlo, značenje, rasprostranjenost, Zagreb,
Golden marketing, 1995

Елена Захарова

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПОДДЕРЖКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

Abstract. The Russian Federal Agency for Commonwealth of Independent States, Compatriots living abroad and for International Humanitarian Cooperation focuses on broadening cooperation with foreign countries in the sphere of culture and education.

An indispensable part of this activity deals with rendering assistance in the process of teaching and studying the Russian language throughout the world. This work is carried out in 3 main directions:

- organization of the Russian language courses on the basis of the Russian Cultural Centres abroad;
- rendering methodological assistance to the Russian language teachers in the foreign countries by organizing International Regional forums, conferences and seminars on urgent issues of methodology and description of the Russian language;
- realization of educational and cultural and projects in cooperation with Russian and foreign partners (Years of Russia and the Russian language abroad, Weeks and Days of the Russian language and education, festivals, book fairs etc.).

The Agency interacts with National Ministries of Education, National Associations of teachers of the Russian language and literature, the universities and other educational institutions. This cooperation helps to draw attention to the Russian language, literature, education, culture and to Russia as a whole.

Keywords: the sphere of culture and education, Russian language and literature, the process of teaching and studying the Russian language throughout the world.

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) является федеральным органом исполнительной власти Российской Федерации. В текущем году исполняется 85 лет со дня создания этой организации, деятельность которой всегда была направлена на развитие гуманитарного сотрудничества, укрепление культурных и образовательных связей с зарубежными странами.

Одним из важнейших направлений деятельности Агентства является поддержка изучения и преподавания русского языка за рубежом. В своей работе в данной сфере Россотрудничество активно использует потенциал Российских центров науки (РЦНК) и представительств, действующих более чем в 70 странах мира.

Эта деятельность осуществляется по трём направлениям:

- организация курсового обучения на базе РЦНК;

- оказание методической поддержки зарубежным национальным центрам русистики и отдельным специалистам в области русского языка;
- проведение разноплановых мероприятий образовательного и культурно-просветительского характера.

В настоящее время курсы русского языка функционируют на базе 48 РЦНК в 43 странах. Традиционно наиболее посещаемыми являются курсы в Египте, Франции, Австрии, Вьетнаме. За последние годы существенно увеличилось число учащихся на курсах в Болгарии, Польше, Узбекистане и Венгрии. Россотрудничество уделяет большое внимание развитию социальной и профессиональной направленности курсов, ориентированию преподавания на различные целевые аудитории. Популярной формой стали интенсивные и краткосрочные курсы для работников государственных ведомств и служб, авиакомпаний, банков, гостиниц и туристических фирм.

В ряде стран действуют специализированные курсы: для будущих учителей русского языка, для гидов-переводчиков, курс по изучению языка российских СМИ и другие.

На курсах русского языка существует такая форма работы, как проведение сертификационного тестирования иностранных граждан по русскому языку и целенаправленной подготовки к нему. Этой работой охвачено около четверти курсов Россотрудничества. Общее число слушателей во всех странах в 2010 году составило более 15 000 человек.

К настоящему моменту Агентством разработан проект ведомственной целевой программы под названием «Единая российская система курсового обучения русскому языку за рубежом» на 2012 – 2014 годы. В соответствии с Программой предусматривается формирование единой учебно-организационной структуры и создание современной материально-технической базы российской системы курсового обучения, кадровое обеспечение и оказание рекламно-информационной поддержки преподаванию русского языка в зарубежных странах.

Усилия Россотрудничества направлены на развитие курсов как многофункциональных центров русистики, которые не только предоставляли бы гражданам зарубежных стран возможность изучать русский язык, но и открывали бы доступ к интересующей их литературе, русскоязычному Интернету, сертификационному тестированию по русскому языку, повышению квалификации на русском языке, становились бы местом профессионального общения местных русистов между собой и с российскими коллегами.

Россотрудничество уделяет внимание и вопросам изучения русского языка в национальных учебных заведениях. В Австрии при поддержке Российского центра науки и культуре в Вене организовано два курса русского языка. Один – в старейшей венской школе Шоттенгимназиум, другой – в

средней школе г. Вены Штифгассе для учеников 5 – 7 классов. В Монголии введено преподавание русского в качестве обязательной дисциплины для 7 – 11 классов средних школ. В Греции в 11 гимназиях с первого года обучения (5 класс общеобразовательной школы) в основную учебную программу введено преподавание русского языка.

В Азербайджане планируется реализация проекта по углублённому изучению русского языка в 50 общеобразовательных школах страны.

Еще одним направлением работы Россотрудничества, связанной с поддержкой преподавания и изучения русского языка, является оказание методического содействия национальным специалистам-русистам.

В странах СНГ, где русский язык часто является средством профессионального и делового общения, Россотрудничество планирует создание учебно-методических центров русского языка в целях оказания содействия национальным специалистам в области преподавания не только русского языка, но и литературы, культуры. Предполагается разработка национально-ориентированных учебно-методических пособий по русскому языку, создание целой системы повышения квалификации преподавателей на регулярной основе.

Первый такой учебно-методический центр русского языка был открыт в Армении на базе РЦНК в г.Ереване в декабре 2009 года. Сегодня по программам, разработанным специалистами центра, русскому языку обучается около 500 человек. Предполагается создание подобных центров в других странах СНГ, где открыты и действуют РЦНК.

В странах дальнего зарубежья научно-методическая работа осуществляется посредством проведения различных мероприятий учебно-методического характера: научно-практические конференции, семинары, круглые столы. Одна из наиболее продуктивных форм деятельности Агентства в данной сфере – проведение международных региональных форумов русистов. Подобные мероприятия позволяют учитывать национальные особенности и исторические традиции функционирования и изучения русского языка в странах конкретного региона. Сложилась практика проведения таких форумов в Азии, Европе, Африке. Венгерским русистам, несомненно, известен форум «Братиславские встречи» (Словакия), посвящённый проблемам функционирования и изучения русского языка в странах Центральной и Восточной Европы.

Далее по степени значимости следует назвать научно-практические конференции. Примером может служить международная конференция на тему «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания», которая ежегодно проходит в Российском культурном центре в Будапеште. Весной 2011 года конференция будет проводиться в 16 раз. Важную

роль играют и организуемые на регулярной основе семинары для преподавателей-русистов. В частности, такие семинары на протяжении ряда лет также проводятся на базе РКЦ в Будапеште.

В настоящее время и в России и за рубежом большое значение придается вопросам использования современных информационных технологий, интернет-ресурсов и в процессе обучения русскому языку, и при проведении научно-методических мероприятий для преподавателей. Такая конференция на тему «Русский язык@Литература@Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом» впервые была проведена в 2009 году совместно с МГУ с участием представительств Россотрудничества в 5 странах (Венгрия, Словакия, Израиль, Азербайджан, Украина). Проведение научно-методического мероприятия в новом формате позволило венгерским русистам обсудить с зарубежными и российскими специалистами в области преподавания русского языка вопросы, связанные с повышением эффективности учебного процесса, применением современных материалов и информационно-коммуникационных технологий при обучении русскому языку как иностранному в реальном режиме времени.

Россотрудничество и его зарубежные представительства уделяют большое внимание организации не только научно-методических и образовательных, но и культурно-просветительских мероприятий, направленных на привлечение интереса зарубежных граждан к русскому языку, литературе, культуре. Это Недели, Дни русского языка, праздники русской словесности, книжные выставки, фестивали. Очень важным является проведение крупномасштабных акций, таких, как Год русского языка в мире (2007). В течение Года русского языка была реализована насыщенная мероприятиями зарубежная программа более чем в 70 странах мира. Не случайно 2007 год дал импульс к закреплению наметившейся в некоторых странах Европы, Азии и Америки тенденции к восстановлению интереса к изучению русского языка.

Закономерным продолжением такой акции, как Год русского языка в мире, является проведение Годов русского языка в отдельных странах. Так, например, 2009 год был объявлен Годом русского языка в Китае, одним из событий которого стало открытие в сентябре 2010г. Российского культурного центра в Пекине, где будет организовано обучение русскому языку. 2011 год станет Годом России в Италии, где также планируется открытие культурного центра, а в дальнейшем – и курсов русского языка.

Различные мероприятия, направленные на поддержку преподавания и изучения русского языка, популяризацию языка, литературы, проводятся в соответствии с собственными планами представительств Россотрудничества (РЦНК) и в рамках федеральной целевой программы «Русский язык». На период 2011 – 2015 гг. Россотрудничеством совместно с Минобрнауки России разработана новая программа, предусматривающая проведение различ-

ных мероприятий, организации поставок учебно-методической литературы, компьютерного оборудования в зарубежные страны, а также разработку совместными авторскими коллективами национально-ориентированных учебников по русскому языку и создание системы дистанционного обучения русскому языку.

Следует отметить, что большинство мероприятий по русскому языку проводятся в тесном взаимодействии с партнёрскими организациями, как в России, так и за рубежом. В России – это Министерство образования и науки, различные ведомства и организации, такие как фонд «Русский мир», специализированные книжные издательства, российские вузы.

Совместно с российскими вузами проводятся образовательные выставки, Недели, Дни русского языка и российского образования. Со своей стороны РЦНК оказывают содействие вузам в распространении информации о возможностях прохождения местными специалистами профессиональных стажировок и условиях обучения иностранных граждан в России как на контрактной основе, так и за счет средств федерального бюджета. В соответствии с выделяемой Россотрудничеству квотой осуществляется отбор и направление кандидатов из числа иностранных граждан на учебу в российские вузы по программам бакалавриата и магистратуры. В 2010 г. из Венгрии на обучение в Россию было направлено 4 человека.

Наиболее тесное сотрудничество осуществляется с такими вузами, как МГУ, РУДН, СПбГУ. Одним из многолетних партнёров Россотрудничества в сфере высшего образования является Гос.ИРЯ имени А.С.Пушкина. Для Венгрии это также важный партнёр, т.к. на каждый из трёх факультетов Института (филологический, факультет обучения иностранных студентов и факультет повышения квалификации) ежегодно приезжают венгерские преподаватели и студенты на краткосрочные стажировки и полный курс обучения. В октябре 2010 г. в Институт было направлено около 20 студентов экономического профиля.

Среди российских партнёров Россотрудничества – специализированные книжные издательства, совместно с которыми представительства Россотрудничества участвуют в различных образовательно-лингвистических выставках, включая такие, как «Эксполанг» во Франции, «Эксполингва» в Германии. Хорошо известны венгерским специалистам-русистам издательства «Златоуст» и «Русский язык. Курсы», совместно с которыми проводятся ежегодные конференции и другие мероприятия образовательного характера. Учебно-методическая литература указанных издательств активно применяется на курсах русского языка, функционирующих на базе Российского культурного центра в Будапеште и РЦНК в других странах.

Зарубежными партнёрами Агентства являются министерства образования, образовательные ведомства, национальные ассоциации преподавателей русского языка и литературы, центры русистики, высшие и средние учебные заведения (как столичные, так и региональные). В Венгрии с участием партнёрских организаций проводятся различные мероприятия научно-методического, образовательного и культурно-просветительского характера. Существенную поддержку представительству Россотрудничества в работе на данном направлении оказывает Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Будапештский университет имени Л.Этвеша, ведущие высшие учебные заведения страны.

Давним и активным партнёром Российского культурного центра в Будапеште в деле популяризации русского языка в Венгрии является Западно-Венгерский университет. Представляется, что и в дальнейшем совместная деятельность, связанная с реализацией образовательных и культурно-просветительских проектов будет успешной и позволит привлечь внимание самой широкой аудитории к русскому языку, российской литературе, культуре и к России в целом.

Zoltán András

A CIRILL BETŰS ÁTÍRÁS AKTUÁLIS KÉRDÉSEI

Abstract: The billing rules of the transcription of names from Slavic languages with Cyrillic alphabet into Hungarian have to be renewed now because of the political changes in East Europe. The Ukrainian and Belarusian geographical names of the former Soviet Union were transcribed from Russian and these of Macedonian in former Yugoslavia from Serbo-Croatian. The geographical nomenclature of this languages must be now induced into Hungarian maps, newspapers and popular book production.

Keywords: Transcription, Cyrillic alphabet, geographical names, Hungarian, Ukrainian, Belarusian, Macedonian.

A magyar helyesírás szabályai 1984. évi 11. kiadása (AkH.¹¹) — az 1954. évi 10. kiadáshoz (AkH.¹⁰) képest — új megoldást választott a nem latin betűs írású nyelvek neveinek átírása terén: a szabályzatban magában az átírás elveit rögzíti csak, miközben csak utal a részletes szabályokat tartalmazó kézikönyvekre, a cirill betűs átírás esetében az alábbi kiadványra: *A cirill betűs szláv nyelvek neveinek magyar helyesírása – Az újgörög nevek magyar helyesírása*. Főszerkesztő Hadrovics László. Szerkesztő Zoltán András. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985 (=CirÚjg. 1985).¹ A cirill betűs szláv nyelvekre vonatkozó szabályokat az MTA akkori Szláv Nyelvészeti Bizottsága és Helyesírási Bizottsága alakította ki, és a két bizottság 1978. február 17-i együttes ülésén foglalta határozatba.²

A magyar helyesírás szabályai készülő új, 12. kiadása (AkH.¹²) ezt a megoldást jelenleg nem választhatja, mivel a fenti átírási kézikönyv néhány lényeges pontjában és ennek következtében példaanyagában is menthetetlenül elavult.

A Szovjetunió (SzU) felbomlása (1991) után automatikusan érvényét veszítette az a szabály, amelynek értelmében a SzU összes nem latin betűs írású nyelvének földrajzi neveit az oroszról kellett átírni, vagyis az észt, a lett és a litván kivételével „a világ egy hatodának” összes földrajzi nevét (Jkv. 1978, 2. és 9. pont, CirÚjg. 1985, 35–36., 77–78., 93.). A cirill betűs írású szláv nyelvek közül ez a

¹ Mivel ennek a kiadványnak a megjelenése az AkH.¹¹ szerkesztőinek reménye szerint megelőzte volna az AkH.¹¹ megjelenését, a szabályzat 220. pontjában (a későbbi levonatokban is) a kiadvány megjelenési éveként az utóbb tévesnek bizonyult 1984-es évszám szerepel. Az évszámmal nem volt szerencsénk a sokkal későbbi OH. szerzőinek sem: náluk kiadási évként 1983 van feltüntetve (Laczkó Krisztina, Mártonfi Attila, *Helyesírás*. Bp.: Osiris, 2004. 1505)

² Jegyzőkönyv az MTA Szláv Nyelvészeti Bizottságának és Helyesírási Bizottságának 1978. február 17-i együttes üléséről: *A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományok Osztályának Közleményei* 32 (1981), 193–194. (= Jkv. 1978)

fehéroroszt és az ukránt érinti. Ezek esetében előtérbe kerül az az általános szabály, hogy Fehéroroszország és Ukrajna földrajzi neveit is közvetlenül a fehéroroszból, illetve az ukránból kell átírni. A napi gyakorlat hamarosan felül is bírálta a hirtelen elavult szabályozást, de mivel az MTA 1991 óta nem reagált a szomszédunkban zajló eme változásra, s azóta, mondhatni, „mulasztásos törvénysértésben van”, sok név esetében kaotikus helyzet alakult ki. Régen megérett tehát az idő arra, hogy az MTA illetékes testülete rendezze az ukrainai és fehéroroszországi helynevek magyar helyesírásának, sőt sokszor nem is csak helyesírásának, hanem névhasználatának a kérdéseit is. A részletesebb térképeken szereplő sok száz földrajzi név esetében ez nem okozna nehézséget, egyszerűen a megfelelő léptékű ukrán, illetve fehérorosz nyelvű térképekről át kellene írni a neveket immár az ukrán és a fehérorosz nevek amúgy már annak idején jóváhagyott szabályai szerint. A nagyobb objektumok esetében azonban a mechanikusan átírt alakok mellett javaslatot kellene tenni az egzonímákra, vagyis a magyarban hagyományosan másként, nem az átírás — és a fentebb vázolt okokból — különösen nem az ukrán átírás szabályai szerint meghonosodott névalakokra, mivel a legnagyobb zűrzavar az egzonímák kiválasztásában és használatában van. Kárpátalja területén ez nem gond, hiszen a településeknek megvan a hagyományos magyar nevük is. Ukrajna távolabbi vidékein azonban lehet, hogy a magyar hagyományos alaknak éppen az oroszból átírt alak minősülhet éppen az említett sok évtizedes szovjet korszakbeli gyakorlat miatt. Így például a mai Ukrajnáról szóló egyik friss tanulmánykötetben³ az oroszból és az ukránból átírt alakok és a hagyományos történelmi nevek színes (de korántsem mindig logikus) kavalkádját látjuk. A magam részéről egyetértek azzal, hogy *Kijev* az ismertetett kötetben továbbra is *Kijev* (és nem *Kijiv*), ugyanakkor megtartanám *Odesszát*, de talán még *Harkovot* is (a könyvben *Odesza*, illetve *Harkiv*). Külön kérdés a *Lemberg* városnév. A kárpátaljai magyar értelmiség tapasztalatom szerint csak ezt használja, de nem vagyok benne biztos, hogy a magyarországi „művelt nagyközönség” nagyobb része hibátlanul azonosítaná-e ezt a várost a térképein *Lvov* (vagy újabban *Lviv*) néven szereplő várossal.⁴ *Lemberg* kétségtelenül

³ *Ukrajna színeváltozása 1991–2008. Politikai, gazdasági, kulturális és nemzetiségi attitűdök.* Válogatta és szerkesztette Fedinecz Csilla és Szereda Viktória. Pozsony: Kalligram Kiadó, 2009.

⁴ Persze attól is függ, hogy ki milyen térképet használ. Az egyik középiskolai atlasz (*Középiskolai földrajzi atlasz.* Bp.: Cartographia Tk., 1990, 59., 63., 134.) szerint az oroszból átírt *Lvov* a magyar alak, alatta zárójelben szerepel az ukránból átírt *Lviv*, hasonlóképpen *Kijev* (*Kijiv*), *Harkov* (*Harkiv*), de csak oroszból van átírva *Csernobil* (ukr. *Csornobil*), *Dnyepetrovorsz* (ukr. *Dnyipropetrovorsz*), *Donyeck* (ukr. *Doneck*), viszont csak ukránból van átírva *Zaporizzsja* (orosz *Zaporozsje*), *Csernyivci* (orosz *Csernovci*). Ezzel szemben a másik középiskolai atlasz szerint (*Földrajzi atlasz a középiskolák számára.* Bp.: Nemzeti Tankönyvkiadó Zrt., Líra és Lant Zrt, Topográf Térképészeti Kft., 2007) egyik térképén (32.) *Lemberg* a város „magyar” neve, alatta itt is zárójelben szerepel az ukránból átírt *Lviv*,

könnyebben ejthető, mint a *Lvov* vagy a *Lviv*, de rögtön felveti azt a kérdést, hogy *Olmütz*-e még *Olomouc*, *Brünn*-e még *Brno*, *Danzig*-e még *Gdańsk* a mai fiatalok és a középnemzedék használatában. Valószínűleg már nem, mert a mai magyarországi média és az iskolai földrajzoktatás a hivatalos csehországi és lengyelországi helyneveket említi, bármennyire megerőltető és esetleg helytelenre is sikerül a kiejtésük, míg a német nevek többnyire csak történelmi és/vagy frazeológiai kontextusban tűnnek fel (*brünni torta*, *olmützi alkotmány*, *danzigi korridor*). Az ukrainai *Lviv* magyar egzonímájaként a magam részéről a szabályosan magyarosodott (és ezért könnyen ejthető) régi *Ilyvó* névalak felelevenítését javasolnám. Mindezek a felvetések az említett átírási kézikönyv elengedhetetlenül szükségessé vált új kiadásának előkészítése során szakemberek széles körének bevonásával lefolytatott alapos vita után nyerhetnének megnyugtató megoldást.

A fentiekből látható, hogy a CirÚjg. 1985 ukrán és fehérorosz anyaga sürgős átdolgozásra szorul: az ukrainai és a fehéroroszországi földrajzi nevek kiiktatandók az orosz példatárból, és beveendő a ukrán, illetve a fehérorosz példatárba, ahol a mechanikusan átírt alakok feltüntetése mellett a nagyobb, illetve közismertebb objektumok esetén állást kellene foglalni az ajánlott egzonímák kérdésében is.

Itt jegyzem meg, hogy az orosz példatár ettől függetlenül is felfrissítésre szorul, mivel több ismert orosz város visszavette történelmi nevét. Így *Kujbisev* (*Куйбышев*) ma ismét *Szatará* (*Самара*), a *Kujbisevi terület* (*Куйбышевская область*) ennek megfelelően *Szatarai terület* (*Самарская область*), *Gorkij* (*Горький*) ismét *Nyizsnij Novgorod* (*Нижний Новгород*), ennek megfelelően a *Gorkiji terület* (*Горьковская область*) *Nyizsnij Novgorod-i terület* (*Нижегородская область*); viszont *Leningrád* (*Ленинград*) ma ugyan újból *Szentpétervár* (*Санкт-Петербург*), de a *Leningrádi terület* (*Ленинградская область*) megtartotta szovjet korszakbeli nevét, hasonlóképpen *Szverdlovszk* (*Свердловск*) ugyan újból *Jekatyerinburg* (*Екатеринбург*), de továbbra is a *Szverdlovszki terület* (*Свердловская область*) székhelye.

egy másik térképén (41.) *Lviv* a város „magyar” neve, alatta kerek zárójelben „eredeti ukrán” névként szerepel az orosz *Lvov* és szögletes zárójelben a német *Lemberg*. A szögletes zárójel funkciójáról sehol sem találtam eligazítást, de mivel ugyanott szerepel a *Bilhorod Dnyisztrovszkij* [*Dnyeszterfehérvár*] városnév, valószínű, hogy e térkép szerkesztői szerint a „magyar” *Lviv* és az „államnyelvi” *Lvov* mellett a harmadik helyen, szögletes zárójelben szerepeltetett *Lemberg* a város magyar történelmi neve. — Ugyanitt a monarchiabeli *Czernowitz* magyarul *Csernovic* (zárójelben itt most a valóban államnyelvi — vagyis ukrán — *Csernyivci* áll). Ez utóbbi atlasz minden zavarossága ellenére esélyt ad használójának arra, hogy pl. a Magyar Rádió 2009. november 2-i adásában az ukrainai influenzajárvánnyal kapcsolatban elhangzó *Lemberg* városnevet azonosítsa az ugyanaznap Magyar Nemzetben hasonló összefüggésben említett *Lviv*-vel.

Nem tartható ma már a Jkv. 1978 10. pontja sem, amely arról intézkedett, hogy az egykori Jugoszlávián belüli Macedón Szocialista Köztársaság földrajzi neveit a térképeken a szerbhorvát hivatalos latin betűs átírás szerint kell írni, mivel ennek indoka ugyanis — hogy ti. „egy országon — Jugoszlávián — belül a névírás egységes legyen” (CirÚjg. 1985, 123.) — Jugoszláviával együtt megszűnt. Nincs tehát immár semmi akadálya annak, hogy a mai Macedón Köztársaság földrajzi neveit közvetlenül a macedónból írjuk át, ahogy ezt a *Földrajzi atlasz a középiskolák számára* (Bp.: Nemzeti Tankönyvkiadó Zrt., Líra és Lant Zrt, Topográf Térképészeti Kft., 2007, 39.) teszi is (*Szkopje, Velesz*). A gyakorlat nem egységes: a *Középiskolai földrajzi atlasz* (Bp.: Cartographia Tk., 1990, 57.) még *Skopje, Veles* alakban írja a macedón *Скопје, Велес* városneveket.

Az ellentmondásos gyakorlat megszüntetése érdekében — úgy is, mint a CirÚjg. 1985 hajdani szerkesztője — javaslatot teszek a *Cirill betűs szláv nyelvek neveinek magyar helyesírása* a fentiekben vázolt átdolgozására és új kiadásban való megjelentetésére (esetleg az újjörög rész elhagyásával, ha abban nincs szükség lényeges változtatásra). Erre az AkH.¹² előkészítése folyamán azért is nagy szükség lenne, hogy az új szabályzat a cirill betűs átírás kérdésének tárgyalásakor már egy aktuális kézikönyvre utalhasson majd.

INDEX

Pozdravna riječ prof. dr. Karla Gadanyija.....	5
Marija Bajzek Lukač: <i>Nastajanje prekmurskega strokovnega jezika</i>	7
Иштван Бакони: <i>Русский менталитет в эпоху глобализации</i>	15
Bañcerowski Janusz: <i>A munka fogalmának nyelvi képe a horvát, lengyel, magyar, orosz és ukrán nyelvben a kérdőíves anyag tükrében</i>	21
Ernest Barić: <i>Mađarske internetske stranice o hrvatskom jeziku</i>	35
Anja Benko, Zinka Zorko: <i>Leksika v Mukičevem romanu Garaboncijaš</i>	43
Elizabeta Bernjak: <i>Medkulturna konvergenca v frazeologiji</i>	55
Đuro Blažeka: <i>O priložima kao vrsti riječi u preloškoj skupini međimurskog dijalekta</i>	67
Timea Vočkovac: <i>Jezik na informacijsko-komunikacijskoj „prometnici” 21. stoljeća</i>	89
Мария Черняк: <i>Культуртреггерские проекты российской массовой литературы начала XXI века</i>	109
В.Д.Черняк: <i>Функционирование отглагольных существительных: тенденции современной речи</i>	121
О.Г.Дилакторская: <i>Символы «петербургского периода» и психотип героя в понимании Пушкина, Гоголя, Достоевского</i>	131
Dudás Mária: <i>A bolgár igei valencia néhány sajátossága</i>	141
Dziewońska-Kiss Dorota: <i>A nyelvi világgép fogalmának szerepe a glottodidaktikában</i>	161
Elizabeta Emberšič Škaper, Ibolya Dončec Merkli: <i>Jezikovne značilnosti govora odseljenih porabskih Slovencev</i>	171
Фрешли Михай: <i>Преподобный Сталин – возможна ли канонизация?</i> ..	179
А.В. Гостева: <i>Балладная традиция в лирике Ф.Сологуба</i>	189
Robert Hajszan: <i>Mađarske posuđenice u gradišćansko-hrvatskom jeziku i u govornu južnog Gradišća</i>	197
Мария Янкович: <i>Межкультурная коммуникация в зеркале венгерского перевода «Антоновских яблок» И.А.Бунина</i>	219
Marko Jesenšek: <i>Kardoš in prekmurski knjižni jezik</i>	231
А.П.Клименко, Е.В.Мозоль: <i>Реалии и лакуны в процессе понимания текста</i>	241
Михай Кочиш: <i>Надстрочные знаки в рукописях XVI века</i>	249
Krékity Tamás: <i>O motívu davanja nadimaka kod Vinjevaca u Gari</i>	255
Виктория Лебович: <i>Тарас Шевченко в творчестве украинских и русских художников</i>	265
Lesfalviné Csengődi Ágnes: <i>20. századi szlovák-magyar terminológiai szótárak, különös tekintettel a jogi szótárakra</i>	281
Stjepan Lukač: <i>Tragovi sinkretizma u prozi Šimuna Grebla</i>	289

Mersich Zsuzsanna: <i>Személynevekből alakult horvát családnevek Horvátzsidány és Ólmod településeken</i>	295
Моисеенко Виктор, Моисеенко Людмила: <i>Ещё раз о составных хоронимах Белая Русь, Чёрная Русь, Червоная Русь, Великая Русь, Малая Русь</i>	307
Ангелика Молнар: <i>Вегетативные метафоры романа Бальзака «Утраченные иллюзии» в романе Гончарова «Обыкновенная история»</i>	331
М.Нири, Е.Г.Ростова: <i>«Лингвострановедческие словари: становление жанра»</i>	341
István Nyomárkay: <i>Mađarske riječi u hrvatskom prijevodu Verbecijeva Tripartituma</i>	351
Patócs-Fehérvári Petra: <i>A bolgár син és голъб 'kék' szavak eredete a szláv nyelvekben és a magyarban</i>	357
Иштван Пожгаи: <i>Употребление дательного самостоятельного в Будапештском евангелии</i>	369
Елена Савельева, Ирена Страмлич Брезник: <i>Концепт движения во фразеологизмах словенского литературного языка</i>	383
Szabó Tünde: <i>Сонечки и душечки. Литературные прототипы «Сонечки» Л.Улицкой</i>	395
Галина Ивановна Стрепетова: <i>Теле/радиоречь и орфоэпическая культура носителей современного русского языка</i>	403
О.В.Сулемина: <i>Творчество как сон (Об одном мотивном комплексе в лирике А.С.Пушкина 1813-1824 гг.)</i>	409
Супрун-Белевич Л.Р., Иванов К.И.: <i>Лексико-тематическая группа как объект для сопоставительного исследования лингвокультурного пространства. Обозначения пицци из зерна в русском и болгарском языках</i>	417
О.К.Ваганова: <i>«Бесы» - плод «зависти»? Опыт исследования одной модели поведения в мире Ф.М.Достоевского</i>	425
Bernadeta Zadrović: <i>Nadimci u gradišćansko-hrvatskom naselju Koljnof (Kópháza)</i>	431
Елена Захарова: <i>Деятельность Россотрудничества в сфере поддержки преподавания и изучения русского языка в зарубежных странах</i>	437
Zoltán András: <i>A cirill betűs átírás aktuális kérdései</i>	443

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The manuscripts must be sent in electronic form, if possible in the Microsoft Word file format, to Kányó Anita (kanita@btk.nyme.hu) or Moiseyenko Viktor (mviktor@btk.nyme.hu).

- 1 **In the electronic version** the text of the article and the illustrations must be submitted in two separate files. Standard True Type fonts must be used (Times New Roman, Courier New, Arial, etc.). All fonts which contain non-standard symbols must be added in a separate file. Font size: 11.
- 2 **Examples** must be given in italics and their meaning between quotation marks.
- 3 **The English language abstract** of no more than 200 words must appear on the first page of the article and it must reflect the basic arguments of the author. 4-6 **keywords in English** must be added.
- 4 **The bibliography** in the journal to be formatted like this:
The literature appears at the end of the article in an alphabetical order of the authors in the following way:
 - The "code of the work" (author's name, date of publication of quoted work), (=) or a hyphen, the author's initials and family name, the title of the work. If there are more than two authors, the designation of one author is permitted with the addition of «и др.» or "et al".
 - If the work is a monograph, the place and date of publication must be preceded by a full stop.
ЗАЛИЗНЯК 1995 = ЗАЛИЗНЯК А.А. Древненовгородский диалект. Москва, 1995.
 - If the work is an article, a hyphen or a slash must precede the name of the journal. Standard abbreviations are allowed here. E.g.
ТРУБЕЦКОЙ 1990 – ТРУБЕЦКОЙ Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ, 1990. №2.
 - If the work is a collection or similar publication, the "code" must be either of the following options: (a) the name of the editor (or the names of the editors where the above abbreviations are also allowed) and the year, hyphen, the initials and family name of the editor followed by "ed.", etc. (b) short title and year of publication.
GREENBERG 1978 – GREENBERG J. (ed.). Universals of human language. Capital letters? V. I. Method and theory. Standford (California), 1978.
UNIVERSALS 1978 – Universals of human language. V. I. Method and theory. Standford (California), 1978.
- 5 References to the literature in the text must be given in brackets; the family name of the author (and the initials if necessary to avoid confusion), the year of the publication and the number of the page quoted (if necessary). E.g. (ИВАНОВ В.В. 1992:34), (JONES W. 1890). If several works of the same author published in the same year are listed in the bibliography, use the following disambiguation method: (JAMES W. 1890a).
- 6 The footnotes are to be numbered continuously.
- 7 All the authors receive ten copies of their article, so please give your postal address to the board of editors.